

A microscopic image of plant tissue, likely a cross-section of a root or stem. The image shows large, polygonal cells with thick, dark cell walls. The cells are arranged in a somewhat regular pattern, with some cells showing prominent, dark, circular nuclei. The overall color is a mix of purple, blue, and brown, suggesting a stained specimen.

МКС

Превратности судеб

Превратности судеб. Дары и проклятия.

Пролог.

Внешнее кольцо Юпитера. Станция Архимед Галло. 2473 год.

Полное Погружение — так это называл Картранский.

Он говорил, что каждое воспоминание создано из мельчайших деталей, скопированных с окружающего мира — информационных пазлов, закодированных на особом языке энергии, перемешанных между собой в уникальной последовательности связей. Когда со временем связи рушатся, или изменяются — воспоминания будто бы исчезают... Но на самом деле, они всегда в нашей голове, от первого вздоха, и до последнего.

Картранский сравнивал человеческую память с автоматической библиотекой. Много столетий назад на заре развития квантовых дисков, когда архаичные предрассудки ещё конкурировали с техническим прогрессом, люди хранили свои знания в примитивных бумажных носителях — книгах, — и строили для их сохранности уникальные хранилища, где выставляли бумажные носители на стеллажах. Небольшие хранилища успешно обслуживались людьми, но большие библиотеки — действительно большие библиотеки, в которых было собрано так много книг, что роботы не успевали оцифровывать их — такие хранилища всегда вызывали проблемы. И вот в один прекрасный день людей в этих библиотеках заменили на специальный автомат с подвесной линией питания и голосовым интерфейсом. Автомат мог перемещаться в любом направлении по сети проводов, которые служили направляющими и одновременно источником энергии. Посетителю достаточно было сказать, какая ему нужна книга, и робот сам находил её в катакомбах полок.

Однажды в такую библиотеку обратился молодой учёный. Он собирал информацию для своей научной работы, и задал поиск таким образом, чтобы робот нашёл все упоминания об интересующем его предмете, отсканировал их и вывел на компьютер, как сводку статей. Поиски заняли у робота неделю, и в течение всей этой недели остальные посетители начали замечать какую-то странность в поведении электронного библиотекаря. Он всё так же отзывался на запросы, но часто выдавал неверные результаты, приносил не те книги, что заказывали посетители... Людям было невдомёк, что примитивная матрица робота просто не справлялась с несколькими заданиями одновременно. В конце недели учёный пришёл забрать свои результаты, и был очень удивлён: отчёт, созданный роботом, мало напоминал связный текст! Данные из книг были перепутаны, перемешаны и часто походили на бред сумасшедшего, но в этом хаосе молодой человек вдруг разглядел нечто новое... такое, о чем раньше он просто не мог подумать! Сама того не ведая, электронная система библиотеки совершила акт творения, который обычно происходит в человеческом мозге. Конечно, успех был статистическим чудом, ведь учёный мог получить на руки совершенную тарабарщину, или попросту не заметить рационального зерна, проблеснувшего в информационном хаосе! Но он заметил; и если бы данный случай дошёл до широкой научной публики в своё время, это могло бы перевернуть устоявшееся понимание разума и продвинуть некоторые

направления робототехники на сотни лет в будущее! К сожалению или к счастью, молодой учёный предпочёл не заявлять о своём неожиданном открытии... Библиотечную систему поиска признали ненадёжной, демонтировали и заменили на более совершенную матрицу с однопоточным приёмом заказов, что совершенно исключило возможность повторения «книжного казуса». Инцидент был исчерпан.

Но что делать с человеческим мозгом? Его не демонтировать, а ведь он — самая ненадёжная система поиска во Вселенной! И, тем не менее, эта хаотичность, несовершенство, возможность легко передвигать связи между энергетическими кодами, содержащими наши знания о мире, — только это позволило человеку мыслить логически, создавать новое, воображать...

Итак, что же выбрать, чем заполнить свою черепную коробку: совершенным носителем информации, или дефективной поисковой системой, которая, тем не менее, создает невиданные шедевры? Человек с момента своего зарождения стоял перед этим выбором, не подозревая, что его мозг способен успешно выполнять и ту, и другую задачи одновременно... На заре истории немногие люди могли похвастаться пониманием такой простой истины, но со временем способность подчинять своей воле нейронную сеть мозга превратилась в своеобразное искусство — Полное Погружение. Именно этому искусству Картранский учил своего подопечного Романа Евгеньевича: вспоминать то, что казалось забытым, будь то ключи от дома, или формула давления в газовых клапанах шатла. Сам Картранский ничего не забывал: будучи музыкальным от природы, он шифровал знания в своей голове посредством мелодий. Роман Евгеньевич скорее доверял ощущениям, чем звукам, поэтому его Полное Погружение всегда начиналось со стука сердца.

Раз-два.

Три-четыре.

Пять-шесть.

Сердце стучит сейчас — так же оно стучало и в тот день, когда он стоял посреди сборочного зала станции Архимед Галло. За три часа шестнадцать минут до катастрофы.

Станцию Архимед Галло часто использовали, как отправную точку для разведочных операций в пределах Солнечной системы. Всё дело было в её удачном расположении: она вращалась вокруг орбиты огромного газового гиганта — Юпитера; из него же станция черпала для себя энергию, используя составляющие атмосферы как горючее топливо. Огромная труба-заборник с направляющими лопастями спускалась на тысячи километров вглубь Юпитера и качала из него атмосферу, богатую водородом и гелием. В районе первого астероидного кольца располагалась электростанция, где водород, сгорая, приводил в движение улей гигантских турбин, которые снабжали станцию бесперебойным и практически бесконечным потоком электричества. Продукты сгорания, проходя через сетку турбин, притягивались чудовищной гравитацией Юпитера обратно в атмосферу газового гиганта. По сути, станция служила ярчайшим примером варварского отношения человечества к родной Солнечной системе: различные движения экологов неоднократно атаковали правительство петициями за деконструкцию опасного объекта. Тем не менее, с момента своего зарождения Архимед Галло являлась самым смелым и необычным инженерным проектом, который ежегодно приносил арендаторам доход, равный бюджету небольшой колонии — так что демонтировать её никто не собирался.

Станция представляла собой гигантский электрогенератор, и логично, что со временем

вокруг неё возникли многочисленные надстройки и скользящие уровни, в которых обосновались автоматические заводы — в основном по строительству космических кораблей и шатлов. Именно один из таких автоматических заводов решил посетить Роман Евгеньевич в тот роковой день.

Было тепло. Свободная одежда позволяла ему дышать и двигаться легко. Он пересёк шлюзовой переход сборочного зала, и струйки выдавленного герметичным замком воздуха слегка пощекотали спину...

Сборочный зал всегда начинался с механического лязга роботов-сборщиков, который было слышно загодя, он ударял по перепонкам своим особенным ритмом, иногда напоминая музыку. В тот день Роман не услышал в нём музыки — просто шум; каждый шаг отдавался эхом далеко впереди. Затем неуволимо изменился привкус воздуха — его постепенно наполнили запах озона и металлический привкус машинной смазки. Наконец, узкий тоннель вывел его к простору сборочного зала.

Сборщики крепились на своеобразной решётке из балок далеко вверху, где слабый свет неоновых прожекторов рассеивался в недостаточной для дыхания атмосфере. Внизу над полом стелился слой пригодного для дыхания воздуха толщиной в три метра, а дальше почти космический вакуум. И как раз на этой высоте устанавливались платформы, на которых происходила сборка: сначала через подающие отверстия протягивался голый остов корабля, затем механические резак с оглушающим звуком «кrrrrрак!» отсекали титановые профили, и подвижные манипуляторы сборщиков начинали сварку. Эти удивительные механические руки точными движениями буквально лепили шатл из поступающих через платформу материалов: титановый сплав словно таял в металлических пальцах, принимая нужную форму. Затем наступала очередь двигателя и электроники, потом системы жизнеобеспечения, всевозможной эргономичной фурнитуры, и, наконец, внешней защиты. На сборку одного шатла уходило чуть более сорока минут — сорок минут непрерывного совершенства движения и статики. Если же сборщик выходил из строя, застопорившись в одном движении, можно было понаблюдать, как крохотные фигурки людей в тонких кислородных костюмах, словно канатоходцы, балансируют и снуют взад-вперёд по балкам. Они напоминали Прахову отважных моряков, которые тысячи лет назад взлетали по канатам на парусные мачты и бесстрашно ползали там в поисках перетёршегося звена.

Всё это Роман Евгеньевич находил очень занимательным, поэтому любил оставаться на пересадку в Архимеде Галло, чтобы в который раз понаблюдать за работой завода.

Но не сегодня. Не в тот день.

Лишь пара свободных минут, чтобы насладиться слаженной работой механических сборщиков, а затем снова в тугую оболочку скафандра и прямиком на борт свежее испечённого шатла, ещё горячего после мягких объятий автоматов-скульпторов.

Роман Евгеньевич участвовал в высадке на «активный» астероид впервые: обычно их посылали на освоение новых экзопланет — но для группы Ушкова работа была не в новинку. Шестеро из семи уже были на месте, когда Прахов появился в отсечном переходе и загерметизировал за собой люк. Разведчики обменялись стандартными приветствиями и сразу принялись фиксировать свои тела в геленосных креслах, чтобы погрузиться в лёгкий электрический сон раньше, чем мягкая сильная рука газового выброса поднимет их шатл над поверхностью станции. Весь маршрут был проложен в компьютерной системе корабля заранее, поэтому два часа сложнейшего маневрирования люди могли отдыхать. Роман

погрузился в сон раньше остальных, и запомнил только, как Андрей Ушков пошутил о ложке дёгтя, выворачивая фиксатор сновидений своего кресла в минимальное положение — он всегда делал так, чтобы в случае чрезвычайной ситуации легко выйти из электросна и быстро принять решения. Возможно, так поступали все командиры разведочных групп, а может и нет — в любом случае, старшие коллеги очень уважали Ушкова, его авторитет в их группе был практически непререкаем, и Прахов лишь надеялся когда-нибудь стать таким же командиром.

Следующее, что Роман помнил — он вдруг оказался в скафандре на поверхности астероида. Освещение от звезды было хорошим, и он отчетливо видел ребят, которые шли цепью впереди: Рихард возился с установкой широкополосного передатчика; Андрей и Аллан уже доставали щупы, чтобы исследовать вулканический кратер, а Томас пытался отмотать побольше полиплексного провода. В трескучем ухе шлемофона были слышны переговоры Этруса и Апрекяна, которые о чём-то спорили. Кажется... о навигации, да. Что-то о неверных координатах. Шум мешал расслышать отчётливее слова друзей. Он всё нарастал, будто из пустоты эфира поднималась волна треска, не похожего ни на отголоски спутников, ни на космические помехи... Несколько мгновений Роман не понимал, что это, пытался определить причину, и внезапно... он понял.

Это мгновение, такое яркое в его голове, могло длиться бесконечно долго, но всё заканчивалось на нём. Роман Евгеньевич отчетливо помнил, как у него вдруг перехватило дыхание от осознания происходящего. Каждая мышца тела, словно по приказу невидимого военачальника, сократилась и скрутила тело в твёрдый жгут, неспособный пошевелиться. Веки перестали мигать перед зрачками и глаза будто остекленели, всматриваясь в чёрную пустоту...

В тот день Роман Евгеньевич ослеп — ему обожгло лицо и глаза вспышкой света: на астероиде произошёл выброс раскалённого вулканического газа... Только Роман из всей группы понял, ЧТО к ним приближается из-под земли, поскольку в его шлемофоне были встроены чувствительные геодезические датчики. Но он не успел предупредить остальных.

Выжили четверо из семи, однако, судя по медицинским прогнозам, в скором времени все четверо должны были присоединиться к менее удачливой части группы. Никому — даже Роману, который стоял дальше всех от кратера — не удалось избежать смертельной дозы радиоактивного облучения. Костный мозг разведчиков перестал вырабатывать кровяные тельца, а это означало неминуемую смерть в течение двух-трех месяцев. Рихард Зейнер, которого вырезали из оплавленного скафандра без кожи на спине, таял на глазах; у Кости Этруса под действием сильного электромагнитного излучения отказало сердце, а искусственный имплантат отторглся организм из-за недостаточности крови; Нави Апрекян потерял обе ноги, и вовсе не приходил в себя из комы. Лечения не существовало — труды врачей были так же напрасны, как черпание воды ситом. Если бы не вмешательство Картранского, едва ли что-то смогло бы спасти разведчиков группы Ушкова.

Олег Павлович Картранский — бывший опекун Романа Прахова — служил Распределяющим в Управлении Космического Флота. Его отдел занималось анализом дефицита трудоресурсов колоний, и снабжал отдалённые миры свободными кадрами. Под началом Картранского работало несколько тысяч сотрудников-аналитиков и добрая сотня офисов, разбросанных по всей Галактике — за годы работы он приобрёл множество ценных знакомств в таких областях, которые простым смертным были просто недоступны:

например, в сфере экспериментальной военной технологии. Какими-то немислимыми путями Олег Павлович сумел добиться для своих ребят статуса добровольных подопытных с полным допуском к секретным материалам, и космонавтов срочным рейсом доставили на Землю в закрытый военный городок Шима Анубис, где им предстояло провести несколько месяцев в качестве лабораторных крыс.

Учёные Шима Анубис были только рады настоящим человеческим образцам, готовым на всё. Не заботясь о последствиях и не тратя времени даром, они принялись щоденно экспериментировать на пострадавших, пока те ещё были живы. Метод лечения сменялся методом, одно лекарство другим. Результаты экспериментов тщательно фиксировались — для потомков. Всё это больше напоминало развлечение кучки вивисекционистов, чем помощь пострадавшим... Но вот однажды эскулапы добрались до экспериментальной сыворотки, которая неожиданно дала положительный результат. Случайность — подопытные могли никогда не дожидаться такого поворота фортуны, и сгинуть на лабораторных столах! Но, видно, не судьба.

Как только угроза жизни была устранена, а неизлечимый прежде недуг побеждён — четверых мучеников отправили в лучший медицинский госпиталь на Луне, где им предстояло пройти длительную терапию по восстановлению конечностей, кожных покровов и всего остального. К тому моменту ребята уже медленно сходили с ума от постоянных процедур и переездов. А Роман Евгеньевич всё ещё был слеп на оба глаза, хотя сетчатка его глаз восстановилась практически сразу, а зрительные нервы работали исправно. Врачи полагали, что проблема была не физическая: якобы Роману не давало покоя чувство вины за смерть товарищей, и его мозг попросту отказывался воспринимать наружные сигналы. Прахов не хотел соглашаться с этим — он не чувствовал вины. Разведчики погибли не по его указке, не он высадил их на горячем астероиде, чтобы проводить исследования, не он снабдил геодезическими датчиками только один шлем! Всё это было чередой непредсказуемых ошибок и случайностей, которые привели к трагедии. Что-то другое не давало ему покоя, что-то другое заставляло вновь и вновь совершать Полное Погружение, чтобы ещё раз пережить неминуемый момент гибели товарищей... Белое пятно в его памяти. Отрезок времени между началом полёта и его трагическим концом.

Роман Евгеньевич не раз спрашивал у своих покалеченных друзей, помнят ли они, как оказались на краю расщелины кратера, и те отвечали, что да, несомненно. Но каждый раз их воспоминания обрастали всё новыми подробностями, которые часто противоречили тому, что было сказано ранее. Поначалу Прахов списывал такое разночтение на травмы и шок, но чем лучше проходило лечение космонавтов, тем резче проступала очевидная несурязица в их воспоминаниях. И вернее всего это объяснялось посторонним вмешательством в память: кто-то стер несколько часов из жизни космонавтов, и заменил их другими воспоминаниями. Эта догадка — невероятная, почти невозможная! — не давала Прахову покоя. Роман Евгеньевич засыпал и просыпался с мыслью, что кто-то посторонний повинен в случившемся, и если хорошенько напрячься, если сделать всё правильно, можно выудить его лицо из разрушенных катакомб воспоминаний...

Разведчики провели в лунном госпитале несколько месяцев, восстанавливая здоровье. В конце концов, большинство из них почувствовали себя достаточно уверенными, чтобы покинуть стены лечебницы и «вернуться в строй». Все, за исключением слепого Романа

Евгеньевича. Прахов закрылся в себе: отказался принимать врачей и посетителей, принялся часами медитировать в парниковом саду и перестал разговаривать — даже друзья разведчики не смогли достучаться до него и были вынуждены отступить... Ситуация явно складывалась не в пользу Прахова: врачи начали подумывать о том, чтобы перевести разведчика в психо-неврологический диспансер на Земле, где ему обеспечили бы должный уход. Накануне перевода дежурный врач сообщил Роману Евгеньевичу, что его ждёт путешествие на Землю — это была последняя попытка добиться ответной реакции от космонавта. Не обнаружив никакого отклика, доктор, наконец, оставил своего «безнадежного» пациента в покое.

И именно в тот вечер Роман увидел.

Всё было как всегда: сборочный зал Архимеда Галло, посадка в шатл, шутка Андрея про сон... Но следом Роман Евгеньевич оказался не на поверхности астероида — он проснулся в геленосном кресле от мощного толчка. Шатл трясло, как на американских горках, навигационная аппаратура мигала всеми цветами радуги, и Андрей Ушков напрасно пытался что-то с ней сделать. Прахов огляделся: остальные члены команды спали, но уже на грани сновидений — жёсткие толчки разрывали контакт с электрическим сном. Наконец, в кресле напротив проснулся Том Вэллхауэр и посмотрел Роману прямо в глаза. Должно быть, что-то в лице Прахова заставило Томаса улыбнуться, и он бодро подмигнул самому юному члену группы, быстро поднявшись из кресла и присоединяясь к Ушкову.

«Что происходит?»- послышался сзади хриплый голос Кости Этруса.

«Сильное магнитное излучение», — буднично ответил Ушков, хотя как можно было оставаться спокойным в такой ситуации?! — «Советую всем, кто проснулся, быстро лечь обратно в геленосные кресла, посадка будет не из приятных».

Роман Евгеньевич с удивлением выглянул из-за кресла и увидел несущуюся прямо на них поверхность астероида.

«Тебе же сказали, живо в анабиоз!»- с нервной улыбкой рявкнул Томас и толкнул Прахова в анабиотический гель.

Толчок был потрясающей силы. Прахов лежал с закрытыми глазами, и помнил только ощущения, но этого было достаточно, потому что внезапно понять, какой длины у тебя позвоночник, и где он находится, когда ты обычно даже не думаешь о его существовании — это довольно неприятно. Казалось, всё вокруг разваливается; металл отвратительно скрипел и рвался; в кресло Прахова ударила мощная струя 320-градусного пара из разорвавшейся трубы, и если бы не гель, Романа вплатило бы в скафандр. Когда он осмелился открыть глаза, давление в трубе уже иссякло, но из-за разорванных проводов и оголённых энергопитателей шатл выглядел сквозь зеленоватую толщу геля как искрящаяся ёлка. Впереди мелькнула тень, и кто-то прошёл к навигационной панели. Роман вынырнул из геля и узнал Нави Апрекяна, тот стоя пытался сбалансировать внутренние показатели шатла. В кресле рядом сидел Андрей Ушков, странно свесив голову на плечо.

Кто-то ещё прошёл к навигационной панели и тронул Ушкова, но то даже не пошевелился.

«Андрей...»- сдавленно прозвучал в шлемофоне голос Этруса. Костя быстро взял себя в руки и принялся о чём-то спорить с Апрекяном.

«... неверные координаты. Это неверные координаты! Мы просто не на том астероиде! Разве ты не видишь?!»

«Нет, мы там!».

«Господи, тогда откуда здесь станция, объясни мне?! Мы едва не врезались в купол!»

«Костя, это верные координаты! Это тот астероид, и я не знаю, откуда здесь взялась эта чёртова станция!»

«Где мы?»- наконец обрёл голос Роман Евгеньевич, поднимаясь из кресла. Система вакуумной очистки его камеры вышла из строя, и липкие ошметки геля пришлось стряхивать со скафандра руками.

Этрус отступил в сторону, пропуская Романа, и сквозь треснувший обзорный щит Прахов увидел металлические шпили антенн, поднимавшиеся из горной породы. Поблизости сверкал кубическими гранями полиплексный купол — должно быть, оранжерея.

«Станция... но откуда?»

Друзья промолчали, и Роман Евгеньевич перестал задавать вопросы — вместо этого он прошёл назад, чтобы помочь Рихарду и Аллану подняться из геленосных кресел. Керц оказался серьёзно ранен: похоже, его позвоночник не выдержал удара шатла о поверхность астероида, и теперь Аллан мог только лежать в анабиотическом геле — его состояние ухудшалось с каждой минутой. Сразу два члена группы вышли из строя, и один из них уже навсегда... Настроение разведчиков было крайне подавленным, а состояние шатла не способствовало его улучшению: связь не работала, двери оказались намертво заблокированы, система жизнеобеспечения едва держалась, а кислород давно испарился сквозь разрывы обшивки — у космонавтов оставался только запас воздуха СЭНов (скафандров экстренного назначения). Конечно, они ждали, что персонал станции заметил их фееричное падение и уже готовит спасательную группу, но ребята со станции, почему-то, не особенно торопились... Только спустя два часа, наконец, рядом с одной из антенн появились две человеческие фигурки в скафандрах. Они двигались на удивление быстро, должно быть, благодаря необычной конструкции их СЭНов — Роман Евгеньевич ещё не встречал таких. Этрус попытался поймать частоту переговоров спасательной группы, но складывалось впечатление, будто те двое намеренно хранили радиомолчание, и даже не пытались отвечать на запросы попавших в ловушку разведчиков. Вскоре за стенами шатла послышался мерный стук аппаратуры, а затем шипение плазменной резки — спасатели вырезали загерметизированный люк вместе со стеной. Как только металл провалился наружу, разведчики попытались выбраться на поверхность: Нави Апрекян первый подошёл к отверстию, но проход загородили двое в странных скафандрах — их шлемы были затемнены, и они всё ещё не отвечали на попытки разведчиков заговорить. Нави протянул руку к одному из них, чтобы похлопать по плечу, но в тот же момент космонавт махнул всё ещё включенной плазменной резкой, и ноги Апрекяна подломились — он рухнул на пол, громко крича от ужаса и боли. Второй космонавт вскинул руку с лазерным пистолетом, и шатл озарила вспышка — мишенью был Этрус, но Рихард успел загородить его, и принял широкополосный удар лазера в спину. Немного заторможенный от шока, Роман схватил какой-то обломок трубы и бросился друзьям на помощь, да только не успел ничего сделать: Томас оттолкнул Прахова, а сам прыгнул вперёд и повалил космонавта с плазменной резкой. Завязалась отчаянная борьба: Томас оказывался то сверху, то снизу, пытаясь в клубках пыли высвободиться из мёртвого захвата неизвестного противника, и это несколько мгновений спасало разведчика от лазерного выстрела — второй нападавший невозмутимо стоял рядом и поводил дулом из стороны в сторону, ловя Томаса «на мушку». Прахов же отчаянно пытался высвободиться из сети проводов, в которые угодил из-за резкого толчка Вэллхауэра. Он барахтался в проводах, с ужасом понимая, что если не успеет помочь, великан Томас

может проиграть этот раунд. И в тот самый момент, когда Роман Евгеньевич почти оказался на ногах и уже подбирал обломок трубы, Вэллхауэр сделал обманный маневр и резким движением руки сломал противнику шею. Спустя мгновение Томас был мертв — суженный выстрел лазера пробил огромную дыру в его спине. Следом прицел метнулся к Прахову, и Роман оказался лицом к лицу со своей смертью: у него вдруг перехватило дыхание от осознания происходящего; каждая мышца тела, словно по приказу невидимого военачальника, сократилась и скрутила тело в твёрдый жгут, неспособный пошевелиться. Веки перестали мигать перед зрачками, глаза будто остекленели, всматриваясь в чёрную пустоту затемненного шлема... За вспышкой последовало забвение, а потом слепое пробуждение в госпитале станции Архимед Галло. И когда он очнулся там, в его голове не было воспоминаний, о том, как на самом деле погибли его друзья.

Но сейчас они были, прямо здесь, в его голове. Воспоминания о предательстве и убийствах, в которые никто не поверит! Потому что он единственный сумел вспомнить, а неведомые враги постарались сделать всё так, чтобы даже поисковая группа обнаружила только следы газового выброса на пустом астероиде. Как это произошло? Кто был так могуществен, и какие тайны оберегал, что троим разведчикам пришлось поплатиться за это своими жизнями, а остальным принять отсроченный приговор? По сути, все они были убиты на том астероиде, но убиты красиво, с изяществом и вкусом к театральному представлению — даже сумели рассказать, как всё произошло, чтобы у поисковиков не оставалось и тени сомнения! Блестящая работа! Роман Евгеньевич кусал губы от злости, скручивая простынь в кулаках, потому что знал — он не сумеет ничего доказать. И не станет. Ведь кто бы ни сотворил это с группой Ушкова, он уверился, что разведчики действительно приняли новые воспоминания, иначе бы смерть не заставила себя ждать. А мог ли Роман подвергать опасности трёх своих товарищей, только из чувства справедливости? Нет, он не мог... Но и жить с этим...

Прахов сидел на кровати и смотрел на голографическую имитацию лунного пейзажа. В его комнате не было окон — должно быть, во всём здании не было окон, такая уж лунная архитектура... Он и раньше бывал на Луне, и знал, что показывают на смотровых стенах, но этой ночью его глаза не могли оторваться от черно-серого пейзажа, на фоне которого где-то далеко прорисовывалась крошечная голубоватая монетка Земли... Всё потому, что этой ночью он прозрел.

Глава: Ольга Кирсанова.

Земля, Белоруссия, город Гомель. 2474 год.

Дар был в воздухе, повсюду: в ноготках ребёнка, в стеблях травы, ещё не сбросивших крошки земли со своих пушистых голов — в каждом тёплом порыве ветра, летящем навстречу.

Зажмурившись на яркое солнце у входа в припортовое кафе, и впуская ветер в полураскрытые губы, Оля наслаждалась новым временем: солнечный свет щедрым потоком впитывался в её кожу, веки, горячил кровь, бегущую по миллионам крохотных капилляров, пробуждал что-то дремлющее в глубине сознания...

Без сомнения, Дар она получила именно тогда, подставив лицо весеннему ветру.

Ещё не осознавая, что произошло нечто, изменившее её изнутри, Оля улыбнулась

солнечному диску, спрятала руки в карманах короткой куртки и тихо вошла в кафе.

Девушка часто приходила сюда пораньше, чтобы некоторое время полюбоваться величественным (а для кого-то уже и обыденным) зрелищем отправления звездных кораблей. Она выбирала одинокий столик возле окна, заказывала привычный завтрак, а пока хозяин без лишней спешки распоряжался на кухне, наблюдала, как по чистому прозрачному небу скользят белые факелы космических шаттлов. Каждое такое утро доставляло Ольге чувство необыкновенной сопричастности: тысячи и тысячи людей, вроде неё, в свое время по крупницам собирали знания и умения, чтобы, в один прекрасный день кто-то избранный покинул пределы Земли и шагнул далеко к звездам! Это как минимум утешало, и как максимум вдохновляло: грустным, или весёлым было её пробуждение — она знала, что всё сгладится в маленьком припортовом кафе, стоит ей только взглянуть в небо и испытать этот чистый восторг сопричастности.

Тем утром девушка ждала появления в небе пассажирского корабля «Калимун», который ежемесячно совершал рейсы к спутникам Юпитера. Оля совершенно погрузилась в созерцание, когда в кафе раздался приглушённый вскрик и впереди неё случился какой-то переполох. Она повернула голову и замерла с бутербродом в руке: сидящий за несколько столиков от неё космонавт внезапно схватился руками за грудь и громко захрипел, бессмысленно вращая глазами. Несколько посетителей полупустого кафе бросились к нему на помощь, а хозяин принялся звонить в скорую. Мужчину силой уложили на пол и растегнули ворот форменной рубашки; кто-то попытался сделать массаж сердца, но лучше от этого космонавту не стало: он продолжал цепляться руками за одежду людей и пускать изо рта пену. Скорая всё не появлялась, а случайные посетители не знали, как правильно оказать помощь, и теперь этот мужчина из-за чьей-то халатности погибал на грязном полу в припортовом кафе на глазах у толпы совершенно незнакомых ему людей! Внезапно эта мысль так взволновала Ольгу, что она, не помня себя, вскочила с места и бросилась к умирающему. Растолкав зевак, девушка упала перед мужчиной на колени и сильно упёрлась обеими руками ему в грудь... Мгновение все посетители кафе не могли прийти в себя от удивления, и этого времени хватило, чтобы что-то произошло — мужчина втянул ртом воздух и осмысленно посмотрел на Ольгу, сжав её ладони у себя на груди. Тут же посетители зашумели, бросились оттаскивать сумасшедшую, но через несколько секунд всеобщее негодование сменилось удивлением, а затем и радостью: мужчина окончательно пришёл в себя, сел и тихо попросил воды. Хозяин немедленно исполнил его просьбу и предложил двум молодым людям осторожно вынести пострадавшего на свежий воздух, чтобы ему было легче дышать. Там космонавта пристроили на лавочке, и хозяин кафе сам остался с ним дожидаться скорой помощи, отправив хозяйничать за прилавком свою подрастающую дочь.

Олю, тем временем, отпустили, посчитав за сумасбродку, но девушке было не до шуток — собственный поступок буквально выбил её из колеи! Она была ужасно смущена, поэтому бросила завтрак и поспешила выскочить из кафе. Не оглядываясь на машину скорой помощи, девушка быстро пошла прочь, низко опустив голову.

Оля работала в главном земном офисе корпорации «Эксплор Технолоджи», и уже шесть лет исполняла обязанности секретаря основателя компании — Эрика Коллинза.

Должность перешла к ней «по наследству» от пожилой помощницы Коллинза, которая,

уходя на пенсию, решила подготовить себе замену и устроила настоящий конкурс в отделе кадров. Оля не имела подходящего образования и случайно оказалась в числе десяти претендентов, которых престарелая леди взяла на трёхмесячную стажировку, но после многочисленных проверок стала той единственной, кто удостоился чести подменить её. Возможно, главную роль в этом ошеломляющем успехе тихой и застенчивой девушки сыграло её абсолютное равнодушие к успеху как таковому: Ольга не считала работу в «Эксплор Технолоджи» чем-то выдающимся, так же просто она относилась и к своему боссу Эрику Коллинзу — всего лишь старалась держаться профессионально и качественно выполнять свои обязанности.

Однако этим утром её профессионализм дал слабину: девушка впервые опоздала на рабочее место, и теперь с тревогой поглядывала на селектор. Вызов не заставил себя ждать, но вот был ли он первым за утро? Или босс уже несколько раз пытался дозвониться до своего секретаря?.. Робко постучавшись, Ольга вошла в кабинет, заранее зная, что босс не любит отвечать на стук, и заняла положенное место — у стола с блокнотом в одной руке и лазерным карандашом в другой.

Мистер Коллинз смотрел в огромное окно, занимавшее всю стену его кабинета, и даже не взглянул на вошедшую помощницу. Оля ждала вердикта, украдкой поглядывая на сидящего перед ней невысокого плотного человека с тусклой лысиной на затылке: эта самодовольная откормленная кубышка в шикарном костюме пепельного цвета, несмотря на все свои внешние несовершенства обладала полиаргонитовой волей и самым острым хищным умом своего времени. За это секретарша уважала своего босса и побаивалась, считая довольно странным субъектом.

Молчание затянулось; девушка задумалась о чём-то постороннем, когда тишину вдруг нарушил тихий, властный голос начальника:

— Подготовьте бумаги по договору с «Голди механикс» и отправьте в «Свердловская автоматика» наше официально согласие на встречу. Когда сделаете, принесите договор мне, хочу ещё раз посмотреть и всё обдумать... Да, и принесите мне уже из лаборатории 39 отчёты доктора Майлза, в конце концов!

Оля слегка поёжилась при упоминании этого отчета: дело было, в принципе, пустяковое, и заключалось в том, что босс уже трижды оповещал лабораторию об этом злосчастном отчете посредством Ольги, но доктор Майлз по каким-то одному Богу ведомым причинам отказывался его предоставить. А поскольку Майлз был творцом и драгоценным камнем «Эксплор технолоджи», никто не мог на него повлиять, даже сам Коллинз. В итоге, они вежливо препирались, а все тумаки доставались Ольге! Девушка уже заочно ненавидела этот треклятый отчет, что бы в нём ни говорилось, и каждый раз с содроганием слышала упоминания о нём. Но лишний раз посетить святая святых доктора Майлза она всё же была не против... Даже если там её снова ждал от ворот поворот.

Ольгу часто посылали за отчётами в закрытые корпуса здания, поскольку туда требовался специальный пропуск, и он был не у всех. Герметичная лаборатория доктора Майлза занимала целый этаж — при таких размерах в ней работало от силы человек шесть-семь. Найти доктора в горах оборудования и каких-то немислимых роботов оказалось не так-то просто: если бы Генри сам не окликнул девушку, она бы, наверное, проблуждала ещё минут пятнадцать.

— А, Оля, здравствуйте! Как ваши дела? — весело поинтересовался молодой учёный, не переставая разбирать какой-то странный элемент.

— Всё хорошо, спасибо...

Девушка несколько мгновений с замиранием сердца наблюдала, как мужчина тончайшим пинцетом виртуозно раскручивает и переставляет едва заметные волоски проводов, выходящие из маленькой эбонитовой коробки неизвестного назначения.

— Вы, наверное, пришли за отчётом? — первым нарушил тишину Майлз. — Сейчас я его найду...

Доктор принялся копаться в гуде запасных частей, и достал на свет помятые листы отчёта, забрызганные кое-где машинным маслом.

— Вот. И пусть мистер Коллинз больше не подсылает ко мне своих шпигов, — сердито закончил Майлз, но снова добродушно улыбнулся девушке, — если, конечно, они не будут такими же милыми и симпатичными как вы!

Оля зарделась, не нашла, что ответить, и, распрощавшись, побежала к лифту.

Майлз всегда производил на неё неизгладимое впечатление: такой молодой и такой талантливый! Она, собственно, не задумывалась об его существовании в пору своей девичьей юности, хотя он и был довольно популярной фигурой в масс-медиа: голова Оли была забита в основном ребятами-летчиками из соседнего квартала, да зажигательными вечеринками в Бартоломё, куда она попадала лишь благодаря своим общительным подругам. Майлз поразил её воображение несколько позже, и произошло это при личной встрече на работе.

Генри не обладал особенно примечательной внешностью, но он умел очаровывать. Это не сильно вязалось с образом фанатичного изобретателя, который сутками пропадал в своей лаборатории, позабыв о реальном мире, однако факт оставался фактом: Генри Майлз мог очаровать любого, независимо от возраста, пола и социальной принадлежности — один из его многочисленных и необъяснимых талантов, которым он пользовался с дьявольским успехом. И неустанно. Слово издеваясь над всем женским родом, Майлз оставался убеждённым холостяком, но распространял свои чары на любого, кто находился в зоне его досягаемости, даже зрительной. У застенчивой секретарши Коллинза просто не было шансов — она мгновенно оказалась сражена им наповал.

Впрочем, Оля понимала всю ничтожность своих притязаний на ТАКОГО человека, и просто наслаждалась мимолётными встречами с ним, не позволяя фантазиям уводить её далеко от реальности.

По пути к кабинету Коллинза, довольная, что наконец-то не услышит недовольное сопение босса в свой адрес, Ольга пыталась хоть как-то разглядеть бумаги отчета, но у неё ничего не выходило: доктор Майлз отличался особенной творческой рассеянностью или злобредностью, когда дело казалось записей. Любые, даже очень важные бумаги он вполне мог использовать в качестве подложки под очередной механизм. Оля перевернула несколько страниц, проверяя, нет ли где совершенно уж неприемлемого масляного пятна, как вдруг обнаружила, что один из чертежей разорван пополам. Она подумала вернуться и сказать об этом Майлзу, но потом решила, что Коллинз и без того уже сердит, так что задерживаться дольше было рискованно. А что там, в отчётах доктора, ей вообще знать было не положено.

Девушка ступила ещё несколько шагов, и снова замерла, открыв отчёт на порванной странице. С чертежа на неё смотрели живые умные глаза человека. Впрочем, человека ли? Половина туловища, оставшаяся на чертеже, была услужливо прорисована открытой, и насколько Оля могла судить по своим весьма скудным сведениям из школьного курса биологии, это определённо был не человек. Оля закрыла папку, задумалась на мгновение, но

через секунду уже уверенно шагала по коридору мимо своих коллег. Это её не касалось.

Открыв дверь кабинета, девушка приблизилась к столу и остановилась. Мистер Коллинз сидел в кресле, повернувшись к ней спиной. Оля подождала, пока он обратит на неё внимание, но, либо начальник задремал, либо настолько погрузился в свои мысли, что просто не заметил вошедшую.

— Мистер Коллинз, я принесла отчёт доктора Майлза, положить его на стол?

Мужчина не ответил, даже не шевельнулся. Оля забеспокоилась, обогнула стол и приблизилась к своему начальнику, тронув его за плечо.

— Мистер Коллинз...

Неожиданно тот пошатнулся и сполз с кресла на пол, распластавшись бездвижным телом.

Девушка вскрикнула от неожиданности. Затем увидела во лбу у мужчины красное бугристое отверстие, прямо как от пули, и закричала ещё, скорее от удивления, чем от страха.

Как же так? Пятнадцать минут назад Оля разговаривала с ним, боялась его, стремилась угодить, и вот, пожалуйста — он лежит перед ней на полу совсем мёртвый!

Подавив очередной вскрик, девушка опустилась перед телом на колени, зажала себе ладонью рот и заплакала.

В кабинет начали ломиться — наверное, слышали крики Оли сквозь стальные двери, но замки оказались заблокированы. Девушка хотела встать и попробовать открыть двери со своей стороны, как вдруг заметила какое-то движение в комнате: абсолютно гладкая поверхность противоположной стены провернулась на месте, и... в кабинет вошёл мистер Коллинз.

Не обращая внимания на свою перепуганную до смерти секретаршу, он подошёл к телу и поддел его ногой. Затем достал крипер и набрал номер.

— Майлз! Я же просил, никакой технологии, обыкновенного андроида, которого можно убить! Что ты мне на этот раз подсунул?

Доктор, видимо, что-то спешно ответил, и Коллинз удивлённо приподнял брови.

— Но рана зарастает прямо на моих глазах!

Новый монолог доктора оказался гораздо короче, чем предыдущий, скорее всего, он ответил: «Это невозможно», — на что Коллинз страшно рассердился и крикнул:

— Болван! Сейчас получишь назад своё творение, и попробуешь всё объяснить!

Таким раздражённым своего начальника Оля ещё никогда не видела. Впрочем, она вообще ни разу не видела, как он встаёт из кресла, не то что уж сердится... А мистер Коллинз, тем временем, опустился перед своим распростёртым телом на корточки, достал из кармана перочинный нож и чиркнул им по руке мертвеца. Как и следовало ожидать, из пореза показалась кровь, расплываясь по рукаву костюма неровным пятном. Мистер Коллинз ждал, но ничего не происходило, если не считать уже совершенно затянувшейся и ставшей нежно-розовой ранки на лбу у мертвеца...

— Не понимаю...

Мужчина поднялся на ноги, спрятал перочинный нож в карман, предварительно вытерев его об одежду своего раненого тела, и только теперь обратил внимание на секретаршу, забившуюся в угол.

— Добрый день, Ольга Николаевна! Надеюсь, вас не сильно шокировала эта кукла? — он снова пнул тело ногой и сел в своё законное кресло. — Впрочем, если бы не она, меня бы уже не было в живых.

Оля перевела взгляд на окно и заметила, что в нём зияет отверстие, от которого паутиной разбежались трещины.

— Кто-то пытался убить вас?! — тихо вскрикнула она.

— Почему же пытался? Он уже это сделал. Вот результаты.

Девушка снова посмотрела на тело.

— А это...

— Это киборг, не человек, так что не стоит расстраиваться.

Коллинз нажал на столе какую-то кнопку, и двери сами собой открылись, но за ними уже никого не было — видимо, служащие получили распоряжение не вмешиваться. Через несколько секунд в кабинет вбежал доктор Майлз и, не обращая внимания на полетевшие в него упрёки, склонился над телом, осматривая затянувшееся ранение.

— Как странно... Чрезвычайно странно! Это тело не умело регенерировать, я точно знаю, мы специально сделали его как можно более похожим на человека...

Затем он заговорил с Коллинзом на незнакомом языке, время от времени поглядывая на Олю. Коллинз тоже с интересом взглянул на онемевшую от изумления секретаршу, и покачал головой.

— Это необоснованный бред, Майлз.

— Тогда я не вижу других причин — в кабинете, по вашим словам, была только она.

— Чувшь... Ольга, подойдите, пожалуйста.

Она повиновалась, предчувствуя неприятности.

— Скажите, когда вы вошли сюда, вы не заметили ничего необычного?

— Помимо вашего мёртвого тела? — серьёзно поинтересовалась девушка, не ощущая всей комичности ситуации.

— Может, какой-нибудь странный предмет? — продолжил допрос Коллинз. — Или световой луч?

— Нет, ничего такого...

Внезапно мужчина наклонился вперёд и резко провёл лезвием по её руке. Оля вскрикнула и зажала рану.

— Вы что?! Что вы сделали?

— Всё в порядке, Оля, просто покажи мне рану, — подошёл с другой стороны доктор Майлз.

Но она не хотела, чтобы доктор приближался к ней; всё его очарование куда-то улетучилось, и внезапно Ольга почувствовала себя загнанным зверем: Майлз приближался — она отступала. Наконец, девушка уткнулась спиной в угол комнаты, и Майлз предпринял решительные действия: он набросился на неё, заломил руки и силой разжал кровоточащую ладонь.

На мгновение в комнате воцарилась тишина, затем Коллинз удивлённо выдохнул из-за плеча доктора, а Майлз неуловимым движением достал из кармана шприц и воткнул его Оле в шею. Девушка только и успела заметить, что рана на её руке быстро зарубцевалась и стала светло-розовой — в следующее мгновение её разум провалился в наркотический обморок.

— Вот уж не думал, что здесь, и при таких обстоятельствах, — тихо проворчал Коллинз, опускаясь в кресло.

— Нам очень повезло, — улыбнулся доктор Майлз, опуская бесчувственное тело девушки на пол, — мы бы нескоро смогли обнаружить Виталу у себя под носом!

— Главное, чтобы это не оказалось очередным обманом...

Глава: Кастор Жонс.

Сонита, Белаир-Траур, исследовательский центр Озна, вторая вспомогательная лаборатория.

В помещении лаборатории устойчиво пахло озоном и жжёным флюсом от сварки — всё из-за нового подопытного с Земли, которого приходилось держать в стерильной камере. Упрямое полу-животное отказывалось смириться с заключением и уже несколько раз пыталось сбежать, доставляя немало хлопот учёным-исследователям. На этот раз Кастор предпринял все меры, чтобы обезопасить лабораторию от неразумного землянина, но его старый начальник всё не успокаивался и твердил о возможности повторения инцидента. Он дошёл до того, что заставил молодого учёного остаться в лаборатории до утра, пока не усилят охрану! И Жонсу ничего не оставалось, как согласиться... По окончании рабочего дня Кастор Жонс проводил тяжёлым взглядом своего маразматичного наставника, который направлялся домой, и беззвучно послал ему в спину проклятия:

— Ничего, старина, скоро ты отойдёшь в тень, и главное место в команде займу я! А пока можешь помыкать мною как хочешь, считай это моим прощальным подарком!...

План Кастора был прост и удивительно жесток — по меркам сонитан. Ведь никому из законопослушных граждан Сониты не пришло бы в голову травить своего начальника контрабандным наркотиком с Земли! Но Кастор оправдывал себя отсутствием выбора: Борей Грелын, по его мнению, тормозил исследования Озна, был старомоден и неспособен на прорыв, которого ждали от научной лаборатории. Кастору приходилось работать украдкой от Грелына, проверять свои собственные теории, применять методы, которые старый маразматик отвергал как неприемлемые. Жонс использовал любую свободную минутку; и поскольку ночью в лаборатории царила идеальная тишина и никто не заглядывал через плечо, молодой учёный решил не терять времени даром и проверить на подопытном экземпляре некоторые свои наработки. Он расположился перед контрольной панелью и несколькими щелчками тумблеров запустил систему.

— Раз, раз-два. Проверка связи, вы хорошо меня слышите?

Внутри стеклянной камеры загорелся мягкий белый свет, и обнажённый мужчина неловко поднялся с пола:

— Отпустите меня, прошу вас! Я не сделал ничего плохого, клянусь!

— Поставьте ноги на жёлтые круги.

— Нет, пожалуйста! — обнажённый человек схватился за голову и сдавленно зарычал, глотая сухие рыдания. — Не делайте этого, я умоляю вас, если вы человек, пожалейте меня, я же умираю!

— Нет, вы не умираете, все ваши жизненные показатели в пределах нормы, — буднично отметил в микрофон Кастор, — а теперь, будьте добры, поставьте ноги на жёлтые круги, или мы опять повторим вчерашнюю процедуру.

Мужчина закричал в бессильной ярости, несколько раз ударил ногой по металлическому полу, изогнулся от боли, но всё же пополз к возникшим в центре комнаты жёлтым кругам.

Кастор терпеливо ждал. Он знал, что, несмотря на свою напускную непреклонность, каждый человек, в конце концов, поддавался дрессировке и усваивал прививаемые рефлексy. Правда, ему так и не удалось пока приучить этих полуживотных к вакуумной системе очистки кишечника и мочеочника — видимо, всё дело было в том, что она доставляла им некоторый дискомфорт. Но, как говорится, на каждую боль есть боль посильнее, поэтому Кастор не терял надежды.

— Приготовьтесь, я пускаю первый разряд...

Человека внутри стеклянной комнаты пронзило током, и он остолбенел, словно парализованный; Кастор тем временем не спеша сравнивал гистограмму его мозга с предыдущими экспериментами. Данные обнадеживали, но всё же Кастор сомневался в правильности всего направления поисков... Боль была мощным стимулятором для полуживотных, она давала стабильный всплеск энергии, достаточный, чтобы поставить производство на поток. Но долго удерживать полуживотное на болевом пороге без вреда для здоровья не представлялось возможным, и лаборатория уже как пол года только и занималась тем, что пыталась решить эту проблему. Ученые меняли частоту тока, точки воздействия, использовали периодические воздействия — всё напрасно! Однако, несмотря на очевидную тупиковость данного направления, Грелын продолжал исследования, отмечая любые другие предложения... А Кастор так не мог. Исследователь в нём не переставал искать, анализировать, комбинировать варианты, принимать в расчёт самые невозможные идеи и проверять их на практике, пока никто не видит...

Одна из таких вот идей уже давно вертелась у него в голове. Она появилась не сразу, а как-то постепенно — во время долгих бесед с родным братом Кайлаем. Для сонитанина, которому каждый день приходилось работать с полу-животными, Кастор не слишком-то интересовался бытом землян — не то, что его брат, разведчик на околосемной станции! Время от времени Кайлаю приходилось по несколько месяцев жить среди людей, и он знал о них буквально всё. Кайлай мог часами рассказывать Кастору все те нюансы, которые узнавал во время операций на Земле: брат не переставал изумляться людям, а Кастор слушал его разглагольствования и терпел, потому что знал — Кайлаю просто не с кем поговорить о своей работе.

Однажды брат завёл разговор о музыке. На Соните запатентованные государством мелодии использовались в качестве терапевтических инструментов расслабления, или наоборот, повышения активности мозга. Они применялись повсеместно: в административных учреждениях, магазинах, лечебницах... Кастор был несколько удивлён, когда узнал, что земляне получают от музыки настоящее удовольствие! Причём, они относились к музыке, как к особому виду наркотика — зачастую увлекались мелодиями, которые угнетающе действовали на нервную систему, вызывали депрессию и головную боль. В этом определённо что-то было... Быть может, ключ к его работе?

Вынужденная ночевка в лаборатории как раз подходила для того, чтобы проверить одну из теорий Кастора, и он весьма удачно оказался подготовлен к такому развитию событий: вот уже несколько дней носил в кармане своего рабочего халата маленькую цветную пластинку, отливающую фиолетовым в свете ламп. Чистая контрабанда с Земли — подарок от старшего брата! За такое их обоих могли уволить из Озна и навсегда сделать отверженными. Но сейчас, в этой пустой лаборатории Кастор мог делать всё, что хотел...

— Мистер Питерсон, вы меня слышите?

Мужчина оторвал голову от пола и плюнул куда-то в пространство, но клейкая слюна лишь опутала его небритый подбородок, не долетев до предполагаемой жертвы.

— Полагаю, это можно считать положительным ответом. Как вы относитесь к музыке, мистер Питерсон?

— Что тебе ещё от меня надо, ублюдок?! Хочешь убить меня? Так сделай это! Прямо сейчас, давай! Я уже ничего не боюсь!

— Я задал вам вопрос, и хочу услышать конкретный ответ. Если вы будете вести себя разумно, то на сегодня эксперименты для вас могут закончиться. Итак, я слышал, люди признают в музыке не только терапевтический эффект, так как вы к ней относитесь?

— Да нравится она мне, ублюдок, кровопийца, нравится!

— Отлично!

Кастор вставил пластинку в универсальный проигрыватель-декодер и включил: из динамиков стеклянной комнаты полилась приятная нежная музыка.

— Что это? Господи, что это? Что за муку вы ещё придумали? Психи вы несчастные, прекратите!!! Я этого больше не вынесу!!!

Человек упал на пол, свернулся калачиком и разрыдался горькими отчаянными слезами ребёнка.

— Я так больше не могу, я так больше не могу! Отпустите меня, пожа-а-алуйста!

Кастор слушал его мольбы с улыбкой на губах — он наконец-то увидел на мониторах то, что так давно хотел там увидеть! Мысленно молодой учёный уже выступал перед советом Озна со своим докладом, оттесняя старика Грелына на вторые роли, когда несчастный заключённый стеклянной комнаты вдруг вскочил со своего места и с диким воплем бросился на прозрачную стену.

— Что?!

Кастор вскочил с места, спешно открыл дверь в камеру и бросился к распростёртому телу, но было слишком поздно — подопытный расшибся насмерть.

Событие оказалось малоприятным: Кастору требовался живой подопытный образец, чтобы убедить совет! А господин Питерсон — упрямый поселенец Туманикской колонии — был последним подопытным образцом, который совет разрешил привезти на Сониту! Конечно, у совета не будет выбора, и они допустят снова... Но на этот раз всё может оказаться печальнее уже для самих исследователей!

В досаде Кастор поддел бесполезное тело ногой, вернулся к контрольной панели и перещёлкнул фиолетовый тумблер — в стеклянной комнате тут же сверкнула яркая вспышка, которая, погаснув, не оставила после себя ничего, кроме прозрачных стен и жёлтых кругов на полу.

Теперь единственной надеждой Кастора была видеозапись эксперимента. В принципе, запись могла донести до зрителей суть открытия молодого учёного. Главное было заменить на ней звук — поставить что-нибудь нейтральное, сонитанское. Кастор умел работать с нужными программами, но качественная подделка требовала времени... К тому же, у совета наверняка должна была возникнуть масса вопросов, почему запись обрезана и не промаркирована временными маркерами... Кастор сильно рисковал, не только своей карьерой — жизнью! Но тем сильнее ему хотелось попробовать триумф на вкус...

Обработка записи отняла у Кастора несколько дней; он недосыпал, и на работе

чувствовал себя совершенно разбитым, что вскорости заметили даже его коллеги. Однако чутье подсказывало ученому — его труды вознаградятся...

Так что в знаменательное утро презентации Кастор Жонс, проснувшись раньше обычного от прикосновения солнечного луча к своей щеке, не поморщился, а довольно улыбнулся. Погода на улице как раз соответствовала его приподнятому настроению: чистое серебряное небо нарядилось рядами жемчужных бус — высоких перистых облаков, мчащихся так быстро, что от долгого созерцания кружилась голова. Город, до того сонный и ленивый, как будто пробудился ото сна вместе с Кастором, и пришёл в движение, с каждой минутой всё ускоряясь.

Несмотря на раннее пробуждение, Кастор замешкался, загружая в крипер свой доклад, поэтому одеваться ему пришлось быстро, и на улицу он выскочил второпях — бросился к отходящему парому, не оглядываясь на степенно бредущих соседей.

Гаюна была основным транспортным руслом города, и её главный поток проходил мимо большинства правительственных зданий, в том числе и Озна, так что, в отличие от остальных горожан, Кастор практически не ходил пешком. В недалёком прошлом жители Белаир-Траура вовсю пользовались летательными карами, причём каждая семья считала обязательным иметь в своём распоряжении хотя бы две машины. Однако чрезмерно насыщенное воздушное движение вредило психологическому состоянию городских обитателей, не говоря уже о катастрофических последствиях для перелётных птиц и опыляющих насекомых. Поэтому на всеобщем голосовании было решено заменить личный транспорт общественными воздушными линиями. Основное же передвижение по городу легло на речной транспорт: русло Гаюны утомили системой многочисленных каналов и шлюзов, которые пересекли город вдоль и поперёк, превратив Белаир-Траур в подобие земной Венеции. Благодаря нововведениям многие жители совершенно позабыли, что такое личный транспорт, и перешли на пеший ход.

Кастор расположился у левого борта, наблюдая, как перед глазами проплывает нежная зелень городского парка, и слышал слабое пощипывание в руке и тонкий плачущий звук, отозвавшийся множественным эхом вокруг: пассажиры как один закатали рукава и уставились на всплывшие перед глазами облачка голографий. Это было ежедневное голосование от городской администрации, которое специально проводилось в час пик, чтобы бесполезное путешествие по руслу реки стало временем полезного вмешательства граждан в управление городом. Жители были не против узнать о проблемах города и его новшествах, однако в шутку не раз высказывали своё недоумение, когда же проведут голосование о времени проведения этого ежедневного опроса, ведь многих оно заставляло в самый неподходящий момент. Другое дело — общегосударственные голосования, которые проходили дважды в день: в полдень и в семь вечера. В это строго установленное время все рабочие места, кроме транспортных веток и жизненно важных предприятий, замирали ровно на полчаса, в которые граждане должны были ознакомиться с основными проблемами государства и выбрать из круга предоставляемых решений наиболее приемлемые. Составлением «решений» занимались многочисленные специализированные учреждения, которые помимо таких государственных консультаций занимались своей повседневной научной или практической деятельностью. Подсчёт голосов проводился мощнейшими серверами в течение пятнадцати-двадцати минут, поэтому не возникало никакой волокиты, и учитывались мнения всех граждан планеты. Те, в свою очередь, обязаны были соблюдать процедуру голосования, и с восемнадцати лет обзаводились подкожными голографическими

приёмниками.

Кайлай не любил тратить время на голосования, хотя и понимал их чрезвычайную важность. Они не только были рычагом управления, но и являлись основным источником новостей об экономическом и политическом состоянии планеты. Однако молодой учёный ставил свои изыскания гораздо выше каких бы то ни было политических треволнений. Ведь он как раз искал «решения»...

Рассеянно отвечая на всплывающие вопросы, Жонс скользил взглядом по зелёной кромке леса, уходящей в серебристый хрусталь неба, и слабо улыбался своим мыслям. Наконец, паром причалил к его остановке, и Кастор легко спрыгнул на пружинистый деревянный настил причала. Перед ним возвышалось неприступное, как скала, здание Озна, сияющее известковой белизной в лучах утреннего Лутупуса...

— Сегодня так солнечно! — бодро заметил Кастор, широкими шагами пересекая конференц-зал. — Настоящая весна!

Мужчины за столом согласно кивнули, но было очевидно, что им не терпится услышать новость, из-за которой их собрали в такую рань.

— Я бы хотел сразу начать с главного, но... где же ручка, ах вот... Но дело в том, что мой руководитель — Борей Грелын — заболел, и мне придётся задержать вас ещё на несколько минут, пока курьер привезёт необходимые документы... И раз уж мы всё равно ждём, будьте так любезны, рассмотрите моё небольшое прошение на обновление лабораторного оборудования! Я составил реестр изношенных аппаратов, и если бы вы могли сейчас подписать кое-какие бумаги...

— Жонс, для этого существует канцелярия. Лучше бы ваш курьер поторопился — я уже начинаю сомневаться в целесообразности нашего совещания без присутствия руководителя лаборатории.

— Поверьте, господин Мер, мое открытие стоит вашего ожидания. А пока рассмотрите реестр...

— Поразительная самоуверенность, Кастор. Давайте ваш реестр.

Конрод Мер, едва слышно фыркнул, проглядел прошение глазами и черкнул размашистую подпись. Остальные члены собрания сделали то же.

— Чудесно! Я очень вам благодарен!

Кастор потёр руки от удовольствия.

— А вот и мой курьер!

— Как вовремя, — проворчал кто-то из собрания.

Жонс повесил распечатку гистограммы на штaket и настроил проектор.

— Начнём с главного? Прошу обратить внимание на данную гистограмму. Это человеческий мозг — его чувства. В отличие от меня, вас, и любого сонитанина, человеческий мозг испытывает не только болевые ощущения, раздражение, удовлетворение от достигнутого, но ещё и постоянно забит ужасающей по величине и бесполезности гаммой чувств. Именно поэтому нервная система человека имеет огромный потенциал для энерговыработки, в то время как его тело обладает высоким сопротивлением. Человек реагирует на малейшие раздражители взрывом чувств — это мы уже знаем. Однако поиск устойчивого механизма, который бы оказывал наибольшее воздействие на людей — вот, что всегда было нашей целью! И на днях мне удалось достичь этой цели...

Кастор включил голозапись стеклянной камеры, в которой корчился от боли

пронзаемый током человек.

— Боль, Кастор? Если вы это хотели нам показать, то я вынужден...

— Немного терпения, господин Мер, — перебил Кастор.

Недовольный сонитанин пробормотал себе под нос, но всё же продолжил смотреть. Внезапно его лицо слегка исказилось от изумления — в этот момент на голоизображении подопытный образец свернулся калачиком, пытаясь противостоять воздействию тончайшей мелодии.

— Музыка, господа! Обычная терапевтическая мелодия довела подопытный образец до умопомешательства, в то время как мы попросту не замечаем её негативного воздействия на фоне лечебных свойств! Предыдущие эксперименты подтверждают, что полуживотные в большинстве случаев реагируют одинаково, то есть, их ответная реакция — не есть аномалия, а устоявшийся, передающийся генетически рефлекс. Это даёт мне основание считать, что следующий образец полностью подтвердит мои выводы.

— Подопытный образец мёртв? — холодно поинтересовался Конрод Мер. — Тогда ваше заявление неприемлемо. Вы наверняка просто довели полуживотное до критического состояния, а уже изучено, что и простой сонитанин способен...

— Да, вы, конечно, правы, проверить мертвый мозг невозможно. Но я заверяю вас: в следующий раз мы проследим, чтобы этого не случилось. Подопытный образец давал стабильную энергию, я смогу доказать это, как только вы позволите!..

Конрод Мер тяжело поднялся со своего места и смерил Жонса равнодушным и холодным взглядом.

— Озн обеспечивает лабораторию всей возможно аппаратурой, экземплярами, и препаратами. Мы хотим видеть результаты. Какой это образец? Четвёртый? Пятый? Они все гибнут под вашим чутким надзором — объясните мне, почему?.. Общество, уважаемый Кастор, нуждается в неоспоримых доказательствах, что человечество способно обеспечить Сониту генетическим материалом, который выведет планету из энергокризиса. Только тогда оно согласится на этот отвратительный шаг... Поэтому нам нужны ваши результаты, а не жалкие попытки оправдаться.

После жёстких слов главы Озна ученый почувствовал — кажется впервые в жизни — что кровь отлила от его щек, и сердце скакнуло в груди где-то возле самого горла...

— Если бы вы просто согласились завозить сюда людей на выращивание, доказывать необходимость этого генного извращения не было бы нужды! — внезапно прошептал он осипшим голосом, и тут же сам пришёл в ужас от сказанного...

К сожалению, члены собрания услышали его и замерли с вытянутыми лицами: несколько сонитан даже вцепились руками в столешницу и были готовы ринуться прочь из кабинета в любую секунду — настолько крамольные слова слетели с языка Кастора... Но Конрод Мер не выказал ни капли замешательства: он приблизился к Кастору вплотную и прошипел так грозно, как это вообще было возможно для сонитанина:

— Не смейте говорить такое! Не смейте даже в мыслях допускать, чтобы эти твари ходили по Соните! Мы едва успеваем избавляться от своих выроdkов — этого вполне достаточно. Или вы забыли, Кастор, что решение о генном смешении принимал Высший совет Сониты?..

Кастор вздрогнул и побледнел ещё сильнее, но не отступился:

— Да, Высший совет Сониты. За закрытыми дверями. Один, сам по себе, без всеобщего голосования! Иначе кто бы согласился на подобное извращение, не так ли? Отдать своего

ребенка в пожизненную энерго-резервацию!.. — дрожащим голосом протараторил учёный, едва сдерживая рвущееся изнутри волнение.

Его слова стали последней каплей — Мер слегка покраснел от возбуждения, весь подобрался и издал нечто наподобие грозного крика:

— Пойдите вон, ходячее ничтожество! Вас ждут большие неприятности, господин Жонс!

Остальные члены заседания тоже повскакивали с мест со слабенькой смесью возмущения и негодования на лицах, но, несмотря на показной гнев, никто из них не посмел взглянуть в глаза учёному, пока тот проходил мимо к дверям — они сочувствовали его страшной участи.

Жонс выскочил за дверь и бросился прочь по коридору, сам не понимая, что только что произошло? Кто тянул его за язык? Эмоции, которых он в жизни не испытывал, вдруг перелились через край и прорвали плотину в его голове! Возмущение, досада — откуда взялись эти чувства, так некстати развязавшие Кастору язык? И к чему был весь этот спор, когда он просто мог принять поражение и продолжить свою работу?!

А Мер? Озновец тоже оказался хорош! На мгновение Кастору показалось, будто он видит перед собой живого землянина, а не уравновешенного гражданина Сониты. Про себя Кастор молился, чтобы угроза Мера оказалась не всерьёз... но где-то в сокровенной глубине своей души молодой ученый хорошо понимал, что задел самое болезненное нервное окончание подразделения внешней безопасности Сониты, и теперь ничто не могло закончиться хорошо.

На фоне горестных размышлений совершенно неуместно проскочила коротенькая мысль, что в свете обстоятельств Кастор абсолютно зря несколько недель так упорно травил старика Грелына специальным паралитическим ядом, привезённым не откуда-нибудь, а с самой Земли его братом Кайлаем. Брат уверял, что яд расслабляет мышечную систему, и ни коим образом не влияет на нервную — сонитанские врачи ни за что бы не отличили такие симптомы от паралича... Пожалуй, стоило сегодня же дать старику противоядие и подождать с его трагической для карьеры болезнью до более благоприятных времён, ведь наиболее вероятный преемник Грелына гражданин Сониты Кастор Жонс мог исчезнуть с лица планеты ещё до заката солнца...

Эта казнь развитого общества сонитан была самой жестокой с сотворения их мира. Каждый, кто подвергался процедуре либо безнадежно утрачивал всякое желание жить, либо превращался в механическое подобие куклы, которая выполняла самую грязную и непочётную работу. Суть же казни была чрезвычайно проста: общество отвергало своего гражданина и полностью отворачивалось от него. Приговорённого считали недостойным гражданином, который утратил все свои моральные ценности и опустился до уровня примитивного животного. В соответствии с этим сонитане жалели его, обеспечивали малоинтеллектуальной работой, жильём, но презренно и холодно игнорировали. «Ничто» не имел ни малейшей возможности завести друзей, семью, реализовать свои амбиции или таланты. Только одно могло утешить казненного — родные, если таковые имелись. Но и здесь был свой подвох: воспитанные сонитанским обществом граждане очень серьёзно относились к всеобщему отторжению, и даже кровная связь не могла этого изменить.

Во времена, когда правительство оказывало меньше влияния, казни подвергались только отъявленные девианты: убийцы, насильники — совершенно асоциальные элементы. Кроме того, что их морально отсекали от общества, преступников также ограничивали и физически, чтобы они не смогли нанести ещё большего вреда гражданам. Обычно для таких

целей пользовались стероидами или гормонами, снижающими половую активность и подавляющими те участки мозга, которые отвечали за агрессию.

Многие «ничто» не выдерживали отторжения и накладывали на себя руки, не принимая образ животного в себе так же, как и общество. Некоторые — но таких было немного — соглашались на роль изгнанников и вели тихий уединённый образ жизни, выполняя обязанности уборщиков, грузчиков или иных представителей трудоёмких но не слишком почётных в обществе профессий. Единицы принимали образ зверя в себе и уходили жить в заповедные зоны Сониты. Обычно среди подобных отщепенцев были те, кто раскаивались в содеянном, но не осуждали свою связь с инстинктами, побудившими их на преступление. Такие сонитане считались самыми тяжёлыми отступниками. Их пробовали лечить, однако необратимые врождённые изменения в мозге, приводившие к повышенной чувствительности и эмоциональности, не поддавались коррективке или уничтожению.

Сонитан, переродившихся в животных, принимали как животных. Говорящих, разумных животных — хищников.

С ужесточением власти угроза стать «ничем» обрела более широкий диапазон действия. Привыкшее доверять правительству, общество не стремилось разобраться в правомочности приговора, и теперь под угрозой мог оказаться любой, даже самый высокоинтеллектуальный и развитый сонитанин...

Зная себя, Кастор давно оценил возможность возникновения подобной ситуации в отношении своей личности; какая-то часть его разума даже была иррационально уверена, что рано или поздно это должно было с ним случиться... Он определённо не желал становиться одним из тех, кто наложит на себя руки в порыве раскаяния в природе своего рождения, потому что Кастор считал себя образцовым сонитанином, с чуть более выраженными амбициями, чем у всех. Не относился молодой учёный и к экстравагантным отщепенцам, живущим, словно дикие хищники, под открытым небом. Однако перспектива стать механической куклой для уборки помещений не приводила его в восторг. О-о, отнюдь нет! У Кастора были свои, грандиозные и честлюбивые планы на счёт работы в Озне и связи с землянами. И теперь всему этому мог прийти конец! Только лишь потому, что Кастор не сумел удержать свой чересчур свободолобивый язык за зубами!

Учёный быстро проскользнул в закрывающиеся двери отдела доставки, зная, что у него нет входного ключа.

— Эй! Эй, постойте! Сюда вход запрещён, без допуска нельзя! — окликнул Кастора охранник.

Учёный обернулся и попытался обезоруживающе улыбнуться, но вышло кисло.

— Так спешил, что ключ забыл!..

— Тогда попрошу вас удалиться, гражданин!

— Ну, погодите... Я так спешу, у нас эксперимент горит! Срочно нужно оборудование, мы его неделю ждали — заказ шёл через самого Конрода Мера.

— Ничего, — успокаивающе протянул охранник, — сходить за ключом — минутное дело!

— Если бы так...

Кастор доверительно придвинулся к охраннику.

— Я случайно оставил свой ключ у отверженного родственника на Проторее. Тот заболел, а выбраться из дома не смог, совсем умом повредился! Но начальству ведь не скажешь, куда мой ключ делся... Да и жена тотчас узнает...

— На Проторее же сейчас энергетический карантин...,- задумчиво прошептал охранник.

Похоже, Кастор попал в самую точку: многие сонитане имели отверженных родственников или знакомых, которым сочувствовать было нельзя, но очень хотелось. Хотя бы украдкой, хотя бы иногда... Видимо, охранник был одним из таких «сочувствующих».

— Вот именно! Меня уволят, если узнают, что я летал в зоне тишины... Так что ключ я «потерял». А новый придётся ждать ещё неделю. И, как на зло, право выписки оборудования есть только у меня из всей группы... Помогите мне.

Охранник передёрнул плечом и сдался:

— Покажите подписную на получение.

Кастор с волнением развернул только что подписанную всем собранием бумагу. Охранник подумал, потрогал нижнюю губу в нерешительности, и всё-таки пропустил его.

Это была большая удача! На самом деле ключ был только у Грельна, как у руководителя группы. И если бы старик увидел, что именно заказал его подчиненный, он бы наверняка всё понял без лишних слов. А это Кастору было совершенно ни к чему — никто не должен был знать о планах Жонса! Никто, кроме его брата, естественно.

«Быть может, всё обойдётся», — повторял про себя, как заведённый, Кастор, направляясь в лабораторию с тележкой, доверху нагруженной оборудованием.

Но не обошлось.

Как только он прошёл створчатые двери до боли знакомого исследовательского корпуса, его с оружием в руках встретила пара солдат Озна и предложила сопроводить к месту заседания суда.

Не веря в происходящее, Кастор упёрся ногами и закричал, но его никто не послушал. Он метнулся в сторону от двери, в которую его пытались протолкнуть, однако солдаты и тут были настороже и не дали ни малейшей возможности бежать.

В итоге Кастор оказался в кабинете Грельна — небольшой каморке, заваленной отчётами и картонными папками с архивными документами. За массивным столом, который занимал половину комнаты, сидело четверо сонитан: прокурор, защитник, судья и контролирующий.

Четыре пары глаз были устремлены на вошедшего: бесстрашные и бесстрастные.

— Вы обвиняетесь, — спокойно доложил прокурор и протянул Кастору папку с обвинением, под которой стояла подпись Конрода Мера.

— Да, я уже понял.

— Хотите что-то сказать в вашу защиту? — безразлично поинтересовался государственный защитник.

Это было чистой формальностью... Вот если бы под обвинением стояла чья-то другая подпись, а не главы Озна, тогда можно было бы поторговаться, а так...

— Нет, — устало ответил Кастор и присел в крутящееся кресло, — давайте поскорее закончим эту процедуру, я не хочу долго ждать.

— Хорошо, — согласился судья и достал шприц. — Приготовьтесь, гражданин Жонс, будет немного больно.

Короткий укол в висок вывел его на несколько минут из сознания.

Когда он разлепил затуманенные слёзами веки, то услышал окончание приговора:

— Отныне вы не являетесь гражданином и не имеете прав сонитанина. Общество позволяет вам носить ваше прежнее имя, жить в отведённых для вас апартаментах и

участвовать в полезной обществу деятельности. Из уважения к вашим прежним достижениям, руководство исследовательского центра решило оставить вас в штате в качестве уборщика. Можете приступать к обязанностям с завтрашнего утра. Суд окончен, приговор приведён в исполнение.

Четвёрка посланников новой унижительной для сонитанина жизни быстро удалилась, оставив Кастора в полубреду под действием гормонов.

Он нескоро смог самостоятельно подняться на ноги и добрести до выхода. По пути ему встретился охранник, который ещё час назад так сочувственно вошёл в его «положение» и помог с получением оборудования. Тот заговорщицки улыбнулся и хотел было поинтересоваться, как у Кастора идут исследования, но, увидев свежепроступившую пигментную звезду на лбу бывшего учёного, в страхе отшатнулся от него, как от прокажённого, и быстро пошёл в другую сторону.

Кастор никак не отреагировал.

Он стоически молча терпел мимолётные оскорбительные взгляды встречных сонитан, добираясь до дома, и не обращал внимания, как молодые мамыши прячут глаза своих детей при виде отверженного.

Лишь когда за ним закрылась дверь его собственной квартиры, Кастор смог расслабиться и окончательно прийти в себя...

Но в том-то и дело, что ему не хотелось приходить в себя! Он слишком хорошо знал, что не смирится, никогда не смирится с произошедшим! Кастор не обманывался на собственный счёт — ему хотелось власти, внимания, признания... Лишившись этой перспективы, он готов был на что угодно, хоть на лоботомию, лишь бы забыть о своём нынешнем положении! Очень кстати вспомнилось, что в подпольном сейфе, который они на пару с Кайлаем соорудили несколько лет назад, хранилась контрабандная бутылка земного наркотика, под названием алкоголь.

Кайлай принялся тащить с Земли всё, что только можно, когда впервые начал выходить в конспиративные рейды на планету полуживотных. Он пользовался возможностями своего допуска, и привозил брату в подарок совсем не безобидные сувениры... Кастор тогда начал справедливо опасаться, что его старший брат попросту свихнулся на культуре землян — таким неуёмным казался его интерес. В отличие от Кастора, Кайлай не боялся пробовать на себе все эти земные гадости, вроде табака и алкоголя... Если бы не опыт брата, Кастор ни за что не решился бы на это и сейчас! Но соблазн забыться был слишком велик... Поэтому Кастор, без особых размышлений, открыл кодовый герметичный контейнер, вмурованный в пол, откупорил бутылку, налил себе немного золотистой жидкости в стакан и разом выпил, не оглядываясь на удушливый вкус и обожженное горло. Похоже, алкоголь действовал на нервную систему сонитан с ужасающей силой и стремительностью: Кастор моментально потерял ориентацию в пространстве и тяжело осел на пол. По конечностям разлилась приятная неодолимая истома, уносящая разум в пустоту, но недостаточно сильная, чтобы полностью избавиться от реальности: в какое-то мгновение он всё же вспомнил, почему решился выпить дурманящий яд, и из его воспалённой головы родился истерический смех... Кайлай хохотал до слёз, до колик в боку — он в жизни так не отдавался всепоглощающему смеху! Но вскоре его истерический смех перешёл в рыдания, и вот уже мужчина корчился на полу, изгибаясь от беззвучных криков, катаясь из стороны в сторону, царапая пальцами ненавистный пигмент, который вывел на его коже безобразную метку отверженного... Наконец, чуть успокоившись, но превозмогая тяжелейшую усталость, Кастор сел за

приборную панель стационарного коммуникатора, чувствуя как мир кружится и качается вокруг него. Затем с трудом набрал номер своего брата, который вот уже пол года нес службу на станции Озна в околоземном пространстве.

— Джозеф Жонс на связи! — бодро рявкнул с экрана образ его старшего братишки; Кайлай практически никогда не выходил из образа и с удовольствием отзывался на свой оперативный псевдоним. — Кастор, это ты? Чего молчишь?

Но эфир продолжал сохранять тишину, и тогда Кайлай — где-то там, за тысячи световых лет от Кастора — внимательно всмотрелся в монитор своего стационарного коммуникатора — его лицо надвинулось на экран и забавно увеличилось.

— Брат, что с тобой?..

— Меня отвергли, — насмешливо выплюнул слова Кастор и опустил голову.

Секундное молчание сменилось совершенно неожиданной усмешкой Кайлая.

— Они что, узнали про нашу затею?

Кастор встрепенулся и решительно помотал головой:

— Нет. Просто я намекнул этому ублюдку Меру, что использовать землян как рабочую силу было бы гораздо выгоднее, и ни один сонитанин не согласится на добровольное уродование своих генов.

— О-хо! Ну ты и выдал, братишка!.. Людей к Соните не подпустят и на пушечный выстрел! Никогда...

— Какая мне теперь разница?! Я буду работать в лаборатории уборщиком! До конца своих дней я буду мыть полы, вместо того, чтобы совершать великие открытия!

Кастор вскочил со стула и принялся нервно расхаживать по комнате, кусая губы.

— Кастор. Кастор! — спустя какое-то время позвал Кайлай. — Я понимаю, ты расстроен, но ведь это можно выгодно использовать!

— Выгодно использовать?! Ты с ума сошёл, да?! Как?! Как?!?

— Поразмысли сам, братишка, ведь ты всегда был мозгом в нашей команде! — неожиданно лукаво ответил Кайлай и прервал соединение.

О, брат знал, что младший Жонс просто обожает загадки и не устоит ни перед одной! Кастор с досадой хлопнул себя по колену и уставился в тёмный монитор. Кайлай никогда и не в чём не уступал брату, а подчас проявлял себя гораздо более проницательным и дальновидным сонитанином. Он мог бы с таким же успехом возглавить какую-нибудь научную лабораторию, но выбрал другое поле деятельности из-за своего беспокойного по сонитанским меркам характера... Значит, выгодно использовать ситуацию?.. Что же Кайлай имел в виду?

— Джозеф, хитрый пасюк! — радостно хлопнул себя по лбу бывший учёный. — Ну, конечно же! И как я раньше не додумался? Ничего, эти зазнавшиеся Озновские снобы ещё пожалеют, что так бесцеремонно вышвырнули меня!

Кастор подбежал к почте, в которой уже лежала посылка с его новой униформой и входным ключом от всех помещений. Он радостно развернул бурую обёрточную бумагу, встряхнул серо-синий мятый комбинезон, приложил к груди и улыбнулся своему отражению: быть может, отторжение обществом и стоило того, что задумал коварный учёный!

Земля, Гомельская область, город Ельск.

Хотя зрение Романа Евгеньевича очень быстро восстановилось, врачи предпочли оставить его в лунном госпитале ещё на несколько месяцев — для наблюдения за психическим состоянием. Если бы Роман Евгеньевич внял мольбам молодой жены и настоял на выписке, никто бы не смог задержать его долее. Но Прахов очень спокойно воспринял известие о продлении своего заточения, и, вопреки ожиданиям врачей, не стал против него возражать — что было тут же приписано в его медицинскую карточку как ещё один симптом.

Явный прогресс пациента обязал докторов позволить Прахову принимать посетителей во время своего вынужденного заточения в стенах больницы, однако Роман Евгеньевич предпочёл ни с кем не общаться, и это при том, что поначалу его палату буквально осаждали друзья и родственники! Впрочем, визиты продолжались недолго: буквально через неделю поток посетителей совершенно иссяк без видимых на то причин. Врачи заинтересовались происходящим, подняли записи камер видеонаблюдения, и сделали неожиданный вывод: Роман Евгеньевич намеренно приложил некоторые усилия, чтобы не видеться с женой и опекуном, а также со своими выписавшимися друзьями. Это был ещё один тревожный звоночек, но врачи не смогли привязать его к истории болезни, потому что в стенах больницы Прахов вёл себя очень мило и дружелюбно, спокойно вступал в беседы с обслуживающим мед. персоналом и охотно посещал процедуры. Благодаря такому покладистому поведению, Роман Евгеньевич заслужил себе выписку на две недели раньше положенного срока, и покинул лунный госпиталь, не уведомив об этом никого из друзей.

Видимая бесстрастность давалась Роману Евгеньевичу нелегко. Первые дни после своего «прозрения» он изнывал от страстного ежесекундного желания разорвать в клочья всё, что оказывалось под рукой, а ночью закусывал подушку и беззвучно кричал, задыхаясь от перенапряжения и отчаяния — муки совести были почти невыносимы. Но днём ему приходилось играть роль образцового пациента: улыбаться, когда это было необходимо, выполнять все возможные процедуры, мило здороваться с мед. сестрами, а в десять вечера ложиться спать. Конечно, Роман Евгеньевич только делал вид, что ложится спать — на самом деле он почти забыл, что такое нормальный сон за эти дни... Лишь на рассвете его настигали лёгкие дрёмы, причем, и те не давали покоя, наполняясь беспокойными снами и пустыми надеждами.

Именно поэтому Роман Евгеньевич не хотел встречаться с женой и друзьями — чтобы не обманывать ещё и дорогих ему людей. Конечно, он понимал: рано или поздно ему придётся встретиться с родными лицом к лицу и продолжить играть всё ту же злую комедию, но Прахов полагал, что со временем его чувства поутихнут, а душа смирится с неизбежным злом и обретёт привычное спокойствие.

Как оказалось, судьба не собиралась облегчать страдальцу эту задачу: неожиданное прибытие на Землю, не придало Роману Евгеньевичу спокойствия, а только всё усугубило: стоя под окнами любимого дома в зарослях бархатцев, которые обидчиво-горько запахли, когда их измяли сапогами с рефлёной подошвой, он неожиданно узнал, что жена ему изменяла. Сначала Роман не поверил своим глазам: та, что так преданно ему писала,

звонила, приходила навещать... вдруг в объятиях другого! Но постепенно в голове всплыли отдельные моменты... Опушенный виноватый взгляд. Запах новых духов, какими она никогда не пользовалась. Её долгое молчание в телефонную трубку, когда Роман отказывался прилетать на Землю, ухватившись за очередной рейд. О, Прахова слишком часто не было дома! Он сам возвёл стену посреди отношений с женой, а теперь лишь наблюдал последствия. Все иллюзии о нормальной жизни с треском рухнули вниз, а начинать что-то заново не было ни сил, ни желания... Роман быстро зажмурился, выдохнул, чтобы откатил жгучий комок от горла, и снова втянул воздух носом. Затем выбросил крипер (наручный коммуникатор) в заросший ростками молодой пшеницы цветник, небрежно стукнул калиткой, не закрывая, и быстро сел в машину. Не медля ни секунды, завёл мотор.

Она, конечно, услышала и выбежала.

Растрёпанная, в незапахнутом халате и в шёлковой ночной рубашке, с бледными синяками под глазами. Не спала ночами, дожидаясь мужа? Едва ли!

Роман Евгеньевич подождал, пока она подбежит ближе, и со всей силы ударил по газу. Реактивные турбины взвыли, обдав женщину клубами пыли и выхлопных газов. Катя упала на траву, всё так же потерянно глядя в кабину автомобиля. Он ей улыбнулся, кивнул, и взмыл в тёплое ночное небо.

«Ну и что же ты теперь собираешься делать?»- мысленно поинтересовался Роман у своего отражения, невозмутимо взирающего с лобового стекла, озаренного светом большой и красивой луны.

Над зданием Командования, очевидно, прошёл дождь — посадочная площадка казалась Роману голубоватой из-за отражённого в мокром полиаргоните неба. Утренний воздух всё ещё дышал озоновой чистотой, и хотелось вечно стоять вот так и вдыхать приятный аромат пробуждающегося утра, но с некоторых пор Роман не любил восход солнца, поэтому поспешил спрятаться от показавшихся из-за горизонта робких лучей в тёмном коридоре, ведущем в пункт управления полётами.

Пока он добирался до кабинета Олега Павловича, офисы окончательно проснулись: повсюду уже шумела работа, гудели коммуникационные, сквозь раздвинутые жалюзи нескончаемым потоком лился оранжевый свет, от которого просто негде было укрыться...

Повышенная светочувствительность стала побочным эффектом после восстановления сетчатки глаз — доктора прогнозировали от трёх до четырех месяцев адаптации вновь выращенных чувствительных рецепторов к солнечному свету и яркому искусственному освещению, поэтому весь этот период Прахову рекомендовалось избегать прямого контакта с солнечными лучами и носить тёмные очки с автоматической регулировкой проницаемости, которые Роман постоянно забывал то там, то здесь. Он и сейчас не смог их обнаружить в карманах, так что брёл по коридору уже практически на ощупь, не разбирая дороги из-за выступившей на глазах влаги. Столкновение оказалось неизбежным — и не слишком приятным для офисного сотрудника, потому что натолкнуться на разведчика было всё равно, что прыгнуть на бетонную стену (командование уделяло особое внимание физической подготовке космонавтов-разведчиков).

— Вы что, обалдели?! — тут же взвился юнец, преисполненный справедливого гнева, но признал в Романи Евгеньевиче космонавта и быстро сдулся, — О, простите! Я не знал... Давайте я вам помогу.

— Спасибо, — пробормотал в ответ Роман, и позволил проводить себя до кабинета с табличкой «Распределяющий».

Картранский каким-то непостижимым образом уже знал, кто заявился к нему в такую рань, и нисколько не удивился, когда увидел своего названного сына в дверях, хотя Роман Евгеньевич не предупреждал о визите. Вместо бурных приветствий и вопросов, Олег Павлович затемнил окно, усадил Прахова на диванчик и вручил ему сухие салфетки — промокнуть воспалённые глаза.

— Ну что, какие новости? — наконец поинтересовался Картранский: он всегда начинал разговор так, будто они не виделись всего пару дней, и за это время не могло случиться ничего серьёзного. — Наверняка в полёт опять проситься будешь?

— Да, — с легкой улыбкой покорно согласился Роман Евгеньевич.

Ответ явно не обрадовал Картранского — радость на его лице слегка потускнела, но Олег Павлович не любил начинать беседу с нотаций, так что он просто включил чайник, чтобы как-то замять паузу, и достал из-под стола маленькую металлическую лейку, с помощью которой принялся поливать цветы в горшках, расставленные по всему кабинету.

— Ты как всегда приходишь спозаранку — я только в кабинет вошёл, ни чаю попить, ни цветы полить не успел!...- последовала долгая пауза, после которой Олег Павлович, как бы невзначай, поинтересовался, — Рома, а когда ты выписался из госпиталя?

Прахов уже было открыл рот, но память подсказала ему, что, скорее всего, вопрос был риторический — для разгона, поэтому не стал отвечать и просто приготовился терпеливо выслушать лекцию.

— Видишь эти цветы? Им нужны влага и тепло, чтобы выжить... Но больше всего этого они нуждаются в солнечном свете. Если ты будешь постоянно убегать от своей жены, она зачахнет без тебя, как цветок без солнца!

— Или найдёт себе другую звезду, — тихо, но отчётливо проговорил Роман, глядя в пространство.

Он знал, что Картранский всё поймёт и не станет развивать эту тему, опасаясь растревожить чувства пасынка. В любой другой раз Роман был бы ему за это благодарен... Только не сегодня. Странное дело, но с наступлением утра буря чувств в груди у Романа, которой, казалось, уже не будет конца, вдруг рассеялась. Теперь из-под её холодного тумана сверкали лишь пронзительные грани мыслей; и сделать окончательный рывок, который бы оторвал Романа Евгеньевича от прошлого, в таком состоянии оказалось удивительно легко — слова сами слетели с языка:

— Олег Павлович, я давно уже хотел поговорить с вами о том, чтобы уйти из разведочной группы. Ведь моё образование позволяет мне получить работу и в других областях космической разведки? В поверхностной инженерии, например, или в дальних перевозках?..

— Работу? В других областях? Ну конечно! — пробормотал Картранский, тщетно пытаясь попасть узким носиком лейки в небольшой просвет между жёсткими листьями какого-то гибридного цветка.

И тут до Распределяющего, наконец, дошло, о чём именно говорит его пасынок.

— Уйти из разведочной группы?! Вот так сюрприз, Роман! — воскликнул пораженный Олег Павлович, бросая лейку на стол и заливая водой столешницу. — Честно признаться, я ожидал этих слов от кого угодно, только не от тебя!.. И куда же ты хочешь податься?

Прахов предпочёл игнорировать саркастический тон опекуна, с удивлением отмечая,

как легко ему теперь поддаются собственные чувства.

— Мне нужно что-нибудь стабильное и длительное. Ну, скажем..., экспедиция к Туманике.

Олег Павлович возмущённо приоткрыл рот, и его брови медленно поползли вверх, придавая лицу сходство с мордочкой обиженного окуня. Эту особенность мимики Картранского еще до Романа подметили многие космонавты, так что подчинённые за глаза называли Распределяющего не иначе как «Окунь».

— Туманика?! Роман Евгеньевич, да ты, никак, умом повредился! Это даже не колония — военная станция!

— Научная станция, — поправил Роман.

— А думаешь, есть разница?! Или ты не слышал, каково там поселенцам? Что за бред, я тебя не пушу!

Роман Евгеньевич предпочёл не отвечать, и Картранскому ничего не оставалось, как взяться за уговоры:

— Ты о группе своей подумал? Что с ней будет, если и ты сбежишь?!

Этот аргумент на Романа не подействовал, и Окунь зашёл с другой стороны:

— В крайнем случае, я могу выбить для тебя местечко на Земле — мне, знаешь ли, такие сотрудники, как ты, и здесь нужны!

Нуль реакции.

— В конце концов, ты в отпуске сейчас! Отдохни, повремени! Может, и отношения с Катей наладятся... Вообще, думать забудь о Туманике! Это полнейшая чушь!.. Ну, чего молчишь?

Картранский развёл руками в немом вопросе, и Роман Евгеньевич понял, что на этот раз опекун ждёт ответа:

— Олег Павлович, вы же знаете, капитаном «Эпсилоны» взяли Костю Этруса — я всё равно улечу, дадите вы мне должность или нет, — спокойно ответил Роман.

Сухие слова больно ударили — это было заметно, но Распределяющий решил до последнего не подавать виду, лишь раздражённо вздохнул и опустил в кресло:

— Я знаю.... В последний раз прошу, Роман Евгеньевич, обдумай всё хорошенько! Ты ведь ещё от ожога не отошёл после того случая! Не разрывай моё старое сердце...

Прахов быстро отвел глаза в сторону и откинулся на спинку дивана — разговоры Картранского об отеческих чувствах всегда смущали его: даже в это мгновение удивительного душевного спокойствия упоминание о привязанности больно кольнуло Прахова в сердце. Но Роману нечего было ответить, так что он просто сменил тему:

— Работа — всё, что у меня есть, вы же сами прекрасно знаете. Не лишайте меня этого удовольствия.

— Значит... ты больше не хочешь иметь с нами дела?

— Я этого не говорил.

— Но подразумевал! Ведь ты бросаешь нас всех: меня, Катю! Подавайте ему дальние планеты, видите ли, на Земле плохо!.. И твоя группа — ты не хуже меня знаешь, что будет означать твой отлёт для группы Ушкова!

В груди что-то беспокойно шевельнулось, но Прахов остался спокоен.

— Андрея, Томаса и Аллана больше нет. Нави Апрекян потерял обе ноги, а у Кости протез четвёртого желудочка. Нас всё равно расформируют, так какая теперь разница, куда я подамся?

Олег Павлович нахмурился, но аргументов у него больше не было, а многие годы общения с пасынком убедили Картранского в непоколебимости решений Романа Евгеньевича. Поэтому он вошёл в главную сеть по контролю за работой персонала и сделал несколько запросов.

— Хорошо. На «Эпсилоне» ещё идёт набор наружных механиков, и я — так уж и быть — введу тебя в экипаж. По прибытии на Туманику отрекомендуешься управляющему поселением Завесе Савве Петровичу — это мой старинный друг, он подберёт тебе работу попроще... Через два года наемный персонал станции подменят, и ты сможешь вернуться на Землю. Но не вздумай потом жаловаться, что я послал тебя туда — сам напросился!

— Не пожалуюсь, — усмехнулся Роман и протянул Картранскому руку на прощание. — Пойду, сообщу Косте, думаю, он будет рад, что я в его команде.

Олег Павлович сжал ладонь Прахова обеими руками и с неизъяснимой грустью посмотрел ему в глаза.

— Лучше сходи полюбоваться городом — в следующий раз ты увидишь Землю только через двадцать шесть лет! Я уже буду немощным стариком... Все здесь состарятся, а многие умрут, Роман. Ты уверен, что хочешь этого? Расстаться с Землёй на такой долгий срок!

Прахов выдержал приличествующую ситуации паузу и ответил как можно увереннее:

— Старушка простит мне эту разлуку. Спасибо, Олег Павлович.

— Не благодари! Мне не нравится то, что я сделал!

— Всё равно спасибо.

Роман Евгеньевич вышел из здания Командования несколько смущённый, но довольный своим решением. Скомканное прощание с опекуном добавило реалистичности в его решение покинуть Землю: до этого мгновения он лишь по-детски радовался простой гениальности своего внезапного порыва, а теперь желание исчезнуть с этой планеты и из этого времени словно налилось массой.

Уже всюду светило тёплое июньское солнце, отражаясь в прозрачных витринах и окнах города; пришло в движение воздушное пространство, открылись многочисленные магазины и кафе, запахло свежесваренным кофе... Роман с удовольствием вспомнил, что ещё не завтракал, а это не входило в его повседневные привычки. Он выбрал себе столик на затенённой стороне улицы и сделал заказ.

Пока официант возился с кофейным аппаратом, Роман вывел на столешницу свежий выпуск интерактивной газеты и пролистал первые страницы.

— Опять ничего?

Мужчина даже вздрогнул от неожиданности и оглянулся на вездесущего официанта.

— Вы ведь про погибших космонавтов информацию ищите? Опять ничего нового, да? — молодой паренёк поставил перед Романом чашку кофе и быстро пробежал глазами открытую страницу. — По новостям только и делают, что говорят о большом прогрессе в поиске тел, но прошло уже два месяца, и я уверен, что они ничего не найдут!

— Почему тебя это интересует? — удивился Роман.

— Здесь каждый день завтракают космонавты, — улыбнулся официант и кивнул в сторону здания Командования. — Угадайте, о чём только и разговаривают последние два месяца? Невольно сам заинтересуешься... А вы что думаете?

— По поводу?

— Найдут ли тела на том астероиде? По мне так выброс раскалённых газов просто стер

их с лица земли — на что надеются поисковики?!

— Их не найдут...,- тяжело вздохнул Роман Евгеньевич и взялся за чашку кофе.

Он живо вспомнил Андрея. Точнее, ему навязчиво пришли в голову те искусственные воспоминания, которые были живым свидетельством его нынешней беспомощности и, возможно, трусости... Роман качнул головой и прогнал прочь фальшивые воспоминания о страшном дне, когда погибли его друзья. Он жив, светит солнце, растут цветы в аккуратных горшочках перед домами, по улицам ходят красивые девушки. Всё хорошо.

Всё хорошо.

Роман дёрнулся от прикосновения солнечного луча к щеке, тут же прослезился и поспешил надеть только что купленные в автомате очки.

— Эй! Роман Евгеньевич!

Перед входом в здание Командования остановился молодой щёголь в потрясающем блестящем костюме из полифториона, махнул Прахову рукой, перебежал улицу, рискуя попасть под низко летящие машины, и с силой сжал Романа в объятьях.

— Вот уж не ожидал тебя увидеть здесь, приятель! Эй, дай-ка посмотрю на тебя! Жие здоров! Если б очки не надел, я бы, честно, не признал. А тут, ну просто в глаза бросилось — сидит в тени, да ещё очки напяливает!..

— Рихард, что ты здесь делаешь? Разве тебе не предписали отдых в санатории под Штудбергом?

— Предписали, и что? — мужчина лукаво улыбнулся. — Сам-то ты где сейчас должен быть? К тому же, как видишь, я себя прекрасно чувствую!

— Да уж, вижу! Пиджак у тебя — просто глаз не отвести, — Роман попытался улыбнуться, но из глаз тут же сами собой потекли слёзы, и ему пришлось снова надеть очки. — А, чёрт!

Рихард с виноватым выражением лица поспешил стянуть с себя блестящий предмет гардероба.

— Прости, старик! Мне ведь повезло, опалило только спину...

— Ничего себе повезло! Ладно, проехали. Так что ты здесь делаешь? Уж не в полёт ли пришёл проситься?

— А-га! А я-то думаю, что эта лисица тут двери подпирает? Уже был у Окуня?

Роман усмехнулся догадливости друга.

— Был, только тебе там ничего не светит.

— Неужто прогнал взашей? — с любопытством поинтересовался Рихард, явно ожидая подробностей.

— Нет..., но тебе там всё равно ничего не светит. У меня особый случай, Олег Павлович дал мне карт бланж.

— В каком смысле?

— Послезавтра у меня полёт.

Зейнер откинулся на спинку стула и холодно осведомился:

— Халтуришь? Решил схлестнуться с другой группой, пока друзья не оправились? В принципе, не одобряю, но если срочно нужны деньги...

— Ты не понял. Я лечу туда не с отрядом.

— Не с отрядом? Один что ли?..

Роман промолчал, чувствуя, что сейчас грянет буря.

— Один?! Какого чёрта, Рома?! КАКОГО ЧЁРТА, я тебя спрашиваю?! Разве та

поступают? Ладно Томас, ладно Костя! — с их травмами путь в разведчики заказан. Но с какой радости ты-то уходишь?.. И куда же, интересно, тебя черти понесли?

— Туманика Змееносца. Слышал о такой? Её недавно начали осваивать...

— Туманика?! Ох, ну и сволочь же ты.... Ох и сволочь! Это же на двадцать лет!

— Двадцать шесть, — поправил Роман.

— Не суть важно! И когда ты собирался нам об этом сообщить, а? Ты ведь не собирался, правда? Стоило группе распасться, и он уже забыл наши имена! Куда ты потом вернёшься, скажи на милость?!

— Никуда, — Роман невозмутимо поднялся со стула, провёл крипером по платёжному автомату и взял свою куртку. — Я не собираюсь возвращаться.

Он отвернулся и решительно зашагал прочь по улице, однако Зейнер не собирался оставлять все так: он быстро догнал друга, крепко схватил его за локоть и развернул к себе.

— Как это не собираешься возвращаться? Да что с тобой, Прахов?! Что случилось?!

Роман высвободил руку, мысленно собрал все свои чувства в маленькую горошину и потерял её где-то глубоко внутри себя.

— Я просто не хочу больше жить на Земле. И работать здесь. Извини, что подвожу, но Окунь так и так разбросал бы нас по другим группам — без Андрея, Томаса и Аллана отряд уже не тот, ты сам это прекрасно знаешь. Пока, Рихард, может, ещё увидимся.

Сказал — как отрезал, и пошёл дальше, не оборачиваясь на потрясённого Зейнера.

Он знал, что Рихард, недоумевая, смотрит ему вслед, но ничего не мог поделать, чтобы утешить или подбодрить друга — внутри Прахова словно раскрылась неведомая ранее бездна, в которую без единого всплеска падали все чувства. Такого с Романом Евгеньевичем раньше не случалось, хотя он всегда отличался подчёркнутой уравновешенностью среди своих товарищей — членов команды Андрея Ушкова.

Андрей был одним из активистов введения в разведочную практику мобильных групп для быстрой разработки мёртвых безатмосферных планет и освоения суперземель. Он первым предложил методику высадки «разведочного десанта» на астероидные планеты и создал вместе со своими коллегами обучающие программы для новобранцев.

Прахов поступил служить в западное отделение дальней разведки уже спустя десять лет после начала успешной работы этого проекта, и ему повезло попасть именно в группу Ушкова, которая занималась поиском, и освоением новых экзопланет за пределами уже освоенной сферы «Пиала-2».

Само название этой профессии — разведчик — давно утратило свой первоначальный, земной смысл; те молодые ребята, что надеялись побегать с оружием по диким землям далёких планет, поступая в отделение дальней разведки глубоко разочаровывались в своём выборе, более тесно познакомившись с требованиями этой профессии.

Дальний разведчик, прежде всего, должен был обладать хорошей физической подготовкой, навыками инженера-строителя и, по крайней мере, быть сносным пилотом. Именно эти качества требовались подразделениям, которые высаживались на новые экзопланеты и подготавливали первые станции для будущих строительных отрядов.

В задачу дальнего разведчика входило обеспечить следующую группу людей кровом, хорошей радиосвязью и системой защиты от гипотетических агрессоров, а также надёжной дорогой от посадочной площадки до места стоянки. По прибытию на место освоения, вторая бригада застройщиков перенимала стояночный комплекс, а также всю собранную

разведчиками информацию о флоре, фауне и геологии местности, и приступала к дальнейшим пунктам заселения планеты. Некоторое время разведчики продолжали контролировать обстановку на станции, а затем возвращались домой на Землю, предоставляя основную работу по защите новой колонии войсковым подразделениям НАЗ (Нейтральная Армия Земли).

Вообще групп высококвалифицированных разведчиков было очень немного. Основной костяк этих подразделений составляли ветераны космопоиска, прошедшие, как говорится, «и огонь, и воду». Многие из них раньше служили в НАЗ, и привносили в разведку планет элементы некой борьбы с инопланетными агрессорами. И хотя руководство было против такой постановки задач, всё же уступало требованиям бывших вояк обеспечить каждую группу хотя бы минимальным запасом боевого оружия. Оно никогда не применялось по назначению, лишь изредка «любители» позволяли себе поохотиться с автоматами на мелкую дичь.

Со временем появилась потребность освежить основной состав разведочных групп, но притёршиеся коллективы не желал принимать в свои ряды закоренелых ветеранов, ревностно оберегая сложившиеся порядки; тогда-то руководство и набрало новичков прямо из прикосомдромных учебных заведений.

«Новички», среди которых был и сам Роман, вступили в разведочные группы на правах недоучек, зелёных сопляков, которые вечно подвергались подтруниваниям со стороны своих старших коллег. Им доставалась самая тяжёлая, но безопасная работа — старики оберегали «птенцов» от опасностей своей профессии, принимая на себя основные удары стихии осваиваемых планет.

В итоге, молодёжь роптала; находились даже такие, которые умудрялись подавать жалобы Распределяющим. Их, конечно же, сразу удаляли из групп, но подобные инциденты здорово подрывали статистику работоспособности проекта. Основателям разведочных групп пришлось серьёзно потрудиться, чтобы наладить качественный приток свежих кадров в дальнюю разведку, ужесточив отборочные параметры.

Роман прошёл тестирования на эту профессию по совету своего опекуна, Олега Павловича Картранского. Окунь хорошо представлял атмосферу внутри коллектива дальнеразведочной группы, и посчитал, что она вполне сможет заменить молодому парню-сироте семью, которой тот был лишён с самого рождения.

Пожалуй, если бы не опекун, назначенный мальчику правительством в возрасте четырнадцати лет, Роман Евгеньевич Прахов так и остался бы на Земле работать каким-нибудь продавцом бытовой техники в заштатном отделении крупного магазина. Однако Картранский сумел заинтересовать подрастающего мальчишку, ворвавшись в его тихую размеренную жизнь вихрем амбиций. Он брал Романа с собой на космодром, заочно знакомил его с разведчиками, подзадоривая тем, что, вполне возможно, это его будущие коллеги. Окунь даже определил Романа в боевую секцию, чтобы хоть как-то сформировать его слабую мускулатуру. В общем, рьяно подготавливал парня к будущей профессии. В этом не было ничего удивительного, поскольку в тот год все воспитанники прикосомдромного детского приюта получили опекунов от космодрома, а те, в свою очередь, не преминули приобщить подопечных к своей сфере деятельности, определяя тем самым их будущее.

Однако будущее Прахова могло бы так и остаться под вопросом, не получив никакой связи с дальней разведкой. От рождения слабый и хилый, он едва преодолел эту болезненность, превратившись к четырнадцати годам в невысокого худого подростка с непоколебимым спокойствием в глазах. В боевой секции лишь разводили руками на претензии Окуня, что мальчишка так и остался дохляк дохляком после целого года тренировок. А что тут поделаешь? Прахов мог часами тихо и методично изучать приёмы, даже умудрялся побеждать на тренировках, хоть это и происходило с переменным успехом. Но хоть убей, не мог нарастить мускулы! А физическое состояние было одним из важных пунктов при наборе в разведочные группы. Окунь был этим чрезвычайно расстроен, даже поделился своими опасениями с Андреем Ушковым, который случайно подвернулся под руку, просясь в очередной полёт. Разведчик предложил лично осмотреть пацана чтобы решить, стоит ли ему отдавать столько сил ради недостижимой мечты.

Роман на всю жизнь запомнил тот день, когда вместе с опекуном в приют прибыл ветеран космонавтики Андрей Ушков. И вовсе не потому, что это был один из поворотных моментов в его жизни, а потому, что Андрей с первого взгляда определил:

— Надо же, какой сопляк, Олег Павлович! Да на такого дохлого червяка ни одна рыба не клюнет!

— Ну, зачем же ты так сразу, Андрей! — укоризненно, но с улыбкой ответил Окунь, хорошо зная разболтанный язык своего спутника. — Он очень способный!

Роман тогда занимался в спортзале — отрабатывал броски мяча в корзину для скорых соревнований с командами других приютов области. Он так и замер с оранжевым мячом в руках, внимательно буравя обидчика серыми глазами.

— Познакомься, Роман Евгеньевич! — бодро и с улыбкой воскликнул Окунь, уже тогда называя подопечного по имени отчеству. — Это Андрей Константинович Ушков, командир разведочной группы. Он пришёл посмотреть, чему ты научился за этот год.

Ушков Роману уже не нравился, но парень всегда старался сдерживаться, особенно перед незнакомыми людьми, поэтому вежливо протянул ладонь и поздоровался.

Ушков руки не подал, демонстративно сунув свои огромные кулаки в карманы. Роман с удивлением посмотрел на опекуна и встретился с таким же недоумением в его глазах.

— Что-то не так, Андрей? — тихо спросил Картранский.

— Всё так! — пробасил тот, подмигнул Окуню и вдруг вызывающе обратился к Роману, — Почему же ты протянул мне руку? Я ведь оскорбил тебя, задел твоё самолюбие!.. Или ты решил смалодушничать, чтобы мне понравиться? А?

Внутри Прахова всё вспыхнуло тогда, будто к сердцу поднесли спичку, но жизнь в приюте научила его не распыхаться по мелочам, поэтому внешне Роман никак не отреагировал, молча пытаясь определить, чего от него добивается своим хамством этот тип.

— Что молчишь, герой? Неужели струсил?

Это было слишком. Роман повернулся к Картранскому и холодно процедил:

— Извините меня, Олег Павлович, но мне нужно готовиться к соревнованиям.

И отошёл подальше, с пренебрежением не замечая двоих взрослых, что шептались неподалёку.

Внезапно он услышал вскрик Олега Павловича: «Да ты рехнулся?!»- и почувствовал, как вот-вот случится что-то нехорошее.

Роман только и успел обернуться, когда сильная рука схватила его за шиворот и подняла в воздух, не прилагая к этому никаких видимых усилий. Не задумываясь о том, что делает, Роман быстро изогнулся и попытался ударить противника ногами в живот, но Ушков был наготове и мгновенно перехватил белые кроссовки второй рукой. Парень вспыхнул от негодования и резкого выброса адреналина; его сердце вдруг заколотилось в груди с бешеной силой, а по всему позвоночнику мощной волной прокатился жгучий страх. Роман вцепился в противника свободными руками и начал продавливать ногтями вены на держащей его руке. Ушков рассмеялся, но вскоре всё же бросил парня на пол, не отпуская ног. Ощувив, что корпус получил относительную свободу, Роман поспешил этим воспользоваться — крутанулся вокруг своей оси, используя массу тела, чтобы вырваться из рук нападавшего. Ушков поддался и на это, не убирая ехидной улыбочки с лица.

Быстро вскочив на ноги, юноша принял боевую стойку и начал ждать очередного броска. Но Андрей не спешил, медленно обходя своего крошечного, по сравнению с самим Ушковым, противника. Он несколько раз делал ложные выпады, пытаясь заставить парня занервничать, однако видимого успеха это не принесло — лицо мальчишки оставалось бесстрастно холодным. В душе же Романа играла настоящая буря — он ничего не мог понять! Опекун стоял неподалёку и с печальным лицом глядел на их поединок, никак не стараясь помешать этому; более того, Олег Павлович намеренно закрыл дверь спортзала, чтобы никто их не увидел! Такого предательства Роман никак не ожидал от спокойного и доброго Картранского. Размышляя над возникшей ситуацией, Прахов не забывал во все глаза следить за Ушковым, и когда тот сделал выпад, Роман как можно ловчее ушёл от удара, понимая, что при всём своём весе он ни за что не выдержит даже одного взмаха огромного кулака разведчика. Поднырнув под его руку, Прахов ударил Ушкова в солнечное сплетение, пользуясь «преимуществом» маленького роста.

Противник этого, казалось, даже не заметил, и, ухмыльнувшись, турнул подростка в неосмотрительно открывшийся бок. С удивлением Роман понял, что Ушков ударил меньше чем в пол силы, намеренно щадя хрупкое мальчишеское тело. А Роман уж было подумал, что всё всерьёз! В приюте, порой, и не такое случалось, так что ему и в голову не пришло, что это могла быть всего лишь проверка.

Поняв по выражению лица мальчишки, что разоблачён, Андрей снял с лица наглую улыбку и выпрямился.

— Ну, что, Олег Павлович, не скажу, что он в хорошей форме, чего уж душой кривить... Но потенциал есть, так что проследи, чтобы этот парень к восемнадцати годам выглядел хотя бы как Сеня Лосёв, тогда мы его в команду точно возьмём.

— Проследи! — проворчал Олег Павлович. — Так он же не растёт, вот в чём всё и дело! Так-то я и без тебя знаю, что потенциал есть!

На это Ушков ответил более чем уверенно:

— Пусть больше ест, тогда и результат будет. А то он худой, как жердь, из чего уж тут мышцы делать! Ну ладно, время не ждёт.... А с тобой, вояка, мы, наверное, ещё увидимся! — бросил он хмурому Роману, который всё ещё не разжимал кулаков.

Гораздо позже, когда Роман Евгеньевич Прахов более или менее стал походить на взрослого мужчину, Ушков снова навёл о нём справки у Картранского и, узнав, что Роман не передумал поступать в дальнюю разведку, предложил приёмной комиссии определить парня

в его группу.

Естественно Роман об этом ничего не знал, но он хорошо помнил странное происшествие из своего детства, и внутренне опасался нового командира. Как потом оказалось, совершенно напрасно: Ушков проявил себя толковым и надёжным руководителем, несмотря на то, что до самой трагедии относился к Роману как к самому слабому и уязвимому члену группы.

Работа в команде Ушкова многое дала Роману, он до сих пор с трудом осознавал, что навсегда потерял единственную настоящую семью, которая у него была. Именно Андрей — друг и наставник — заставил Прахова окончательно повзрослеть, принять себя и других людей такими, как они есть, не тратя сил в бесполезной попытке изменить всё вокруг. Ушков научил Романа прощаться с тем, что уходило.

Ради Андрея и своих погибших и живых друзей Роман Евгеньевич должен был забыть прошлое и жить дальше.

Затерявшись в многочисленных улицах города, Прахов вспомнил, что машина осталась на парковке здания Командования, и теперь приходилось выбирать: либо возвращаться назад, рискуя ещё раз попасться на глаза кому-нибудь из коллег и выслушать очередную головомойку, либо путешествовать на общественном транспорте.

В полдень Прахов снял номер в гостинице и залёг на дно, дожидаясь, пока невыносимо яркий солнечный свет не сменится вечерними сумерками, чтобы можно было вполне насладиться красотой города. Вскоре он уснул, навёрстывая прошедшую бессонную ночь, и уже было собирался забыть про свою вечернюю прогулку, когда раздался стук в дверь.

Не раздумывая, Роман открыл, и тут же пожалел об этом...

Катя холодно кивнула ему и прошла внутрь, потупив взор.

Она выглядела уставшей и даже похудевшей, но Прахов усилием воли заставил свои чувства замолчать.

— Ты что-нибудь ел сегодня?

Привычным движением сбросив туфли у двери, жена прошла в комнату, и от вида её босых ног в прозрачных колготках у Романа на душе всё перевернулось.

— Катя...

— Не говори ничего, знаю, что ел! Ты ведь всегда мог позаботиться о себе.... Но я всё равно принесла лазанию, можно подогреть в печи и будет объедение!

Она развязала пояс летнего плаща, но снять так и не решилась, пытаясь лихорадочными движениями занять повисшую в комнате пустоту.

Роман подошёл ближе и встал позади неё, скрестив руки на груди.

— Катя, не надо...

— Да что ты как маленький! — нервно улыбнулась она сквозь слёзы. — Я всё сделаю очень быстро, потом пальчики облизывать будешь!

Женщина попыталась распаковать замороженный полуфабрикат, но Роман перехватил её руки и сжал. Его глаза опустились ниже, и он увидел, почему жена так и не решилась снять плащ: на хрупком, почти мальчишеском теле был красивый белый пеньюар, чулки, и больше ничего. Катя с надеждой подняла взгляд и потянулась вперед, но Прахов быстро отступил.

— Не надо...

— Чёрт! — тихо выругалась женщина и вытерла слёзы дрожащими пальцами. — Ты же

должен понять! Я постоянно одна, сижу дома, дожидаясь своего драгоценного мужа, который только и знает, как оставаться на сверхурочные задания! А потом ещё и не желает видеть меня в госпитале, и это после всего, что я пережила, когда узнала о случившемся! Рома, когда мы в последний раз отдыхали вместе? Ты бываешь дома пару раз в месяц от силы, мы сексом занимаемся как по расписанию! Я устала так жить!

Роман согнулся, словно от боли: кровь снова закипела в жилах, разливаясь по венам жидким огнём, туманя разум, заставляя гнев биться в груди вместо сердца. Он стукнул кулаком по столу:

— Ты знала! Знала за кого выходила! Я говорил тебе, что так и будет! — Прахов закрыл ладонью лицо и вздохнул. — Не нужно было приходить сюда.

— Почему? — у женщины начиналась истерика, — Я твоя жена! Я всё ещё твоя жена, и не смей снова бросать меня!

— Бросать тебя?.. А это не ты, случайно, изменила мне? Или я что-то не так понял?

— Конечно, ты не понял — ты ничего не понимаешь! Я ведь люблю тебя!

Тишина повисла в комнате холодной бетонной пылью. Мужчина тяжело привалился к стене, но ничего не ответил.

— Рома, я люблю тебя... Ты молчишь?..

Она тихо всхлипнула, но усилием воли взяла себя в руки.

— Что ж, пожалуй, мне действительно не стоило приходить, если бы я знала...

Она быстро подхватила сумочку, завязала лёгкое летнее пальто и, простучав каблуками по паркету, хлопнула дверь.

Роман тихо прошёл вслед за ней, запер дверь, остановился...

Волнующе и сладко пахло её духами... Знакомый парфюм — это был его подарок на день рождения...

Его женщина пахла его духами.

Роман изо всей силы ударил по стальной гостиничной двери, но жгучая боль не заглушила сосущий холод в его сердце, лишь гулкое эхо равнодушно посмеялось в ответ.

Ещё мгновение, и невыносимая тоска погнала бы Романа Евгеньевича вслед за такой родной, но циничной женщиной, если бы не телефонный звонок.

Действуя как на автомате, Роман поднял трубку и услышал облегчённый, но уставший голос Картранского:

— Всё-таки нашёл тебя... Роман Евгеньевич, возникли неприятности, Костя угодил в больницу, что-то случилось с сердцем, врачи говорят, ультразвуком ничего не рассмотреть и придётся оперировать.

— Кровь...

— Да, нужна твоя кровь, если готов помочь, сейчас же лети в нашу поликлинику, его уже перевели туда и срочно ищут донора.

— Хорошо, я в пути.

Как бы это ни было прискорбно, но Роман отлично знал, что с группой его связывают не только годы совместной работы.... После «инцидента» на астероиде все выжившие члены группы получили приличную дозу облучения и быстро умирали, а чудодейственная экспериментальная сыворотка, которая была сделана на основе человеческой крови и неких

полуорганических элементов, дала интересный побочный эффект: она поспособствовала полному излечению безнадежных пациентов, но теперь в состав крови космонавтов в обязательном порядке должны были входить эти самые таинственные полуорганические элементы, которые синтезировались в организме восстановленным с их помощью костным мозгом.

И всё бы ничего — побочных эффектов от симбиоза не наблюдалось, но в таких вот непредвиденных случаях, как, например, операция, требовалась кровь аналогичная обладателю. Именно поэтому Роман теперь со всех ног бежал ловить такси: возможно, жизнь его друга зависела от красной жидкости, пульсирующей в его венах.

Прахова уже прекрасно знали в военно-космической поликлинике одиннадцатого западного отделения, так что пропустили сразу, безо всяких вопросов.

Медсестра сопроводили Романа в «стерильную палату», где он прошёл дезинфекцию, после чего двое здоровенных медбратьев силой уложили его на каталку и отвезли в операционную.

Костя уже лежал там, опуганный множеством трубок жизнеобеспечения. Выглядел он вполне здоровым, если так можно сказать о человеке, у которого протез вместо четвертого желудочка сердца.

— Этриск! — позвал Роман, и с радостью увидел, что тот сам повернул к нему голову.

— Чего тебе, Прахов? Даже здесь решил меня подоставать? Совести в тебе нет.

— Ага, ни капли, — с улыбкой согласился Роман, отлично зная, как Костя не любит, когда коверкают его фамилию. — Как ты себя чувствуешь?

Неожиданно Костя привстал на операционном столе и возмущённо посмотрел на друга.

— Представляешь, я им говорю — всё в порядке! Ну не знаю я, что там случилось в той кафешке, но сейчас я себя отлично чувствую! Они мне — нет, так нельзя, нужно резать! А зачем, спрашивается? Ведь аппараты показали, что всё в порядке, никаких сбоев в насосе, и у сердца нормальный ритм!

— Кость, но ведь случился же из-за чего-то приступ.

— Ты говоришь, прямо как Картранский! Ну мало ли что, сердце ещё не освоилось с протезом....

— А если оно не освоится в полёте? Об этом ты подумал?

Этриск раздражённо повалился на стол.

— Подумал. Из-за всей этой суеты мой полёт отложат ещё суток на двадцать, а это означает, что я автоматически отстранён от полётов.

— Чушь, — резко возразил Роман, отлично понимая, что Костя прав.

Тот ничего не ответил, тяжело вздохнув.

— Ну чего они тянут-то?! Быстрее бы уж начали что ли, время ведь не резиновое!

— Куда-то спешишь? — усмехнулся Прахов, иронично разглядывая всю подключенную к Этрису аппаратуру.

— Ой, да отстань ты уже! Прилип, как банный лист к тому самому месту!

Роман рассмеялся, и так и замер с улыбкой на губах, когда в операционную вошли те двое в дорогих деловых костюмах с наброшенными поверх белыми халатами.

То, что это были не врачи, объяснять не приходилось — одни платиновые часы с закалённым аргонопкрытым стеклом на запястьях посетителей стоили целое состояние. Неизвестные джентльмены молча достали из сакvojей какую-то аппаратуру, настроили

питание и начали производить первичную проверку оборудования.

Костя недоуменно посмотрел на Романа, затем на вошедших, и довольно резко поинтересовался:

— А что вы тут, собственно, делаете? Где мой лечащий врач?

Неизвестные вроде как вообще не ожидали вопросов, и были слегка удивлены, что их посмели потревожить во время работы. Наконец один из них соизволил ответить с молчаливого согласия второго:

— Константин Этрус, я полагаю?

— Нет, — саркастически заметил Костя, приподняв руки, увитые трубками аппаратов жизнеобеспечения. — Вон тот лось, на второй койке.

Мужчина невозмутимо посмотрел на Романа, затем снова на Костю и неодобрительно приподнял светлую бровь, выражая таким образом, видимо, своё неодобрение.

— Нас прислали «Эксплор Технолоджи», наниматели вашего предстоящего полёта.

— Я в курсе, кто это, — холодно отрезал Костя, и Роман с удивлением отметил в его голосе подозрительную сталь.

Мужчина предпочёл не заметить подчеркнутую холодность, и продолжил:

— В планы руководства не входила эта задержка, но искать другого пилота с таким же опытом работы, как у вас, слишком долго. Поэтому мы здесь, чтобы выяснить, что не так с вашим сердцем, и по возможности исправить это.

— Исправить? — недоумённо повторил Костя. — То есть, вы — хирурги?

— Нет, — ответил второй мужчина, стоявший до этого в стороне. — Но мы хотим вам помочь, и можем это сделать, так не всё ли равно? А теперь, пожалуйста, поменьше вопросов, время не резиновое, нам пора приступить.

Не успел больной ничего возразить, как незванные посетители прикрепили к его груди силиконовые датчики и принялись что-то отмечать на прозрачных дисплеях своих портативов.

— С вашим сердцем действительно всё в порядке, — наконец сделал вывод светловолосый, — если не считать, конечно, этого убогого протеза...

— Эрни, — укоризненно протянул напарник, и тот поспешил поправиться:

— Но он, судя по всему, неплохо справляется со своими задачами. Итак, господин Этрус, мы не видим причин задерживать вас в этой больнице. Через пару секунд врачи получат полный отчёт о вашем нынешнем состоянии, так что можете начинать готовиться к предстоящему полёту. Всего доброго!

— Подождите! — не удержался Костя. — Так я действительно здоров?! И вы это поняли, всего лишь протянув ко мне какие-то провода?!

Мужчины переглянулись, заулыбались, и Прахов только сейчас заметил, что они были ещё очень молоды, не старше тридцати — совсем зеленые для своих костюмов и дорогих побрякушек.

— Наука не стоит на месте, — с неподдельной гордостью ответил второй парень, пропуская светловолосого в дверях. — До свидания!

«Нехирурги» удалились, и в палате повисло недоумённое молчание.

— Странные ребята, — заметил молчавший до этого Роман. — И как правительство

угораздило сдавать полёты в аренду частным компаниям? Ты мне ничего об этом не рассказывал, Костя.

— А что тут говорить? — вздохнул Этрус, — Политика. «Эксплор Технолоджи» поставляет армии столько оружия, что они готовы их в задницу целовать, лишь бы выжать побольше технологий. Ты видел, что эти двое проделали?

— Отсканировали твоё сердце?.. — предположил Роман.

— До молекул и атомов — насквозь! Электрические сигнатуры, магнитные волны... кажется, даже генетический код. Жуткое зрелище, ничего не скажешь, но внушает доверие.

Пока друзья делились впечатлениями, в операционную вернулись врачи и начали методично освобождать Этруса от трубок и капельниц. Главный хирург что-то отметил в медицинской карте своего несостоявшегося пациента и вздохнул:

— Вот так работаешь всю жизнь, а потом придут два каких-нибудь сопляка с портакомпом, и весь хлеб отнимут.... Константин, я бы посоветовал вам остаться в больнице на ночь, но если желаете — можете сейчас же выписываться, медсестра подготовит все бланки.

— Спасибо. Пожалуй, стоит потратить ночь на что-то более интересное, чем пролёживание боков казёнными матрацами, не считаете? — улыбнулся Костя и хрустнул богатырскими плечами. — Что, Рома, составишь мне компанию?

Роман внезапно вспомнил все обстоятельства прошедшего дня и прикинул, что предложение Этруса будет как нельзя кстати, особенно если учесть, что им вдвоём теперь неминуемо предстояло отметить предстоящий полёт.

Провозившись с пол часа в регистрационной, приятели покинули душные стены больницы и окунулись в сладкий вечерний воздух города, благоухающий свежевывсаженными клумбами нежных цветов и ароматом дорогого парфюма нарядных горожан. Не задерживаясь на улицах, бывшие разведчики сразу же направились в ближайший бар, уютно светивший из-за угла приглушёнными огнями, точно ночной светлячок среди ярких зазывающих реклам. Роман уже успел рассказать Косте об их совместном полёте на Туманику, чем несказанно обрадовал и одновременно расстроил его.

— Значит, наш отряд теперь расформируют? До сих пор в голове не укладывается...

Костя служил вместе с Андреем Ушковым задолго до прихода Романа в их группу. Он был прекрасным разведчиком, ветераном, и не раз поучал новичков, как следует вести себя на «дикой» местности, сам отлично ориентируясь как среди хрупких метеоритных скал, так и в газовых жижках планет-гигантов. Роман понимал, насколько тяжело ему теперь было слышать о распаде такого слаженного прежде коллектива, но обстоятельства, как всегда, брали своё.

— Не огорчайся, Этрус, я тебе скучать не дам! — попытался приободрить товарища Роман, но вышло не очень весело.

— Да уж.... Зря ты на Туманику собрался, Роман Евгеньевич, — неожиданно серьёзно начал Костя, — Многие оттуда не возвращаются.

— Ерунда, и не в таких местах бывали, живут же там люди, — рассеянно отозвался Роман, прихлёбывая холодное пиво из кружки.

— Да? А кто там живёт, ты знаешь? Хотя откуда тебе знать-то.... Половина груза,

который я везу — люди, преступники. Правительство отправило их туда на исправительные работы, чтобы они строили новые лаборатории для «Эксплор Технолоджи» — какой-то совместный проект по разработке недр Туманики. От прежних пилотов знаю, что ещё ни один рабочий оттуда живым не вернулся — все погибают на работах. А такие вот офицеры, как ты, должны следить за этой толпой головорезов, чтобы они не взбунтовались, не дай Бог. Охота тебе надзирателем становиться?

— Я туда еду не надзирателем быть, а техником; наверняка для меня там работы полно. А то, что рабочие гибнут — так это и не удивительно, кто из них знает, как вести себя на поверхности? Никто.... Ты сгущаешь краски. Колония как колония, все они когда-то строились на трупах каторжников...

— Да, но не так долго.... Туманика уже двадцать лет разрабатывается, могли бы уж, пожалуй, и что-нибудь путное на ней соорудить, для колонистов.

— Костя, — Роман слегка захмелел, и позволил себе чуть расслабиться, — Туманика, это ведь особенная планета. Знаешь, кто на ней первыми разведчиками был?

— Как не знать — команда Валентина Крючкова; он там половину своих ребят положили за одну неделю...

— Да, первая расформированная группа... Мне довелось разговаривать с Валею, когда он только вернулся из госпиталя. Помню, Картранский привёл меня после школы в кафе, где все космонавты отдыхали после полётов, и тут он входит, с тростью. Ведь Крючков тогда, наверное, ещё после травмы не отошёл... Он всех сторонился, а со мной вдруг заговорил. И такого нарасказал....

— Ром, Валя тогда не в себе был, мог что угодно наговорить; сколько с тех пор бак про эту Туманику пошло, и хоть бы одна подтвердилась!

— Может, он и не в себе был, но его взгляд.... Эта тоска и пустота в глазах.... Я их никогда не забуду. Что-то там было на Туманике, что свело его с ума.

— Неужели ты поэтому туда летишь?! Хочешь раскрыть тайны планеты? Брось! Нельзя такими вещами увлекаться, иначе гибель! Чему тебя Андрей учил?

— Не лезть в кашу без ложки, — улыбнулся Роман.

— Вот именно! Умный был человек, тёплого ему космоса...

Оба выпили в молчании, задумавшись о невозвратном прошлом.

— Так почему ты не спрашиваешь меня о Кате? — неожиданно спросил Роман, повернувшись к Косте и глядя ему прямо в глаза.

— Не понял, а что тут спрашивать то?

— Ну как же, все вы первым делом говорите: «Жену бросаешь! Как не стыдно! Одумайся!» Так что же ты не говоришь мне этого? Или тебе всё равно?

Костя, который пил меньше и мыслил более здраво, понял, что его друг ищет лишний повод выплеснуть накопившуюся в душе ярость, поэтому невозмутимо поинтересовался:

— Она тебя бросила, или ты её?

Роман даже протрезвел от такого откровенного вопроса.

А действительно, кто кого бросил? Катя его, или он её?

Вспомнилось прошлое лето, короткий месяц, когда они вместе отдыхали у озёр. Катя тогда ещё коротко постриглась, и всё время носила короткие шорты и сланцы, походя на невесомого лесного духа, который каждое утро ускользал от Романа. Она знала, что интригует и дразнит его, но намеренно не прекращала свою сладкую пытку. Припомнился

тёплый запах её волос, нагретых солнцем, доверчивое лицо в веснушках, обращённое к нему в поисках поцелуя...

Что же случилось? Похоже, это он бросил её, потому что давно хотел этого!.. Пытался освободиться от наваждения любви, затронувшего такие сокровенные глубины его души, о которых он и сам не догадывался, и которые никогда не открывал перед другим человеком.

Роман так сильно сжал стакан в руке, что тот лопнул, вонзившись стеклянными обломками ему в ладонь. Прахов посмотрел на рассечённую руку, равнодушно отвёл глаза и глухо сказал:

— Кость, давай закажем водки, что-то мне кажется, будто я медленно сгораю изнутри...

Этрус внимательно посмотрел на товарища и кивнул бармену. Тут же перед друзьями возникла распечатанная бутылка и пара рюмок.

— Сейчас мы это исправим, — вздохнул Костя, наливая полную рюмку прозрачной. — Как говорил Андрей, прошу любить и жаловать — лучшее лекарство от печали!

— Что-то не помню, чтобы он такое говорил! — усмехнулся Роман.

— Только ветеранам, мой друг, только ветеранам!

Наутро жутко раскалывалась голова, и во рту стойко держался привкус собственных внутренностей. Роман выплюнул мокрый край подушки, с трудом вытащил из-под себя затёкшую руку и осмотрелся: он лежал посреди незнакомой ему комнаты на смятых простынях двуспальной кровати. Сквозь высокие стеклянные двери проникали рассеянные лучи солнца и виднелись листья кассианской пальмы, которую любили высаживать на своих балконах модные дамочки. Туго соображая и всё ещё находясь под действием алкоголя, Роман поднялся на ноги, прикрыл наготу простынёй, и подошёл к дверям.

Оказалось, что он не в многоэтажном здании, как ему думалось прежде, а в частном коттедже, стоящем прямо посреди настоящего тропического сада. Подчиняясь любопытству, Роман оттолкнул скользящую дверь и босой вышел на усыпанную мелким влажным песком дорожку.

Солнце только потягивалось где-то за горизонтом мокрых серых туч, и холодный ветер приносил с собой дождевую прохладу, смешанную с тончайшим ароматом свежести. Прахов довольно быстро озяб и решил вернуться обратно в дом для дальнейшего выяснения своего местоположения, когда заметил в только что покинутой комнате молодую женщину, как и он замотанную в простыню. Она что-то искала в прикроватной тумбочке, не замечая гостя, и Роман вдруг почувствовал себя грабителем, который без спроса забрался в чужой дом, и теперь не решается показаться хозяевам.

«Да что же это, в самом деле! Ну не сам же я сюда забрался, значит и Костя где-то неподалёку, должно быть, это дом его родственников»

Порешив на этом, Роман тихо открыл дверь и вошёл в комнату — женщина лишь подняла на него глаза, не разгибаясь, и снова принялась шарить в тумбочке. Наконец, она нашла то, что искала — пачку сигарет — и закурила, устроившись на кровати.

— Ну что ты стоишь, подойди ко мне, что ли! — резко приказала она, так что Роман даже подался вперёд, но вовремя остановился.

— Я вчера был очень пьян, и ничего не помню...,- начал он свои оправдания, с жутким и нелогичным замиранием в груди понимая, что, возможно, изменил жене.

— Это я уже знаю, — недовольно протянула незнакомка и глубоко затаилась. — Лучше объясни мне, что ты видишь?

Прахов даже не нашёлся, что ответить, и просто тупо продолжал смотреть в капризное недовольное личико кукольной брюнетки.

— Ну что? Так и будешь глазеть на меня, словно я тебе враг? Прекрати, это всего лишь твоя фантазия, ты же и сам прекрасно понимаешь, как всё эфемерно вокруг...

Роман неожиданно что-то понял, обошёл кровать, взял её миленькое лицо в ладони и осторожно приподнял веки. Девушка не сопротивлялась и, казалось, ей абсолютно всё равно, что он делает, она продолжала бессмысленно смотреть в пустоту.

— Что ты приняла? — тихо поинтересовался Прахов, пытаясь уловить проблеск мысли в абсолютно чёрных пустых глазах.

— М-м, я уже не помню, да и какая разница? Мне так хорошо...

— Ясно. Ты помнишь, как тебя зовут? Где ты сейчас?

— Конечно, — словно довольная кошка, улыбнулась девушка. — Я дома, а ты со своим другом у меня в гостях. Ты что, боишься, что у меня передоз? Брось, я уже взрослая девочка, и давно пользуюсь лицензионными наркотиками. Расслабься, милый, сейчас эта слабость пройдёт, и я смогу заняться тобой, а то вчера ты вырубился, как только мы пришли.

Роман внутренне вздохнул с облегчением и отпустил девушку.

— Нет, тебе надо лечь и поспать, давай ложись в кровать, а я занавешу окно.

Несчастливая распутница улыбнулась, отложила сигарету и, свернувшись на простынях калачиком, мгновенно уснула. Прахов быстро собрал свои вещи, оделся и отправился искать Костю.

Он нашёл его в соседней комнате безмятежно спящим. Не зная, будить или нет своего товарища, Роман остановился посреди комнаты: им давно следовало бы явиться в космопорт для предварительного обследования перед полётом, да и задерживаться в гостях у «продвинутой» девицы особо не хотелось. В этот момент зазвонил его крипер, и он вышел в коридор, чтобы ответить.

В ушной клипсе несколько мгновений стояла тишина, и Роман было уже подумал, что просто ошиблись номером, когда неожиданно тихий женский голос прошептал сквозь помехи:

— Сынок... возвращайся домой...

Они явились на регистрацию с опозданием, даже не пройдя обследование, но их всё же пропустили внутрь, только попросили занять последние места.

Посадка в челнок проводилась вечером. Экипаж подвозили к закрепляющим колоннам в несколько этапов, и Роману с Костей пришлось разделить — в итоге Прахов оказался в самом последнем автобусе, который приземлился у подъёмного лифта, когда солнце уже садилось за горизонт, окрашивая гладкую поверхность челнока в нежные красные тона.

Земля была воистину прекрасна лишь в такие вот моменты — когда приходилось с ней прощаться. Роман давно заметил за собой эту странную особенность: его сердце начинало

биться чаще уже при одной мысли, что он снова будет любоваться вечерним закатом солнца из закрепляющей колонны челнока. Только этот вид вызывал в нём восторг и трепет, преклонение перед живописной, неизъяснимой красотой планеты. Этот, и никакой больше.

Среди космонавтов старшего поколения водилась традиция обращаться к старушке планете с тёплыми словами, отправляясь в дальний путь, и просить у неё прощения, словно у родной матери. Роман всегда отвергал этот обычай, правда, ровно до того момента, как поднимался в лифте до посадочного шлюза и останавливался перед большим стеклянным щитком колонны.

В эти мгновения Земля казалась ему столь волнующей, чудесной, неповторимой, что невозможно было глаз оторвать.

Многие товарищи Романа знали о его слабости, и помогали отвернуться от почти гипнотизирующей картины смены небесных светил; но если случалось летать одному, как в этот раз, приходилось совершать над собой гигантское усилие, чтобы не тормозить отправку челнока. Пассажиры проходили мимо Романа немой чередой, лишь изредка бросая короткие взгляды на уплывающий шар Солнца, а он всё стоял чёрной тенью на фоне золотого свечения, и растворялся в красоте земного неба. Его уставшие больные глаза саднило, по щекам бесконтрольным потоком текли горячие слёзы — Роман практически ничего не мог разглядеть в искрящейся дымке! Но он не смел отвернуться или надеть очки — это было его последней данью планете Земля.

Разведчика не пробудил даже резкий гудок зуммера, предупреждающий о закрытии основного шлюза, и он вошёл в челнок только когда слышал чертыханья диспетчеров у себя в ушной клипсе. Пришлось связаться с ними через локальную сеть и доложить о возникшей ситуации: естественно Роман не назвал настоящей причины своей задержки, после чего ему пришлось выслушать длинную речь о возможных последствиях своего безответственного поступка. Конечно, не слишком хорошее начало столь дальнего пути, но последний закат на планете Земля того стоил...

Внутри челнок подразделялся на несколько секций и больше походил на пассажирский самолёт, чем на космический корабль, что было очень непривычно для Романа, привыкшего к военизированным шатлам за время работы в дальней разведке.

Ему досталось место рядом с иллюминатором, выходящим на тёмный западный купол неба, с которого уже начинали робко подмигивать земле крохотные звёздочки. Пока пилоты проводили проверку двигателей, Прахов с грустью смотрел в ночное небо, и ему вдруг вспомнился необычный звонок на крипер с неопределённого номера. Кто-то просто ошибся, набирая цифры, и это было до смешного очевидно, но сердце не желало внимать доводам разума и томилось в глухой тоске по чему-то неведомому. Произнесённые сдавленным шёпотом слова вертелись в голове, словно обладали особым, предназначенным только ему смыслом...

Может, это был глас судьбы? И само небо хотело, чтобы Прахов остался на Земле улаживать свои расстроженные отношения с женой? Вернулся домой...

Нет. Роман решил не искушать судьбу, чувствуя в душе всё нарастающее сомнение, поэтому усилием воли погрузился в глубокий сон ещё до того, как корабль стартовал.

Он собственной рукой обрубил все нити, ведущие назад, и легко убедил себя, что ни о чём не жалеет.

Челнок без происшествий доставил пассажиров на дополнительную платформу их основного корабля, где автоматы уже начали подготовку геленосных отсеков для немедленной погрузки людей.

Погрузку по традиции контролировала дежурная группа, которая работала на корабле в течение первых трёх месяцев полёта, после чего заменялась другими членами экспедиции, сама погружаясь в анабиоз. Капитан же находился в анабиотическом сне всё время полёта, пробуждаясь лишь при экстренных обстоятельствах. Это условие являлось обязательным, так как непосредственный командир корабля должен был быть готов к длительным и напряжённым действиям, от которых зависели жизни пассажиров и сохранность корабля.

Рабочая смена начиналась немедленно после санобработки: все пассажиры сдавали свою одежду и личные вещи в герметичное хранилище, коротко стриглись и проходили несколько ступеней дезинфекции. Только после этого экипаж допускался на основной корабль, где получал особую форму на всё время полёта и предварительно заказанные вещи личного пользования.

Роман заказал себе толстую книгу какого-то малоизвестного автора, и удовлетворился этим, прекрасно понимая, что за время его бодрствования сил на развлечения ему будет не хватать. Механики на корабле всегда были в почёте, но и возложенные на них обязанности требовали своей выдержки — обслуживание целого корабля двумя десятками специалистов было нелёгкой задачей. В подобных полётах дальние разведчики ценились особенно высоко благодаря их специальной подготовке. На долю специалистов такого класса выпадали самые опасные участки, чаще всего наружная обшивка корабля и топливно-охладительные системы.

Роман по некоторому личному опыту знал, что ему придётся большую часть суток проводить в душном скафандре на поверхности «Эпсилоны», проводя всевозможные проверки и мелкую починку, но его мало волновала такая перспектива, поэтому он сам вызвался быть в первой самой утомительной дежурной группе, и теперь помогал Косте забраться в геленосную камеру.

В принципе, от его присутствия при этой процедуре ничего не зависело, всё делалось на автоматике, но Прахов хотел перекинуться парой слов со своим товарищем, прежде чем тот погрузится в долгий сон, и потому исполнял роль контролёра.

Костя от души веселился полёту, и тому, что ему выпала честь управлять «Эпсилоной». Он не мог нарадоваться на корабль.

— Ты только посмотри, Рома, это же просто красotka! У неё даже вакуумстабилизаторы есть!

— Не может быть, — усмехнулся Роман, — и когда ты их разглядеть умудрился?

— Я тебе завидую, — не унимался Этрус, — ты ещё целых три месяца будешь наслаждаться «Эпсилоной»!

— Наслаждаться — это сильно сказано: врятли мне понравится возиться с исподним бельём этой красотки когда мы попадём в метеоритный дождь!

— Ты груб Роман, не слушай его детка, — Этрус шутливо-нежно похлопал стену своей пока ещё сухой камеры. — А ты, Прахов, присматривай за ней, пока я буду спать.

— Ладно, закупоривайся давай, ты всех задерживаешь, Этруск!

— Не навешивай на меня свои грешки, — посоветовал Костя и пригрозил Роману пальцем. — Надеюсь, когда я проснусь, ты тоже будешь в дежурной группе.

— Лучше надейся, чтобы тебя вообще не будили, и всё прошло гладко, — усмехнулся Прахов и захлопнул за Этрусом люк, включающий подачу геля.

Пока зеленоватый полупрозрачный гель не заполнил камеру, было видно, как Костя в спешке натягивает на себя дыхательную маску, недовольный шуткой приятеля. А вскоре стеклянный люк анабиотической камеры стал совершенно непрозрачным от закристаллизовавшейся на поверхности корки.

Роман вздохнул, глядя на временное пристанище своего друга — ему тоже предстояло вот так погрузиться в гель, возможно, на несколько лет своей, пусть и не бесценной, но всё же достаточно дорогой, чтобы о ней печалиться, жизни.

Скрестив руки на груди, он размышлял над правильностью своего решения отправляться на Туманику, когда его внимание привлекло необычное волнение в камере Этруса. Прахов нагнулся, пытаясь определить, чем это вызвано, как вдруг с внутренней стороны в стекло упёрлась человеческая рука! Роман даже подпрыгнул от неожиданности.

По правилам, усыпляющий газ подавался вместе с кислородом сразу же после заполнения камеры гелем, но видимо что-то пошло не так, и обычная схема не сработала, а это означало, что жизнь Кости могла оказаться в опасности.

Роман попытался задействовать ручной механизм вскрытия камеры, но на дисплее появилась информация, что индивидуальная капсула задействована успешно, и прерывание анабиоза может привести к нежелательным повреждениям пассажира. Это было слишком! Любой новичок знал, что случись что-то с камерой, первым делом она посылала сигнал на пульт управления, отключая автоматику.

Пока Прахов в панике пытался сообразить, что же ему делать, рука Кости царапнула стекло и окончательно погрузилась в гель. Не видя другого выхода, Роман схватил со стены огнетушитель и с размаху опустил его на стекло камеры. Пришлось постараться, прежде чем оно поддалось его настойчивым ударам, и через несколько секунд Роман уже стоял на коленях, погрузив руки по плечи в гель, и пытаясь вытянуть Костю из вязкой субстанции.

Тело Этруса потяжелело килограмм на десять от впитавшегося в комбинезон геля, но Прахов не сдавался, преодолевая сопротивление жидкости и одновременно пытаясь сорвать с лица Кости неисправную маску.

Пока Роман возился с ней, в пассажирский отсек вбежали другие сотрудники первой дежурной группы, привлечённые поднятым шумом. К чести космонавтов, они сработали оперативно — без лишних вопросов уложили пострадавшего на пол и, сделав глубокий надрез на его горле, резкими толчками в грудную клетку вывели часть геля наружу, давая Косте крошечную возможность дышать. Тот сразу же очнулся и, словно утопленник, начал хвататься за людей. Оно и понятно, ведь часть геля по прежнему заполняла его лёгкие, и Косте казалось, будто он задыхается. Подоспевшим врачам пришлось ввести Этруса в глубокий сон — только после этого они смогли приступить к его госпитализации.

Происшествие устроило настоящий бум на корабле.

Начальник дежурной группы связался с центром управления полётами и доложил обстановку, после чего сразу же получил безоговорочный приказ остановить загрузку людей в камеры и дожидаться прибытия группы по расследованию данного инцидента.

Многомиллионная экспедиция в одно мгновение сбавила обороты и замерла — естественно это вызвало немалую силу инерции со стороны основного заказчика полёта.

«Эксплор Технолоджи» просто взбесилась на Земле.

Компания снарядила несколько челноков буквально за десять часов, и они, не медля, стартовали к Эпсилоне, опережая следственную комиссию. Поскольку «Эксплор Технолоджи» являлась непосредственным заказчиком, начальник дежурной группы не посмел запретить им стыковку с кораблём, и команде пришлось смириться с неожиданным нашествием специалистов компании, которые принялись исследовать корабль вдоль и поперёк. Вездесущие агенты провели бесчисленное количество допросов, изрядно помучив при этом Романа и его коллег, помогавших при госпитализации Этруса; несколько раз протестировали основную систему Эпсилоны и проверили все внутренние отсеки корабля, будто искали кого-то, но не могли найти. Их пронзительного внимания избежали только грузовые трюмы, в которых находились мороженые — рабочая сила в виде законсервированных преступников, милосердно переданных правительством Земли в руки компании для исправительных работ.

В конце концов, не обнаружив ничего подозрительного внутри корабля, неугомонные специалисты потребовали выхода в открытый космос, чтобы обследовать Эпсилону снаружи.

Это была последняя капля в чаше терпения начальника дежурной группы, которым оказался пожилой космонавт-разведчик — матёрый космический волк, много повидавший и переживший на своём жизненном пути. При всём влиянии заказчика, он взял на себя смелость воспрепятствовать столь вопиющему произволу на корабле со стороны каких-то штатских, и объявил бойкот действиям научной команды «Эксплор Технолоджи» до прибытия следственной комиссии с Земли. Руководство компании сделало парочку угрожающих намёков, но временный капитан оказался непреклонен, и научная группа «Эксплор Технолоджи» оказалась не в самой приятной ситуации, утратив инициативу. Однако, непонятно почему, с приближением к Эпсилоне шатла следователей, команда учёных компании становилась всё более покладистой и вежливой. Всеми правдами и неправдами им удалось-таки умаслить начальника дежурной группы и уговорить последнего отправить на поверхность корабля свободных на тот момент механиков для исследования поверхности Эпсилоны на наличие инородных предметов. Приказ выглядел довольно странно — неожиданная спешка удивляла, но Роман и другие его коллеги, к несчастью не занятые на тот момент на основных работах по восстановлению системы геленосных камер, лишь пожали плечами и отправились натягивать тяжёлые скафандры.

Как и ожидалось, внеплановая проверка поверхности корабля ничего не дала, а когда механики спустились внутрь, команда «Эксплор Технолоджи» уже отбыла, передав эстафету расследования комиссии по чрезвычайным происшествиям.

Глава: Ксения Орловская.

Земля, Ростовская область, г. Белая Калитва.

Ксения смахнула с деревянного стола жёлтые листья, оставшиеся ещё с прошлого года, и провела ладонью по сырым отливающим зеленью доскам. В воздухе тонко пахло сладкой липой и полынью, а ветер веял чем-то необыкновенным издалека. Она села на холодную

лавочку и положила голову на сцепленные руки, задумавшись. Девушка давно не была в этом загородном доме, где её отец провёл свои последние дни, и всё вокруг напоминало о прошлом: вот дерево, на котором когда-то висели её детские качели, сделанные отцом, а прямо за домом убого ветшал заброшенный много лет назад сарай, переоборудованный Ксенией под собственный домик для игр...

Она тяжело вздохнула и перевела взгляд на запад. Солнце уже садилось за чистый омытый дневным дождём горизонт, золотя косыми лучами хоть и голые пока, но уже живые ветви деревьев.

Весна всегда была для неё самым особенным временем года, однако последние пять лет ежегодное пробуждение природы вызывало в ней не только всплеск гормонов или неожиданный подъём настроения... И это очень печалило отца, который не желал признавать её дар и отвергал любую попытку дочери помочь.

Ксения встала со скамьи и осторожно приклонилась к дереву, устремив взгляд вдаль. Её рука случайно накрыла ещё тугую листовую почку, и через мгновение под её пальцами раскрылся нежно-зелёный листок, подставив своё ранимое тело ещё холодному солнечному свету.

— О, нет! Как же я не доглядела... Рано ведь ещё...

Но дело было сделано, и ничего обратно не вернёшь, как и отца, утонувшего в своих предрассудках и слепой вере...

Девушка вздохнула ещё раз, шмыгнула носом и тихонько заплакала, привалившись спиной к стволу липы. Солнце незаметно село за горизонт, окатив землю ведром туманных сумерек и прозрачным холодом, но Ксения даже не заметила этого, пока рыдания не перешли в тихую икоту. Невольно засмеявшись, она встала с корточек, стряхнула с колен прилипшие сухие веточки полыни и собралась идти в дом, как вдруг её сердце окатило жгучей волной страха. Девушка невольно замерла на месте, боясь оглянуться, понимая, что позади неё кто-то есть. Обострившийся слух чутко внимал каждому звуку: вздоху старой ветки, шёпоту ветра в сухих листьях, чужому дыханию...

Горло охватил спазм, не дающий вскрикнуть, всё её существо напряглось, инстинктивно готовясь к резкому прыжку вперёд!..

Но человеческое любопытство пересилило, и Ксения оглянулась.

Позади никого не было.

Тихо и безмолвно тёмная улица смотрела на неё сквозь ветви сада; тусклый фонарь загорелся где-то недалеко, скромно опустив голову к земле, давая понять, что соседи Ксении давно сидят по домам, и никто не станет тревожить её попусту.

Успокоившись, девушка вздохнула и уже повернулась к дому, как вдруг чьи-то мягкие холодные лапы вцепились ей в шею, и нечто повалило её на землю. Заметавшись, она перевернулась на спину и различила туманящимся от ужаса взглядом четыре чёрные тени, склонившиеся над ней, будто в немом поклоне. Они таинственными узорами маячили в воздухе, не имея ни плоти, ни жизни, но убивали Ксению так же верно, как тугая бечёвка в руках палача. Нечто не отпускало девушку, и спустя несколько долгих секунд она захрипела и сникла.

Тени склонились ближе, вспарывая пространство своей плоской объёмностью, что-то разглядели в своей жертве и, удовлетворившись, исчезли в стужем весеннем воздухе, оставив молодое тело на попечение ветру и тёмному небу...

Ксения очнулась в непонятном сизом тумане, пропитавшем своим холодом каждую клеточку её тела. Она сидела во дворе своего дома, однако, приглядевшись, девушка поняла, что все предметы вокруг неё необыкновенным образом изменились, получили новые дополнения, цвета, стороны, которые трудно было описать одними зрительными образами. Словно Ксения наблюдала тайную жизнь обычно очень скрытного мира.

Девушка поднялась на ноги и попробовала оглядеться, но скупой туман застилал даль, оставляя ей маленький кусочек пространства, в котором были лишь скамья, дерево и угол её дома.

Внезапно в этом добром и расположенном к ней мире что-то изменилось: кто-то быстро шёл к ней сквозь туман, не скрываясь, но и не откликаясь на голос, и это очень напугало Ксению. Она спряталась за скамью и пристально вгляделась в туман.

На полянку вышел незнакомый мужчина в странном одеянии из ниспадающей голубой туники и белоснежных шаровар. Он замер перед её домом, деловито сунул руки в карманы, и огляделся.

Сердце Ксении забило от напряжения, но она прекрасно понимала, что скамья — не лучшее убежище, и мужчина всё равно обнаружит её рано или поздно. Поэтому девушка встала и смело вышла незнакомцу навстречу в слепой надежде, что перед ней друг.

Мужчина замер, а в следующее мгновение без предупреждения бросился на неё и повалил на землю. Его пальцы обладали странной высасывающей силой, будто шприцы или присоски спрута. Сквозь них утекали силы и разум Ксении; она с ужасом поняла, что начинает бледнеть, становясь практически прозрачной, но не могла ничего с этим поделать.

Задышавшись, девушка закричала:

— Помоги-и-и!!!

И потеряла себя.

Глава: Роман Прахов.

Солнечная система. Космический корабль «Эпсилона».

Тьма застилала весь свет: ни звёздочки, ни огонька — только холод и мрак.

Роман блуждал в этом странном месте уже так давно, что странное сомнение поселилось в его сердце, будто это не сон, а всё наяву, хотя он прекрасно помнил, как ложился спать в своей крохотной каюте на борту «Эпсилоны». Прахов усмехнулся — давно он не видел столь реалистичных снов, жаль только, что фантазия подкачала, и её хватило лишь на ощущение пространства да чрезмерно надоедливый холод.

«Помоги-и-и!!!»

Сердце подскочило к горлу от неожиданности, и Роман, словно гончая, повернулся на жуткий тоскливый звук. Там, откуда он донёсся, брезжил мутный свет, и Прахов, не задумываясь, бросился вперёд.

Тьма обступила его со всех сторон, закрывая собой такой далёкий и нереальный отблеск света... Но Роман Евгеньевич боролся с этим опустошением и мчался что было сил, будто от его действий зависело ВСЁ. Наконец свет обрушился на него, неожиданно разогнав тьму, и Роман увидел, что попал в странный совершенно незнакомый ему парк. Его взгляд быстро

скользнул по деревьям, скамейке, приземистому домику, и вдруг напоролся на ужасную картину: чуть в стороне от дома мужчина в странной одежде душил молодую девушку!

Прежде чем Роман успел подумать, он оказался рядом, и его кулак отбросил негодяя на несколько метров назад. Не заботясь о приземлении последнего, Прахов нагнулся к девушке и попытался привести её в чувство — никакой реакции. Тогда Роман встряхнул её, боясь самого страшного, но с ужасом понял, что держит в руках совершенно прозрачное тело с лёгкими намёками на цвета. Он был так зачарован зрелищем, что не заметил подкравшегося сзади мужчину. Тот вцепился в его плечи бульдожьей хваткой, и Прахов застонал от боли. Руки онемели и отнялись, странный холодок растёкся по груди, подбираясь к трепыхающемуся сердцу, и кожа под руками схватившего его мужчины будто покрылась иголками сухого льда. Всё было так реально и остро, что жаркий страх охватил Романа. Он отчаянным усилием рванулся назад и поднялся на ноги: этого хватило, чтобы присосавшийся мужчина потерял контроль над ситуацией и ослабил свою хватку. Тогда Прахов, воспользовавшись моментом, резко ударил его локтем в диафрагму и оторвал руки от своих плеч. Нападавший отскочил в сторону, но боевого пыла в нём явно поубавилось: презрительно сжав тонкие губы в бескровную нитку, он бросился бежать, и совершенно неожиданно исчез в сгущающемся белом тумане.

Чувствуя, что происходящее затянулось и давно превысило все рамки сна, Роман снова наклонился к лёгким намёткам человеческого тела и попытался разбудить спящее существо. Туман всё сгущался вокруг, клубясь, будто пар над чайником, и в нём непонятным образом начала исчезать реальность, сворачиваясь плёнками лопнувших мыльных пузырей. В какой-то момент Романа огляделся и понял, что вокруг не осталось практически ничего реального, только настил из листьев, прозрачная девушка и абсолютно никакого выхода из сложившейся ситуации. В ту же секунду он осознал, что ему остаётся лишь надеяться на чудо, закрыл собой прозрачное бесчувственное тело и зажмурился.

«Люблю, люблю тебя, милая», — пронеслось у него в голове, но та, которая должна была слышать эти слова, была слишком далеко, если вообще была в этом мире...

«Люблю, люблю тебя, милая», — услышала Катя его шёпот совсем рядом, и её сны изменились. Из тёплого небытия выплыли картины, доставляющие ей острую боль, рождающие нежность и горечь: первая встреча с мужем после десяти лет разлуки, когда они впервые увиделись вне стен детского дома уже взрослыми самостоятельными людьми; их смешная робость при первом поцелуе и острая боль где-то внизу живота при виде того, как он идёт ей навстречу сквозь ничего не знающую об их горячей любви толпу...

Пульс женщины участился, она заметалась в своей геленосной камере, но быстро сработавшая автоматика успокоила страдания пассажирки и ввела её в более глубокий сон.

Почти сразу после этого автоматика привела в действие процедуру пробуждения капитана. Костя в свою очередь, не давая себе времени очухаться и никого не оповещая о своём бодрствовании, начал тестирование всех систем геленосной камеры. Полупробуждение пассажиров случалось нечасто, а после трагического инцидента с Этрусом при погружении в гель, каждый такой случай было решено проверять в присутствии капитана. Эту же камеру он проверял единолично, без комиссии: не потому, что не хотел будить из анабиоза остальных членов — просто сигналы данной камеры не проходили через

общую сеть, а были заиклены Этрусом на его собственную ячейку. Ведь в ней спала та, за которую он отвечал перед своим другом головой... К своему облегчению, Костя не обнаружил никаких сбоек и, с чувством выполненного долга, снова погрузился в анабиоз.

Глава: Кайлай Жонс.

Орбита Земли. Вторая следящая станция Озна Кармарин-2.

Кайлай выключил экран коммуникатора и быстро обернулся, в надежде, что начальник группы не успел заметить, с кем он связывался.

— Твой брат, Джозеф? Похож на тебя.

Жонс чуть сжал губы, но постарался не потеряться:

— Да, младший брат — близнец... Я знаю, связываться с Сонитой можно только по разрешению, но...

— Не до этого, потом напишешь объяснительную, — резко прервал его начальник группы. — Возникли некоторые проблемы с отправкой корабля «Эксплор Технолоджи» на Туманику. Им нужна помощь.

— Туманика? Но Мер обещал, что не будет впутывать нас, это же подрывает конспирацию!

— Сонита далеко, оттуда всё кажется проще... Озну нужно, чтобы кто-то из агентов отправился на корабль и нашёл гнездо.

— Опять гнездо? Скверно... А что же земляне?

— Ничего не нашли.

— Как и следовало ожидать!

— Естественно, — с пренебрежением хмыкнул капитан, но тут же снова стал серьёзным. — Витала, должна быть доставлена на Туманику в срок и невредимой, так что я собираюсь послать на «Эпсилону» тебя. Готов к внеплановому внедрению?

— Конечно, капитан. Но...

Начальник скептически приподнял бровь.

— Если я попаду на корабль, мне придётся провести на нём весь остаток пути?.. Это двенадцать лет.

Начальник группы, кажется, был очень удивлён сомнением в голосе своего подчинённого, который никогда прежде не отказывался от работы по столь сомнительным причинам. Добропорядочный сонитанин не должен был беспокоиться о своей семье, если оставлял её надолго — правительство обеспечивало родственников агента всем необходимым в его отсутствие, и даже давало некоторые привилегии. Никаких других причин для отказа просто не существовало.

— Двенадцать лет анабиотического сна — ты не постареешь и ничего не потеряешь. Я не понимаю, в чем тут проблема? Ты отказываешься?

Кайлай отрицательно мотнул головой.

— Тогда готовься, миссия очень важная, и она должна быть выполнена идеально.

Кайлай с трудом удержал на лице невозмутимое выражение, но стоило капитану выйти из его зоно-сферы, как нарощенные штатным биологом брови поползли к переносице. Это было чересчур некстати, особенно в ситуации с Кастором. Кайлай слишком хорошо знал

своего младшего брата, чтобы понять, как остро тот отреагирует на подобную задержку, будучи в положении жалкого червя — сонитанского ничто. Но и отказаться от задания, на фоне произошедших в его семье событий, было равносильно собственноручной дискриминации вслед за братом. А должность в Озне была нужна не только Кайлаю, и особенно теперь.

Будучи одним из низших следящих на станции, капрал Жонс в определённые часы контролировал световое пространство вокруг Земли. И попробуй кто-то в это время сделать нелегальный прокол пространства, именно он должен был докладывать о происшествии начальству. Или не докладывать...

Работа Кайлая открывала неограниченные возможности двум тщеславным и алчным до наживы умам.

Кстати об этом.

Тщеславие обоих братьев стоило бы описать в интересном бестселлере и выпускать миллионным тиражом на Соните, чтобы простые преданные своему обществу сонитане смогли прикоснуться к запрещённым для них понятиям — собственная выгода, идущая вразрез с мнением общества. Откуда это появилось в Касторе и Кайлае? Они не знали сами. Наличие высокого интеллекта у близнецов также казалось лишённым основания: родители братьев были обычными законопослушными сонитанами, которые никогда особенно не выделялись научными познаниями или талантами из общей массы трудолюбивых членов общества. Мать братьев, правда, занималась какой-то рядовой исследовательской работой в скромном загородном отделении Озна; но никто лучше её непутёвых сыновей не знал, насколько она была недалёкой для подобных притязаний. Отец Жонсов проводил большую часть времени в социально-статистической службе. В общем... идеальная ячейка общества!

Хотя, сказать такое можно было лишь с большой натяжкой. Родители никогда особенно не любили своих детей, подозревая в них излишнее стремление к нарушениям принятых в обществе правил, что являлось недопустимым. Таким образом, братья с детства были предоставлены сами себе, «варились в собственном соку», так сказать, и это позволило им по-иному взглянуть на некоторые незыблемые в обществе истины.

Складывающееся положение вещей довольно долго угрожало отпрыскам Жонсов: социальная служба по навету отца братьев контролировала их поведение вплоть до окончания школы, решая судьбу мальчиков. Однако последнее заключение работников соцзащиты утешило стариков: новоиспечённые выпускники были признаны неотъемлемыми ячейками общества, полностью достойными доверия государства. Тем не менее, освободившись от постоянного наблюдения, братья оставили родительский дом, и никогда больше туда не возвращались, оплатив матери и отцу за недоверие глубочайшим презрением.

Возможно, настало время Кастору навестить своих родителей? Он не должен был нести груз временного поражения в одиночку.

Размышляя, как лучше составить послание для брата, Кайлай подошёл к умывальнику и сбрызнул лицо холодной водой, чтобы унять румянец волнения на щеках. Единственный недостаток его тела, выдающий душевное состояние, частенько только помогал ему в экспедициях на Землю, но не теперь, когда начальство должно было быть уверено в его компетентности. Полностью одевшись по форме, Кайлай остановился перед коммуникатором и включил запись:

— Кастор, возникли непредвиденные обстоятельства... Меня отправляют на длительное задание, и я не могу отказаться. Двенадцать лет... Понимаю, тебе тяжело будет услышать эти слова, но когда ты получишь запись, я уже буду законспирирован. Пожалуйста, не предпринимай никаких действий, пока я снова не свяжусь с тобой, ты не должен рисковать. Уже слышу, как ты едко усмехаешься: «Что может быть хуже изгнания?» Но поверь мне, есть вещи похуже, и Озн не преминет использовать их против тебя. Мы успеем сделать всё, что запланировали, просто дождись моего возвращения! До связи, братишка.

Кайлай выключил запись и вздохнул. Оставалось лишь надеяться, что его младшему брату хватит выдержки укротить свой буйный нрав и включить в дело разум.

Оставив письмо на сервере для утренней отправки, капрал Жонс прошествовал в отправочный сегмент станции, где его уже поджидал капитан Опек-Интра.

— Со всеми попрощался? — усмехнулся тот, привычным движением вычеркнув из учётного листа комплект конспиративного обмундирования: синий комбинезон для погружения в геленосную камеру.

— Да.

Кайлай с удивлением приподнял плотную ткань комбинезона:

— Неужели земляне ходят в этом?!

— Это не гражданский шатл, Джозеф — на «Эпсилоне» введена особая униформа, так что не жалуйся и полезай в неё, а не то отправлю в чём мать родила!

Перебранка была чисто символической: оба агента прекрасно знали, что выполняют любой приказ начальства, даже если их заставят плясать сиртаки в балетных пачках на Площади Цветов. Но кто мог отказать себе в такой приятной мелочи перед сложным заданием?

Покончив с переодеванием, Кайлай подставил голову под анализатор и проверил состояние наращенных волос.

Эта процедура была обязательной: начальство требовало полной конспирации для своих агентов, поэтому абсолютно лысых от природы сонитан подвергали дорогостоящей процедуре искусственного наращивания человеческих кожных покровов с волосяными луковицами. Качество процедуры позволяло сохранять шевелюру в течение нескольких лет, но проверять её стоило почаще, дабы избежать недоразумений. Так один из агентов-предшественников Кайлая, выполняя важное задание на Земле, должен был вступить в интимную связь с женщиной, чтобы через неё выйти на секретные данные НАЗа о случаях наблюдения НЛО в секторе Карманрин-2. Однако стоило ему приступить к основной части соблазнения, как неожиданно контактная личность, в порыве страсти схватившись за волосы агента, вырвала препорядочный клок. Миссия была безнадёжно сорвана, не говоря уже о психологической травме связующей. В общем, опыт неудач на этой почве имелся, и агенты не спешили повторять ошибки старших товарищей.

Пока Кайлай сдавал свою форму на хранение, Опек-Интра, решил ввести его в курс дела:

— Начальство запретило прямую связь с Кармарином, поэтому по прибытии в систему Туманики тебе придётся передавать данные через вторые руки — форпост Анатинак. Он находится в трёх парсеках от планеты. Учти, Джозеф, мы перебрасываем тебя в геленосную камеру, которую откроют ровно через три месяца — так ты не вызовешь подозрений у

действующей дежурной группы — поэтому будь осторожнее с антибиотиками, доза, вводимая системой камеры и так чрезмерна для тебя... В списках будешь значиться как Джозеф Ливановский, ну впрочем, ты и так это знаешь. В остальном начальство указаний не даёт — полная свобода действий. Главную задачу помнишь?

— Уничтожить гнездо, — не задумываясь, ответил Кайлай.

— Вот идиот! Джозеф, если бы это было главной задачей, с ней бы справился и сопливый стажёр! Твоя главная задача обеспечить безопасность Виталы! Без неё все наши старания будут напрасны.

Жонс поморщился.

— Уничтожив гнездо, я тем самым обеспечу её сохранность, так что не надо учить меня простым истинам, Атамар! Для этого я шесть лет учился в университете.

— Судя по всему, впустию. Ладно, забирайся в спинс и постарайся не дёргаться.

Кайлай опустил в овальную капсулу и придал телу оптимальное для переброса положение.

— Почему на три месяца позже, Атамар?

— Что? — Опек-Интра был занят введением в систему спинса нужных координат с учётом движения корабля и самой станции.

— Мы даём большую фору врагу — три месяца долгий срок.

— Всё это время Витала будет в глубоком медикаментозном анабиозе — они не смогут обнаружить её мозговые волны. Конечно, это очень вредно для особи, но безопасность нашего агента не менее важна, ведь так?

— Не сомневаюсь, — скептически ответил Кайлай. — Помнится, Озн не беспокоился о нашей безопасности, когда меня вместе с напарником заставили оглушить команду тех заплутавших разведчиков при помощи одного единственного лазера.

— Оставь претензии начальству, а мне не мешай работать, — не терпящим возражений голосом отрезал Опек-Интра, и активировал спинс.

Прозрачный люк медленно опустился, изолировав Жонса от станции.

— Удачи, капрал, — глухо прозвучали слова Атамара напоследок, и крепёжный механизм вывел спинс в космос.

Кайлай никому не говорил об этом, но он терпеть не мог процедуру переброса.

Ощутить себя в открытом космосе — уже немалое потрясение, а когда спинс начинает тихо вибрировать, наращивая частоту, в душе волей-неволей просыпается горячий липкий ужас.

Кайлай закрыл глаза, пытаясь думать о чём-нибудь существенном, важном..., например, о Касторе. Но вибрация была тут как тут, и никуда не девалась, занимая собой всё мысленное пространство, выворачивая наизнанку каждую клеточку организма, сводя зубы, доводя до помешательства...

Резкий хлопок остановил пытку, и неожиданно Кайлай ощутил себя взвешенной песчинкой, тонущей в желе. Он попытался нащупать стенки своей капсулы, и вскоре обнаружил в вязкой массе дыхательную маску, предусмотрительно свёрнутую кем-то из агентов «Эксплор Технолоджи» перед закрытием пустой капсулы. С трудом нацепив её, Жонс сделал глубокий вдох, и тут же погрузился в сон, даже не успев подумать о том, насколько безответственно было со стороны начальства отправлять агента в уже активированную капсулу.

Прошло два месяца полёта, прежде чем случилась настоящая проблема, требующая усиленного внимания экипажа: Эпсилон подверглась метеоритному дождю, который в некоторых местах повредил её обшивку, и устроил помехи в инфраструктуре корабля. Этруса будить не стали, посчитав что ситуация вполне укладывается в рамки штатной, и просто отправили на поверхность команду механиков для устранения повреждений.

Как и предугадывал Роман, большую часть дня и ночи ему пришлось проводить в открытом космосе, кочуя с места на место по поверхности Эпсилон на пару со сварочным аппаратом. Первые несколько недель он чувствовал острое беспокойство, заступая на рабочую смену без поддержки команды, но вскоре это чувство притупилось, и он привык к одиночеству в эфире. Участки поверхности корабля, по которым курсировали поверхностные механики, пересекались столь редко, что Роману Евгеньевичу иной раз казалось, будто на всём свете не осталось больше ни одного человека, лишь близкая до дрожи в коленях поверхность корабля и безграничный затягивающий простор космоса. Это странно успокаивало — всю рабочую смену Прахов морально отдыхал от скопления людей и тесных коридоров. Однако физически он просто выматывался, и дело тут было не только в работе.

Романа начали тревожить яркие сны о совершенно незнакомых ему людях и местах. Порой казалось, будто кто-то включает проектор в голове, как только он кладёт её на подушку, и остановить поток событий было уже невозможно. Иногда в этих снах мелькали образы погибших друзей, но те бледными тенями проносились мимо, не оставляя в душе ни капли тепла или страдания.

Такие «ночные бдения» беспокоили Прахова уже на протяжении двух месяцев, и он очень устал, не отдыхая ночами, полными сновидений, где злобные тени охотились на незащищенных людей, а Роман ничего не мог сделать, чтобы их остановить. Он стал беспокоен и раздражителен; солнечный свет, превратившийся со временем в яркое мерцание звезды, всё ещё продолжал тревожить его кожу, и приходилось постоянно затемнять экран шлема, что сказывалось на ощущениях и внимательности. И чем больше Роман проводил времени в одиночестве, тем сильнее в нём укоренялось ощущение, будто корабль полон незримых существ, которые следят за всем, что происходит внутри, ищут что-то, прощупывают тонкими нитями своих упруго-бестелесных душ каждый уголок, каждую капсулу.

Иногда он просто замирал от напряжения, почти зрительно наблюдая, как безмолвный призрак скользит под поверхностью Эпсилон, и в такие моменты ему хотелось кричать на весь эфир от страха, позвать кого-нибудь на помощь, но он ничего не делал...

Что-то было не так, сломалось внутри него, не давало вернуться к нормальному ритму жизни; Роман Евгеньевич осознавал это, но решил, что может один справиться с возникшей проблемой — при помощи сильного успокоительного.

Выпрошенное у симпатичной девушки-врача лекарство действительно помогло справиться с проклятыми сновидениями — в тот донельзя приятный день Роман наконец-то проснулся счастливым и отдохнувшим. Он был безмерно счастлив своему успеху, и даже преисполнился хорошего настроения, не подозревая, что лекарство вызывает чудовищную сонливость. Прахов обнаружил сей прискорбный факт, уже когда патрулировал отдалённую от шлюзовых люков часть корабля, примыкающую к грузовым трюмам. Поняв, что

справиться с наваждением Морфея ему не удастся, Прахов принял одно из самых рискованных и безумных решений в своей жизни — решил вздремнуть часок в открытом космосе. Привязавшись крепёжными тросами к зацепляющим поручням, Роман поставил таймер на шлемовых часах, усмехнулся своей замечательной идее и чутко задремал.

Его разбудила вибрация, идущая по поверхности корабля, к которой он крепко привязался. Взглянув на часы, Прахов раздражённо вздохнул: прошло всего несколько минут, и он не ожидал, что за такой короткий срок может произойти что-то серьёзное. Неудобно повернувшись под слоем крепёжных тросов, Роман окинул сонным взглядом поверхность корабля — она выглядела вполне обыденно: несколько пробоин от мелких метеоритов, тонкая струйка кислорода, убегаящая через повреждённый фильтр системы газоснабжения, и множество защитных люков, под которыми скрывались внутренние механизмы Эпсилоны.

Прахов удовлетворённо вздохнул, и было уже отвлёк глаза, собираясь продолжить тесную беседу с древним богом сна, как вдруг его внимание привлекло НЕЧТО.

Иначе и не назовёшь.

Легко размахивая руками, будто на прогулке в лесу, по поверхности корабля шла девушка. Босиком, в просторном наряде, больше похожем на мягкую больничную робу, какой, естественно, не водилось на Эпсилоне, она уверенно смотрела вперёд, вышагивая над многочисленными ручками и крепёжками, неумолимо приближаясь к Прахову.

У того даже дыхание перехватило, нечего уж и говорить о том, чтобы Роман связался с кем-то из начальства. Он с открытым ртом наблюдал, как видение всё ближе подбирается к нему, лишь чувствуя нарастающее напряжение в груди.

Неожиданно, как первый удар молнии, девушка подпрыгнула на месте, беззвучно вскрикнула и исчезла. Роман так сильно вздрогнул при этом, что ударился лбом о скафандр. Пытаясь спешно отвязаться от тросов (и в душе прекрасно понимая, что увиденное ничто иное, как галлюцинация), Роман Евгеньевич всё же рискнул проверить место, где необычная странница скрылась от его глаз. Он уже почти был на месте, когда в наушниках раздался сигнал тревоги: всех рабочих наружной группы предупреждали о приближении метеоритного облака, и приказывали немедленно возвращаться внутрь. Прахов с сожалением окинул взглядом небольшой выступ, закрывающий обзор места необыкновенного происшествия, но всё же пустился в обратный путь — стоило опоздать немного, и вполне вероятно пускать внутрь было бы уже нечего.

Глава: Ольга Кирсанова.

Ольга проснулась в странной комнате, больше похожей на тюремную камеру. Она была абсолютно свободна, но чутьё подсказывало, что единственная металлическая дверь, ведущая из комнаты, крепко заперта. На девушке оказалась мягкая вельветовая пижама — её тёмно-синий костюм куда-то исчез — рядом с жёсткой койкой стояли домашние тапочки, а на прикроватной тумбочке — пластиковый стакан с водой. Оля всё же попробовала подёргать дверь, но у неё, конечно же, ничего не вышло. Тогда она уткнулась головой в холодную стену и не нашла ничего лучше, как тихо заплакать от отчаяния.

С Олей в жизни не случалось ничего плохого: родители всегда были к ней добры, друзья оберегали от неприятностей, а тут... Она даже не знала, как себя вести, на что надеяться и

чего ждать!

Ясно было одно — похититель каким-то образом был связан с её начальником Эриком Коллинзом и доктором Майлзом. Вполне возможно, Олю сейчас даже не искали, ведь работодатель мог через отдел кадров сообщить её родителям, что она срочно уехала вместе с начальником в командировку куда-нибудь на Юпитер или вообще на Меркурий, где связь была отвратительной и нередко пропадала на несколько дней.... Ах! И зачем она только им понадобилась!

Ольга задумалась. Быть может, она всё не так поняла? Ведь в качестве секретарши девушка была совершенно безобидна, и ничего плохого для компании не делала... А вдруг она просто подхватила какой-нибудь вирус в лабораторий Майлза? Доктор Генри не всегда занимался только механическим оборудованием, краем уха девушка слышала, что в юности он входил в состав группы разработчиков анабиотического геля, который сейчас повсеместно использовался во всех космических кораблях. Быть может, «Эксплор Технолоджи» втайне от общественности организовала биологическую лабораторию? Это бы объяснило тот оборванный чертеж, который Ольга видела в отчете доктора Майлза. И если так... если Ольга действительно подхватила что-то секретное в святая святых Майлза, то он вполне мог вовремя это заметить, и усыпить её, чтобы добиться неразглашения. Это бы объяснило, почему Ольга теперь сидела в изолированной комнате, в одежде, похожей на больничную робу! Да... компания вполне могла пойти на противозаконные меры в отношении своего сотрудника, ведь в случае дальнейшей нелояльности последнего, пострадавшему еще пришлось бы доказать в суде, что факт заключения имел место быть. И Ольга принимала такую позицию компании, несмотря на то, что понимала — потворство самоуправству корпораций ни к чему хорошему привести не может.

В любом случае догадка касательно её нынешнего местоположения так обрадовала девушку, что она даже перестала плакать. Собрав остатки решимости в кулак, Ольга забарабанила в дверь, надеясь, что её услышит кто-нибудь, к примеру врач. Но как она ни старалась, её либо игнорировали, либо действительно не слышали.

Радости поубавилось, однако Оля не теряла надежды. Она прикинула ухом к двери, прислушалась и неожиданно что-то почувствовала: по металлу практически неслышным эхом катился какой-то странный гул, словно от работающего мотора. Девушка сосредоточилась на нём и передвинулась ближе к стене — гул усилился. Было в нём что-то странное, мерно постукивающее, успокаивающее. Отдельные щелчки звучали громче, другие — тише, всё создавало чёткую какофонию хаоса, некую гипнотизирующую игру... Затаив дыхание, Ольга слушала, продвигаясь всё ближе к противоположной стене, пока не замерла рядом с койкой. Она стояла и пыталась понять, что же это работает в соседней комнате, когда практически рядом с ней раздался взрыв. Олю отшвырнуло к противоположной стене, и на мгновение она отключилась, но спасительное забвение длилось недолго: её пробудил шумящий звук и сильнейший ветер — это в раскуроченную стену стремительно улетал кислород. Завизжав от ужаса, Оля попыталась дотянуться до двери, но провалилась в темноту.

Глава: Эрни Керниган.

Игорь Ростовский и Эрни Керниган сами вызвались быть наблюдателями при Витале, и добровольно отправились в командировку на несколько десятков лет, предпочитая

увлекательное путешествие на опасную и дикую планету рутинной работе в лабораториях «Эксплор Технолоджи».

Учёные были закадычными друзьями ещё с университетских лет, и одними из самых талантливых студентов своего выпуска, поэтому попасть в крупную компанию им не составило труда. На самом деле они могли выбрать любую корпорацию, в полной уверенности, что их примут с распростёртыми объятиями. Любую — за исключением «Эксплор Технолоджи». Гигантская компания-монополист в таких областях как: электроника, кораблестроение, роботостроение, и ещё сотни других направлений — имела самый малочисленный штат научных сотрудников со времен выхода человечества в дальний космос. Лаборатория компании состояла всего из нескольких десятков элитных ученых во главе с корифеем науки своего времени — Генри Майлзом.

Генри Майлз был кумиром многих молодых учёных, специализирующихся в области альтернативных источников энергии. В свои тридцать пять лет он сделал более десятка важных научных открытий в сфере изучения полупроводников и жидкого Германия 12. Его уму принадлежали сотни мелких лабораторных изобретений, облегчающих работу над микро- и наночастицами, философские трактаты на тему этичности проведения опытов над людьми, и, наконец, состав геля, используемого в анабиозных камерах. Широкое применение последнего способствовало резкому улучшению качества перевозки пассажиров и снизило риск повреждения тканей и органов, за что Генри Майлзу присудили премию Человек Мира.

Все свои изобретения он проектировал в лабораториях «Эксплор Технолоджи», изначально являясь сотрудником компании, поэтому доподлинно никто не знал, над чем гениальный учёный работал в данный момент, и сколько его открытий так и не увидели свет, покрывшись пылью в секретных лабораториях компании. Ростовский и Керниган не раз строили догадки по этому поводу, даже в самых фантастических мечтах не представляя, что вскоре они сами будут работать под началом Майлза.

Доктор, как оказалось, нередко брал в ассистенты молодых людей, увеличивая число преданных общему делу талантливых учёных. Официально их в штат не зачисляли, но поощрительные гонорары были таковы, что никто не жаловался. Майлз беззастенчиво пользовался своим обаянием и популярностью среди научной молодёжи — в открытую переманивал работников из конкурирующих организаций, таким образом создавая вокруг себя богему научного мира. Так что, вполне закономерно, что подающие надежды Керниган и Ростовский рано или поздно привлекли бы его внимание.

Но для парней приглашение на собеседование в лабораторию «Эксплор Технолоджи» было сравни чуду! Понятно, что они были готовы на всё, лишь бы не упустить свой шанс, чем Майлз и воспользовался. Он несколько месяцев мариновал ребят в своём особом стиле: поручал им самые нелепые, порой, унижительные задания, оставлял работать в ночные смены без выходных, всячески угнетал, но в то же время бомбардировал своим обаянием — у ребят просто не было шансов! Спустя какое-то время, убедившись в их абсолютной преданности, Майлз посвятил молодых ассистентов в свой проект, над которым компания работала последние десять лет.

Проект просто поражал воображение своей грандиозностью и новизной. Если бы наставник приятелей не имел в их глазах непоколебимого авторитета, они бы, скорее всего, посчитали его безумцем. Но сомневаться в словах самого Генри Майлза не приходилось.

В основе открытия лежали сведения, полученные компанией от Службы Безопасности Земли, которая заключила с «Эксплор Технолоджи» контракт на разработку недр Туманики.

Изначально предполагалось, что на Туманике есть большие залежи природного газа и нефти, а также драгоценных минералов, которые могли найти применение в изготовлении нанокomпьютеров. В связи с этим правительство Земли и затеяло весь сыр бор вокруг Туманики, пренебрегая тем печальным фактом, что агрессивная среда экзопланеты не допускала пребывания на ней человека. Достаточно было окончательного доклада исследовательской миссии, о том, что на Туманике нет разумной жизни, чтобы СБ тут же дало команду об отправке дальних разведчиков для основания колонии. Однако спустя некоторое время от Службы Безопасности были получены сообщения, будто на планете обнаружены уникальные животные, воздействующие на психику человека. Несколько свидетелей в один голос утверждали, что столкнувшись с особями этого вида, они якобы пережили ряд видений, столь ужасных, что мучительная смерть от страха была бы неизбежной, не найди их вовремя спасательные службы. Свидетели эти, впрочем, не прожили долго после спасения: как только они уснули в лазарете колонии, их сердца остановились от ужаса — видимо пережитые наяву видения догнали их во сне.

Посоветовавшись с правлением, Майлз взялся за изучение данного феномена: активировал аварийную интерактивную связь с планетой и виртуально возглавил группу своих подручных, особенно не надеясь на успех операции, скорее для перестраховки. Каково же было его удивление, когда команда молодых учёных поделилась с ним воистину шокирующим открытием: оказалось, уникальные животные не просто воздействовали на нервную систему своих жертв — они питались их страхом.

С этого момента как на планете, так и в лабораториях «Эксплор Технолоджи» началась разработка этой проблемы, которая привела к ряду последующих открытий.

Источником энергии, питающим животных, оказалось известное с давних пор биополе живых существ. Хищники Туманикской фауны научились управлять своим биополем, подпитывая его при взаимодействии с биополями жертв. Они использовали направленный гипноз для получения резкого всплеска эмоций у добычи, и питались за их счёт тот короткий промежуток времени, пока в теле жертвы не отказывали жизненно важные органы.

Однако все попытки учёных преобразовать полученную Фантазёрами (рабочее название животных этого вида) энергию оказались безуспешными — ученые не знали строения их нервной системы и мозга, что становилось непреодолимым барьером, поскольку сразу после вскрытия ткани животных начинали разлагаться, а сканирование излучением не давало чёткой картинки.

Проект был на грани срыва, когда Генри Майлз предложил неожиданный вариант решения этой проблемы: ввести геном Фантазёра в генотип земного животного, чтобы получить образец существа, пригодного для препарирования. Многие сотрудники проекта осмеяли Майлза, утверждая, что это физически невозможно, но как выяснилось, у Генри были веские основания считать иначе. Идею о скрещивании ему преподнесли сотрудники Службы Безопасности Земли, и в качестве решающего аргумента предоставили в распоряжение лаборатории первую Виталу...

Этот раздел проекта оказался тайной для учёных лаборатории «Эксплор Технолоджи». Никто из них никогда не слышал даже краем уха, чтобы какой-нибудь человек мог одним

прикосновением исцелить живое.

Только в безумных сказках.

И вот этот человек стоит перед ними — хрупкая девушка с огромными чёрными глазами, испуганная до смерти, дрожащая и, кажется, совершенно дикая. Естественно она долго не прожила, даже несмотря на свою поразительную регенерирующую способность, пав жертвой безмерного любопытства Майлза и его команды. Проще говоря, девушку буквально растащили на образцы по лабораториям и принялись изучать.

Старания учёных, в конце концов, не увенчались успехом: потерявшие целостность ткани утратили какие-либо регенерирующие свойства и превратились в обыкновенную плоть.

Это был провал.

Майлз несколько месяцев не мог найти себе места, корил за неосмотрительное лишение Виталы жизни, и не прикасался к проекту. Исследования заморозили на неопределённый срок, и всё потекло по-старому.

Однако неожиданно, спустя год СБ обнаружила новую Виталу.

Тоже женщину, черноглазую, абсолютно лысую, без малейших признаков растительности на теле и не говорящую на общепринятом языке.

На этот раз Майлз повёл себя более научно и поместил её в просторную стеклянную камеру, применяемую зоологами для изучения повадок обезьян.

Женщина с первых дней в лаборатории повела себя поразительно странно: создавалось впечатление, будто её совершенно не тревожили аспекты её нового существования. Она методично питалась, испражнялась и вела наблюдения за людьми снаружи, не делая при этом ни единого лишнего нецелесообразного движения. Многие соратники Майлза просто не могли вынести её спокойного взгляда и отказывались заходить в лабораторию. Но такая мелочь не могла остановить настоящего учёного.

Майлз продолжил исследования практически в одиночку и, в конце концов, нащупал тонкую связь между способностями Виталы и ежегодными циклическими выбросами гормонов в кровь. На волне успеха доктор быстро организовал операционную, подготовил команду нейрохирургов и было уже вскрыл подопытной череп... Но не смог.

Спокойная до этого девица за несколько минут до начала операции молниеносным рывком освободилась от сдерживающих её эластичных лент и с ледяным расчётом вогнала хирургический стилет в ногу одному из перевозящих её ассистентов. Поднялась паника. Витала, с поражающей воображение жестокостью, продолжала кромсать учёных, собравшихся её препарировать, и в итоге была убита одним из подоспевших охранников, который попросту раздавил живучую тварь тяжёлым металлическим шкафом с хирургическими принадлежностями.

Такого удара по своему самолюбию доктор не ожидал.

Чередой неудач, причиной которых (вопреки его разбухшему самомнению) являлся он сам, едва не свела Майлза с ума.

Однако неожиданное прозрение успокоило доктора: одна Витала — это уникум, а две — подозрительная закономерность... Должны были появиться и другие, а значит их стоило всего лишь разыскать.

И предположение Майлза оказалось верным; но теперь, дважды обжегшись на горячем

молоке, он не собирался повторять свои прежние ошибки.

Людям запретили непосредственно контактировать с Виталами; все операции проводили тончайшие роботы, не повреждающие кожных покровов, и сам процесс происходил без применения каких-либо наркотических препаратов, чтобы не нарушить гормональный фон подопытных. Конечно, роботы не могли дать такого эффекта, как работа настоящего профессионала, но учёным пришлось смириться с непреклонностью Майлза.

Со дня появления первой Виталы в лабораториях «Эксплор Технолоджи», учёные так и не смогли понять механизм работы их удивительных тел, напрасно ломая голову над этим загадочным секретом природы. Однако Майлз продвинулся в своих исследованиях достаточно далеко, чтобы научиться использовать необычную силу подопытных в практических целях, а этого было вполне достаточно. Тем не менее следом тут же возник вопрос о целесообразности скрещивания Фантазёра с земным животным... Работа Майлза с Виталами показал, что взаимодействовать с подопытным-человеком гораздо проще и эффективнее. Все последующие образцы Витал были послушны и контактны, они наивно верили, что их поместили в лабораторную камеру ради их же безопасности, а все исследования проводились во благо человечества. Таким образом учёные получали доступ не только к физиологии Витал, но и к их психологическому состоянию, которое, как оказалось, имело немаловажное значение.

Все эти моменты постепенно укрепили в голове доктора Майлза крамольную мысль о необходимости скрещивания Фантазёра и человека, чтобы получить совершенно новое живое существо, способное не только управлять своими энергетическими потоками, но и решить ряд проблем правительства Земли. Не удивительно, что правление «Эксплор Технолоджи» поддержало учёного, ведь ничто в мире не продавалось лучше, чем новое оружие и новые источники энергии! А Генри Майлз собирался предложить рынку и то и другое в одном флаконе.

Казалось бы, доктор преодолел все возможные препятствия на пути к успеху, и даже сумел произвести на свет несколько дееспособных особей нового вида. Всё было чудесно: исследования обещали принести своим создателям триллионы, правительство только подогревало аппетиты учёных, а на Туманике полным ходом шли работы по генетическому скрещиванию.

Беда, как говорится, пришла, когда её никто не ждал.

От Майлза это уже не зависело — катастрофическую ошибку допустили сотрудники СБ. Произошла утечка информации, и какие-то экстремистски настроенные группировки объявили настоящую войну проекту. Какими методами они действовали, в «Эксплор Технолоджи», опять таки, даже не догадывались, однако результат был весьма плачевным: на Витал открыли охоту, и они гибли одна за другой совершенно неестественным для себя образом — как обычные люди.

Лаборатория «Эксплор Технолоджи» забила тревогу — проект оказался под угрозой, что было не по вкусу как правительству Земли, так и самой корпорации. И снова на помощь Майлзу пришла Службы Безопасности Земли, а точнее секретное подразделение СБ — Озн. Сотрудники подразделения, как оказалось, уже не раз расследовали факты внезапной гибели Витал. От них-то и пришло странное название невидимой угрозы — Левигаты. Озновцы не объясняли, с чем столкнулись учёные «Эксплор Технолоджи», и не давали никаких

инструкций, однако неплохо справлялись со своей задачей, и благодаря им удалось спасти от Левигатов не одну Виталу. Подозрительным оставался лишь факт неожиданного появления всех этих напастей, и заодно секретного подразделения СБ, о котором никогда не слышали даже владельцы «Эксплор Технолоджи». Но в пучине проблем, захлестнувших всю компанию, эта недомолвка СБ оказалась самой маленькой, поэтому никто не стал долго задаваться вопросами, заранее лишёнными ответов.

Итак, несмотря на все возникшие перед учёными трудности, проект Генри Майлза спустя десять лет кропотливой работы близился к завершающей стадии, и для его окончания требовались внутренние секреты как минимум ещё одной подопытной, которая неожиданно и очень кстати обнаружилась на Земле прямо под носом у Эрика Коллинза.

Девушку нельзя было просто заморозить и отправить на Туманику мёртвым грузом вместе с заключёнными — в подобных экстремальных ситуациях организм Виталы начинал испускать пси-волны, по которым её легко могли обнаружить Левигаты. Поэтому всё время полёта Витала должна была проводить в анабиозе, как и остальные члены корабля. Это было рискованно — в случае малейшего сбоя системы, камера автоматически проводила процедуру пробуждения, а значит, Витала могла оказаться на свободе, запаниковать и связаться с капитаном корабля, что было бы совершенно лишним.

Дабы избежать подобной случайности, подопытных в каждом полёте на Туманику сопровождали представители «Эксплор Технолоджи». Это не обязательно должны были быть сотрудники лаборатории, но поскольку Керниган и Ростовский сами вызвались, их назначили на «Эпсилону» практически с единственной целью — следить за состоянием Виталы. Многообещающая, и в то же время непыльная работа для начинающих сотрудников корпорации: вести наблюдение молодые учёные могли напрямую из своих анабиозных ячеек, зацелив датчики геленосной камеры Виталы на свои невральные имплантаты. Такая система позволяла им полностью исключить потерю драгоценного времени в полёте: двое энтузиастов прибыли бы на Туманику полные сил и постаревшие всего на два месяца.

Единственное, молодым учёным было дозволено разбудить Виталу в полёте на один час — для проведения тестов. Риск, конечно, присутствовал, но небольшой, а полученные данные помогли бы учёным лучше понять природу проявления способностей Витал в условиях космических путешествий. Эти данные были необходимы для нового проекта Майлза, который он собирался запустить после успешного скрещивания Фантазёра на Туманике.

Предполагалось, что Ростовский и Керниган разбудят Виталу где-то в середине пути, однако молодые учёные настояли на самостоятельном выборе времени и, получив согласие Майлза, решили не откладывать тесты на световые годы, а вместо этого протестировать подопытную сразу, до погружения в анабиоз.

Задумка провести опыты в момент старта корабля имела свои плюсы, в частности, Ростовский мог незаметно подключиться к вычислительной мощи «Эпсилон» — перегруженные системы не заметили бы постороннего вмешательства. Минусом было ограниченное электропитание: лабораторный отсек «Эксплор Технолоджи» был надёжно защищён от проникновения посторонних членов команды, но имел общее с кораблём жизнеобеспечение, а в момент старта все системы «Эпсилон» работали на полную мощность, и требовали колоссальной энергии. Таким образом, попытка Ростовского

настроить тестовую аппаратуру привела к внезапному сбою электричества и обнулению всех параметров оборудования. Из-за скачка напряжения, Витала очнулась от электрического сна раньше, чем Ростовский успел подготовить тестовое оборудование, поэтому учёным пришлось на некоторое время предоставить девушку самой себе. Изначально Витала была помещена в небольшую герметичную комнату с минимальным набором обыденных вещей для снижения первой волны паники после пробуждения. Но это не помогло — девушка плакала и кричала, поэтому молодые учёные отключили звук, чтобы жалобные крики не помешали им заново настроить оборудование. В какой-то момент между приятелями завязался спор, и пока они пытались доказать друг другу свою правоту, в комнате раздался приглушённый хлопок. За перебранкой молодые учёные не сразу поняли, откуда исходит звук, а когда всё же обратили внимание на экраны своих мониторов, то замерли с открытыми ртами: вид комнаты за несколько секунд кардинально изменился: в стене появилась огромная дыра, которая всё расширялась от ударов летящих в космос предметов.

Девушке повезло — она зацепилась пижамой за острый край разбитого метеором стола, и теперь беспомощно болталась в горизонтальном положении, приобретая странный синеватый оттенок.

Ростовский первым вскочил с места и бросился к камере заключённой, но Керниган вовремя остановил его, схватив за халат:

— Брось, Игорь, это же Витала, с ней всё будет в порядке!

— Да неужели?! Ты, видно, забыл, что если тело Виталы умрёт, Левигаты моментально найдут её, и тогда со всеми трудами будет покончено!

— Откроешь дверь, и покончено будет с нами! — огрызнулся Керниган. — Лучше подумай, как защитить её от Левигатов!

Игорь принялся мерить шагами аппаратную, пытаясь унять бешеную лихорадку.

— Защитить, защитить значит... Тогда нужно разбудить агента Озна, это его работа, а не наша! Эрни, беги в хранилище и начинай процедуру пробуждения, а я пока постараюсь сделать так, чтобы никого из ремонтников «Эпсилон» не послали на этот участок корабля — не хватало ещё, чтобы какой-нибудь придурок обнаружил здесь труп девушки...

Эрни согласно закивал, ободряюще хлопнул напарника по плечу и быстро вышел.

Глава: Кайлай Жонс.

Кайлай очнулся внезапно и не сразу понял, где находится.

Он попытался всплыть на поверхность, но мутно-зелёное желе так крепко впиталось в комбинезон, что невозможно было и рукой пошевелить. Оставалось лишь надеяться, что кто-нибудь догадается вытащить незадачливого агента из геленосной камеры. Наконец, спустя несколько секунд раздался булькающий звук, и основная масса геля была выкачана через днище капсулы. Сверху послышалась возня, и крышка камеры откинулась, запустив внутрь свежий воздух и свет. Кайлай стянул с себя маску, облегчённо вздохнул, стёр с лица остатки геля и запрокинул голову — над ним, нетерпеливо кусая губы, возвышался светловолосый молодой человек в белом халате:

— Скорее, прошу! Нужна ваша помощь!

Кайлай быстро сообразил, что это один из надзирателей Виталы, однако заставить себя действовать после нескольких недель беспробудного сна, когда из головы ещё не выветрилось успокоительное, было не так-то просто. Он с трудом вытянул потяжелевшее

тело из камеры и растянулся на полу.

— Ну что же вы лежите?! Витале грозит опасность! — не унимался светловолосый юнец.

Кайлай досадливо поморщился:

— Я что, просил каких-то особенных инструкций к своим действиям? — веско и с расстановкой поинтересовался Кайлай, поднимаясь на ноги. — Мне нужно для начала сменить комбинезон, а потом уже думать о работе. Позаботься об этом.

Керниган даже опешил от такого обращения, но возражать не было времени, поэтому пришлось наскоро объяснить озновцу, как пользоваться твинти-душем (приспособлением, удаляющим остатки геля и сушащим ткань комбинезона), и дожидаться, когда тот будет готов к принятию каких-нибудь действий.

Кайлай особенно не спешил. Он, как и другие агенты Кармарина-2, был обучен работе с Левигатами (хотя этот феномен и появился сравнительно недавно) и прекрасно знал их повадки и поведение.

По часам на руке молодого следящего капрал Жонс определил, что сонитанское время близилось к полночи, а эти твари редко выбирались в столь поздний час.

Кайлай привел себя в относительный порядок, поразмыслил над ситуацией и, наконец, рискнув душевным равновесием, заговорил с поджидавшим его наблюдающим. Тот заметался перед ним, как собачий хвост, но его объяснения звучали весьма толково:

— Корабль попал в метеоритный дождь, и какой-то осколок пробил обшивку в каюте Виталы. Открывать её не стали, так что тело девушки до сих пор там.

— Мертва? — коротко поинтересовался Кайлай.

— Нетрудно догадаться, что да, — язвительно ответил учёный, но, увидев холодный взгляд озновца, стушевался. — Ведь с ней всё будет в порядке...

— Если Левигаты уже не полакомились её душой. Я думал, Виталу перевозят в геленосной камере, почему она оказалась в каюте?

— Нам разрешили час исследований, и мы решили, что будет удобно...,- замялся Керниган.

Неожиданно Жонс обхватил голову Эрни своими железными пальцами, приподнял ему веки и внимательно рассмотрел зрачки.

— Ч-что вы делаете?..

— Проверяю, кто сейчас в этой черепной коробке — Левигат или идиот? К счастью, всего лишь идиот.

Он отпустил Кернигана и равнодушно отступил на шаг:

— Веди меня к Витале.

Эрни смущённо заморгал и покраснел, однако решил не связываться с агентом Озна, тем более что сам чувствовал вину за произошедшее.

Игоря в аппаратной почему-то не было, но Эрни не заострил на этом внимания — первым делом он показал озновцу мониторы, на которых в разных ракурсах в вертикальном положении висел труп молодой девушки. Кайлай увеличил изображение и внимательно осмотрел каюту, пробитое в стене отверстие и, собственно, саму девушку.

— Значит, открывать дверь чревато последствиями? — уточнил он.

— Да, разгерметизируются несколько отсеков и сработает авраийка, а нам это совершенно ни к чему.

— Ну да, резонно... Тогда придётся вылавливать её снаружи.

— Вы хотите выйти на поверхность корабля?! Но это же невозможно, за наружными отсеками ведётся строжайшее наблюдение, каждый выход фиксируется аппаратурой и оператором! И как мы, в конце концов, объясним ваше внезапное пробуждение?

— Вообще-то, это ваша проблема, не я подвергал Виталу ненужному риску.

Жонс презрительно взглянул на Кернигана, но увидев беспомощный растерянный взгляд землянина, смягчился.

— Ладно. Аппаратуру можно и отключить, с этим, я думаю, мы справимся. А вот с оператором могут возникнуть проблемы... Хочешь сказать, они постоянно дежурят у выходных отсеков?

— Ну-у, нет конечно, только когда приходит или уходит на смену команда наружных механиков. Но всё остальное время люки заблокированы системой корабля, так просто их не открыть...

— Никто не говорил, что будет просто. Перво-наперво раздобудь мне костюм для выхода в открытый космос. Пока будешь искать, советую хорошенько подумать над тем, как взломать систему корабля, я не большой мастер в таких делах, так что вся надежда ложится на вашу компанию. И ещё... я думал, следящих всегда двое, где твой напарник?

Керниган, уже собравшийся бежать за скафандром, рассеянно пожал плечами:

— Скорее всего, Ростовский договаривается с бригадиром механиков, чтобы его подчинённые не полезли чинить обшивку над камерой Виталы. Думаю, через пару минут он будет здесь.

Не дождавшись реакции озновца, Керниган убежал за костюмом, но вопросы тут же настигли его по возвращении:

— Договаривается? Интересно..., значит, с персоналом можно договориться?

— Не совсем так, я неверно выразился, — Эрни нахмурился, прикидывая размер скафандра по плечам агента. — Игорь наверняка соврёт что-нибудь про исследования космического пространства и сложную аппаратуру, которую легко сбить — такое обычно действует на узкообразованных специалистов... Но договориться в том смысле, который имели ввиду вы, практически невозможно. Все эти бывшие военные иногда просто не понимают, что такое отступать от правил...

— Ничего, — оборвал собеседника Кайлай, проверяя затемнение шлема. — Думаю, есть более простой способ выйти на поверхность корабля.

План Кайлая действительно был прост, как и всё гениальное. Правда, успех в значительной степени зависел от жалкого землянина Кернигана, что было довольно рискованно, но по-другому не выходило, и Кайлаю пришлось смириться.

На самом деле, он не мог похвастаться особой нетерпимостью людского рода — в отличие от некоторых своих коллег — однако сама мысль, что вне владений Сониты он находится в полной зависимости от жестоких и непостоянных полу-животных, часто доводила его до сильнейшего раздражения. И Кайлай не считал нужным сдерживать себя в такие моменты: в конце концов, гнев сонитанина разительно отличался от человеческого и не мог доставить землянам столько же негативных эмоций.

Но ближе к сути дела.

Исходя из полного отсутствия времени на манёвры, Кайлай решил рискнуть собственной конспирацией и пройти прямо под носом у оператора, правда, в скафандре с затемнённым шлемом. Нужно было всего лишь подослать Кернигана к бригадире механиков, чтобы учёный, используя весь свой научный авторитет, заставил бригадира дать ему «зелёный коридор» на поверхность для настройки исследовательской аппаратуры. Дальше всё было довольно просто: Жонс, на пару с вместительным контейнером, молча следовал к выходному шлюзу. В случае, если оператора интересовала затеянная сотрудниками «Эксплор Технолоджи» миниэкспедиция, Керниган должен был перехватить инициативу и ответить на все вопросы через динамики шлема. Это был самый сложный этап операции. Далее Кайлай под личиной Кернигана выбирался на поверхность, добирался до нужной позиции, устанавливал пустой муляж какого-нибудь диковинного прибора, и благополучно спускался через отверстие в стене за Виталой. Последняя трудность в ходе операции могла состоять лишь в том, что тело девушки необходимо было согнуть пополам, дабы она смогла поместиться в контейнере. Исходя из температуры в безвоздушном пространстве следовало, что справиться с этой задачей могла бы только циркулярная пила, а никаких сведений о том, способна ли Витала прирастить обратно распиленные напополам части тела, у Жонса не было. Однако большой контейнер привлёк бы слишком большое внимание, и расчленение оставалось единственным разумным выходом, не подвергающим жизнь сонитанина опасности, а значит — почти идеальным выходом из ситуации.

Кернигана Кайлай решил не посвящать в завершающую часть плана, потому что был уверен — тот воспрепятствует из страха потерять Виталу. Но молодой землянин оказался достаточно глуп, чтобы не поинтересоваться, почему контейнер для Виталы такой маленький — просто поверил агенту, и сделал в точности, как он просил.

Приготовления заняли около двух часов. За это время Керниган так и не сумел разыскать своего напарника, и, по совету Жонса, отложил этот вопрос до успешного завершения операции.

Левигаты пока никак себя не проявляли, но Жонс понимал, что по сонитанскому времени близился рассвет, а значит, стоило принять некоторые меры безопасности... Для этих целей он припас особую заготовку: достаточно было лишь сделать аккуратный надрез на правой руке и вытащить из-под кожи тонкую прозрачную плёнку — изобретение сонитанских учёных таль-пальмар, или просто тальм — защитное покрытие скафандрового типа, которое использовалось шахтёрами при разработке безвоздушных метеоритов и слабокислородных планет. Оно защищало кожу от радиации, низких температур и кислородного голодания, но Кайлай мог позволить себе защитить только голову, ибо провозить на территорию людей сонитанские технологии было запрещено законом — агентов тщательно проверяли перед каждой операцией. Однако доверять свою жизнь стеклянному шлему скафандра капрал Жонс не собирался.

Покончив с экипировкой, он подал Кернигану сигнал о том, что операция началась, подхватил пустой контейнер и направился к выходному отсеку.

В «предбанник» его запустили безо всяких вопросов вместе с остальными рабочими. Пока аппаратура выкачивала воздух, Кайлай внимательно присмотрелся к космонавтам.

Это был давно выработавшийся инстинкт самосохранения: в спецшколе агентов учили ждать угрозы с любой стороны боевого фронта, и замечать мельчайшие детали в поведении окружающих, а в частности, людей. Озн не даром тратил огромные средства, проводил

многочисленные наблюдения и спецоперации на Земле: вместе с полезными данными агенты получали бесценный опыт общения с полу-животными. Итогом работы социологов по этому разделу стала систематика, разделяющая людей на семь основных подтипов.

Первый подтип — человек-сова. Существо тихое, но властное, склонное к решительным действиям, идущим в угодую своим желаниям. Такие нередко встречались в управленческих структурах и занимали высокие руководящие посты. По аналогии был разработан метод борьбы с «совами» — дневной свет. Угроза вывести «сову» на чистую воду, при наличии реальных аргументов, могла значительно снизить бдительность тихих хищников. Однако подобное манипулирование и шантаж не могли продолжаться долго, в конце концов, сова накапливала силу и давала жёсткий бесповоротный отпор.

Второй — человек-буйвол. Крайне агрессивный подтип, который легко выходил из себя. Лучшая защита — осторожность в эмоциях на первой стадии, пока «бык» не взбешен, и «смертельный удар» на второй стадии, когда рвущий всё подряд бык уже не может остановиться.

Третий подтип — улейная пчела. Довольно безобидный и распространённый подтип человека. Пчела могла быть совершенно безобидна, пока действия не выходили за рамки их личного пространства. В этом случае пчела была способна на всё, теряя способность мыслить разумно, даже на действия, заведомо ведущие к собственной гибели. Улейные пчёлы чаще всего встречались среди городских людей, занятых на монотонных работах. Основной способ поведения — тактичность, вежливость и отстранённость, если дело касается личных вопросов.

Четвёртый тип — человек-краб. Подтип замкнутых идеалистов, зачастую оторванных от основного общества. Среди «крабов» нередко встречались гениальные учёные, деятели культуры, затворники, монахи и люди без определённого места жительства. Модель поведения — абсолютное противопоставление себя крабу на первой стадии знакомства, и схожесть с его поведением на второй.

Пятый подтип — человек-бабочка. К нему социологи Озна чаще всего относили людей с неразвитым вниманием, остротой ума и критическим сознанием. Среди них было множество безработных романтиков, которые видели в окружающем мире и самом себе только положительные качества. Все инструкции по общению с «бабочками» сводились к одному-единственному правилу: категорически не взаимодействовать ни при каких обстоятельствах! Мышление этого подтипа людей отрицательно сказывалось на психике агентов, многие из которых не выдерживали и срывались, грозя нарушить конспирацию.

Шестой подтип — человек-рыба. Существо неспособное оставаться на месте, всегда требующее движения и внимания, постоянно ставящее перед собой новые вершины. Среди «рыб» встречалось немало «вечных студентов», менеджеров, биржевых брокеров, мелких и крупных бизнесменов, а также социально-политических работников.

И, наконец, седьмой тип — пожалуй, самый опасный — человек-паук. Мнительное, самодовольное и крайне любопытное существо, целью жизни которого является сплести интриги и собирать знания о частной жизни других людей, так сказать «грязных делишках», а также использовать их в собственной выгоде. «Пауки» умею втираться в доверие, быть добродушными и чрезвычайно искренними. Инструкции для поведения: не подпускать к себе, держать на расстоянии презрением и отчуждённостью. В случае необходимости уничтожать возможного свидетеля-паука безоговорочно.

Теперь, наблюдая за соседями, Кайлай волей-неволей относил их к какому-либо определённом типу, заранее выстраивая план поведения. Всего он насчитал двух пчёл, трёх крабов, одного быка и, кажется, паука — Кайлай сомневался на его счёт. По-видимому, работа наружных механиков не предполагала амбиций и коллективного труда, а это вероятнее всего означало, что на поверхности каждый получал индивидуальное задание. Жонса такой расклад устраивал — это значительно облегчало его основную задачу, поскольку полностью сводило к минимуму общение с людьми. Витала не в счёт: целый час в компании с замороженным человеком казался Кайлаю райской наградой за его терпение Кернигана.

Когда процедура вакуумизации закончилась, второй люк бесшумно отворился, открыв взору космонавтов небольшую предстартовую комнату без герметичных затворов, выходящую напрямик в космос. Рабочие не спеша двинулись к выходу и выстроились в колонну перед оператором, ожидая своей очереди получить приказ и отправиться на поверхность. Крохотная очередь уже приблизилась к Жонсу, когда случилась небольшая заминка: оператор, вместо того, чтобы спокойно отдать очередной приказ, неожиданно рывкнул на передистоящего космонавта.

— Прахов! Сними затемнение...

Механик едва заметно дёрнул плечом, но послушно убрал светофильтр.

— Так и знал... Я отнесу распоряжение начальству отправить тебя на медосмотр.

— Но со мной всё в порядке, Глеб Викторович.

— У тебя уже неделю такие синяки под глазами, будто ты на кокаине каждую ночь!

— Это же абсурд, — в голосе послышалась улыбка, — на Эпсилоне нет наркотиков, и при всём желании...

— Прекрати язвить, Прахов! Я это делаю ради твоего же блага! Вот объяснишься перед начальством, что с тобой не так, и можешь снова приниматься за работу.

Послышался нетерпеливый вздох, и Кайлай заметил, как пальцы на руках космонавта чуть сжались.

— Какой сегодня участок? — спокойно прозвучал голос из шлема, на котором снова появилась светозащита.

Оператор досадливо поморщился, пробормотал что-то себе под нос, но всё же процедил сквозь зубы:

— Двадцать пятый, и с глаз моих долой!..

Механик спокойно подхватил свой сварочный аппарат и удалился.

Наконец, пришла очередь Кайлая. Основываясь на опыте предыдущего космонавта, он уже начал опасаться, как бы его тоже не заставили снять светофильтр, но оператор по-своему поразил сонитанина:

— А-а! Всё-таки решился! Теперь я из-за тебя десятку проспорил, ч-чёрт! Ладно, смотри не забудь включить магнитные подошвы, мы гоняться за тобой по всему космосу не станем! И трос нужно сначала к себе прицеплять, а потом уже к кораблю!

Послышался смех, и Керниган через шлемофон что-то залепетал в ответ, но Кайлай ничего не разобрал — его захлестнуло такое негодование, какого он в жизни не испытывал! Непонятно, с чего вдруг почти безобидная насмешка заставила его сердце колотиться в груди как сумасшедшее? С ним явно было что-то не так, но в горячке Кайлай позабыл, что делает... Перехватив поудобнее контейнер, он резким движением закинул магнитный трос

на поверхность корабля, и, даже не удосужившись проверить, закончил ли говорить Керниган, одним прыжком исчез в выходном отверстии. Такие трюки их учили проделывать в Озне, и едва ли кто-то из людей вёл себя столь же безрассудно в открытом космосе. Но в то мгновение Кайлай не думал о конспирации — ему лишь хотелось утереть нос оператору с его насмешками, подчеркнуть, что перед ним не какой-нибудь зелёный мальчишка, а капрал Озна. И, по-видимому, Жонсу это удалось: в эфире послышались присвисты и удивлённые возгласы механиков, которые ещё не пропали из поля зрения. По локальной связи продолжал трещать Керниган, ничего не зная о выходе капрала... Должно быть, с таким глупым звуковым сопровождением прыжок Кайлая выглядел ещё эффектнее...

Разум, наконец пробившийся сквозь туман эйфории, подсказал Кайлаю, что нужно скорее ретироваться подальше от любопытных взглядов. Жонс был смущён и ошарашен собственным поступком: профессионализм словно улетучился из его головы, и вдобавок ко всему сердце заходило, будто он сорвал первый приз на тотализаторе в роли скаковой лошади. Не до конца понимая, что же творится, Кайлай сверился с ручным навигатором по кораблю: у него оставалось не так уж много времени, чтобы совершить задуманное, и стоило поторопиться.

Передвигаться в массивном скафандре было катастрофически неудобно, невольно вспоминались изящные и лёгкие тальмы оперативников Озна; но почему-то, вопреки логике, этот факт вовсе не портил Кайлаю настроение — наоборот, придавал едва уловимую перчинку ощущениям, до предела будоражил чувства! В итоге, добравшись до пробитого метеором отверстия, Кайлай был словно под действием какого-то наркотика: мысли путались и плутали в звездах, хотелось смеяться и совершать немыслимые телодвижения, которые люди называли танцем! Не в силах справиться с нахлынувшей эйфорией, но понимая, что вся операция под угрозой срыва, Жонс упорно продолжал своё дело, пробираясь сквозь отверстие в камеру заключённой. Наконец, острые края с оборванными проводами остались позади, и Кайлай вплыл в камеру. Девушка, вытянувшись по струнке, синей ледышкой висела в метре от него, точно так, как он видел это на экране монитора. Кайлай оттолкнулся от стены и подлетел ближе к мёртвой Витале.

И его пронзило током.

Разум словно ушёл в глубины мозга и взглянул на девушку поверх глаз из тёмной уютной черноты: Витала теперь переливалась всеми цветами радуги, умиротворённо светилась, будто спящий огонёк. Сквозь тонкое, почти прозрачное тело были видны небыющие органы — её замершее, но вопреки всему живое сердце, которое знало, что существо с другой планеты пришло, чтобы спасти его.

Кайлай застыл как вкопанный, рука не смела прикоснуться к удивительному телу, вмещающему столько жизни и энергии.

Внезапно что-то изменилось, конечности девушки стали покрываться синей ледяной коркой, пядь за пядью скрывая нежный свет от Жонса, пока тот не исчез вовсе за мёртвой маской человеческого лица. Кайлай разочарованно ощупал эти хрупкие черты, однако они не смогли отразить ничего, кроме замёрзшего удивления и страха. Но теперь Кайлай знал, что Виталу нужно разбудить, и как можно скорее! Чтобы капрал снова мог насладиться её чудесным огнём, чтобы радужный свет не угас внутри девушки окончательно...

О распилке замороженного тела речи уже не шло — Жонс нёс его словно драгоценный сосуд, не смея навредить, подвергнуть опасности. Мысль, как он объяснит оператору наличие при нём ещё одной пассажирки, казалась мелочной и пустой: Кайлай, словно

запрограммированная машина, забыл обо всём, кроме Виталы.

Разорванная в клочья стена осталась позади, и Кайлай уже двигался с Виталой к основному входу, как вдруг впереди, словно из ниоткуда, появился космонавт. Увидев Жонса с девушкой на руках, он немедленно двинулся к ним, по пути зачем-то включая сварочный аппарат. Сердце Кайлая пропустило один такт — перед ним, несомненно, был Левигат, который явно намеревался действовать агрессивно. Такое уже случалось: когда у проклятых тварей по каким-то причинам не хватало сил, чтобы атаковать своих жертв изнутри, они овладевали телами окружающих и доводили эксперимент Майлза с расчленением до ума, полностью изничтожая врага.

Скафандр не давал Левигату двигаться быстрее, чем он мог, и у Кайлая осталось время на то, чтобы пристягнуть Виталу к себе и достать свой сварочный аппарат. Сонитанского оружия у Жонса не было, о чём он теперь — в который раз! — посожалел, упрекая своё начальство за излишнюю осторожность. Утешало одно: начал проясняться разум Кайлая. Исчезли восторг и эйфория, чувства приняли свой привычный минимизированный вид, осев мутной тревогой где-то в глубине сознания, а это, несомненно, было очень кстати, ведь поединок с Левигатом требовал холодного расчёта и напряжения всех умственных способностей, дабы проклятая тварь не попробовала подселиться в его тело на волне страха. А поскольку сонитане боялись только в очень редких, исключительных случаях, при соответствующей тренировке они становились идеальными охотниками на Левигатов.

Эта мысль несколько мгновений утешала Кайлая, пока дуговая сварка ярким цветком огня проносилась всего в нескольких миллиметрах от его скафандра. Только точный рывок в сторону спас Жонса от плазменной резки. Он поспешил нанести ответный удар, но Левигат ждал этого и встретил его попытку плавным уходом в сторону.

Это было одним из преимуществ Левигатов — тотальный контроль над телом жертвы, который проявлялся в необыкновенной ловкости и скорости движений даже у тела, принадлежавшего ранее сорокалетнему бухгалтеру весом в сто шестьдесят килограмм. Суть же непознанных существ была такова, что они преображали людей, с которыми контактировали хотя бы несколько минут — меняли их психику: могли сделать жертву чутким и добродетельным борцом за справедливость, или, наоборот, сломать ранимую душу и породить очередного монстра в человеческом обличье — всё зависело от произвола конкретного Левигата.

Поэтому устав, преподносимый агентам в учебном практикуме, чётко гласил: существо, когда-либо вмещавшее в себя негативную сущность под кодовым названием «Левигат», подлежит безоговорочному уничтожению независимо от того, каким именно образом присутствие инородного разума повлияло на состояние тела жертвы.

Кайлай прокручивал эти слова в голове, стараясь нанести очередной «смертельный» удар своему противнику. Но тот, словно издеваясь, лишь уворачивался, не предпринимая никаких действий в ответ. Он кружил вокруг Кайлая в своём громоздком скафандре, словно бабочка вокруг цветка — легко и непринуждённо, и, наконец, когда Жонс окончательно растерялся и утратил бдительность, лёгким поворотом вышел на одну прямую с тросом, удерживавшим Виталу спиной к спине с Кайлаем. Яркая вспышка сварки прошла по тросу, и тело девушки, поддавшись разности скоростей, медленно поплыло в сторону от корабля. Кайлай ошеломлённо бросился следом за ним, но Левигат не дремал и в прыжке настигнул капрала, точным ударом пронзив его скафандр.

Кайлай очнулся неожиданно от резкого толчка. Спину саднило и жгло, будто туда приложили кусок раскалённого железа. Он застонал и приоткрыл глаза:

— Что?..

Ещё один резкий толчок, и кто-то схватил его за скафандр и потащил.

— Что происходит?!

Неожиданно Кайлай понял, что его дыхание оставляет следы на стекле шлема.

— У меня пробит скафандр! Эй, слышите?! Остановитесь!

Кто-то бросил его на пол и склонился над ним.

— Спокойно, я подключил к тебе проточный канал с кислородом, от холода и удушья ты не умрёшь. Нужно вести себя очень тихо, чтобы они не услышали...

— Кто? — прошептал Кайлай, напрасно вглядываясь в затемнённый шлем собеседника.

— Они!.. Те, кто охотятся за телом...

Жонс моргнул от удивления.

— Я не понимаю...

— Тиш! Мне наплевать, только заткнись. Они рядом...

Кайлай попытался приподняться, чтобы разглядеть, про кого говорит этот сумасшедший, но в спину неожиданно словно вонзили нож, и он, выгнувшись дугой, отключился.

В следующий раз капрал очнулся от холода — вздрогнул и подскочил на месте. Он лежал на тонком матрасе, брошенном у стены аварийного ангара. Повсюду стояли неподвижные роботы-исследователи, своими щупами напоминая странных животных, замерших в ожидании атаки. Где-то в глубине ангара горел свет. Кайлай поднялся, чувствуя страшную ломоту в спине, и неожиданно понял, что стоит абсолютно голый. Это немного удивило Кайлая, но он быстро унял свои чувства и кошачьей походкой направился к источнику света, с негодованием понимая, как ему не хватает технологий родной Сониты: вся впечатляющая подготовка Кайлая казалась ничтожной в отсутствии необходимых инструментов и экипировки. Чувствуя себя пещерным человеком, Кайлай осторожно поднял с рабочей платформы гаечный ключ и крепко сжал его в руках. Спустя несколько шагов свет стал гораздо ближе, и, наконец, капрал увидел, что там происходило: какой-то человек в форменном комбинезоне Эпсилоны осторожно укладывал уже подтаявшее тело Виталы в технический холодильник, где хранились органические машинные масла. Обмякшие синие руки девушки безжизненно свисали вниз, и с них на пол капала отвратительная жижица, а не полностью оттаявшие глаза поблёскивали стеклянными шариками в чёрных глазницах, постепенно набухая от воды и принимая прежние размеры. Кайлай невольно поморщился, с трудом представляя, как этот человек мог взять безобразный труп девушки на руки. Но он тут же одёрнул себя, вспоминая, что Витала жива, несмотря на её «дохлый» вид, и действия этого человека были очень некстати.

Быстро оглядевшись по сторонам, чтобы не было лишних свидетелей, Кайлай осторожно подкрался к мужчине сзади и с размаху опустил тяжёлый ключ ему на спину. Тот охнул и повалился на колени, выронив тело девушки на пол. Не дожидаясь, пока человек придёт в себя, капрал перехватил ключ поудобнее и точным ударом проломил ему череп. Мужчина бессмысленно взмахнул руками и опрокинулся на спину прямо в натёкшую от Виталы лужу трупной жидкости.

«Ну вот, так-то вернее будет, теперь ты точно никому не расскажешь об увиденном», — хмыкнул Кайлай, отбрасывая ключ в сторону. — «А вам, девушка, пора бы уже просыпаться, если вы не хотите оказаться в настоящем гробу за пределами этого корабля!»

Но Витала, конечно же, ему не ответила: по-видимому, внутри она всё ещё была заморожена и не могла начать процесс регенерации. Проклиная всё на свете, Жонс перехватил её опухшие запястья и потащил по полу в сторону выхода. Рядом с дверью он остановился, обдумывая план своих дальнейших действий, и неожиданно его внимание привлекли засохшие пятна крови у стены и на полу рядом с матрасом, на котором он пришёл в себя. Вместо подушки в изголовье лежал его свёрнутый комбинезон с внушительной дырой, а в метре над изголовьем алел чёткий отпечаток окровавленной руки. Приложив свою ладонь, Кайлай понял, что это он хватался за стену в поисках опоры, только совершенно не помнил этого. В смятении Жонс принялся соскребать кровь с металлических стен, но первая волна паники быстро прошла, принеся на своём гребне чёткое понимание бесполезности его занятия — ДНК Кайлая уже прочно впиталось в металл, и обычным средством его было не вывести.

Это было какое-то наказание, правда Жонс не знал, за что именно его линчует судьба! Сначала тупоголовые земные учёные проворонили Виталу, натравив на неё стаю Левигатов, а теперь эти провалы в памяти! Чего следовало ожидать в ближайшем будущем?

Он догадывался.

Труп мужчины худо-бедно обнаружат дня через два. Станут выяснять, что да как, и найдут в ангаре чью-то кровь на стенах, да орудие убийства в придачу, пусть и без отпечатков пальцев. Стоит сотрудникам Эпсилоны пробить ДНК по базе данных корабля, и компьютер сразу же укажет на Джозефа Ливановского, который почему-то раньше положенного срока покинул свою геленосную камеру! Если же кому-нибудь взбредёт провести полный анализ крови — а почему бы и нет? — сразу станет ясно, что убийца вовсе не человек...

Допустить этого Кайлай не имел права ради своей планеты и всего сонитанского общества! Тем более теперь, когда корабль нёсся на световой скорости, и помощи ждать было неоткуда — связаться с форпостами Озна он не мог.

Ситуация требовала экстренных мер, и у Жонса не оставалось другого выбора, как прибегнуть к ним.

Глава: Ксения Орловская.

— Ксения Орловская! Пожалуйста, проверьте ещё раз, я вчера заказывала билет, это очень срочно.

Миловидная девушка с фирменной причёской космофлота вежливо простучала наманикюренными пальчиками по клавиатуре:

— Простите, но, видимо произошла какая-то ошибка, все билеты на этот рейс были распроданы ещё вчера утром. Вы можете подождать вылета «Полярный 2000», однако этот перелёт будет стоить несколько дороже.

Ксения чуть сморщила нос, но покорно отошла от кассы: видимо, кто-то застолбил её билет для «своего», и теперь она была вынуждена дожидаться следующего рейса. Девушка подхватила свой саквояж и проскользнула в блаженную прохладу зала ожидания.

Небольшой аэропорт Белой Калитвы был довольно уютно обставлен: из стереовизоров звучала приятная современная музыка, на столиках перед пассажирами то и дело возникали бокалы с прохладительными напитками, а чуть дальше за барной стойкой орудовал самый настоящий бармен, который мог лично выполнить заказ, устроив при этом маленькое шоу. Но всё это изобилие не радовало Ксению: ей было душно в четырёх стенах так далеко от живой природы.

Раньше она никогда не страдала от обилия пластика и стали вокруг — напротив, даже восхищалась уровнем жизни современного человека, который жил как птица, не пачкая ног в пыли. Однако это стало практически невыносимо после того, как стужим весенним вечером её посетил Дар.

Он пришёл неожиданно, вместе с холодным и прозрачным апрельским воздухом, наполнив всё её существо, забившись в ноздри, прослезив глаза, острыми мурашками впившись в тело. В это мгновение мир покачнулся, словно Ксения на секунду покинула тело, а потом резко вернулась обратно. С тех пор лечение стало её призванием.

Но вместе с Даром пришли и последствия... Иногда девушке казалось, будто способности к исцелению исходили не изнутри неё, а со стороны невидимого прозрачного спутника, который всегда был рядом на страже её желаний. И этот спутник тянулся к земле, к жизни, создавая ноющее беспокойство в животе — он рвался из мёртвых стен на свет и воздух, но был связан с телом, как кислород и водород в молекулах жизни. Жуткий, пугающий симбиоз... Но всё же этот союз был сладок, как мёд — слишком сладок, чтобы нарушить его по собственному желанию.

Страдая от обилия неживой материи вокруг, Ксения осторожно расстегнула верхнюю пуговицу и начала обмахиваться журналом, взятым со столика. Ей безумно хотелось бежать из этого душного места, бежать по траве и листьям, сквозь солнечные лучи, льющиеся золотыми водопадами с небес, но она не могла — долг звал её вдаль от родной планеты. К тому же, теперь Ксения боялась оставаться на Земле после того случая, когда на неё в собственном саду напало какое-то дикое животное.

Такого не случалось на Земле уже сотни лет — большинство диких особей либо жили в заповедниках, либо носили специальные подкожные индикаторы, которые начинали зудеть, как только животное подбиралось близко к человеческому жилью. Мало того, что хищник сумел пробраться сквозь защитные поля, он отважился напасть на Ксению... Девушка всегда ладила как с домашними питомцами, так и с диким зверем, а превратившись в Виталу поняла, что животные чувствуют её дар и смиряются перед ним. Это позволило Орловской стать ветеринаром, который мог справиться с любым пациентом: собаки, львы и тигры, гиппопотамы, коровы — даже киты! Но нападение неведомого хищника до смерти напугало её... Да, да, человек, знающий каждую тропинку кровеносных сосудов под шерстью, понимающий любой намёк на агрессию, чувствующий боль и готовый помочь — боялся своих пациентов!

Ксения работала ветеринаром в городской клинике для животных Белой Калитвы, и, надо сказать, справлялась со своими обязанностями просто блестяще. Её приглашали для консультаций в заповедники всех материков планеты, а многие собаководы и кошатники ездили за тысячи километров в Белую Калитву только ради того, чтобы она осмотрела их

питомцев и вынесла свой вердикт. За неполных пять лет работы у девушки появились постоянные клиенты, в том числе и из богатых семей, но она не гордилась этим. Ей достаточно было осознания того, что она помогает, действительно помогает нуждающимся в её даре. А так как животные не могли рассказать, каким именно образом проводится лечение, они были идеальными пациентами.

И один из таких пациентов давно ожидал её в трёхстах тысячах километров над Землёй.

Басси Баст — главный герой популярного телесериала про космического пса, и виновник настоящего переполоха и детских слёз по всей планете из-за неудачно выполненного трюка на съёмках очередной серии, после которого оказался при смерти. Передвижная телестудия, спонсирующая сериал, была временно прилунена, и многие специалисты уже потерпели крах, пытаясь вернуть несчастную золотую собаку к жизни. Каким образом продюсеры узнали о ветеринаре из Белой Калитвы, Ксения не догадывалась — со своей стороны она старалась всячески избегать популярности и внимания к её способностям. Тем не менее, спустя две недели после происшествия ей поступило сообщение с просьбой срочно вылететь на станцию и оказать врачебную помощь собаке. Спонсоры сериала предложили просто бешеные деньги — отказаться было бы чистым безумием, но девушка именно так и поступила. Она никогда не вылетала за пределы земной атмосферы, и даже в небоскребах чувствовала себя не очень комфортно. А Луна... Это было так далеко!

Но Ксения изменила своё решение после того нападения в саду. Она плохо помнила, что именно произошло: никаких травм не осталось, поэтому Орловская решила не обращаться ни в полицию, ни в больницу. Однако с того самого происшествия девушку начали преследовать кошмары. В её снах чёрные плоские тени вновь и вновь пытались отнять у неё жизнь, высасывали энергию морозными подобиями рук. И почему-то жуткие тени из кошмаров были неразрывно связаны в её сознании с диким зверем, который напал на Ксению сзади.

Дошло до того, что девушка не хотела засыпать по ночам от страха, а гуляя по улицам, она то и дело оборачивалась, готовая увидеть позади плоскую чёрную тень из кошмара. Земля стала небезопасным местом — больше не хранила покой своей дочери, и, значит, отпускала её.

До вылета рейса «Полярный 2000» оставалось полчаса, а Ксения уже была на пределе: её призрачный страж просто тянул из неё жилы, выворачивал на изнанку, кричал от страха! Чтобы хоть как-то успокоиться, Ксения начала активнее обмахиваться журналом и прикрыла глаза, фантазируя о зелёном лесе.

— Вам нехорошо?

— Что? — Ксения рассеянно взглянула на подсевшего напротив молодого человека. — Нет, нет, всё в порядке, не беспокойтесь, это от жары...

— Вы совсем бледная, может, всё-таки вызвать врача?

— Нет, нет, не надо...

Внезапно у девушки закружилась голова, комната поплыла перед глазами. Незнакомец озабоченно склонился над ней и прикоснулся к её руке.

— Девушка, что с вами!

В полуобморочном состоянии Ксения попыталась подняться на ноги и открыть глаза,

но неожиданно поняла, что ей не удастся уйти далеко: позади человека наяву, а не во сне, стояли плоские тени, похожие на чёрные шелковые занавески. Они трепетали, словно в предвкушении пиршества, и тянулись к ней своими полупрозрачными телами.

— Нет! Не прикасайтесь ко мне, нет! — вскрикнула Ксения и попыталась вырваться из рук незнакомца, чтобы убежать, но тот не видел призрачных убийц и продолжал сжимать её, выкрикивая какие-то слова.

Через мгновение объявились ещё люди, они больно укололи Ксению, и та поняла, что засыпает, оставаясь совершенно незащищенной перед плоскими тенями...

Первое, что она увидела — это пристально глядящие на неё голубые глаза, в которых искристым бризом отражался оконный свет. Ксения моргнула, чувствуя себя очень неловко — ей захотелось встать, или сделать какое-нибудь резкое движение, чтобы этот невольный интимный контакт закончился. В итоге девушка захрипела, пытаясь задать вопрос, и сидящий напротив человек вежливо поднёс ей стакан воды. Сделав глоток, Ксения смущённо поблагодарила его, и села в постели.

— Что я здесь делаю? Сколько времени прошло, мой рейс уже улетел?

Молодой человек не спешил отвечать, внимательно разглядывая её, будто какое-то диковинное животное. Наконец он пересел из кресла на край её кровати и заговорил:

— К сожалению, ваш рейс уже улетел, как, впрочем, и мой.

— О! — Ксения удивлённо заморгала. — Мне очень жаль, что из-за меня у вас такие неприятности! Но где я? Это медпункт космопорта?

Она постаралась вежливо улыбнуться, но холодный вид незнакомца стёр с её лица улыбку:

— Что-то не так?

Не говоря ни слова, молодой человек встал и медленно снял с себя пиджак, затем начал расстёгивать пуговицы на белоснежной рубашке.

— Что... что вы делаете?!

Ксения покраснела, не зная куда себя деть от смущения, но это не остановило бесстыдника: он снял рубашку, оставшись перед ней полуобнажённым, и повернулся спиной.

— Советую вам поднять глаза, и объяснить мне, как это получилось.

Девушка встревожено взглянула на широкую спину незнакомца, и её глаза расширились от удивления.

— Как?! Что это?!

Она вскочила на ноги, больше не стесняясь того, что стоит в одной ночной рубашке перед незнакомым мужчиной, и осторожно коснулась поражённого места.

— Я не верю своим глазам...

— Я тоже не поверил сначала, но теперь мне нужны объяснения, — твёрдо заключил незнакомец.

Вся спина стоящего перед ней юноши была в ужасных шрамах и ожогах, будто его на несколько минут прислонили к раскалённой печи. И на этом бедствии кожи особенно сильно выделялись два совершенно гладких отпечатка женских рук, под которыми шрамы разгладились, и кожа стала розовой и нежной, как у новорождённого.

Прикасаясь к ней, Ксения невольно сглотнула от волнения. Она не раз представляла, что её могут разоблачить, но девушка всегда была так осторожна, что этот страх постепенно

исчез из её сознания... Вновь обрести его было немыслимым потрясением.

— Ну, что же вы молчите? Я требую объяснений, как случилось, что вы оставили на мне такие потрясающие отметины?! Теперь ни одна женщина не поверит мне, что я пострадал на задании в космосе!

— Но, я не знаю, как это получилось...,- почти искренне солгала Ксения. — Это не я! Обратитесь к последней вашей партнёрше, быть может...

— Последней партнёрше?! — молодой человек развернулся и в ярости схватил девушку за плечи. — Это сделала ты, когда вырывалась от меня как безумная! Отвечай, как ты это сделала? Что за фокусы?!

— Ничего я не делала! Отпусти меня, сумасшедший!

Ксения вырвалась и влепила мужчине звонкую пощёчину — это отрезвило его: он отступил на шаг, оделся и пригладил волосы.

— Что ж, не хотите отвечать так, придётся разговаривать по-другому! Мои друзья нуждаются в подобном исцелении. Вы полетите со мной и поможете им.

— Я никуда не полечу! Вы сошли с ума! Я очень сожалею о том случае, из-за которого у вас такое... уродство, но это не моя вина!

— Уродство?.. — мужчину передёрнуло от этого слова, но он всё же взял себя в руки. — Моим друзьям повезло гораздо меньше, и им нужна твоя помощь!

— Мне искренне жаль, — твёрдо ответила Ксения, — но вы всё неправильно поняли. Я не имею никакого отношения вот к этому! И никуда не собираюсь с вами лететь. Мне нужно сегодня же попасть на Луну, так что дайте пройти!

Однако мужчина не собирался сдаваться, вместо этого он понизил голос и ударил по самому больному:

— Я всё расскажу властям... Вы ведь этого не хотите, насколько я могу судить? Похоже, вы тщательно скрываете свои способности, разве нет?

— Что?! Вы не имеете права! Кто-нибудь, помогите!!! Меня хотят похитить!!!

Но незнакомец не дал ей возможности как следует позвать на помощь. Резким движением он развернул её вокруг своей оси и зажал рот огромной ладонью.

— Молчи, или будет хуже! Ты сейчас же оденешься и пойдёшь со мной, обещаю, я не причиню тебе вреда и отпущу, как только ты поможешь моим друзьям. Договорились?

Ксения почувствовала, что ей не хватает воздуха; она начала отчаянно вырываться, однако мужчина крепко держал её своими огромными лапищами и не собирался отпускать, настаивая на своём:

— Договорились?!

Неожиданно девушка ощутила себя свободной и упала на колени, пытаясь отдышаться.

— Псих! Сумасшедший!

Она продолжала причитать, но никто не отвечал. Ксения обернулась и отпрянула в сторону от неожиданности: её обидчик лежал на полу совершенно бездвижный, скрюченный в агонии, а позади него трое человек в чёрных костюмах с лазерными винтовками нацелились на Ксению.

— Ай, нет! — девушка попыталась закричать, что есть силы, но что-то больно впилося в её плечо. — Нет, нет, только не это, я не хочу, не хочу...

— Генри, послушай, есть хоть какая-нибудь возможность заглушить эти вопли? У меня уже голова раскалывается...

— Боюсь, что для этого необходимо построить новую камеру, — ухмыльнулся Майлз. — Может, если не давать ей пить, она в конце концов заткнётся?..

— Ну, мы же не дикие звери! — удручённо вздохнул Коллинз. — Нельзя бессмысленно подвергать риску столь важный и дорогой образец... Нет, у меня больше нет сил, надо с ней поговорить!

Коллинз подошёл к стеклянной камере и постучал по стене.

— Эй, девушка! Пожалуйста, успокойтесь! Мы не сделаем вам ничего плохого! Это правительственное учреждение, вы просто попали в карантин!

Ксения подняла голову, даже не пытаясь утереть слюни, текущие из скривлённого горечью рта.

— Карантин?.. Лож! Что вы собираетесь со мной делать?! Я гражданин Федерации, вы не имеете права держать меня в заключении против моей воли!

— Тогда смириться с тем, что нам всё равно, какие у вас там права, главное сейчас обеспечить вашу же безопасность!

Майлз усмехнулся в рукав: Коллинз умел лгать так убедительно, что даже сам учёный, проработав с ним достаточно лет, иногда сомневался, сможет ли распознать ложь в словах основателя компании «Эксплор Технолоджи».

Но девчонка, видимо, хорошо осознавала, где находится, и не поверила ни единому слову. Снова тишину прорезали вопли и рыдания, сопряжённые с выкриками угроз.

Коллинз застонал и выбежал из лаборатории, оставив Майлза снимать показания, а тот был только рад остаться наедине с объектом своих исследований.

— Итак... Госопожа Орловская? Род ваших занятий, пожалуйста...

Ксения даже притихла от неожиданности.

— Я ветеринар, — тихо произнесла она, убирая волосы со лба. — Пожалуйста, отпустите меня, я никому не сделала ничего плохого!..

— Конечно, никто и не спорит... Положите, пожалуйста ладонь на зелёную панель в стене.

Девушка выполнила просьбу доктора, подчиняясь спокойному, вежливому, почти гипнотизирующему голосу; но вскоре она горько пожалела об этом: из стены вылетели кожаные крепления, которые захватили запястье Ксении, и стальное жало больно впилося в ладонь, качая кровь. Ни крики о помощи, ни слёзы не разжалобили доктора Майлза — он был слишком поглощён своей работой. Девушка начала слабеть, а проклятая машина, кровожадно гудя, всё качала и качала красный сок человеческого тела, упиваясь им как огромный ненасытный комар. Ксения сползла по стене на пол, отчаянно борясь с подступающей со всех сторон темнотой: она боялась потерять сознание и снова увидеть чёрных шёлковых стражников, охотящихся за её душой. Уже на грани забытья девушка слышала шум из-за стенок своей камеры и с трудом приоткрыла веки.

Оказалось, не только её переполошил возникший шум: Майлз просто вышел из себя от бешенства, когда увидел, что лаборанты вкатили в лабораторию металлическую раму, с прикованным стальными наручниками человеком.

— В чём дело?! Почему этот парень ещё здесь? Его должны были доставить в госпиталь ещё два часа назад!

— Нам приказали, мистер Майлз...

— Кто приказал? Покажите мне этого идиота, который подрывает секретность лаборатории! — взмахнув кулаками, в гневе прокричал учёный.

— Но доктор Майлз... Нам приказал новый секретарь мистера Коллинза...

— Секре... Коллинза?! Что здесь происходит...,- доктор растерянно нахмурился. — Ладно, идите, чего встали, болваны?

Лаборанты недоумённо переглянулись и вышли, а Майлз набрал номер Коллинза по конфиденциальной проводной линии. Тот несколько минут не отвечал, что было весьма странно, поскольку глава компании сам настоял на создании локальной телефонной линии для доверенных сотрудников, чтобы они могли вовремя сообщить об экстренной ситуации в лаборатории. Наконец, экран телефонного аппарата вспыхнул, и на Майлза взглянули недовольные серые глаза Коллинза.

— Эрик, что за шутки?! Парень совершенно не при чём, нахрена держать его в лаборатории?!

— Какой парень, о чём ты, Майлз? Ааа, этот... Я знал, что ты начнёшь возмущаться — твои забавные парадоксальные этические принципы иногда просто ставят меня в тупик! Но, в данном случае можешь успокоить свою ненормальную совесть — это ради дела. Ты же сам говорил, что в лабораторию нужны подопытные для твоего следующего проекта? А этот человек слишком много видел! Лучше он сгинет у тебя в лаборатории, и принесёт хоть какую-то пользу, чем будет бродить на свободе, угрожая нашей компании... Всё, я занят, Генри мне не до этого.

Связь прервалась, и Майлз остался стоять перед потухшим экраном, размышляя над чем-то. Затем он подошёл к висящему на цепях человеку и хлопнул его по щеке. Тот не очнулся — видимо наркотик, специально разработанный доктором, всё ещё действовал. Тогда Майлз обошёл нового подопытного вокруг и ещё раз внимательно осмотрел шрамы на его спине. Что-то в этой завораживающей картине смущало его разум, но что именно, Генри пока не мог объяснить: крепкое объятие, которое привело словно к взрыву исцеляющей силы, было ключом к новой тайне, окружающей Витал, и разгадать её хотелось всё сильнее с каждой минутой.

— Хорошо, с тобой мы ещё разберёмся...,- тихо вздохнул Майлз, возвращаясь к пульту управления. — Жаль... Действительно жаль...

Глава: Кастор Жонс.

Красный огонёк, подсказывающий пользователю о необходимости удалить прочтённое сообщение, бил в глаза, разрезал темноту, убивал в голове Кастора все сонитанские мысли и чувства... Прошло уже два месяца с момента его получения, а младший Жонс всё никак не мог заставить себя стереть сообщение брата, и каждый вечер пересматривал его, словно не веря в произошедшее...

Он осуждал землян за их импульсивность, чувственность, злобность... А теперь сам был готов кусать себе пальцы на правой руке, лишь бы убить в голове раскалённое, огненное знание, что его триумф и свобода откладываются на двенадцать лет!

Двенадцать лет унижений.

Он — гениальный учёный, амбициозный, молодой человек — должен был по ложному навету побираться объедками общества! Того самого общества, которое готовило его к жизни блестящей, мерцающей, как звезда на ночном небе Сониты. В юности Кастор искренне верил, что его существование должно было питать общество, как соки земли могучее древо. Все его шалости, противоречивые поступки были своеобразным озорством, развлечением — обходной тропинкой к великому пути, на котором ждали подвиги и слава во имя Сониты. Но, оказалось, общество не очень нуждалось в своём не всегда послушном сыне!

Двенадцать лет страха и отчаяния.

Двенадцать лет без брата — единственного сонитанина, который знал его душу, понимал стремления, желания...

Его ждали истинные муки — бездействие.

Доделать портал оказалось легко, особенно теперь, когда Кастор стал уборщиком и получил доступ ко всем помещениям: он потихоньку собрал необходимое оборудование со всех лабораторий, и провёл в техническое помещение мощные силовые кабели — остальное было делом техники.

Но изготовление портала недолго утешало Кастора: совершить прокол в пространстве без содействия брата, который теперь стал пленником убогого тихходного корабля людей на целых двенадцать лет, — означало приговорить себя к ужасному наказанию, которое было бы вынесено не гуманным обществом, а Озном. Ведь каждую минуту и секунду пространство вокруг Земли контролировалось бдительными стражами Кармарина-2...

Попытки проникнуть на Землю совершались и раньше, некоторым смельчакам удавалось даже войти в контакт с землянами прежде, чем их вылавливали агенты Озна. Но что с ними происходило дальше — никому не было известно. По официальной версии, мятежных сонитан изолировали на отдалённом южном острове на Соните, где были созданы все условия для их существования. Однако тот факт, что данный остров не значился ни на одной карте планеты, говорил о лжи, проросшей всюду, куда простиралась длань Озна.

Призванный во что бы то ни стало защищать общество от инопланетных агрессоров, Озн изначально был могущественнее и сильнее любого сонитанина, даже вооружённого законами общества; как только братьям Жонс взбрело в голову идти против него?

Кайлай горько склонил голову на руки и зарыдал. Пустая бутылка с земным ядом «алкоголем» сиротливо упала на пол рядом с ним, звякнув примитивным кремниевым стеклом. Он попытался поднять её, но комната закружилась, и Кастору пришлось лечь на кушетку. Перед глазами понеслись картины из прошлого, перемешанные с алкогольным бредом, а язык принялся шептать бессмысленные проклятия: отцу и матери, которые всегда были так отстранены, словно боялись пробудить в себе и малую толику любви; Конроду Меру, который своей узколобостью погубил молодую талантливую душу; землянам, их наркотикам; контрабанде; себе.... Мутный взгляд остановился на детской фотографии Кайлая и Кастора. Они были так счастливы, что их отправили на море изучать подводную фауну вместе с остальными ребятами группы. Обычно родители запрещали сыновьям

участвовать в общественной жизни класса, и оставляли дома под надзором камер. Но в тот раз всё было иначе... Мать и отец будто сжалились над сыновьями, снабдили их всем необходимым, даже сказали несколько тёплых слов в напутствие... Что ж, утешало одно: не все сонитанские дети были столь же обделены родительской лаской — эта участь досталась, наверное, только отпрыскам Жонсов.

Внезапно, острая мысль проскользнула в опьянённом сознании Кастора. Он резко сел.
Дети. Драгоценные сосуды жизни, возлюбленные цветы сонитанского общества.
Дети. Средоточие всех физических и умственных сил взрослого населения Сониты.
Дети...

Многие родители не чаяли души в своих отпрысках, обеспечивали их всем возможным и невозможным, лелеяли, обучали.... В этой сфере жизни высокие чины ничем не отличались от рядовых граждан, а возможно, были ещё сильнее привязаны к своим золотым деткам. И что бы они стали делать, попади их драгоценные отпрыски в руки бандита и преступника? Отверженного... Стали бы рисковать их жизнями? Или бы выполнили все требования похитителя?..

Узнать это можно было, лишь воплотив идею в жизнь, а Кастор уже достаточно отчаялся, чтобы решиться на любое безумство... Единственное, что его смутило, это промелькнувшая в голове мысль о том, что ему потребуются опытные помощники — такие же отверженные сонитане, как и он сам. Но прежде чем Кастор успел ужаснуться этой мысли, его отравленный алкоголем мозг отключился.

Превратности судеб. Похищение.

Глава: Кастор Жонс.

Сонита. Окрестности Белаир-Траур, заповедная зона.

Серебристо-фиолетовое небо золотилось и багровело на востоке, где садилось солнце сонитан Лутупус, а если по земному — Пси-241. Было прохладно и чувствовалось, как от земли поднимается влажный пар, донося запахи истлевающих листьев и травы.

Кастор никогда не оказывался в заповедных зонах вечером, да к тому же ещё и один. Сердце его непривычно быстро колотилось от страха, как у маленького зверька, попавшего в ловушку. Но младший Жонс помнил, что стоит на кону, и намеревался идти до конца.

Высокие деревья, обнявшиеся кронами где-то наверху, делали пространство вокруг ещё темнее, и каждый треск веточки под сапогами учёного заставлял его вздрагивать. Откуда-то сверху сорвалась ночная птица и, сжавшись в упругий шарик, проскакала по ветвям прямо над головой Жонса. Учёный вскрикнул и бросился бежать, не разбирая дороги, сквозь кусты и высокую траву, хлеставшую по ногам. Спустя какое-то время он остановился, чтобы отдышаться, но тут же застыл в ужасе: прямо ему в лицо упёрся ствол какого-то допотопного оружия, которое находилось в руках у странного существа, обвешанного пучками травы. По Кастору рассеянно скользнул холодный взгляд голубых глаз.

— О-озвард Лотьюс? — в панике прошептал Кастор, скорее от страха, чем в надежде услышать положительный ответ.

— Да, — молчание. — Что ты здесь делаешь один, ночью? — всё это охотник прошептал, не опуская оружия, и целясь Кастору прямо в голову.

— Я... я пришёл, чтобы поговорить с вами, — так же тихо ответил учёный в замешательстве. — Послушайте, я не причиню вам вреда, опустите ружьё...

Жонс не успел договорить — Лотьюс выстрелил, вскинув ствол оружия чуть вверх. Обомлевший Кастор упал на землю где стоял, а охотник тихо прошагал мимо него и поднял за заднюю лапу маленькое животное, похожее на камышовую кошку.

— Ужин. Да, пожалуй, и обед тоже. Так, что ты здесь делаешь один, ночью? Без оружия... Ты псих что ли?

— Не больше, чем вы, — тихо ответил Кастор, артистично опуская глаза.

Лотьюс внимательно взгляделся в его лоб, посветив ручным фонариком, и зашагал дальше, ничего не ответив. Кастор, испугался, что охотник так и уйдёт, бросив его в лесу одного, но Лотьюс через пару шагов обернулся и окликнул его:

— Ну, чего сидишь? Топай за мной.

Кастор бросился за провожатым, едва сдерживая волнение: впервые в жизни он так явственно и близко столкнулся со смертью, но чудом избежал её и вопреки всему нашёл того, кого искал, хотя надежды, что отшельник сохранил место своей стоянки, отмеченное на прошлогодней карте заповедника, было немного. Теперь Жонсу не терпелось поговорить с колоритным сонитанином, и не столько во имя дела: в детстве Кастор много читал о

бывших гражданах, решивших жить в лесу, как дикие звери, и всегда мечтал увидеть их своими глазами. Журналисты, побывавшие в гостях у подобных сонитан, описывали чудовищные зверства, которые те совершали, чтобы выживать каждый день. По словам журналистов, такие отверженные полностью теряли свой гражданский облик и с трудом поддерживали простой разговор, а чаще просто набрасывались на каждого, кто пересекал их территорию. Естественно, разум юного Кастора был заморожен историями о дикарях, которые каждый день сражались с дикими хищниками и встречали лицом к лицу страшные опасности — хотя в обществе всё это полагалось презирать. С годами Кастор начал подозревать, что в книгах и по новостям жизнь дикарей специально показывали в худшем свете, чем она есть на самом деле: ведь трудно было ожидать агрессии от сонитан, которым вкололи подавляющие гормоны! Но всё-таки в душе Кастора, который этой ночью след в след шагал за диким отверженным, присутствовали некоторые опасения на счёт агрессивности последнего...

Пока Жонс предавался воспоминаниям, неотступно следуя за своим бесшумным провожатым, Лотьюс остановился в тени кустарника на краю поляны, посреди которой росло огромное дерево.

— Стой здесь. Нужно проверить, не угрожает ли нам опасность... Смотри и учись!

Лотьюс неслышно двинулся вокруг поляны, время от времени оглядываясь по сторонам. Закончив обход, он потянул Кастора за руку и быстро побежал к лестнице, свисавшей с огромных ветвей. Жонс неуверенно последовал за ним, как вдруг услышал позади себя тихий рык. Кастор оглянулся, и обомлел: на него мчался огромный кошачий хищник. От страха учёный остолбенел, не в силах и шагу ступить — ноги сделались ватными, а голос замер где-то на полпути ко рту и повис в тишине тонким взвизгом. Хищник был уже на расстоянии одного прыжка, когда сзади Кастора крепко обхватила верёвочная петля и, дёрнув вверх, затащила на ветку. Огромный кот, в котором учёный потом сумел разглядеть пятнистого мирамаса, принялся шипеть и в ярости прыгать вокруг ствола, но забраться так и не смог.

— Я покрыл ствол добрым слоем стеклолака, — как ни в чём не бывало, заметил Лотьюс, похлопывая дрожащего Кастора по плечу, — теперь ни одна тварь по нему сюда не закарабкается, так что можешь расслабиться.

На этом отверженный спокойно, как будто встреча с мирамасом была для него обычным делом, смотал верёвочную петлю на руку и затем повесил на широкий сук, а сам перебрался по ветви к хижине, видневшейся в темноте. Внутри загорелся свет, и Жонс, потянувшись к теплу, на дрожащих ногах осторожно вошёл внутрь. Отшельник уже расставлял на столе приборы и что-то накладывал по тарелкам.

— Садись, голодный, наверное.

Всё ещё подрагивая от избытка адреналина в крови, Кастор благодарно уселся на табурет и невнятно промямлил:

— Спасибо, я поел дома...

— Дома? — охотник замер с ложкой в руке. — Так ты живёшь в городе?

— Ну... да, — запоздало поняв свою ошибку, улыбнулся Кастор. — Я работаю уборщиком. Признаюсь честно, я не такой как вы — я обычный сонитанин, просто моё начальство посчитало, что я слишком много знаю, и решило от меня избавиться...

— Всего-то? И зачем тебе понадобилось тащиться по темноте в лес? — холодно поинтересовался отшельник, которого, очевидно, не растрогала история Кастора. — Не убить же они тебя решили!

— А разве это не смерть? — горько усмехнулся Кастор, постукав себя пальцем по лбу.

— Чушь! — неожиданно рявкнул охотник, резко повернувшись к Кастору лицом. — Настоящий сонитанин способен прожить и без общества.

— Извините, я не могу вас понять.

— Ну да, перед кем я бисер рассыпаю...

Кастор не понял данного выражения, но задумался. Стратегия была в корне неверна — стоявший перед ним сонитанин оказался слишком умён, чтобы ходить вокруг да около, поэтому Кастор решил всё выложить, как есть:

— Хорошо, давайте начистоту! Да, я вас не понимаю — это потому, что вы действительно больны, а я-то здоров!

— Я не болен, — процедил сквозь зубы Лотьюс.

— Не важно, сейчас не об этом! Да, мне нравится быть членом общества, и да, я не представляю себя без карьерного и социального роста, а вы — нет. Но это различие не меняет наших целей! Разве вам нравится жить здесь одному, как животному?

Дикарь уставился на Кастора ледышками своих выпуклых глаз, и быстро ответил, как бы защищаясь:

— Я не один, к северу и к югу живут ещё отшельники, такие же, как я.

— Пока живут. Со временем одни из них состарятся и не смогут убежать от мирамаса, как вы сегодня, другие заболеют или вовсе отчаются... А число отшельников не растёт, оно падает! Много ли зим пройдёт, прежде чем вы останетесь здесь совсем один?..

— И что же, ты притаился сюда посреди ночи, чтобы предложить мне стать уборщиком, как ты? Рабом общества высокоцивилизованных сонитан?! Да чтоб я провалился, если ступлю хоть шаг по вашим проклятым городам! — Лотьюс стукнул кулаком по столу и грозно навис над Кастором.

— Нет, я предлагаю стать свободным. Есть целая планета таких же, как вы — планета людей. Земля.

— Земля! — Лотьюс разогнулся и усмехнулся. — Ты в своём уме, юноша? До Земли, как до другого края Вселенной!

— Да, пока мы сидим здесь, это очень далеко... А если станет близко? Как перейти эту поляну, например! — Кастор лукаво усмехнулся, и Озвард рассмеялся в ответ.

— Ну да! Вот когда станет, тогда и приходи! Земля, чёрт! Вот псих!..

— Я бы не пришёл сюда просто так, — процедил сквозь зубы Кастор, начиная терять терпение, — у меня почти готов портал на Землю, — далее последовала театральная пауза, чтобы смысл сказанного дошёл до отверженного. — Я разве не сказал, что ещё пару месяцев назад занимал одну из ведущих должностей в исследовательском центре Озна?..

Лотьюс шокировано уставился на молодого учёного.

— Так что же тебе от меня-то нужно?! — тихо прошептал он.

— Мне нужны сообщники на Земле. Попасть на планету людей для меня, как ты уже понял, не составляет проблемы — я не хочу попасть в руки Озна сразу после перехода!

— Нет, это невозможно, — покачал головой Лотьюс, — Озн отслеживает все проколы пространства — нужно подготовить на Земле целую армию, чтобы отбить атаку его агентов!

— Армию? — усмехнулся Кастор быстрой капитуляции отшельника. — Всего лишь парочку таких же сонитан, как ты, и светлую голову на плечах!

— Неужели?.. Что-то не верится. Пока ты не объяснишь мне всё по порядку, ты не дождёшься от меня поддержки!

Лотьюс категорично скрестил руки на груди, а Кастор нагло оскалился, почувствовав, наконец, свою власть над этим сонитанином:

— Я не собираюсь сейчас раскрывать весь свой план, Озвард, неужели вы держите меня за идиота? Могу лишь заметить, что вам придётся сопроводить в определённое место одного сонитанина — это всё.

— И никаких гарантий у тебя, естественно, нет! — усмехнулся Озвард. — И что за сонитанин, ты тоже не расскажешь!

— Только по прибытии на Землю.

— Ну, конечно... Мне придётся всё хорошенько обдумать. Что, если это ловушка Озна?..

— Слишком мудрёная, разве нет? Озн бы расправился с вами в мгновение ока, если бы только у него возникло такое желание! Советую думать быстрее — я предлагаю только один раз, — решил надавить Кастор, но Лотьюс его раскусил, и лишь усмехнулся:

— Мне всё равно нужно подумать. Останешься тут до утра, а на восходе узнаешь ответ.

Он поднялся с места, подхватил своё бесшумное оружие и вышел из лачуги в темноту.

— Стойте, вы куда?! — испугался Кастор.

— Сиди тихо и не высовывайся, я вернусь на рассвете, — прошипел охотник, сбрасывая верёвочную лестницу вниз, и мгновенно исчез в темноте.

Кастор в ужасе отпрянул назад в лачугу и быстро подобрался к столу, на котором горела свеча — после встречи с мирамасом он боялся оставаться один даже в укреплённом жилище отшельника. Спать, при мысли, что множество хищных животных бродит вокруг, совершенно не хотелось, но постепенно свеча догорела и оплыла по доскам стола на пол, а взамен её огню луна заглянула своим серебряным диском в небольшое квадратное окошко и расцветила убогую хижину охотника в непередаваемые цвета ночи. Кастор слушал, как дерево, на котором стояла лачуга, скрипит и качается под ночными порывами ветра, как шелестит его листва, то вспыхивая звуком перешёптывания, то опадая и замирая в тишине. И постепенно, околдованный чарами леса и мерцанием звёзд в небе, Жонс успокоился. Где-то там, далеко в небе, возможно, сверкала и Земля, к которой так стремился отверженный сонитанин Озвард Лотьюс. А неподалёку от неё кружилась по неизвестной орбите станция его брата, Кармарин-2...

Кастор уснул, и очнулся, лишь когда охотник потряс его за плечо. К удивлению Жонса уже занималось утро, и было достаточно светло, чтобы разглядеть позади Лотьюса ещё нескольких сонитан столь же странного вида, что и он.

— Повтори всё то, что ты рассказал мне, и мы подумаем, как нам договориться! — хмуро проговорил Лотьюс, усаживаясь на табурет.

Глава: Лит Коррекос.

Сонита. Белаир-Траур, учебное заведение имени Зе Оли-Эм-Пий.

Сетени всегда заметно нервничал, когда наступал момент познакомить своих учеников с этой деликатной областью знаний, но обычно всё проходило гладко, и наблюдатели Озна оставались довольны его работой.

Традиционно данная тема поднималась к концу последнего года обучения, когда подростки и повзрослевшие школьники уже готовились вступить в полноценную самостоятельную жизнь. Министерство образования делало ставку на то, что в этот период

юноши и девушки как раз достигали того возраста, когда могли адекватно воспринять шокирующую информацию урока и окончательно принять действия правительства в связи с этим. Но, как показало время, расчёт был в корне ошибочным: только-только начавшие расправлять крылья птенцы переживали естественный всплеск гормонов, вследствие чего их умственная деятельность на момент окончания школы возрастала в десятки раз! Эти новые способности требовали испытаний, трудных задач, вызова! Не удивительно, что завершающие лекции об истинной природе человечества и его современных проблемах вызвали у школьников больше вопросов и споров, нежели объединения молодёжи вокруг правительства сонитанского общества. Таким образом, проведение данной лекции в конце периода обучения было скорее традицией, нежели разумной мерой.

Профессор это понимал, поэтому не пытался изменить текущий порядок вещей. Сегодняшняя лекция, хоть и была сдвинута на несколько недель назад, всё равно предваряла окончание учебного года. Повзрослевшие дети, ещё даже не догадываясь об этом, уже вновь собирались забросать своего преподавателя неизменным набором вопросов, теорий и своих догадок — как это происходило каждый год.

Сетени окинул внимательным взглядом аудиторию, не предназначенную для такого небольшого класса, который выпускался в этом году, вздохнул, и нажатием кнопки открыл для учеников двери.

Пока будущее современного мира с тихим шумом рассаживалось по местам, с нетерпением ожидая начала знаменитой презентации, составленной из подлинных фотографий, привезённых сотнями летательных аппаратов из многочисленных экспедиций на Землю, Сетени откашлялся и улыбнулся:

— По традиции я попросил одного из учеников подготовить короткий доклад по теме, которую мы сегодня будем здесь обсуждать. Зачем это нужно? Чтобы сравнить ваше нынешнее представление о «*Homo sapiens*» с истинным положением дел. Вопрос сложный и неоднозначный, любой уважающий себя сонитанин, поразмыслив навскидку, всегда найдёт аргументы «за» и «против» нынешней политики нашего правительства в отношении людей. Но всё это на первый взгляд... Сегодняшний урок призван показать вам, всю сложность существующего порядка вещей — взаимоотношений двух миров сонитан и людей. Приготовьтесь хорошенько поразмышлять и обсудить всё, что вы увидите и услышите. Но прежде всего, Лит Коррекос, прошу ваш доклад!

Аудитория никак не отреагировала на появление Лит на сцене, хотя правила поведения в школе позволяли поддерживать выступающих раскрытием поднятой ладони: просто сверстники недолюбливали Коррекос за её одержимость идеями своей помешанной матери. Однако Сетени хорошо знал, что делает: каждый год он отбирал самого ретивого ученика для этого поручения, и открывал ему доступ к закрытым библиотечным материалам со своей определённой целью... Чем большая чушь получалась в докладе, тем больший эффект производил фильм, составленный из реальных снимков со всей поверхности Земли. Подобный контраст обычно здорово повышал внушаемость молодёжи.

Лит отнеслась более чем серьёзно к своему заданию, и вышла с увесистой кипой бумаги в тонких руках. В первых рядах послышался короткий вздох, выражающий, видимо, всеобщее неудовольствие. Но Сетени подавил сухую улыбку и отступил к аудитории, предоставив речь

своей юной помощнице:

— Прошу вас, Лит, начинайте.

Девушка перевела задумчивый взгляд со своей рукописи на одноклассников и неожиданно сказала спокойным уверенным голосом:

— Я думала начать с истории человечества и затем, путём подробного анализа, составленного в статистических отделах Озна, подвести ваше внимание к нынешнему положению человеческого общества в экосистеме его планеты... Но, наверное, вам это будет не интересно, поэтому я остановлюсь на одном интересном факте, описанном Зе Оли-Эм-Пий в его трактате «О тех, кто на другой стороне Галактики».

Она отложила доклад и теперь говорила, открыто глядя в аудиторию:

— Всем известна история возникновения человечества, и все мы читали выноски из этого трактата, как «...после стольких лет бесплодных поисков команда исследователей обнаружила планету, где звери, встав на задние лапы, стали вести примитивную деятельность и даже соорудили некое подобие общества, отдалённо напоминающего наше...», — она процитировала заученную с раннего детства фразу так же легко, как бы маленький ребёнок припомнил начало любимой сказки, но лицо Лит осталось непроницаемым и равнодушным. — Однако в детстве нам не давали читать сноски и пояснения к этому тексту. В одном из них сам Зе отмечает, что с прибытием той знаменательной экспедиции на планету, развитие этих животных скачкообразно ускорилось, и получило устрашающие черты, всё более напоминая нас. До прилёта нашей экспедиции, небольшой сдвиг в общественных отношениях требовал от раннего человека, по крайней мере, тысячу лет; а с открытием Земли процесс развития ускорился в разы, и это при условии, что Озн сразу же выдвинул политику невмешательства. Возникает вопрос, почему это произошло? И почему по всем показателям правительственной статистики, люди сейчас так сильно похожи на нас, что поставь одного из них рядом с обычным сонитанином — мы и разницы не заметим! И это при том, что они развиваются в совершенно других условиях! Существует мнение, что изначально Озн и не помышлял о политике невмешательства...

— Довольно, Лит! — профессор Сетени даже слегка порозовел от смущения. — Неужели вы не были на последних трёх уроках? Мы там подробно разбирали эти вопросы. И, кстати, представить себе человека в нашей аудитории просто невообразимо — своим волосатым покровом он сразу же выдаст себя. А что до вашего последнего утверждения... Кто вам рассказал подобную... чушь?

— Моя мать- с вызовом ответила Лит.

— Ах, вот оно что... Садитесь Коррекос. Замечу, однако, что вашу маму ввели в заблуждение, а вы с вашим умом могли бы прислушиваться к более достоверным источникам, таким как статистика Озна, к примеру, а не к свидетельствам малопросвещённых в этом вопросе граждан.

Он уже отвернулся от девушки, когда та неожиданно заметила:

— Моя мать проработала в Озне больше двадцати лет. Вы полагаете, она недостаточно компетентна, чтобы помогать мне в подготовке домашнего задания?

— Лит, ты же сама всё прекрасно понимаешь...

— Она не сумасшедшая!

Сетени не сразу нашёл, что сказать, но ему помог кто-то из аудитории:

— Коррекос, мы хотим посмотреть презентацию, личные вопросы ты можешь обсудить с профессором позже.

Все ученики поддержали эту реплику раскрытиями ладоней, а профессор, смущённо улыбнувшись, виновато посмотрел на Лит:

— Публика требует зрелищ, как сказал бы древний землянин...

Девушка не выказала обиды на грубую реплику из зала, или на своего учителя, просто холодно кивнула и села на своё место.

— Итак, мои друзья, мы слышали доклад Лит, теперь приступим к самой интересной части занятия. Честно признаюсь, у меня каждый раз мурашки по коже, когда я смотрю эти фотографии, и, вполне возможно, у кого-то из вас они вызовут неоднозначные чувства, но их необходимо просмотреть до конца, чтобы понять истинную сущность человечества, всю его непохожесть на нас при обманчивом внешнем сходстве.

Свет приглушили, и откуда-то сзади невидимый проектор вывел на экран необыкновенные картины: зелёные холмы и густые леса, бескрайние поймы рек, антарктические снега, северные сияния, величественные горы и маленькие южные острова.

По мере смены слайдов профессор делал свои замечания и пояснения:

— Эти фото были сделаны нашими экспедиторами в 1961 году по летоисчислению землян. Можно сказать, совершенно свежие снимки. Сейчас мы видим одну из станций людей в Антарктиде, где они снимают показания о таянии снегов, а также наблюдают состояние озонового слоя над южным полюсом, которое на Земле, к слову сказать, весьма плачевное. А это один из небольших городков в Северной Америке. Мегполис Токио, снимок сделан десять лет назад. Кварталы бедняков в Бомбее; если кто-то пропустил урок по Индии, я поясню: индийцы, которые не имеют средств для постройки собственных домов, строят жилища из фанеры и подручных материалов, найденных в окрестностях города. По крайней мере, так было пятьдесят лет назад. Трущобы города Бразилиа. Голодающие африканские поселения. А вот это фото стоило нам больших трудов и риска... Перед вами испытания засекреченного оружия русских на острове Новая Земля. Аппарат, благодаря которому мы получили снимки, трагически погиб при массовой атаке русских истребителей, контролирующих воздушное пространство испытания. Обломки с трудом удалось извлечь буквально из-под носа их субмарины, но мы были на волосок от того, чтобы нас рассекретили! После этого происшествия Озн надолго запретил любые экспедиции на планету, так что следующий снимок был получен непосредственно из информационной сети землян — Интернета, как они его называют...

По залу пролетел лёгкий ропот удивления, который затем сменился возгласами отвращения: на фото была изображена обнажённая черноволосая девушка в довольно вызывающей позе.

Так, попрошу без ваших замечаний, Томпл Фермату. Если вы ещё недостаточно повзрослели, чтобы спокойно воспринимать учебные пособия - можете покинуть аудиторию. Для остальных учеников поясню... Образовательный комитет решил включить эту информацию в учебный процесс, чтобы развеять мифы, которые могли возникнуть в ваших юных неокрепших умах, будто бы люди так уж похожи на нас... Человеческая натура такова, что земляне, на фоне развития зачатков разума, не отказались от низменных животных инстинктов. Возникающий конфликт даёт своеобразный психический невроз, который перерастает во всевозможные фобии и фии. Человеческое сообщество постановило запрет на явное проявление животных инстинктов и достаточно твердо в своём решении... Однако, в связи с этим, постоянно подавляемые инстинкты выливаются в буквально устрашающие формы извращённости, в основном на сексуальной почве. Наши

социологи полагают, в этом проявляется связь людей с неразвитыми приматами, которые не знают моральных норм.

Шокированные ученики с ужасом просмотрели ещё несколько более-менее сдержанных фотографий, которые затем сменились картинками человеческих войн, разрушенных поселений, буквально усыпанных трупами людей, и отчётами из госпиталей о числе погибших. Наконец, презентация закончилась. Включился свет, но молодёжь всё ещё не могла прийти в себя.

— Что ж, видимо, нам стоит обсудить увиденное, чтобы ни у кого не осталось сомнений и вопросов... Кто-нибудь хочет задать вопрос по увиденному материалу?

Первым поднялся Вольтес Мер, и Сетени перевёл дух: юноша был сыном ныне действующего главы Озна, так что от этого молодого человека не следовало ожидать провокационных вопросов.

— Прошу вас, Мер!

— Профессор, а кто-нибудь сумел объяснить, почему люди так жестоки? Это генетическое, или приобретается в процессе развития в нездоровом обществе?

— Э-э...

— Ты что, Вольтес, хочешь попробовать вырастить человека у себя дома? — насмешливо поинтересовались с другого конца аудитории.

— А почему бы и нет? — удивился Вольтес. — Почему в Озне ещё не додумались до этого? Людей на Земле достаточно много, чтобы они не заметили пропажу одного человека! Зато на основе проведённых экспериментов можно было бы точно сказать, в чём причина их жестокости, или, по крайней мере, понять механизмы их мышления...

— Стоп! Прекратить дискуссию! — напомнил о себе профессор Сетени. — Разве вы не понимаете, насколько провокационны ваши речи? Если бы каждый раз, когда нас разберёт научный интерес, мы так бесцеремонно вторгались бы в человеческую жизнь, наше существование ни для кого не осталось бы секретом, а общество людей уже давно искало бы способ добраться до нас!

— Но почему вы решили, что они обязательно захотят причинить нам вред? — робко запротестовала девушка в первом ряду.

— В человеческой природе разрушать всё, что их окружает — это видно даже по фотографиям, которые вы сейчас смотрели. Никто из министерства образования и не подумал бы подвергать вас ужасу этой презентации в столь нежном возрасте, но общество хочет защитить вас от опрометчивых поступков в будущем. Поэтому вы должны хорошенько запомнить этот урок. Наше общество, по сравнению с человеческим, идеально. Мы не знаем той тёмной силы, которой обладает человек, даже когда кажется совершенно милым и добродушным! И в этом кроется наша слабость. Нужно отчётливо понимать, что человек — животное, обладающее огромным для него интеллектом. Оно выглядит и ведёт себя как разумное существо, но на самом деле это опасное животное, охотник, хищник! Его нельзя вырастить в домашних условиях, Вольтес, достаточно будет одного неверного движения, чтобы оно вцепилось в тебя смертельной хваткой! Как это ни зловеще звучит, но все люди — потенциальные убийцы.

Сетени осёкся и расплылся в слабом подобии вежливой улыбки: через аудиторию вниз спускался наблюдатель Озна, который всё это время следил за презентацией из проекторной комнаты.

— Дети, занятие окончено, можете отправляться по домам, на сегодня все остальные

уроки отменены!

Послышался радостный гул одобрения, и ученики быстро направились прочь из аудитории. Лишь некоторые школьники задерживались, чтобы подозрительно скользнуть взглядом по работнику Озна. Наблюдатель спокойно ждал, пока все выйдут.

— Что-то не так? — напряжённым голосом поинтересовался Сетени, когда в аудитории не осталось никого, кроме них двоих.

На вопрос лектора работник Озна ответил хмурым молчанием и медленно прошагал мимо него к оставленному на столе докладу Лит Коррекос. Несколько секунд наблюдатель, казалось, внимательно читал, открыв реферат где-то посередине, но затем пристально взглянул на учителя:

— Как вы думаете, зачем мы контролируем эту презентацию, снабжаем её новыми материалами?

— Чтобы дети знали, насколько опасна Земля, я полагаю. По крайней мере, так учили меня.

— Нет. Это они должны знать ещё с начальных классов, с колыбели, когда родители пугают их землянами. Презентация нужна для того, чтобы ни у кого не осталось и тени сомнения!

— Ну-у, хорошо, пусть так...

— Нет, не хорошо. У детей остались сомнения, когда они выходили из аудитории сегодня, я это видел. А у многих школьников они появились заново. Всё из-за вашей Лит Коррекос... Профессор, мы знакомы много лет, я всегда был уверен, что вы не подведёте, но что я теперь должен представить командованию? Если они увидят запись этого урока, вас снимут с должности. А может, и хуже того... За растление юных умов вас могут приговорить к отторжению...

Сетени поперхнулся воздухом и закашлялся. Наблюдатель заботливо помог ему сесть в кресло, а сам пристроился на краешке стола.

— Понимаете, это досадная ошибка, — попытался реабилитироваться Сетени, то краснея, то бледнея от подступавшего к горлу ужаса. — Я, конечно, знал, кто её мать, но я сам лично контролировал работу Лит! Она не говорила, что собирается отступить от первоначального плана занятия!

— Я понимаю, — спокойно покивал наблюдатель, и на мгновение в его равнодушных глазах что-то промелькнуло. — Мы с вами, Сетени, знакомы уже очень давно. Думаю, я смогу что-нибудь сделать, чтобы моё начальство не стало интересоваться этим досадным недоразумением.

Сетени с надеждой взглянул на наблюдателя, боясь верить в происходящее: добропорядочный сотрудник Озна по определению не мог проявить сочувствие, он обязан был доложить обо всём, что могло подорвать устои общества! Рисковали оба. Но они с наблюдателем знали друг друга действительно много лет... Слишком много, чтобы предать было так просто.

Ойтеп подождала, пока Лит спустится вниз, и быстро вошла в легкий ритм её походки, не отвлекаясь на приветствия.

— Ты недовольна профессором? — рискнула она нарушить молчание.

— Вовсе нет, ведь Сетени прав, — тихо проворчала Лит.

— Но ты ведь так не считаешь!

— Как я считаю — не имеет значения. Никто не станет слушать, ни меня, ни её...

— Тогда, быть может, стоит оставить эту затею, — осторожно промолвила Ойтеп, быстро взглянув на собеседницу. — Ты ведь не обязана рисковать собой ради того, в чём сама не уверена...

— Ты не понимаешь, Ойтеп! Я знаю, мама говорит правду. По крайней мере, говорила раньше, пока не началось это... А теперь я уже не знаю, что и думать.... Быть может, все они правы, и Ауве Коррекос начала сходить с ума?

Ойтеп резко остановилась и сжала ладонь подруги.

— Не надо отчаиваться, Лит. Расскажи мне, что случилось? Появился новый симптом?

— Да. Вот уже несколько дней она только и говорит, что о своих детях.

— Детях?.. Я думала, ты единственная дочь.

— Так и есть. Я единственный ребёнок в семье, это даже в регистрационной зафиксировано. Но она зовёт своих сыновей! И так жалобно, что мне иногда хочется, чтобы у неё действительно были сыновья...

— Это действительно странно. Быть может, стоит начать принимать лекарство?

Ойтеп напоролась на гневный взгляд подруги, но на этот раз не отступила:

— Лит, нельзя прятать голову в песок! Похоже, твоей матери действительно нужна помощь, и ты должна это признать.

— Можешь не тратить слова понапрасну, Ойтеп. Я не нарушу своего обещания. Мама предупреждала — эти лекарства нужны лишь для того, чтобы замутнить её рассудок, они прописаны, теми, кто давно желает её сумасшествия.

— Но её враги уже дождались, чего хотели. И думаю, тебе действительно пора задуматься о будущем твоей мамы. Лит, ты же умная девушка, тебя ждёт блестящее будущее! Но пока ты не перестанешь потакать безумию Ауве, многие двери общества останутся для тебя закрытыми. Решай сама, но знай, я всегда помогу тебе.

Девушки остановились на перекрёстке, каждая направляясь в свою сторону.

— Спасибо, Ойтеп. Я рада, что ты моя подруга, но с Ауве я разберусь сама.

— Я не хотела обидеть тебя, или госпожу Ауве, — на мгновение смутилась Ойтеп.

— Я знаю, всё в порядке. Ну что же, тогда до вечера? Или твой новый друг сегодня не в смене? — хитро прищурилась Лит.

— До вечера, — многозначительно ответила Ойтеп. — И не забудь проследить, чтобы за тобой никто не увязался, иначе у нас будут серьёзные проблемы.

— Я буду осторожна.

Девушки соприкоснулись ладонями и разошлись в противоположных направлениях.

Лит сразу поспешила домой: она старалась как можно лучше присматривать за матерью, чтобы та ненароком не навредила себе, поэтому проводила много времени дома у её кровати.

Врачи предупреждали юную опекуницу, что сонитане с расстройствами психики, как у Ауве, подчас не осознают, где находятся, и ведут себя безрассудно, но девушка настояла на том, чтобы мать жила дома, под её присмотром.

Госпожа Ауве Коррекос много лет прослужила в специализированных отделах Озна и несколько раз выступала в роли агента, проводя операции на Земле. Она была одной из связующих — специализировалась на анализе человеческих обычаев, языков и культуры,

одновременно обучая агентов Озна выживанию в человеческой среде. Это получалось у госпожи Коррекос лучше всего: Ауве знала людей, понимала их психологию и мышление — под её руководством многие агенты достигли высочайшего мастерства конспирации и были благодарны ей за это.

Однако не всё в поведении легендарной связующей нравилось контролёрам отдела. После того, как Ауве Коррекос отстранили от непосредственного руководства операциями на Земле и перевели в обучающий центр, на неё начали поступать жалобы от сотрудников за чрезмерную вспыльчивость и неспособность контролировать себя. Около десяти лет друзьям Ауве — агентам, которые благодаря её урокам сумели подняться по карьерной лестнице, — удавалось отводить беду от наставницы. Но как только председателем Озна стал Конрод Мер, припомнились все старые жалобы и заявления. С Ауве провели несколько психологических тестов, и результат оказался весьма плачевным — в сознании женщины произошли кардинальные изменения. Постоянное погружение в психологию людей сделало её собственное сознание уязвимым, в итоге мировоззрение сонитанки, чувство коллектива и здравый рассудок «дали течь». Больное воображение Коррекос присвоило её сознанию совершенно противоестественные свойства: обострённую эмоциональность, мнительность и маниакальное влечение к людям.

Дальнейшее расследование Озна лишь усугубило ситуацию: в доме Ауве была обнаружена земная контрабанда, в том числе такие опасные наркотики, как алкоголь и табак.

Из уважения к достижениям Ауве Коррекос и её вкладу в деятельность Озна, общество вынесло смягчающий приговор: госпожу Коррекос не лишили личности, но подвергли серьёзному курсу реабилитации в госпитале для военных разведчиков. Из него Ауве вышла другим сонитанином, если это можно было назвать сонитанином вообще. Лишь попечение дочери помогло ей сохранить остатки разума, но со временем даже это оказалось под сомнением — госпожа Коррекос начала впадать в длительный сон, напоминающий кому. Иногда она не просыпалась по нескольку дней, и только нитевидный пульс говорил о жизни внутри измождённого болезнями тела. Её дочь, Лит, могла бы снова обратиться к специалистам, но Ауве запретила ей делать это. Она была такой счастливой, когда просыпалась, и всё твердила, что помогает людям, когда её нет рядом с дочерью.

Лит давно уже не верила матери; она столкнулась с жестокой реальностью, когда её совсем маленькой девочкой, отправили в интернат для детей, потерявших родителей. Позже, когда Лит получила опекунов и право от них на самостоятельную жизнь, девушка забрала больную мать из госпиталя, вернулась в родной дом и приложила все усилия, чтобы её там было хорошо.

И всё же, несмотря на многочисленные факты, подтверждающие безумство Ауве, многие слова матери, произнесённые и в бреду и в ясной памяти, невольно вызывали в душе девушки сомнения. Трезвый рассудок говорил, что при всём своём безумии, Ауве Коррекос вполне могла обладать знаниями, которые могли бы навредить Озну. А это, в свою очередь, ставило под сомнение многое, что касалось матери и её болезни...

Сегодня в их доме, как это уже стало привычным, было прохладно и тихо. Даже с закрытыми глазами Лит могла бы понять, что мама снова спит, но стопы сами сделали привычные семь шагов до полутёмной комнаты.

Да, она лежала на спине, спокойная, ничем не укрытая, словно пустая оболочка,

покинутая разумом. Грудь мерно вздымалась и опадала под лёгкой тканью ночной рубашки. Всё было обставлено так, будто Ауве знала, что уходит надолго, поэтому нарочно прибрала своё временное пристанище, дабы не пугать дочь. Лит под села на краешек кровати и сжала тёплую сухую ладонь матери:

— Ауве. Ауве! Очнись...

Конечно, это не помогло. Плотно сжатые веки не дрогнули, и дыхание не сбилось, чтобы выбросить разум на берег реальности.

— Хорошо. Поспи пока, а я скоро приду. Только ничего не бойся, я скоро...

Она сделала матери несколько уколов, поставила капельницу с питательным раствором, проследила, чтобы на ней было свежее бельё. Затем юная сонитанка принялась за домашние дела и школьные задания, с трудом подавляя желание каждый раз, оказавшись рядом с комнатой матери, заглянуть и проверить, не очнулась ли она, чтобы развеять одиночество своей дочери? Но нет, Лит уже давно смирилась с положением вещей и не надеялась на чудо.

Покончив с намеченными делами, юная сонитанка напоследок проверила мать, поправила её и без того хорошо установленную капельницу, и покинула дом.

Уже вечерело. Многие соседи Коррекос только возвращались с работы и приветственно кивали Лит, интересуясь здоровьем её матери — она скромно отвечала, однако вела себя как можно более сдержанно. Чтобы реже попадаться на глаза знакомым, девушка свернула к водному шоссе и, переправившись через него на слайдере, спустилась в парк. Место было очень удачное, чтобы скрыться от любопытных глаз, и — самое главное — проход через парк вёл как раз к тому месту, куда направлялась Лит.

По правилам города, после шести вечера парковая зона закрывалась, однако пролезть через ограду было делом пустяковым, и девушка не преминула так поступить. Ночь в гуще деревьев будто наступала раньше, навевая первобытный страх, но Лит знала, что никто не спускается в парк так поздно, значит, и бояться ей нечего. Она выбрала узкую, хорошо ей знакомую тропинку через цветочные клумбы, и ускорила шаг. Дорожка петляла в кустах, то пропадая, то появляясь вновь, извиваясь, как змея, пока не вывела к летним беседкам, раскрашенным в яркие золотистые цвета. Значит, половина пути позади. Оставался небольшой марш-бросок через тирисиную аллею, а за ней уже проглядывалось высотное здание Озна. Собравшись с духом, Лит нырнула в густую темноту аллеи и начала считать шаги. Она знала, их будет ровно шестьдесят два, а потом прямо из ниоткуда вырастет ограда, и её героический путь в темноте закончится.

Уже не первый раз девушка преодолевала свои детские страхи и спускалась в ночной парк, но каждый раз она с замиранием сердца ждала, что вот-вот из кустов выпрыгнет нечто ужасное и схватит её когтистыми лапами. И ведь понимала разумом, что такое поведение недостойно сонитанина! Но разум — одно, а вставшая дыбом кожа на затылке — совсем другое...

«Обошлось», — с облегчением подумала Лит, прикинув к ограде и оглядываясь по сторонам. За решётчатым забором в двух метрах от Лит простиралась пустынная дорога, окружённая мягкими фонарями, а чуть дальше возвышалось огромное величественное строение — здание управления Озна. Не видя препятствий, девушка пролезла сквозь ограду и побежала напрямик к зданию. У широкой лестницы она остановилась и ещё раз огляделась: вроде, что-то мелькнуло в кустах парка, но Лит решила, что это ветер качнул деревья, и продолжила красться вдоль стены. За углом она остановилась, провела ладонью

по серой, почти сливающейся в темноте с плоскостью стены двери, и три раза стукнула. В ответ ей щёлкнул замок, и в освещённом проёме показалось лицо Ойтеп:

— Наконец-то! Я уж боялась, что ты не придёшь. Заходи скорее, а то охранники скоро вернутся с ужина...

Лит собралась сделать шаг, как вдруг кто-то схватил её за руку в темноте. Девушка рванулась вперёд, но державший её сонитанин предвидел это и не собирался отпускать.

— Лит, Ойтеп! Очень интересно. И что вы тут делаете, если не секрет?

— Вольтес! — возмущённо вскрикнула Ойтеп и бросилась на помощь подруге. — Отпусти её!

— И не подумаю. Или вы мне объясните, что тут происходит, или я звоню отцу. Пусть узнает, что творится по ночам у него под носом.

— Ничего не творится, — холодно возразила Ойтеп, — мы здесь по просьбе моего отца, разбираем его архив.

— Ну да. Не верю ни единому слову! Может, прямо сейчас позвонить отцу и спросить у него, выдавал ли он пропуска молодым помощницам Гидо Ньюона?

Молодой человек включил микрочип в ухе, отчего лицо его будто стало прозрачным и тонко засветилось красным.

— Нет! — испуганно пискнула Лит, в отчаянии пытаюсь разжать крепкие пальцы одноклассника. — Ты не посмеешь, он убьёт нас!

— Именно, поэтому давайте без глупостей и всё начистоту, — самодовольно заключил Мер. — Наверное, нам лучше пройти внутрь, ведь сейчас охранники вернутся с ужина...

Ойтеп сокрушённо взглянула на Лит и пропустила довольного Вольтеса внутрь.

— Я же тебе говорила, — отчаянно зашептала она подруге, прикрывая тяжёлую дверь, — смотри по сторонам! Как он увязался за тобой?!

— Вообще-то я случайно увидел Коррекос в парке, — отозвался Мер, оглядывая помещение, в которое попал. — Где мы? Ни разу не видел этой комнаты.

— Аварийный выход, — рассержено фыркнула Ойтеп. — А что ты делал в парке так поздно? Да ещё один? Сказать бы твоему папочке, где ты пропадаешь по вечерам, как он, интересно, отреагирует?

— Да никак, он вам не поверит. Мой папа в счастливой уверенности, что я дома и давно сплю.

— И почему это не так? — рискнула поинтересоваться застенчивая Лит.

— Мне нужно было проверить одну теорию...,- уклончиво ответил Вольтес.

— Теорию? В парке? — съязвила Ойтеп, выключая свет в комнате и открывая другую дверь. — Ну-ну, и что же за теория?

— Вообще-то, вопросы должен задавать я.

— Сейчас получишь ответы на свои вопросы. А пока будь добр, объясни подробнее.

— Ну... я хотел узнать, будут ли в сонитанине просыпаться те же инстинкты, что и в человеке, попади он в первобытную среду, — не удержался и похвастался Вольтес.

Девушки удивлённо переглянулись.

— В первобытную среду? Какое отношение она имеет к сонитанам? Это человек жил в первобытной среде, а сонитане сразу выстроили систематизированное общество, — как на автомате отчеканила Лит.

— Ну, это нам так говорят, а на деле, неизвестно как всё было.

— А что тут думать-то, — удивилась Ойтеп, — никаких ископаемых не найдено, и

врядли их когда-нибудь найдут. Зато Белый Город говорит сам за себя.

— Не важно! Что переубеждать вас, всё равно вы не понимаете...,- насупился Вольтес.

— Ладно, не кипятись. Раз уж ты такой любитель человеков, мы покажем тебе кое-что более стоящее, чем твои эксперименты, — подбодрила его Ойтеп. — Главное теперь, чтобы он не испугался тебя...

— Кто? — удивился Вольтес, но никто не успел ему ответить — впереди забрезжила лампа, и в дверном проёме показалась фигура сонитанина.

— Ойтеп, Лит? Это вы?

— Кастор, это мы! Только не пугайся, с нами ещё один человек! — подала голос Ойтеп и потянула за руку Вольтеса. — Это мой одноклассник, Вольтес Мер. Он тоже хочет посмотреть проход...

— Мер?.. Мер... я знаю Мера, он большой начальник! Он большой! А этот маленький Мер, совсем маленький...

— Да, да, это сын большого Мера, он безобидный, он теперь тоже твой друг. Не бойся, пожми ему руку.

Ойтеп подтолкнула Вольтеса к чудаковатому сонитанину, и парнишка протянул ему руку. Тот помялся, но всё же слабо пожал протянутую ладонь, застенчиво оглядывая нового друга.

— Вольтес хороший, он меня не обижает, — глуповато улыбаясь, проскулил Кастор, и неожиданно обнял юношу.

Тот опешил и оттолкнул навязчивого сонитанина, однако это его уже не обидело.

— Вольтес мой друг! Я покажу ему проход! Пойдёмте, друзья!

Девочки восхищённо захихикали над смущённым одноклассником и поспешили вслед за Кастором, а Вольтесу ничего не оставалось, как поспевать за ними.

Коридоры и лаборатории мелькали полутёмным калейдоскопом, сменяя друг друга, а сумасшедший провожатый, казалось, и не собирался останавливаться. Он что-то бормотал на ходу, иногда взвизгивал, и всё твердил, что покажет друзьям проход. Вольтес уже начал жалеть, что ввязался в эту авантюру, тем более что его начали одолевать вопросы: кто этот странный сонитанин, и почему у него есть ключи от всех помещений здания управления? И, в конце концов, куда они идут в темноте, тайком по закрытому объекту Озна? Юноша уже был готов дать задний ход и притормозить всю делегацию, когда Кастор остановился у ничем не примечательной двери и возбуждённо зашептал:

— Проход! Он здесь... Только чур, тихо!

Дверь отворилась, и глазам молодёжи предстала конструкция из металлических труб и проводов, напоминающая раму для огромного зеркала.

— Что это?... — тихо выдохнул Вольтес.

— Это экран, — шёпотом пояснила Лит. — Через него можно наблюдать за Землёй, не осуществляя прокола пространства. Правда, я думала, что все они давно уничтожены, потому что потребляют катастрофически много энергии... Но, видимо, это усовершенствованная модель. Кастор говорит, что его не могут засечь даже следящие станции Озна!

— Как не могут? Это невозможно, — уверено хмыкнул Вольтес.

— Но мы уже смотрели в него...,- многозначительно заметила Лит. — И нас никто не стал искать...

Пока Лит разъясняла положение вещей новичку, Ойтеп следила за тем, чтобы Кастор

ничего не перепутал, включая установку.

Она познакомилась со своим новым другом сравнительно недавно, когда её отец получил повышение и занял место ассистента в лаборатории Борея Грелына. Гидо Ньюон взял дочь на экскурсию по новому рабочему месту, и там, дожидаясь отца в его кабинете, она неожиданно разговорилась с забавным убрщиком, который как раз начинал мыть полы. Тот оказался очень застенчивым и дружелюбным малым. Он сразу привязался к своей новой знакомой и рассказал ей о красивом зеркале, через которое видно удивительные картины с другой планеты. Кастор предложил показать их Ойтеп, если она придёт вечером к зданию Озна, и девушка, влекомая юношеским любопытством, согласилась. Правда пришла Ойтеп не одна, а с подругой, но Кастор не возражал.

Так и получилось, что они вчетвером оказались в одной комнате в сердце главного здания Озна перед незаконным «проходом».

В комнате повисла тишина, когда Кастор запустил машину. Пространство между проводами начало тускло светиться, становясь всё ярче и ярче, пока на фоне белого сияния не показались размытые очертания чего-то.

— Нужно увеличить мощность, тогда будет видно, — заговорщицки хихикнул Кастор и повернул ручку тумблера.

Картинка и впрямь стала чётче: прояснились деревья и облака в тёмном небе, на дальнем плане синеватой дымкой обрисовался домик с жёлтым прямоугольником окна. Ещё один поворот тумблера, и пространство за экраном стало как живое. У ребят появилось ощущение, будто стоит ветру качнуть деревья, и ветви проникнут в комнату, принеся с собой неведомый чужеземный аромат вечера.

— Потрясающе..., — выдохнул поражённый Вольтес. — Хочется даже руку протянуть...

— А почему бы и нет? — вдруг спросил Кастор, хитро улыбнувшись, и повернул тумблер на полную мощность.

Ойтеп вскрикнула, но не успела остановить сумасшедшего: с экрана подул тёплым ветерком, и послышался далёкий лай собаки сквозь тихий шёпот ветвей. Комнату заполнило сладостным ароматом полевых цветов и травы.

— Что ты натворил, Кастор!!! Это же прокол пространства! Теперь нам точно несдобровать! Выключи, выключи его немедленно!

Но Кастор лишь гадко улыбался, заслоняя собой тумблер.

— Пожалуйста на Землю, господа! — словно окончательный псих крикнул он, и внезапно из-за стеллажей выскочили четверо сонитан и крепко схватили ребят.

— Что здесь происходит?! Ойтеп! — Вольтес попытался вырваться, но его больно стукнули головой о стену, и он повис на руках у захватчиков.

— Озвард, прошу на выход, Земля ждёт вас! — обратился Кастор к высокому сонитанину в странной одежде. — Только помните, снаряжение будет ждать вас там, куда надо отвести этих детей, и открыть хранилище вы сможете только с их помощью, так что без глупостей...

— Я понял. Мы не подведём, — тихо рявкнул Лотьюс и, замерев перед проходом, несколько раз вдохнул. — Ну всё, прощай, Сонита!

Ойтеп попыталась закричать, однако огромная ладонь похитителя помешала ей сделать это, и она только отчаянно замычала, когда Лотьюс шагнул сквозь экран на другую сторону...

Космический корабль «Эпсилона».

Кайлай оставил тело Виталы в ангаре, а сам в несколько перебежек добрался до видневшейся в конце коридора вентиляции. Решётка держалось довольно слабо, и после нескольких рывков болты слетели с резьб, предоставив сонитанину достаточно широкий проход. Кайлай не стал проверять, сможет ли он передвигаться внутри металлической кишки, — подобие страха и чёткий пульс в груди подгоняли его и, пересилив себя, он взял на руки разлагающийся труп девушки. Сонитанин надеялся, что его никто не заметит, пока он будет проталкивать Виталу в вентиляционное отверстие, однако мечты не оправдались: в тот момент, когда Кайлай уже был готов запрыгнуть в отверстие сам, из-за поворота вышли двое сотрудников дежурной группы. Они явно никуда не торопились и даже заметили его не сразу. Пожалуй, будь на Кайлае одежда, он мог бы избежать последующих неприятностей, однако Жонс был абсолютно голый, а отвечать на расспросы дежурных не собирался. Одним прыжком подбросив себя до уровня вентиляции, Кайлай нырнул внутрь и начал активно продвигаться вперёд, толкая впереди себя Виталу. Позади слышались крики, заглушённые громоханием металла. Кажется, кто-то даже попытался последовать за ним, но вскоре голоса преследователей затихли, и Кайлай продолжил свой путь под гулкие стоны металлических стен. Спустя четверть часа он совершенно вымотался, не представляя даже, в правильном ли направлении движется, поэтому сел передохнуть. Было бесконечно жарко, словно он полз не по вентиляции, а парился в добротной русской бане. Мелькнула предательская мысль, что его давно уже обнаружили, но не стали суесться, а просто перекрыли несколько сегментов вентиляции, чтобы он сам, в конце концов, выполз наружу в поисках воздуха. Кайлай поморщился и отбросил упадническую идею — кажется, от жары и переутомления его мозг начал сбиваться с чёткого логического пути.

Тело Виталы рядом раздражало больше, чем духота. Унылый вид покойника, перекрученного в спешном бегстве, нагонял жуткую тоску. А запах... Лучше бы ей было ожить, иначе Кайлай мог не выдержать, и бросить тело прямо здесь, привлечь мелкую живность корабля, если таковая, конечно, имелась.

Недалеко подозрительно громохнуло. Сонитанин весь напрягся и постарался аккуратно сменить направление, но оказалось, что остальные ответвления вели к специальным помещениям, вентиляции которых были защищены дополнительными усилителями, и пробиться не представлялось возможным. Оставался свободным только проход, ведущий к источнику подозрительных шумов. Кайлай поразмыслил над ситуацией, и решил, что будет лучше, если он поползёт вперёд один, и не станет подвергать риску Виталу. В конце концов, дежурные не видели, есть ли у него спутники, или нет, а тепловизор не мог обнаружить мёртвое тело.

Кайлай старался не шуметь: он чувствовал, что впереди ждёт западня, но деваться было некуда — его загнали, словно крысу, в клетку с одним выходом. За следующим поворотом появилось ещё одно отверстие, закрытое решёткой и ведущее вниз. Моля про себя, чтобы комната под вентиляцией оказалась заурядной подсобкой, Кайлай сделал ещё несколько неуверенных ползков вперёд и понял, что случилось страшное: поднялись шум и крики, решётка упала, а в отверстие нырнула гибкая металлическая петля и обхватила его голову и руку. Кайлай рванулся назад, но петля быстро затянулась, и от удушья его пока спасало лишь

то, что попавшая в петлю кисть не давала канату плотно обхватить шею.

— Прекратите сопротивление и спускайтесь вниз! Мы не причиним вам вреда!

Жонс понял, что на этот раз он по-настоящему попался. Грудь сдавило бешенством и паническим страхом, на глазах появились слёзы животного ужаса. Кайлай начал дёргаться и извиваться, наверное, ещё туже затягивая петлю, но теперь он плохо соображал. Неожиданно его действия принесли успех — голова выскользнула из петли, и только рука осталась теперь уже в мёртвом плену. Сотрудники корабля продолжали диктовать ему заверения в безопасности и просили добровольно спуститься, петля неумолимо тянула вниз, и Кайлай уже до крови расцарапал пальцы, цепляясь за острые края вентиляции. От одной только мысли, что его поймают, и начнут изучать, как подопытное животное, что он станет первым сонитанином, который разоблачил свою Родину и предал Сониту — у Жонса свело судорогой конечности.

Снизу послышалось шевеление: к краю вентиляции приставили лестницу, и в это мгновение Кайлай осознал, что сейчас по ней взберётся человек, чтобы добраться до НЕГО. Дикий страх придал мужества: сонитанин приставил сдавленную руку в месте сгиба к острому краю очередного сегмента вентиляции и резко навалился всей своей массой. Тонкая сталь глубоко врезалась в плоть как раз между суставами, но она не смогла полностью отрезать кисть. Кайлай взвыл и зарычал от боли, почти теряя сознание, люди снизу переполошились ещё больше от его криков, петля резко дёрнулась в отчаянной попытке вытащить сумасшедшего — и рука оторвалась от кости. Находясь в шоковом состоянии, Кайлай пополз прочь, передвигаясь так быстро, насколько это было возможно. Хлещущая из разорванных сосудов кровь его, почему-то, мало волновала, в голове сидела одна только мысль — убежать, спрятаться! Он добрался до тела Виталы и дико огляделся по сторонам: бежать по-прежнему было некуда, но теперь Кайлай не думал об этом — проснувшиеся в нём животные инстинкты придавали ему силы, и казалось, что теперь он сумеет всё. Оставалось только определиться с направлением.

Неожиданно обострённый слух Жонса донёс ему знакомый голос. Кажется, это был наблюдатель Виталы — Эрни Керниган, если не какая-то мистификация, с целью поимки! Кайлай схватил Виталу за мокрые волосы и, извиваясь змеей, пополз в боковое отверстие. Наверное, ему послышалось, и это была галлюцинация, вызванная большой потерей крови, но он хотел верить...

И как оказалось, не зря.

Там, где раньше была плотно завинченная усиленная решётка, оказался свободный проход, в котором виднелась светлая голова Кернигана.

— Мистер Ливановский, сюда!

Особого приглашения не требовалось. Жонс сделал решающий рывок и вытолкнул вперёд Виталу, оставляя её на попечение учёного. Эрни охнул в ужасе, но тело, по-видимому, не уронил. У самого Кайлая сил осталось только на то, чтобы выскользнуть из отверстия и с гулким хлопком упасть на пол. Тут же над ним возникло веснушчатое лицо Кернигана, который попытался оказать первую помощь.

— Я в порядке..., - прохрипел залитый собственной кровью Жонс. — Только вытащи меня отсюда!

Дальше он ничего не помнил.

Кайлая разбудило бульканье желтоватой жидкости, до смешного похожей на целебный бульон. Он отвернулся от подозрительного сосуда, который торчал прямо перед глазами, и попытался сориентироваться.

Вероятнее всего, Эрни удалось оттащить его в лабораторию — по крайней мере, странного вида приспособления и образцы в склянках, расставленные по всей комнате, говорили об этом. Сам Кайлай возлежал на хирургическом столе, всем своим телом ощущая холод легированной стали; и он в который раз осознал, что на нём абсолютно ничего нет, кроме лёгкой простыни, какой обычно накрывают покойников. Этот факт немного раздосадовал Жонса, и он рывком откинул простыню и сел.

Что-то было не так.

Несколько мгновений Кайлай пытался сообразить, что же именно, однако на ум не приходило ничего дельного. Сонитанин ещё раз, уже более внимательно, оглядел комнату, но опять таки ничего странного не обнаружил.

— Что это со мной...,- вздохнул Жонс, растирая ладонями лицо, чтобы окончательно проснуться.

В ту же секунду он понял, почему его разум давал тревожный звоночек: обе руки были на месте, целёхонькие и абсолютно настоящие. Правда, на одной из них ногти успели вырасти только до половины, обнажая мягкую розовую кожицу. Сонитанин ощупал кисть и усмехнулся — теперь общая картина была ясна: Витала полностью оттаяла и проснулась, а потом, судя по всему, Керниган заставил её применить свои способности на Кайлае.

Очень благородно и, конечно, чересчур смело со стороны жалкого лабораторного червя!.. Но другой причины внезапного выздоровления Кайлай не видел.

Однако радовался Жонс недолго: в какое-то мгновение воспоминания нахлынули на него, и Кайлай вдруг осознал, что все его восторги по поводу возвращённой руки не стоили и выеденного яйца. Впервые за свою сравнительно недолгую карьеру он забыл обо всех предосторожностях и совершил самую губительную ошибку! Мало того, что на стенах ангара в нескольких-то метрах от трупа космонавта остались следы его сонитанской крови, так теперь ещё и кусок его плоти попал прямо в руки дежурной группе!

Позабыв обо всём, Кайлай выскочил из крошечной лаборатории и попытался разыскать Кернигана. На его счастье учёным «Эксплор Технолоджи» отвели четыре изолированных сегмента корабля, поэтому Жонс не встретил на своём пути ни одного члена экипажа. Зато он наткнулся на несколько запертых дверей, отделяющих сегмент коммерческой организации от остального пространства «Эпсилонь». Наконец, определившись с размерами предоставленной ему территории, сонитанин сумел-таки обнаружить жилой блок, но Кернигана там не оказалось. В отчаянии Кайлай опустил на первую попавшуюся койку и обхватил руками голову: всё походило на ужасный сон, такого просто не могло произойти с ним — опытным оперативником, агентом Озна, прошедшим лучшую школу выживания в человеческой среде!

Конечно, виноваты были его начальники — эти самоуверенные снобы! Они ведь знали, как опасно направлять агента на задание одного, без поддержки со станции, тем более в строгую социальную структуру военного корабля!

Да и сам Кайлай тоже был хорош: согласился на задание, когда в нём так сильно нуждался его брат! Да и сам он на тот момент едва ли был готов к серьёзным боевым действиям — много месяцев подряд вместо тренировок Кайлай только и думал, что об их с

братом дурацком плане...

Идея провозить контрабанду с Земли впервые пришла на ум Кастору, но он поделился ею в шутку, осмеяв собственное безрассудство. Однако Кайлай был потрясён нечаянным заявлением брата. Он долго обдумывал возможность обойти строгий надзор общества и Озна, и вот однажды проснулся среди ночи с чёткой мыслью, что это не просто возможно, а жизненно необходимо для его опустевшей, заскучавшей души. Как оказалось, Кастор тоже мучился собственной идеей. Получив неожиданное одобрение и поддержку брата, он предоставил ему уже отработанный план, требующий только специализированной корректировки агента Озна.

Их разумы заработали синхронно, будто совершая такты единого механизма, и постепенный успех до дерзости простого плана опьянил братьев, вернул остроту ощущениям, вкус пище и краски миру. Если бы не этот план, Джозеф Жонс наплевал бы на собственную карьеру и остался бы на станции простым следящим, предоставив право геройствовать другим, а ещё лучше, отправился бы на родную Сониту, посвятив себя какому-нибудь обучающему центру. Но это если... А что теперь? Чем обернулась эта погоня за удовольствиями? Он сидел в сердце огромного корабля, полного людей, которые охотились за ним.

Не за мифом, слухами или подозрениями.

За НИМ.

Его плоть и кровь находились в руках врага; они наверняка уже знали о нём всё, если не больше. В аварийном ангаре лежал неприкаянный труп — его рук дело, что, несомненно, будет доказано. И вместо того, чтобы попытаться исправить хоть что-нибудь, вернуть стабильность в жизнь, повернуть рычаг судьбы назад — в сторону удачи, Кайлай маялся от бессилия, потерявшись в нескольких комнатах!

Раздавленный горькими мыслями, сонитанин даже не заметил, как уснул, неловко завалившись на кровать.

Глава: Роман Прахов.

Космический корабль «Эпсилона».

Он дёрнулся всем телом, будто по нему прошла судорога, и открыл глаза.

Роман Евгеньевич лежал на полу в одном из ангаров Эпсилон, однако совершенно не помнил, как там оказался. Мужчина попытался подняться, но оскользнулся в какой-то чрезвычайно ароматной жидкости и ударился затылком о пол — его мгновенно пронзила острая боль, прокатившаяся по всем нервным окончаниям и затихшая в пальцах ног. Роман Евгеньевич ещё несколько секунд лежал неподвижно, боясь вздохнуть, а затем осторожно перевернулся на живот и встал на четвереньки. Лужа, в которой он лежал, теперь оказалась прямо перед его глазами, и Роман Евгеньевич неожиданно осознал, что это натуральное эфирное масло, исчезнувшее из производства несколько столетий назад. Он обмакнул в него пальцы, совершенно поражённый своим открытием, и поднёс к носу: ошибки быть не могло — его тут же овеяло необыкновенными ароматами цветов и каких-то лечебных трав — видимо, масло предназначалось для втирания в кожу в виде лекарства. Совершенно озадаченный, Прахов поднялся на ноги и осмотрелся в поисках подсказки: в ангаре никого

не было, только рабочие механизмы стояли, безвольно опустив гигантские манипуляторы на пол. Роман попытался уловить хоть что-то знакомое в общей картине — как он здесь оказался, что делал? — но память с негодованием пресекала его тщания. Находясь в полном недоумении, но чувствуя себя вполне удовлетворительно, Прахов вышел из ангара в коридор и закрыл дверь на кодовый замок, который неожиданно всплыл в памяти. Однако мужчина тут же оказался сбит с ног суетливой толпой дежурных, которые вопреки всем правилам безопасности мчались по коридору, словно детишки на перемену. Кто-то из них спешно извинился и помог Роману подняться, но сразу же умчался в направлении лабораторий корабля, даже не объяснив толком, в чём дело. Роман Евгеньевич последовал за ним, предполагая, что причиной паники могла стать авария.

По пути ему встретились несколько знакомых механиков, которые поведали причину общего беспокойства: оказалось, никакой аварии, дела обстояли намного интересней — на корабль каким-то совершенно невероятным образом пробрался заяц — нелегальный пассажир! Такого не случалось лет сорок, может шестьдесят — приблизительно с тех пор, как закончилась скоротечная кровавая усобица между лунным поселением и Землёй. Тогда люди семьями бежали с Луны на последних транспортных кораблях, совершенно непригодных для перевозки людей. Их сотнями находили в трюмовых отсеках и высаживали на орбитальных станциях, оформляя как беженцев. Правительство Земли, несмотря на бессмысленную жестокость к лунианцам, радушно отнеслось к беженцам: их противозаконное и даже опасное проникновение на грузовые корабли было признано вынужденной необходимостью и не взыскивалось по закону.

Но теперь! Когда в Солнечной системе царили мир и покой? Кому могло понадобиться проникать на корабль, улетающий в такие немыслимые дали?!

У начальника дежурной смены корабля возникло всего два безусловных варианта, которые были поддержаны остальными членами дежурной группы: либо это опасный преступник, скрывающийся от справедливого суда на Земле, либо же сумасшедший! В любом случае действия дежурной группы приняли одно единственное направление — поймать нелегала и обезвредить. Этим и занималась добрая половина дежурной группы, когда Роман Евгеньевич очнулся в ангаре. Этруса, к его удивлению, всё ещё не разбудили, хотя ситуация давно вышла за пределы штатной. Начальник дежурной смены корабля надеялся лично покончить с неразберихой — по его мнению, присутствие беженца на корабле не являло собой угрозу кораблю или экипажу, так что тревожить покой капитана он не собирался. Вместо этого начальник смены собрал инженеров и психологов, которые совместными усилиями проанализировали строение вентиляции, куда умудрился забраться беглец, и пришли к единодушному мнению относительно того, где необходимо было расставить ловушки и какие проходы закрыть. Никто из членов экипажа не был допущен непосредственно в вентиляцию, дабы избежать контакта с возможно неуравновешенным или больным «зайцем», поэтому решено было использовать древнее изобретение скотоводов, которое присутствовало в багаже учёных зоологов, а именно — «живое лассо». Принцип этого, с позволения сказать, прибора основывался на обыкновенном верёвочном лассо и новейших технологиях: шнур живого лассо реагировал на тепло и движение, его петля сама раскрывалась и затягивалась по мере приближения к объекту, а в усовершенствованных моделях была даже встроена камера. Но на Эпсилоне присутствовало классическое живое лассо, без модных наворотов, впрочем, и этого было достаточно.

Когда Роман Евгеньевич добрался до места расположения одной из ловушек, лассо как

раз среагировало на беглеца, который к своему несчастью решил заползти именно в это ответвление металлического рукава. Комната, полная людей, взорвалась оживлёнными криками; сразу несколько мужчин схватились за рукоять лассо и принялись тянуть. Жертва упиралась изо всех сил, будто не понимая, что деваться больше некуда; ей даже удалось втянуть небольшой участок лассо обратно в вентиляцию. Люди удивлённо заохали, и Роман Евгеньевич вместе с несколькими техниками поспешил на помощь ловцам, живой массой ломая упорство жертвы.

Внезапно из металлической кишки раздался душераздирающий крик, и со звонким треском лассо вылетело из отверстия.

На его конце мотылялась человеческая кисть, истекающая кровью.

Женщины закричали в ужасе, а мужчины оцепенели. Никто не ожидал подобного, даже в мыслях представить не мог! Получается, дежурная группа нанесла тяжёлый вред беглецу, заведомо даже не зная, в состоянии ли он мыслить адекватно, чтобы вовремя сдаться на попечение медикам! Каждый в комнате понимал — теперь жизни «зайца» угрожало обильное кровотечение, и если команда не примет экстренные меры, он мог умереть.

Связались с начальником дежурной группы и доложили ситуацию — тот поверил рассказу только потому, что понимал — шутки на военном корабле вещь неуместная. Однако его приказ развинтить всю вентиляционную систему в лабораторном комплексе не принёс положительного результата. Только спустя полчаса группа техников добралась до строго законсервированной лаборатории полимеров, в которой неожиданно обнаружили кровавые следы беглеца. У двери алый шлейф обрывался, а дальше простиралась многочисленная сеть коридоров корабля, в которой «заяц» мог ненадолго затеряться. Просмотр видеокамер с особо охраняемых сегментов ничего не дал, остальные же сегменты не контролировались видеосетью, и здесь следствие зашло в тупик. Следов крови нигде больше не обнаружилось, никто не видел и не слышал ничего подозрительного — беглец исчез, растворился в корабле, несмотря на серьёзное увечье и строгий контроль за переходами из сегментов.

Психологи развели руками в полнейшей растерянности: отчаянное поведение беглеца говорило об его безумии, в то же время искусное исчезновение из-под носа у дежурной группы доказывало хитрость «зайца» и чрезвычайную устойчивость к боли. Оставался только один крошечный шанс дознаться личности беглеца — провести анализ оторванной кисти его руки.

Данный объект поместили в герметичный контейнер и перенесли в лабораторию экспертиз. Теперь можно было хотя бы снять все подозрения с экипажа...

Глава: Эрни Керниган.

Космический корабль «Эпсилон».

Эрни, отдуваясь, тащил склизкое тело девушки на спине, борясь с подступавшей к горлу тошнотой. Он уже несколько раз порывался бросить ношу, но что-то поминутно останавливало его: то ли научное любопытство, то ли совершенно не к месту проснувшаяся жалость...

В любом случае, Виталу нельзя было оставлять в шкафу той лаборатории, куда он,

минуя заблокированные камеры, сумел пробраться, чтобы помочь агенту Озна. Мужчина оказался невероятно тяжёл — Эрни от души похвалил себя за возникшую вовремя мысль прихватить с собой тележку для оборудования. Никто из дежурных даже не подумал остановить техника, везущего неисправное оборудование на почин, и он беспрепятственно провёз истекающего кровью агента в крохотный сегмент, отведённый под лаборатории «Эксплор Технолоджи». Там Эрни кое-как вытащил неподъёмного агента из тележки и попытался оказать ему первую помощь. Однако беглый осмотр показал: агент вовсе не был ранен, и откуда взялась кровь — оставалось непонятным... Эрни бросало в холодный пот от одной мысли, что этот Ливановский убил кого-то из членов дежурной группы — он вовсе не подписывался покрывать убийцу! Однако теперь было уже поздно идти на попятный: следовало для начала хорошенько разобраться, что именно произошло, и спасти Виталу.

За девушкой он смог вернуться только ночью, когда основные поиски сошли на нет, а измотанные дежурные, выставив немногочисленный дозор, отправились спать. На этот раз Эрни был без тележки: он перепачкал её кровью Ливановского в многочисленных попытках вытащить последнего на хирургический стол.

Витала, замкнутая в шкафу для спец. одежды, всё ещё не очнулась, но по характерному посветлению её кожи Керниган понял, что с минуты на минуту процесс восстановления должен пойти быстрее, и, не ровен час, девушка поднимет панику, придя в себя на руках у незнакомца. Поэтому идти пришлось очень быстро — непривычная нагрузка для сублильного учёного! Эрни пытался с постепенно теплеющим телом Виталы на руках, но мысли его были далеко — Керниган думал о своём друге. Он уже давно понял: с Игорем случилось что-то плохое — ведь он просто исчез, ни о чём не предупредив товарища! Эрни попытался разыскать Ростовского без помощи дежурных, но безуспешно, а обращаться к экипажу с заявлением о пропаже сотрудника Эрни не смел — это побудило бы розыскную команду обследовать изолированный сегмент «Эксплор Технолоджи», что стало бы фатальным предательством дела Генри Майлза.

Совесть не давала Кернигану покоя, душа металась от безысходной тоски, но страх перед жёстким начальником сковывал его всякий раз, когда он уже порывался идти к дежурным. Эрни не хуже других работников «Эксплор Технолоджи» знал: подвергать секреты компании риску разглашения — было всё равно, что подписывать себе приговор. Хорошо, если не смертный... А в том, что Генри Майлз мог устроить несчастный случай для своего молодого помощника, Керниган не сомневался. Он замечал слишком многое, и давно понял, что гениальный учёный не стеснялся нарушать все мыслимые и немыслимые законы человечества ради достижения своих целей! Но цели эти были гениальны под стать их обладателю, и Керниган, как замороженный, хотел участвовать в их осуществлении...

Занятый тяжёлыми мыслями, Эрни не заметил, что тело Витало стало совершенно тёплым. И когда рука девушки неожиданно дёрнулась и сжала плечо Эрни, тот с перепугу бросил Виталу на пол, но тут же снова подхватил на руки и чуть не бегом поспешил в «родной» сегмент корабля. Стоило кодовой двери с мягким шипением захлопнуться за спиной учёного, Ольга открыла глаза. Девушка удивлённо хлопала ресницами, видимо даже не ощущая, как с её лица сходит страшная мертвенная синева, и уставилась на незнакомца мужчину, который всё ещё держал её на руках.

— Вы кто? — сиплым голосом вежливо поинтересовалась она.

Эрни сглотнул от волнения и смущения:

— Я врач...

— Врач?

— Да, я врач, а вы моя пациентка, — продолжил свою мягкую ложь Керниган. — Вы серьёзно заболели, но компания позаботилась о том, чтобы перевезти вас в лучшую клинику, и приставила меня следить за вашим самочувствием.

— Самочувствием?.. Да, я действительно себя неважно чувствую, и так холодно в груди... Будто мне туда камней наложили...

Девушка скривилась и приложила ладонь к сердцу, словно пытаясь его согреть.

— Ничего, так бывает, у вас было очередное проявление симптомов...,- не растерялся Керниган. — Мне удалось реанимировать вас, но теперь необходим полный покой. Скорее всего, я помещу вас в геленосную камеру, так будет спокойнее.

— А почему я у вас на руках? — удивилась Ольга. — И та комната... Я помню взрыв! Что произошло?

— Очередной кошмар, ничего страшного, это пройдёт. У вас сильная слабость, вы не можете пока ходить, поэтому я временно подрабатываю вашим личным носильщиком, — неуверенно улыбнулся Эрни. — А теперь хватит вопросов! Нам нужно добраться до палаты.

Ольга согласно кивнула и тут же уснула, пристроив головку на плече у «доброго доктора». А Керниган продолжил свой путь, кляня девушку на чём свет стоит: за то, что она увидела его лицо, хотя это было запрещено, и за неуместную жалость, возникшую в его душе к этой милой симпатичной девушке...

Нести Виталу в основную лабораторию не было никакого смысла — там изволил почивать Джозеф Ливановский, — поэтому Эрни без раздумий отправился в каюту Ростовского. Он осторожно уложил девушку на койку друга и запер за собой дверь.

Всё вроде бы начинало устаканиваться: девушка была жива и находилась в относительной безопасности, агент Озна здоров, а значит, мог обеспечить сохранность Виталы. В целом можно было сказать, что план по спасению подопытной прошёл успешно и практически без потерь! Если, конечно, не считать исчезновения Игоря. Но Керниган предпочёл не думать пока об этом — он очень устал, просто вымотался за последние сутки. Его работа не предполагала трюков со спасением всяких там агентов и Витал от дежурной группы корабля! Пережитое напряжение опустилось мягким свинцовым грузом на плечи, и Эрни ощутил острую потребность в отдыхе. Он медленно добрёл до своей каюты, открыл дверь и... замер на пороге. На его кровати лежал агент Озна — Джозеф Ливановский. Был весьма очевидно, что он спал, но Кернигана внезапно охватило такое раздражение, что он с громким хлопком закрыл за собой дверь и во весь голос поинтересовался:

— Эй, вы спите что ли?

Веки агента мгновенно дрогнули, он резко сел и уставился на вошедшего.

— Не спите? Вот и отлично. Я, видите ли, тоже решил вздремнуть, но для этого мне понадобится моя кровать. Так что, прошу вас найти себе другое место для отдыха.

Эрни снял халат и сладко зевнул, рассчитывая услышать удаляющиеся шаги агента, но неожиданно вместо этого почувствовал, как его схватили за грудки.

— Керниган, у нас проблемы!

— Что?..

— Дежурная группа получила моё ДНК! Если её не выкрасть, меня вычислят и

уничтожат! Нужно срочно что-то сделать!

Эрни услышал панику в обычно бесстрастном голосе агента, и резко откинул схватившие его руки.

— А ну живо успокойтесь! Не время паниковать. Нам нужно... Что же нам нужно...

— Подумай, Керниган, куда они могли отнести образец? Его необходимо уничтожить!

— Уничтожить?! Да вы в своём уме? Образец наверняка направили в лабораторию экспертиз! Она расположена прямо перед жилыми сегментами дежурной группы и хорошо охраняется. Особенно теперь, когда вы наделали столько пороху. Но даже если мы сумеем проникнуть внутрь, повлиять на образец не удастся, их все помещают в холодильник!

— Холодильник?

— Ну да, охлаждающий сейф. Его могут открыть только действующие члены дежурной группы, у которых есть доступ. Он не подключен к общей компьютерной системе, и взломать его можно только техническим путём.

Кайлай схватился за голову и отвернулся от Эрни, бормоча что-то несуслазное на непонятном языке, а Керниган тем временем обдумывал другой, более надёжный план.

Геленосная камера могла защитить Виталу даже от Левигатов. Мозговые волны во время анабиотического сна строго регулировались системой корабля, и находясь в фазе глубокого сна — практически в коме — разум Виталы был неотличим от тысячи таких же разумов, покоящихся в геленосных камерах корабля. Значит, напыщенный агент Озна был не так уж и нужен Кернигану! На планете о Витале позаботятся работники «Эксплор Технолоджи», там она будет в безопасности. Впрочем, это уже не касалось Кернигана — пока что единственной проблемой Эрни был Джозеф Ливановский. И разбираться с ним нужно было немедленно.

Как на зло, под рукой не оказалось ничего тяжёлого, но порывшись в карманах своего халата, Эрни нашёл там инъектор с успокоительным, который он прихватил на случай, если Витала проснётся раньше времени. Другого шанса у Эрни, возможно, не было: пока Ливановский, оглушённый безысходностью, бормотал себе что-то под нос, уткнувшись в стену, Керниган нащупал тонкий корпус инъектора и как можно бесшумнее приблизился к агенту. Его шея была уже на линии удара, когда Ливановский что-то почувствовал, быстро обернулся и схватил занесённую руку. Эрни попытался другой рукой оглушить противника, однако Джозеф не стал ждать, пока жалкие попытки Кернигана принесут успех, и резким движением отбросил его на пол; сильные пальцы тут же пережали сонную артерию. Юноша почувствовал, как кровь с шумом застучала в ушах и глазах, а лёгкие судорожно начали схлопываться, в попытке сделать такой необходимый поток воздуха. Керниган принялся извиваться, в надежде вырваться из смертельной хватки, и уже почти потерял сознание, когда совершенно неожиданно для себя умудрился воткнуть шприц в ногу Джозефа. Агент удивлённо скривился, однако действие снотворного было таким сильным, что он в то же мгновение рухнул на пол. Эрни отдышался, не вставая с пола, а затем, вспомнив о силе и подготовке противника, начал быстро действовать.

Тело Ливановского легче не стало, однако о тележке Керниган даже не подумал. Он подключился к нескольким камерам на своём пути и переустановил сигнал: дежурных в обозримом пространстве не наблюдалось, однако сердце всё же билось с бешеной скоростью от волнения. Пришлось волочить агента по полу, и Эрни каждую секунду опасался, что тот может очнуться от толчков и боли. Всё его образование будто в миг улетучилось: ведь любой химик знал, что действие этиленпенцинала было настолько сильным, что человек ничего не

чувствовал в течение как минимум часа. Набравшись храбрости, Керниган спустил бесчувственное тело Джозефа по лестнице, и, не думая о возможных повреждениях агента, нашёл его запечатанную геленосную камеру. В общем «улее» она была крайней, поэтому постоянно дежурящий здесь персонал не заметил, что камера пуста. Эрни поднял тяжёлую крышку и в ручную переустановил время на момент прибытия корабля на Туманику. Конечно, он предполагал, что персонал корабля найдёт агента гораздо раньше, однако стоило перестраховаться — ведь если бы Ливановский проснулся во время полёта, учёному могла грозить серьёзная опасность.

Спустить тело Джозефа в камеру оказалось гораздо проще, чем тащить его через все коридоры; правда, пришлось и самому спуститься в камеру, чтобы нацепить на агента маску. Но когда и с этим было покончено, Эрни со спокойной совестью опустил крышку и начал процесс анабиоза, даже не подозревая, что переизбыток химических веществ в крови спокойно спящего агента мог оказаться смертельным для него.

Глава: Лит Коррекос.

Земля, материк Евразия.

Свечение прокола быстро потухло, оставив сонитан один на один с новым миром.

Ещё несколько мгновений отверженные стояли молча и набирались впечатлений, не до конца осознавая, что прежняя жизнь закончена, и они, наконец-то, нашли дорогу домой. Но к реальности их быстро вернули тоненькие всхлипы Лит, которую Баес всё ещё держал под мышкой, как мешок с картошкой.

Нужно было действовать, и немедленно.

План действий был разработан совместно с Кастором заранее, поэтому отверженные более менее знали местность, в которой очутились, и представляли, что делать дальше. Однако многие переменные в их плане были заведомо «плавающими»: такие как одежда и деньги. Создать на Соните правдоподобные эквиваленты этих единиц было почти невозможно, так что отверженным предстояло в первые часы своего пребывания на Земле оперативно раздобыть маскировку и средства оплаты, чтобы как можно быстрее слиться с землянами и уйти от преследования.

Ещё на Соните отверженные долго спорили о том, как будут вести себя в обществе землян на первых порах — никому не хотелось с первых минут на Земле становиться преступником людских законов... Кастор вошёл в их ситуацию, проявил смекалку и придумал сразу несколько альтернативных вариантов добычи необходимого, правда, довольно затруднительных в условиях бегства... Старшие в команде отверженных — Лотьюс и Белар — сразу поняли их несостоятельность и заранее договорились, что под давлением обстоятельств будут принимать те сложные решения, которые были недоступны молодёжи. И вот, наступил тот момент, когда они оказались на чужой планете в качестве жертв беспощадной охоты, да ещё без ясных знаний языка. Страх и неукротимое желание добиться долгожданной свободы застили глаза отверженным — жестокий план сформировался сам собой:

— Мы украдём всё, что нам будет необходимо. Прямо сейчас, в том доме, — Лотьюс указал на мягкий свет оранжевого окна, который мигал из-за ветвей деревьев.

Другого выбора — в свете суровых обстоятельств — у них не было, по крайней мере,

беглецы так думали. Баес и Озвард подхватили девочек и взвалили себе на плечи, а Кирм с Беларом потащили Вольтеса прямо по траве, не утруждая себя беспокойством о змеях и ядовитых насекомых. Юноша всё ещё не пришёл в себя, Ойтеп тоже была без сознания, и только Лит всё это время с ужасом наблюдала, как их уносят из собственного мира. Девушка с рождения отличалась спокойствием и недюжинной силой духа — чертами истинной сонитанки — однако сейчас она была просто в ужасе. Лит так сильно боялась окружающего, что невольно сильнее прижималась к плечу своего похитителя, инстинктивно чувствуя в нём сородича. Девушка не питала ложных надежд, она понимала, что пока они нужны коварным сонитанам как заложники, им грозит только плохое обращение. Но что будет, если их не успеют вовремя найти агенты Озна?

Разумом понимая, что нужно как можно быстрее бежать, Лит не могла и пошевелиться: она была словно парализована происшедшим. Мир в одно мгновение рухнул в такую пропасть, какую она даже в страшном сне не могла себе вообразить, а ведь всё только начиналось, обещая новые потрясения и кошмары!

Тренированные сонитане довольно быстро добрались до границы двора, отделённого от сада многочисленными клумбами и грядками. Свет, падающий из окон, сюда не доставал, и Озвард приказал привязать маленьких пленников к тонкому деревцу с крупными плодами. Баес остался сторожить ребят, а его товарищи лёгкой поступью обошли дом, выясняя обстановку. Через несколько секунд за домом громко закричал какой-то маленький зверь, прикованный цепью к своему домику. Сонитане, не готовые к этому, в панике бросились назад, однако не все успели благополучно миновать светлый участок двора: Озвард, который пробежал мимо главного входа, неожиданно понял, что дверь приоткрылась, и из прохода на него наставили какое-то земное оружие. Понимая, что человек — существо крайне эмоциональное — вполне может выстрелить просто от страха, Озвард поднял руки и замер. Обнаружив такую покорность, землянин осмелел, толкнул дверь плечом и вышел на порог.

— Попались, разбойники! Вот кто у нас яблони обворовывает! Теперь-то уж точно не уйдёшь!

Остальные сонитане, скрытые темнотой, напряжённо следили за разворачивающейся картиной. Кирм не выдержал и окликнул Озварда с безопасного расстояния:

— Беги, мы его отвлечём!

— Нет! — рявкнул Лотьюз, не отводя глаз от землянина, преисполненного решимости. — Он крепко держит своё оружие — может попасть. Я попробую поговорить с ним, а вы уходите!

Старик малость опешил: он впервые слышал подобный язык, да и вид стоящего перед ним мужчины вызывал искреннее недоумение — боевого настроения в хозяине дома поубавилось.

— Можешь не пытаться звать своих дружков, я вызвал полицию! — подозрительно бросил он умолкшему Озварду. — Кто ты? Назови своё имя!

Лотьюз собрался с мыслями и тихо произнёс:

— Помош. Нам нужна помош.

Из-за плеча старика опасно выглянула женщина с белыми волосами и в круглых очках.

— Дитрих, а может, он из иностранцев? Тех, что приехали на ярмарку? Посмотри, во что он одет!..

— Эй, ты! Ты иностранец что ли? — строго окрикнул Дитрих стоящего перед ним мужчину. — Что ты здесь делал?

— Иностранец. Помош нужна.

Старик двустволку не убрал, но жене тихо шепнул:

— Вишь, иностранец, говорит! Что делать будем, Герда?

— Подождём полицию, они разберутся, — мудро заметила Герда.

— И что ты мне прикажешь, вот так стоять здесь?! — недовольно проворчал старик. — Эй ты, как тебя зовут? Имя твоё!

Озвард мысленно поблагодарил судьбу за то, что в свободное время усердно изучал простейший разговорник местности, в которую их намеревался отправить Кастор. Теперь он по крайней мере понимал одно-два слова из того, что говорил землянин.

— Олаф, — без раздумий солгал Озвард.

— Олаф, подойди ближе, только без глупостей! Ну, давай, не бойся!

Озвард бросил предостерегающий взгляд в сторону своих и сделал несколько шагов вперёд. Дитрих тем временем спустился вниз и сел на вторую ступеньку порога. Он достал из нагрудного кармана сигарету и закурил, уже более расслабленно держа винтовку в руках.

— Пить, — попробовал иную тактику Лотьюс, намереваясь перехватить инициативу в свои руки. — Вода!

Старушка недовольно вздохнула, но всё же вошла в дом и вскоре показалась с прозрачным стаканом в руках. Она протянула его Озварду, не ожидая подвоха, поэтому когда Лотьюс стремительным движением схватил её запястье и развернул Герду спиной к себе, прикрываясь от винтовки, женщина даже не попыталась сопротивляться. Она болезненно вскрикнула, причитая хриплым фальцетом; её очки звонко хрустнули под ногой Лотьюса, который что-то прорычал Дитриху на сонитанском. Старик всё понял правильно и отбросил винтовку в сторону, подняв морщинистые руки вверх. Видимо, жена была ему дороже собственной жизни, что очень удивило Лит, которая наблюдала за происходящим со стороны. Она-то надеялась, что сумеет попасть к представителям правоохранительных органов раньше, чем сонитане доберутся до своей цели и задумаются, как им избавиться от ненужных свидетелей. А теперь эта перспектива уходила в необозримые дали.

Кирм и Белар, тем временем, не стали дожидаться приказов Лотьюса и, серыми тенями выпрыгнув из темноты, быстро связали несчастного старика. Затем троица втащила людей в их же дом, а через пять минут сонитане вновь показали на пороге, нагруженные матерчатыми тюками. После нескольких хриплых окриков Озварда, тюки были наскоро разделены между членами их маленького отряда. Затем сонитане выстроили уже очнувшихся ребят в колонну и погнали их в сторону яблоневых садов. Спустя пол часа сады кончились и чёрным ковром потянулись засеянные поля. Отверженные несколько минут спорили, прежде чем решились выйти на открытое пространство, но вот маленький караван ступил на бугристую землю, покрытую сочной плотной зеленью, и возобновил движение. Взрослые сонитане, привыкшие к жизни на ногах, казалось, не чувствовали усталости, но ребята вскоре запыхались. Ойтеп, споткнувшись о корни какого-то ползучего растения, подвернула ногу и растянулась по земле. Баес тут же склонился над ней, осматривая лодыжку, а Кирм и Белар встали по обе стороны их колонны, вглядываясь в синюю тьму.

— Так больно, девочка? — тихо спросил Баес, осторожно ощупывая ногу.

Ойтеп застонала сквозь стиснутые зубы, и слёзы брызнули из её глаз.

— Озвард, она не сможет дальше идти, у неё растянуты связки. Нужно зафиксировать

стопу и не двигать ногой по крайней мере сутки, — Баес вопросительно посмотрел на Лотьюза, не отнимая рук от больной ноги девочки.

Озвард размышлял не дольше мгновения, но в эту секунду его лоб заметно пересекли глубокие морщины раздражения:

— Сделай всё, что нужно, а потом понесёшь её на руках — твою поклажу мы разделим между собой. Кирм, Белар! Присмотрите за детьми, а я пока пробегу вперёд и погляжу, нет ли поблизости населённого пункта.

Лотьюс быстро слился с темнотой горизонта, и ребята без сил повалились на траву.

Пока Баес колдовал над ногой Ойтеп, прикладывая к опухающей лодыжке какие-то пахучие листья, которые сорвал поблизости, Вольтес осторожно приблизился к Лит и прошептал:

— Нужно бежать! Рано или поздно агенты Озна должны найти нас, если мы обратимся в местную полицию.

— Да, но как? Я так устала, что и шагу не могу больше ступить...

— В любом случае придётся — когда Озвард вернётся, нас снова заставят бежать, но навстречу чему? — Вольтес помотал головой, отгоняя дурные мысли, и быстро продолжи, — Я что-нибудь придумаю, я должен...

Лит невольно сжала напрягшуюся руку одноклассника, и тот благодарно улыбнулся ей.

В это мгновение где-то за яблоневым садом ослепительно ярко вспыхнуло белое свечение, и быстро угасло, будто свернувшись молочной плёнкой.

— Озн, — тихо и отчётливо прошептал Кирм, пристально вглядываясь в потухший горизонт.

Остальные отверженные, словно борзые, быстро повернулись в ту же сторону и застыли неподвижно каменными изваяниями. Вольтес тоже замер, но не успело его сердце завершить удар, как он, недолго думая, вскочил с места, молча подхватил Ойтеп на руки и бросился бежать к ближайшим кустам, очевидно посаженным для того, чтобы ветер не уносил почву с полей. Лит бросилась за ним, но слишком поздно — Кирм успел схватить её за платье, повалить на землю и скрутить.

— Белар, догони их! — крикнул он, тщетно пытаясь связать вертлявую девчонку тонким кожаным ремнём.

Вольтес был обречён, хоть он и успел добежать до тонкой живой изгороди. Белар оказался гораздо быстрее, и в качестве возмездия за попытку бежать наградил юношу несколькими ударами своих тяжёлых кулаков.

— Прекрати! — послышался тревожный окрик Баеса, который поднимал с земли заливающуюся слезами Ойтеп. — Он же ещё дитя!

— И что? Я хочу жить, Баес, — мрачно, но тихо процедил сонитанин, потирая костяшки правой руки, — а от этого щенка зависит, как долго мне это будет удаваться!

— Разве ты не попытался бы бежать, будь на его месте?

— Он на моём месте, тоже не руками бы разводил! — усмехнулся Белар, поднимая ошеломлённого Вольтеса на ноги. — Нужно уходить, агенты Озна скоро будут рыскать здесь повсюду.

— Мы должны дождаться Озварда!

— Нельзя ждать, Баес, он найдёт нас сам.

С этими словами Белар схватил Вольтеса за шею и толкнул вперёд:

— Поднимайте девчонок, и в путь! К утру мы должны быть как можно дальше от места

высадки.

Изнуряющий бег в темноте по кочкам продолжился, но на этот раз детей подгонял ещё и страх физической расправы, которую с такой лёгкостью продемонстрировал Белар. В обществе сонитан насилие отсутствовало: все споры, связанные с избытком гормонов в юношеских организмах, решались при помощи спортивных состязаний или интеллектуальных дебатов. Такой метод позволял детям воспитывать в себе здоровый подход к ситуации и учил их сдерживать неуместные антисоциальные порывы. Поэтому рукоприкладство Белара, о котором они раньше знали только по урокам истории человечества, вызвало не меньший ужас в сознании ребят, чем похищение с родной планеты.

Постепенно небо светлело, оборачиваясь лёгким дымчато-золотистым туманом на востоке. Лотьюз не появлялся, но Белар, который с молчаливого согласия спутников принял на себя обязанности главара, не сбавлял темп, и только когда Лит упала в бессилии на землю, разрешил сделать привал. За ночь они пробежали несколько огромных полей и к рассвету набрали на хорошую полиаргонитовую дорогу, скорее всего ведущую к человеческому поселению. Затаившись в придорожных кустах, сонитане позволили себе короткий отдых: двое отверженных укладывались спать, пока третий следил за дорогой и мирно посапывающими пленниками, а через два часа его сменял другой сонитанин, и так пока каждый не отстоял свою смену.

Когда отверженные разбудили детей, было уже совсем светло. Голубое небо с нежнейшей рябью белоснежных облаков растянулось от края до края земли, освещая своей чистотой пёструю гладь полей. На похитителях вдруг оказалось странное одеяние, судя по всему, отобранное у стариков-землян: потёртые изношенные джинсовые бриджи, которые были малы рослым дикарям и облегали их, как плавательные костюмы; выцветшие рубашки, едва ли приходившиеся им впору; разномастные панамки, одна из которых была легкомысленного розового цвета, а другая усеяна рыболовными крючками; и, наконец, старые разношенные, но тем не менее слишком маленькие для огромных ног сонитан, сандалии. Не дожидаясь, пока ребята придут в себя от неожиданного перевоплощения отверженных, Белар бросил им несколько тряпок и приказал переодеться. В предоставленной им одежде было на выбор: два ситцевых платья в мелкий цветок, урезанная кем-то из сонитан майка и чёрные брюки того же размера, что и бриджи взрослых. Платья девочек пришлось подвязать чудом прихваченными поясами, а вот Вольтесу оказалось труднее подогнать под себя огромные брюки. Юноша растерялся, понимая что остальные уже готовы, и он рискует нарваться на кулаки Белара, но ему на помощь вовремя пришёл Баес. Сонитанин ловко отрезал чересчур длинные штанины и сделал своеобразные подтяжки для брюк, которые спрятались под майкой.

Как только процессия оказалась готова к встрече с людьми, Белар связал одежду Лотьюза в небольшой тюк и приказал выходить на дорогу, взяв по одному ребёнку за руку. Ойтеп уже могла идти, хоть и прихрамывала на каждом шагу, болезненно морщась, однако сердобольный Баес через каждую сотню метров подхватывал её на руки и шёл так, пока Белар не окрикивал его.

Спустя час пешей прогулки сонитан нагнала низкополётная машина на магнитной подушке, и неожиданно затормозила, не пролетев мимо и двух метров. Белар насторожился, но пассажиры машины не выглядели как служители правопорядка, так что он достал крошечный разговорник, которым его снабдил Кастор перед отправкой на Землю, и попытался объяснить землянам, кто они, и куда направляются. Молодая пара, сидящая в

кабине автомобиля, видимо не поняла ничего из неумелых попыток Белара, кроме имён незнакомцев. Тем не менее, они доброжелательно объяснили жестами, чтобы странная семейка забиралась в кузов. Пришлось понадеяться, что эти люди ещё не знали о розыске сонитан не только властями этого региона материка, но и спецслужбами целой планеты.

В пути они пробыли около часа, наблюдая, как поля постепенно сменяются небольшими рощицами вечнозелёных деревьев. Вскоре показались первые дома, очень напоминающие злосчастный домик стариков, вероломно обворованный сонитанами. Число домов вдоль дороги постепенно возрастало, появились широкие ответвления улиц, и наконец машина затормозила на пустынном месте среди вычурных замысловатых зданий с красными черепицами. Посреди залитого полиаргонитом пустыря возвышалась прозрачная статуя человека с кораблём в руках, из которой струйками вытекала вода. Вокруг статуи образовывался небольшой бассейн, обсаженный цветочными клумбами. Хозяева автомобиля вышли из кабины, и сонитане сообразили, что их путешествие закончилось. Не зная, нужно ли платить землянам за проезд, Белар неуверенно подошёл к мужчине, но тот лишь добродушно пожал ему руку и, кажется, пожелал удачи.

Так похитители и их жертвы впервые оказались в настоящем человеческом городе.

Некоторое время они, казалось, полностью забыли, как здесь оказались, и сообщали делились впечатлениями. Однако вскоре восстановилась некоторая приличествующая общему положению вещей субординация, и, схватив детей за руки, сонитане отправились на поиски ночлега и пищи. Письменность землян была им в корне незнакома, поэтому приходилось спрашивать у прохожих, но вскоре старания Белара и Кирма увенчались успехами: в некотором отдалении от площади отверженные обнаружили крошечную гостиницу с вполне приличной закусочной. Благодаря бессовестному воровству, у них имелись деньги, а в земных гостиницах не требовали документов, поэтому сонитане поспешили снять комнату, где заперли ребят под присмотром Баеса, а сами отправились на разведку. Вскоре они вернулись с подозрительными яркими пакетами, в которых, как оказалось, земляне хранили пищу. Из уроков истории и некоторых неофициальных источников, ребята знали, что агенты Озна, проводившие длительные операции на Земле, употребляли в пищу местные блюда, но при этом они принимали специальные лекарства, предупреждающие заражение. Отверженные, похоже, даже не задумывались о всевозможных инфекциях, которыми их могла наградить земная биосфера. Но умирать от голода тоже не хотелось, поэтому ребята накинлись на хрустящие лёгкие шарики с нескрываемым удовольствием. Взрослые последовали их примеру, и скоро от горки пухлых пакетов не осталось и следа. Оказалось, однако, что этого было недостаточно, и не далее как через час все члены группы снова почувствовали голод. Белар предложил товарищам подождать до вечера, и тогда уже самим выйти в закусочную, чтобы поесть плотнее.

Время в душевой комнате тянулось бесконечно медленно, а занять себя было совершенно нечем. Девочки вскоре не выдержали утомительной бессонной ночи и быстро уснули, свернувшись комочками на двуспальной кровати. Кирм и Белар принялись что-то тихо обсуждать, расположившись у закрытого жалюзи окна, а Вольтес попробовал разговорить Баеса, надеясь выманить у него какую-нибудь полезную информацию. Не зная, с чего начать, он опустил на прохладный пол рядом с сонитанином и внимательно посмотрел на него.

— Чего тебе? — не выдержал Баес.

— Для чего вы нас похитили? — в лоб выпалил юноша, не представляя, что за этим

последует.

Сонитанин устало прикрыл глаза и отвернулся.

— Не твоё дело.

— Но может, если вы нам расскажете, мы сможем вам помочь? — не унимался Вольтес.

— От вас ничего не зависит, парень, вы только ключи.

Ключи... Фраза была не более понятна, чем человеческий язык, но Вольтес не рискнул переспрашивать и предпочёл сменить тему.

— Этот парень, Кастор, показался мне не очень надёжным сообщником. Думаю, вам не стоило связываться с сумасшедшим...

Неожиданно Баес усмехнулся и взглянул на юношу своими тёмными, совершенно сонитанскими глазами:

— Он не более безумен чем я и ты! Впрочем, о степени моего безумства говорит звезда у меня на лбу, не так ли?

— Я, честно сказать, не знаю. Ведь не было доказано, что вы лишены рассудка. Целая планета подобных вам землян более-менее успешно существует уже не одну тысячу лет...

— Странно для тебя, правда ведь? Это в духе сонитан, считать всех, кто не похож на них, ненормальными... Общество — мерило всех вещей! Отличный лозунг!

— А вы, в свою очередь, считаете сонитан нормальными? — язвительно поинтересовался Вольтес, позабыв, с кем говорит. — Или, вы считаете нормальным насилие?

Баес неожиданно покраснел, взглянув мельком на Белара, который уже начал обращать внимание, на оживлённую беседу пленника и сторожа.

— Нет, я не считаю его нормальным, но оно часть меня, и мне приходится учиться жить с этим, а не прятать голову в песок. Если бы не способность к насилию, кстати говоря, никто из нас не выжил бы в лесу. Гуманно, по-твоему, было вкалывать нам гормоны, сдерживающие агрессию, когда мы признали, что уйдём из общества навсегда? В первые дни, каждый из нас пережил нечто настолько ужасное, что тебе и представиться не может, мальчик, — горько заключил Баес, не настроенный дальше продолжать этот разговор. Но Вольтес не унимался — его очень заинтересовала эта тема, и сонитанину пришлось нехотя продолжить:

— По-настоящему нам вкалывают не гормоны, а микроскопические машины, которые соединяют необходимые элементы в нашем организме, и тем самым вырабатывают подавляющие гормоны. Если организм реагирует агрессивно на внешние раздражители, машины начинают работать и разрушают естественные гормоны сонитанина. Так. А представь себе, что сонитанин испытывает воздействие внешних раздражителей постоянно в течение суток, двух, трёх, недели... Если за это время он не погибает из-за заторможенности своего организма, то в конце концов в его теле заканчиваются запасы тех элементов, которые требуются механизмам для постройки подавляющих гормонов, и эти умные машинки начинают разрушать клетки его организма. Пока в дело не вмешиваются антитела, сонитанин медленно умирает изнутри, и только от силы его иммунитета зависит, справятся ли антитела с инородными агрессорами. Мне и моим товарищам, как видишь, это удалось, а вот некоторым не так повезло. Я однажды нашёл тело сонитанина, умершего этой страшной смертью. Пока его организм ещё мог сопротивляться, у него разрушились все внутренние органы... Животные, которые очень практично вспороли его труп живот, лакомились настоящим желе из внутренностей! Не слишком приятное зрелище, поверь мне.

Вольтес несколько мгновений обдумывал эти шокирующие слова, не в силах заставить свою фантазию не воспроизводить ужасные картины со слов сонитанина. Наконец он пришёл в себя и тихо пробормотал:

— Это ужасно, я не знал, что всё так... Мне жаль... Но почему общество позволяет это?!

— Думаю, оно, как и ты, не знает всех подробностей. И как после этого мы должны относиться к вам? К тебе, например? Ты же часть этого общества, которое закрывает глаза на наши страдания, вместо того, чтобы попросту отправить на Землю.

— Если бы вопрос о мерах, применимых к отверженным, снова поставили на голосование, я бы отказался от подавляющих гормонов! — с юношеским жаром выпалил Вольтес.

— Ну да, — улыбнулся Баес и снова устало прикрыл глаза. — Мы просто хотим жить среди себе подобных, никого не трогая, никого не разоблачая! Да плевать мы хотели на эту Сониту и её безгрешное общество! Оно же считает, что наше место в диких лесах, в бесчестии и мраке...

— Баес, но вы же уже на Земле! — вкрадчиво зашептал Вольтес. — Мечта исполнилась, вы можете просто оставить нас здесь и уйти! Мы даже не скажем агентам, куда вы направились, ничего им не скажем! Без нас за вами будут меньше охотиться, и есть шанс, что никогда не поймают!

Баес печально взглянул на юного сонитанина и покачал головой:

— Ты хороший парень, Вольтес, но многого ещё не понимаешь. Просто постарайся больше не привлекать внимания Белара, как тогда на поле, и всё закончится хорошо, я тебе обещаю.

Глава: Кастор Жонс.

«Конечно, я понимаю, что после того, что я натворил, мне не удастся так просто остаться на Соните и жить в горячо любимом мною обществе, — Кастор чуть склонил свою улыбающуюся голову, но тут же снова откинулся в кресле. — Поэтому я не стал утруждать ваши головы размышлениями, и сам привёл детали моих требований в отчёте, который вы получили. Они просты. Я не могу стать уважаемым сонитанином, меня, как вы можете наблюдать, отвергли... Но сделать из меня успешного богатого землянина Озну вполне по силам! Естественно, это не совсем то, о чём я мог мечтать: общаться с полу животными ниже моего достоинства, ниже достоинства любого сонитанина! Однако, я готов на такую жертву, ради ваших детей... Малышка Ойтеп, крошка Лит и, конечно же, подарок судьбы! Вольтес Мер! Признаюсь честно, я и не надеялся, что мне в руки попадётся такой лакомый кусочек!»

Конрод Мер со всей силы ударил кулаком по столу и чуть не сломал консоль голографического проектора — коллеги вовремя схватили его под локти и посадили обратно в кресло.

«Да, думаю, надо сразу уяснить все возможные недоразумения. Ваши дети живы, только пока жив я. Они в безопасности, только пока в безопасности я. Они будут на Соните, когда я окажусь на Земле, снабжённый всем необходимым для роскошной и безопасной жизни богатого человека. Далее. Если вы, господа родители, будете вести себя хорошо и убедите общество в необходимости сотрудничать со мной, я буду держать вас в курсе событий, происходящих с вашими драгоценными детьми и, возможно, даже пришлю вам их фото.

Представьте, какие воспоминания у вас потом останутся! Ваши дети гуляли по Земле!»

Запись закончилась. Голографический экран покрылся лёгким серебристым сиянием, ожидая дальнейших действий создателей, однако сегодня им было не до работы.

— Спокойно, Конрод, ты не один в этой ситуации, поэтому не теряй голову, — попытался вразумить своего коллегу Поста́н Темро.

— Да какая мне разница, кто там ещё?! Мой сын на Земле в руках отверженных полу животных! У тебя есть сын Темро? Я вложил в своего столько сил и жизни, что просто не могу потерять его!

— Твои чувства не должны мешать тебе. Ты сонитанин, глава Озна. Что скажет общество, когда увидит тебя таким?

— Что скажет общество?! Погодите, постойте! Не надо так спешить, — неожиданно успокоился Мер, вскочив с кресла. — Стоит ли тревожить общество, когда мы можем разобраться с этим сами?

— Но Конрод, мы просто не имеем права решать такой серьёзный вопрос единолично. Общество должно знать..., — вступил в разговор общественный следящий Мио Нальти.

— Только не надо выслуживаться! — нахмурился Мер. — Ты как всегда думаешь только о том, как бы тебя не сняли с твоей должности, Мио! Годы идут, а мы не молодеем, не так ли?

— Обвинения необоснованны, Конрод, — справедливо заметил Нальти, который верно служил обществу и всегда был ближайшим советником Мера.

— Извини. Но как отреагирует общество, если узнает, что кто-то из отверженных выбросил на землю несколько несовершеннолетних сонитан, да ещё и требует за это сумасшедшую награду?! — выдохнул Мер.

Нальти в растерянности пожал плечами.

— Это общество, мы не можем знать, что оно решит... Только прогнозировать.

— Это ты не можешь знать, а я себе прекрасно представляю, что оно решит! Подонка Жонса на всепланетном голосовании приговорят к смерти либо изоляции. Но ведь это не так уж важно, нет! Важно другое. Я знаю Кастора, он так просто не заговорит, а пытки у нас, сам знаешь, запрещены!

Мио сглотнул и незаметно отодвинулся от своего начальника.

Мы потеряем детей, они погибнут на Земле! — продолжал неистовствовать Мер.

— Конрод, они не погибнут — Лучшие агенты Озна уже ищут их, — поспешил успокоить товарища Темро, но это только добавило масла в огонь:

— Поста́н, ты не хуже меня знаешь, что по прошествии девяти часов шансы обнаружить беглецов на Земле уменьшаются вдвое!.. Уже прошло двенадцать, а они даже не вышли на след.

— Это не совсем так, — неожиданно вступил в разговор только что вошедший Ринго Ланцупасква, заместитель Мера. — До нас только что дошли сведения, что отверженные украли у землян одежду и деньги. Это может означать, что беглецы решили вступить с человечеством в более тесный контакт.

— Что ты имеешь в виду? — оторопел Нальти, который и представить себе не мог более близкого контакта с полу животными, чем воровство их личных вещей для собственного пользования.

— Я имею в виду товарно-денежные отношения, которые иначе называются на Земле

жизнью. Думаю, отверженные стремятся попасть в город, а подходящих населённых пунктов в окрестностях высадки всего три. Я приказал агентам разделиться на группы и прочесать их вдоль и поперёк. Можешь не волноваться, Конрод, мы их найдём в самое ближайшее время. Но, думаю, до тех пор, нам не стоит выходить с Жонсом на связь, или докладывать обществу о том, что происходит. Чем быстрее всё закончится, тем безболезненнее это пройдёт для Сониты.

— Верно, верно говоришь, Ринго! — обрадовался Мер. — Mio, пожалуйста, прислушайся к его мнению, это отнюдь не лишнее, особенно теперь, когда общество и так напряжено до предела...

Нальти ещё несколько мгновений поколебался, но вынужден был признать, что Конрод прав. Кому как не общественному следящему было знать, сколь болезненно в умах сонитан происходил процесс свыкания с мыслью, что возможно в будущем они должны будут экономить на всём, чтобы сберечь истощающуюся энергию своей планеты.

— Я ещё сутки не буду сообщать в общественный департамент о случившемся, чтобы вы силами Озна могли исправить ошибку. Но потом, Конрод, меня ничто не удержит, — твёрдо проговорил Нальти и поспешно вышел из кабинета Мера.

— Ты уверен, что он не доложит в департамент? Это его прямая обязанность, — предупредительно напомнил Конроду Ринго.

— Мы знакомы уже много лет, и он не однажды оказывал мне подобную услугу. В нём я уверен, а вот что делать с Ньюонами и Коррекос... Если пострадавшие семьи узнают о нашем решении, о молчании можно забыть.

— Ну, о Коррекос можете не беспокоиться, — быстро нашёлся Темро, — я навёл справки: хаггиса Ауве уже давно находится на попечении своей несовершеннолетней дочери, и сама не в состоянии даже позаботиться о себе. Думаю, нам лучше забрать её в Озн на некоторое время, пока Лит не вернётся домой.

— Ауве Коррекос?.. Нет. Ноги её здесь не будет! — неожиданно агрессивно заявил Мер. — Пошлите кого-нибудь из агентов ухаживать за старухой. А Ньюонов пригласите ко мне. Гидо разумный сонитанин, надеюсь, он примет наше решение.

Глава: Ксения Орлова.

Земля, исследовательские лаборатории «Эксплор Технолоджи».

Ксения не хотела себе в этом признаваться, но она честно подумывала о самоубийстве. Все её убеждения и стремления были против этого шага, но пока свобода не торопилась её навестить, жизнь девушки превратилась в первый круг ада благодаря постоянным опытам Майлза.

Жестокость доктора причиняла Ксении немало боли, но отнюдь не больше чем второму подопытному — мужчине с обожженной спиной. Майлз специально прокалывал его органы стальной медицинской спицей и ставил девушку перед выбором: либо она выполняет все его указания, либо парень медленно истекает кровью.

Была ли такова сущность всех Витал, или это было личным качеством Ксении, но она не могла оставить раненого человека умирать даже ради того, чтобы нарушить планы истязателя. Однако условия опытов были таковы, что девушка просто не могла помочь своему товарищу по несчастью, и тот каждый день вновь и вновь подвергался жестоким

мучениям, забываясь лишь во сне.

Доктор экспериментировал с удивительной способностью Виталы исцелять. Он не просто так прокалывал тело второго подопытного: парня подвешивали вплотную к прозрачной камере Виталы, чтобы узнать, может ли она применять свои способности сквозь различные материалы, какова дальность действия её способностей, могут ли проявлять лечебные свойства различные ткани и жидкости её тела. Одну из панелей камеры попеременно заменяли резиновой, стальной или платиновой, а затем заставляли девушку лечить истекающего кровью человека. Генри перепробовал множество сплавов металлов и неметаллов, иногда он выкачивал из девушки кровь и делал переливание подопытному номер 2. Однажды даже проколол Ксении слёзные протоки, чтобы изучить химический состав её слёз...

В лабораторию практически никто не заходил, а редкие появления лаборантов едва ли могли скрасить ожидание очередных опытов, но Ксения старалась не унывать. Сколь бы ни были жестоки требования Майлза, он всё же проявил некоторую заботу о своей подопечной: поставил для неё в лаборатории небольшой проектор, чтобы она могла смотреть новости или фильмы сквозь прозрачные стенки своей камеры. Благодаря проектору Ксения узнала, что больной пёс, ради которого она собиралась покинуть Землю, умер на своей станции, не дождавшись помощи, а федерация космонавтов объявила в розыск Рихарда Зейнера, героя космической разведки, дважды награждённого за отвагу. В обаятельном разведчике, фотография которого мелькала во всех новостях, девушка узнала своего «напарника» по опытам. Как утверждали дикторы, Зейнер находился в отпуске и собирался навестить своих родных, живущих под Франкфуртом, но в указанный родителями срок так и не появился. Родители Рихарда недоумевали, куда мог пропасть их сын, и подозревали самое худшее...

Как же они были близки к истине! Жаль только, Ксения никак не могла сообщить старикам, что они, возможно, навсегда потеряли своего сына, случайно попавшего под жернов обстоятельств. Впрочем, новости немного подбодрили и обнадёжили девушку: известного разведчика должны были искать более тщательно, чем малоизвестную ветеринаршу, а насколько она помнила, её похищение выглядело более чем помпезно, быть может, кто-то видел, что Зейнер был с ней в тот момент? Хорошо бы так...

После каждого эксперимента Рихарда увозили из лаборатории на редукцию, и Ксении ни разу не удалось перемолвиться с ним и словечком, чтобы рассказать, как сильно о нём переживают его родные. Но она не оставляла надежды сделать это, чувствуя за собой святую обязанность донести слова убитых горем родителей до их несчастного сына.

Зейнер стоически терпел пытки, не издавая при этом ни звука — только добела натянутая кожа на кулаках говорила о его страданиях. Героическое поведение мужчины вызывало уважение даже у его мучителя — Майлза. Несомненно, доктор уже знал, кого так беспечно оставил ему Коллинз в качестве живого сырья: лицо Рихарда Зейнера в мгновение ока облетело всю планету, разворошив настоящий улей из поисковых отрядов, тайных служб и медиумов разного происхождения и способностей. Однако Генри не хуже Дэвида понимал, что сделанного не воротишь, а шумиха, устроенная исчезновением разведчика, вскоре уляжется. Таким образом, Зейнера стали оберегать не хуже Виталы, исключив всякую возможность его побега или контакта с непосвящёнными сотрудниками компании. Конечно, проще было бы убить проблемного пленника, но Майлз привёл убедительные доводы, что

Зейнер необходим ему живым и только живым. Таким образом, доктор спас Рихарда, правда, неизвестно из каких побуждений...

Он каждый день проводил свои опыты и, словно орёл, мучающий Гефеста, ранил внутренние органы Рихарда, проверяя, какие материалы могут усилить возможности Виталы. С помощью этих данных Майлз намеревался понять природу воздействия Витал на живые организмы. Сам доктор предполагал, что Виталы излучают какой-то специфический диапазон электромагнитных волн, причём источник излучения находился непосредственно внутри их тел — поэтому-то кусочки плоти, отделённые от целого организма, теряли свои живительные свойства. Но догадки оставались догадками и требовали своего подтверждения, поэтому день изо дня мучитель Рихарда проводил давно заученный, отточенный до деталей ритуал. Лишь однажды непредвиденные обстоятельства не нарушили заведённый порядок.

День начался как обычно.

В восемь тридцать, как по расписанию, лаборанты вкатили стальную раму с распятым Зейнером. Майлз тут же принялся опрыскивать его дезинфицирующим раствором. Обычно доктор сначала выключал проектор, но в этот раз он, очевидно, забыл о предосторожности, и Ксения с жадностью всматривалась в экран, ловя последние секунды новостей. Рихард висел на цепях, не проявляя никакой активности, словно находясь в трансе, но почему-то Ксения знала, что он внимательно слушает, и, так же как и она, старается ухватить хоть какую-нибудь полезную информацию. К сожалению, объявление об его розыске уже прошло.

Диктор заканчивал утренний выпуск, как вдруг выражение его лица изменилось, и он объявил об экстренном репортаже, полученном ночью из Кауперхема, где, по словам очевидцев, разыгралось необычное стихийное явление. К репортажу была приложена некачественная плёнка с записью происшедшего, на которой, тем не менее, было отчётливо видно, как на фоне спокойных деревьев возникает светящееся белое зарево, откуда затем одна за другой появляются тёмные фигуры человекоподобных существ.

Авторами шокирующих кадров были студенты сельскохозяйственного колледжа, которые проходили практику в яблоневых садах недалеко от города. По словам студентов, зарево исчезло так же мгновенно, как и появилось, а существа разделились на три группы и с нечеловеческой скоростью побежали в разных направлениях.

Ксения лишь удивлённо моргала, наблюдая странные кадры, но Майлз неожиданно очень заинтересовался происшедшим. Он подскочил к проектору, но, видимо неудовлетворённый качеством примитивного телеэкрана, выбежал вон из лаборатории, оставив Рихарда висеть на цепях, а Ксению продолжать свой сеанс телевизионного вещания.

Это было большой удачей! Девушка впервые осталась наедине со своим товарищем по несчастью, и поспешила наладить с ним контакт:

— Рихард!

Мужчина даже вздрогнул от неожиданности и поднял голову.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — сиплым голосом поинтересовался он.

— Твоё лицо во всех новостях, — горько усмехнулась Ксения. — Родители ищут тебя, они очень переживают...

Зейнер дёрнулся всем телом, так что цепи зазвенели о раму.

— Эти лабораторные сволочи сделают всё, чтобы я никогда не вернулся домой!

Господи, как же я их подвёл... Ведь только что вернулся!

Взгляд Зейнера случайно упал на камеру Виталы и неожиданно оживился:

— А из чего сегодня панель в стеклобетоне? — странным голосом поинтересовался он.

— Не знаю, кажется, из свинца...

— Попробуй сломать её! Пожалуйста, постарайся сделать это! Пока не вернулся Майлз! — внезапно взмолился Зейнер.

— Что?! Сломать?! Не уверена, что это возможно...

— Свинец мягкий, текучий металл! Даже если ты не повредишь плиту, можешь сломать крепления! Попробуй...

Девушка нахмурилась, оглядела плиту со всех сторон, насколько ей позволял прозрачный стеклобетон, затем вздохнула, упёрлась в неё руками и надавила всем своим весом.

— Бесполезно!.. У меня не хватает сил!

Рихард попросил её постараться, но все попытки Ксении были тщетны.

Мужчина разочарованно вздохнул и повис на цепях, раздавленный безысходностью, а девушка в отчаянии начала ходить кругами по крошечной комнатке.

— Я могу по-другому! Рихард! Но это будет очень больно...,- скорее себе прошептала она и с разбегу бросилась на свинцовую панель.

Зейнер вскрикнул от неожиданности, глядя, как тело девушки сумасшедшим снарядом летит в свинцовую стену. Послышался глухой удар, и тело Ксении сползло по стене.

— Боже мой! Эй, ты жива?!

Рихард неудачно качнул раму, и она повалилась вперёд, припечатав его к полиаргонитовому полу. Очухавшись и с трудом повернув ушибленную голову, мужчина с ужасом понял, что по стене прозрачной камеры прямо перед его лицом стекают кровавые ручейки.

— Господи... Расшиблась!.. Чёрт! Помогите! — закричал он что есть мочи, извиваясь под грузом стальных прутьев рамы.

Но напрасно: на глазах у юноши девушка неловко оперлась на сломанную руку и, мелко дрожа всем телом, встала на ноги.

Со своего не вполне удачного положения, Рихард не мог видеть её лица, что, впрочем, было только лучше для его психики, потому что зрелище не могло внушить ничего хорошего: нос Ксении оказался свёрнут в сторону, а кожа на скулах и на лбу расползлась, словно лопнувшая кожура перезрелого апельсина. Из быстро соединяющихся вместе сосудов струилась алая кровь, заливая глаза и острую из-за разбитых костей дыру в переносице. Наблюдателю со стороны, окажись он поблизости, могло показаться, что Ксении ни чуточку не больно, но это было не так. Её голова буквально раскалилась от болезненных импульсов разбитого тела; нейроны вопили об её безумстве на все голоса, отговаривая от повторного броска, но девушка знала, что её тело может выдержать и не такие удары. Свинцовая пластина трёхсантиметровой толщины даже не прогнулась от жертвенных усилий девушки, однако та не сдавалась, будто чувствуя, что материал приближается к своему пределу прочности. И это предположение неожиданно подтвердилось: не выдержали стальные крепления, и свинцовая плита с глухим стоном стукнулась об пол. Девушка повисла на неожиданно образовавшемся в стеклобетоне отверстии и затихла.

Теперь ничто не могло спасти Рихарда от созерцания чудовищного вида Ксении. Мало того, он затаив дыхание наблюдал, как кожа на её разбитом лице стягивается и

выравнивается, а кости тянутся друг к другу, но не срастаются, словно организм чувствует, что это будет неправильно.

— Очнись, ради Бога, очнись! Пожалуйста, без тебя я ничего не могу сделать! — сквозь слёзы отчаянно шептал Рихард, до крови растирая наручниками запястья. — Ну, пожалуйста!..

Ксения словно услышала его мольбы и судорожно дёрнулась.

— Вот так, молодец, девочка! Вставай, ты можешь!

Впрочем, как бы Зейнер ни подбадривал свой единственный шанс на спасение, Ксения едва ли слышала его: только толчки крови шумели в её ушах, да залепленные кровью ресницы в нервном танце прыгали перед глазами. Она на ощупь поднялась на ноги и попыталась поправить своё лицо. С огненной вспышкой боли на место встал нос, ресницы буквально посыпались с глаз вместе с комками подсохшей крови. Привычным движением Ксения ощупала тело и вправила несколько костей на место. Боль начала постепенно затихать, удаляясь в теменную область мозга, предоставляя сознанию самому решать свои проблемы.

Почувствовав малейшее облегчение, девушка немедля подбежала к Зейнеру и попыталась снять с него наручники, но это оказалось почти так же невозможно, как пробить свинцовую стену. Однако на этот раз Ксения почувствовала в себе решимость и взяла инициативу по спасению в свои руки.

— Рихард, пожалуйста, доверься мне, — прошептала она, склонившись над мужчиной. — Я обещаю, что верну всё обратно, как было. Но придётся потерпеть...

Зейнер издал невнятное восклицание, когда увидел, что убежавшая девушка возвращается с электропилой. Но у него не было никаких шансов увернуться от своего спасения, облачённого в кровавый цвет боли.

Не моргнув глазом, Ксения включила пилу и опустила вращающийся резак на запястье пленника. Зейнер мгновенно потерял сознание от нечеловеческой боли, и очнулся всего на несколько секунд, чтобы стать свидетелем отрезания своей ступи и провалиться обратно в небытие.

Второе его возвращение в сознание было более приятным: руки и ноги были на месте, только ярко-красные шрамы говорили о недавнем потрясении. Ксения сидела в ногах Рихарда и крепко сжимала его ступни.

— Хорошо, что ты очнулся, мы потратили слишком много времени на твоё лечение! Предупреждаю, ходить будет очень больно, но ты должен бежать, понял, Рихард?! Вставай!

Она потянула его за локоть, и Зейнеру ничего не оставалось, как попытаться опереться на только что приросшие конечности. Боль сумасшедшей лавиной накинута на его мозг, но страх не успеть и потерять свой единственный шанс на спасение оказался гораздо сильнее.

— Отлично! — подбодрила его девушка. — Теперь нужно решить, куда нам бежать. Я ничего не видела за пределами лаборатории...

— Меня вывозили через главный выход, там постоянно дежурят люди, но мало персонала. А что за этой дверью, я не имею понятия.

— Туда выходил Коллинз...

— Кто?

— Ты был без сознания, — отмахнулась Ксения. — Бежим туда, чувствую, это выход.

Рихард прихватил с собой медицинский стилет со стола и поспешил за девушкой.

На двери оказался кодовый замок, но Зейнер проявил неожиданную в такой ситуации смекалку, и по едва заметно стёртым клавишам определил пароль. За дверью оказался узкий коридор с тусклой подсветкой на потолке. Он несколько раз поворачивал, но беглецы за пару минут оживлённой рыси не увидели ни одного ответвления.

— Наверное, это прямое соединение с какой-то специальной комнатой, — тяжело дыша, бросил Зейнер впереди бегущей Ксении.

— И что это значит? — не оборачиваясь, спросила она.

— Что мы в потенциальной ловушке! Если в той комнате будут люди, мы обречены. Остаётся только отбиваться до последнего.

— Хорошо тебе, — мрачно хмыкнула девушка, — а мне до последнего придётся отбиваться очень долго!

Неожиданно за её спиной раздался тихий смех Рихарда.

— Да уж, представляю, какого ты им жару задашь! Я бы здорово струхнул, если бы впервые стрелял в тебя.

Не настроенная на веселье Ксения вдруг не выдержала и хихикнула, истерично втягивая воздух в негнущиеся лёгкие.

Коридор в последний раз сделал плавный поворот, и перед беглецами выросла стальная дверь. На ней, к счастью, замка не было, только обычная и до боли знакомая ручка. Рядом с дверью на стандартных крючках висели белоснежные халаты и голубые одноразовые шапочки, а под вешалкой стояла коробка с бахилами.

— Что дальше? — стараясь выровнять дыхание, спросила Ксения, с надеждой в глазах обернувшись к Рихарду.

— Надевай амуницию, коллега, сегодня у нас маскарад.

— Думаешь, нас не узнают в этих халатах?

— По крайней мере, не сразу.

Сам Рихард надел два халата, один заправив в брюки как рубашку. Натягивая на свои непослушные, давно немые и оттого стоящие торчком волосы шуршащую полиэтиленовую шапку, он дурашливо улыбнулся Ксении, чтобы хоть как-то подбодрить, но девушка была совершенно не в состоянии унять дрожащие от страха руки, и лишь вымученно улыбнулась в ответ. Наконец, вдохнув побольше воздуха в лёгкие, она кивнула Рихарду, что готова, и шагнула за ним в неизвестность.

Неизвестность произвела на них впечатление: она представляла собой огромное помещение с высоким потолком, где на небольшом расстоянии друг от друга были расставлены рабочие столы, заваленные исследовательской аппаратурой и какими-то жуткими инструментами. Повсюду сновали люди, в уже знакомых белоснежных халатах, и никто даже не обратил внимания, на появившихся из-за двери новичков.

— Пошли, — коротко бросил Зейнер девушке и уверенным шагом направился к другому концу длинного помещения, спрятав свой стилет в большом кармане халата.

Ксения засемила следом, стараясь не поднимать глаза и не дышать слишком громко, но ей казалось, будто любому, кто оказался поблизости, был слышен бешеный стук её сердца. Она даже невольно приложила ладонь к груди, стараясь заглушить его, но тут же отдёрнула руку.

Однако, несмотря на учащённое сердцебиение, парочка благополучно пересекла помещение и вышла вслед за группой других учёных в просторный светлый холл с огромными стеклянными окнами, из-за которых утреннее солнце лило свой нескончаемый поток горячих лучей. Миновав и его, они оказались в лифте, который с тихим шипением, повёз их вниз.

Не зная, что будет там, Ксения теснее прижалась к руке Рихарда, ища в своём товарище поддержку. Тот ободряющее взглянул на неё, словно говоря «не бойся, всё будет хорошо», и девушка поверила ему. Лифт, наконец, остановился, двери медленно разъехались в стороны, и группа учёных, с которой они ехали всё это время, потянулась к гардеробной.

Прямо напротив был выход.

Настоящий выход, без пропусков и охраны.

Просто стеклянные двери, которые раскрывались, если к ним подходил человек.

Девушка вцепилась в локоть Рихарда и стрельнула глазами на заманчиво распахнутую прозрачность выхода, но юноша неожиданно резко схватил её за руку и шепнул своё резкое и твёрдое: «Нет! Сначала, как и все, сдадим халаты».

Ксения понимала, что он действует единственно правильно, но ей казалось, что помедли они ещё секунду, и взвояет сирена, все стёкла закроются бронированными плитами, и они навсегда останутся похороненными в стенах этого ужасного места.

Однако гардеробщики без лишних вопросов свалили их халаты в общую кучу и понесли в сортировочную, а рабочие длинной вереницей потянулись прочь из здания.

Оказавшись на свежем воздухе, девушка неожиданно почувствовала лёгкий толчок в животе, и приятная энергия заструилась по её телу. Это небо приветствовало свою дочь, восстанавливая её истощённое тело. Походка Ксении стала более уверенной и упругой, она жадно, как никогда, впитывала движение жизни вокруг, только теперь осознавая, как её душа истосковалась по земле.

В подтверждение своих новых сил, девушка крепко сжала ладонь Рихарда, и на его запястье исчезла красная полоска шрама, но он даже не заметил этого: мужчина напряжённо вглядывался в окружающую здание стену из двухэтажных помещений с несколькими входами-выходами.

Учёные выходили через турникеты, прикладывая к ним наручные криперы, однако служащие не особенно следили за тем, как это происходит. Поэтому беглецы успешно проскочили за впереди идущими, вызвав лишь их лёгкое ворчание и удивление. Никто за ними не побежал с воплями и угрозами, никто даже не удостоился повнимательнее взглянуться в лица нарушителей общественного порядка.

Беглецы уже сидели в отъезжающем автобусе компании, когда до них долетели отголоски сирены. Однако задерживать автобус не стали, и он благополучно отправился прочь из ужасного места навстречу жилым кварталам города.

Навстречу свободе.

Глава: Лит Коррекос.

Земля, материк Евразия.

С темнотой пришла и долгожданная прохлада.

Не привыкшие сидеть взаперти отверженные жадно вдыхали ночной воздух через открытое окно, но без разрешения Белара никто не решался выйти наружу. Наконец, главный сонитанин посмотрел на земные часы, которые висели над кроватью, и подал остальным знак рукой. Кирм и Баес разбудили девочек и, пригрозив детям неминуемой расправой за попытку бегства, выдвинулись навстречу ночному городу.

Оказалось, что жители города также предпочитали ночную прохладу: улицы были запружены мирно прогуливающимися парочками или даже небольшими группами пожилых людей в сопровождении крошечных собак. Здесь же, никого не стесняясь, развлекалась и молодёжь, проявляя у всех на глазах знаки своей расположенности друг к другу. Рядом с распутными родителями вовсю резвились их дети и вели себя, по-мнению сонитан, совершенно неподобающе. Оставалось только догадываться, почему земляне-родители так спокойно сносили их вопиющие шалости, но пока отверженные чувствовали себя не совсем землянами, им было не до этого.

Никто из сонитан не имел о человеческих деньгах никакого определённого понятия; даже пленники, которые тоже были не прочь разжиться съестным, только разводили руками, всё больше убеждаясь, как мало они знают о Земле. Голодным сонитанам оставалось только надеяться, что имеющейся у них суммы будет достаточно, чтобы как следует поесть.

Вскоре Белар показал на светящиеся окна ночного кафе, за которыми отчётливо виднелись поглощающие пищу люди, и компания дружно свернула через дорогу к заманчиво открытым дверям. Благо, уличное движение ночью отличалось спокойствием, и обошлось без жертв.

В кафе было многолюдно, но отдыхающие, увидев молодых папаш с детьми, благородно освободили для них столик, переместившись за барную стойку.

К сонитанам немедленно подплыла девушка в белом переднике и что-то быстро пролепетала. Баес и Кирм лишь беспомощно оглянулись на своего предводителя, а Белар, не растерявшись, вытащил из кармана все имеющиеся у них деньги, и показав их официантке, пророкотал:

— Еда на это.

Глаза у девушки медленно увеличились в размере настолько, что наблюдательной Лит даже удалось рассмотреть в них мелкие кровеносные сосуды. За соседними столиками притихли, а некоторые из посетителей начали издавать непонятные смешки, что-то тихо обсуждая между собой.

— Еда, пожалуйста, — просяще протянул Белар, уже начиная понимать, что имеющаяся у них сумма настолько смехотворна, что земляне просто откажутся их накормить.

Однако девушка сумела быстро оправиться от удивления и, с очаровательной улыбкой вытащив из пачки одну купюру, удалилась на кухню. Вскоре она вернулась со множеством тарелок на подносе, и сонитане обрадованно принялись уплетать сочное мясо с картофельным гарниром, салаты, десерты и напитки, даже не пытаясь соблюдать очерёдность. Теперь над ними потешалось уже всё кафе, но на этот раз по-доброму, без подозрительного недоверия, что моментально почувствовали отверженные.

Вскоре посетители перестали и вовсе обращать внимание на чудаков и вернулись к

своим беседам, а сонитане, утолив первый голод, начали осматриваться.

— Белар, мне кажется нас раскрыли, — почти сразу же раздался встревоженный шёпот Баеса, — взгляни, как на меня смотрят те две землянки. Наверное, они что-то подозревают!..

— Ты прав, — задумчиво ответил Белар, — я тоже замечал на себе их взгляды. Но мы не можем быстро удалиться не раскрыв себя. Пока здесь много посетителей, нас не должны тронуть, поэтому мы подождём, пока выйдет та большая компания, и под её прикрытием попробуем затеряться в городе.

— Неужели вы действительно думаете, что Озн послал бы на вашу поимку таких распущенных агентов?! — бесцеремонно вмешался в разговор Вольтес, крайне возмущённый глупостью своих похитителей. — Посмотрите на их животы! Они и ходят-то с трудом.

Ойтеп и Лит прыснули со смеху, а Белар, обернувшись, растерянно окинул взглядом ярко накрашенных девиц.

— Ну, я слышал, агенты Озна мастера перевоплощения, — с ироничной улыбкой заметил Кирм. — Я не удивлюсь, если для жизни на земле наши женщины могли бы отрастить себе животики. Тем более, что это смотрится не так уж плохо...

В этот момент девушки, видимо приняв откровенный интерес Белара, как приглашение, медленно, но эффектно пересекли всё кафе и остановились рядом со столиком сонитан в чрезвычайно, как им самим казалось, соблазнительных позах.

— Ну что, мальчики, как отдыхается у нас в городе? — спросила одна из них у Белара, пока другая, тесно прижавшись к сидению Баеса, приняла совершенно безмятежный ангельский вид.

Трое мужчин отреагировали совершенно непонятно для матёрых кокетниц, которые привыкли к адекватному поведению одиноких иностранцев: они склонили друг к другу головы в смешных панамках и о чём-то зашептались. Первая девушка приняла это за оскорбление, и попыталась встать так, чтобы её пышный бюст вызвал у невежд угрызения совести, а вторая, воспользовавшись моментом, ущипнула Баеса за заднее место, соблазнительно обтянутое тесными джинсами. Тот так и подскочил на месте, нарушив идиллию совещания, и мгновенно покрылся багряным румянцем. Его товарищи, ничего не понимая, в недоумении уставились на собрата, и тот попытался объяснить им складывающуюся ситуацию, как можно деликатнее:

— Ребята, похоже, эта женщина желает от меня ребёнка. Прямо сейчас!..

Невозможно описать шоковое состояние, которое так и было написано на лицах сонитан, когда они услышали это заявление. По крайней мере, девушки поняли его по-своему, и очаровательно захихикали, прикрывая свои яркие пасти наращенными ногтями.

Стоит пояснить, что же вызвало такой панический ужас у несчастных отверженных при мысли о контакте с физически привлекательными для сонитан землянками.

У сонитан чувство физического контакта при создании детей не вызывало каких-либо эйфорических ощущений, только удовлетворение от сознания физической совместимости партнёров. Поэтому к процессу создания детей сонитане относились очень серьёзно и обдуманно. Семьи могли несколько лет существовать бездетными, если не ощущали достаточного чувства ответственности за нового гражданина; когда же они полностью формировались в обществе, инстинкт сам подсказывал им о необходимости создания потомства, поэтому упадка прироста населения на Соните не наблюдалось.

В этом заключался весь парадокс ситуации: сонитане осуждали людей за их животное

поведение и подчинение низменным инстинктам, в то время как сами полностью полагались на свои инстинкты во всём, что касалось создания детей. Начиная ощущать необходимость в формировании собственной семьи, они подыскивали себе подходящих по умственному и физическому развитию партнёров и по обоюдному согласию начинали жить вместе, как лебеди выбирая пару на всю жизнь.

Вот этот-то последний факт и напугал отверженных сонитан. Несмотря на их незаконный статус в обществе и фактическое отречение от них государства, они оставались собой по природе своей, и к браку относились точно так же, как и миллионы других сонитан, обитающих в обозримых пределах космоса. Брак для них не существовал без детей, а дети без брака — эти понятия сливались в одно и накладывали на брачующихся определённую ответственность перед собой, обществом и будущими гражданами.

Конечно, сонитане знали, что у землян этот вопрос столь же запутан, как и все их взаимоотношения. Были они также осведомлены и о нередких совершенно диких поступках людей в отношении своих как рождённых, так и не рождённых детей, о контрацептивах, о брачном беспутстве и вечной неприкаянности взрослых человеческих особей. Поэтому связывать себя с человеком, пусть даже эта инициатива исходила от сонитанина, было бы крайне глупо, опасно и жестоко.

Навечно привязанный к домашнему очагу, сонитанин жил бы в вечных муках, терпя неуёмные животные инстинкты человека к размножению (которые люди, кстати сказать, ошибочно принимали за стремление наслаждаться, а не рождать детей), подчиняясь твёрдой уверенности своего партнёра, что лучше предохраниться, чем ограничиться, зная о его потребности в обоюдном удовлетворении, но не имея возможности получать его так же, как он.

Девушки принялись что-то игриво лепетать, жеманно двигая чуть ли не всеми частями тела, и сонитане поняли, что нужно срочно что-то делать. Белар наскоро порылся в словаре, и выдал более-менее вразумительный отказ от каких-либо дальнейших взаимоотношений с нимфоманками, на что девушки, обидевшись, гордо повернулись к ним спинами и удалились к другим поклонникам женской красоты.

Наблюдавшие за этой сценой дети лишь удивлённо переглядывались. В школе они не раз со смехом обсуждали возможность соединения сонитанина и человека, но их дебаты всегда оканчивались крепким выводом, что подобное противоречит моральям обеих видов, следовательно, будет невозможным.

Нечто подобное объяснял им и школьный биолог, который приводил результаты теоретического эксперимента, проведённого учёными Озна. По-мнению генетиков, появление детей у родителей, принадлежащих к чуждым друг другу видам, было теоретически возможно. Геном сонитанина и человека, хоть во многом и различался, но всё же совпадал по основным пунктам. Правда, учёные прогнозировали у такой особи несовместимые с жизнью генетические отклонения, уродства и неполное развитие центральной нервной системы ещё в утробе матери.

Брак между инопланетянами был бы настоящим кошмаром, антисоциальным действием, террористическим актом против населения родной планеты.

Но это действо выглядело таким простым, естественным и вполне возможным здесь, на Земле, когда окружающие люди казались лишь чуть-чуть искажённым отражением сонитан, и вели себя так безрассудно.

Вот и Баес не мог прийти в себя, и всё украдкой поглядывал в сторону распутниц. Он был очень молод, едва ли на несколько лет старше Вольтеса, и в его полной романтики душе ещё жила мечта о собственной семье: интересной преданной супруге и маленьких детях.

Однако, по моральному кодексу, отвергнутый обществом юноша не мог разделить своё стремление создать семью с женщиной Сониты. Впрочем, никто из отверженных в серьёз не задумывался о будущем своей жизни на Земле, и уж коль они были признаны в своём обществе сумасшедшими, то, может, им стоило искать себе пару среди таких же сумасшедших...

Белар не дал своим спутникам как следует обдумать этот вопрос и объявил подъём. Прихватив с собой немного недоеденных лакомств, сонитане потянулись к выходу, а вслед за ними снялась с места и небольшая компания людей.

Эти земляне весьма подозрительно следили за отверженными, ещё когда те проходили между столиками. И теперь они двигались прямо за ними след в след, что естественно не могло не вызвать подозрений у сонитан.

Белар пропустил пленников чуть вперёд, а сам вместе с Кирмом закрыл подступы к детям сзади.

На улицах уже давным-давно стемнело, чёрные улицы, освещённые пятнами жёлтых фонарей, были безлюдны и смотрелись угрожающе. Люди сзади стали вести себя более раскованно: они уже не стеснясь, разговаривали между собой во весь голос и часто смеялись, всё ускоряя шаг. Здравомыслие подсказывало Белару, что через несколько минут никто не станет притворяться и заигрывать с ними — земляне проявят свою агрессию, и едва ли будет разумно встречать её лицом к лицу.

Приняв этот факт, отверженный резкими криком заставил своих сородичей пуститься в бегство по тёмным улицам города. Земляне кинулись следом.

Страх и сытная пища придали детям сил, и они бежали почти наравне со взрослыми, позабыв о том, что им стоило бы позаботиться прежде всего о своей свободе от них, чем от землян. Однако физическая подготовка на этот раз не помогла сонитанам: их умело загнали в ловушку, в тупик, и отверженные оказались лицом к лицу с дикими животными, до боли похожими на них самих.

— Посмотрите-ка! Кто у нас любит побегать! — ноющим визгливым голосом затянул один из землян, выступая на пол шага из стаи.

— Точно, богатенькие не хотят с денежками расставаться! — засмеялся верзила в кожаной куртке.

— А что мы делаем с любителями побегать? — продолжал ныть тощий визгливый человек. — Мы с ними играем! Что, идиотики, кошелёк, или жизнь?

Толпа людей рассмеялась.

К сожалению, из всей этой высококультурной тирады, сонитане сумели разобрать только слово «жизнь», и поняли его как конкретную угрозу. Отверженным, в отличие от здоровых сонитан, хватало безумства, чтобы принять факт бескомпромиссного поражения, и тем не менее защищать свою жизнь до последнего, а не броситься в уничижительные

переговоры. Поэтому трое взрослых сонитан выстроились полукругом вокруг детей и приготовились защищаться.

— Ого! Посмотрите-ка на них! Они собираются драться! — удивлённо взвизгнул самый разговорчивый из людей. — Вы слышали?! Драка, драка, драка!

Толпа позади него начала ухмылисто скандировать «драка», видимо, намереваясь сочетать приятное с полезным — развлечения с заработком.

Затем, не долго думая, земляне начали подступать к сонитанам.

Конечно, они не могли взять в расчёт тот факт, что трое взрослых отверженных, проводших много дней своей жизни в постоянной борьбе с дикими животными, были физически подготовлены гораздо лучше, чем обленившиеся задиры. Однако численность всё же имела значение, и шаг за шагом, троих сонитан вплотную прижали к стене.

Положение было более чем плачевное: все трое имели не по одному десятку синяков и кровоточащих ссадин, руки были разбиты, а Баес вообще оказался «счастливым обладателем» вывихнутого плеча. Но сонитане не собирались сдаваться; не спешили они и расставаться с деньгами, к вящему удивлению грабителей. Ситуация начинала просто выходить из-под контроля: земляне поняли, что столкнулись с чем-то необычным, многие начали психовать и достали ножи, а маленький предводитель банды в бессилии пытался утихомирить проснувшуюся в его подопечных жажду крови.

Неизвестно, как бы закончилась эта воистину страшная история, если бы не вмешалось провидение: кто-то из местных жителей услышал шум на улице и позвонил в полицию. Через несколько минут послышались взвизгивания мигалок, и очнувшиеся грабители бросились в рассыпную кто куда.

Сонитане в этот момент терпели ужасные потери: Баес получил удар ножом в живот и не то что передвигаться, даже дышать мог с большим трудом, поэтому о бегстве пришлось забыть.

Полицейские вызвали скорую, и раненого тут же увезли, силком оторвав от него ничего не понимающих спутников.

Участь Кирма и Белара оказалась сложнее: местные блюстители порядка решили забрать всех пострадавших в полицейский участок, а это означало, что их в течение двух часов так или иначе должны были бы обнаружить озовцы, если те уже не сидели в участке, дожидаясь своих незадачливых жертв.

И перед Беларом, как перед предводителем маленькой команды сонитан, вставала первостепенная задача всеми возможными способами отвязаться от полиции и покинуть этот негостеприимный городишко в ближайшее время. Но как он ни пытался на своём скудном языке договориться с сопровождавшими их офицерами, те только отмахивались от несущего тарабарщину иностранца.

Посоветовавшись со своими соотечественниками, Белар пришёл к выводу, что их репутация на Земле и так уже порядком подмочена, поэтому вести себя и дальше в соответствии с человеческими законами не имело смысла. Оставался один верный способ избежать пленения, однако Кастор предупреждал отверженных, что последний козырь, который он давал им в руки, необходимо было использовать только в критической ситуации. Немного поколебавшись, сонитанин принял роковое решение: бежать во что бы то ни стало.

Лит, Ойтеп и Вольтес сидели вместе с ними в кузове бронированной машины, поэтому

Белару не составило труда ввести им под кожу несколько капель красноватой суспензии. Дети были перепуганы, и отчаянно сопротивлялись, однако на помощь Белару пришел Кирм, отчётливо понимающий необходимость его действий, и через несколько минут всё было кончено. После детей пришла и их очередь. Израсходовав всё красное вещество до последней капли, взрослые сонитане приказали детям сесть на пол в центре машины, а сами окружили их плотным кольцом. После этого Кирм выбросил в сторону кабины тоненькую пластинку, похожую на крошечное фризби.

Раздался оглушительный взрыв невероятной силы. Бронированную машину буквально разорвало на части, а всё, что было внутри, разметало на сотни метров. От полицейских остались только треснутые обгоревшие кости, кое-где покрытые тонким налётом испаряющегося пластика. Останков сонитан землянам не удалось обнаружить даже на утро после тщательнейших поисков.

Ауве очнулась из-за странных вибраций, пронизавших всё её тело. Несколько секунд она лежала без движения, а затем попробовала подняться. По мышцам сразу же пробежала перекатывающаяся волна дрожи, которая острыми иголками стихла где-то в ногах.

Коррекос была женщиной в годах и давно уже перестала бояться смерти; но как тут не испугаться, когда Костлявая неожиданно объявляется позади тебя и дружески похлопывает по плечу?

Ауве сползла с кровати и нашла ногами тапочки.

— Лит! Ты дома?

Дом молчал, погружённый в равнодушное молчание. Она попыталась нащупать выключатель, но была слишком слаба, чтобы поднять руку на такую высоту. Ауве уже привыкла к ощущению полного истощения. Её ночные бдения отнимали много сил и времени, иногда она просыпалась после пяти-шести дней полной неподвижности, и стареющее тело неоднозначно говорило ей своим нехитрым языком, что ещё один год такого изматывающего режима попросту убьёт её. Однако, погружаясь в сны, она погружалась в свою настоящую жизнь, где у неё было своё место и очень важная роль. На Соните же Ауве Коррекос была всего лишь пережитком прошлого, неудобным испражнением Озна. Для себя женщина уже давно решила, что ей милее та реальность, в которой она могла находиться рядом с любимыми, с лёгкостью преодолевая внеземные расстояния и даже само время.

Но сейчас, в момент пробуждения, Ауве желала только одного — увидеть свою дочь. Ради Лит ей не приходилось нырять в пучину подсознания, стоило только протянуть руку, чтобы почувствовать — она рядом. И эта преданность, стоическое терпение её неидеальной реальности, было очень важно для стареющей женщины. Она очень часто задумывалась, как бы научить дочь видеть её сны; Ауве мечтала разделить с Лит свой мир, вознесённый над Сонитой и любой другой планетой. Но девушка не чувствовала той тянущей силы, зовущей в необозримые дали пространства. Наверное потому, что никто не ждал её там, за пределами общества.

Тревожное чувство не оставляло женщину, пока она по стене пробиралась в темноте комнат на кухню. Неожиданно ей под руку попалась винтетка (пульт дистанционного управления домашним оборудованием), брошенная на спинку дивана. Комната тут же озарилась мягким естественным светом, имитирующим закат, одновременно заработали

телевизор и увлажнитель воздуха, соревнуясь в шумовых эффектах — дом ожил, изо всех сил пытаясь угодить хозяйке. Но не это привлекло внимание Ауве: на диване спал совершенно незнакомый ей сонитанин, забавно поджав под себя ноги в начищенных туфлях и укрывшись своим же пиджаком. Теперь он сонно моргал, потревоженный какофонией света и шума; его глаза, растерянно блуждающие по комнате, остановились на Ауве и мужчина резко сел.

— Извините, уснул на дежурстве, — севшим со сна голосом прошептал он. — Как вы себя чувствуете? Может, нужно вызвать врача?

— Врача? Я не понимаю... А где моя дочь? И кто вы такой?

— Меня зовут Нитова Камо. Спецагент Озна. Я получил задание охранять вас и обеспечивать всем необходимым.

— Кто послал вас? — сурово поинтересовалась Ауве, приняв сурово-неприступный вид. — Уж не Мер ли снова принялся за своё?

— Нет, госпожа Коррекос, я получил это задание от Постапа Темро. Это...

— Следящий Озна, я его знаю. Но я не понимаю, что послужило причиной, ведь я нахожусь под опекой моей дочери! Погоди те ка... С ней что-то случилось?! Где моя девочка?!

— Успокойтесь, пожалуйста, и не паникуйте! С ней всё в порядке, Лит находится в Озне и проходит профотбор. Это занимает иногда несколько суток, и ввиду вашей временной недееспособности меня приставили...

— Нянькой? Это лишнее, может, я и нахожусь под опекой дочери, но могу несколько суток провести одна. Так что будьте добры, покиньте мой дом! Я не хочу, чтобы здесь находился агент Озна.

— Послушайте, я не могу, у меня ведь приказ...

Но Ауве уже не слушала его, она увидела лицо дочери, мелькнувшее в новостях, и теперь напряжённо вслушивалась в слова:

«... Трагическая случайность унесла жизни троих школьников, в решающий момент отняв у них возможности пополнить ряды нашего высокочтимого общества. Мы потеряли троих граждан, и эта утрата невосполнима, общество скорбит вместе с родителями. Всепланетным голосованием наши сограждане постановили выделить для семей погибших три лучших места на Площади Скорби, где покоятся останки величайших сонитан нашей планеты...».

Комната закружилась у Ауве перед глазами, и мощный рывок буквально вытащил её из сознания, кинув в темноту пространств на поиски дочери. Она знала, что Лит жива; знала, но не могла ухватиться за её мысли, теряясь в водовороте собственных.

Покинув тело так стремительно, она потеряла с ним всякую связь, и теперь её ничто не могло пробудить — ни мощные встряхивания Камо, который в панике пытался привести свою подопечную в чувство, ни многочисленные уколы врачей, прибывших на место через несколько минут. Ауве оставалось надеяться только на помощь левигатов...

Конрод сидел в своём кабинете, обхватив голову руками. Он не мог плакать, но в первый раз в жизни жалел об этом. Ещё в молодости Мер под впечатлением от антиземной пропаганды сделал себе операцию на слёзных железах, желая тем самым подчеркнуть своё

презрение к людям. Теперь он знал, что его поступок не имел никакого смысла: когда люди горевали, плакала их душа, а не тело.

Конрод давно привык держать всё под колпаком, контролировать тысячи подчинённых ему жизней — управлять Озном. Озн не подчинялся обществу, его структура требовала немедленных и компетентных решений, а значит, она нуждалась в личностях. Так близко к грани, за которой стоят полуживотные, не подходила ни одна из управленческих структур планеты, поэтому именно среди работников Озна чаще всего находили отверженных.

Контроль и власть, добровольно взятые Мером на себя ради блага общества, сделали его уязвимым, а навалившееся потрясение кровавым росчерком пронзило его жизнь и открыло тайные подвалы, в которых он тщательно скрывал своё прошлое... Теперь Конрод лицом к лицу столкнулся с ним; и горе, упрятанное глубоко в сердце, затопило его душу предсмертным криком, в унисон с ненавистью требуя на плаху виновника.

Кастор был здесь, в соседней комнате. Подвластен ему, как и тысячи других сонитан. Но и так же недоступен.

Этого мерзавца защищало общество: его традиции, терпимость и мягкость в отношении к преступникам; эта парадигма, что с глупого и больного существа не может быть спроса.

Каково теперь было тем семьям, которых это существо лишило детей? Кто из них не желал смерти извращённому маньяку? Общество было всего лишь страхом выставить себя не такими, как остальные — колоссом на глиняных ногах. Сонитане проявляли чудеса терпимости, пока горе не появлялось в трёх шагах от них, разрушая привычный мир грубым ударом в солнечное сплетение.

Мер упал головой на стол и глухо зарычал, всё больше распаляя себя противозаконными горячими мыслями об убийстве. Он не мог пересилить себя, вернуть здравый смысл, уверенность, когда знал, что жалкий червяк, дерзнувший решать судьбы других сонитан, совсем рядом, за одной-единственной закрытой дверью, от которой у Конрода лежал запасной ключ в столе.

И хуже всего было то, что он знал, — это не просто жажда мести прыгает в его глазах кровавыми слезами. То стыд и раскаяние терзают душу сонитанина.

Кто бы мог подумать, что примерный порядочный гражданин, который в силу некоторых убеждений стал неудобен Озну, после отторжения превратится в злобного и расчётливого монстра? Мер должен был предусмотреть такую возможность, но его власть затмила всякий здравый смысл и сострадание. Он уже не думал о сотрудниках, как о сонитанах; для него они были щепками, летящими в сторону от бензопилы истории.

Кастор... Умный, беспощадный, хитрый, озлобившийся отверженный... Такой же сонитанин, как и многие вокруг, по ложному навету преданный слепой Фемиде... Учёный, научившийся иметь своё мнение в машине Озна. Преступник и убийца.

Теперь он заслужил своё наказание сполна и даже больше. Те напыщенные индюки в советах и всё общество вместе взятое — не могли придумать для него наказания большего, чем представлялось в голове убитого горем отца. А значит, они были некомпетентны, и не могли решать.

Решение было за Конродом, и он принял на себя ответственность.

Трясущимися пальцами доставая мелкие боевые патроны к почти игрушечному

травматическому пистолету, Мер злорадно улыбался. Он знал, что случится через несколько минут, и его это несказанно безумно радовало. Ключ от комнаты куском льда обжигал его руку, пока он делал знаменательные шаги по мягкому, глушащему звуку, ковру... Он почти успел вставить ключ в замочную скважину...

— Господин Мер, поступило донесение от Нитовы Камо, — агент замер в дверях, удивлённо глядя на своего начальника, застывшего перед тюремной дверью с пистолетом в руках, — Ауве Коррекос впала в кому, узнав о смерти дочери... Он запрашивает разрешение везти её в больницу.

— Нет. Не надо, — Конрод медленно отошёл от двери и тяжело осел в кресло. — Не надо... Отправьте её в лаборатории Озна и окажите самую лучшую помощь. Нам ни к чему огласка, это лишний шум...

Агент уже собирался удалиться, когда Мер неожиданно вышел из задумчивости и настиг его распоряжением:

— Доложите мне, когда она прибудет в Озн, это очень важно!

Тёмные подвалы прошлого... Да... он слишком хорошо запрятал его в глубинах сознания, чтобы не вспоминать среди белого дня; но недостаточно хорошо, чтобы не грезить о нём во снах...

Она работала в Озне уже семь лет, когда при родах Вольтеса умерла молодая жена Мера.

Ауве не имела своих детей и никогда не была замужем, но когда молодой отец в отчаянии принёс своего новорождённого сына на работу, не зная как с ним справиться, женщина умело помогла ему и успокоила ребёнка. В тот момент, глядя на свою подчинённую с его сыном на руках, Конрод неожиданно ощутил необычайный прилив нежности. Он не понимал, что происходит, и почему солнечный свет, падающий из окна, словно магнитом притягивается к её коже, золотым ливнем отражаясь в глазах. Эта картина лишила Мера сна; она возникала перед мысленным взором, стоило ему только немного отвлечься от работы или повседневных хлопот. Видеть Ауве в офисе стало просто невыносимо.

Конрод злился на себя, отчаянными усилиями пытаясь воскресить в памяти лицо покойной жены, которая, несомненно, была во всём гораздо лучше и красивее Коррекос. Но память подбрасывала только затёртые шаблоны, жалкие манекены прошлого.

Действуя против субординации и собственной воли, Мер приложил все усилия, чтобы Ауве перевели непосредственно в его отдел. Он пытался сопротивляться самому себе, но его разум и организм жаждали Ауве, так сильно, что однажды он не выдержал...

На самом деле, если бы Конрод предложил своей протее выйти за него замуж, общество не осудило бы его, скорее наоборот. Ведь после смерти второй половины любой сонитанин был в праве найти себе новую спутницу жизни. Но разум Мера настолько помутился, что он не соображал, когда оставил доверчивую Ауве после работы и закрылся с ней в своём кабинете.

На следующий день Меру сообщили об его долгожданном повышении.

Перед молодым озновцем открывался путь на самый верх: к заоблачным высотам карьерного успеха и самоутверждению в обществе. Но на звёздной дороге стояла женщина, над которой Мер по-животному надругался, выпустив на свободу свои низменные чувства.

И Конрод не стал медлить. Он выяснил адрес Коррекос и во время обеденного перерыва поехал к ней домой.

Дверь открыла Ауве. Она была спокойна и бледна. В огромных светлых глазах вспыхнуло негодование и немой вопрос при виде обидчика, но девушка отошла в сторону, пропуская гостя.

Мер не знал с чего начать: при виде Ауве он стушевался и забыл все подготовленные заранее слова. Пауза затягивалась, становясь невыносимой... А при одном только взгляде на неё сердце Конрода мучительно сжималось и таяло, руки сами просились прикоснуться к её коже, обонять её запах...

— Ты не сонитанин, — тихо нарушила молчание Ауве.

— Это был инстинкт, я хотел ребёнка!.. — попытался защититься Мер.

— Нет! Ты вёл себя, как человек, я знаю, о чём говорю.

— Ты не знаешь! Это всё гормоны, я ещё не оправился от рождения первенца, и мой организм...

— Ещё и трус...

Мер тихо выпустил воздух из лёгких и провёл руками по голове.

— Послушай, я пришёл сюда, чтобы сказать, что я нахожу тебя достойной составить мне пару... Я прошу тебя стать моей второй половиной.

— И как ты себе это представляешь? — она подошла к нему вплотную и положила руки ему на плечи, отчего у Мера перехватило дыхание. — Или ты постарайся и от меня скрывать свою натуру?

Ауве дразняще прикоснулась губами к его губам, и Конрод понял, что теряет связь с реальностью.

Она провоцировала его сделать то же, что он делал прошлой ночью — поцеловать её.

Мер не знал, как это у него получилось; он изучал подобное поведение у людей, но никогда не предполагал, что ему захочется с кем-то повторить это недостойное сонитанина действие. А вот теперь, его тело сгорало от желания прижать к себе эту женщину и ласкать её губы до потери пульса.

— Я сонитанин, и не хочу тебя целовать, — железным усилием прошептал прямо ей в губы Конрод, и она, воспользовавшись этим, жарко его поцеловала.

В это мгновение у Мера снесло крышу. Он превратился в сущее животное и взял Ауве прямо на полу. Сквозь неистощимую животную страсть в сознание Конрода пробилась мысль, что они оба отверженные, оба, как люди, получают удовольствие от того, что делают, и это должно их погубить.

После того, как всё закончилось, Ауве и Мер ещё долго лежали на мягком ковре, прижавшись друг к другу, наслаждаясь тихим покоем в сердцах. Но когда Конрод потянулся к ней снова, Ауве внезапно резко поднялась на ноги и тихо бросила Конроду:

— Я не могу быть с тобой. У меня есть вторая половина.

Эти слова в одно мгновение убили Мера, и возродили вновь.

Он молча поднялся на ноги, оделся и вышел вон из дома Коррекос. С той же секунды началась чёрная полоса в жизни Ауве.

Мер не оставил девушку в покое, он был зол и полон негодования. К тому же, холодный

расчёт говорил ему, что Коррекос нежелательный свидетель его преступления против общества — его преступной натуры. И он сделал всё, чтобы Ауве навсегда потеряла уважение общества и своё место в нём.

Самым страшным было то, что у Коррекос, спустя девять месяцев после их злополучной ночи, родилась девочка, Лит. Никто не стал спрашивать, каким образом Ауве забеременела, предполагая, что она обратилась к искусственному оплодотворению, но Конрод отлично знал, чей ребёнок будет расти без отца. Это убивало его. Он чувствовал непреодолимую потребность растить свою дочь, однако ему оставалось только издали следить за её детством. Тогда Конрод задавил свои чувства работой, и наглухо похоронил прошлое, оставив для себя только дорогу вперёд.

Оказалось, что на этой дороге были свои повороты...

Ауве знала, что на этот раз её встреча с левигатами могла пройти не так гладко из-за недавнего инцидента, отвернувшего от неё большинство последователей Оптика; но особого выбора у неё не было — в мире идей только эти существа могли оказать ей помощь.

Тем не менее, сколько она ни посылала сигналы бедствия, никто так и не ответил на них, и не показался в пределах ментальной видимости. Наверное, Кирилл приказал игнорировать Ауве, одержимый гневом и разочарованием в ней...

Однако спустя некоторое время сонитанка вдруг ощутила в груди необыкновенное тепло и пронзительную нежность, которые с каждым мгновением становились всё сильнее и сильнее, нарастая, как волны в шторм. Через несколько секунд глубокое и сильное чувство накрыло её с головой и вынесло на берег разума — в её тело.

Короткий миг взмаха ресниц вернул рассудку ощущение реальности и добавил в чувства раскатистую гамму боли.

Болело всё тело, ровно уложенное на жёсткую каталку.

Ауве моргнула ещё раз, приводя в порядок спутанные после путешествия мысли, и неожиданно поняла, что не знает, кто помог ей вернуться.

Кирилл давно не испытывал к ней столь сильных чувств; возможно, он даже утратил самую способность любить, став чёрствым и холодным, как скользкий лёд. Когда его разум прикасался к ментальному полю Ауве, её охватывали лишь озноб и пустота, но никак не волны нежности...

Кто-то другой оказался настолько прочно связан с ней, что сумел преодолеть притяжение материи и вернуть заблудившуюся душу в храм.

— Лит? Дочка, это ты? — хриплым голосом позвала Ауве, пытаясь приподняться на слабых руках, но ей ответил кто-то другой.

— Успокойтесь, госпожа Коррекос, и попытайтесь принять тот факт, что...

Мер изо всех сил попытался произнести эти слова спокойно, официально, но не смог.

Он не должен был, не имел права рыдать без слёз, как сухая гроза в осенний полдень, не смел показать всю глубину своего отчаяния друзьям и коллегам — добропорядочным сонитанам, которые не были способны понять его сумасшедшую горечь. Но перед такой же преступницей, как и он сам, Конрод был свободен...

Он сжал ладонью своё горло и пошатнулся.

— Что...

Его колени подкосились, и мужчина рухнул на пол, схватившись за белые края

простыни, укрывавшей Ауве.

— Они мертвы! Наши дети, их больше нет!..

Долее Мер сдерживаться не мог и глухо зарыдал, уткнувшись в жёсткую накрахмаленную ткань; его сильные пальцы ожесточённо вцепились и принялись терзать ни в чём не повинную материю, но это не облегчило боли...

Лишь нежное касание руки Ауве заставило несчастного поднять голову.

— Нет, нет! Они живы, Конрод! Я знаю это, я чувствую Лит...

Но Мер обречённо вздохнул и покачал головой.

— Ты понимаешь, что я тебе говорю? Ты способна осознавать реальность, Ауве?.. Я не знаю, что с тобой сделали в том реабилитационном центре, и не уверен, что ты осталась прежней, но попытайся принять мои слова как непреложный факт. Лит и Вольтеса больше... нет в живых...

Женщина спустила ноги на пол и терпеливо взглянула своими ясными умными глазами в покрасневшие глаза Конрода.

— Я знаю, моя дочь жива. Может, она не в безопасности на Соните, но она жива. А твоё поведение непозволительно. Нельзя прекращать их поиски, Конрод, это безответственно...

— Да как ты можешь знать?! Кто ты такая?! Это я знаю всё: знаю кто сделал это, и очень хорошо представляю, что с ним сделаю Я!

Ауве нахмурилась, беспокойно встала с койки, не стесняясь слишком короткой больничной рубашки, и прошла в другой конец палаты.

— И кто решился пойти на такое безрассудство? — с подозрительной осторожностью поинтересовалась она.

Этот вопрос заставил Мера с новой силой ощутить жестокое чувство вины, и он густо покраснел.

— Бывший сотрудник Озна. Учёный... Кастор Жонс, — Конрод сглотнул, чтобы собраться с мыслями, и попытался вернуть справедливое негодование, которое уже несколько дней облегчало его душевные муки вины. — Этот мерзавец! — не побоюсь земного слова — он бессовестно заманил детей...

— Постой, подожди! Ты сказал, Кастор Жонс? — перебила Ауве.

— Да... ты с ним знакома?

— Нет, нет... Просто хочу лучше запомнить имя сонитанина, который подверг моё дитя таким мукам. Можешь не продолжать, остальное не важно...

— Но у него были пособники!..

— Пустое! — жёстко оборвала женщина, неожиданно проявив свой гнев и раздражение. — Он виноват, это главное. Конрод, я хочу увидь его... Можно поговорить с ним наедине?

Мер изучающее взглянул в покрасневшееся лицо Ауве, невольно отметив про себя, что она почти не изменилась за прошедшие годы, и отрицательно покачал головой.

— К нему нельзя. Не то чтобы Озн беспокоился о насилии со стороны родителей... ведь все они добропорядочные сонитане, — многозначительно подчеркнул Конрод. — Но Жонс — он непредсказуем..., и опасен.

— Неужели ты беспокоишься обо мне? После того, как собственноручно упрятал в психушку? — не выдержала и съязвила Ауве. — Это ведь действительно странно, что я после такого испытания осталась в своём уме! А сам ты удачно спрятался за ширмой Озна!.. Я могла выдать тебя, все эти годы, но не сделала этого!

Конрод смутился и неловко попытался обнять женщину, но та резко оттолкнула его и отвернулась, скрестив руки на груди.

Тогда Мер отступил на несколько шагов и задумался.

Он хотел бы объяснить Ауве, что когда по ревностной глупости затронул её дело, всё вышло из-под контроля, и он уже ничего не мог сделать... Но не стал.

— Пойдём, я открою тебе дверь и дам пять минут, но ты должна пообещать, что ничего не сделаешь с ним... Это для твоего же блага.

Женщина удивлённо обернулась и неожиданно ухватила во взгляде сонитанина лихорадочный кровожадный блеск, который Мер попытался быстро погасить усилием воли.

Ауве оставалось лишь догадываться, что задумал её бывший любовник, но она отбросила все сомнения и быстро пошла следом, намереваясь опередить Мера.

Было уже очень поздно, и офисная часть Озна почти опустела, тем не менее, на каждом этаже их встречали охранные посты, и стражи порядка добросовестно требовали у Мера допуск. Это были меры предосторожности, навязанные обществом для защиты преступника, которого надёжно заперли на верхнем этаже здания. К нему практически никого не допускали, особенно пострадавших родителей, но для главы Озна было сделано исключение, тем более, что преступник временно занял его кабинет...

Ауве Конрод всем представлял как свою секретаршу, и шаг за шагом вёл её к долгожданной встрече с обречённым отверженным. Он не мог знать, что женщина задумала, и даже не догадывался о всей трагичности последствий этой встречи для себя. Поэтому Мер так беспечно позволил своим чувствам заглушить разум и забыл, что Ауве была столь же опасна, как и он.

Конрод позаботился, чтобы у его спутницы было платье, и теперь, расхаживая взад вперёд по комнате, дожидаясь, пока он откроет дверь, Ауве ловким движением руки спрятала в складках бронзовую статуэтку дельфина, красующуюся на столе Мера.

Он ничего не заметил, пропуская её внутрь, даже не подумал проверить руки женщины. Просто пропустил и тихо прикрыл за Ауве дверь, не искушая себя.

В кабинете было тихо и темно, только первый спутник Сониты отбрасывал лёгкие фиолетовые блики на ковёр.

Женщина сделала несколько шагов вперёд и замерла.

— Кто здесь? — слышалось из глубины комнаты. — Кто здесь?! Включите свет, иначе я буду кричать!

— Тише, Кастор, я твой друг, — сладко прошептала Ауве, ориентируясь по голосу, — где ты?

— Друг! Вы смеётесь?! Я не настолько глуп, чтобы повестись на эту ерунду! Убирайтесь, пока я не позвал охрану! У вас всё равно кишка тонка сделать мне что-то...

Женщина обогнула стол.

— Я не собираюсь причинять тебе вреда, — чуть громче произнесла она, наконец, разглядев в темноте метапластовое кресло с пристёгнутым человеком, — я просто хочу заглянуть в твои глаза.

Прежде чем Кастор успел хоть что-нибудь ответить на такое идиотское, по сути, заявление, женщина опустилась перед ним на колени, и как кобра уставилась в его зрачки,

блестящие в сиреновом свете.

— Посмотри на меня, Кастор. Твои глаза медленно расслабляются, веки тяжелеют и опускаются... Ты спишь, Кастор, но слышишь мой голос. Он проникает за стены этой комнаты, за пределы материи и уносится в пустоту, но ты должен следовать за ним... следуй за ним.

Юноша сжал кулаки и начал метаться в кресле, отчаянно задыхаясь.

— Нет, не хочу! Там так холодно и одиноко! Пусти! Пусти!!

Отчаянным усилием воли Жонс сумел открыть глаза, но его разум не успел вернуться в тело — тяжёлая бронзовая статуэтка опустилась на его затылок и закрыла путь в сознание.

Пустое тело тяжело обвисло в креплениях кресла и тихо засопело, а сонитанка, тем временем, вытянулась на ковре и попыталась войти в транс сама, чтобы покинуть тело раньше, чем в комнату зайвится Мер и куча охранников.

Уже покидая грани материи, женщина увидела поток оранжевого света, хлынувший из распахнутой двери, и тень человека, который бросился вперёд, что-то отчаянно крича.

Но Ауве не узнала, кто это был — мир распался на тысячи кристаллов и ухнул вниз, затягивая её в тёмный водоворот пустоты.

Это каждый раз было так же ужасно, как и в первый, поэтому женщина спешила, чтобы помочь Кастору. Он был совсем один и не знал правил нового мира, ему нужна была помощь. Это тревожило женщину больше всего. Ауве знала, что об их телах позаботится общество: сонитан со схожими симптомами отправляли в реабилитационный центр, где уже находилось несколько десятков коматозников. Врачи не могли определить причины их заболевания, поэтому просто поддерживали жизнь в беспробудных оболочках. Откуда им было знать, что они собственноручно питают преступную организацию Левигатов, которая несколько лет водит за нос Озн, срывая важные операции?

Теперь Ауве могла привести туда новое поколение, свежую кровь... Своего сына.

Этрус сидел в капитанском кресле и задумчиво мямлил нижнюю губу. Он так и не отучился от этой своей привычки за долгое время работы с Романом, который всячески пресекал его вредные наклонности.

Но теперь Роман не хотел мешать Константину. Этрус думал, как разрешить ситуацию, возникшую на их корабле с таинственным беглецом, а это было непростой задачей.

Экспертиза ничего не дала, на корабле не было человека с похожим ДНК. Косвенно подходил только один из экспертов «Эксплор Технолоджи», но структура оторванной кисти исключала возможность их родства. К тому же запросы на геленосную камеру Джозефа Ливановского возвращались с подробными отчётами о физической полноценности пассажира. Получалось, на военный корабль действительно сумел проникнуть нелегал.

Вполне вероятно, что спустя несколько недель, экипаж сумел бы выйти на след несчастного безумца, или — что вероятнее всего — на его труп... Но подходило к концу время первой смены, и люди должны были вернуться в свои геленосные камеры, чтобы уступить место новой группе. Это обстоятельство затрудняло эффективное проведение поисков.

Этрус, конечно, понимал, что нарушать распорядок на корабле просто недопустимо —

экипаж состоял из военных людей, профессионалов, которые привыкли к власти и суровой дисциплине. Пока эти правила сохранялись, личные амбиции и страхи удерживались в узде многолетними тренировками, но стоило немного ослабить власть — и человеческие чувства начинали главенствовать над разумом.

А корабль не был тем местом, где можно было допустить подобное.

— Ещё не решил, как следует поступить? — поинтересовался Роман Евгеньевич, тихо входя в комнату.

Этрус даже не повернул головы и сурово отчеканил:

— Вы нарушаете субординацию, Прахов. Кто разрешил вам войти?

Роман вздрогнул от неожиданности и разом выпрямился: руки по швам, подбородок вздёрнут.

— Разрешите обратиться, капитан?

— Разрешаю.

Роман усмехнулся, надеясь, что Костя пошутил, но Этрус лишь сурово глянул на него и снова уставился в пустоту.

— Всё в порядке? Я не видел тебя несколько дней, и твой помощник говорит, что ты сутками сидишь в командном пункте...

— Он преувеличивает.

— Как продвигаются поиски? — решил сменить тему Роман, надеясь отвлечь командира от тревожных мыслей.

— Ничего нового, — уже более осмысленно вздохнул Этрус. — Следы крови в ангаре, которые ты мне показал, никуда не привели, скорее всего, этот сумасшедший переждал там первую шумиху, а потом нашёл себе более укромный уголок. Ума не приложу, как он умудрился сбежать с оторванной кистью! Это же невозможно!

— Мы не знаем... Возможно, этот человек обладает соответствующей подготовкой, врач например...

— Какова вероятность, что врач будет бегать по военному кораблю голым и вытворять такое? Тебе не кажется это странным, Роман Евгеньевич? Ведь тело... оно начало бы разлагаться и... вонять. Если не мы, так системы корабля засекли бы посторонние вещества в служебных коммуникациях! Но ничего такого... Беглец исчез! Я нутром чую, что его на корабле нет, мы ищем какой-то призрак!

Роман тяжело опустился в соседнее кресло и прикрыл глаза.

— Призрак? Что за чушь, Костя, их ведь не бывает...

— Конечно, но...

Роман не услышал, что дальше сказал Этрус. Он неожиданно понял, что видит перед собой поверхность корабля и легко шагающую по ней юную девушку в больничной робе. Видение, ясное и чёткое, как явь, продолжалось всего несколько секунд, но запросто могло поспорить с реальностью.

— ... и я думаю прекратить эту шумиху. Просто будем предупреждать каждую группу о сложившейся ситуации, и работать дальше. Как ты считаешь?

— Что?

Этрус усмехнулся и лукаво взглянул на Романа.

— О чём ты думаешь? Или ты спишь с открытыми глазами?

— Нет, я отвлёкся...

— Отвлёкся? — Костя подозрительно прищурился. — Давно сам спал больше пяти часов?

Роман быстро поднялся на ноги и рассмеялся.

— Оставь это, Этруск! Я уже давно вылез из пелёнок! К тому же с этими поисками свободного времени совсем не хватает...

— Хорошо, значит, я прав.

— Прав в чём? — удивился Роман.

— Потом узнаешь, — усмехнулся Костя и оправил на себе форму. — Иди и занимай себе место в геленосных камерах, скоро будет объявление.

Превратности судеб. Туманика.

Глава: Рихард Зейнер.

Колония Бельгхад, планета Ованджи.

«Ты должен забыть обо всём, что произошло. Если скажешь хоть слово, они найдут и убьют тебя. Просто забудь».

«Если я буду молчать, Эксплор Технолоджи ещё вернее позаботится о моём исчезновении».

«Счастливого возвращение космонавта домой на несколько дней сделает из тебя звезду телеэкранов; это даст некоторую защиту и возможность доказать, что ты не собираешься выдавать их тайны. А по прошествии некоторого времени постарайся исчезнуть с Земли на несколько лет — для разведчика ведь это не проблема?».

«Я не понимаю, почему ты так хочешь сохранить всё в секрете? Нельзя оставлять безнаказанными преступления Майлза!».

«Потому что никто не поверит тебе: друзья сочтут сумасшедшим, а враги — опасным. Ты скорее погибнешь, Рихард, чем сумеешь что-то доказать. Жизнь стоит того, чтобы бороться за неё, а не бездумно кидать в пасть зверю, особенно такому, как эти люди».

«Мы сумеем доказать, ты — моё доказательство! Мы заставим заплатить этих монстров за всё! Невозможно прятаться всю жизнь, Ксения!».

Рихард проснулся в холодном поту от явственного ощущения, что на затылок ему опускается что-то тяжёлое. Этот кошмар преследовал мужчину уже больше десяти лет, служа жестоким напоминанием о непоправимом прошлом. Если бы Рихард тогда успел обернуться, то ему не пришлось бы проводить остаток жизни в скитаниях по отдалённым колониям. Но Ксения совершила свой роковой удар, Зейнер потерял сознание, а очнулся уже утром — один в гостиничном номере.

В итоге он сделал всё так, как ему посоветовала девушка: притворился наивным дурачком с провалом в памяти и вернулся домой. Около недели его таскали по всевозможным клиникам, не забывая попеременно брать интервью, а затем оставили в покое... Тогда настала очередь агентов «Эксплор Технолоджи». На самом деле, это выглядело довольно забавно — как в старинных классических фильмах прошлого тысячелетия, — и в то же время чрезвычайно убедительно: несколько крепких ребят в однотипных похоронных костюмчиках сухо побеседовали с Зейнером о том, что с ним произошло, и мягко намекнули на возможные последствия излишней словоохотливости. Рихард принял к сведению их дружеские напутствия, и, чтобы не искушать судьбу, запросился у Окуня в рейс, и улетел с Земли. Он не рассчитывал, что покинет родную планету так надолго; но колония сменялась колонией, работы было невпроворот, а возвращаться назад, почему-то, очень не хотелось. Все эти годы Рихарда грызла мысль, что он мог бы всё изменить, поставить на колени бездушных изуверов и, наконец, вздохнуть

спокойно!.. Если бы только нашёл Ксению. Но девушка будто провалилась сквозь землю; а возвращаться домой и видеть, как с каждой витрины на тебя смотрят товары «Эксплор Технолоджи» — было невыносимо.

Рихард поднялся с койки и отодвинул жалюзи.

Было ещё темно — лагерный городок окутывали прелестные голубые сумерки Ованджи, похожие на внезапный грозовой полдень, когда светлая тьма падает на землю в преддвериях ливня.

На востоке ещё даже не забрезжил рассвет, хотя месяц назад в это время уже всю пели птицы. Но мужчина успел привыкнуть к таким проделкам планеты за те пол года, что работал в Бельгхаде, поэтому лишь доброжелательно хмыкнул и пошёл в душ развеивать ночные кошмары.

Струи воды жёстко хлестнули по телу горячими плетьюми, а он как всегда забыл отстранить руки, и старые шрамы на кистях тонко заныли, напоминая о прошлом. Только эта боль раз за разом возвращала Рихарда к реальности, не давая погрузиться в рабочую рутину и забыть тот переломный момент своей жизни. В какой-то мере, мужчина был даже благодарен Ксении за красные рубцы на руках.

Отправив вместе с водой в канализацию все неприятные воспоминания, Зейнер быстро оделся в ставший уже привычным комбинезон Расевича для экстремальных работ на поверхности, и отправился поглядеть на предстоящий им сегодня фронт работ.

Колония наняла Рихарда не как разведчика, а как штатского консультанта, помогающего инженерам Бельгхада возводить новые комплексы на ещё не освоенных диких землях. С разведкой Зейнер уже лет семь как завязал, после выхода из ставки приказа дополнять группы не только новобранцами, обученными под присмотром ветеранов, но и разным сбродом — ошмётками армии и военизированных колоний. Это было последней каплей в чаше терпения Рихарда, и он подался на вольные хлеба, о чём после никогда не жалел.

Колония Бельгхад представляла собой звёздную систему, состоящую из трёх планет-гигантов и белого светила Арапаш-11. Открыта она была уже давно, но никто толком не брался изучать звёздную систему с газовыми гигантами — выгоды ни на грош. Поэтому азотосодержащие атмосферы у планет белого карлика стали настоящим подарком для нескольких туристических компаний, которые выкупили систему Арапаш за сравнительно небольшую сумму, чтобы проводить там космические круизы. После первых же вылазок по прокладыванию маршрута выяснилось, что планеты только казались газовыми гигантами из-за своих огромных по планетарным меркам атмосфер. Эти гигантские облака укрывали небольшие твёрдые сердцевины планет, как бархатное одеяло, и фильтровали жёсткое излучение Арапаш-11 до нежнейшего и мягкого голубоватого света. Теперь туристические компании собирались неплохо нажиться на своей удачной покупке, основав на планетах климатические зоны отдыха, отвечающие всем требованиям богатых землян.

Собственно, этим и занимался Рихард, поставленный во главе команды застройщиков, которые не обладали достаточным опытом для ведения работ в диких условиях чужой планеты — строил туристические комплексы.

Зейнер обычно просыпался раньше остальных, и, пока его коллеги подтягивались к техническим платформам, он наблюдал за дикими землями сквозь защитный купол, прикидывая в голове как лучше провести запланированные операции, и с какой стороны начинать подрезку леса. Его обычный рабочий день начинался так уже шесть месяцев подряд, но сегодня, подойдя к привычному месту на пограничных креплениях, Рихард оторопел: снизу, за границей купола, в разрывной яме от предыдущих работ копошилась человеческая фигура в защитном костюме. По номерному знаку на её спине Рихард понял, что это Каталина Агирре Диас — его инженер-конструктор. В одиночку без поддержки пограничных установок за купол выходить строго запрещалось, и Каталина за месяц работы в группе Зейнера показала себя слишком хорошим работником, чтобы игнорировать приказы начальства, от которых могла зависеть её жизнь. Но всё же она стояла по колено в грязи на дне этой ямы и что-то там делала...

Зейнер не стал ждать, пока женщина сама вернётся под купол, и, подхватив акустическое ружьё, выбежал ей навстречу. Когда он уже приближался к яме, оттуда неожиданно выскочило какое-то крупное животное и резво поскакало прочь от лагеря людей. Встревоженный Зейнер бросился вперёд, подозревая самое страшное; но когда он одним прыжком преодолел расстояние до ямы и, поднимая фонтаны грязи, съехал вниз, то наткнулся на живую-здоровую Каталину, до смерти перепуганную его внезапным появлением.

— Агирре Диас, объясните немедленно, что здесь происходит?!? Почему вы за пределами купола без моего разрешения?!

— К-командир... Успокойтесь, командир, я всё объясню!

— Очень на это надеюсь! Потому что пока я не вижу ни одной причины для нарушения прямых приказов!

Каталина начала было оправдываться, но в этот момент из шлюзового перехода показались другие рабочие, неразличимые под защитными масками.

— Что это вы тут затеяли без нас? — игриво поинтересовалась Елена Вязова, знойная блондинка, по которой вздыхала половина их лагерного городка. — Рихард, ты не предупреждал, что сбор за пределами купола!

Зейнер помог Каталине подняться из ямы и сосредоточенно принялся счищать с костюма грязь.

— Всё в порядке, я просто хотел показать вам, что ночью был ливень, и нам нужно решить, стоит ли использовать агроступы. Ресурсы лагеря позволяют сделать несколько ходок на них, пока мы не очистим дорогу для платформ.

— Земля сильно размокла, думаю, это разумное решение, — поддержал инициативу командира Иван Роданович — бывший коллега Зейнера.

Остальные согласно кивнули, и Рихард приказал возвращаться под купол за агроступами. По пути он приблизился к Агирре Диас и знаком приказал ей включить локальную связь с его шлемом.

— Да, командир? — тихо отозвалась Каталина, чувствуя, что вот-вот грянет буря.

— Вы, конечно, понимаете, что это не конец разговора? Я не буду выяснять причины нарушения при остальных членах нашей группы, но будьте уверены — после смены у нас состоится долгий разговор.

Агирре Диас чуть отшатнулась от Зейнера.

— Я не могу, сегодня у меня назначена встреча!

— Уверен, это подождёт. Заодно и познакомимся, а то мне не очень удобно так долго работать с людьми, которых я ни разу не видел в лицо.

Приказ был отдан таким не терпящим возражений тоном, что Каталине ничего не оставалось, как согласно кивнуть.

Любой, кто хотя бы раз работал на агроступах в пределах диких земель, понимал, насколько это удобнее пресловутых технических платформ. Агроступы, напоминающие огромных страусов с плоскими спинами, были гораздо легче в управлении и обладали высокой маневренностью. К тому же, высокопластичные манипуляторы по всем параметрам не уступали человеческим рукам и могли выполнять самые сложные задачи, облегчая работу пилотам. Но поскольку работа одного агроступа сжигала энергии вдвое больше, чем несколько тех платформ, выбор застройщиков был очевиден. Однако в экстренных ситуациях, когда использование платформ влекло за собой определённые технические трудности, команде Зейнера было разрешено выводить «тяжёлую артиллерию диких земель».

Для управления агроступом требовалось два пилота, поэтому команде пришлось разбиться по парам, чего Рихард всегда старался избегать по определённым причинам...

Дело было в том, что до приезда Зейнера на Ованджи, его нынешняя коллега, Елена Вязова, имела склонность одаривать своим вниманием половину их лагерного городка, наслаждаясь своей властью над мужчинами. Но после того как Рихарду доверили управление застройкой диких земель, она резко изменила свои предпочтения и перенаправила всю красоту и обаяние на одного лишь Рихарда, становясь иногда уж чересчур назойливой. Зейнеру её внимание было совершенно ни к чему, а многим поклонникам Елены, потерявшим предмет своего обожания, оно досаждало сильнее занозы. Поэтому теперь, разбиваясь на пары, Рихард намеренно проигнорировал трущуюся возле него Елену, и назначил себе в напарники Родановича.

Иван, в принципе, не был против такого решения командира, хотя сам он уже привык работать в паре с Агирре Диас. Но, поднявшись на агроступ и заняв кресло пилота, Роданович всё же рискнул задать давно интересующий его вопрос:

— Командир, не сочти за назойливость, но почему ты так упорно избегаешь нашу Леночку? Такая красивая женщина по тебе сохнет, а ты и в ус себе не дуешь...

Рихард задумался, стоит ли ему вообще отвечать — даже Родановичу — на столь провокационный вопрос личного характера, когда добрая половина города была настроена защищать свою «богиню» до «последней капли крови». И чтобы дать себе немного времени на размышления, он поднял агроступ на «ходули», подавая таким образом сигнал о выступлении остальным пилотам. Гигантские машины плавно разогнули стальные лапы, оглашая окрестности победоносным шипением пневмо-суставов, и с лёгкостью танцующих понесли свои многотонные multifункциональные тела к месту основных работ.

Из-за горизонта уже робко показалось местное солнце, подкрашивая зыбкие вершины деревьев в пурпурные королевские тона; и сотни птиц разом загомонили, наполняя пространство необычными для человеческого уха звуками. Рихард включил фильтрацию шумов и задумчиво вздохнул.

На него вдруг снизошло печальное вдохновение, согретое пронзительно-нежным восходом Арапаш, и он тихо заговорил, в душе надеясь, что шлемовая связь сгладит неуверенные нотки в его голосе:

— Мне по душе другая красота... Другой тип женщин, — быстро поправился Рихард, чтобы его напарник не понял превратно.

Иван усмехнулся, не забывая внимательно следить за показаниями приборов, и глубокомысленно заметил:

— Хотя я давно и безнадежно женат, но при взгляде на Вязову даже у меня дух захватывает. А вечно искать свой идеал — затея глупая!

— Глупая? Если только это мечта. А я вот встретил её однажды... Женщину с каштановыми волосами, красноватый оттенок которых похож на этот рассвет... Серые, умные глаза, полные лукавства... Ровные брови... и сильные руки, способные залечить любые раны...

Рихард тут же очнулся от размышлений, и понял, что сболтнул лишнего, но было поздно.

— Что? Да ты влюблён в медсестру, командир?! — рассмеялся Иван.

— Я не... Просто предпочитаю других женщин, вот и всё! И ты, конечно, прав, искать идеал бессмысленно.

— Ну, — как бы между прочим возразил Роданович, — я бы так не сказал. Это удивительное совпадение, но мне знакома одна дама, удивительно подпадающая под твоё описание.

— Неужели?.. Очень сомневаюсь, — тихо вздохнул Рихард, пытаясь при помощи манипуляторов расчистить своему агроступу дорогу.

Увлечённый его попытками перевернуть огромное десятиметровое бревно, Роданович не стал продолжать беседу, приняв такую интересный оборот, и спустя мгновение сам включился в работу, попеременно делая упоры то на одну, то на другую «ногу» агроступа, чтобы зафиксировать вертикальное положение механизма. Однако сваленное ночной грозой дерево не желало уступать свой последний рубеж, и назло крошечным людишкам что есть мочи цеплялось ветвями за своих крепких собратьев, переживших бурю Ованджи. Другие агроступы были уже в сотне метров впереди, когда Роданович предложил Зейнеру бросить эту затею и оставить дерево на следующий раз, но Рихард неожиданно понял, что один из его сверхподвижных манипуляторов защемило могучими ветвями поверженного великана. Он попытался вырваться из неожиданного плена, уповав на исключительную мощь агроступа, но гибкие ветви лишь податливо прогнулись, не желая расставаться с полученной игрушкой.

— Вань, у нас проблема, — нервно усмехнулся Зейнер, не прекращая своих попыток.

— Да я вижу. Ничего, сейчас вызовем кого-нибудь из ребят и удаляем этот кусок бревна в мелкую щепу.

На сигнал о помощи отозвался аппарат Вязовой, и через минуту её «двурукий страус» уже орудовал бок о бок с зажатым агроступом. В радиусе 14 метров работала локальная связь, и мужчинам пришлось выслушать много интересных замечаний по поводу их ловкости и профессионализма, но, несмотря на это, женщина очень аккуратно подвела свою машину к дереву и укрепилась на позиции, облегчая работу второму пилоту.

Во время посадки Рихард не обратил внимания, кто встал в пару с Вязовой, и теперь он

мысленно пытался восстановить эту информацию в памяти, воспроизводя момент распределения у себя в голове. Задумавшись над собственной невнимательностью, Зейнер даже не сразу понял, что с их агроступом что-то не так. По локальной связи раздался чей-то удивлённый вскрик, затем матер Родановича и жёсткий голос Елены, которая с ледяным профессионализмом отдавала какие-то команды своему второму пилоту. Рихард попытался шевельнуть манипулятором, и тут же увидел на обзорательных экранах серую молнию. В это мгновение раздался ужасный треск, который вынес Зейнера из сознания.

Рихард очнулся на земле, и сразу понял, что дела его плохи.

Развороченный бок агроступа нависал над ним, как пещера, со стен которой сочились взрывоопасные жидкости, ранее наполнявшие в виде пара пневмомеханизмы. Неподалёку искрил упорный в своей живучести головной компьютер машины, по очереди выводя на треснутый интерфейс сведения о повреждениях. Не зная для чего, Зейнер напряг зрение, и сумел прочесть: «Потеря связи с основной конструкцией. Смерть пилотов».

Этот нелепый вывод компьютера поверг его в шок, и Рихард дёрнулся всем телом, намереваясь доказать, что он ещё жив. Но в то же мгновение мужчина понял, что, возможно, глупая железяка в чём-то и права — Зейнер не почувствовал тела и смог только напрячь мышцы лица. Это открытие, по началу вызвавшее только панику, вскоре заставило его успокоиться и вытащить из памяти все знания, полученные в разведгруппе под руководством Ушкова.

Рихард полностью сосредоточился на своём теле и сумел пошевелить языком. Это было неплохим достижением для парализованного, к тому же давало возможность запустить шлемовой компьютер костюма. Достаточно было только коснуться языком смотрового щитка...

Но, к сожалению, Рихард не был из тех детей, что в детстве могли дотянуться языком до подбородка или носа, хоть он и чистосердечно пытался. Как раз в момент очередной попытки его и нашла Агирре Диас. Зейнер не смог сказать ни слова, однако его глаза выразили неподдельное облегчение, и он уже приготовился к тому, что женщина сама включит его локальную связь. Однако Каталина этого не сделала.

Она ощупала его тело сквозь костюм и внимательно осмотрела голову через смотровой щиток. Затем, удостоверившись, что вокруг никого нет, женщина обхватила руками поясницу Рихарда и с силой дёрнула. Мужчина даже не понял от чего отключился, но открыв глаза, он обнаружил Агирре Диас на себе, крепко прижавшуюся к нему всем телом. Инстинктивно Зейнер спихнул её на землю и пополз в сторону от агроступа, опасаясь взрыва.

Однако через секунду он замер на месте и оглянулся.

Каталина лежала на земле и не шевелилась, а он тем временем стоял на четвереньках, хотя какое-то время назад мог пошевелить только языком, или подмигнуть какому-нибудь оованджийскому хищнику. Рихард неуверенно поднялся на ноги и сделал несколько шагов: тело отозвалось болью в пояснице и мышцах, но явно не собиралось капризничать или отказывать. Тогда Зейнер подхватил Каталину на руки, и, шатаясь, побрёл прочь от сломанной машины.

Через десять минут изнурительного перехода по заросшим джунглям, пилотов обнаружили высланные на место аварии спасатели и доставили под купол.

Глава: Роман Прахов.

Орбита Туманики. Пересадочная станция «Кишка».

— Побыстрее, ребятки! Шатлы не резиновые, так что кто успеет, тот и полетит первым рейсом!

Раздался взрыв смеха и наглые подколки, однако эти язвительные понукания не испортили эпсилонцам настроения: после двенадцати потраченных практически в пустую лет, каждый хотел поскорее увидеть Туманику и наконец-таки взяться за своё дело. Ожидания были самые радужные, однако, обслуживание «Кишки» — пересадочной станции планеты, — оставляло желать лучшего: расхлябанные сотрудники вели себя нагло, дерзко и без всяких церемоний, будто обслуживали пересадочный пункт для туристов Земля-Юпитер. Сразу после стыковки, каждого члена экипажа подвергли дезинфекции и возмутительно-детальному осмотру вещей, и только после этого путешественников допустили в длинный шлюзовой переход, благодаря которому станция и получила своё название. Как выяснилось позже, встречавшие «Эпсилону» поселенцы являлись лучшими агентами Туманикского охранного корпуса, и были специально вызваны на пересадочную станцию, чтобы проследить за «новичками». Всё потому, что капитан Эпсилон, выведенный из анабиоза системами корабля ещё два месяца назад, успел передать на конечный пункт известие о нелегале, и по общему решению с управляющим колонией на «Кишке» была организована хорошая команда встречающих, призванная обнаружить и обезвредить «зайца».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Роман Евгеньевич брёл почти в конце длинной очереди к шатлам, и даже не рассчитывал попасть на Туманику в ближайшие десять часов, но неожиданно его шансы на это резко возросли, когда один из охранников отделился от своих коллег и, грубо прорвавшись сквозь толпу, резко сдвинул Романа в крепком объятии.

— Что?!

— Ромка! Не узнал что ли? Десять лет за одной партой!

— Вик?! — Роман взглянул на огрубевшие черты стоявшего перед ним мужчины, и неожиданно понял, что от его соседа по парте остались только светлые голубые глаза да копна соломенных волос. — Вик! Не может быть! Как же ты изменился! Где тот тощий пацанёнок, над которым весь класс потешался?!

Каганов рассмеялся и легонько хлопнул приятеля по плечу, от чего тот едва заметно пошатнулся.

— Брось! Я сам тебя еле узнал. Давай к нам, нечего тут топтаться!

Оказалось, у охранников Туманики был собственный шатл, и они не постеснялись принять к себе на борт нескольких знакомых и «чересчур богатых» членов экипажа, которые ожидали теперь, пока основной поток людей пройдёт в зал ожидания, чтобы без проблем и задержек отправиться на планету.

Вик уже собирался заdraивать двери шлюзового перехода за последним пассажиром, когда тот неожиданно оступился и растянулся по полу. Охранники грубо заржали в голос, но чудак не подавал признаков жизни, и, перевернув его, Каганов понял, что у них проблемы:

кожа пассажира почернела, глаза ввалились, а изо рта полилась зловонная пена, смешанная с рвотой.

— Вот чёрт! Ребята, похоже, на корабле какая-то инфекция! Придётся срочно везти этого бедолагу на планету.

Магические слова, произнесённые Виком, заставили эпсилонцев что есть силы рвануть в зал ожидания, плюнув на комфорт и отданные деньги, а охранников быстро натянуть защитные шлемы.

— Дела-а... Ладно, не в первый раз. Рома, ты летишь с нами, я дам тебе свой шлем, мне он уже как мёртвому припарка. А вы что стоите?! Помогите погрузить это чёртово гнездо инфекции в шатл!

Окрик Вика вывел других охранников из ступора, и они резво принялись грузить больного в шатл, предварительно сообщив о происшествии на базу.

Роману Евгеньевичу пришлось лететь в грузовом отделении вместе с больным, так как он был привит от большинства распространённых в космосе инфекций. В связи с этим Прахову поручили следить за самочувствием эпсилонца те два часа, что производился спуск на планету, и сообщать об ухудшении его состояния. Вик снабдил Романа всем необходимым на случай реанимации, однако дружески посоветовал не приближаться к больному без крайней надобности.

Первые пол часа всё было относительно спокойно: больной тихо истекал рвотой на койке и находился в глубоком бреде. Но, видимо, поставленная Виком капельница начала действовать, и в какой-то момент мужчина очнулся. Он принялся водить своими запавшими безумными глазами по стенам и что-то лопотать на незнакомом языке. А затем его взор остановился на Прахове, и неожиданно эпсилонец улыбнулся.

— Я убил тебя.

Роман подумал, что ослышался, но больной продолжал осмысленно смотреть на него и повторил:

— Я убил тебя, человек. Я раскроил тебе череп...

В груди у безумца что-то щёлкнуло, и он, скорчившись, снова затих, провалившись в глубокое беспамятство. А минут через десять Роман заметил, что кожа больного посветлела и начала приобретать здоровый румянец.

Прахов подошёл ближе, наплевав на собственную безопасность, и пощупал пульс больного — тот был в норме; похоже, этот человек просто спал, словно и не корчился только что в судорогах на запачканных простынях. Роман приподнял его веки и, проверив реакцию зрачков, вернулся на своё место. Видимо, инфекция легко блокировалась иммунитетом человека — это объясняло внезапное выздоровление инфицированного. Но Роман не помнил, чтобы у какой-нибудь хвори класса А были подобные симптомы; а это могло означать, что нелегальный пассажир, пробравшийся на корабль, распространил среди экипажа новый штамм, и хорошо если один...

Глава: Рихард Зейнер.

Колония Бельгхад, планета Ованджи.

— Что произошло? Номер 18 ранена? — сквозь защитный респиратор отрывисто бросил

Рихарду врач, пока медбратья укладывали женщину на каталку.

— Я не знаю, что произошло, я сам, должно быть, ранен — у меня был временный паралич, — пробормотал мужчина, чувствуя, как мир начинает медленно кружиться перед глазами.

Не успел он договорить, как и его ловко уложили на вторую каталку и отправили вслед за Каталиной. Всё смешалось в глазах и голове Рихарда; через несколько минут он уже не смог различить воспоминаний от реальности: ему всё казалось, что рядом с каталкой бегут его погибшие в огненной плазме друзья, и в их тревожных глазах мелькают озорные искорки смеха. Зейнер попытался уловить, что же их так рассмешило, но эфемерные призраки не собирались делиться с ним своими мыслями. Тогда он просто хрипло рассмеялся в ответ, чем чрезвычайно удивил сопровождавших его медбратьев, и погрузился в беспокойную горячую дрёму, больше похожую на бред.

Что же, медперсоналу в тот день предстояло много раз удивляться. Например, когда доставленная в бессознательном состоянии Каталина Агирре Диас встала с больничной койки спустя пол часа после её госпитализации и не пожелала принять должную медицинскую помощь (впрочем, с этим довольно быстро разобрались, силой уложив упрямого инженера обратно).

Или после, когда на рентген-сканировании выяснилось, что у Рихарда Зейнера за две недели, что прошли с последнего медосмотра, на позвоночнике в области поясницы образовались свеженькие рубцы, будто он пережил сложную операцию. При этом состояние Зейнера скачкообразно менялось, то в лучшую, то в худшую сторону, чего врачи категорически не могли объяснить — ведь помимо загадочных рубцов, мужчина был абсолютно здоров. Медикам ничего не оставалось, как связать появление наростов на кости с общим состоянием пациента и назначить ему реабилитационный комплекс, который получали все больные, пережившие операцию. Главврач городка послал запрос на ближайшую станцию «Орион Грибоедова» с просьбой проконсультировать его относительно этого случая, но предполагалось, что ответ сможет прийти только через два дня, поэтому решающие действия принимались в данный момент.

Ближе к вечеру Рихарду полегчало: его состояние стабилизировалось, спала температура и прошло головокружение — но по-прежнему оставалась неясной причина этих симптомов, а, следовательно, не было смысла говорить о каком-либо выздоровлении.

Сам Зейнер негодовал по поводу своего заключения в больничной палате; он чувствовал себя значительно лучше, и ему не терпелось узнать, что же произошло и получить хоть какие-нибудь сведения об остальных пилотах, но врачи загадочно молчали, подогревая в нём самые страшные подозрения.

Организм Рихарда, вымотавшийся за бесконечно долгий день, молил его об отдыхе, и, в конце концов, мужчина сдался на милость крепкому здоровому сну, пообещав себе, что следующим же утром выяснит все обстоятельства катастрофы.

На планету уже упали тёмные голубые сумерки, когда он неожиданно проснулся от шороха.

В палате царил полумрак, не нарушаемый мягким жёлтым светом, льющим из дежурной. Рихард осторожно приподнялся на локти и попытался выяснить, что его так побеспокоило, но воображение утонуло в мягком бархате ночи, не подсказав даже, какие

предметы его окружают.

«Что за чертовщина», — недовольно буркнул Рихард, прекрасно зная, что его инстинкты не дают знать о себе понапрасну.

— Извините, я разбудила вас...,- неожиданно донеслось из тёмного угла, и тут же зрачки сумели различить неясный силуэт человека. — Я надеялась, что вы ещё не спите...

— Я не вижу в темноте, кто вы?

— Инженер 18 Агирре Диас, — всё так же тихо произнесла женщина. — Мне нельзя здесь находиться, медсестра не разрешила выходить из палаты...

— Стойте, — довольно громко рявкнул Рихард, так что Каталину передёрнуло. — Вы никуда не пойдёте, пока не объясните, что произошло у разбитого агроступа!

— Я не понимаю о чём вы, командир, — твёрдо отрезала женщина, намереваясь выскользнуть из палаты.

— Вы не только не включили мой шлем, но и проигнорировали моё состояние, что повлекло за собой серьёзные последствия...,- вкрадчиво укольнул Рихард.

— Это какие же? — едко поинтересовалась Каталина, сложив руки на груди. — Кажется, это вы потом вынесли меня с места происшествия, так что неизвестно, кто пострадал больше.

— Я был парализован. Ровно до того момента как вы начали делать эти... эти манипуляции. Не хотите объяснить?

Женщина задумалась на короткое мгновение, но тут же воинственно вздёрнула подбородок и усмехнулась:

— Вы хотите обвинить меня в том, что я каким-то немыслимым образом избавила вас от паралича?! Это, по крайней мере, смешно и глупо, вы не находите? Впрочем, мне не стоит задерживаться, я всего лишь хотела убедиться, что с вами всё в порядке. Надеюсь увидеться с вами уже на рабочем месте.

Женщина повернулась и тихо направилась к выходу, когда Зейнер резко вскочил с койки и неожиданно согнулся пополам:

— О-ох! Что со мной?! Так больно!

Каталина мгновенно оказалась рядом и подхватила его под руки.

— В чём дело?! Где болит?

— В боку! Словно что-то рвётся! — прошипел Рихард, отчаянно корчась в муках.

— Тебе нужно сесть, — ледяным тоном заявила женщина, и, словно невзначай, приложила ладонь к больному месту.

Но Зейнер был на чеку и схватил Каталину за руку, резко повернув к себе лицом.

— Не притворяйся, что ничего не понимаешь, потому что я всё знаю о тебе, и знаю, что ты умеешь, — прошипел он прямо в её покрытое сумраком лицо.

— Отпустите! Что вы себе позволяете?! — отчаянно запричитала Каталина, но мужчина был неумолим. Тогда она изменила тактику, пытаясь увернуться от крепкой хватки Зейнера, — Вы не понимаете, я могу всё объяснить! Ведь это же, в самом деле, смешно!

Однако Рихард не собирался её отпускать. Он пока ещё не знал, чего в действительности хочет от своей пленницы, но беспорядочные мысли, скачущие в его голове, обещали сложиться в складную мозаику чуть позже, а до того времени Виталу стоило надёжно спрятать, пока она не сбежала, как тогда Ксения...

— Пустите, — чуть более грозно прошептала Каталина, медленно отступая к окну, — иначе я закричу, и нам обоим не поздоровится!

Рихард не спешил, обдумывая, как же ему миновать дежурный пост и без проблем отвести сопротивляющуюся женщину в свой блок... Как вдруг голубоватый свет ованджийской луны упал на лицо Виталы, и неожиданно Рихард понял, что перед ним вовсе не Каталина Агирре Диас. Зейнер в волнении схватил её за плечи и прижал к окну, сквозь которое падал слабый уличный свет.

— Ты?!

Женщина попыталась что-то сказать, но промолчала. Отпираться долее было бесполезно.

— Ты!..

Рихард отпустил её плечи и демонстративно отвёл руки назад, словно защищаясь.

— Я не верю своим глазам, хотя они редко обманывают меня. Ты! Столько лет прошло? Десять лет! Что же ты молчишь, Орлова? Ничего не хочешь мне сказать?!

Женщина передёрнула плечами, однако ничего не ответила, вместо этого она попыталась пройти мимо Зейнера к выходу. Мужчина резко поймал её и швырнул обратно к окну, чувствуя, что накаляется изнутри, как вольфрамовая нить.

— Не смей уходить, когда я не закончил! — низко прорычал Рихард. — Ты бросила меня на съедение этим псам из «Эксплор Технолоджи»!

— Неправда! — тихо огрызнулась Ксения. — Я оставила тебя в гораздо лучшем положении, чем была сама.

— Мы могли всё исправить! Прекратить это бесконечное бегство по кругу!

— Отлично! И я должна была добровольно сделать из себя подопытного кролика ради блага всего человечества? Ха-ха, как благородно! — сквозь горечь усмехнулась женщина.

— Замолчи! Ты не имеешь никакого права говорить так со мной!

— Это потому, что я огрела тебя вазой в гостиничном номере? — с притворным умилением поинтересовалась Ксения. — Брось, Зейнер, это было десять лет назад, смешно дуться на такие мелочи!

— Да неужели? Я десять лет трепался с планеты на планету, не в силах объяснить родителям, почему вдруг возненавидел Землю — это, по-твоему, смешно? Ты позволила безумцам из «Эксплор Технолоджи» творить свои дела безнаказанно! Это преступление, Ксения!

— Преступление? Ну что ж, позволь мне тогда самой решать, как обращаться со своей жизнью, — упредительно-грозно отчеканила Орлова. — Теперь ты закончил? Тогда дай мне пройти, и не смей больше вмешиваться в мои дела! Я не боюсь тебя, Рихард Зейнер, ты ничего не можешь мне сделать.

этот момент Рихард словно обезумел. Он позабыл, где находится и что происходит вокруг - его волновала только эта бессмертная женщина, отказавшаяся вернуть ему его собственную жизнь. Зейнер схватил первый попавшийся под руку предмет и со всего размаха опустил его на спину проходящей мимо Ксении. Женщина неестественно прогнулась ещё в падении, и её тело пролетело по полу несколько метров, прежде чем она ударилась головой о чисто выкрашенную белой краской стену коридора. Мужчина очнулся, только когда понял, что прибежавшая на шум дежурная медсестра в ужасе разглядывает кровавый ореол брызг на стене. Он опустил голову и увидел в своей руке окровавленную ножку стула, который от силы удара разломался на несколько частей. Медсестра опомнилась и завизжала, как пожарная сирена, отовсюду высыпались заспанные больные и полуодетые

врачи; кто-то даже попытался проверить у Ксении пульс, однако с первого взгляда стало понятно, что женщина безнадежно мертва.

— Нет... нет, — еле слышно прошептал Зейнер и тут же закричал во весь голос, — вы не понимаете! Она жива, вот смотрите!

Мужчина бросился к телу и здорово потрянул его, намереваясь каким-то немыслимым образом ускорить процесс регенерации. Но люди увидели в его руках лишь труп молодой женщины, которая была зверски убита здоровым мужиком, косящим под психа. По толпе пронёсся возмущённый ропот, и тут же нашлось двое крепких медбратьев, охочих до самосуда. Они грубо оторвали Рихарда от тела, затолкали его в собственную палату и хорошенько избили там, пока к месту происшествия не добрались представители местной власти городка. Свидетели убийства даже не попытались помешать им, а когда прибыл участковый со своей командой, все в один голос подтвердили, что синяки и сломанное ребро инженер Рихард Зейнер получил в результате катастрофы, произошедшей накануне.

В строительном городке никогда не было убийств; единственным правонарушением, возможным в среде профессиональных покорителей земель, было пьянство, неистребимое, как куриная вошь. Но смерть, да ещё такая страшная, бессмысленная...

Команду набирали из людей самых разных профессий и мест жительства. Практически никто из них прежде не был знаком, а зачастую, они даже не знали, как выглядят их товарищи по работе, поскольку встречались только в защитных костюмах. Поэтому предположение, что у Рихарда Зейнера и Каталины Агирре Диас ранее были какие-то отношения, считалось абсурдным и маловероятным, особенно если учесть их предыдущие места работы. Оставалось только одно объяснение чрезвычайной жестокости командира группы основных застройщиков: умственное помешательство вследствие пережитой травмы.

Медики и участковый не были готовы к такой ситуации, у них даже не было специального помещения для душевно больных, поэтому Зейнера, накачанного морфином, поместили на склад бытовых принадлежностей больницы. Двери и окна заранее укрепили решётками, стены помещения обложили старыми матрацами, а вокруг крошечного здания выставили круглосуточную охрану.

Происшествие вызвало настоящий шок у населения всего городка, но больше всего оно поразило членов команды Зейнера. Роданович и Вязова, чудом выжившие в катастрофе, были подобраны другими агроступами ещё до того, как из городка поступил приказ не приближаться к вышедшим из строя машинам. Они, и остальные инженеры были почти уверены, что Каталина и Рихард погибли, поэтому известие об их счастливом выздоровлении воспринялось как дар свыше! А спустя каких-то десять-двенадцать часов им сообщают, что Зейнер напал на своего товарища по спасению и жестоко убил его...

Стоит ли говорить, что никто не поверил в возможность подобного? Инженеры буквально осадили территорию больницы и чуть ли не угрозами пытались добиться свидания со своим командиром, но им отказали: с «Ориона Грибоедова» по чрезвычайной скоростной линии поступил приказ изолировать преступника от жителей городка и законсервировать тело жертвы — правительство высылало на место своих специалистов, которые должны были забрать участников происшествия на базу.

Тем временем Рихард, блаженствующий на волнах нежного наркотика, грезил о том,

как тело девушки излечится, и она оживёт у всех на глазах... Тогда все поймут, что он говорил правду, и быть может, тогда он раскроет настоящую историю своей внезапной амнезии десятилетней давности...

Зейнер ждал. Он почти ощущал в бреду, как сотни миллионов клеток тела Виталы стремятся друг к другу, множатся и выстраиваются в нужном порядке, гонимые вечным зовом жизни...

Но прошёл день, а в лагерном городке всё было тихо и спокойно. Действие наркотика прекратилось, и, очнувшись утром с головной болью и жуткой жаждой, Рихард понял — что-то не так. Он попытался разглядеть сквозь решётки на двери, что происходило во дворе, однако весь обзор загораживала спина часового, который так некстати решил погреться на солнышке.

Зейнер опустился на пол и устало привалился к мягкой стене. Итак, похоже он действительно натворил делов. Рихард был уверен, что Витала не может умереть от простого удара, пусть даже такого сильного, как тот; поэтому его рука не дрогнула, когда он замахнулся стулом. Ни капли сомнения... Даже в мыслях, только лишь они вспыхнули мощной искрой в его голове, он ни разу не усомнился, что может позволить себе сделать это — и девушка останется жива и невредима...

Вот так. Убийца по незнанию.

Осознав всю глубину своего бессмысленно жестокого поступка, Зейнер впал в некий ступор. И когда к нему спустя час во временную палату заглянул медбрат с подносом из столовой, он уже не шевелился, практически не моргал и едва дышал. Медики забили тревогу и срочно перевезли Рихарда в основной корпус, однако они не смогли расшевелить его даже лекарствами.

Главврач был в отчаянии от своего бессилия и ждал приезда специалистов как гласа небесного, в то время как по городку поползли неумолимые слухи, что командир группы на самом деле заразился какой-то неизвестной Ованджийской заразой и начал сходить с ума.

Встревоженные люди начали отказываться выходить за пределы купола на работы, пока медики окончательно не прояснят ситуацию с Зейнером. Застройка остановилась, угрожая срывом планов компании на ближайшее полугодие и потерей нескольких миллионов.

В городке назревал настоящий конфликт, когда к орбите Ованджи приблизился космический аппарат причудливой формы. Спустя пятнадцать минут молчаливого дрейфования в безвоздушном пространстве, корабль, наконец, подал правительственный сигнал, развеяв все опасения местных управленцев, и пошёл на посадку.

Вопреки ожиданиям, специалистов было всего двое — они же и пилотировали маленький корабль, который просто поразил жителей городка, не видевших ранее ничего подобного.

Правительственные служащие предпочли оставить свой корабль за пределами купола, и объявились в шлюзовом переходе в удивительных чёрных костюмах, облегающих всё тело (даже голову!) как вторая кожа. Поэтому вышедшим навстречу участковому и начальнику застройки некоторое время пришлось здорово поволноваться, а люди ли вообще скрываются под непроницаемыми масками? Но спустя несколько минут «специалисты» почли нужным открыть свои личности и убрали защиту.

Для местных управленцев было настоящим облегчением наконец-то избавиться от всей этой суматохи с убийством и переложить ответственность на более квалифицированных

людей, чтобы снова начать работы. Поэтому они, не медля, провели специалистов в лечебницу и предложили для начала побеседовать с выжившим участником преступления — Рихардом Зейнером. К удивлению участкового, посланники правительства не выразили явной охоты допросить убийцу, и прошли в палату скорее из вежливости.

Зейнер в этот момент спал, и, проснувшись от голосов, влившихся в звенящую тишину палаты, он даже не понял, чего от него хотят. Люди, стоящие перед ним, казались игрушечными манекенами в пижонских костюмчиках, которые пропагандисты «Эксплор Технолоджи» так любили рекламировать в среде разведчиков. Они что-то лепетали о женщине и заморозке, поэтому Зейнер не стал их слушать и, тяжело вздохнув, перевернулся на другой бок. Участковый недовольно пробурчал ему какую-то глупость, и незваные посетители вышли, оставив Рихарда покоиться в объятиях своей прострации. Спустя несколько минут он снова задремал.

Однако в голове, помимо его воли, начали рождаться необычные фантазии, которые не дали ему погрузиться в глубокий сон и оставили плавать на поверхности реальности, словно поплавков. Он по-прежнему лежал в палате, только она была хрупкой, словно ледяное стекло, и сквозь каждый узор и застывшую водяную борозду в неё сочился мягкий свет. Рихард хотел отвернуться от чарующей картины или закрыть глаза, но он не мог, и ему пришлось сесть в кровати, чтобы лучше видеть происходящее.

Вот щели вокруг двери засияли ярче, и в открывшийся проход вступила девушка необыкновенной, чудной красоты. Её кожа переливалась всеми цветами радуги, а с прелестной головы спадала копна волнистых, как морская гладь, но красных, точно пурпурная глина, волос. Девушка застыла в проходе и открыла глаза.

И неожиданно Рихард узнал её.

Эти глаза не могли принадлежать другому человеку — перед мужчиной стояла Ксения. Только она чудесным образом изменилась, будто отшелушила от себя время и всё земное.

Рихард вскочил с кровати и сделал несколько шагов, но неземная красавица, будто мираж или призрак, была недостижима. Тогда он собрал все силы и побежал, и... проснулся.

Мужчина сел в кровати. Его сознание работало чётко и спокойно, как никогда, а в голове быстро выстроилась аккуратная логическая цепочка из тех фактов, что он видел и слышал, пока находился в полубреду.

Рихард, не медля ни секунды, натянул на себя одежду и вышел в коридор. Ему повезло — охранник, дежуривший у палаты, очень вовремя задремал, накрывшись красочным комиксом, поэтому он не встретил никакого сопротивления.

Зейнер даже не пытался понять, почему он вдруг так уверился в своём бредовом предположении, будто за телом Ксении прилетели агенты «Эксплор Технолоджи». Просто он всем своим существом знал, что она молит его о помощи; его — единственного человека, который так искренне ненавидел её долгих десять лет... И это означало очень многое.

Свернув в сторону морга, Рихард снял с вешалки белый халат и на ходу невозмутимо облачился в него прямо перед двумя местными охранниками, дежурившими у выхода из больницы. Те только переглянулись, но остались стоять на местах, не признав в уверенном докторе полусумасшедшего убийцу.

Зейнер лёгким шагом пересёк территорию больничного двора и, обогнув морг с

другой стороны, вышел к чёрному ходу. На зелёной давно некрашенной двери уныло висел крохотный замок, который мог напугать разве что мальчишку. Рихард схватил какую-то увесистую доску и сильно ударил по несчастному стражу трупов — тот мгновенно сдался на милость победителя и открыл проход. Наверное, шум привлёк участкового и двоих «специалистов», которые в этот момент осматривали замороженное тело женщины, потому что спустя некоторое время, Рихард услышал настороженные шаги в полутёмном коридорчике, и чей-то приглушённый шёпот. Мужчина спокойно ждал. Зейнер никогда не нападал на людей с таким спокойным равновесием в душе, ему даже стало немного жутко от собственных мыслей, потому что он вовсе не думал о том, насколько это необходимо — он пытался сообразить, как бы лучше ему опустить доску на голову: ребром или плашмя. Исходя из разумного гуманизма, победила плоскость, и как раз вовремя — на фоне тёмной стены показалась голова. Рихард быстро и жёстко опустил импровизированную дубинку на чьё-то темечко, одновременно меняя позицию для второго удара.

Спутник первопроходца оказался вооружён маленьким пистолетом, который Зейнер не преминул забрать с собой. И входя в помещение морга, Рихард даже не остановился, на ходу взяв под прицел оставшегося с телом «специалиста». Тот явно не ожидал такого резкого поворота событий и покорно поднял руки над головой, ещё не зная, что спустя мгновение останется без штанов, в буквальном смысле.

Ксения лежала на столе, беззащитная, голая и смертельно холодная, будто ранний подснежник, подставленный ветру нерадивой рукой человека. У Рихарда всё в душе перевернулось от одного взгляда на неё.

«Снимай, костюм, живо!»- рявкнул он чиновнику с «Орион Грибоедова». — «И где сумка, в которой вы собирались нести её?»

Пока специалист обнажался под зорким дулом пистолета, Рихард расстегнул прозрачную полинейлоновую сумку с терморегулятором и накрыл ею Ксению, установив максимальную температуру 26 градусов. Затем он связал агента и запихнул его в шкаф с инструментами, а сам, облачившись в «умную» ткань комбинезона, которая умела подстраиваться под нового хозяина, уложил размокающее тело в сумку и не спеша вышел из морга.

Никто даже не подумал поднимать тревогу, или допрашивать агента, так спокойно вышедшего с телом под мышкой безо всякого разрешения. Рихарду даже хватило наглости поинтересоваться у одного из охранников больницы, в какой стороне остался их корабль.

Зейнер заметил беспокойство под куполом, только когда уже проходил шлюзовой переход. Но к тому моменту он был гораздо ближе к своей цели, чем лопоухие охранники строительного городка.

Корабль послушно отозвался на позывной костюма, как добросовестный пёс на ботинки хозяина, и открыл ему дверь. Внутри он был таким маленьким, что в нём едва нашлось места для двух смежных коек и пилотского кресла, но, на самом деле, этого было вполне достаточно, чтобы убраться подальше от щупалец проклятой компании. Зейнер задраил люки и усмехнулся: он знал, что городок ни за что не откроет огонь — агенты не позволят несведущим аборигенам уничтожить Виталу. Оставалось только решить, куда лучше отправиться.

Крохотная фиолетовая искорка корабля уже проходила стратосферу, когда «умный» костюм Зейнера начал медленно, но верно сдавливать его тело. Прежде чем он успел что-то

понять, упругая ткань мощным рывком сдвинула его, точно двадцатиметровый питон маленького кролика, и начала скручиваться жгутом вокруг грудной клетки...

Рихард закричал от боли и негодования. Он должен был учесть это маленькое обстоятельство, неуклонно губящее его теперь — умная ткань была как подвижный компьютер, и могла дистанционно управляться обладателем пароля, который явно не собирался отпускать преступника с законной добычей «Эксплор Технолоджи».

Зейнер почувствовал, как лёгкие схлопнулись, будто два маленьких крылышка бабочки, грудная клетка затрещала от чудовищного усилия электронных мышц, а в глазах потемнело. Он в полубессознательном состоянии дёрнул рычаг скорости и зафиксировал положение штурвала. Больше Рихард ничего не помнил.

Глава: Роман Прахов.

Туманика, станция — Геленджик-12.

— Всё хорошо, что хорошо кончается! — услышал Роман Евгеньевич лаконичный ответ главного инфекциониста поселения. — Новые штаммы появляются и без участия людей, это эволюция — никто не стоит на месте, и прежде всего вирусы. Но человеческий организм тысячелетиями приобретал иммунитет к подобным аномалиям, так что, особенных причин, чтобы разводить панику, у нас нет.

— Но послушайте, — не отступил Прахов, — я видел выздоровление этого человека, оно было совершенно нетипичным! И это произошло сразу после того, как на корабле объявился чужак! Слишком много совпадений, вам не кажется?

— Не кажется. Прислушайтесь к мнению специалиста, — наконец вышел из себя лощёный, уверенный в себе доктор. — Во-первых, симптомы у этого человека появились сразу, как только он вышел из геленосной камеры, а показания системы говорят, что камера господина Ливановского ни разу не распечатывалась за время перелёта! Эта зараза принесена им откуда угодно, но не из корабля. К тому же, мы ещё не нашли никаких следов этой инфекции в крови молодого джентльмена, так что стоит ли вообще говорить об инфекции? Оставьте это дело профессионалам и занимайтесь своими делами.

Роман только цокнул языком и вернулся в бокс предварительной очистки.

Он, Вик и его ребята уже давно прошли все необходимые процедуры, обеспечивающие защиту городка, но управляющий поселением всё ещё не давал им разрешения на вход, видимо, перестраховываясь на случай эпидемии.

В принципе, все отлично понимали мотивацию начальства, но, как это принято у обычных людей, подчинённые немедленно воспользовались ситуацией и принялись перемывать косточки управляющему, время от времени переходя на личное. Вик попытался привлечь к этому и своего старого приятеля, однако Роман не пожелал адаптироваться в коллективе подобным образом, и сделал вид, будто внимательно разглядывает скучный пейзаж больничного двора.

Всеобщее осуждение местных властей уже давно перешло в травление туманикских баек, когда заблудившийся в грустных размышлениях о жене Роман заметил краем глаза, как из противоположного приземистого здания вышел мужчина. Прахов сразу узнал его, да и трудно было не запомнить эти бросающиеся в глаза черты военного: поджарая фигура с

ровным напылением мышц, осторожная, но тяжёлая походка, и три чётких выстрела глаз: назад, в сторону группы построек и, наконец, контрольный — непосредственно в направлении движения.

Роман отступил в дверной проём и скрестил руки на груди, приняв безучастное выражение — для полного антуража ему не хватало только сигареты. Прахов улыбнулся.

Было действительно интересно понаблюдать за этим странным человеком, который излечился от болезни всего за несколько часов, но успел здорово заинтриговать свою временную «сиделку».

Кто отпустил его из палаты так быстро? Неужели главврач Туманики отнёсся к происшествию спустя рукава?

Роман был почти уверен, что мужчина остановится у дверей и закурит, но тот, вопреки его ожиданиям, достал из кармана маленький приборчик, похожий на электробритву, и провёл им по волосам. Прахов был готов усмехнуться, когда объект наблюдения неожиданно подёргал свою густую шевелюру по линии роста и помассировал виски.

«Парик?»- мелькнуло в голове. Роман переместился поглубже в тень, намереваясь продолжить свои наблюдения, но внезапно мужчина вскинул глаза и заметил слежку.

Непонятно почему, Роман Евгеньевич испугался в этот момент; сердце жарко скакнуло к горлу, а на ладонях выступил пот. Позади в комнате шумели охранники, вокруг было открытое пространство, просматривающееся со всех сторон, но Прахов чётко ощутил в груди страх, паническое желание бежать — потому что к нему приближалась смерть. Всё ближе и ближе...

— Здравствуйте. Я не помешаю? В отделении мне сказали, что проход на территорию организуют не раньше чем через час. Почему же так долго?

Идеальное произношение, хотя черты напоминают скорее европейца или американца, ясный взгляд, вежливое обращение... Почему же так страшно? Не отпускало чувство опасности, от которой хотелось бежать как можно скорее. Прахов скрестил руки на груди и отступил на пол шага.

— Я... я не знаю. Наверное, проверяют анализы на заражение.

— Не понял? На заражение чем?

Роман перевёл дух.

— Инфекцией. Вы же только что ею переболели, разве вам не сказали? Это странно...

— Да, действительно странно, потому что мне сказали, будто у меня за время перелёта развилась редкая аллергия на составляющую камерного геля; так что...,- мужчина обаятельно и открыто улыбнулся, — не повезло только мне одному.

— Вот как? Сочувствую. Значит, нам не о чем беспокоиться.

— Абсолютно.

Эти слова ещё раз прозвучали в душе Прахова, словно гулкое эхо, и затихли где-то в крестце позвоночника, куда пробежала последняя волна мурашек. Непонятный страх исчез, но впечатление оставил не самое приятное, поэтому Роман понадеялся, что собеседник уже исчерпал возможные темы для разговора, и собирается удалиться. Однако военный настырно продолжал стоять напротив и, вызываясь улыбаться, чего-то ждал.

Прахову было невдомёк, что стоящий перед ним человек — на самом деле сонитанин Кайлай Жонс, который был серьёзно обеспокоен тем, что ему привиделось в бреду на шатле,

и что он видел теперь перед собой собственными глазами.

В памяти Жонса всегда откладывались мельчайшие детали всех его действий, особенно таких важных, как убийство землян. И он отчётливо помнил все их лица, бледные и неподвижные, как посмертные маски. В кладовой этих страшных воспоминаний хранилось и лицо этого человека, разmozженный череп которого походил на кровавую розу, раздавленную на полу; но, похоже, землянин каким-то образом сумел выжить, добавив тем самым ещё одну проблему в копилку неудач Кайлая. Досадная, хоть и поправимая оплошность со стороны агента Озна, главное, чтобы не было слишком поздно довершить начатое.

Однако Кайлая смущал тот факт, что жертва неудачного покушения сразу не обнаружила своего палача. Землянин выжидал? Быть может, решил отомстить самостоятельно? Или он что-то узнал о Кайлае и намеревался этим воспользоваться?

Роман Евгеньевич почувствовал себя неудобно из-за затянувшегося молчания, и нервно кашлянул:

— Гхм, а вы военный?

Кайлай будто очнулся ото сна и, не забывая доброжелательно улыбаться, как его некогда учили профессионалы, окинул взглядом больничную площадку.

— Поразительно, как вы догадались? Не предполагал, что это так заметно.

— Я общался и работал с НАЗовцами, — довольно усмехнулся Роман, постепенно расслабляясь. — Но это было чисто моим предположением.

— А кем работаете вы? — вежливо поинтересовался Жонс, намереваясь разузнать побольше о своём «протееже». — Погодите, не отвечайте, я сам попробую догадаться... Наверное... вы врач?

— Нет, к вам в шатл меня посадили только из-за моей медицинской страховки, в случае чего, я едва ли сумел бы вам помочь...

— В таком случае, вы инженер-механик, — озвучил сонитанин уже давно известный ему ответ и, не удержавшись, холодно сверкнул глазами, примеряясь, куда бы лучше нанести следующий, но на этот раз, более точный, смертельный удар.

— Что же меня выдаёт? — удивился Прахов, краем уха заметив, как внутри здания затихли разговоры охранников.

— Пусть это останется моей тайной.

Кайлай чуть изменился в лице и отступил назад — в дверном проёме показался Вик с приятелями, настроенными, судя по виду, не очень дружелюбно.

— Я чего-то не понял, что этот чувак здесь делает? Разве он не должен валяться в палате?! — хмуро протянул один из охранников, красноречиво потеряв ладонью огромный кулак.

— Остынь, Юрец... Эй, приятель, изволь-ка объясниться, — более спокойно поддержал допрос Вик, — почему нас здесь держат, если ты здоров?

— Я не в курсе.

Прахов поразили мгновенной перемене в недавнем собеседнике: от аристократической вежливости не осталось и следа, а на место улыбки пришло хмурое выражение угрозы. — Если тебе так хочется узнать это — иди, поинтересуйся у своего начальства.

— Я здесь начальство! А ты всего лишь приезжий, так что не зарывайся, — угрожающе

произнёс Вик и воинственно расправил могучие плечи. — Почему ты не в карантине?

Роман Евгеньевич понял, что ещё немного и начнётся потасовка, ибо его новый знакомый явно не собирался отчитываться перед Виком, несмотря на свою послеболезненную слабость, а Вик не желал терять авторитет в глазах товарищей. Поэтому Роман принял не свойственное ему решение заступиться за НАЗовца. Он как бы между прочим встал перед рассерженным Кагановым, заслонив военного, и дружески ему улыбнулся:

— Я слышал, нас должны отпустить через час. Перестраховываются как обычно, хотя инфекция не подтвердилась. Ты же знаешь этих управленцев...

Вик уловил обходной манёвр одноклассника, но вида не подал, лишь недоверчиво прищурился:

— Как скажешь, старина... Пойдёмте ребята, ещё успеем одну партийку сыграть.

Охранники недовольно поурчали и вернулись в помещение, оставив НАЗовца и его бластного защитника в покое, а Роман Евгеньевич вздохнул легче и медленно обернулся, немного смущённый собственным поступком. Но военного, к его удивлению, позади не оказалось.

«К лучшему», — решил Прахов, не желающий портить отношения со старым другом, пусть тот и вёл себя как надменный мальчишка в школе.

Глава: Рихард Зейнер.

Пронзительная боль и вспышка, похожая на электрический разряд. Затем чёрная тишина.

Вспышка — и неясный бормочущий голос, связанный со смутной туманной картинкой лица.

Благостная ночь.

Вспышка.

Вспышка!

ВСПЫШКА!

«А-а-ах! А-а!», — Рихард кричал и кричал, ничего не видя и не понимая, чувствуя только невыносимую боль; этому мучению не было конца — казалось, будто он родился в агонии...

Вспышки света всё повторялись, наращивая частоту и скорость, как плёнка кинопроектора, пока Рихард не понял, что может видеть с их помощью. Тогда, преодолевая боль, мужчина впустил бьющуюся в виски, точно долото, пульсацию света, и вернулся в себя.

Ксения тотчас увидела, что он снова с ней, и бросилась его обнимать, всхлипывая нежности сквозь слёзы, но Зейнер ничего не понимал из её слов — он находился на грани. Тело ощущалось, как тяжёлый тулуп, набитый стекловатой и колючей проволокой; мысли постоянно ускользали, то останавливаясь на каких-то незначительных мелочах, а затем снова проваливаясь в бессознательную дрему. Мгновениями Зейнер даже не мог понять кто, или что он такое. Действительным для него было одно, — его тянуло прочь из этого унылого непрочного храма...

«Ты должен остаться со мной, ну же!», — шептала Ксения, держа его бессмысленное

лицо в ладонях. — «Держись, не уходи обратно! Пожалуйста, Рихард!»

Но он едва ли понимал её слова.

Ксения почувствовала, что на этот раз её удивительной силы может не хватить, чтобы вернуть такую непрочную материю, как жизнь. Женщина заплакала от отчаяния и прижалась губами к горячему лбу Рихарда.

«Я не позволю тебе умереть!», — она решительно стащила с себя найденные на корабле мужские вещи, и прижалась к полуживому мужчине всем телом. — «Ты останешься со мной, я буду любить тебя всем телом, я подарю тебе часть своей жизни! И ты будешь жить!»

Ксения принялась целовать и гладить мужчину руками. Она довела себя до иступления ласками, через которые передавала жизненные силы; и неожиданно Ксения поняла, что Рихард отвечает на её поцелуи.

Зейнер не заговорил, даже не открыл глаза, но его руки нежно прижали к себе женщину, а губы пустились в страстное путешествие, по её лицу и шее. Они будто слились воедино, деля боль и наслаждение пополам: высасывающую пустоту, которая ослабляла Ксению, и живительную полноту, вернувшую Рихарда в сознание.

Когда же мужчина вошёл в неё, поток энергии усилился в несколько раз. Он переполнил Рихарда до краёв, чуть не лишив Ксению жизни, а затем снова вернулся к ней, изменённый, новый и необыкновенно чистый, словно женщина почерпнула его из матушки Земли. Она без сил упала в объятия спасённого любовника и затихла, не пытаясь объяснить себе, как получилось, что её тело пульсировало от полученной энергии, вместо того, чтобы ровно на половину приблизиться к смерти.

Главное, что сердце Рихарда билось ровно и надёжно, как дорогие часы известной марки, а грудь равномерно вздымалась, бережно храня спокойное дыхание...

Глава: Роман Прахов.

Туманика, станция — Геленджик-12.

Эпсилонцев, оставших от основной группы прибывших на станцию, в числе которых оказался и Роман Евгеньевич, перво-наперво му с повели на экскурсию по — Геленджик-12. Среди первых местных достопримечательностей оказался «Жираф» — импровизированный самодельный маяк, построенный, без малого, двадцать лет назад с благородной целью сигнализировать экспедиционным группам, вышедшим за купол, о местоположении станции.

Со слов Саввы Петровича Завесы, который провёл на Туманике уже 14 (вместе положенных по контракту двух) лет, такое иногда случалось, что хорошо оснащённые экспедиции пропадали, терялись в джунглях планеты, и даже вживлённые в их берцовые кости микрочипы не помогали отследить останки. Поэтому первый управляющий крошечным (тогда ещё) строительным городком приказал возвести из останков первого корабля, который, собственно говоря, и лёг в основу нынешнего поселения, двухсотметровую башню с прожектором наверху, чтобы у выживших была хотя бы призрачная надежда вернуться домой. Впрочем, Завеса припомнил всего один случай, когда из разграбленного каравана, направлявшегося к Хрустальному источнику за образцами флоры, вернулся живой человек.

Дело было на шестидесятые сутки после возведения маяка. Учёные «Эксплор

Технолоджи» заявили, что для исследований им необходимы Карамельные Красавки, произрастающие у Хрустального источника, и потребовали оснастить экспедицию из пятерых каторжников и охраны. Группу оснастили всем необходимым и отправили за купол, а спустя десять часов пропал сигнал от их радиста, и один за другим отключились внутрикостные маячки.

Отправившаяся на поиски спасательная команда вернулась ни с чем, поэтому управляющему пришлось объявить всех членов экспедиции погибшими. После трагедии прошло уже около месяца, жизнь станции шла своим чередом, как вдруг рядом с куполом посреди ночи объявилось странное прямоходящее существо, которое практически не осознавало окружающего, но с яростной силой билось в защиту купола и выкрикивало какие-то нечленораздельные звуки. Когда найдёныша обследовали, побрили и искупали, оказалось, что перед учёными один из пропавших каторжников, взятый месяц назад в экспедицию за Карамельными Красавками. Бедняга совершенно спятил и пугался любого шума или резкого движения. Он так и не сумел отойти от шокового состояния и умер в больничной палате.

Вот такая печальная история произошла с этим странным заплатано-неуклюжим маяком — он ещё не возвращал домой живых.

Но вид с Жирафа открывался потрясающий.

Верхняя площадка не давала достаточно пространства для толпы любопытствующих, которая побывала здесь недавно, зато четверо помещались вокруг прожектора свободно, и могли с лёгкостью рассмотреть всю территорию купола.

Станция — Геленджик-12 состояла из 12 секций, отделённых друг от друга своеобразными кварталами. Это помогало классифицировать работу жителей, а заодно держать взаимоопасные вещества и оборудование подальше друг от друга.

Помимо этого архитектурного решения было ещё кое-что, разительно отличавшее станцию от других: её первый защитный купол накрывался вторым — пограничным. Между ними располагались плантации и минифермы, на которых работали и жили каторжники под наблюдением надзирающих офицеров. Такая планировка позволяла контролировать рабочую силу без опасности для научного контингента, и в то же время служила своеобразным амортизатором для агрессивной окружающей среды перед жилыми кварталами учёных. Ведь кого интересовала безопасность обречённых на заключение преступников? Пожертвовать жизнями нескольких убийц для проверки герметичности и целесообразности куполов было гораздо разумнее.

А дальше простирались дикие и полные могучей жизни леса Туманики, напоминавшие своей необузданной красотой Амазонию.

Этот пейзаж больше других привлёк внимание Романа Евгеньевича. Что-то затрепетало тихо и звонко в его душе, когда взгляд коснулся укрытой снегом кромки диких джунглей, сплетённых и сплочённых вокруг инородного купола людей — единственной защиты, которая могла исторгнуть вездесущую жизнь планеты с маленького оплота чужеземцев. Роман знал, что так нельзя — опасно влюбляться в таинственную и неземную красоту другой планеты, многие романтики положили души на диких просторах бесконечно чужих, но таких манящих к себе планет. А всё потому, что захотели понять, проникнуть во все тайны, стать частью...

Роман Евгеньевич вздохнул и помассировал кожу лба. «Это всего лишь очередное место работы, ничего личного, я ведь не зелёный птенец». Но тут же предательски вспомнилась последняя встреча с женой.

«Проклятье!», — тихо выругался Прахов и ткнул костяшками пальцев по стеклопластовой поверхности маяка.

— Эй, осторожнее, приятель! Жираф, конечно, может простоять ещё лет тридцать, но я бы на твоём месте обходился с ним аккуратнее, всё-таки его местные строили! А у нас здесь есть дела и поважнее, чем строительство такой вот полезной чепухи, — добродушно поддел Романа Евгеньевича Савва Петрович — управляющий поселением. — Сейчас мало что видно, солнце уже садится, зимнее время, знаете ли, но если вы так разочарованы, завтра будет организован ознакомительный полёт над местностью, познакомьтесь с красоткой поближе.

— С красоткой? — усмехнулся худощавый светловолосый паренёк, державшийся на удивление уверенно рядом с внушительными спутниками.

— Да-да, Кристоф Питерсон. Думал, я тебя не узнаю? Твой дед привозил фото, правда на нём ты ещё совсем сосунок, но фамильное сходство поразительное! Туманика красотка, спросите у любого, кто здесь живёт — он ответит без сомнения.

— Питерсон...,- задумчиво пробормотал Прахов. — Это не твой дед пропал на третьем спутнике Туманики, когда проводил эксперименты?

— Мой, — категорично отрезал юноша и отошёл к другой стороне маяка.

— Не трогай его, — тихо посоветовал Завеса, — Андреас Питерсон пропал много лет назад, но молодой не унимается и каждый год прилетает сюда с ближайшей колонии Тиабат — он работает в правительственном департаменте расследований. Всё надеется разыскать опекуна...

Завеса цинично усмехнулся.

— И что же?

— Да не найдёт он ничего! Кому понадобилось бы лететь на третий спутник, чтобы убивать какого-то учёного-метеоролога?! Чушь! Космос забирает к себе, не оставляя улик.

— Конечно...

Роман Евгеньевич утратил интерес к разговору и огляделся по сторонам, ища глазами своего нового знакомого Ливановского, который за всё время маленькой экскурсии не проронил ни слова и выглядел весьма удручённым; но военный куда-то подевался, наверное, отправился обратно в больничный комплекс.

Прахов вздохнул и ещё раз окинул взглядом дикий простор чужой планеты — на этот раз душа молчала, как ей и положено: ничто не дрогнуло в сердце, пустота... Куда бы ни пришёл человек, он всюду натывается на себе подобных; вроде бы бежишь от этих городских улочек, увеселительных заведений и стабильной почты на крипере, а в итоге получаешь всё то же самое, только под герметичным куполом и палящим зноем солнца непривычного оттенка. Какая досада и тоска крылась в этом свойстве людей — всё изменять под привычный для себя шаблон, даже прекрасную и дикую планету...

Роман Евгеньевич с презрением взглянул последний раз на чёткие двенадцать секторов станции и с мазохистским удовольствием отметил, что они не так уж и симметричны.

После полдника, который проходил в необыкновенной темноте зимнего вечера

Туманики, всех новичков отправили по казармам разбирать вещи.

Как это ни странно, управляющий станцией предпочёл именно этот вид проживания, а не отдельные квартиры, которые были целесообразны в связи с немногочисленностью населения станции. Роман Евгеньевич никогда не изъявлял особых претензий к условиям своего существования, но отсутствие приватности его неприятно поразило. Он с досадой переоделся на глазах у кучи совершенно незнакомых людей и вышел прочь из душного помещения, хоть им и запретили покидать на ночь убежище.

Под куполом было уже темно и тихо, только светились окна других казарм из соседних кварталов, где ночевали опытные аборигены. Воздух был свежим и холодным. Удивительно... Неужели они очищали воздух Туманики? Едва ли такое возможно. Но казалось, будто сферы и нет вовсе над головой, а лёгкие наполнены удивительными незнакомыми запахами. Прахов пошёл наугад в одну из улиц двенадцати секторов, не особенно представляя, зачем он отправился в путь на ночь глядя. Просто возвращаться в казарму, пока там копошилась толпа шумящих назойливых соседей, ему не представлялось возможным.

Роман провёл рукой по щеке и с досадой вспомнил, что им запретили брать в полёт зеркала, а казарма не учитывала таких потребностей поселенцев. За время полёта отросла порядочная щетина, впрочем, вполне терпимо для двенадцати лет полёта. Следовало побриться.

Двенадцать лет... Путь туда-обратно займёт почти четверть всей жизни у тех, кто остался на Земле. Когда Прахов вернётся на родную планету, Катя будет уже зрелой женщиной, наверное, матерью четырёх детей, как она и хотела — состоятельной матроной, женой какого-нибудь упаковщика в супермаркете...

«Дьявол!»- Роман замер на месте, сжав руки в кулаки и воздев их к небу, — «Господи, какой я дурак!..»- он опустил руки на голову и зашатался, словно пьяный.

Было слишком поздно, и Прахов это понимал. Анабиоз отнял у него едва ли три года биологической жизни. Три туда, три назад... Он вернётся всё таким же, может, прибавится морщинок у глаз, не более... А любовь его жизни — брошенная им женщина, от безысходной тоски и одиночества принявшая другого мужчину в свой дом, — состарится и завязнет в семейной жизни, обрастёт обязательствами, милыми безделушками своих детей и багажом памяти о ханжески-допорядочном возлюбленном, который намеренно отстранился от неё и сбежал за тридевять земель.

«О, Господи!»- внезапно сердце в груди сделало резкий скачок, и вдруг начало затихать, делая удары всё реже и реже, сводя грудь мучительным ужасом. Это было уже не в первый раз — что-то неладное творилось с Праховым, с того самого мгновения, как он очнулся голый и окровавленный на полу ангара Эпсилоны. Не только сердце шалило время от времени — во всём его восприятии изменилось нечто неуловимое: Роман стал чувствительней воспринимать окружающее, подмечать детали, а некоторые предметы вообще словно начинали сиять в его присутствии, притягивли его внимание, и он тонул в нём, не имея сил отвернуться. Раньше такое происходило только накануне отлёта с Змели и связано было скорее с волнением. А теперь...

У Прахова закружилась голова, и он медленно опустился на землю. Сквозь прижатые к лицу пальцы Роман Евгеньевич с ужасом заметил, как окружающее пространство начинает мелко дрожать и странно сворачиваться... Он сцепил зубы и зажмурился, пытаясь вернуть всё на место, но теперь даже кожей ощутил трепетание воздуха. Это было совершенно

невыносимо...

«Эй, приятель! Что с тобой?»

Кто-то подбежал и схватил Романа под руки:

— Что с тобой?! Нужно в больницу?

— Нет! Не надо... Сейчас всё пройдёт, — просипел Роман Евгеньевич сведёнными и узел мышцами лица и осмелился приоткрыть глаза.

Всё было в порядке. Та же улица, аккуратная и чистая — без дрожащей взвеси изображения, точно пиксельной пыли, налетевшей на общие черты станции. Холодный спокойный воздух. И крепкая устойчивость, даваемая руками неизвестного.

— Со мной всё хорошо, только голову что-то прихватило, наверное, не пришёл в себя после перелёта...,- Роман поднял глаза на своего спасителя и тут же понял, что ему не следовало говорить эти бесполезно-фальшивые слова, потому что стоящий напротив человек отлично знал, когда он лжёт. — Этрус!

— Прахов? Вот так дела! Что ты здесь делаешь ночью, под куполом? Тебе известно, что казармы с новичками запирают после десяти? Смотри, придётся ночевать под дверями!

Роман Евгеньевич поморщился, раздосадованный шутливым голосом друга, и отступил на пол шага назад, чего Этрус не мог не заметить.

— Рома, что случилось? — уже более серьёзно спросил Костя — в его глазах мелькнула тревога.

Говорить о случившемся Роман Евгеньевич не собирался — слишком уж всё походило на безумие. Так что он принял непроницаемое выражение лица и спокойно ответил:

— Всё в порядке. А куда ты направлялся?

Костя беспечно махнул рукой:

— Завеса устроил собрание командиров, и я, как капитан Эпсилоны, должен присутствовать. Будем решать организационные вопросы.

— Понятно. Ну что же, иди скорее, тебя, наверное, ждут. А я, если что, и на голой земле переночую как-нибудь.

Этрус не сумел скрыть удивления, как ни пытался, и даже не сразу нашёлся, что сказать.

— Рома, если я тебя чем-то обидел, ты извини, но это другая планета, третья категория опасности, и мы все должны подчиняться правилам, чтобы выжить, так что...

— Всё в порядке, честно, это ты меня извини — перенервничал, — зачастил Роман, пряча глаза. — Знаешь, казарма... я никогда не любил общество незнакомцев. Забудь, капитан, дуй скорее улаживать наши дела, чтобы эти зарвавшиеся аборигены не вздумали притеснять эпсилонцев!

Этрус неуверенно улыбнулся и пошёл прочь, махнув другу рукой. Но что-то в образе Прахова не давало ему покоя: может, тусклый блеск зрачков, или жёсткая складка у рта? А может, растерянный по-детски взгляд, которого он не видел у Романа с момента гибели ребят на метеорите?..

Что-то было не так, что-то случилось с бывшим разведчиком. И самое страшное, Прахов отказывался об этом говорить. А именно так и начинались психозы у травмированных в космосе людей — они попросту отказывались говорить...

Глава: Эрни Керниган.

Туманика, станция — Геленджик-12.

Для Эрни всегда было очень важно качественно выполнить свою работу. Неважно, заключалась ли она в приготовлении кофе или в проведении радиоуглеродного анализа. Поэтому теперь, передавая тело Виталы, погружённое в анабиотический гель, сотрудникам «Эксплор Технолоджи», Керниган с облегчением понял, как долго он находился в постоянном напряжении, ожидая самого худшего — провала.

Но долгожданная встреча с лучшими учёными компании не принесла Эрни должного удовлетворения, скорее наоборот: юноша понял, что теряет почву под ногами. Никого из сотрудников компании не заинтересовала пропажа его напарника — Игоря Ростовского. Они даже не удосужились заявить о происшествии управляющему городка, предпочитая оставить всё как есть, лишь бы военные не лезли в лабораторные корпуса, а когда Керниган принялся настаивать хотя бы на корпоративном расследовании, посоветовали держать свои дружеские порывы подальше от точных наук.

Это было унинительно и по-предательски гадко. Однако Эрни ничего не мог поделать, ведь и он сам был причастен к точно такому же сокрытию правды. Похоже, ему следовало навсегда распрощаться со своим верным другом и товарищем по работе, даже не воздав ему должные почести...

Расстроенный и подавленный, Керниган даже не попробовал настоять на участии в экспериментах с Виталой; на каком-то уровне сознания он неожиданно понял, что вся его работа в «Эксплор Технолоджи» заключалась только во второстепенном вмешательстве — он был чем-то вроде курьера, или сиделки при ценном объекте. На самом деле его жизнь не стоила и десятка единиц, а «Эксплор Технолоджи» в нём больше не нуждалась. Учёба, блестящие способности, необыкновенная преданность своему кумиру Майлзу — всё это было потрачено впустую, словно Керниган был одноразовым стаканчиком. ОНИ не нуждались, ни в Эрни..., ни в Игоре. Теперь он это видел.

Ценные подарки и высокая зарплата были чем-то вроде сыра, заманивающего в опасную ловушку. Ведь именно Майлз натолкнул друзей на идею сопровождать Виталу в далёкий путь на Туманику. Всё было обставлено так, словно они сами вызвались и подписали отказ от всех претензий, но в действительности Генри здорово надавил на них своим авторитетом. Он знал, как Игорь восхищается его работой и буквально боготворит своего куратора. Ему ничего не стоило внушить молодым талантливым юношам с идеалистическими взглядами на вещи, что никто кроме них не сможет встать на защиту ценного источника будущих великих открытий. Скорее всего, Майлз знал, насколько это опасно. Знал, и потому отправил в расход самых молодых, неопытных и чересчур внушаемых сотрудников... Тот факт, что Керниган благополучно достиг Туманики, стал неожиданностью для всего правления компании.

Вот таким неожиданным падением закончился стремительный карьерный взлёт молодого учёного. Эрни всегда полагал, что его выдающиеся способности не дадут ему оказаться на дне жизни, с которого он когда-то с таким необычайным трудом поднялся. А теперь юноша депрессивно лежал на своей койке в общей казарме, которая была пуста по случаю экскурсии, и пялился в низкий потолок.

Впереди маячили два года АБСОЛЮТНОГО одиночества и безрадостной работы.

Раздавленный безысходность, Эрни сам не заметил, как уснул. Очнувшись же он от неожиданного болезненного пинка, который скинул его с кровати. Над юношей зловеще возвышалась тощая, но оттого не менее угрожающая, фигура Джозефа Ливановского. Агент Озна ещё раз зло пнул уже вполне оклемавшегося учёного, и процедил сквозь зубы:

— Ну что, как прошёл полёт, гнида? Не сильно скучал по мне, когда засунул в эту чёртову камеру?!

Эрни попробовал отползти к стене, но мощный удар ноги выбил из него всякое желание сопротивляться.

— Не понимаю, — утирая кровь с разбитой губы, вздохнул юноша, — ведь они должны были задержать вас!

— Рассчитывал на это? — недобро проворчал Кайлай, мягко, как тигр, склоняясь над парнем. — Впрочем... всё же сначала ты спас мне жизнь — до того, как попытался прикончить! И я сделаю вид, что забыл обо всём...

Жонс отвернулся от Кернигана и прошёлся по кругу, словно собираясь с мыслями:

— Значит, эти земляне не смогли выйти на меня, несмотря на то, что я разбрызгал своё ДНК по всему кораблю?... Эй, Керниган! Не отвлекайся! — спокойно рявкнул Кайлай, видя, как Эрни пытается дотянуться до тяжёлой на вид шкатулки своего соседа по койке. — Ты слышал, что я у тебя спросил?

— Да, слышал... А что вы имели в виду, говоря «эти земляне»?

— Заткнись, и отвечай на вопросы, жалкий червяк, — досадливо поморщился Жонс. — Почему так получилось? Может, ты постарался?

— Нет, не я, — ответил Эрни, не задумываясь, и тут же был вознаграждён угрожающим хмыком агента. — Может, это проделки Игоря... Хотел бы я надеяться...

— Кого? Твоего напарника что ли? Да он мёртв давно, и не мог..., — Кайлай осёкся, заметив, какое впечатление произвели его слова на Кернигана. — Так ты не знал? Я... сочувствую. Он пал жертвой Левигата. Но сейчас это неважно, так что вернёмся к нашим проблемам.

— Нашим проблемам?! — неожиданно визгливо воскликнул юноша и вскочил на ноги. — Да пропадите вы пропадом! Вы, и ваша компания, и все эти тайны, из-за которых убили Игоря!

Он выскочил из казармы и чуть не бегом бросился в сторону здания управляющего.

На Туманике был полдень, и на маленьких улицах городка вовсю кипела работа: кто-то мастерил установки необычайного вида, не помещавшиеся в лабораторных ангарах; несколько ребят из охранного корпуса НАЗа чистили снаряжение и оружие, собираясь на поверхность. Но Эрни выбежал не потому, что здравый смысл возобладал над страхом перед разгневанным агентом Озна — ему захотелось свежего воздуха, простора над головой, свободы идти куда пожелаешь! Ему необходимо было на Землю... Но вокруг еле заметной матово-прозрачной плёнкой поблескивал купол.

Эрни побежал.

Он слышал, как позади раздались чьи-то возгласы и удивлённые чертыхания, но не остановился перед заградительными заборами, и с удивительной лёгкостью атлета прыгнул вперёд, к солнцу Туманики.

Ещё несколько шагов после приземления юноша балансировал на носочках, стремясь

обрести равновесие, поэтому, наверное, Эрни не понял, что энергопластовая стена совсем близко. Раздался сдавленный выдох, и его голова и грудь встретились со стеной в ошеломительном ударе. Керниган отлетел назад и на несколько мгновений потерял ориентацию в пространстве. Когда же его зрачки сфокусировались, юноша понял, что сквозь эфемерно-прозрачную толщу купола на него смотрят живые, бесконечно плоские и одновременно объёмные глаза. За ними угадывалось какое-то лицо, но оно словно расплывалось в бесчисленных мелких судорогах, меняя различные человеческие выражения. У Эрни закружилась голова, и он словно потерял контроль над мышцами глаз, не имея сил прекратить безумную попытку. Непонятным образом кружащаяся мимика превратилась в картины, заслоняющие собой самое солнце, и Керниган понял, что тонет, и это конец.

Его оттащили спустя всего минуту после столкновения с куполом, но к тому времени Эрни был уже едва ли не на грани жизни и смерти от страха, который испытывал перед глазами за куполом. Несколько человек наскоро привели его в чувство, пока из больничного корпуса не подоспел врач, но и даже он не сразу сумел вернуть юношу обратно в реальность.

Керниган кричал, пытался объяснить, что с ним произошло, однако люди вокруг не слушали, а врач сказал, что это всего лишь шок, полученный от удара.

Юношу положили в больницу, обследовали и оставили на лечение, обнаружив обширное сотрясение мозга. Однако Эрни не мог смириться с заявлением медиков — он то прекрасно помнил, что в действительности с ним произошло, и, проанализировав все доступные ему сведения, пришёл к выводу, что увиденное не было галлюцинацией.

Странная догадка неожиданно подтвердилась вечером того же дня, когда в плату к Кернигану заявился один из руководителей лабораторных исследований «Эксплор Технолоджи» и предложил Эрни психологическую и материальную помощь, заявив, что сотрудник компании не должен ограничиваться скромным выбором казённой больницы. Эрни поначалу очень удивился, ведь не далее как утром тот же самый человек заявлял, будто в лаборатории нет мест, и определил новичка на подсобные работы. Однако в следующую же секунду все пазлы доступной Кернигану информации сложились воедино, составляя ещё неполную, но уже просматривающуюся картину истины: он столкнулся с очередным проектом Майлза, который так тщательно и долго выращивался на Туманике. И теперь ему предстояло использовать эту возможность, чтобы занять СВОЁ место в глубинной иерархии «Эксплор Технолоджи».

На предложение о помощи Керниган ответил, что подумает. А уже через два часа в больницу прислали магнитные носилки, и без лишних разговоров забрали Кернигана в корпуса «Эксплор Технолоджи». Несмотря на сотрясение, Керниган был чрезвычайно доволен — у него даже самочувствие улучшилось, пока его везли в головной офис компании на станции. Каково же было удивление юноши, когда он увидел в кабинете руководителя проектом своего обидчика — Джозефа Ливановского.

Глава: Лит Коррекос.

Земля, 12 лет назад.

Небо в то утро больше всего напоминало весеннюю Гаюну [основная речная дорога Белаир-Траура]: огромная сизая туча, застелившая пол неба, таяла на востоке, оставляя после себя тонкие золотистые льдинки пушистых облаков. Ойтеп поднялась с холодной влажной

травы и снова обхватила своими тонкими руками широкую грудь Кирма. Сонитанин был без сознания и весил, наверное, раза в два больше девушки, однако она не сдавалась, героически продолжая тащить его. Если подумать, её действия были лишены всякого смысла, ведь Кирм причинил ей столько зла... Но, очнувшись в какой-то грязной подворотне одна, Ойтеп была очень рада обнаружить другого сонитанина. После ночной стычки с землянами, в которой ранили Баеса, ей меньше всего хотелось оставаться в городе, и девушка взяла курс на окраины — благо городок был небольшим.

Уже наступил полдень, когда сонитанин наконец очнулся от забытья и, тяжело закашлявшись, попросил у девочки воды. Он выглядел очень больным, хотя и не говорил об этом. Вместо этого Кирм тут же попытался сориентироваться на местности, и подыскивал им место для полднего отдыха — развилку крупного дуба в жалкой рощице, разделявшей поля землян. Кирм забрался на дерево сам и помог девочке, после чего снова уснул на несколько часов.

Ойтеп терпеливо ждала, мучаясь от голода и постоянного напряжения, пока её старший соотечественник приходил в себя после полученной травмы. Ньюон была достаточно образована, чтобы понять, что именно произошло в бронированной машине полицейских: Белар использовал оружие сонитан, совместив его с новейшей сывороткой, укрепляющей кожные покровы. Решение об её разработке пол года назад выносили на всеобщее голосование, и большинство жителей Сониты поддержало исследования учёных Озна. А теперь эти исследования спасли их жизни на далёкой и такой чужой Земле.

Девочка тяжело вздохнула и попыталась веткой проткнуть кожу на руке — та немного поддалась, но чем дольше давила Ойтеп, тем сильнее становилось сопротивление. В итоге ветка сломалась.

В принципе, это было не так уж и плохо, но «бронированность» наверняка имела свои побочные эффекты.

Подождав ещё немного, девушка тоже пристроилась на ветке и незаметно для себя уснула, а когда очнулась, мир уже был окутан непроглядной тьмой. Тихий ночной ветер, словно прохладной рукой, заботливо шевелил листья, и те качались ему в такт и пели непонятным человеческим шёпотом. Внезапно Ойтеп стало очень тревожно и страшно; она резко обернулась убедиться, что Кирм рядом, но не удержалась на ветке и с шумом свалилась вниз. К счастью, девушка поняла это, только когда обнаружила себя в густой траве на земле, и не успела достаточно испугаться — лишь саднящие спина и ноги были подтверждением произошедшего. Похоже, действие сыворотки закончилось. Девушка попыталась подняться и обошла вокруг дерева, высматривая Кирма, но развилка была пуста. В это мгновение неподалёку раздался лёгкий шелест шагов, и на фоне чёрно-синего неба замаячили две фигуры. Ойтеп не сразу поняла, что перед ней сонитане, и попыталась как можно скорее скрыться, однако незнакомцы успели остановить её тёплыми звуками родной речи Сониты.

— Кирм? — тихо позвала Ойтеп, замерев в отдалении.

— Да, это я. Ойтеп, подойди ближе, не бойся, со мной Озвард, он нашёл нас...

Услышав о Лотьюсе, девушка остановилась на полушаге. Всё возвращалось на круги своя, теперь она снова становилась пленницей, а её похитители — жестокими обманщиками, которым не следовало доверять.

— Ойтеп? — ещё раз позвал Кирм, но на этот раз девушка не ответила.

тихо сделала несколько шагов назад и побежала сквозь темноту, не разбирая дороги. Позади слышались их выкрики и шум ломающихся веток, но лёгкие ноги верно понесли свою хозяйку прочь.

Девушка не могла вспомнить, когда она перестала слышать шум погони за собой. Просто хлещущие по рукам и лицу ветви, наконец, прекратились, и босые ступни, стёртые в кровь, утонули в мягкой поросли полей. Занимался рассвет — очередной рассвет на проклятой планете, где у голодной и напуганной до полусмерти Ойтеп не было друзей, одни лишь враги и ненавистники. Вместе со светлеющим небом на землю опустился густой влажный туман и пропитал жалкие лохмотья девушки насквозь, предоставив тонкому сквозному ветру обдувать её измученное тело.

Ойтеп уже не знала, зачем она продолжает идти. Просто ей не приходило в голову ничего другого, и она заставляла себя переставлять ноги, пересиливая тягучее желание лечь прямо здесь на землю и уснуть.

Из-за густого тумана девушка даже не поняла, что вступила на территорию маленького загородного посёлка землян; поэтому когда маленький зверёк устрашающе зарычал на неё из-под тающей в лучах солнца пелены, Ойтеп в панике бросилась в сторону и, перевалившись через низкий забор, угодила спиной в цветочную клумбу. Кто-то испуганно охнул рядом с просматривающимся из тумана домом, и шаркающими шагами бросился к ней через палисадник. Руки чужого существа заботливо помогли ей сесть, и добрые глаза на морщинистом лице вопросительно взглянули в её глаза.

«Адживан ми [помогите мне]», — тихо прошептала Ойтеп и позволила себе упасть в обморок.

Лит очнулась на руках у Вольтеса, который бежал по тёмным предрассветным улочкам города из последних сил. Она хотела подать ему сигнал, что уже очнулась, и сжала его плечо, но тот не остановился ни на секунду, продолжая петлять в сонных дворах. Тогда девушка попыталась шевельнуться, однако не почувствовала ни ног, ни туловища. Этот факт несколько не напугал её, скорее привёл в лёгкое замешательство, и Лит прекратила всякие попытки напомнить о своём существовании.

Занявшийся на востоке рассвет окрасил голубое небо в роскошное золото и варварский пурпур, осветлил тёмные кроны деревьев и, отражаясь от окон домов, перекрёстным огнём лёг на старый, никому не нужный в век летающих каров щербленый асфальт. Наконец, показалась кромка леса с отражающей полиаргонитовой дорогой, ведущей из города, и усталый Вольтес тяжело побрёл по ней, не останавливаясь, но и не прибавляя шага. Он выглядел измученным и напуганным, что было так непривычно для Лит.

Проходя последние дворы города, юноша заметил людей и поспешил спрятаться за редкими деревьями крошечного палисадника. Он положил девушку на землю и начал приглядываться к тому, что происходило впереди: у обочины перед невероятно большим и красивым домом стоял небольшой грузовик с крытым верхом, в который несколько людей аккуратно складывали деревянную мебель весьма странного вида. Одеты они были разномастно, и вели себя суетливо — явно торопились покинуть городок, а это было как раз то, чего так хотели юные сонитане.

Вольтес, наконец, обратил внимание на свою неподвижную спутницу и, посмотрев прямо в её распахнутые глаза горько прошептал:

— Я обязательно приведу нас обратно на Сониту, главное теперь попасть в отделение Озна на Земле... Ты только дождись этого, не смей умирать у меня на руках...

Лит удивлённо закричала, что ни в коем случае не собирается умирать, но юноша, похоже не услышал ни слова из того, что она с такой страстью ему говорила. Он поднялся с колен, ещё раз выглянул из-за дерева и, резко подхватив девушку на руки, бросился вперёд к машине.

Едва лишь Вольтес успел забросить неподвижное, как мешок, тело Лит в кузов и забраться туда сам, из дома выбежали последние люди, закрыли пологом кузов, прыгнули в кабину и быстро подняли грузовик в воздух. В кузове оказалось не так уж много вещей, но все они выглядели довольно изящно по сравнению со всем, что до этого видел на Земле Вольтес, и, наверное, стоили дорого. Юноша выбрал мягкое кресло с витыми подлокотниками, и усадил в него бесчувственное тело Лит, а затем легонько прикрыл ей веки, прошептав, что будет лучше отдохнуть, пока есть такая возможность.

Несколько мгновений девушка ничего не видела, кроме светлой темноты собственных век, но вот её зрение словно приподнялось над лицом, и она увидела, что Вольтес сидит в дальнем углу кузова и беззвучно плачет. Лит смутилась, будто подглядела за ним, и снова нырнула в темноту своего тела, больше не пытаясь выбраться на свет.

Глава: Рихард Зейнер.

Созвездие Змееносца. Настоящее время.

Это только кажется, что от ненависти до любви всего один шаг. Для Рихарда их было три: убийство, смерть и спасение. По крайней мере, он подозревал, что это именно любовь заставляла его чувствовать, как сердце начинает оглушительно биться в груди и словно пытается вырваться оттуда и снова прильнуть к своей спасительнице, при одном лишь взгляде на тонкие черты её профиля.

Зейнер усилием воли подавил очередной свой порыв и снова повернулся к экрану с картами звёздного неба.

— Как могло получиться, что мы в созвездии Змееносца? — сиплым голосом поинтересовался он у Ксении. — Если мне не отказывает память, между Бельгхадом и Туманикой восемь лет пути!

— Я не представляю... Может, бортовой компьютер барахлит? — предположила женщина и украдкой взглянула на Рихарда.

Она замечала каждый раз, когда мужчина останавливался на ней своим долгим, тягучим взглядом, который пугал её хуже смерти. В эти моменты ощущение высасывающей пустоты снова возвращалось в её память, и она с затаённым сожалением понимала, что организм Виталы не приспособлен к земной жизни с человеком, и то, что она сотворила, навсегда изменило Рихарда. Теперь мужчина ошибочно полагал, будто влюблён в неё, хотя Ксения отчётливо помнила его полный гнева и ярости взгляд тогда, на Ованджи. Рихард готов был убить её.

— Нужно протестировать все системы, я займусь этим, — спешно пробормотала Ксения, пытаясь отогнать тяжёлые мысли.

Нет,- тут же возразил Рихард,- я лучше разбираюсь в этом. А ты полежи пока, отдохни, возможно, нам предстоит долгий перелёт.

— Прекрати, Рихард! Я не хрустальная, и вполне в состоянии работать с тобой наравне! — запротестовала Ксения, но мужчина лишь терпеливо взглянул на неё и спокойно произнёс:

— Дело не в этом. Просто я действительно лучше разбираюсь. Отойди и не мешай.

Женщина готова была руками всплеснуть от негодования, но мужчина хладнокровно принялся за тестирование, повернувшись к Орловой спиной, и она обречённо села на койку.

А Рихард тем временем раздумывал над тем, что произошло с момента, когда маленький корабль «Эксплор Технолоджи» покинул поверхность Ованджи. Он совершенно не помнил, каким образом Витала освободила его от смертельных объятий кибернезированного костюма, но зато отчётливо представлял, что происходило дальше... Эти воспоминания заставляли его раз за разом испытывать томительное чувство благоговения перед сидящим рядом с ним существом.

Он даже не представлял, что два человека могут ТАК разделить переживания любви: полностью раствориться друг в друге, смешаться и потерять себя, а затем вернуться назад, словно ничего и не произошло, но с приобретённой частицей другого человека в сердце. И этой частицей они были связаны накрепко, так что Рихард теперь ничего не мог с собой поделать.

— Бортовой компьютер в порядке, он ещё нас с тобой переживёт, — спустя пол часа подал голос молчавший до этого Рихард. — Но я обнаружил в его программном обеспечении очень странную команду. Она занимает больше половины оперативной памяти и имеет выходы на все компоненты управления корабля...

— И что это значит? — насторожилась Ксения.

— Не знаю... Мы можем проверить её, запустив, однако существует опасность необратимого воздействия на корабль.

— Что ты имеешь в виду?..

— Взрыв. Если это системная защита от вторженцев — таких как мы — то вполне вероятно, бортовой компьютер может принять решение о самоуничтожении.

— Защита технологии...,- протянула Ксения, напряжённо вглядываясь в зашифрованный код команды. — А что, если это расшифровка работы двигателя нового поколения? Он тоже имеет ключевые выходы на все системы корабля — это могло бы объяснить, почему...

— Восемь лет пути, Орловская! Да никакой двигатель — хоть старого, хоть нового поколения — не сумел бы покрыть такое расстояние за несколько дней!

— Ну, в таком случае нам лучше просто забыть об этой команде в системе корабля, и попытаться сориентироваться на месте.

— Топлива едва ли хватит до третьего спутника Туманики...

— А нам дальше и не надо, — категорично отрезала Ксения. — Мы пошлём сигнал, и за нами прилетят с — Геленджик-12.

— Что-то я сильно в этом сомневаюсь, — усмехнулся Рихард. — Тебе не кажется, что поселенцы на Туманике отлично знают, как далеко они находятся от всех возможных пунктов отправления нештатных кораблей? Если нас не примут за очередную причуду космических волн, то наверняка расстреляют прямо на подлёте, с нашим-то кораблём...

— Думаешь, нас примут за пришельцев?! — рассмеялась женщина. — В жизни не слышала такой чепухи! Там же не придурки сидят!

— Придурки, или нет — нам не известно; а в свою бытность разведчиком я лично получал инструкции по взаимодействию с неземными формами жизни. И совет там один: чуть что — стреляй, а НАЗовцы потом разберутся, враг это был или нет.

— Поверить не могу, что правительство Земли раздаёт такие варварские приказы, — изумилась Ксения.

— Инструкция была неофициальной, но настоятельно рекомендованной, — пожал плечами Зейнер. — Так что смысл её тебе ясен?

— И что прикажешь делать? Так и висеть здесь, ничего не делая, пока мы не помрём с голоду?!

— Нет конечно... Придётся рискнуть. Я сказал тебе это, чтобы ты была начеку.

— Спасибо, успокоил, — едко заметила Ксения, и в очередной раз поперхнулась колкостью, перехватив задумчивый взгляд Рихарда, словно спрашивающий: ну и что нам теперь делать?

— А сколько лететь до колонии? — опустив глаза, поспешно поинтересовалась она.

— Около двух недель. Я подсчитал, придётся затянуть пояса, но на корабле достаточно запасов, чтобы мы продержались.

— Ясно... Это будут две самые долгие недели в моей жизни.

— Потому что здесь нет нормального душа? — усмехнулся Рихард.

— Потому что ты со мной в одной комнате, — холодно отрезала Ксения и повернулась спиной к пилотским креслам.

Глава: Ольга Кирсанова.

Туманика, станция — Геленджик-12.

Воспоминания... Сначала это просто набор цветных картинок, запечатлённых разумом, знакомых до одурения. Но стоит взглянуться в них, и картинки оживают: наполняются движением, запахами, звуками... А потом и вовсе обрушиваются водопадом маленьких жизней: зимние вечера, морозное мерцание звёзд; пряные запахи мокрых листьев, шум моросящего дождя; волнующая трепетная свежесть весеннего ветра; жаркое марево дрожащих летних небес...

Приятные воспоминания — утешители в горе и старости. Но ничто не приносит столько боли, как те же самые воспоминания — драгоценные камни, огранка которых ранит, словно обоюдоострый кинжал.

И теперь Ольге ничего более не оставалось, как смотреть диафильм из собственных воспоминаний, рассыпанных мерцающей мозаикой по бесконечному потолку световых импульсов мозга. Сведения о прошлом перемешались в её голове, растянулись и проникли друг в друга, вырастая в удивительные, фантастические витражи. Но на каком-то уровне ощущений, неявных и словно бы чужих, женщина знала, что несколько камней из оправы затерялись, и она не может увидеть всю картину до конца. Картину, которая составляла самую её суть. Это тревожило и смущало Ольгу, однако она ничего не могла с этим поделать. Женщина помнила, что в её тело ввели сильный наркотик, и она нескоро сумеет очнуться от обольстительной пелены миражей. Лишь неяркий, дымный от пелены

невыплаканных слёз свет струился сквозь полуоткрытые веки в её глаза, и манил Ольгу к себе, звал наружу...

Внезапно всё тело женщины дёрнулось словно бы в судороге, видимо реагируя на наркотик, и она приняла новую позу на койке, чуть сместившись на бок. Теперь приглушённый свет лампы не мешал расфокусированным зрачкам воспринимать окружающее, однако ничего нового Ольга не обнаружила: она прекрасно помнила, как сама вошла в эту странную палату и позволила доктору Эрни подсоединить к своей шее все эти трубки, которые теперь мешали её разуму очнуться. Наблюдаемая картина была обыденной и скучной, и женщина уже решила вернуться обратно в круговорот своих воспоминаний, когда гаснущее зрение различило за стеклянной дверью палаты смутный силуэт человека.

Он просто стоял и смотрел на неё, но отчего-то происходящее задело Ольгу за живое, заставило её веки раскрыться сильнее, чтобы понять до конца, добавить к своей мозаике недостающие камни с новой огранкой из кровавых лезвий. Человек за стеклом не пугал и не угрожал, он просто был, однако само его существование ставило под сомнение всё, что знала Ольга. Ведь она давно уже решила, что просто видела его во сне, самом ярком и удивительном сне в своей жизни.

Женщина испытала настоящее потрясение и даже умудрилась приподняться на локтях, несмотря на львиную дозу наркотических веществ, которые поступали прямо в её кровеносную систему. Теперь она ясно видела лицо такого знакомого ей незнакомца. Во сне он выглядел совершенно иначе, однако Ольга неожиданно поняла, что в прошлый раз она смотрела на него другими глазами, и потому её воспоминания так не совпадают с реальностью.

«Бред, сумасшествие!»- крутилось в голове, но тело неожиданно снова начало повиноваться, и женщина встала, оборвав все трубки, присоединённые к телу. Сразу стало легче. Вернулась чувствительность, и Ольга ощутила, как по спине тёплой струйкой сочится кровь вперемешку с наркотиком — это её не беспокоило: в том сне, откуда пришёл незнакомец, стоящий за дверью, она умела залечивать и не такие раны.

Послышался топот ботинок и чьи-то окрики: несколько человек оттолкнули её незнакомца в сторону и гурьбой влетели в палату, опрокинув Ольгу на койку. Эти люди так торопились проткнуть её шею иглами, что Ольге стало страшно, и она слабо закричала о помощи, даже не надеясь, что кто-то услышит и придёт. Однако ОН, как и во сне, откликнулся на её призыв и разметал обидчиков, словно былинки. Поток наркотиков возобновился, разом отбросив сознание женщины назад, в чёрную глубину забвения, но она даже сквозь волны галлюцинаций ухватила за протянутые к ней руки и прильнула к защитнику. Этот человек осторожно вынул трубки из её шеи и принялся успокаивать, осторожно покачивая, как дитя. Он не желал ей зла, только хотел позаботиться. Каково же было негодование Ольги, когда в комнату ворвались другие люди в синих комбинезонах и, оторвав от неё незнакомца, принялись жестоко бить его ногами.

Всего секунда понадобилась женщине, чтобы всплыть на поверхность сознания и, вдохнув глоток реальности, закричать, вкладывая в свой разгневанный клич всё негодование и боль за происходящее. Этот крик заполнил всё её существо и пространство вокруг, совершив нечто страшное, отчего молодая Витала почти сразу же отключилась.

Туманика, станция — Геленджик-12.

Кайлай очнулся мгновенно, но в этот раз ему не помогло бы и чудо, не то что отличные реакции: он сидел, пристёгнутый наручниками к стулу, а вокруг него полукругом выстроились несколько охранников «Эксплор Технолоджи» с пневматическим оружием наперевес. Даже будь Кайлай свободен, едва ли он успел бы обезвредить столько направленных на него стволов до того, как одна из пневмопуль пробила бы его голову или сердце.

Послышался звонкий щелчок, и Жонс, наконец, заметил позади вооружённых ребят уже хорошо ему знакомого начальника охраны, который таким странным, пренебрежительным образом решил привлечь к себе внимание агента Озна.

— Это хорошо, что вы так быстро пришли в себя, Джозеф... Особенно учитывая тот факт, что ни один из моих сотрудников так и не очнулся после удара Виталы, — с плохо скрываемой ненавистью прошипел он, тщательно расправляя на руке белые полиаргонитовые перчатки. — На самом деле, я бы очень разочаровался, если бы вы тоже умерли, и я не сумел бы задать вам эти несколько вопросов.

Кайлая раздосадовал тон начальника охраны, не говоря уже о положении, в которое его поставили, пристегнув к стулу, как какого-то подчинённого землянина. Однако Жонс хорошо понимал, что обязан играть роль Джозефа Ливановского — сотрудника человеческой организации «Озн», по воле случая получившей название и функции, схожие с сонитанской организацией. Поэтому Джозеф вальяжно развалился на стуле и нарочито улыбнулся:

— На самом деле, я не совсем понимаю, о чём идёт речь, но на всякий случай уточню — я тоже несказанно рад, что жив. Может, объясните мне, Виктор, почему я пристёгнут к стулу? Мне казалось, что мы обо всём договорились: я честно выполнил свою работу на Эпсилоне, и вы обязались отправить меня на третий спутник Туманики. Разве не так?

Чеабанов поморщился:

— Теперь этот вопрос придётся пересмотреть. Ваше поведение, Джозеф, поставило в тупик всё начальство лабораторий. Зачем вы помешали проведению процедуры? Разве это ваше дело, вмешиваться в исследования «Эксплор Технолоджи»?!

«Так вот почему я здесь... Какая непростительная глупость с моей стороны! Если бы я сам знал, зачем...»- сокрушённо подумал про себя Кайлай, однако Джозеф уверенно ответил:

— Ваши сотрудники своими неумелыми действиями поставили под угрозу всё существование проекта. Я был обязан помешать им. Эти ваши санитары довели Виталу до такой степени паники, что она стала уязвимой. Вам ведь хорошо известно, Виктор, что это недопустимо: Левигаты не дремлют, и тот факт, что Озн защищает Туманику от их вторжения, ещё не даёт полную гарантию, если ваши остолопы будут рисковать подобным образом!

— Хотите сказать, — нагло усмехнулся Чеабанов, — что ваши действия были продиктованы долгом перед проектом? Тогда почему Витала не тронула вас?!

— Не понимаю о чём вы: что может сделать обкаченная наркотиками беззащитная девушка? — искренне удивился Кайлай.

— А вы хотите взглянуть со стороны? — поинтересовался Чеабанов и включил проектор на стене. — Наслаждайтесь!

Кайлай заинтригованно уставился на мерцающий экран, заново переживая те мгновения, когда он ворвался в комнату, затуманенный криком беззащитной девушки, которая просила о помощи. Он не понимал, откуда у него взялось столько сил, что он раскидал по сторонам несколько взрослых людей — но камеры не могли лгать.

Вот он бережно подхватил на руки слабое после анабиоза и наркотиков тело, и прижал к груди как самое драгоценное сокровище. Эта картина была такой животрепещущей и знакомой, словно Кайлай уже где-то видел её. Но в закоулках памяти отражалось лишь эхо происходящего, ибо он не мог вспомнить даже того момента, который наблюдал теперь воочию на экране. Но вот в голове Кайлая что-то переключилось, и он вдруг словно ощутил под пальцами холодную кожу женщины, её испуганное дыхание у себя на груди и... отблески радуги, играющие в её волосах. Этот свет, исходящий от человеческой женщины нёс в себе нечто от сонитанского божества, которое ещё почитали на Соните некоторые ортодоксальные семьи. И он был так прекрасен и беззащитен перед жестокими попытками учёных приручить и подчинить...

— Не отвлекайтесь, Джозеф, — вывел его из задумчивости Чеабанов, положив тяжёлую руку на плечо, — сейчас начнётся самое интересное.

Всё происходящее дальше повергло Кайлая в некоторый шок. Сначала потому, что на видеозаписи он позволил без боя повалить себя на пол и даже не попытался защищаться, когда тяжёлые сапоги охранников принялись месить его тело. А потом...

Ничего страшнее Кайлай ещё не видел в своей жизни, хоть и повидал он многое.

Вскинувшаяся с койки женщина истошно завопила, но спустя мгновение её крик, поднялся на такие высоты, что камера уже не фиксировала его. Бессмысленно распахнутые глаза женщины налились кровью, и по щекам покатались крупные тёмные струйки, стекая по сведённым в гневе губам прямо в рот. Она вся потемнела и будто бы начала съеживаться, иссыхать, как вдруг один за другим на пол повалились все находившиеся в комнате девять человек. Они забили в судорогах, посинели, все как один хватаясь за горло, будто им не хватало воздуха, и, наконец, почернели, навечно застыв в агонических позах.

Металлическое основание койки, на которой сидела Витала, раскалилось докрасна; комнату заволокло прозрачным, дрожащим маревом, похожим на туман. И, словно напиваясь окружающей взвесью, тело женщины снова налилось соками — она закрыла лопнувшие глаза и рухнула навзничь, присоединившись к только что убитым ею же людям.

Чеабанов приказал остановить запись и обернулся к Джозефу.

— Сейчас вы, наверное, рады, что так удачно потеряли сознание до того, как всё началось?.. Или вы знали о том, что произойдёт?

Кайлай опустил голову, дабы скрыть свои чувства от стоящего перед ним человека. Ему было стыдно — агент Озна не имел права на чувства, но он был напуган и разочарован: радужный свет, который Кайлай увидел в земной женщине, казался слишком чистым, чтобы совершить подобный кошмар.

Наконец, переборов смущение, Кайлай изобразил на лице сладкую улыбку:

— Да, я рад. Должно быть, моё беспамятство меня спасло. Но... вы не находите, что она

удивительная?

Чеабанов замер, лицо его вытянулось, а глаза расширились от гнева:

— Погибло девять человек... Моих людей. А вы находите это удивительным?!

Он наотмашь ударил Жонса по лицу, отсушив себе руку, и, несмотря на боль, ударил снова, и снова. Только Ливановский лишь дерзко рассмеялся в ответ:

— Зря стараетесь. Я уверен, что правление также найдёт её «удивительной»... Ваши люди погибли даром — они лишь послужили благой цели. Впрочем, это уже не мои проблемы, уверен, скоро вы меня отпустите, и я благополучно отправлюсь на базу.

Чеабанов отвернулся, еле сдерживая негодование, и резко бросил одному из охранников:

— Заприте его, и глаз с него не спускайте!

Виктор Чеабанов являлся сотрудником «Эксплор Технолоджи» немногим более семи лет (если исключить время полёта на Туманику), два года из которых он провёл на станции в качестве начальника охраны лабораторных корпусов компании. В свои сорок два года Виктор был необычайно хорошо сложен, имел за плечами серьёзную армейскую подготовку и несколько лет работы в планетарном спецназе, но при этом отличался необыкновенной узостью ума. И сколь бы странно это ни прозвучало, многие компании стремились найти для себя именно таких сотрудников, так что Чеабанов был в большой цене.

За время работы в лабораторном корпусе станции, Виктор приобрёл определённый авторитет у многих членов научной группы за грубоватый, но достаточно высокий профессионализм в своей сфере деятельности; однако руководитель лабораторий — Гийом Ласке — с первого дня признал в своём начальнике охраны твердолобого военного, и всеми возможными способами старался выказать ему своё пренебрежение. Понятно, что отношения между ними сложились не самые тёплые, ибо Виктор отлично разбирался в людях и чувствовал своих врагов. Но он не мог изменить сложившегося положения вещей, поэтому мирился с постоянным пренебрежением, до поры затаив смертоносные клыки.

Однако на этот раз Чеабанов не собирался отступать: он твёрдо вознамерился привлечь Ливановского к ответственности за смерть своих подчинённых, поскольку был уверен в своей правоте. Ласке пришлось десять минут выслушивать его речь, в которой Чеабанов привёл самые явственные доказательства причастности Джозефа к преступлению, прежде чем тихим голосом решительно отрезать своё:

— Нет.

— Что?!

Виктор не мог поверить своим ушам. Он давно привык к жестоким опытам, которые проводились над туманикским зверьём и каторжниками в лабораториях «Эксплор Технолоджи», но совершенно не предполагал, что надменные учёные будут так же вести себя с его людьми.

— Я разве о многом прошу?! Пусть эта чёртова уродка — ваша Витала — ещё сто лет гниёт на этой чёртовой планете, раз она так нужна вам! Но я лично должен увидеть, как Ливановский понесёт суровое наказание. Мне плевать на законы станции и прочую чушь — удовлетворюсь самосудом!

Гийом устало вздохнул и откинулся на стуле:

— Заткнитесь, Виктор, и слушайте меня: даже если господин Джозеф в чём-то и

виноват, вы и пальцем к нему не прикоснётесь. Это вам понятно? Отныне он опытный образец, очень ценный экземпляр, если можно так сказать. Так что развяжите его и приведите ко мне, только, постарайтесь держать язык за зубами и не распространяться о том, что я вам сейчас рассказал. Месье Ливановский должен считать, что он по-прежнему наш гость и скоро вернётся к себе на Землю в Озн. Вам понятно?

Чеабанов усмехнулся. Хоть его замечательный план с самосудом и не претворился в жизнь, похоже, судьба распорядилась ублюдком ещё лучше. Быть подопытным в экспериментах Гийома Ласке? Лучше уж сразу в Ад!

Виктор вернулся в комнату, где держали Ливановского, в самом что ни на есть приподнятом состоянии духа. Он даже насвистывал какой-то военный марш по ходу дела, пока лично освобождал пленника и вёл под белы руки к своему начальству. Кайлая с первого мгновения неприятно поразила эта перемена в поведении начальника охраны: шестым чувством он понял, что дело дрянь, и постарался не выказать своего напряжения.

Ласке с трудом оторвался от своих бумаг, имитируя жгучую занятость, и радостно улыбнулся:

— А-а! Бонжур, месье Ливановский! Мои глубочайшие извинения за доставленные вам беспокойства, надеюсь, с вами хорошо обращались?

Кайлай скосил глаза на стоящего за плечом Чеабанова, и резко втянул ноздрями воздух:

— Конечно. Я всем остался доволен.

— Вот и отлично. Виктор, вы можете идти, дальше мы сами разберёмся.

Чеабанов криво ухмыльнулся и, заложив руки за спину, чёткими шагами вышел из просторного кабинета.

— Терпеть не могу этого недоумка, но приходится соглашаться с вышестоящими, сами понимаете...

— Да, — коротко согласился Кайлай.

Ласке тем временем уселся на край стола, словно позабыв, что в комнате находится посторонний, и закурил тонкую белую сигаретку, нежно помяв её в наманикюренных пальцах. Этот Ласке вообще показался Кайлаю очень странным человеком. Манерный позёр, и щёголь — разве мог быть такой фронт одновременно фанатичным учёным? Только не в мире Сониты.

— Как вам Туманика, Джозеф? Вы присаживайтесь, присаживайтесь..., — неожиданно заговорил Гийом, повернувшись к собеседнику. — Впечатлила? Оправдала ожидания?

Кайлай замер в нерешительности. Он был готов к любым вопросам касательно случившегося в лаборатории, или о технических сторонах его задания на Эпсилоне, но совершенно позабыл, как должен реагировать обычный человек на светские разговоры.

— Я ничего не ждал от Туманики. Планета как планета — таких сотни.

Ласке бесшумно выдохнул ядовитое облачко дыма и с изумлением уставился на оппонента:

— Впервые вижу человека, который бы настолько держал себя в руках. Но вам нечего опасаться, это совершенно безобидный вопрос, просто моё любопытство...

— Я уже ответил на него, — холодно повторил Кайлай, пробежав глазами по мерцающим экранам позади стола, на которых пульсировали какие-то огоньки.

— Что ж, ладно..., — вздохнул Гийом и затушил в пепельницу свою смертельную соску. — Поговорим о деле. Наша станция, как видите, существует словно кубик-рубик в

неумелых руках: блоки и секции перемешиваются, передвигаются, но никогда не сливаются в общее полотно. Здесь «Эксплор Технолоджи» сама по себе. Завеса делает всё возможное, чтобы НАЗовцы и наши учёные сотрудничали, однако... Короче здесь не Земля, и каждый офицер мнит себя большим начальником. А нам, в это время, не хватает сотрудников, чтобы ходить в джунгли за образцами. Вы опытный человек, наверняка не раз высаживались на других планетах, и я имел смелость обратиться к вашему начальству с просьбой оставить вас на некоторое время в распоряжении станции.

— Что?!

Кайлай даже вскочил с кресла от возмущения. Привычный сонитанский мир, к которому он так стремился, начал рассыпаться прямо на его глазах, а вместо исчезнувших паззлов возникли уродливые человеческие рожи.

— Они не могли бросить меня здесь!..

— Ваше начальство дало добро, и мы надеялись, что вы...,- как ни в чём не бывало, продолжил Ласке, — согласитесь пару месяцев возглавлять поисковые отряды.

Кайлай рухнул обратно в своё жёсткое неудобное кресло и схватился руками за голову.

Секретная станция сонитанского Озна «Анатинок», обращавшаяся вокруг Туманики, и выдающая себя за филиал земной организации, должна была связаться с — Геленджик-12 и вызвать Жонса к себе, чтобы затем отправить обратно на Сониту. А теперь Озн, ради которого Кайлай положил столько человеческих жизней и рисковал собственной, тот самый Озн, которому он клялся верно служить — бросал его, словно никчёмную использованную игрушку!

Кайлай снова подскочил с места, будто на пружинах, и громко стукнул кулаком по столу. Гийом отпрянул к другой стороне стола и быстро занёс руку над тревожной кнопкой.

— Не трудитесь, — вызывающе прорычал Жонс, снова беря себя в руки и восстанавливая мыслительные процессы. — Я с удовольствием помогу вам, коллега.

— Отлично! — как ни в чём не бывало выдохнул Ласке, оправляя свой щёгольский серебристый костюм. — Тогда можете пока проследовать в свою комнату, а распоряжение мы вам отправим.

Глава: Роман Прахов.

Туманика, станция — Геленджик-12.

Впервые за семь дней пребывания на станции Роману Евгеньевичу удалось приблизиться к первому защитному куполу достаточно близко, чтобы разглядеть работавших за ним каторжников.

Они возделывали и удобряли туманикскую землю с остервенелым энтузиазмом, словно прямо над ними в этот момент стояли охранники с щёлкающими кнутами — ничего подобного, конечно, не наблюдалось: НАЗовцы посчитали за лучшее всего лишь выставить круговые посты вплотную к куполу, на случай, если поднадзорные вздумают пробраться внутрь. О том, чтобы кто-то из них попробовал сбежать во внешнюю среду, охранники совершенно не беспокоились. И Роман понимал почему, особенно после рассказов, услышанных за ужином в столовой, когда ветераны станции решили развлечь новичков местными байками.

К таким вот рассказам в разведке всегда относились очень серьёзно, не в пример учебкам НАЗа, потому что, как говорил когда-то Андрей Ушков, в каждой байке крылась своя доля правды, и главное, чтобы однажды эта самая правда не укусила тебя за подходящее место... Шутил, конечно, но старшие всегда прислушивались к Андрею. И Роман не собирался отступать от традиции.

Сегодня его отправили подлатать стойку одного из постов. Дело пустяковое, сразу видно, что просто отделались от новичка, чтобы под ногами не мешался, пока осваивается. Но Прахов не возникал — он так давно не прикасался к инструментам, что боялся позабыть все навыки. Ан нет, руки вспомнили... Аккуратно приварив дополнительную опору к стойке, Роман Евгеньевич сложил инструменты в инженерную походную сумку и покосился на виднеющихся метрах в двадцати с одной и другой стороны постовых на точно таких же вышках. Те не обращали на рабочего никакого внимания и пристально наблюдали за внешней оболочкой первой сферы, иногда раскуривая электронные заменители сигарет, которые Завеса через силу разрешил использовать под открытым куполом. Тогда Прахов спокойно приблизился вплотную к прозрачной оболочке и, приподнявшись на носочках, взглянул вверх буйной поросли кустов какого-то растения.

Каторжники в приметных жёлтых робах трудились на земле. Это были здоровые добротные мужчины и юноши в полном расцвете сил. Роман Евгеньевич даже поразился, как тщательно они были подобраны; словно там, в верхних инстанциях, кто-то намеренно подталкивал цвет земной молодёжи к преступлениям, чтобы обеспечить Туманику такими вот работниками.

Прахов ещё раз окинул взглядом приятное буйство зелени посреди зимы и собирался уже возвращаться в городок, как вдруг заметил, что постовые на вышках заметно напряглись: курево было отброшено в сторону, звуковое оружие взято наизготовку. Роман Евгеньевич неприметно вернулся обратно на облюбованное место наблюдений, и попытался выяснить, что же произошло. Однако он был разочарован: спины каторжников как и секунду назад мягкими волнами возвышались над грядками без единого намёка на беспорядок. Что же так взбудоражило постовых?

Наконец он заметил, как из плотного бетонного барака без окон выплыла крошечная процессия из трёх человек: здоровенные санитары в комбинезонах Расевича и хрупкая маленькая женщина с несоразмерно огромным животом...

Беременная.

На полу-военной станции.

Среди каторжников.

Роман Евгеньевич едва удержался, чтобы не протереть глаза, и, забывшись, оперся руками на гладкую поверхность купола.

В то же мгновение сработала сигнализация и постовые, как по команде, безошибочно повернулись в его сторону.

«Твою мать...», — с запоздалым раскаянием подумал Прахов, вяло поднимая руки над головой. Тут же заработали репродукторы, и его обдало сухим как песчаный ветер голосом: «Немедленно отойдите от защиты на три шага и опуститесь на колени!»

Роман Евгеньевич послушно исполнил приказ, ожидая следующих действий охранного корпуса, который был расквартирован в городе, однако под куполом было до странности тихо. Через пару минут это заметили и постовые на вышках, недоумённо озираясь в сторону приметных казарм с обтекаемой красной крышей. Кто-то из них включил рацию на груди и принялся вызывать начальство, но им, судя по всему, никто не отвечал. Тогда один из постовых неторопливо спустился со своей вышки и подошёл к Роману Евгеньевичу, держа на плече звуковую винтовку:

— Здорово, приятель. Ты не знаешь, что у нас там происходит? Учения какие-то что ли?

Прахов по инерции взглянул в сторону, куда указывал постовой, и снова в недоумении уставился на простодушное лицо охранника:

— Они что, не отвечают?!

Пожалуй, только в это мгновение сотрудник охранного корпуса станции действительно забеспокоился. Он подбежал к другой вышке и что-то прокричал постовому — тот тоже слетел по лестнице на грешную туманикскую землю, и по рации вызвал остальных постовых, отозвавшихся на сигнал. На Прахова уже не обращали никакого внимания, только приказали держаться рядом: маленький отряд направлялся вглубь станции, выяснять, что же произошло, и почему отключились все пункты координации.

— Геленджик-12 являлся, по сути, крошечной станцией, всего пара километров в диаметре, так что углубляться было особо некуда. Спустя два десятка шагов показались первые строения, но в них было пусто и тихо. Кто-то смачно, трусливо матернулся и прибилсь поближе к остальным, слившись со своей винтовкой, как с самой горячей любовницей. Один из постовых, взявший на себя командование, приказал двигаться дальше по улице, и построил отряд так, чтобы несмышлёный механик оказался посередине. Роман Евгеньевич не возражал — без оружия ему было не по себе.

Показалась круглая площадь поселения, куда, как ручейки, сбегались под прямым углом все улицы. Она была пустынной и чистой, словно большое вымощенное камнями блюдо, только в середине виднелась какая-то необычная горочка. Главный постовой приблизился к ней и опустился на корточки: это была куча смятых листовок, сметённых сюда вместе с пылью и мелким щебнем.

«Что за чёрт?!»- должно быть, подумал каждый из их группы, а главный поднялся на ноги, отряхнув пыль с ладоней, и произнёс, оглядываясь по сторонам:

— Брущатка горячая...

с удивлением уставились на него, явно не понимая, к чему это было сказано, но вот до военных дошёл смысл произошедшего, и они в панике прислонились друг к другу спинами. «Что? Что?!»- в панике начал расспрашивать соседей Роман Евгеньевич, но те лишь оглядывались по сторонам. Наконец, кто-то из них тихо прошептал: «Это вулкан! Наверное, началось извержение, и станция эвакуировалась. Мы не защищены куполом!...»

«Бред какой...», — подумалось Прахову, но он всё же огляделся в поисках ответа. Всё было тихо, никаких диких животных, осмелившихся заглянуть в человеческое жильё, даже холодного зимнего ветра не чувствовалось. «Вы уверены, что купол открыт?»- чуть повысив голос, поинтересовался Роман Евгеньевич у своих товарищей по несчастью. — «Всё это выглядит как-то странно, словно чья-то шутка...»

В это мгновение затряслась земля, и неготовый к такому повороту событий Роман неловко повалился на спину. Новый толчок сбил ещё несколько человек, и они закричали от ужаса, наверное, зная нечто такое об этом вулкане, о чём не подозревал Прахов. Мир

продолжал сотрясаться, словно планета вдруг разразилась истерическим смехом и готова вот-вот нутужно закашляться лавой. Несколько зданий брызнули бетонной пылью, зазвенели стёкла и осыпались на мостовые. Грозно накренился Жираф, с глухим стоном застыв в позе уродливой пизанской башни.

Роман Евгеньевич перевернулся на живот и огляделся: все пространство неба странно мерцало, давая непонятные блики. Прахов даже подумал сначала, что у него просто рябит в глазах, но затем он с тревогой понял причину: сверхустойчивая защита станции — грандиозный внешний Купол — не выдерживал таких колебаний. Это было гораздо страшнее всех туманикских зверей вместе взятых. Роман понял, что в каждую секунду на него может обрушиться несколько миллионов тонн сверхпрочного энергопласта и раздавить как червяка. Он зажмурился и закрыл ладонями лицо — пальцы в панике захватили какую-то бумажку; Роман отвлёкся на неё и увидел, что это одна из листовок, сметённых в кучу посреди площади. Он машинально развернул целлюлозный комок и прочитал три слова, напечатанных жирным красным шрифтом:

«Это иллюзия, Роман».

Прахов ничего не понял и схватил следующую. На ней был тот же знакомый шрифт:

«Прахов, забудь, что видишь, и вспомни, что чувствуешь!»

В это мгновение чувства Романа словно обострились. Он услышал собственное тяжёлое дыхание, почувствовал ссадины на руках и ногах от падения, тёплую влажность в нижней части тела и резкий запах мочи, живо напоминающий о грязных городских закоулках. Что-то в его голове всё ещё пыталось убедить Романа Евгеньевича в ужасной катастрофе, но он уже знал: всё ложь и обман — собственное зрение попыталось ввести его в заблуждение.

Когда в следующую секунду Прахов открыл глаза, он понял, что лежит вовсе не на главной площади станции, а рядом с пустующей наблюдательной вышкой. Он попытался подняться на ноги и с ужасом заметил, что у него мокрые штаны. Было невыносимо стыдно, и в то же время Роман с обречённостью подумал, что болен, и симптомы усилились, так что ему теперь нечего было так уж беспокоиться об общественном мнении.

Он спокойно встал на ноги, огляделся: вокруг было тихо. Не вопила сигнализация, не было слышно угрожающих вскриков постовых... В общем-то, их самих не было на вышках. Прахов в панике обернулся, подозревая, что кошмарный сон начинает сбываться, и тут он ощутил в воздухе какой-то новый привкус... Пахло болью и кровью. Роман не мог объяснить, как ему в голову пришло такое сравнение, но он точно знал, откуда исходит данная эманация: в шести шагах перед ним за прозрачной толщей внутреннего купола на земле в судорогах билась беременная женщина, а двое санитаров безжалостно пропускали через её тело ток, используя погонные палки для скота. Двое постовых с ближайших вышек неожиданно появились рядом, непонятным образом проникнув на территорию каторжников. Они силой откинули санитаров, но из бетонного барака уже бежали учёные, протестующее размахивая руками...

Глава: Эрни Керниган.

Туманика, станция — Геленджик-12.

Ольга отвернулась и с демонстративным презрением подставила свою руку под иглу; подождала секунду — укола не последовало. Тогда она нетерпеливо обернулась, сверкнув голубыми глазами:

— Ну? И долго мне ещё ждать?

Керниган стоял рядом с койкой, занеся шприц для укола, и молчал, поджав тонкие бескровные губы.

— В чём дело, господин Эрни, — язвительно прошептала женщина, привстав с кровати.

Его светлые брови нахмурились, и он отложил лабораторную стекляшку в сторону.

— Не понимаю, к чему агрессия, Ольга Николаевна? Разве я чем-то заслужил ваше неодобрение?

— Чем-то?! Господи, не стройте из себя идиота, вам это не к лицу! Может, я и вела себя как дура, но теперь вы меня не проведёте!

Керниган пододвинул к кровати стул и терпеливо опустился на него:

— О чём вы?

— Я не больна, — обречённо прошептала Ольга, сморгнув слёзы. — Я умею делать эти вещи...

Керниган вытащил из нагрудного кармана блокнот и что-то записал туда.

— Какие вещи? — дотошно продолжил он свой глупый допрос.

Женщина молча испепелила учёного взглядом и отвернулась. Он тихо вздохнул.

— Если вы расскажете мне, что вас тревожит, я разберусь с этим...,- Эрни хотел прикоснуться к её плечу, но женщина с неожиданной силой отбросила его руку.

— Не прикасайся ко мне! Никогда, не смей! Я знаю, что вы хотите сделать со мной! Какое-нибудь очередное оружие для военных, не так ли?! Я видела здесь офицеров НАЗа, так что не пытайся отрицать!

Керниган возмущённо прижал к груди ушибленную ладонь, хотел что-то сказать, но осёкся и молча вышел из палаты.

— Она о многом догадывается, не проще ли будет рассказать ей правду? — раздражённо поинтересовался Эрни, швыряя папку на стол. — Это же человек, а не животное, в конце концов!

Ласке невозмутимо поправил воротничок своего белоснежного рабочего халата и, не оборачиваясь, поинтересовался:

— Какую именно правду вы хотите ей рассказать?

— Ну, — замялся Керниган, — ту часть, в которой говорится об истреблении болезней...

Гийом бросил на юного подручного тяжёлый взгляд:

— Эрни, вы же знаете о побочных эффектах? Как об ЭТОМ рассказать женщине, которую мы используем как генетический материал?!

— Но... ведь когда-нибудь мы избавимся от него! Я более чем уверен, что Ольга Николаевна...

— Замолчи ради бога! — неожиданно перешёл на «ты» заведующий лабораториями. — Нет никакой Ольги Николаевны, и тебе давно стоило понять это, мальчишка!.. Да что ты понимаешь в этой работе?!

Эрни замер от удивления: он никак не ожидал от своего ироничного и насмешливого

начальника такого взрыва эмоций. Правда, с некоторых пор Керниган перестал относиться серьёзно к проблемам на почве этой работы, поэтому развлёк себя, мысленно выливая на курчавую голову француза склянку серной кислоты.

— Если бы вы мне больше рассказывали...

— Ты здесь...,- Ласке ткнул пальцем в его сторону и замер на полуслове, задохнувшись раздражением, но всё же собрался и гневно продолжил, — ты здесь только потому, что после пробуждения Витала назвала первым твоё имя... Только поэтому! Нам не нужен был лишний работник, это знали и там, — он указал пальцем куда-то в небо, — и здесь. Но Майлз любит вставлять своим подручным палки в колёса, а потом наблюдать, как они будут с ними ехать. Поэтому не мешайся под ногами и просто выполняй свои обязанности!

Керниган сжал зубы. Ему вспомнился Игорь и те далёкие, почти невероятные дни, когда они вместе ещё только учились в университете, строя грандиозные планы на будущее. Ростовский мечтал разработать вакцину от СПИДа, рвался на научные конференции, и тянул за собой своего более приземлённого товарища... «Эксплор Технолоджи» попраала все их надежды, а теперь даже не пыталась опровергнуть этого.

— Послушай, Эрни, — наконец смягчился Ласке, — когда-нибудь ты узнаешь всё — никто так просто не вступает в игру Майлза, нужно время и проверка делом. Но раз уж ты здесь, у тебя есть шанс, поэтому просто иди и выполняй свою работу. Ясно?

— Ясно.

Керниган немного помолчал, восстанавливая тишину и равновесие в комнате.

— Но что же мне ей рассказать, чтобы снова вернуть доверие? Говорить о болезни бессмысленно, Витала оказалась не так глупа... Кстати, господин Ласке, а почему раньше с Виталами никто так не церемонился? Майлз рассказывал нам, что поначалу многие из них были уничтожены из-за неосторожности учёных... Это правда?

— Ммм, да. Творческий пыл, знаешь ли, — рассеянно подтвердил Ласке, копаясь в архивных файлах исследований. — Дело прошлое, что о нём говорить: благая цель требует жертв. Возможно, эта Витала тоже недолго продержится, нам нужно как можно больше её внутренних секретов, чтобы завершить последнюю стадию процесса... В этом и есть великая жертва учёных, мой друг: уметь вовремя забыть о своих чувствах ради блага человечества. Девушка, которая сейчас находится в нашем ведении, способна излечить миллионы, но мы должны принести её на алтарь науки. Понимаешь, о чём я говорю? — Ласке осторожно пожевал нижнюю губу и задумчиво уставился в пространство. — А Витале скажи, что её случайно заразили опасным вирусом... Ну, наплети что-нибудь о мутантах! Молодёжь так любит это...

Эрни резко кивнул и вышел прочь из кабинета. Ему было противно до гадливости... Великая жертва учёных! Лес рубят — щепки летят... Всё это он слышал сотни раз, а сам говорил — тысячи. И никогда не задумывался над роковым значением этих слов.

Но не сегодня.

Керниган остановился перед стеклянной дверью в свою крохотную лабораторию и помассировал лоб. Что-то странное с ним творилось: он никогда не слыл ярым гуманистом или принципиальным учёным — но все эти новые мысли, словно выдернутые со страниц какого-нибудь нравственного романа, страшно веселили Эрни. Как будто Игорь снова говорил с ним, мечтательно глядя в потолок и посмеиваясь над своим серьёзным другом...

Керниган решительно толкнул дверь, сделал два шага до своего заваленного бумагами стола, втиснулся в неудобное кресло и хлопнул об стол тонкой бежевой папкой.

«Какая чистая, аккуратная, немнущаяся бумага...»- подумал про себя Эрни, приподняв уголок листа. — «Что же скрывается за тобой?»

Эта была украденная со стола Гийома Ласке папка с чрезвычайно соблазнительным грифом — секретно. Возможно, в неё никто никогда и не заглядывал до Эрни. Керниган прочёл первые несколько строк — этого было достаточно, чтобы приоткрыть дверцу для лавины информации, хлынувшей с белоснежных страниц отчёта.

Эрни просканировал папку от корки до корки, затем снова и снова прожевал каждую букву, каждое слово, прежде чем осознал, проникся смысла написанного. Папку следовало срочно вернуть на место, чтобы никто не догадался, где она побывала, иначе...

Керниган резко вскочил из-за стола, сбросив на пол всё, что там было навалено, попытался натянуть на себя белый халат, но запутался в рукавах и с проклятиями отправил его следом неудачливой куче бумаги. Прикрыв бесполезными отчётами драгоценную папку, Эрни бросился вон из кабинета через удивлённую толпу новых сослуживцев, бредущих на обед. Они что-то насмешливо прокричали ему вслед, но Керниган не слышал — в его голове стучало всего одно слово: скорее! скорее!! скорее!!!

Удача на этот раз проявила благосклонна к ошеломлённому юноше: кабинет Ласке оказался не заперт, а сам хозяин, видимо, куда-то отлучился. Эрни в мгновение ока швырнул отчёты вместе с драгоценной папкой на аккуратный стол начальника и спокойно закрыл дверь, чтобы не привлечь внимания проходящих мимо сотрудников лабораторий.

Что же, первая часть его безумного плана воплотилась в жизнь, но останавливаться на достигнутом Керниган не собирался: слишком уж многое стало ему понятно за те несколько секунд, пока он читал секретный отчёт, предназначенный Генри Майлзу. То, что Эрни когда-то считал побочным эффектом, оказалось единственной настоящей целью, поставленной перед учёными «Эксплор Технолоджи» неизвестным заказчиком. Бесчеловечный, кровожадный план, воплощение которого должно было принести правящей верхушке миллионы, а многомиллионным жителям колоний — только смерть.

Теперь попытки загадочных Левигатов уничтожить Витал прежде, чем они попадали на Туманику в алчные руки учёных, казались самым гуманным, что можно было сделать в сложившейся ситуации. Но Эрни просто не мог, после смерти Игоря... он просто не мог предать ещё одного дорогого ему человека. Виталу следовало спрятать, увезти с планеты, или... обратиться за помощью к тому, чья рука не дрогнет... Но это крайний случай! А пока что Керниган намеревался спасти Ольгу Николаевну, и в одиночку ему это было не под силу.

Впрочем, Эрни догадывался, кто мог бы ему помочь, хотя пользоваться услугами этого человека ему не хотелось.

Куда был определён Ливановский, и находился ли он на станции вообще, Эрни было неизвестно, поэтому первым делом Керниган подал запрос в информационную базу, доступную всем жителям — Геленджик-12. Конечно, таким образом он засветился, но без этого было не обойтись. Зато юноша выяснил интересный факт, который мог пригодиться ему в дальнейшем: озовец остался на станции и был определён в один из внешних отрядов — группу специалистов, которые брали на себя главенство в экспедициях за образцами флоры и фауны. Удивительно, конечно, что неопытного в таких специфических делах человека направили сразу в отряд, но Кернигану это было только на руку. Поговорить с Джозефом наедине на станции не представлялось возможным: повсюду были люди,

сотрудники лабораторий, да и вообще, приватность на станции не приветствовалась — видимо Завесе таким образом было легче контролировать людей. В походных же условиях никто не станет следить за приватным разговором между одинаковыми в защитных костюмах людьми — там речь идёт уже о выживании, а не досужих сплетнях.

Судя по базовой информации, трижды проклятая «Эксплор Технолоджи» как раз организовывала очередную экспедицию к Хрустальному источнику, за вечно недостающими клубнями Карамельных Красавок. Вероятность того, что Джозеф будет включён в её состав, показалась Эрни очень высокой, и он тут же, не отходя от терминала, подал запрос на участие в экспедиции. Дело оставалось за малым — если Ласке подтвердит его прошение, у Эрни появится реальный шанс помочь Витале.

Глава: Роман Прахов.

Туманика, станция — Геленджик-12.

— Когда у вас впервые появились симптомы? — вяло поинтересовался седой врач, проверяя реакцию обоих зрачков Прахова на свет. — Вас не тошнит, когда я делаю вот так?

Роман мотнул головой, вконец ослеплённый, и смахнул с ресниц набежавшие слёзы.

— Не тошнит... Кажется, у меня был провал в памяти на «Эпсилоне», с этого всё и началось.

— Вот как? — доктор скучно приподнял брови, не переставая что-то записывать в медицинскую карту Прахова, и буднично прокомментировал, — У вас все признаки лёгкого сотрясения мозга, молодой человек, вероятно, вы здорово ударились затылком, отсюда и провал в памяти... Ничего серьёзного, пропьёте курс лекарств, которые я вам назначу, и через неделю будете в порядке. Я свяжусь с вашим начальством, и вам предоставят трёхдневный больничный.

Прахов секунду обдумывал слова доктора, ещё не смея поверить, что все те ужасы, что ему довелось пережить, были всего лишь следствием простого сотрясения. Затем он облегчённо вздохнул, провел ладонью по глазам, и тихо произнёс:

— Не беспокойтесь, мне не нужен больничный, я вполне справляюсь с обязанностями.

Старый врач, наконец, обратил внимание на пациента, озадаченно поправив круглые очки без оправы:

— Не понимаю, разве вы сюда не за этим пришли?

Ответом послужил весьма озадаченный взгляд Романа.

— Ну надо же, а я принял вас за одного из этих сибаритов! Видите ли, лаборатории опять собирают экспедицию к Хрустальному источнику, а поскольку никто не хочет повторения давней истории, люди изворачиваются как могут. Ко мне уже с утра трое новобранцев наведальсь, кто палец вывихнул, кто ногу ушиб... На что люди не пойдут, лишь бы не ходить к этому источнику! Впрочем, я их понимаю... Страшное было дело-то.

Прахов ответил, что ничего не слышал о наборе, и профессия у него совершенно не связана с экспедиционными рейдами. На этом они и закончили разговор, ограничившись пожеланиями хорошего дня. Роман получил на руки рецепт и выписку о состоянии своего здоровья, а врач сделал очередную пометку в журнале.

Но долго бездействовать в новоприобретённой блаженной уверенности Прахову не дал

ручной ПК, лёгким уколom сообщив о только что поступившем назначении. Такой неординарный способ поддерживать связь в демократически построенном обществе станции выдвинул Савва Петрович Завеса. На первый взгляд могло показаться, что под куполом царит своеволие, и дисциплина задавлена в корне, но это было не так: всякое передвижение членов общества строго контролировалось при помощи внутрикостных маячков, а начальство в любой момент времени могло связаться с подчинёнными и передать им указания, выполнение которых не подлежало обсуждению. Конечно, по началу бывали случаи, когда некоторые индивиды отказывались подчиняться, поведясь на видимую свободу действий; но Завеса строго пресекал такие вольности, вплоть до выдворения на сутки за пределы купола... Всего несколько подобных эксцессов, и вот уже каждый житель станции точно знал, как следует себя вести, когда ручной ПК подаёт сигнал лёгким уколom в запястье...

На крохотном дисплее высветился приказ срочно появиться в штабе распределения обязанностей. Роман Евгеньевич лишь удивлённо пожал плечами, но всё же решил не медлить и напрямиком направился в указанное помещение, где в свой первый день получил внутрикостный маячок и был прикреплён к штату техников. Какие ещё вопросы могли возникнуть у сотрудников этого самого штаба РАСО к обыкновенному технику, Прахов не догадывался. Свои обязанности он выполнял исправно, и начальство вроде не изъясляло претензий...

В небольшой кабинет с затёртым от частого хождения полом Роман Евгеньевич вошёл уже совершенно заинтригованный. Он молча провёл своей магнитной картой по считывателю и вопросительно воззрился на уже немолодую сотрудницу РАСО, тактично выжидая, пока она дожуёт бутерброд. Женщина явно не торопилась заканчивать трапезу, однако ничто не длится вечно, и, покончив с поздним завтраком, дама деловито защёлкала по клавишам такого же старого, как и она сама, компьютера.

— А! Ну да, конечно... Вас ожидает Константин Геннадьевич, пройдите в кабинет 102.

— Какой Константин Геннадьевич? — мягко поинтересовался Роман.

Перезрелая леди снисходительно спустила очки на нос, и голосом, полным превосходства, отчеканила:

— Константин Геннадьевич Этрус, между прочим, был капитаном вашего корабля, стыдно не знать!

До крайности «пристыженный» Прахов побрёл в указанном направлении и вскоре нашёл глазами дверь с позолоченной табличкой «102». Он постучался и, не ожидая ответа, вошёл.

— Рома! — Из-за стола проворно поднялся Костя и стиснул опешившего Прахова в дружеском объятии. — Хорошо, что ты так быстро, меня отпустили всего на час улаживать этот вопрос.

«Действительно Этрус, и действительно ждал. Но почему в РАСО?!» — удивился Роман Евгеньевич, изо всех сил стараясь не задохнуться:

— Ко-ох-стя!

тут же вспомнил, что у его приятеля есть позвоночник, и отпустил его.

— Я тоже рад тебя видеть, — улыбнулся Прахов. — Какой ещё вопрос? Это как-то связано со мной?

Этрус снова опустился на стул, и выражение его лица стало неуверенным:

— Видишь ли...

В это мгновение в дверь просочился полный джентльмен лет сорока и, осторожно подвинув Прахова, с усталым вздохом приземлился в одно из кресел.

— Доброе утро, Константин Геннадьевич! Извините, что опоздал, спозаранку такая суета! Нигде без меня обойтись не могут!

Костя согласно кивнул и представил Роману взмокшего джентльмена — как оказалось, начальника штаба РАСО — Карла Штудовича Опекина. Несчастный всё никак не мог отдышаться, но уже силился достать какие-то документы из своего портфеля. Наконец, он пришёл в себя и весьма деловито начал, обращаясь к Прахову:

— Роман э-э... Евгеньевич, мы наслышаны о вашей прежней профессии, и хотим предложить вам более оплачиваемую должность, в качестве специалиста внешнего отряда. Это значительное продвижение по службе, которое сопровождается дополнительными льготами и...

Прахов движением руки остановил поток сладких речей из уст кадровика и вопросительно взглянул на Костю. Тот извинительно улыбнулся и продолжил за начальника РАСО:

— Видишь ли, Рома, не хватает нужных людей для экспедиции за Карамельными Красавками. Все кто мог, уже отказались, ссылаясь на болезнь...

— Да, я наслышан об этом.

— Вот управляющий станцией и попросил меня подыскать специалистов из вновь прибывших. А лучше тебя здесь никто не подготовлен для выхода на поверхность!

— Кроме тебя, естественно, — снисходительно улыбнулся Роман Евгеньевич.

Этрус переменялся в лице.

— Меня не пустили, — мрачно ответил он. — Если бы была такая возможность, я бы не обратился к тебе...

— Согласен, — тут же перебил его смущённый Прахов.

Он вовсе не хотел ставить друга в положение, когда необходимо оправдываться за свои действия — обидные слова будто сами вырвались. Когда червь сомнения успел прогрызть крошечное отверстие в крепкой оболочке их с Костей дружбы? Неужели в тот самый момент, когда Этруса назначили капитаном «Эпсилоны», а Романа всего лишь дежурным механиком?!

Прахов отмахнулся от этой мысли, как от назойливой мухи, и приказал себе выбросить дурь из головы. Он не позволит каким-то мелочным амбициям портить его отношения со старым товарищем.

Костя облегчённо вздохнул, провожая взглядом широкую свободную спину друга. Так неприятно было лгать Роману прямо в глаза, даже привкус какой-то гадливый на языке остался... Но Этрус твёрдо решил не отступать от задуманного, потому как, кто ещё сумеетправить мозги упёртому разведчику?

— Зря вы так, Константин Геннадьевич, — с кислой миной сообщил начальник РАСО, молча наблюдавший всю сцену, — подчинённые должны соблюдать субординацию, иначе какая на станции будет дисциплина?

Этрус лишь метнул в чиновника презрительный взгляд и вышел прочь из кабинета. Уж о дисциплине он знал поболее каких-то бюрократов, и настоящая дружба была гораздо важнее...

Собрание управленцев ожидало его прибытия ровно через час, так что он успевал

заскочить в свой жилой блок, щедро выделенный Завесой для капитана «Эпсилоны». Всего одна комната с крошечной ванной и санузлом была настоящей роскошью на станции с казарменным образом жизни. И это было очень кстати...

Катя сидела на его кровати, бледная и чрезвычайно худая, словно после тяжёлой болезни. Её плечи и локти угловато торчали из-под широкой мужской рубашки, а мелкие веснушки ещё ярче проступали на аккуратном носике и впалых щеках, придавая сходство с дворовым мальчишкой. «Пацанка и есть»- улыбнулся про себя Костя, а вслух недовольно пробурчал:

— Ты вообще ешь то, что я тебе приношу? Смотреть страшно, одни кости! Роману не понравится...

Катя нахмурилась и придиричиво осмотрела себя в зеркальце.

— Может быть... Костя, ну что мне делать?! Он ни за что не захочет меня увидеть!

С такими приступами отчаяния Этрису приходилось сталкиваться каждый день, и каждый день он стойчески выдерживал атаки, внушая женщине, что всё будет хорошо:

— Брось, Катерина, я же уже говорил тебе!

— Да-да, знаю, мне надо успокоиться, — она судорожно вздохнула. — А что насчёт той экспедиции?

— Я уже договорился, — быстро ответил Этрис, заваривая сухой пищевой концентрат в кружке, — Романа не будет на станции около трёх дней, так что ты успеешь освоиться и подготовиться.

— Это точно не опасно, Костя? — с завидной проницательностью уточнила женщина, пытаясь уловить в глазах разведчика хоть какой-то намёк на ложь, но всё напрасно.

— Опасность присутствует всегда и во всём, Катюш... Но Роман подготовлен к любым внештатным ситуациям за пределами купола, так что не стоит за него переживать. К тому же, возглавлять экспедицию будет опытный человек, проработавший во внешнем отряде не менее двух лет!

Женщина обречённо приняла горячую кружку из рук Этриса и сделал пару глотков.

— Гадость какая...

— Это стандартный набор витаминов, углеводов, белков и жиров, — пожал плечами Костя, словно извиняясь, — в космосе самый ходовой продукт! Разработан ещё лет десять назад Генри Майлзом.

— А, этим учёным... Знаешь, Костя, я ведь раньше никогда не бывала в космосе; даже не думала, что здесь всё принадлежит такой маленькой компании как «Эксплор Технолоджи»...

Глава: Роман Прахов.

Туманика, станция — Геленджик-12.

Кайлай рассеяннo слушал преподносимую полковником информацию, так как был хорошо знаком с фактами, которые находились в распоряжении сотрудников внешнего отряда станции.

За три месяца до получения этого затянувшегося задания, Жонс вместе с остальными офицерами Озна проходил ознакомительный курс по Туманике ввиду того, что организация

очень тесно работала с этим проектом землян, основанным на далёкой планете. Кайлай всегда был внимательным слушателем, однако он даже представить себе не мог, что спустя двенадцать лет ему придётся на практике применять полученные знания. Впрочем, агентов готовили таким образом, чтобы они запоминали важные сведения, сами того не осознавая.

Теперь он не столько слушал, сколько рассматривал своих компаньонов. С двумя из этой разношёрстной компании Жонс был уже знаком: живучий краб-отшельник, которого следовало поскорее убрать с дороги, пока он не разоблачил в Кайлае своего несостоявшегося убийцу (и почему только он этого ещё не сделал?!); и несносный мальчишка Керниган, в свою очередь, чуть не погубивший Кайлая, засунув его без подготовки на двенадцать лет в геленосную камеру...

«Замкнутый круг»- иронично усмехнулся про себя сотрудник Озна, и скрыл улыбку задумчивым жестом руки.

Поход за пределы станции мог стать прекрасной ширмой для убийства, поэтому Жонс был весьма расположен тому факту, что Роман Прахов тоже участвовал в экспедиции. Однако Кайлая не устраивал сам факт его собственного пребывания на станции, в то время как Анатинак должен был забрать агента с Туманики ещё неделю назад! Всё шло не так, как он планировал, и это раздражало, заставляло мысли крутиться в голове как волчок, искать выход, которого просто не было... или был?

«Ну что же, если больше нет никаких вопросов», — наконец проговорил полковник, аккуратно складывая документы в коричневую папку, — «тогда можете быть свободны, господа. Выступаем этим вечером в двадцать часов по местному времени, так что не забудьте проверить амуницию заранее, никого ждать не будем».

снисходительно усмехнулся в отхлынувшей из зала толпе, очевидно сомневаясь, что мероприятие с таким небольшим количеством участников может позволить себе такие строгие временные рамки. Но большинство пропустили несурязицу мимо ушей, так как были заняты собственными соображениями по поводу прослушанной на лекции информации.

Было над чем поразмышлять.

В сущности, никто на станции толком не знал, чего можно ожидать от флоры и не очень гостеприимной фауны Туманики. Сведения, которыми оперировал полковник в своём довольно занимательном выступлении, были весьма расплывчаты. К примеру, те же Фантазёры... Кажется, они умели вызывать у людей галлюцинации на расстоянии; и никакой защиты от этого не было предусмотрено!

«Скверный факт. За двадцать лет могли бы уже что-нибудь придумать», — с неудовольствием подумал Прахов, прогулочным шагом пересекая слишком короткое расстояние от здания, где проходило собрание, до своей «родной» казармы. — «И это намерение полковника выступать вечером... Конечно, Холодные псы, по-видимому, достаточно серьёзная угроза, чтобы принять эту меру предосторожности, но кто мог с достоверностью сказать, что по ночам на Туманике не бродят хищники ещё более опасные?»

Прахов остановился посреди улицы, размышляя, куда бы ему отправиться, лишь бы не возвращаться в ненавистную казарму. Его внимание привлёк камешек, чинно валявшийся на идеально ровной поверхности земляной дороги. «Что, приятель, скучно тебе здесь, без товарищей?»- с улыбкой поинтересовался у камня Прахов, беззлобно поддев его ногой.

Бульжник не ответил. — «Вот у меня на станции есть друг, правда мы теперь с ним редко видимся...»

И тут Романа осенило. Чего же он жалуется на судьбу бессловестному камню, когда можно пойти и наладить отношения с Этрусом? Прахов резко сменил направление и зашагал быстрее, нахвистывая себе под нос.

Как Роман и догадывался, Этруса поселили в отдельные покои. Домик чем-то походил на старый трейлер, снятый с колёс, однако в нём было достаточно места для крошечной ванной комнаты и туалета. Такая «роскошь» вызвала лёгкий укол ревности в душе Прахова, остро нуждающегося в личном уединении. Но Роман тут же заставил себя улыбнуться и приказал трезво смотреть на вещи: капитан нёс огромную ответственность за экипаж, и вполне справедливо мог пользоваться некоторыми привилегиями за это. Отмахнувшись от ненужных мыслей, Прахов тихо поднялся на три крошечные ступеньки и легонько постучал в железную дверь, опасаясь, что хозяин мини-особнячка может отдыхать, а будить Этруса в послеобеденное время было опасно для жизни и здоровья. Постоял несколько секунд — ему не ответили.

«Ну что ж, либо спит, либо решает какие-нибудь организационные вопросы в штабе Завесы», — уныло подумал Роман, сожалея о несостоявшейся беседе. Он уже собрался уходить, как вдруг ему послышалось шуршание за тонкой стеной домика. Прахов насторожился. Костя не имел привычки намеренно прятаться от посетителей, держа их за закрытыми дверями, так что Роман Евгеньевич решил проверить, не забрался ли к его товарищу нечистый на руку житель станции. Он резко дёрнул ручку двери, и та оказалась не заперта...

В лёгком сумраке единственной комнаты кружились в столбе света мельчайшие пылинки, поднятые резким потоком воздуха. Они резвились и кружились вокруг стройной фигурки в мужской одежде, словно намеренно стремясь к её маленькому веснушчатому лицу. Испуганные огромные глаза наполнились слезами. Женщина сжалась под шокированным взглядом Прахова, худые пальцы стиснули тонкие плечи. Внезапно она резко вдохнула и разразилась громким звонким чиханием, вся согнувшись пополам от неожиданности.

Роман вздрогнул. Он резко захлопнул дверь, одним шагом преодолел три ступеньки и быстрой строевой походкой ретировался прочь от опасного места.

В голове у него было пусто и звонко, и ещё страшно хотелось выпить, хотя Роман никогда не принадлежал этой пагубной привычке. Он остановился у какого-то военного здания, в котором было тихо, облокотился на его прохладную стену и закрыл глаза, позволяя разуму погрузиться в жестокую пучину терзаний:

«Она ещё и с Этрусом мне изменила!»- это в дверь попробовала сунуться первая наглая мыслишка, но Роман прогнал её взашей и приказал соблюдать порядок.

«Нет, она прилетела за мной, потому что любит...», — степенно доложила следующая по очереди продукция мнемы.

«Маловероятно!»- грозно пыхнул на неё Роман горьким дымом воображаемой сигареты и небрежно рывкнул, — «Следующая!»

«А может быть...»

«Нет, нет!..»- протестующе замахал руками Прахов на неожиданно возникшую посреди его головы идею.

«Но всё же...»

— Я не могу сойти с ума! — вслух выкрикнул он, и вдруг поразились очевидности своих слов. — Господи... Это же всё объясняет! Врача давно накрыл маразм, он слишком долго лечил переломы и сотрясения..., не удивительно, что этот старый хрыч ничего не понял! У меня галлюцинации, причём неизвестно как давно. Могу ли я отличать реальность от вымысла? Что происходило на самом деле, а чего никогда не было? Когда я вообще в последний раз нормально спал?!

Прахов бормотал вслух свои прорвавшиеся наружу опасения, когда из-за угла появилось несколько военных.

— Эй, приятель, с тобой всё в порядке? — остановился один из них, подозрительно оглядывая съёжившегося и раздавленного внезапной паникой Прахова.

— Реальные они или нет? — неожиданно для военных задался вопросом Прахов, глядя куда-то вбок и вправо мимо них. — Выглядят нормально. Но Катя... Есть только один способ узнать, — всё так же тихо самому себе пробормотал бывший разведчик и без предупреждения бросился с кулаками на ничего не подозревавшего офицера. Тот моментально оказался на земле с расквашенным носом и подбитой скулой, но спутники пострадавшего недолго пребывали в ступоре: они оттащили разбушевавшегося техника и задали ему хорошую взбучку прежде чем отвести в медпункт. Роман Евгеньевич не возражал, он был слишком занят анализом данных, полученных таким экстравагантным способом, чтобы отвлекаться на мелочи. Короче говоря, как и положено психам, Роман Евгеньевич отключился от реальности, предоставив медработникам все заботы о себе.

Несчастный доктор, который осматривал его накануне, был поражён внезапной переменой в уравновешенном сотруднике станции, и пребывал теперь в совершенной растерянности, оправдываясь перед начальством:

— Не могу понять, что произошло! Он был абсолютно нормальным, когда рассказывал мне об этих своих якобы галлюцинациях!

Савва Петрович Завеса, пришедший лично взглянуть на первый случай помешательства на — Геленджик-12, степенно кивнул и прошёлся вдоль прозрачной стены палаты.

— А вы брали у него анализы крови?

— Конечно же! Это первое что мы сделали! Никаких наркотиков, если вы об этом. Он просто..., сошёл с ума на ровном месте! — всплеснул руками доктор и горестно уставился на поникшего Прахова, которого привязали к койке ремнями, облачив в нечто несуразное — станция не была оснащена для подобных ситуаций.

— Значит, он симулирует, — жёстко отчеканил Завеса, сдвинув тёмные брови к переносице. — Ещё один трус, ни больше ни меньше! Сами просят на Туманику, а потом боятся и носа на поверхность показать!

Савва Петрович отвернулся и сурово бросил своему секретарю:

— Вызвать ко мне Этруса! Будем разбираться, это его рекомендация.

Этрус прибыл немедленно, отбросив все дела в сторону, лишь только услышал, что с Праховым приключилась беда. В палату его не пустили, несмотря на горячие убеждения, что он ближайший друг больного. Косте ничего не оставалось, как заступиться за Романа Евгеньевича перед начальником станции — пока что ничем другим он не мог ему помочь.

Разъяснение проходило тут же в больнице: Завесе выделили кабинет главврача и предоставили в распоряжение всю имеющуюся инфраструктуру, а также двух крепких

санитаров на случай...

В общем, когда Костя реализовал посреди кабинета свою внушительную и полную негодования фигуру, Савва Петрович был уже во всеоружии.

— Я не понимаю что происходит?! Почему Романа привязали к койке? Он вам не какой-нибудь буйно-помешанный! Немедленно прикажите развязать его! — повышенный тон, который взял Этрус, едва не сотрясал стены крошечной комнаты, но Завеса остался невозмутим и спокоен.

— Константин Геннадьевич, вы сначала присядьте и послушайте.

Костя покрылся пунцовыми пятнами, но всё же резко опустился в предложенное ему кресло, отчего несчастный предмет мебели жалобно пискнул и замер в шаткой позе на разъехавшихся ножках.

— Внимательно!

Завеса терпеливо вздохнул.

— Константин Геннадьевич, вы упоминали, что лично служили с Праховым в одном отряде, не так ли?

— Определённо.

— И он ранее не проявлял никаких склонностей к помешательству?

— Определённо, никаких, я знаю его как облупленного!

— В таком случае вынужден вас огорчить: ваш Роман Евгеньевич симулирует умственное расстройство, чтобы увильнуть от похода за Карамельными Красавками.

— Что?! — Костя молниеносно вскочил на ноги и принялся расхаживать взад вперёд, опасно заполняя собой всё пространство крошечного кабинета. — Да вы, похоже, сами рехнулись здесь со своим походом! Ромка здоров, и он не трус! Мы с ним иначе как на открытых поверхностях раньше не работали, и с чего бы это ему вдруг испугаться какой-то там Туманики?! Это чушь, полная чушь! Что говорят врачи? Я не хочу слушать ваши домыслы — мне нужно мнение компетентных работников! А ещё лучше, дайте мне переговорить с Романом, я уверен, что всё это — досадное недоразумение.

— Хорошо если так. Думаю, я могу устроить вам очную ставку в обход разрешения главврача прямо сейчас, — доброжелательно вздохнул Савва Петрович и тяжело поднялся с кресла, — мне здесь совершенно не нужны ни сумасшедшие, ни тем более дезертиры. Пойдёмте.

Они вышли из кабинета более-менее просветлёнными. Костя на все лады ругал в душе Романа Евгеньевича, который не поделился с ним своими проблемами, а теперь сорвался и угодил в смирительную рубашку. А Завеса сердился на чрезвычайные ситуации, которые в последнее время сыпались на него, как из рога изобилия...

Пограничная станция суперсекретной правительственной службы безопасности Земли — Озна — уже три раза в течение последней недели выходила с ним на связь и докладывала о странных происшествиях над поверхностью планеты, связывая это с возможной деятельностью Левигатов. Они советовали сохранять бдительность, хотя не разъясняли, что это за Левигаты и как с ними бороться. Есть, мол, такие плохие дяди, которые охотятся за исследованиями, проводящимися на планете правительством и «Эксплор Технолоджи», поэтому заботьтесь о внешней безопасности станции как следует!

«Чёртовы идиоты! Лучше бы объяснили толком, чем страшать почём зря!»- мысленно выругался Савва Петрович, украдкой от секретаря придерживаясь за живот, который опять

сводило судорогой от нерегулярного питания и нервов. — «Так и до язвы недалеко! Правильно Степанчиков говорит, пора мне убираться с этой чёртовой станции на покой...»

Этрус и Завеса были так погружены в свои размышления, когда входили в палату, что даже не сразу заметили отсутствие самого виновника шумихи — Прахов таинственным образом исчез. Ремни его койки были наполовину развязаны, наполовину разорваны, больничная сорочка валялась на полу, а двери (что, впрочем, не особенно удивило Савву Петровича) — открыты.

Завеса давно уже пенял на расхлябанность медперсонала станции, не особенно обременённого своими обязанностями по сравнению с другими служащими — Геленджик-12. А теперь они ещё и дезертира полу-помещанного потеряли! Савва Петрович разъярённый обматерил влетевшего следом за ними санитаря, который только ошалело хлопал глазами, как рыба на суше, и быстро набрал сообщение на своём ручном ПК.

— Что это вы делаете? — изумился Костя, который в этот момент заглянул ему через плечо.

— Объявляю розыск! — сварливо огрызнулся Завеса и отвернулся от Этруса. — Столько проблем из-за одного человека! Просто поразительно! Как только его обнаружит наша следящая система — прикажу закрыть в карцере месяца на два, и только потом допущу к нему врачей: посмотрим, что он к тому времени запоёт!.. И не вздумайте давить на меня своим положением, Константин Геннадьевич! Мы это уже проходили, и вот что вышло!

Этрус оценил ситуацию и неохотно отступил, чтобы не усложнять ситуацию. Следовало повременить с наступлением на несговорчивого управляющего, пока тот ещё сыпал красными искрами из глаз, точно разъярённый бык. Неожиданно его легонько кольнуло в запястье, и на мониторе ПК высветилось новое сообщение с неизвестного адреса. Этрус знал только одного человека на станции, который имел доступ к незарегистрированному портакомпу, и ему очень не понравилось, что она так рисковала своей конспирацией. Однако то, что он прочитал в сообщении, не понравилось ему ещё больше: Роман узнал обо всём! Понятно, почему он с катушек слетел! Навообразил себе неизвестно чего...

Костя выскочил из палаты как пожарный на вызов сирены. Кому как не близкому другу было знать о взрывоопасности характера обычно такого спокойного и уравновешенного Прахова! Он мог натворить совершенно непредсказуемых дел, находясь под влиянием разбушевавшихся чувств. Были веские причины, почему Окунь не хотел отпускать Романа в полёты дольше остальных членов группы после случившегося на метеорите. Всем было трудно пережить потерю давно ставших друзьями коллег, но Роман переживал совершенно по-особенному. Психологи утверждали, что миролюбивый в обычной жизни Прахов был настоящей бомбой с пружинным механизмом — хороший толчок мог сделать из него настоящего зверя.

Возможно, Катя была в серьёзной опасности...

Глава: Эрни Керниган.

Туманика, станция — Геленджик-12.

К вечеру над планетой неожиданно пошёл снег. Влажный тяжёлый и мягкий, как испорченная вата. Эрни даже передёрнуло от чувства тоскливого одиночества, которое он испытал, оказавшись вне защиты купола в таком непрочном коконе комбинезона Расевича... Но его спутники не подавали никаких признаков волнения, и он обречённо двинулся следом за своей группой.

Компания, по мнению Эрни, подобралась не самая надёжная: пара учёных, откровенно сторонившихся Кернигана, и несколько офицеров, которые ко всему прочему конвоировали отряд каторжников из пяти человек с поклажей. Едва ли они смогли бы дать серьёзную защиту одиночке, отвратительно владеющему оружием, в настоящем лесу, да ещё в такую погоду...

Чёткую влажную цепочку следов скоро замело напрочь, а дикий лес неожиданно быстро потемнел в резких порывах густой метели. Идти даже по накатанной машинами тропе стало очень сложно: каторжники еле волочились, согнувшись под тяжестью оборудования, а офицеры то и дело сверялись со спутником, и тщательно исследовали местность тепловизорами.

Тишина и пустота..., только завывание ветра в наушниках, от которого хотелось немедленно отключиться, чтобы снова почувствовать себя в безопасности...

— Отлично! — неожиданно прорезался сквозь шум голос командира отряда. — Я только что получил данные со спутника о местоположении здешней популяции Холодных Псов. Из-за метели они уже улеглись в свои навалы, и можно не беспокоиться о нападении до самого утра. У Хрустального источника мы будем часа через три максимум, так что к рассвету вернёмся на базу. Однако советую не терять бдительность и прибавить шагу!

«Хороший ход», — усмехнулся про себя Керниган, — «Главное сказать, что всё уже хорошо, осталось только чуть-чуть поднатужиться! На самом-то деле, всё это совершенно ничего не значит...»

Эрни данный факт показался до глупости очевидным, однако слова полковника подействовали на удивление эффективно: люди приободрились, даже нещадно нагруженные каторжники бодрее потянулись вперёд, и отряд действительно набрал потерянную ещё в самом начале пути скорость.

Давно обещанный привал случился лишь спустя два часа напряжённого марш-броска. Люди попадали на землю кто где стоял, и принялись усердно дышать свежим баллонным кислородом, рискуя обжечь себе лицо.

Эрни этот переход давался, пожалуй, ещё труднее, чем всем остальным, ведь жизнь в лабораториях не предполагала подобных нагрузок, а он давно забросил физические упражнения. Однако Керниган героически старался держаться наравне с комбинезоном Ливановского, и ни на секунду не забывал о своих истинных намерениях.

Пока члены отряда блаженно вытягивали онемевшие от ходьбы ноги, Эрни подполз ближе к Джозефу и знаком попросил его включить локальную связь. Голос озновца прозвучал совершенно спокойно, будто он не бежал только что наравне со всеми по заснеженному лесу. Кернигану пришлось пару раз вдохнуть из баллона, чтобы достойно поддержать беседу.

— Я... хых... должен вам кое-что... хуух... рассказать..., - несколько секунд натужного

пыхтения, — Это очень важно!..

— Не сомневаюсь, — удивлённо прозвенел ясный голос Кайлая в наушниках. — Это так срочно? Ты вполне можешь отдохнуть несколько минут.

Эрни только махнул рукой, сберегая воздух для следующей фразы.

— Мне нужна... ваша помощь, это касается...,- он воровато огляделся, будто их могли подслушать, и продолжил уже тише, — это касается Виталы!..

Кайлай недовольно поморщился в скафандре. Воспоминания об этом странном существе угнетали его, вызывали дрожь по всему телу, будоражили и взвинчивали нервы до предела — и он ничего не мог с собой поделать, как ни старался. Загадочное происшествие в лаборатории пугающим образом повлияло на Кайлая: как-то незаметно в его голове поселилась стойкая уверенность, будто между ним и человеческой женщиной установилась какая-то неподвластная разуму связь. И теперь Витала присутствовала во всём, что окружало сонитанина, вернее не она сама, а тот самый радужный перелив, который незаметно играл в её волосах... Стоило лишь ненадолго отвлечься, и Кайлай тут же замечал боковым зрением радужное сияние на предметах, будто все они были покрыты тончайшей нефтяной плёнкой. И даже теперь, глядя на человека в скафандре, который рискнул обратиться к нему за помощью, Жонс обнаружил в его чертах яркие переливы радуги.

«Проклятье!»

Кайлай хотел ненадолго отключиться, чтобы самому прийти в себя, но тут Эрни словно прорвало: он начал сбивчиво выдавать всю информацию — и об экспериментах над Виталами, и для чего эти данные собирались использоваться... Короче, поставил размашистую подпись под своим смертным приговором.

Кайлай слушал молча, и не мог поверить, что среди людей действительно существуют такие дураки. Ну откуда, по его мнению, «Эксплор Технолоджи» получила разрешение на использование Туманики как базы для исследований?! Дурак, дурак!

Жонс запоздало обрубил их локальную связь, оставив Кернигана дебело разевать рот, и зажмурился. Ему совершенно не хотелось знать, что земные учёные делали в своих лабораториях с Виталой, вообще хотелось забыть обо всём этом как о страшном сне! Тем не менее, придурковатый юнец сидел напротив: жалкий, в доску беспомощный — и просил помочь защитить существо, которое, возможно, совсем недавно хотел изучать с не меньшим рвением, чем его товарищи по лаборатории.

«Словно наваждение какое-то!»- только и сумел подумать Кайлай. Виталы странным образом действовали на некоторых людей: заставляли подчиняться себе, оберегать себя вопреки инстинкту самосохранения. Кайлаю оставалось уповать на своё природное сонитанское хладнокровие, но оно уже не раз предавало хозяина.

Вот и сейчас врождённая бесчувственность в последний момент предательски оставила Жонса:

— Эрни, ты действительно можешь подтвердить эту информацию документально? Просто едва ли моё начальство примет твои бредни за чистую монету, — неожиданно для самого себя произнёс Кайлай откровенную ложь таким спокойным тоном, что чуть не поперхнулся собственными словами.

Керниган замер, будто не ждал, что Джозеф поверит ему, а затем призадумался.

— Нет! Документы не помогут, это только лишняя волокита, а Виталу нужно спасать, пока она ещё жива! — Эрни жадно вдохнул кислород из баллона и продолжил. — Я... возможно я знаю, что нужно сделать. Мы можем угнать стационарный шатл и отвезти Ольгу

на вашу охранную станцию Анатинак, пока сюда не прибудет правительственная комиссия.

Внезапно Кайлай почувствовал оживление мыслей в своей голове: если мальчишка предлагал такой рискованный вариант, значит, у него была хотя бы призрачная надежда получить код от ангара с шатлами... Но похитить со станции Виталу, явилось бы непростительной глупостью со стороны сотрудника Озна, который поклялся защищать интересы Сониты, даже если они выходят за рамки моральных норм. А в данный момент эти интересы как раз были сосредоточенны на том, чтобы человеческие учёные выпотрошили девушку-Виталу до костей, пустив её удивительное, неповторимое тело на ужасные эксперименты.

С другой стороны, форпост Анатинак практически бросил Кайлая на станции без объяснений и дальнейших указаний! И, похоже, там никто не торопился возвращать агента назад в Озн. Ничто не мешало подыграть Кернигану и в последний момент одному смотаться с планеты. Или даже с ним... Чего доброго, дурак наплетёт свои бредни кому-нибудь из военных, пойдут слухи..., а это может подорвать репутацию станции и сорвать эксперименты, которые так тщательно спонсировала Сонита. Быть может, даже удастся оставить его в живых.

А Витала... всё может случиться, вдруг обстоятельства вынудят Кайлая взять её с собой на корабль? Как сказал один сонитанский философ: тропы будущего укрыты сенью неизвестности...

Полковник поднял их спустя всего двенадцать минут после объявления привала, и безо всяких объяснений приказал перейти на лёгкую рысцу. Даже при условии, что отряд не тащил бы за собой навьюченных до отказа каторжников, едва ли измученные люди смогли бы осилить этот приказ. Кайлай сразу насторожился и, подцепив еле перебирающего ногами Кернигана за пояс, незаметно переместился в самое начало процессии, где локальная связь была лучше, в надежде услышать хотя бы часть разговора командира отряда с обслуживающим спутник центром.

Около пяти минут марша было абсолютно тихо и спокойно, только с перегруженных ветвей седыми ручейками флегматично ссыпался снег. А затем Кайлая начало одолевать непонятное чувство беспокойства. Возможно, причиной послужил возросший шумовой фон на частоте локальной связи; но даже когда сонитанин отключился от внешнего мира, шептание не прекратилось, скорее наоборот — стало более отчётливым, напоминая звуки голоса: «Кап... Хррр... Лай... Зззз... Кай... Фррр... Кайл... Кайлай!»

От неожиданности сонитанин остановился как вкопанный, и в то же мгновение почувствовал сильнейший толчок внизу живота, который подбросил его вверх на несколько сотен метров прямо сквозь плотный свод обнявшихся ветвями деревьев. Кайлай зажмурился, сгруппировался, ожидая удара о землю, и постарался ощутить облепившую его тело ткань комбинезона, чтобы проанализировать потери. Однако логически завершающий сей грандиозный полёт удар, так и не последовал, наводя Кайлая на мысль, что он просто лежит без сознания.

Тот факт, что на него напали, сонитанин даже не подвергал сомнению. Было, также, весьма вероятно, что возвращение в сознание не принесёт ему никакого облегчения: обнаружить себя без рук или без ног (а если и без того и без другого?!) в лесу, кишашем

незнакомыми тварями — не лучшее начало боя, можно даже сказать, его окончание. Тем не менее, бесполезно пролеживать утекающие сквозь пальцы драгоценные песчинки жизни казалось верхом глупости пока ещё живому сонитанину, поэтому Кайлай усилием воли заставил себя открыть глаза и по возможности принять оборонительную позицию. Оказалось, что Кайлай вовсе не лежал на холодном снегу, истекая кровью, и даже попросту не обретался на грешной земле: он парил высоко над кронами деревьев, не ощущая ни хлестких порывов ветра, ни пронизывающего всё тело холода — в расступившейся ночной тьме сияли миллионы маленьких радуг, одной из которых был он сам. Этот свет простирался до самых небес и уходил глубоко вниз, точно падая в бесконечный зев пропасти. Пульсация жизни затмевала сияние звёзд и притяжение планет, она манила к себе и не оставляла равнодушным даже холодный разум сонитанина. Одиночество было закончено, границы бытия рассеялись, душа освободилась от оков...

«Не время, брат!»- неожиданно гулко прозвучали в пустоте интонации знакомого голоса. — «Я понимаю, для тебя всё это ново, но ты должен внимательно выслушать меня и сделать так, как я скажу!»

Кайлай ощутил присутствие близкого ему существа, будто прикосновение пера или омовение ароматом, но глаза не смогли отличить сияние Кастора от бесконечного потока жизни.

«Я не вижу тебя! Только свет вокруг! Но как он прекрасен, Кастор!»

Его брат испытал лёгкое раздражение — Кайлай сразу почувствовал это, как если бы рассердился сам. Поэтому он постарался успокоиться и прислушаться к голосу Кастора.

«Спасибо, Кайлай, мне приятно твоё понимание... Ты в большой беде! То место, где сейчас находится твоё тело, скоро будет разрушено, не останется и камня на камне... Есть способ улететь с планеты до катастрофы, однако у тебя очень мало времени! На станции у ангара тебя будет ждать человек; как только вы встретитесь — улетайте немедленно. Ты обязательно должен взять его с собой, Кайлай, это очень важно! Не мешкай, возвращайся прямо сейчас, твоим спутникам скоро будет не до тебя».

Кайлай в одно мгновение почувствовал внизу живота тянущий водоворот, который скоро превратился в лёгкое головокружение и прибой крови в ушах.

— Что с вами?! Ну же очнитесь, надо скорее догонять отряд!

Жонс прищурился на яркий шлемовый фонарь Кернигана и заслонился рукой:

— Что случилось?..

— Вы бежали, а потом вдруг упали! Полковник приказал срочно поднимать вас и догонять отряд, но они уже далеко впереди! Поднимайтесь скорее, если не хотите остаться здесь один!

Кайлай спохватился и резко сел. В его голове всё ещё шумело, но мысли текли на удивление чётко. Он присмотрелся к мятущимся впереди огням, прикидывая, как далеко они ушли, и неожиданно для себя оглянулся назад, где теряющейся цепочкой тонули в темноте следы.

— Джозеф, вставайте! Задерживаться на одном месте небезопасно!..

Было видно, как мальчишке страшно, но Кайлай уже твёрдо принял решение, стараясь пока не задумываться, способно ли оно выдержать здоровую критику. Он вскочил на ноги, попружинил немного, проверяя, всё ли нормально функционирует, и невозмутимо подцепил

поясным ремнём комбинезон Кернигана к своему.

— Что?..

— Мы возвращаемся, немедленно, — безапелляционно отрезал Жонс, и бодро зашагал назад по едва виднеющейся тропке.

Эрни тут же упёрся ногами и заверещал по локальной связи, что озовец спятил, и он — Эрни — ни за что не собирается помогать ему в этом самоубийстве. Но, получив весомую затрещину от своего попутчика, быстро смирился с неизбежным и понуро поплёлся следом, то и дело оборачиваясь на всё ещё мелькающие где-то вдаль огоньки отряда. Наконец мальчишка не выдержал и, деликатно похлопав Ливановского по плечу, попросил его знаками включить локальную связь. Кайлаю сейчас совершенно не хотелось выслушивать его возмущённые недоумения — он и сам уже начинал здорово сомневаться в принятом решении. Но всё же отключать связь было, пожалуй, опрометчивым решением — ведь теперь они остались один на один с незнакомой планетой, и стоило приглядывать друг за другом. Кайлай отвесил назойливому юнцу очередной подзатыльник для проформы, и восстановил шлемовую связь, пробурчав в динамики нечто среднее между ругательством и вопросом. Эрни не заставил себя ждать:

— Господин Ливановский, а как мы объясним наше появление на станции? Если нас посадят в карцер за самоволку, мы уж точно не сможем спасти Виталу!

— Хм, Виталу...

Кайлай впервые задумался, что если катастрофа, о которой во сне его предупредил Кастор, случится в действительности, ему придётся на самом деле спасти Виталу — ведь собственность Сониты ни в коем случае не должна пострадать!

— Поразмышляй над этим, пока мы идём! Нечего доставать меня глупыми опросами, мы не на прогулке....,- пробурчал Кайлай.

Словно в подтверждение этих слов где-то вдалеке прозвучали глухие очереди выстрелов. Затем они повторились, беспорядочно перекликаясь друг с другом, и вдруг затихли, оставив замерших путников в гробовом молчании ночного леса.

— Что там случилось? — тихим дрожащим голосом прошептал Керниган, словно опасаясь, что звуконепроницаемый шлем вдруг потревожит напряжённую звенящую тишину вокруг них.

— Не знаю, — в голос ему ответил Кайлай, и вдруг услышал в наушниках приближающийся треск деревьев, который нарастал, словно водопад.

— Бежим!!! — крикнул сонитанин, и бросился вперёд без оглядки, надеясь, что привязанный к нему человек сумеет вовремя взять себя в руки и припустит во весь опор.

Так и случилось, к вящему облегчению Кайлая, который не обманывался своей способностью вот так сразу на ходу отцепить сложный поясной ремень. Они мчались не разбирая дороги, лишь чудом оставаясь на одной линии, и теперь зависели друг от друга, как сиамские близнецы. Но как бы двое дезертиров ни напрягали свои мышцы, шум нарастал и нарастал, всё приближаясь.

Неожиданно среди деревьев рядом с Кайлаем мелькнула человеческая фигура. Человек также заметил их, но был так напуган, что не смог даже включить свою локальную связь. Он вырвался вперёд, обгоняя связанных конкурентов, и неожиданно споткнулся и упал.

Кайлай почувствовал, что Эрни дёрнулся помочь несчастному, однако Жонс потащил вперёд, и напуганный мальчишка послушно двинул во все лопатки, с ужасным шумом втягивая воздух в натруженные лёгкие.

так продолжаться не могло - озновец понимал это, начиная чувствовать, как потихоньку немеют его ноги. Но и останавливаться было бы не лучшим решением; тем более, что они даже не знали, какая напасть гонится за ними по пятам. Дело решил случай. В лесу уже давно царила непроглядная ночь, и когда-нибудь это должно было случиться: в темноте Кайлай неожиданно напоролся на слишком поздно возникший в световом луче его фонаря ствол поваленного дерева, занесённый снегом. Острая ветка глубоко чиркнула по комбинезону, упрочнённая ткань не выдержала, и сук вонзился ему в бок. Жонс мгновенно отпрянул, в шоке даже не понимая, что произошло. Однако слабость в теле он почувствовал сразу же, и, действуя по наитию, рывком бросил ничего не понимающего Кернигана в сугроб под ствол, и сам последовав за ним. Шанс, что неведомое инопланетное чудовище не заметит их в тени корявого ствола, был невелик. Однако другого выбора не оставалось, и затравленные беглецы, выключив фонари, затаились в снегу, с трепетом прислушиваясь к треску ломающихся веток.

Первым, что они увидели, был тот самый человек, которого они оставили на несколько шагов позади. Он нёсся по тропе в немом ужасе, сильно размахивая руками. А за ним... В темноте это выглядело, как нечто огромное, выше человека ростом, и в шерсти... Мужчина попытался перемахнуть через ствол, но комплекция не позволила, и он, отчаянно цепляясь за скользкие ветви, повис в нескольких сантиметрах от затаившихся Эрни и Кайлая...

Чудовище нагнало свою жертву, и, взрыв огромными лапами снег, беззвучно щёлкнуло зубами. Из-под ствола не было видно, что именно произошло с несчастным, однако когда через мгновение на землю упала нога... сомнений быть не могло. Монстр с молниеносной грацией развернулся на месте и понёсся прочь, неся что-то в зубах. Притаившихся, как зайцы, людей он даже не заметил...

Ещё где-то час они сидели в снегу, прижавшись друг к другу, ломая глаза в холодную тьму и не говоря ни слова. Окровавленная нога тёмной веткой валялась впереди, как магнит притягивая к себе внимание и напоминая о страхе, который бродит вокруг. Но спустя некоторое время в Кайлае заговорил наработанный годами профессионализм, и он занервничал. Лежать до утра в снегу было ничуть не безопаснее, чем двигаться к станции, поэтому озновец силком вытащил упирающегося Кернигана и, не давая ему возможности внимательнее рассмотреть кусок оторванной плоти, отцепил ремень и приказал перелезть через дерево.

Пока мальчишка неуклюже корячился на ветвях, шугаясь каждого звука, Кайлай воспользовался моментом и рассмотрел свою рану в боку, пытаясь определить, насколько она серьёзна. Небольшая потеря кислорода его мало волновала — в заплечном баллоне имелся приличный запас на экстренный случай. А вот чужеродные инфекции, занесённые в кровь, могли сыграть злую шутку с неподготовленным организмом. Главное было вовремя добраться до станции, пока последствия заражения не проявили себя.

Кайлай осторожно просунул палец в разошедшуюся ткань и прикоснулся к ране, ожидая немедленного выстрела боли, но тот не последовал. Тогда он уже более решительно ощупал своё тело, разыскивая источник крови, которая обильно залила образовавшееся в комбинезоне отверстие — кожа была целая и ровная, ни намёка на царапину или повреждение. Ничего!

В душе Кайлая поселилось какое-то страшное предчувствие, прикасаясь к которому, его внутренности всякий раз переворачивались с ног на голову; но он решил отодвинуть его до

поры до времени подальше и сосредоточился на собственном выживании: дыру в комбинезоне наскоро заклеил пластырем и полез на дерево следом за Керниганом.

Преодолев чисто символическое препятствие в виде поваленного дерева, затравленные пришельцы двинулись дальше по лесу, не включая фонарей, пробираясь через наметённые за ночь сугробы в бледном сумрачном сиянии расцветающего неба. Утро неумолимо приближалось к ним; а следом за восходом солнца из своих навалов выбирались Холодные Псы — таков был порядок на Туманике. И если о ночном охотнике, которого земляне так неудачно повстречали на своём пути, они ничего не знали, то с Полдненным Псом знаком был каждый житель станции. И встреча с ним едва ли считалась хорошим началом дня.

Несколько раз из-под ног шагающего впереди Кайлая, взбивая крыльями снег, вылетали дневные подобия птиц, своими пронзительными криками оглашая лес о наступлении утра и о появлении странных неуклюжих двуногих хищников. Жонс каждый раз при этом вздрагивал, но своих опасений не высказывал вслух, чтобы не пугать раньше времени мальчишку: они создавали слишком много шума и переполоха в лесу; и чем светлее становилось, тем больше животных попадалось им на пути. Так не далеко было и до встречи с хищником.

— Эрни!

Парнишка аж вздрогнул, вцепившись в спину остановившегося озновца.

— Что? — глухо и сонно, но с немалой долей уважения, просипело в наушниках.

— Мы не можем дальше идти. Нужно залечь где-нибудь на день.

Керниган во второй раз за сутки чуть не потерял дар речи от удивления.

— Нам осталось идти чуть больше часа до ареала покрытия станционной связи! К черту осторожность, чем скорее мы доберёмся до купола, тем раньше окажемся в безопасности!

— Солнце уже поднимается, — терпеливо напомнил сонитанин. — Ты знаешь, что будет, когда оно покажется над горизонтом.

Да, Эрни знал — об этом рассказывали не только на ознакомительных курсах, но и в столовой шёпотом, и вечерами в казарме. О Холодных Псах и утренних плясках Солнца ходило больше сплетней, чем о Фантазёрах. Наверное потому, что эти животные более всего походили и в то же время не походили на земных тварей.

За время колонизации Туманики от когтей и зубов Холодных Псов погибло человек восемь, в основном первые застройщики и разведчики. Произошло это потому, что земляне не привыкли к разгулу крупных хищников днём, и первое же нападение стаи во время празднования восхода солнца привело к трагическим потерям. Колонисты учли этот факт соперничества за светлое время суток и немедленно перешли на ночное строительство. С тех пор пошла традиция остерегаться туманикских рассветов и закатов, выбираться на поверхность только ночью и внимательно следить за популяциями удивительных животных.

Холодные Псы действительно чем-то походили на земных собак, только во много раз превосходили их по размерам, и были холонокровными. Потому-то свет туманикского солнца и был так важен для стаи: она выбиралась из навалов только по утрам и устраивала пляски — старшие особи совершали прыжки и кружились на месте против часовой стрелки, а молодняк поддерживал их громогласными выкриками. Если какое-то животное случайно попадало в поле зрения танцующей стаи, его ждала суровая участь — Холодные Псы загоняли жертву, даже если на это уходил весь световой день.

В связи с этим многие учёные высказывали предположение, что животные обладают

зачатками разума и, возможно, некоторыми культурными традициями — что-то вроде культа солнца. Однако исследования в этой области не заинтересовали правительство; ещё бы, ведь обнаружись на планете разумная жизнь, люди немедленно должны были бы покинуть планету! Таким образом, всё своё внимание учёные направили на Фантазёров, а Холодным Псам предоставили спокойно устраивать свои утренние моции и обростать всевозможными слухами и легендами, чаще основанными на одной лишь буйной фантазии перепуганных людей.

И всё же, встретиться с пляшущей стаей на восходе солнца было бы чистым самоубийством, Кайлай отлично понимал это, и надеялся, что до Эрни также дойдёт вся очевидность простой истины. Однако мальчишка неожиданно проявил характер и, несмотря на весомый аргумент угрозы рукоприкладства, упрямо пошёл вперёд, едва-едва ориентируясь по компасу. Кайлай хотел было махнуть на него рукой и устроить себе лежанку под нависшими ветвями раскидистого дерева, но вид еле бредущего по сугробам сосунка, который, ко всему прочему, мог организовать его вывоз с планеты, подогрел в сонитанине рисковую нотку... Он быстро нагнал Кернигана, бодро шлёпнул его по затылку, обогнал и пошёл впереди, споро прокладывая траншею в снегу.

Им следовало поторапливаться, пока неразумное ребячество не привело к страшным последствиям.

Глава: Роман Прахов.

Туманика, станция — Геленджик-12.

Бледное дрожащее солнце слепило глаза и переливалось жгучей радугой в прозрачных слезинках, которые облепили мокрые ресницы. И было непонятно, от чего он так расчувствовался: то ли от чрезмерно яркого света, то ли от острой пульсирующей боли в ноге. А может..., от этого теснения образов в своей голове, которые толпились перед глазами, перекрывая друг друга, снова и снова возносясь брызжущими фонтанами к самым вершинам разума, и обрушиваясь вниз девятибалльной волной?

Роман даже не мог как следует разлепить глаза — голова кружилась от нескончаемой череды совершенно непонятных воспоминаний, которые уж точно не могли принадлежать ему, Роману.

Чьи-то руки, перебирающие цветные провода и нелепые таймеры из ручных часов; острый стилет, поддевающий оттянутую кожу, и густая капля крови под лезвием, набухающая гранатовым шариком; земляная дорога, бегущая перед самым лицом, точно полноводный ручей...

Роман с усилием распахнул глаза, испытав при этом такой шок, будто он только что вынырнул с двадцатиметровой глубины. У него даже уши заложило. Он сидел прямо на земле, прислонившись спиной к холодной бетонной стене какого-то сооружения. Несколько штабелей обломанных по углам кирпичей надёжно скрывали его от довольно оживлённого днём центра станции, а открытая сторона убежища выходила на пустую дозорную вышку. Роман попытался встать, но стреляющая боль в ноге резко отбросила его назад. Он быстрым движением ощупал лодыжку и обнаружил окровавленную перевязь, из-под которой тонко сочилась кровь.

Прахову стало страшно. Внезапно его посетила отчётливая мысль, что он прекрасно

знает о надвигающейся катастрофе, а также знает, что нужно делать, причём немедленно. Роман снова поднялся на ноги, стараясь осторожнее ступать на повреждённую конечность, и внимательнее огляделся по сторонам.

Он стоял перед запечатанным рудиментарным входом в ангар, который использовался когда-то, как приёмник строительного материала ещё во времена строительства станции. Секция ангара была отделена от основного купола защитной перегородкой из стеклобетона, чтобы звуковые волны и подъёмочные газы не загрязняли атмосферу станции, а также чтобы предотвратить проникновение на территорию потенциальных правонарушителей. Со стороны ангара была выстроена чудовищная, по инженерным расчётам, конструкция пропускного люка. Энергопластовая двухслойная крышка люка имела несколько рам, которые выдвигались либо по отдельности, если приходилось принимать межстанционный шатл, либо все вместе, снимая со станции в такие моменты порядочную долю защиты. Удобство непрочной, экономически невыгодной конструкции заключалось в полной защите кораблей от воздействия окружающей среды планеты, тем более что люк ангара открывался и закрывался удивительно легко и быстро — всему виной специально изготовленные по новейшим технологиям гидравлические поршни.

Как Роман здесь оказался, он, естественно не помнил; последнее его чёткое воспоминание относилось к изолированной палате со стеклянными стенами, сквозь которые он видел снующих туда-сюда людей в медицинской форме. Потом — полный провал.

На всякий случай Прахов подёргал запечатанную пластогелем металлическую дверь — та не поддавалась, но запененная рама подозрительно затрещала под действием приложенной силы. Роман Евгеньевич хмыкнул: старьё, как и всё на этой станции — добротнo они могли только слежку за человеком установить. Эта мысль неприятно кольнула сознание Прахова, и он невольно взглянул на пораненную ногу — сукровица сочилась как раз в том месте, где по прибытии на базу ему установили следящий чип. Тот факт, что Романа всё ещё не разыскивали медики, навёл его на странную, но оттого не менее реалистичную мысль, что он сам вырезал себе устройство из ноги, пока был в помутнённом сознании. Роман умел терпеть боль, но с трудом мог поставить сам себе укол — детские страхи. А тут такое... Вероятно, это сделали врачи? Иначе и быть не могло... Хотя могло — Прахов не помнил даже, как и, главное, почему он сбежал! Что уж говорить о ранениях...

Роман остановился в нерешительности, не зная, что ему дальше делать и куда податься. В этот момент со стороны центра базы, донёсся какой-то странный шум, похожий на вибрацию. Он вскинул голову и точно ищейка повернулся на звук, чувствуя как в груди замирает сердце от непреодолимого страха. Несколько секунд ничего не происходило, но Прахов знал, что на этот раз не обойдётся, и это начало чего-то ужасного.

И вот далеко впереди над самым горизонтом что-то ярко сверкнуло. Сначала Роман не понял что именно, и даже протёр глаза, чтобы не слезились. Но спустя какое-то мгновение до него дошло — это сверкает отражённым туманикским солнцем острый скол купола. Инстинктивно Прахов подался назад и прижался к стене ангара, пытаясь слиться с бетоном, лишь бы не оставаться на открытом пространстве. Донёсся ещё один слабый звук — теперь Роман знал, что это эхо от взрыва — и сверкающая трещина обзавелась сестрой, которая поползла выше и замерла где-то очень высоко, вне пределов досягаемости человеческого глаза.

Заунывно завывла сигнальная тревога. У Прахова подкосились колени. Всё происходило по-настоящему, а не во сне! Гигантский купол станции, проверенный тысячами расчётов

лучших инженеров Земли, трескался прямо у него на глазах и грозился вот-вот обрушиться вниз, похоронив под собой несколько тысяч человек!.

Первой мыслью было бежать во весь опор. Только вот куда, если купол сплошной? Конечно в ангар! Он сможет первым занять место в шатле и, возможно, улетит ещё до того, как грандиозная махина из энергопласта окончательно рухнет.

А вторая мысль была о Кате, которая сидела где-то в картонном домике Этруса и, возможно, даже не знала что происходит. И эта мысль оказалась решающей.

Прахов побежал очертя голову, отбросив все мысли и доводы в пользу самосохранения.

Навстречу ему уже неслась обезумевшая толпа сотрудников станции, которые оказались ближе всех к этой части станции, и следом за ними виднелись ещё нескончаемые потоки беженцев, но Прахов не обращал на них внимания, целеустремлённо прорываясь назад, в самый эпицентр разрастающегося страха. Нужный квартал нашёлся не сразу: в панике Роман несколько раз путался в указателях, но когда всё же вышел к домику Этруса, тот оказался пуст — дверь распахнута, внутри никого. Оставалось только надеяться, что Костя оказался рядом с Катей в нужный момент, и позаботился о ней.

Резкий громоподобный визг прервал панические размышления, и обернувшийся Прахов стал свидетелем ужасающей картины: третий взрыв сдвинул растрескавшуюся пластину в вершине купола размером с целый квартал, и она с жутким визгом полетела вниз, таща за собой кусок энергопласта до самой земли.

«Господи!!!», — Прахов даже не помнил, как побежал, его ноги вдруг стали лёгкими, а тело практически невесомым, только в груди сжималась огненная пружина вокруг грохочущего как языческий барабан сердца.

Визг рвущегося энергопласта перекрылся тяжёлым вздохом падения, и по земле прокатилась сильная дрожь, сбив Романа с ног. Он быстро поднялся и снова побежал, только в его голове вдруг всё резко помутнело, словно подёрнулось туманной плёнкой. Тело продолжало нестись с предельной скоростью, а Роман вдруг словно бы поднялся над ним, с удивлением разглядывая собственную вспотевшую спину и напряжённые от перегрузки мускулы. Он осмотрелся в новом мире, который был насквозь пронизан сияющими завихрениями света, и неожиданно понял, что не один: прямо перед ним на земле лежала Катя, с трудом пытаясь подняться. Люди вокруг неё бежали, даже не пытаясь помочь упавшей, и, судя по всему, могли даже затоптать. Романа обдало холодом ледяного ужаса за жену, и он тут же снова очутился в своём бегущем теле, слегка запнувшись от неожиданности. Позади всё ещё слышался стон рухнувшей плиты, перемешавшийся с гулом моментально вспыхнувшего пожара, который со скоростью огненной колесницы перекидывался от здания к зданию. Людей вокруг уже практически не было: видимо, те кто не успели добраться до уцелевшей части купола, были теперь погребены под многотонной энергопластовой плитой, или превратились в пепел. Внешний купол ещё держался, давая некоторую надежду каторжникам, которые были отгорожены стеной огня от спасительного выхода внутрь, но пожар сжигал кислород с ужасающей силой, и едкий угольно-чёрный дым уже начал собираться вверху неясной угарной тучей.

Роман старался не думать. Его легкие давно уже саднило от натужного дыхания, но он рвался вперёд, потому что знал: где-то там лежит на дороге Катя, и он должен вынести её из этого ада. Очередной раз вынырнув из бокового перехода между кварталами, он оказался, наконец, на главной дороге, ведущей к ангару, и почти сразу увидел её.

Катя выглядела как тощий оборванный ребёнок, брошенный на дороге. Её ступня была неестественно вывернута в сторону, и голень опухла до черноты. Женщина плакала от страха и отчаяния, но никто не остановился ей помочь. Роман мгновенно оказался рядом с ней и прямо на ходу забросил себе на плечо, не оставляя времени на разъяснения. Катя испуганно ойкнула, но почти сразу узнала в здоровенном мужчине своего благоверного, и её рыдания стали тише. Она была лёгкой и до ужаса истощённой, словно маленькая испуганная птичка. Роман услышал позади себя звонкий треск четвёртого взрыва и принялся шептать молитву растрескавшимся губами. Языки пожара уже бежали практически наравне с ним, перекидываясь с одного здания на другое; где-то в сотне метров в стороне взорвался газовый баллон экспериментальной лаборатории, и жаркой взрывной волной Прахова откинуло в сторону к затлевающей казарме. Он почти сразу поднялся на ноги под тихие жалостливые уговоры плачущей Кати, но время было упущено: огонь сразу же обогнал беглецов, угрожая вовсе отрезать их очередным взрывом от ангара.

Глава: Кайлай Жонс.

Туманика, станция — Геленджик-12.

Когда путники, наконец, вышли к пятикилометровой зоне покрытия станционной связи, им никто не ответил. Ну, мало ли..., может, дежурная команда отправилась на обед, а им на смену прислали ленивого дурачка, который заснул за пультом? Веских причин для паники, вроде бы не было, но солнце уже поднялось довольно высоко, и это заставляло Кайлая сильно нервничать. Им пришлось сделать серьёзный крюк, чтобы выйти из бурелома на звериную тропку, ведущую в сторону станции, да и то, всю дорогу они таились и брели по пояс в снегу. В итоге было около одиннадцати по местному времени, когда в их рациях монотонно зашипел пустой эфир.

— Это странно, — задумчиво проворчал Керниган, щёлкая тумблерами и перебирая, на всякий случай, частоту.

— Как часто работает станционный передатчик? — тихо уточнил Кайлай, с тревогой оглядываясь по сторонам.

— Насколько мне говорили, постоянно! Недаром же здесь зачищена просека в лесу — это своеобразный указатель для животных, чтобы ближе не подходили — Геленджик-12 транслирует отпугивающие волны.

— Понятно..., значит сейчас, мы без защиты, — с холодком констатировал Кайлай и торопливо подтолкнул Эрни вперёд. — Нужно как можно скорее пересечь открытое место и добраться до станции, что-то мне всё это не нравится.

Он заставил Кернигана снова перейти на бег, а сам отстал от него на пару шагов и взял оружие наизготовку, время от времени оглядываясь по сторонам. Тревожное чувство с каждым шагом становилось всё сильнее: не было слышно ни птиц, ни мелких животных, которые раньше то и дело выскакивали из-под ног; даже ветер вокруг станции, казалось, окончательно утих, оставив сухим узловатым ветвям звонко щёлкать от мороза.

Неожиданно Керниган остановился и резко схватил подбежавшего сзади Кайлая за руку: — Послушайте!

Кайлай моментально напряг слух, но в замершем лесу было неестественно тихо.

— Что? Я ничего не слышу...

— Вот, опять!

Теперь и до сонитанина донёлся слабый гул, подозрительно напоминающий скрежет огромных металлических суставов.

— Что это?! — удивлённо прошептал Жонс. — Вроде как доносится от станции!

Лицо Кернигана страшно исказилось, и он рванулся вперёд, не говоря ни слова. Кайлай последовал за ним, не до конца понимая, что же могло так испугать мальчишку, но вот из-за деревьев показалась вершина купола станции, и все вопросы отпали сами собой: вторая энергопластовая сфера была сизой от дыма, а в ярких солнечных лучах стеклянным блеском сияли острые сколы.

— Они улетают! Господи, они бросают нас здесь умирать! — истошно завопил Эрни, как безумный прорываясь сквозь тонкие ветви подлеска.

Они преодолели расстояние до станции за предельно возможное время, и представшая перед спринтерами картина подтвердила обречённый вопль Кернигана: гигантский люк ангара был открыт, и в светлом небе уже терялась искорка первого спасательного шатла, стартовавшего с гибнущей станции.

— Скорее! Нужно во что бы то ни стало пробраться внутрь! — рывкнул Жонс и целеустремлённо потащил за собой Кернигана к видневшемуся метрах в ста шлюзовому переходу.

Шлюзы открывались и закрывались дежурным оператором по электронному запросу, но в сложившейся на станции обстановке едва ли кто-то ждал возвращения маленькой экспедиции. Хуже того: когда Кайлай попробовал сорвать щиток электронного замка, оказалось, что станция обесточена. Керниган мгновенно раскис и, облокотившись на стену купола, горько разрыдался, бормоча себе под нос что-то несусветное. Жонс со всей злости ударил по энергопластовой перегородке шлюза, за шкуру поднял Эрни на ноги, и в сердцах отбросил его к стене.

— Прекрати хныкать, земное отродье! — зарычал он по сонитански и ещё раз тряхнул обмякшее тело землянина.

— Мы погибли! Нас сожрут дикие животные! Я не хочу умирать! — донёлся в ответ жалкий лепет.

— Дьявол! — выругался Жонс и оставил Кернигана сползать по стене.

В синее небо взмыло ещё несколько шатлов, огненными шлейфами дразня обречённых букашек, оставшихся на земле. Внезапно Кайлая словно пронзило током, и он резко обернулся, вглядываясь в крепления шлюзового перехода. Вроде бы всё было в порядке, но... спустя секунду озовец с удивлением понял, что шлюзовая перегородка шатается в своей магнитной раме, утратившей питание.

— Керниган, вставай! Ну же! Мы можем пробраться внутрь!

Эрни продолжал хныкать, пока Жонс оттаскивал его в сторону и разбегался. Послышался глухой удар и скрежет — угол перегородки чуть накренился внутрь.

— Помогай мне, безвольная скотина! — зло рывкнул Кайлай на опешившего мальчишку, и второй удар они произвели уже совместным усилием.

Перегородка не выдержала и поддалась. С остальными двумя они поступили точно так же, и, спустя пятнадцать минут болезненного прорыва сквозь непреступную ранее защиту станции, оказались внутри.

Прямо впереди, километрах в двух от места разгерметизации, виднелся вход в ангар, перед которым топталась обезумевшая от страха толпа людей. Грузовые ворота не могли пропустить такое количество пассажиров сразу, и они давили друг друга, прорываясь вперёд. Маленький городок всюду пылал, и вот уже огонь медленно но верно начал подбирался по траве к стенкам купола.

— Вперёд! — прорычал Кайлай и, задышавшись, ринулся к спасительному ангару. — Керниган!

Но мальчишка не отвечал.

Жонс на ходу обернулся и замер. Эрни лежал на земле и не подавал признаков жизни, раскинутые руки безвольно вцепились в глинистую землю Туманики. Кайлай дрогнул, отвернулся и побежал дальше, еле волоча ноги, стараясь ни о чём не думать, ведь от этого зависело его спасение! Но постепенно шаги замедлились, ноги словно начали жить собственной жизнью и заявили протест своему господину! Кайлай стиснул волю в кулак и бросил себя вперёд, но его тело неожиданно развернулось назад и в несколько секунд преодолело расстояние до распростёртого тела землянина. Руки вскинули семьдесят килограмм плюс экипировка на спину, и, прежде чем Кайлай успел подумать, что он делает, и во что ему это выльется, ноги свинцовыми столбами начали месить горячую пыль станции.

У Жонса уже мелькали красные пятна перед глазами, когда он, наконец, приблизился к стометровой дистанции до ангара. Сквозь так и не снятую шлем-сферу начали слышаться пронзительные крики беснующейся на входе толпы, и Кайлай с обречённостью понял, что ему уже ни за что не пробиться внутрь — он был слишком измотан. Сонитанин осторожно опустил тело Кернигана на землю, снял с него шлем и сел рядом, давая стонущим ногам заслуженный отдых. Воздух вокруг, казалось, горел вместе с чахлой земной травой, не прижившейся толком на глинистой туманикской земле. Оттого они, возможно, и были всё ещё живы, находясь в поясе голой земли, окружившем станционный городок. Но Кайлай не очаровывался этой мнимой защитой от огня — он прекрасно представлял, как закончится эта катастрофа для тех, кто не сумеет прорваться к шатлам в ближайшие пол часа.

Как глупо будет погибнуть на дикой планете в жалкой скорлупке энергопласта, вдали от чудесных городов Сониты, её фиолетово-серебристых небес и мягкого солнца... Что скажут о нём Кастору? И скажут ли вообще? Ведь он отверженный, и остаётся совсем один...

Кайлай горестно сжал руками голову и закачался из стороны в сторону.

Неожиданно прямо перед ним выросла длинная тень, заслонив собой яркие всполохи пожара.

— Поднимайся! — сдавленно прохрипел низкий мужской голос, и поднявший глаза Кайлай разглядел чумазую фигуру землянина с девчонкой на плече.

— Я не могу, — по сонитански пробормотал Кайлай, и тут же поправился. — Я не могу!

Прахов стиснул чёрные от пепла зубы, присел на корточки и схватил неподвижное тело Кернигана за ворот экипировки.

— Давай! Я не смогу тащить ещё и тебя! — с этими словами здоровяк словно бульдозер двинулся вперёд, волоча по земле тело мальчишки и придерживая другую ношу на плече.

Кайлай, пошатываясь, поднялся на ноги и пошёл следом, понимая, что ещё немного, и он сам хлопнется в обморок от обезвоживания и усталости.

К удивлению Жонса, землянин не пошёл к медленно рассасывающейся толпе у

грузового входа в ангар, а взял левее и скрылся за углом, миновав нестройные штабели кирпичей. Пока Кайлай доковылял до нужного места, незнакомец уже разложил свою «живую поклажу» на земле и принялся ломиться в неприметную запененную дверь, ведущую, судя по всему, напрямик в ангар. Жонс попытался прийти ему на помощь, но этого не потребовалось — здоровяк с нескольких ударов выбил хлипкую дверь плечом и, не тратя времени зря, подхватил своих пассажиров на руки в том же порядке.

— За мной! — глухо бросил землянин Кайлаю и скрылся в тёмном проходе.

Дверь, по-видимому, вела в какой-то склад, отведённый для временной выгрузки товара, только вот судя по слою насевшей пыли, там давно никто не бывал.

— Сюда! — донеслось до Кайлая, и он слепо повернулся в сторону, откуда исходил звук.

Впереди был свет.

Ещё спустя несколько шагов Кайлай различил за маячившей фигурой землянина серые очертания крохотного шатла, в который несколько человек в защитных костюмах спешно загружали какое-то оборудование.

— Эгей! — зычно крикнул землянин из темноты. — Люди! Нам нужна помощь!

Фигурки в костюмах разом обернулись к нему, и вдруг бросились задраивать корабль. Прахов рыкнул, не задумываясь бросил несомых людей на жёсткий пол и со скоростью пумы бросился вперёд. Люди в корабле, наверное, ничего и понять-то не успели, по крайней мере, Кайлай осознал происходящее только спустя мгновение.

Прахов одним прыжком взлетел на сворачивающийся внутрь трап и со всей силы упёрся руками в шлюзовую проём — металлический язычок с жалобным стоном рухнул обратно на землю, вконец испорченный.

— Твари! Только о своей шкуре думаете!

Он на короткий миг скрылся внутри, и следом за этим на холодный бетон выпорхнул один из костюмированных подонков. Помедлив ещё мгновение, из шлюзового проёма выкатилось второе бесчувственное тело, уже покрытое мелкими красными брызгами. Наконец показался сам виновник расправы, волокущий за шкуру третьего землянина, похоже, пилота.

— Как вы к нам, так и мы к вам! Ползите к другим шатлам, змеи, и советую вам поспешить, пока я не передумал! — с этими словами он пнул едва живого от страха пилота и принялся затаскивать своих измученных спутников внутрь.

Кайлай был на грани, и почти не осознавал, как его пристегнули к пассажирскому креслу. Корабль внезапно загудел, вибрируя всеми своими стенками, качнулся вверх, разбивая тонкую крышу склада, и устремился к открытому на все рамы люку ангара.

Ещё мгновение, и Жонс благополучно отключился, наконец ощутив безопасность и покой.

— Эй, очнись!

Резкая боль в щеках заставила Кайлая отдёргнуть голову и окончательно проснуться.

— Я понимаю, нам всем здорово досталось, но нужна твоя помощь! — выразительным шёпотом произнёс землянин и, поднявшись с корточек, ушёл куда-то в сторону.

Жонс попытался вылезти из кресла, что ему не сразу удалось, и поплёлся следом.

— Вот, погляди-ка, — Роман отступил в сторону и открыл взору крошечное спальное место в центре шатла, отделённое тонкими металлическими планками.

Кайлай прислонился к дверному косяку и протёр глаза, подозревая, что ещё не совсем проснулся.

— Вероятно, этот шатл принадлежит «Эксплор Технолоджи», а перед нами их эксперимент, — спокойно доложил землянин.

— С чего ты взял? — осторожно поинтересовался Жонс, понимая, что ему снова необходимо вжиться в роль защитника интересов Сониты и её тайн, но не чувствуя себя пока способным на это.

— Я видел эту девушку за куполом, она жила вместе с каторжниками... Похоже, учёные успели её эвакуировать, а мы выкинули их с рейса! — коротко усмехнулся Роман, сложив руки на груди. — К ней подключена капельница, наверное, нужно что-то сделать..., может, связаться с «Кишкой»? Там должен быть врач...

Кайлай подумал, что ему сейчас совершенно не нужно вмешательство, пускай и разгромленных в пух и прах, но всё же земных властей. Он протиснулся к узкой лежанке и решительно вытащил иглу из вены беременной женщины.

— Это снотворное, они её накачали, чтобы не возиться. Через час приблизительно должна очнуться, не будем ей пока мешать, — он бесцеремонно отодвинул Прахова в сторону и захлопнул дверь. — Так, с этим вроде разобрались. Что дальше?

Роман устало вздохнул и опустился в пассажирское кресло, укреплённое в стене:

— Ничего. Мне удалось связаться со станцией: на неё высадился основной состав управления, на большее не хватило места. В данный момент они решают, что мы можем предпринять для своего спасения, но прогнозы пока не утешительные, как можно было бы и догадаться.

— Понятно..., — Кайлай устало опустился в кресло напротив и попытался расслабить до сих пор гудящие ноги.

Его болезненный вздох не укрылся от Прахова, и тот немедленно спохватился:

— На шатле есть вода и небольшой запас растворимого пайка. Я уже успел подкрепиться, пока вы спали, и это здорово помогло.

Жонс не преминул воспользоваться предложением и достал из запасника ломтик плиточного концентрата. Он не стал возиться с утлой мисочкой, которая прилагалась к стандартному набору, а просто начал откусывать жёсткую плитку, запивая бутилированной водой. На несколько минут воцарилась тишина, но землянина надолго не хватило, и он снова начал говорить, глядя куда-то в сторону, словно ему просто было необходимо слышать человеческий голос:

— Там до сих пор горит пожар, наверное, лопнул второй купол, потому что дымовое облако видно даже из космоса. У меня друг на Кишке, он связывался со мной минут двадцать назад и обмолвился, что Завеса собирается послать вниз экспедицию. Они надеются найти там какие-нибудь уцелевшие припасы, но разве это не бессмысленно? Ведь дым видно из космоса... Скоро начнётся голод. И..., о Господи, нам нужно подумать, что делать дальше, потому что я слышал о такой ситуации, когда несколько кораблей оставались одни в открытом космосе! Если через неделю какой-нибудь из них не вздумает на нас напасть, чтобы разжиться припасами, или чем похуже, это придётся сделать нам.

Кайлай поперхнулся сухим пайком и глубоко закашлялся:

— Уверен, до этого не дойдёт! Есть ведь оружие, можно охотиться на поверхности планеты.

— Только если дружно спуститься вниз и построить там новый укреп. лагерь. Горючего не хватит, чтобы регулярно совершать ходки, а, зная диких животных Туманики, могу сказать, что долго мы не протянем, да и атмосфера на ней не самая дружественная.

Эта новость сильно поразила Кайлая, он даже забыл о еде, и усталости. Ситуация складывалась совершенно очаровательная: он был в трёх парсеках от родной озновской станции, и в то же время никоим образом не мог туда попасть, не притащив за собой как минимум половину уцелевшего персонала сгоревшей станции. Если только избавиться от лишних глаз и ушей... Но сидящий напротив человек спас ему жизнь! И этот факт каким-то непостижимым образом всё менял. Неразрешимая задача.

— Сколько прошло времени? — тихо спросил Кайлай, разом поникнув. — Как долго я спал?

— Около пяти часов.

— А ты?

Прахов улыбнулся, и сонитанин всё понял:

— Я посижу в дозоре, а ты иди отдохни, если что, я разбужу.

Роман ещё раз благодарно улыбнулся и тяжело поднялся с кресла.

— Я пойду в конец шатла, там все спят, как раз подходящая атмосфера. Ты держи на всякий случай передатчик включённым, может позвонит мой друг, его зовут Константин Этрус. А меня Роман, если что.

— Джозеф...,- спохватился Кайлай, чуть не сболтнув своё настоящее имя. — Стечение обстоятельств, ведь мы уже встречались на станции!

— Да, помню, хотя на пожаре я тебя не узнал, — усмехнулся Прахов. — В общем, ты понял, если что — буди меня, не хочу пропустить всё веселье!

Землянин прошёл в хвост корабля, и снова воцарилась тягостная тишина, напоминающая дурной сон, когда всё движется в замедленном темпе, и нависшая угроза приближается со скоростью улитки.

Кайлай постарался себя отвлечь, и даже связался с несколькими соседними шатлами, также парящими в ожидании решения руководства, но ничего толкового из этого не вышло: кроме безыскусной брани и отчаянных всхлипываний он ничего полезного не узнал. Вероятно, остальные участники пожара, как и Роман, не питали пустых иллюзий на счёт своего спасения.

Спустя час томительного ожидания неожиданно пришёл запрос о связи со станцией. Официальный голос, представившийся Владимиром Степанчиковым, довёл до сведения шатлов, что временное правление сумело связаться с засекреченной правительственной станцией, находящейся в трёх парсеках от Туманики. Ввиду чрезвычайности происшествия, все уцелевшие в катастрофе автоматически получили доступ к этой сфере данных, и теперь ожидалось скорое появление корабля с припасами, медикаментами и горючим, чтобы отвести караван из уцелевших кораблей непосредственно к станции.

Кайлая не очень обрадовало всё услышанное. Он-то сразу проследил за сладким предложением выстроиться в караван и ожидать «спасения свыше» чёткое руководство военных Озна, которым, естественно, было проще разгромить выстроившиеся как на парад беззащитные кораблики, чем отлавливать разбегающиеся по всему космосу разрозненные шатлы. В такой мясорубке сонитанам будет не до Кайлая, тем более что они, вполне

возможно, считают его погибшим в катастрофе. А выйти на связь сейчас он не мог — оборудование шатла не позволяло.

Единственным шансом спастись было сбежать и затаиться где-нибудь, пока вся эта заваруха с массовым истреблением, как актом милосердия к обречённым на голодную смерть людям, не устаканится окончательно. Но как было объяснить остальным пассажирам шатла бессмысленное на первый взгляд решение бежать от очевидного спасения?

Пока Кайлай ломал голову над насущными вопросами выживания, корабли потихоньку начали выстраиваться в длинный караван из строенных пар, чтобы произвести контрольный пересчёт. Деваться было некуда, и Жонс неуверенно повёл их крохотный шатл в конец колонны, мысленно проклиная сердобольных сородичей, которые не могли просто остаться в стороне и почли необходимым вмешаться. Нужно было срочно что-то предпринять, укрыться от готовящегося удара, но пока маленький лабораторный шатл был у всех на виду, сделать это не представлялось возможным. Призрачный шанс затеряться в космическом пространстве давали близкорасположенные друг к другу спутники Туманики, овеянные прозрачными кольцами из пыли и мелких камней. Однако до них было довольно далеко, а мощь артиллеристского залпа военного форпоста могла покрыть дистанцию и в половину парсека. Оставалось только надеяться на чудо и ждать, ждать...

Глава: Рихард Зейнер.

Окрестности Туманики.

Была её очередь дежурить, когда Ксения заметила странные мерцающие точки на локаторе, которые двигались в их направлении с совершенно невозможной скоростью. Женщина уже достаточно долго пробыла в открытом космосе, чтобы отличать причуды электромагнитных волн от реальной угрозы, но всё же на всякий случай развернула электронную схему на весь экран и задала программе рассчитать время возможного столкновения с объектами. Выходило около пяти минут. Бортовой компьютер тут же посоветовал пилоту скорректировать курс и выдал целую колонку возможных координат.

— Рихард!

Зейнер не ответил, продолжая мерно посапывать в жёсткую синтетическую подушку. Ксения раздражённо вздохнула и вылезла из трижды осточертевшего кресла.

Эти двенадцать дней в одной крохотной жилой комнате корабля превратились для обоих пилотов, заброшенных неведомой силой в самые дебри глубокого космоса, в настоящий кошмар. От скуки они переделали уже всё, что только было возможно, Ксения даже умудрилась рассчитать для бортового компьютера примитивную программу-шахматиста, которая вполне удачно несколько раз обыграла Зейнера, а затем была благополучно обнаружена и уничтожена антивирусом корабля.

Пассажиры неоднократно задавались вопросом, зачем было создавать такой крепкий и сложный корабль, способный преодолеть приличные, по космическим меркам, расстояния, всего на двоих пилотов, причём жизненное пространство для этого выделили минимальное, только бы на голове друг у друга не сидеть. Но разумного объяснения не находилось, как и для их внезапного перемещения в созвездие Змееносца.

Рихард большую часть свободного от дежурства времени спал, чем довольно сильно раздражал скучающую в одиночестве Ксению. И даже теперь, когда цель их полёта уже была

близка, а горючего оставалось на исходе, он со спокойной совестью отсыпался, оставляя Ксению одну кусать локти от нервного напряжения. Поэтому на этот раз женщина не стала разбираться с возникшим компьютерным глюком сама, а крепко вознамерилась разбудить своего флегматичного напарника:

— Зейнер! Ну же, очнись! — она крепко потрясла его за плечо, и мужчина, глубоко вздохнув, открыл глаза. — Тебя из пушки не разбудишь! У нас неприятности, и компьютер воспринимает их вполне серьёзно!

Рихард быстро потянулся, соскочил с кровати и мгновенно оказался в пилотском кресле, устанавливая с бортовым компьютером цифровую связь.

По всем показателям выходило, что объекты были вполне реальными, и они приближались к орбите четвёртого спутника Туманики с потрясающей скоростью, которая только увеличивалась во времени. Теперь землянам не грозило столкновение: удивительные космические странники опережали их мощный современный корабль на целых несколько минут. Рихард, который разбирался в военной космической технике чуть больше, чем половину жизни проведшая на гражданке Ксения, сразу заподозрил неладное, однако виду не подал, пока объекты не оказались в пределах распознавания. Вот тут их ждал сюрприз.

— Чёрт возьми! Это же массированная атака! — хрипло выдохнул Зейнер, не переставая терзать приборную панель бортового компьютера, выжимая из него все данные, какие только возможно. — Но в кого они могут там стрелять?!

Ксения с изумлением следила за сверкающими росчерками в чернильном пространстве, которые теперь были хорошо видны даже невооружённым глазом. Они, как безумные светлячки, потерявшие путь домой, промелькнули мимо и скрылись за тёмным боком спутника, по орбите которого двигался маленький корабль. Мгновение спустя из-за тёмной дуги спутника крохотным фонтаном брызнула яркая световая вспышка, и тут же вонзилась обратно, оставляя двоим наблюдателям ужасного представления только гадать, кого настигли фантастические снаряды, и кто их отправил на поиски жертвы в необъятное пространство.

Зейнер не медля, направил корабль к предполагаемому месту столкновения, растратив последние запасы горючего, и, обогнув гигантский каменный шар, они оказались в самом центре настоящего побоища. Сотни огненных свечей, которые раньше были стационарными шатлами, тихо кружились вокруг своей оси, будто бильярдные шары, разбитые кием. Они сталкивались друг с другом и взрывались, дополняя миллионами пламенных осколков тощие кольца третьего и четвёртого спутников планеты. Некоторые уцелевшие корабли тщетно пытались выбраться из эпицентра трагедии, но с каждым очередным попаданием в них осколков приближались к плачевной судьбе товарищей.

Увиденное потрясло Рихарда и Ксению до глубины души. Они попытались помочь уцелевшим кораблям выбраться на безопасное расстояние, отстреливая несущиеся в них осколки, но это было равносильно охоте с дробинкой на слона — большинство погибло так и не успев преодолеть опасную зону. А когда непрекращающиеся взрывы начали стихать, мощный локатор землян неожиданно показал новую группу снарядов, которые стремительно сокращали расстояние между горсткой уцелевших и неминуемой смертью.

Не сговариваясь, все оставшиеся на ходу летательные аппараты рванули в сторону, но спустя несколько минут страшный взрыв настиг их, и огненные птицы, сорванные со своих

орбит, стремительно понеслись навстречу каменной глыбе третьего спутника.

Рихард тщетно пытался выправить падение корабля, но удар о поверхность был оглушительно-разрушительным. Смятый в гармошку нос аппарата только чудом не раскололся на части, и шокированные земляне получили возможность натянуть скафандры и загерметизироваться. Температура внутри начала стремительно расти, и оставаться внутри корабля стало опасно — он мог взорваться в любое мгновение. Рихарду пришлось силой выламывать заклинившую дверь и тащить еле волокущую ноги Ксению в открытое пространство. Уменьшенная гравитация мгновенно подбросила их вверх, но привыкший к невесомости Зейнер быстро приспособился, и длинными прыжками быстро пересёк пространство от корабля до ближайшего скального образования.

Где-то в километре от места их падения дымился один из уцелевших под обстрелом шатлов. Разглядеть, вышел ли кто-нибудь на поверхность, с такого расстояния было сложно, поэтому Рихард, недолго думая, схватил Ксению за руку и взмыл вверх в очередном прыжке. Видимо, на спутнике всё же присутствовала слабая атмосфера, потому что взорвавшийся в это мгновение корабль, принёсший их на эту бесплодную землю, отбросил землян вниз, протащив по пыли несколько сотен метров. Скафандры не пострадали лишь чудом, но совершенно выбитая из колеи Ксения начала вести себя очень странно, явно проявляя признаки истерики. Успокаивать женщину словами оказалось бесполезно, и Рихард забросил её себе на плечо. Вскоре ему навстречу показались люди, которые возились с подбитым шатлом. Их кораблю повезло больше — он прокопал брюхом в пыли порядочную колею, но разваливаться явно не собирался, хоть и пускал дым со всех щелей.

Подоспевшие на помощь Рихарду люди помогли донести рыдающую в истерике Ксению к шатлу. Оказалось, что среди членов экипажа имелся врач, который тут же занялся женщиной, предоставив Зейнеру возможность наконец разузнать, что же произошло у него на глазах. Он постарался как можно быстрее наладить локальную связь с членами экипажа, и, выйдя на их частоту, неожиданно услышал знакомый голос, матерящийся на всех известных Рихарду языках и наречиях.

— Этрус?!

В эфире тут же возникла пауза, которая быстро сменилась свирепой бранью.

— Какая разница кто?! Хоть Папа Римский! Дела это не меняет! Эти сволочи решили от нас избавиться, поверить не могу! Завеса на моих глазах разговаривал с этими лживыми скотинами, а они угробили столько народу! За что, спрашивается?! За что?!!

Рихард сразу же отличил отчаянно жестикулирующую фигуру товарища и поспешил к нему:

— Этрус, твою мать, ну-ка посмотри на меня!

Здоровяк мельком глянул в лицевой щиток назойливого идиота, и чуть не сел от удивления. На несколько мину в эфире воцарилась тишина, которой поспешили воспользоваться остальные члены экипажа, оперативно обсуждая возможность починки шатла в имеющихся условиях. Этрус знаком попросил Зейнера переключиться на следующую частоту, и, когда тот выполнил его просьбу, тихо воскликнул:

— Но как?! Это невозможно! Неужели ты летел на Эпсилоне?!

— Я сейчас ничего не могу тебе объяснить, поэтому давай-ка лучше ты! Что произошло?! Мы застали здесь только железное месиво! Кто по вам стреляет?! И почему так много спасательных шатлов оказались вне станции?

Этрус стиснул кулаки и со всей дури ударил по расходящейся на швах обшивке корабля:

— На станции произошла катастрофа: несколько взрывов подорвали купол и он рухнул прямо на город... А когда все уцелевшие поднялись на шатлах в космос, нам пришло сообщение с секретной правительственной станции, которая, как оказалось, всегда была тут неподалёку! Только о ней знали почему-то всего несколько человек!.. В общем, они пообещали помощь, а сами... Ты видел! Если уцелел хотя бы десяток кораблей — это просто чудо! До сих пор не могу понять, чем они по нам зарядили!

Зейнер ошеломлённо слушал старого товарища, но не мог поверить в услышанное. Этрус подозревал, что всё это было спланированной операцией! И взрывы на станции, по его мнению, были не случайными: кто-то целенаправленно вознамерился уничтожить целую станцию со всем её персоналом!

Вывод напрашивался неутешительный: физически на это было способно только правительство Земли, которое имело доступ и на станцию, и к новейшим разработкам оружия массового поражения; а в таком случае им не следовало вообще ждать помощи, от кого бы то ни было.

Глава: Роман Прахов.

Спутник Туманики.

Беременная женщина кричала от страха, вцепившись в края металлической койки, но никто не мог ей помочь. Шатл ещё раз ударился о поверхность спутника и, свирепо заскрежетав, начал тормозить, поднимая облака пыли, которые мгновенно окутали маленький кораблик сизыми крыльями.

— Все живы?... — громко поинтересовался Роман, снимая с головы прозрачный пилотский шлем.

Несколько человек, пристёгнутых ремнями безопасности к креслам, дружно переглянулись и пришли к выводу, что пережили посадку целым составом.

— Хорошо... Разбирайте скафандры, нужно удостовериться, что шатл в порядке, а потом уже всё остальное...

Что подразумевалось под «всё остальное» Роман, положив руку на сердце, не знал и сам; но обстоятельства сложились так, что несколько вывезенных им с планеты человек неожиданно единодушно приняли его за командира, и теперь ждали помощи и поддержки, а также разумных решений... В этом отношении им было гораздо легче, чем Роману. Одно радовало — в особенно трудные минуты рядом всегда оказывался Джозеф и поддерживал новоявленного лидера словом и делом. Как в момент артиллеристского удара, например: он первым понял, что происходит, когда увидел на локаторах множественные цели; и только благодаря его мгновенной реакции маленький корабль оказался цел и невредим при первом взрыве. Второй залп, правда, всё же задел их шатл, но посадка, судя по всему, прошла достаточно удачно.

— Эй, Джозеф! Нужна твоя помощь.

Военный без вопросов оставил свой скафандр и повернулся к Роману.

— Беременную тоже нужно вынести.

— Ты уверен? — усомнился Кайлай, с недоверием оглядывая выпуклый живот женщины. — В её положении лучше, наверное, оставаться в лежачем положении.

Утомлённая тяжёлой посадкой женщина подняла взмокшую голову и громко рявкнула на них:

— Заткнитесь и помогите мне подняться!

Мужчины безропотно послушались даму в положении и осторожно подняли её на ноги.

— Я скоро рожу, я это чувствую, но здесь одна не останусь! Тащите сюда самый большой скафандр и помогите его надеть!

Когда все оказались на поверхности спутника, где-то вдалеке полыхнуло зарево взрыва.

— Кто-то не долетел...,- тяжело вздохнул Керниган, поддерживая беременную под локоть. — Ну, и что дальше? Помощи ждать неоткуда, если уж по нам свои стреляют!..

— Эрни, заткнись лучше и займись делом, — беззлобно оборвал его стенания Кайлай, внимательно вглядываясь в горизонт, который начинался неожиданно близко. — Я вижу там слабый дым, ближе чем от взрыва, наверное, ещё один шатл.

Роман, обследовавший, в этот момент их угловое судёнышко, резко поднял голову.

— Нужно послать туда кого-нибудь, возможно, им нужна помощь.

— Или нам! — страдальческим голосом протянула беременная. — Чем больше народу — тем больше голодных ртов!

Слова умудрённой жизнью среди каторжников женщины, конечно же, имели смысл — это было так очевидно, что на несколько мгновений в эфире возникла тишина, нарушаемая только тяжёлым сопением беременной, которая неуклюже пыталась прислониться к теплому боку шатла.

— Мы не можем сейчас думать только о себе, — наконец твердо произнесла Катя, и её спокойный голос подействовал, как острая игла на до предела надутый шар.

Люди зашевелились, всем своим видом показывая, будто не слышали высказанного вслух опасения: Кайлай и Эрни подрядились разведчиками обстановки, и ушли в сторону замеченного зорким сонитанином дымка; а Роман завозился с охлаждающими баками, беспокоясь, почему поверхность шатла всё ещё не остывала.

Поскольку все оказались при деле, Кате ничего не оставалось, как остаться сиделкой при беременной женщине, которой вовсе не становилось лучше. Несчастливая обильно потела, и у неё здорово подскочил пульс, но вся сложность ситуации заключалась в том, что никто не рисковал вводить ей препараты, опасаясь повредить ребёнку. Оставались только примитивные дедовские способы, и Катя постаралась применить их на практике. Она присела рядом со своей подопечной и взяла её за руку:

— Спокойно, спокойно... Как тебя зовут?

— Ольга, — надрывно прошептала женщина, сдавив протянутую ей маленькую ладонь.

— Ольга... А фамилия?

Женщина удивлённо взглянула на вопрошающую и нехорошо усмехнулась:

— Без фамилии, просто Ольга. Это имя дала мне мать, а так я числюсь под номером 12.

— Числишься под номером?.. — Катя оторопело задержала дыхание, но не удержалась и выпалила, — Ты из каторжников?

— Из них, — ядовито огрызнулась женщина и попыталась вырвать свою руку, но Катя вовремя спохватилась, и прижала её к себе.

— Ты так молода, я не представляю, за что тебя могли посадить?!

— Я родилась на этой станции. Мою мать сослали сюда за убийство двух человек, и когда она оказалась на Туманике, её быстро прибрали к рукам эти учёные... Уж не знаю, что они там в ней изучали! Но через девять месяцев на свет появилась я, а мамаша умерла при родах.

— Я не понимаю, разве каторжников не стерилизуют?

Беременная пожала плечами и красноречиво взглянула на свой живот.

— Кто же отец? — осторожно поинтересовалась Катя, понимая, что возможно сейчас услышит нечто ужасное, выходящее за рамки всех норм и законов.

— Никто, — спокойно ответствовала Ольга. — Они зачали его из пробирки, а потом обкачивали меня лекарствами, чтобы я лежала смирно и ничего не понимала. Можно сказать, я очнулась уже с огромным животом и опухшими ногами.

Женщина так увлеклась разговором, что забыла и о болях, и об отдышке, её пульс стал ровнее, а голос спокойнее — старания Кати увенчались успехом. Но вот сама она лучше себя чувствовать от этого не стала.

Мало того, что правительственная станция обстреляла караван из беззащитных, обречённых на голодную смерть людей, так ещё выясняется, что эксперименты, проводимые на станции, вовсе не были так безобидны, как подавалось общественности! Военные проводили испытания на людях!

Не удивительно, что это их суперсекретное подразделение — Озн — поспешило избавиться от лишних свидетелей: по-видимому здешние большие начальники посчитали весь проект уничтоженным, и решили подчистить следы.

— Это ужасно, — решительно прошептала Катя, крепче стискивая маленькую ладонь женщины в огромной перчатке. — Они не имели ни морального, ни физического права держать невинное дитя среди преступников, тем более проводить на тебе свои опыты! Если так случится, что мы всё же сумеем спастись, они горько пожалеют об этом!

Ольга мучительно улыбнулась и отвернулась:

— Боюсь, это наше последнее пристанище. Жаль, что я так и не смогла увидеть Землю, знаешь... Я мечтала, что однажды кто-нибудь сжалится надо мной и отпустит вместе с очередным кораблём. И тогда я смогу улететь так далеко, как только возможно. Детские мечты, конечно, но всё же... Моя мечта отчасти сбылась!

Ольга обвела запавшими огромными глазами чёрное пространство вокруг и успокоено вздохнула:

— Странно, мне никогда ещё не было так хорошо. На станции меня постоянно мучил голод, и только когда эти трусливые охранники приносили еду, я чувствовала некоторое облегчение. Наверное, это потому, что я здесь. Это то самое удивительное волшебное место, о котором мне рассказывали странные люди из снов...

Катя осторожно отпустила руку женщины и поудобнее прислонила её к боку корабля: Ольга мирно спала, успокоенная нормальным человеческим отношением. Она была такой умиротворённой и беззащитной перед всеми тяготами мира, совершенно одна... А на её лице мягко светились звёзды, отражённые шлем-сферой.

Катя наклонилась ближе и всмотрелась в медленно плывущие звёзды. Что-то тихо дрогнуло в её сердце:

— Рома! К нам летит какой-то корабль.

Мужчина отвлёкся от раскрытого бока корабля и внимательно окинул взглядом чёрное небо.

— Ничего не вижу.

Он подошёл к жене и тоже наклонился над сферой Ольги.

— Вот, посмотри. Здесь видно, как мы движемся в пространстве, по звёздам. А эта точка...

— Она стоит на месте! — удивлённо охнул Роман. — Они послали разведку за выжившими!

Катя обречённо зажмурилась, еле сдерживая слёзы, но не удержалась и всхлипнула:

— Рома! Мне нужно сказать тебе...

Прахов, не отвлекаясь, следил за точкой в шлем-сфере, и даже не повернул головы.

— У нас ничего не было с тем парнем, на Земле. Тебя всегда так долго не было, и мы с ним подружились в магазине. Он иногда заходил ко мне в гости, и мы подолгу разговаривали. У Олега семья, дети. Он их любит. Но в тот вечер, когда ты вернулся... Мы с ним выпили немного, и я расплакалась, а он принялся меня утешать. Не знаю, как это вышло, но я поняла, что происходит, только когда увидела твоё лицо за окном! Ничего не было. И он сам потом просил у меня прощения! Я знаю, что всё равно виновата перед тобой, но ты, — её голос оборвался, она сглотнула пересохшим от волнения горлом и продолжила, — прости меня... Ты единственный, кого я люблю. Если я буду знать, что ты простил меня перед смертью, мне правда будет легче... Рома!..

Прахов выпрямился и повернулся к жене спиной. Катя как подкошенная осела в пыль спутника и обхватила себя руками. В эфире серебряными колокольчиками зазвенели её отчаянные всхлипы:

— Почему?.. Почему ты так со мной? В тебе ни капли сострадания, Прахов! Слышишь?!

Но Роман не отвечал, всё глядя куда-то за горизонт, напряжённый, как струна:

— Катя, пожалуйста, успокойся, дорогая, сейчас не время. Нам подадут сигнал.

Женщина села, не столько удивлённая возникшей над горизонтом яркой сигнальной вспышкой, сколько голосом мужа.

— Нам нужно скорее туда, Джозеф не стал бы посылать ракету по пустякам. Разбуди беременную, и мы выдвигаемся.

Катя повиновалась без вопросов; ей показалось, будто что-то изменилось вокруг, может, звёзды стали светить мягче? Но ведь это было невозможно... Тогда женщина тихонько улыбнулась себе и поняла, что Роман никогда не сердился на неё. Она осторожно разбудила Ольгу и помогла ей подняться.

— Идём, нам пора.

— Что-то случилось? — растревожилась женщина.

— Нет, ничего, — спокойно улыбнулась Катя и, мельком взглянув на неподвижную звезду, повторила, — ничего...

Глава: Ксения Орлова.

Спутник Туманики.

«Сколько смертей вокруг, сколько смертей!», — Ксения мерно покачивалась взад-вперёд, обхватив себя руками, и всё шептала, шептала эти слова, неотрывно глядя в пустоту. Доктор ввёл ей успокоительное через пищевой вход, но лекарство только сделало истерику перепуганной женщины тише.

Единственного, кто мог бы попытаться успокоить Ксению, не было рядом: Рихард разговаривал с командиром найденного ими шатла по индивидуальной связи, а позвать его и прервать важную беседу никто из лаборантов «Эксплор Технолоджи» не решался.

Неожиданно за спинами растерянных лаборантов показалась женская фигура в плотно облегающем скафандре.

— Пустите меня к ней, я попробую.

Один из лаборантов попытался задержать её и схватил за руки, но женщина так взглянула на этого человека, что его ладони сами разжались. Женщина презрительно фыркнула и прошествовала мимо, гордо задрав голову. Она вела себя среди этих людей так, словно была командиром, и это заставило Ксению отвлечься от муки, снедающей её изнутри. Женщина опустилась перед ней на колени и взяла за руки, крепко стиснув ладони:

— Где болит? Скажи мне, и я помогу.

Внезапно Ксения почувствовала, будто руки этой женщины проникли прямо сквозь ткань комбинезона и шёлковыми нитями прошли её насквозь вдоль и поперёк.

— Где, где болит? — повторяла она, встряхивая обмершую Ксению за руки и внимательно вглядываясь в её изумлённое лицо ясными голубыми глазами.

Но Ксения не смела вымолвить и слова. В ответ она лишь стиснула свои ладони на запястьях незнакомки и проделала с ней то же, что пыталась сделать та.

Зрачки Ольги расширились. Она инстинктивно отпрянула назад, но хлынувшая из неё энергия не позволила ей отшатнуться. Сидящая напротив Витала была истощена и напугана, ей нужна была её помощь. Ольга прижала тихо всхлипывающую Ксению к себе и в первый раз в жизни осознанно провела лечение. Растущая пустота внутри пугала и завораживала, но внутреннее чувство подсказывало Ольге, что так теперь будет всегда, и этот источник пополнится.

А Ксения не могла пошевелиться или заставить себя перестать плакать. Единственное, что она теперь чувствовала, — было бесконечное облегчение, словно она сбросила с себя тяжкое неподъёмное бремя.

— Всё хорошо, всё хорошо, — тихо шептала Ольга, убаюкивая совершенно незнакомую ей женщину, отдавая ей часть своей души.

Лаборанты, несколько минут наблюдавшие за действиями своей подопытной, разошлись по сторонам, бросив основные силы на более насущные проблемы, чем укрощение потенциально опасного существа. Тем более что на шатле присутствовал представитель военных властей, который, весьма очевидно, не был посвящен во все подробности станционных исследований, и был бы несказанно удивлён, возмись они скручивать по рукам и ногам ни в чём не повинную женщину.

Их командир, Гийом Ласке, погиб ещё на станции. Лабораторный шатл стартовал одним из последних, когда огонь пожара уже перекинулся на ангар. Энергопластовая стена ангара не выдержала и треснула, её осколки плотно усыпали собой всё вокруг, придавив насмерть несколько человек, среди которых оказался и главный представитель «Эксплор Технолоджи». А поскольку Ласке являлся также и пилотом шатла, набившиеся в уголё суденышко люди в одно мгновение оказались обречены на верную гибель.

Если бы не пассажир стартующего по соседству корабля.

Константин Этрус заметил приключившуюся с лабораторным шатлом беду и, рискуя собственной жизнью, покинул уже стартующий корабль, чтобы лично повести их из огненной ловушки.

В некотором смысле это спасло и самого Этруса, потому что корабль, на котором он собирался улететь прежде, погиб при первом же артиллерийском ударе.

Теперь судьба всего проекта, над которым много лет трудились учёные, была подвешена в воздухе за тоненький волосок их жизней. А положение этого волоска в данный момент не вызывало оптимизма: шатл оказался сильно повреждён вторым ударом, и тот факт, что Этрус сумел посадить его на спутник, казался чудом; запаса воды на разваливающемся корабле хватало едва ли на три дня, и существовала реальная угроза голодной смерти на Богом забытой каменной глыбе.

Этот вопрос был гвоздём на повестке дня, и, наверное, каждый выживший ежесекундно мысленно обращался к нему, отчаянно кусая губы. Но паника не могла облегчить горькую участь потерпевших бедствие людей, поэтому экипаж всегда был занят чем-нибудь хоть капельку полезным, лишь бы не думать о неизбежном.

Ксения подняла на Ольгу ещё влажные от слёз глаза и знаком попросила переключиться на свободную частоту:

— Как ты здесь оказалась? Все эти люди знают о том, кто ты? — дрожащим от волнения голосом спросила она у своей спасительницы, и мельком огляделась по сторонам, проверяя, не наблюдает ли за ними кто.

Ольга тяжело вздохнула, прекрасно понимая волнение своей подопечной, и отрицательно покачала головой:

— Успокойся, я никому не скажу, что ты такая же, как я. Меня силой привезли на эту станцию, и ставили здесь опыты. Никому не пожелаю пережить такое...

Ксения тут же вцепилась в женщину онемевшими от ужаса пальцами, чувствуя всё нарастающие волны паники:

— Пожалуйста! Пожалуйста!.. Если мы выберемся с этого спутника, постарайся не выдать меня, я не переживу!.. — она осеклась на половине фразы, ощутив во взгляде Виталы твёрдую решимость, которой не было у неё самой:

— Они не доберутся до тебя. Я не позволю.

Ксения вздохнула с некоторым облегчением, но её тут же снова начали терзать сомнения:

— А почему все эти люди так боятся тебя, если ты их подопытная?

Ольга заметно поёжилась, но всё же ответила:

— Я тогда практически ничего не знала обо всём... этом. И во время эксперимента это вышло из-под контроля...

— Это? О чём ты? — удивилась Ксения.

— Эта ммм... сила. Я... убила несколько человек, — оттараторила Ольга и сокрушённо опустила голову, её плечи поникли. — Но я никогда ничего об этом не слышала, и некому было рассказать! Может быть если бы...

— Ты ни в чём не виновата, не виновата!..

Но Ольга не слушала её, уставившись неподвижным взглядом в сторону. Внезапно она медленно поднялась на ноги и сделала несколько невесомо лёгких шагов, покачиваясь как кукла. Замерла.

«Это он!»- услышала Ксения её радостный выдох в наушниках. — «Он жив!»

Орловская, пользуясь слабым притяжением спутника, одним лёгким прыжком оказалась на ногах и посмотрела в ту же сторону.

Из-за непривычно близкого горизонта показались фигуры в скафандрах,двигающиеся как два кенгуру. Они очень быстро приближались, покрывая за один прыжок несколько

десятков метров. Другие члены экипажа тоже заметили пришельцев и разом побросали свою работу по спасению дымящегося шатла. Каждый надеялся услышать хорошие новости, но, судя по тому, как они были напряжены, люди готовились и к худшему.

Ещё за несколько метров до места приземления шатла один из прибывших нащупал переговорную частоту учёных и вышел с ними на связь:

— Говорит Джозеф Ливановский, станция — Геленджик-12, прошу не открывать огонь! С вами всё в порядке? Нужна помощь? Мы приземлились в нескольких километрах отсюда и можем принять на борт несколько раненых, наш корабль не пострадал при посадке.

Ему ответил Этрус, который к тому моменту также перешёл на общую частоту:

— Ливановский, сколько вас человек и кто в составе экипажа?

Кайлай как раз в этот момент приземлился перед ним, подняв в разреженный воздух спутника маленькое облачко пыли. Следом за ним кувыркнулся Эрни, неудобно повалившись на спину.

— Четыре человека и одно недоразумение, — неожиданно развязно пошутил Кайлай, огромными зрачками разглядывая столпившихся вокруг людей. — Никого сколь-нибудь полезного! А что с вами?

— На данный момент восемь выживших, раненых нет, но нашему кораблю повезло меньше, — Костя кисло поморщился и нахмурился, пристально глядя в глаза пришельцу. — На самом деле, мы не представляем, что теперь делать — помощи ждать совершенно неоткуда.

— Это точно! — Кайлай рассмеялся и высоким прыжком перескочил через изумлённые головы лаборантов.

Прежде чем кто-либо сумел что-то понять, обезумевший сонитанин шмыгнул в пустующий шатл, из которого чёрными клубами валил дым, и заблокировал люк.

— Вот дерьмо! Да он же под наркотой! — громко выругался Этрус и попытался броситься следом за одурманенным безумцем, но открыть заклинившую дверь так и не сумел. — Быстро, уходите от корабля, если он там что-нибудь повредит, здесь всё взлетит на воздух!

Люди бросились по сторонам, с безопасного расстояния наблюдая за судьбой своего последнего пристанища; но ничего страшного не случилось: через несколько минут люк распахнулся и на поверхность спутника вывалился человек в комбинезоне, чёрном от копоти. Он быстро поднялся на колени и, выхватив из-за пояса ракетницу, выстрелил в воздух красный сигнальный огонь.

Рядом мгновенно оказались Этрус и Зейнер: они подхватили беспокойного пришельца под руки и потащили в сторону ближайших скал, под защитой которых прятались остальные выжившие.

— Рихард! Проверь, может быть, второй тоже под кайфом, — распорядился Этрус, укладывая Ливановского.

Зейнер, не взирая на слабое сопротивление Кернигана, тут же выполнил приказ, и только после этого отпустил мальчишку.

— Этот, вроде, в порядке.

— Значит так, — сурово начал Этрус, крепко придерживая Джозефа за плечо, — Что здесь творится?! Если нас всё же спасут, я отдам вас под трибунал! Вы подвергли наши жизни смертельной опасности!!

Эрни понурился, пытаясь вымолвить хоть слово, но Джозеф его опередил громким нездоровым смехом:

— Это что?! Тьфу! Фигня! Они летят сюда, чтобы убить нас! Ха-ха-ха! Уже так близко... Вы представляете?! После стольких лет работы, они хотят убить меня!

Костя быстро переглянулся с доктором и кивнул:

— Займитесь им, нам не нужна паника.

Лабораторный врач и несколько его коллег попытались уложить Джозефа на спину, чтобы ввести успокоительное, но тот вдруг начал отчаянно вырываться.

— Вы не понимаете! Они летят сюда! Передатчик на корабле более сильный, и они летят, чтобы убить нас всех!

— Только этого не хватало, — недовольно пробурчал Этрус, когда они с Рихардом вместе отошли от места потасовки. — Мне совсем не улыбается провести последние часы жизни, разнимая обезумевших идиотов!

Зейнер удивлённо вскинул брови.

— Неужели тебя не пугает наша участь? Едва ли нас здесь кто-то найдёт. У меня сердце замирает, когда я думаю о ближайших нескольких днях!..

Костя невольно вздохнул:

— Мне страшно, но это нам никак не поможет. А опускать руки я не собираюсь — не этому нас учил Андрей! Помнишь, что он говорил?

— Никогда не сдавайся, если ты опустишь руки — тебя уже ничто не спасёт...

Глава: Кайлай Жонс.

Спутник Туманики.

Кайлай словно спал.

Он не осознавал, что происходило в реальности, а что заканчивалось только в его мыслях; но эта свобода, от которой кружилась голова, пьянила не хуже дурмана. Расплывчатые, неестественно вытянутые фигуры людей в скафандрах кружились и плясали вокруг, и Кайлаю всё казалось, будто они скрывают нечто очень важное, быть может, самое важное в его жизни.

Ах, да... Смерть! Ведь она приближалась!

Жонс попытался вскочить на ноги и объяснить, втолковать этим недалёким людишкам, что необходимо срочно что-то делать! Но они не слушали...

Тогда он смиренно сел в подвижную, как вода, пыль спутника и монотонным голосом начал твердить одно и то же, стараясь привлечь к себе внимание. Наконец, спустя некоторое время, появились новые люди в скафандрах, которые показались Кайлаю знакомыми... Один из них сразу же бросился к нему и начал что-то отчаянно кричать в наушники — Кайлай не слышал что, в его голове всё зашумело, и свет внезапно погас.

Кайлай очнулся резко, но эта намуштрованная до рефлексов реакция, как всегда, мало помогла.

Сначала в глазах всё прыгало и сливалось в сплошной белёсый туман, но вот Кайлай начал различать какие-то очертания и, наконец, прорезавшимся зрением увидел множество

ног на уровне своих глаз и резко сел. Люди вокруг стояли одной безмолвной стеной, подняв глаза куда-то вверх; их раскрытые рты как один скривились в горьких гримасах, а по лицам некоторых пролегали едва заметные в отражённом сиянии звёзд полосы слёз.

Кайлай осторожно поднялся на ноги и мгновенно увидел то, что ранее было скрыто от него за скалистыми образованиями спутника: яркое высокое пламя полыхало где-то за горизонтом, откуда он сам недавно пришёл к этим людям, чтобы предложить помощь и, по возможности, связаться с Анатином.

Жонс инстинктивно вскинул голову вверх и понял, отчего вдруг земляне, до последнего не сдававшиеся, обречённо и покорно встали в полный рост перед неведомой опасностью: над спутником висел хорошо различимый корабль Озна, который выпускал огненные звёзды по местам посадки уцелевших землян. Вероятно, теперь они остались последними живыми существами на огромной каменной глыбе, но это ненадолго... Если уж Озн задался целью уничтожить всех жителей станции, то он не отступится.

Теперь Кайлай отчётливо вспомнил, что это он подал сигнал на Анатинак — надеялся, что сидящие там сонитане почтут своим долгом вытащить агента Озна из передряги. А оказалось, что им гораздо проще уничтожить всех подчистую, включая и его, лишь бы не заморачиваться на посадку и столкновение с разгневанными землянами! Капрала Жонса бросили, возможно, даже гораздо раньше, чем он себе представлял — просто не прилетели за ним и всё, оставили в качестве лабораторной крысы земным учёным!

Это было так горько и больно, что Кайлай задрожал всем телом, впервые ощутив себя в шкуре тех, кого Озн стирал с лица земли его же собственными руками.

Очередной залп пришёлся на дымящийся шатл, криво лежащий на боку в нескольких сотнях метров от небольшой кучки людей, которые решили встретить неминуемую гибель с гордо поднятыми головами. Их неподвижные ряды не выдержали полыхнувшего совсем близко пожара, и послышались отчаянные вскрипы; некоторые принялись обниматься на прощание, эфир зашумел признаниями и горькими словами, многие из которых Кайлай уже не мог разобрать в общем гуле.

Всё это было так неправильно и грустно, что он неожиданно забыл о страхе приближающейся смерти и ощутил в груди всё поднимающуюся волну решимости. Кайлай начал двигаться, в будоражащем напряжении не совсем осознавая, что он делает и говорит всем этим людям. Но внезапно они послушались его и побежали в сторону громоглаголющих рядом высоких скал, среди которых темнели густые провалы черноты, в которые не проникал жёсткий нерассеянный свет местной звезды.

Кайлай и сам не знал, что руководило им, но он был точно уверен, что в этих скалах его ждало убежище, способное укрыть многих... Серые камни прыгали перед глазами, а в затылок дышала опасность, шарящая по поверхности спутника, разыскивая их. Наконец открытое пространство между скалами было преодолено, и горстка перепуганных людей окунулась в чернильную тень.

— И что дальше? — тихо поинтересовался до боли знакомый голос, прорезав наступившую тишину. — Джозеф, ты меня слышишь? Что ты задумал?

— Роман? — Кайлай ощутил дрогнувшую в сердце радость. — Ты здесь?! Неужели увидел сигнал?

— Не время для восторгов! — вмешался другой, тоже знакомый, но рассерженный голос. — Этот болван наглотался наркотиков, а мы все как идиоты побежали за ним, когда

могли бы уже!..

— Что уже? — ехидно, но без злобы поинтересовался третий голос. — Не ты ли говорил, что нужно держаться до последнего?

— Это хотя бы разумнее, чем умирать от голода, Рихард, — спокойно отвечивал голос и замолчал.

В наступившей тишине волнами прибоя билось тяжёлое дыхание.

— Так что? — не выдержал совершенно незнакомый голос, и Джозефа кто-то толкнул под руку. — Ты же сказал, что здесь есть убежище! Неужели солгал?!

Люди расстроено зашумели, горько вопрошая его, но Кайлай не мог им ответить, он прислушивался к ощущениям внутри себя:

— Нам прямо. Здесь должен быть скрытый проход, и там есть освещение.

Люди вокруг замерли, слабо веря ему, и Кайлай первым пошёл дальше в темноту на ощупь. Внезапно где-то невдалеке, метрах в десяти, замерцали крохотные огоньки, освещая округлые своды небольшой пещеры, на фоне которой смутно металась человеческая фигура.

— Все сюда! Я знаю, что это за место! Мы можем спастись, но нужно спешить, я уверен, наши преследователи тоже знают о нём!

Все побежали за ним, едва дыша от стиснувшей грудь надежды. Пещера оказалась очень длинной и вела далеко вглубь скальных образований спутника. Вверху тоненькой цепочкой тянулись голубоватые лампочки, бросая призрачный свет на неровные стенки грота, но и этого хватало, чтобы обнадёженные люди бежали что есть мочи в слабой атмосфере спутника. Они мчались короткими прыжками, рискуя повредить скафандры об острые скаты свода, и ждали, что вот-вот зависший над спутником корабль взметнёт эти маленькие горы сокрушительным взрывом. Однако было тихо, и надежда всё росла и росла в их душах.

Корабль ударил. Земля сотряслась, побросав своих временных обитателей на стены и пол пещеры. Послышались испуганные стоны и крики о помощи, но пещера не обрушилась: только осыпались несколько стен, наполовину закрыв проход. Все, кто сумел быстро подняться на ноги, похватили своих менее удачливых товарищей под руки и полезли в полузаваленный проход, мысленно прося, чтобы не обрушился потолок. Второй удар застал их уже на другой стороне, и люди оказались полностью отрезаны от поверхности спутника. Но Кайлая это не смутило: он поторапливал своих товарищей, обещая, что впереди есть путь, который приведёт их к спасению, и сам едва не бежал. Земляне прыгали уже из последних сил, когда оказались в небольшой пещере, которой и заканчивался туннель. Посреди неё на несколько сантиметров над полом возвышался огромный каменный диск, в который были вмонтированы какие-то странные приспособления, внешне напоминающие диафрагмы гигантских колонок.

Не давая землянам опомниться, Кайлай затолкал их всех на середину круга и быстро оббежал диафрагмы, что-то колдуя над ними. Люди в изумлении следили за своим лидером, ничего не понимая, как вдруг плита бесшумно завибрировала. Кайлай быстро запрыгнул на неё и громко прокричал, так, чтобы услышали все:

— Обнимитесь за плечи, и сядьте! Ни в коем случае не сходите с плиты, и тогда, быть может, мы сумеем спастись!

Люди послушно опустились на плиту, всё набирающую обороты, и, стиснув зубы, стали ждать. Вибрация усиливалась с каждым мгновением, чуть ли не сводя с ума взбравшихся на неё безумцев, но Кайлай крепко продолжал держать соседей за плечи, своим примером

показывая, что всё это вполне можно пережить.

Третий взрыв, гроыхнувший где-то совсем рядом, люди даже не почувствовали: вибрации плиты были уже такими сильными, что воздух вокруг них начал дрожать неровным маревом, а кое-где, кажется, даже светиться. Наконец, плита перешла на очередной виток вибрации, и люди попадали на плиту в беспамятстве. А спустя ещё мгновение все они исчезли в слабом дрожании воздуха.

Плита сбросила скорость, колебания начали затухать, но завершить свой цикл ей не дал четвёртый взрыв, который точным попаданием уничтожил пещеру.

История Сониты (1)

Превратности судеб. История Сониты.

Глава 1.

Земля, 2649 год от Рождества Христова.

Хоть этого и не было видно со смотровой площадки, но в командном зале пульсировал заряженный гул оживления, отчего воздух казался распаренным и невесомым, звенящим как стеклянные колокольчики; Кастандер снова бросил взгляд сквозь толщу прозрачной пластмассы на великолепный шар планеты — внутри него всё также было натянуто до предела, с той лишь разницей, что он не участвовал в процессе, а лишь имел возможность наблюдать за происходящим с бесцельного рудиментарного отростка капитанского мостика. Остальные аналитики предпочли занять свои более удобные каюты, но Кастандер знал, что никогда не вернётся на Землю, и хотел насладиться зрелищем до конца.

На корабле, наконец, погасили свет, и это явилось прямым указанием занять свои места. Микаэл чуть более порывисто, чем было нужно, прошагал к своему плотному, душно-облегающему синтетическому креслу и упал в него, предоставив ремням безопасности сцепиться на груди мёртвой хваткой. Дышать стало совершенно невозможно, панический страх подступил к горлу, и захотелось кричать что есть мочи, чтобы его высадили прямо сейчас!.. но процесс был уже необратим: стены и пол, и само кресло тонко запели в неуловимой вибрации, синхронно и отчётливо, как гигантский камертон. И если уж он, Кастандер, переживал этот момент так ярко, то страшно было представить, что творилось с остальными, нормальными членами экипажа...

Некомфортная до панического состояния в груди вибрация перешла на второй из шестидесяти восьми витков, и буквально пригвоздила отчаянно сопротивляющегося Микаэла к упругим подушкам кресла. О крике он уже забыл — хотелось только оказаться подальше от неустойчивой скорлупы корабля и лечь на твёрдую спокойную землю. На каком-то периферическом уровне подсознания Кастандер отметил, что сквозь жёсткую синтетическую ткань кресла начал просачиваться прохладный желеобразный гель. Но как он обволок всё тело, Микаэл уже не помнил — он провалился в глубокую комфортную темноту, лишённую тревог и вибраций.

О том, что ему нужно спуститься вниз на пункт сбора пассажиров, настойчиво твердил приятный женский голос, в котором Микаэл без особого труда узнал обработанную версию мягкого баритона оперной певицы Близо Крамник. Чрезвычайно приятное пробуждение — Микаэл был поклонником этого жанра.

С некоторой брезгливостью и нетерпением он вырвался из всё ещё влажных объятий кресла, вокруг которого натекла приличная лужа растаявшего геля, и с облегчением заметил, как быстро высыхает костюм.

По лестницам уже спускалась оживлённая толпа людей: взволнованные пассажиры

делились друг с другом восторженными криками и впечатлениями, совершенно не заботясь о том, знакомы ли они. Бестактное, на взгляд Кастандера, поведение никого, впрочем, не смущало, и он вместе с остальными пассажирами без помех спустился на первый уровень, где их уже ожидали Ратции, как всегда безупречные и ничуть не помятые чудовищным броском огромного звездолёта.

«Прошу вас сюда», — мягко пропела элегантная Ратци, осторожно взяв Микаэла под локоть и усадив в удобное яйцеобразное кресло с прозрачным монитором перед глазами. Кастандер невольно напрягся от прикосновения робота, но довольно легко удержал себя в руках и даже сумел улыбнуться миниатюрной прелестнице с фиолетовыми волосами, памятуя о том, что Ратции весьма чувствительно реагируют на эмоции людей и могут даже расстроиться, если грубо повести себя с ними.

В просторном величественном главном зале корабля ещё несколько минут наблюдалась радостная толкотня, но едва лишь вездесущие Ратции сопроводили к свободному месту последнего пассажира, шумное оживление сменилась выжидающей тишиной.

Под пристальными взорами сотен глаз на своевременно возникшую в дальнем конце зала маленькую сцену поднялась полная молодая леди в резко отличающем её от остальных членов экипажа костюме биологической защиты.

— Уважаемые дамы и господа! — её кругленькое лицо тут же отразилось на всех мониторах перед пассажирами. — Поздравляю вас с удачным завершением первого в истории человечества широкомасштабного переброса!

Повсюду раздались бурные аплодисменты, и Кастандер не преминул к ним присоединиться. Леди на сцене смущённо улыбнулась и жестом попросила тишины.

— Не будем сейчас перечислять тех, кому мы должны быть за это благодарны, иначе придётся пропустить шестичасовой ленч, поэтому сразу перейдём к делу.

Послышались короткие смешки, и Микаэл украдкой осмотрелся по сторонам: люди как заворожённые смотрели на свои экраны, все как один оживлённо улыбаясь, прямо сгорая от энтузиазма! Кастандер даже ощутил лёгкий укол зависти от того, что не мог разделить с ними этого пиршества эмоций. Но он мгновенно взял себя в руки и снова вернулся к равновесию шарика на дне глубокой чаши — не следовало ему придавать так много значения сиюминутному.

— Как вы уже, наверное, поняли, в данный момент мы находимся в созвездии Ганимед, непосредственно рядом с выбранной из каталога Гранте планетой «Тетта Софии», на которой двенадцать лет назад наши спутники нового поколения обнаружили наличие атмосферы и жизни. Партия роботов, заброшенная сюда за шесть месяцев до нашего прилёта, должна была подготовить посадочную площадку в устье реки Гаюны, так что с проникновением на планету трудностей возникнуть не должно. Но! — леди озабоченно подняла палец вверх, привлекая особое внимание к обсуждаемому вопросу. — Уважаемые строители-разведчики, вы должны чётко представлять себе всю подвешенность нашего положения, пока здесь, в пределах Тетта Софии, не будет построена орбитальная спинстанция. Поэтому я предлагаю отсрочить наше выступление на поверхность планеты, пока строительство не будет завершено, и мы не получим подтверждение от Земли. Понимаю, как это может вас расстроить, я и сама много лет готовилась к этому перебросу, — женщина чуть склонила голову набок, словно вычитывая шаловливому ребёнку, — однако безопасность всей экспедиции важнее личных стремлений каждого из нас ступить на поверхность первой колонии, удалённой от Земли на такое большое расстояние.

Возмущённые возгласы как-то затихли сами собой под действием чуть наклонённой головы и ласкового хитроватого взгляда.

— Естественно я не могу навязывать вам своё мнение, уважаемые господа, поэтому предлагаю проголосовать: панели перед вами оснащены соответствующими джойстиками, если кто-то не разберётся в системе, — леди позволила себе иронично усмехнуться, — Ратции будут рады вам помочь.

Никто даже не переполошился особенно, когда по всему кораблю прокатилась волна красноватого аварийного света.

Микаэл как раз отдыхал в общественной комнате, перелистывая старый выпуск «Аналитика», когда в комнату бодрым шагом влетел взволнованный Ратц, щеголяя совершенно натуральным румянцем на бледных щеках, и нелепо повертевшись на месте, порывисто подошёл к Кастандеру.

— Извините, что отрываю вас от отдыха, господин Микаэл! Но вас срочно требуют в командный отсек! Капитан приказала мне сопровождать вас немедленно!..

Молодой робот в нерешительности уставился в чёрные глаза человека, всем видом показывая свою неуверенность и словно извиняясь за настойчивость.

— Конечно же, — невозмутимо ответил Кастандер и поднялся с кресла.

Ратц благодарно вздохнул и предупредительно открыл перед человеком дверь.

Эти роботы были удивительными созданиями; они гармонично влились в общество ещё около семи лет назад и полностью заслужили доверие своих создателей. Однако время от времени Микаэл не переставал добродушно поражаться мастерству учёных, которые сумели создать бесчисленное множество таких совершенно непохожих друг на друга личностей, сочетающих в себе безграничную преданность человеку. Остальные члены экипажа уже давно не выделяли роботов из своего окружения, а он всё никак не мог свыкнуться с мыслью о бездушных машинах... Это было глупо, и Микаэл знал это; но он также знал, что несовершенен, и его заболевание прощает ему подобные отклонения в поведении.

Командный отсек был видоизменён около полугода назад, чтобы группе застройщиков было удобнее следить за проектированием спинс-станции. Теперь он представлял собой просторный круглый зал со множеством концентрических окружностей из рабочих мест, которые ступенями поднимались к общему серверу, находящемуся в центре. Командного мостика не было и в помине, да и сами размеры отсека заметно уменьшились, потеряв свои площади на более объёмистых секторах. Микаэл с трудом узнал место своего старта из солнечной системы, но в сущности это было логично, ведь корабль видоизменялся постоянно, подстраиваясь под нужды экипажа.

Размышления Кастандера были нарушены Ратцем, который, спугав замешательство своего спутника с робостью, деликатно взял его под локоть и повёл дальше, в личный кабинет капитана. По-видимому, он-то как раз и являлся теперь новым воплощением капитанского мостика: комната представляла собой огромную прозрачную пластиковую капсулу, которая дерзким язычком вытягивалась из сплошного монолита корабля на несколько десятков метров в безграничную пустоту космоса. В этой неуютной, дезориентирующей комнатке уже собралось несколько коллег Кастандера, а также

совершенно незнакомые ему офицеры, которые в вольных позах устроились на чём придётся вокруг прозрачной имитации интерактивного стола.

— Господин Микаэл Кастандер прибыл, капитан! Какие будут дальнейшие указания? — звонким голосом нарушил тишину черноволосый Ратц и преданно уставился на молодую женщину в костюме биологической защиты, которая водила пальцами по жидкой поверхности стола.

— Очень хорошо, вы можете быть свободны, Лион, — не глядя, ответила капитан, — Господин Кастандер, прошу вас присоединиться к нашему обсуждению!

Когда Микаэл приблизился, несколько офицеров отодвинулись в сторону, давая ему возможность внимательно окинуть взглядом поверхность стола.

— Двенадцать часов назад мы потеряли два спутника, которые были запущены на Землю через новые спинс-ворота в качестве тестовых объектов, — продолжила свой прерванный доклад капитан. — Ворота не передают ни ответного сигнала, ни каких-либо обломков, словно мы их в чёрную дыру запустили! А три часа назад пропал и сконструированный на скорую руку передатчик с программой мгновенного возврата. Видимо, спинс-ворота Земли по каким-то неизвестным причинам не работают!

Никто из присутствующих даже не пошевелился. Микаэл мельком взглянул на своих коллег и привычным жестом потёр большой палец об указательный — как его учил врач-психотерапевт — чтобы избежать непроизвольного погружения в анализ ситуации, который чаще всего заканчивался неконтролируемым ступором. Эта особенность его мозга была одной из основных проблем в жизни Кастандера: он унаследовал от биологических родителей неизлечимое генетическое заболевание, которое влияло на баланс элементов в организме. В итоге, из-за недостатка какого-то вещества, малыш Микаэл уже в возрасте четырёх лет превратился в эмоционального инвалида. Однако природа не терпит пустоты, и взамен Микаэл развил у себя феноменальные аналитические способности, память и логику. Способности замечательные, однако они не делали его «обычным ребёнком» в общепринятых понятиях. Приёмные родители Микаэла с трудом продержались десять лет и, как только появилась такая возможность, благополучно спланировали сына в интернат для одарённых детей, где Кастандер нашёл достойное применение своему гипертрофически развитому аналитическому мышлению.

Пока Микаэл раздумывал над словами капитана, слово взял один из старших офицеров, продолжив мысль Кайто:

— В любом случае мы не можем отправить через ворота людей для выяснения обстоятельств — это серьёзный риск для жизни.

— Но данных недостаточно, чтобы сделать хоть какие-то выводы!.. Или вы хотите, чтобы мы построили возможные модели катастрофы, опираясь только на данные нашего компьютера? — с едва просвечивающейся язвительностью поинтересовался один из аналитиков. — Если проблема заключается не в нашем полёте, а приключилась там, на Земле, то это совершенно бесполезная работа!

Капитан попыталась что-то сказать, однако её тихий голос потонул во всеобщем гвалте: офицеры накинулись на аналитиков, а те в свою очередь окрысились на военных. Микаэл несколько мгновений с любопытством разглядывал возникшие трения сторон, а затем обошёл с безопасной стороны интерактивный стол и внимательно изучил данные их полёта.

Понятно, почему все так испугались и дали волю эмоциям — картина вырисовывалась не самая приятная, по крайней мере, Кастандеру это стало понятно едва ли не сразу. Но пока он не имел для своей теории никакой доказуемой основы, Микаэл решил не торопиться и, мягко взяв капитана за локоть, тихо произнёс:

— Возможно, проблема действительно заключается в аспектах нашего полёта; я постараюсь разобраться с этим, у меня возникло несколько идей, только мне нужен отдельный рабочий компьютер с выходом к главному серверу, а также посильная помощь наших специалистов по спинс-переходу для консультаций. И хочу сразу предупредить, это может занять несколько недель... Сможете устроить?

Женщина с удивлением обернулась, странно посмотрела в непроницаемые чёрные глаза аналитика и неловко отступила на шаг назад, высвобождая руку:

— Да... Да, конечно! Спасибо за помощь, господин Кастандер!

Спорщики мгновенно затихли, услышав последние слова капитана, и кто-то из аналитиков даже сердито пропустил воздух меж зубов: коллеги недолго любили Микаэла, считали выскочкой, пусть и гениальным, и всячески пытались заткнуть его за пояс. Неудивительно, что готовность Кастандера взяться за трудную и заведомо бесполезную работу по анализу данных компьютера они восприняли, как попытку выслужиться перед капитаном! Остальные аналитики тут же решили не ввязываться в обречённую на провал затею, предупредили госпожу Кайто, что из её задумки не выйдет ничего путного, и для решения проблемы нужно сосредоточиться на организации отправки человека через спинс-ворота, а затем с гордым видом удалились из кабинета.

«Слава Богу, хоть один нормальный нашёлся!»- в сердцах воскликнул кто-то из офицеров вслед удаляющимся математикам.

Капитан тяжело вздохнула и опустилась в своё кресло, сжав указательными пальцами виски.

— Извините за балаган, господа, я знала, что с этим могут возникнуть проблемы, но даже не предполагала, что такие... Ведь каста «Математического Анализа» не подчиняется никому, кроме штатных наблюдателей Службы Безопасности Земли, а в наши края таких ещё не успели завести, — невесело улыбнулась она и развела руками.

— Не переживайте так, — задумчиво произнёс Кастандер. — Аналитики люди увлечённые. Я думаю, они заинтересовались вашей задачей и рано или поздно подключатся к моему исследованию. Вы, главное, подготовьте несколько дополнительных мест — в скором времени они нам понадобятся.

Как и предсказывал Кастандер, отдел «Математического Анализа» очень скоро присоединился к его изысканиям, и отведённый под исследования кабинет пришлось в скором порядке расширять и модернизировать. Теперь Кастандер работал в просторной зале с отдельным сервером, который был непосредственно подключён к главному компьютеру корабля. Такими роскошными условиями могли похвастаться немногие отделы во всей экспедиции, поскольку приоритетным направлением стало ограничение использования ресурсов корабля. К примеру, строительный вот уже целый год работал на одних ископаемых планеты, а их не так-то легко было разрабатывать!

Этой информацией с Микаэлом поделился один из менеджеров группы разведчиков, который неожиданно решил сдружиться с замкнутым аналитиком, и вот уже целую неделю

подсаживался к нему за столик во время обеденного сеанса. Он постоянно расспрашивал Микаэла, как продвигаются его исследования, и пытался сделать вид, будто его действительно интересует простая болтовня. Микаэл подозревал, что на подобную авантюру разведчика подвигли любопытные коллеги по работе, и старался быть с ним предельно вежливым, но в то же время не выдавал ни бита важной информации, чтобы не волновать народ раньше времени.

А повод поволноваться у них имелся, хорошо хоть знали об этом немногие, а именно: капитан, пятеро аналитиков, и сам Кастандер, который курировал исследование. Конечно, Микаэл предпочёл бы, чтобы капитан не была в курсе происходящего, но госпожа Сакуи Кайто навещала кабинет, в котором работали аналитики, ежедневно вот уже в течение двух месяцев, и постоянно расспрашивала Кастандера о ходе исследований. Поначалу аналитик увиливал от ответа, однако пару недель назад у них состоялся серьёзный разговор, после которого лгать уже не было смысла...

Капитан всегда приходила в одиннадцать, но в тот день она опаздывала, и Микаэл невольно поглядывал на часы, одновременно сердясь на себя за излишнюю нервозность. Коллеги аналитики, казалось, ничего не замечали, и как только раздался мелодичный голос Близо Крамник, они равнодушно поднялись со своих мест и проследовали к выходу, чтобы принять участие в коллективной трапезе, которая должна была укреплять командный дух корабля. Кастандер задержался ещё на минутку, сам не понимая, зачем он это делает, и, наконец, тоже пошёл к выходу.

Обед прошёл как обычно. Услужливые Ратции сопровождали членов экипажа восточного крыла за свободные столики и проследили, чтобы все их пожелания были учтены. Высоко над головами обедающих заработали проекторы с очередным выпуском новостей, в которых вот уже несколько месяцев подряд рассказывалось только о героических подвигах строительных отрядов в условиях глубокой изоляции.

Микаэл закончил трапезу быстрее обычного, испытывая странное напряжение и неудовольствие. Он бы назвал это досадой, если бы знал, что такое быть раздосадованным; однако толпа народа, мерно жующая свой паёк, чрезвычайно раздражала его сегодня, и вообще — всё шло не так.

Кастандер спешно покинул обеденный зал и хотел вернуться на рабочее место, чтобы как-то отвлечься от неприятных мыслей, — как вдруг столкнулся в пустом коридоре с госпожой Кайто! Капитан тоже заметила аналитика и передумала сворачивать в боковой коридор, а вместо этого пристроилась рядом с Кастандером, едва поспевая за его длинными шагами:

— Микаэл? Я думала, вы ещё на обеде!

— Сакуи, — Кастандер равнодушно кивнул головой, ничем не выдавая внезапно охватившего его волнения, и степенно пошёл рядом, подстраиваясь под маленькие шажки капитана.

— Вы, наверное, и не заметили, что я сегодня к вам не заглянула, — с улыбкой заговорила женщина, искоса поглядывая на высокого аналитика, — а у нас случилось происшествие. Только обещайте никому не рассказывать об этом! Сгорел основной процессор на буровой установке в железной шахте. Добыча руды сразу же прекратилась, а вы понимаете, чем это грозит нам в будущем...

— Помнится, наш отдел разрабатывал возможные варианты решения данной проблемы

несколько дней назад. Были опасения, что авария случится?

— Да, — поспешила согласиться госпожа Кайто, — были. И хорошо, что мы разработали план действий заранее. Необходимые меры уже приняты, но всё же сроки полной высадки на планету теперь оттягиваются на несколько месяцев...

— Не переживайте, — обыденным тоном произнёс Микаэл, — ещё пара недель, и мы обнародуем результаты наших исследований; а после этого врятли у кого-то возникнет желание сердиться по таким пустякам.

Капитан внезапно остолбенела, и Кастандер от неожиданности прошагал мимо неё.

— Что вы имеете в виду?! — сдавленным голосом прошептала госпожа Кайто. — Что вы знаете о результатах исследования?!

Кастандер понял, что проболтался, и отступать было уже некуда.

— Видите ли, Сакуи... Результатов как таковых ещё нет..., у нашего сервера не безграничные возможности, вы же понимаете!

Но Сакуи лишь в раздражении отмахнулась от него:

— Нет, я вижу, вы что-то знаете, и уже давно! Расскажите мне, Микаэл, я должна знать!

Она посмотрела своими честными открытыми глазами прямо ему в глаза, и Микаэл не удержался:

— Боюсь, мы в серьёзной передрыге, капитан. Из данных корабельного компьютера следует, что допущения, принятые разработчиками спинс-ворот при планировании нашего полёта, не имели никакого влияния только при переброске небольших объектов на небольшие расстояния — что-то около пределов нашей солнечной системы. Однако теперь, основываясь на некоторых вычислениях моих коллег, я могу с точностью до 78 процентов сказать, что путешествие на другой край Галактики требовало более точных и надёжных параметров перехода. Накопившаяся ошибка привела к перегрузке систем спинс-ворот, и наш корабль был отброшен на несколько десятков тысяч лет в прошлое.

Сакуи осторожно оперлась на стенку и мотнула головой.

— Что?! Как это возможно? Прошлого... не существует!

— Пространство и время связаны между собой неразрывно, — деликатно улыбнулся Кастандер, принимая менторский тон. — Вполне очевидным было бы предположить, что делая прощок в пространстве путём сворачивания пространства, мы совершаем некоторый прощок и во времени — правда, в будущее. Однако практические испытания в Солнечной и близлежащих системах этого не подтвердили. Вывод: прощок во времени существовал, только в связи с относительной ничтожностью преодолеваемых расстояний — и расхождения во времени были ничтожны, и не фиксировались хронометрами. Или наши учёные не обращали на них особенного внимания — перспективы спинс-переходов были грандиозными и предвещали немислимые прибыли инвесторам...

— Наш корабль первым преодолел расстояние в галактику..., — в ужасе прошептала Кайто, и её пронзила мелкая дрожь.

— Да, вот именно! — улыбнулся Микаэл, не замечая, какое потрясение произвели его слова на женщину. — К тому же огромная масса корабля привела к изменению гравитационных полей в области прокола пространства. Думаю, именно это привело к тому, что спинс-ворота Земли попросту утратили контроль над процессом, и нас забросило очень далеко... в прошлое, когда о спинс-переходах ещё даже не помышляли. Своеобразное сворачивание времени, я полагаю... На самом деле, сервер выдаёт отрицательные значения при загрузке в него данных — такой теории попросту не существует — пока... Но это

единственное разумное объяснение тех данных о нашем полёте, которые удалось собрать сенсoram корабля во время прокола пространства.

— Не помышляли...,- машинально повторила за Кастандером Сакуи, и вдруг подняла на него своё перекошенное гневом и страхом лицо. — Если ты догадывался?.. Если ты предполагал, что такое возможно?! — с нарастающей истерией завопила она, переходя на «ты». — Почему же не сказал мне раньше?! Почему молчал всё это время и водил меня за нос?!

Она замахнулась и ударила Микаэла своим маленьким острым кулачком прямо по лицу. Тот отшатнулся, ошеломлённый внезапной болью, а женщина бросилась бежать дальше по коридору, сбивая идущих ей навстречу людей. Подоспевшие пассажиры подняли на ноги ещё не пришедшего в себя после неожиданного насилия Кастандера, и посоветовали без обиняков доложить о произошедшем прямо капитану корабля! Видимо не поняли, кто поставил на скуле аналитика аккуратный пепельный синяк и промчался по коридору как фурия...

После этого объяснения госпожа Кайто вообще перестала появляться в рабочем зале аналитиков, и около двух месяцев Микаэл даже не видел её, исключая те моменты, когда Сакуи доводила до сведения пассажиров какие-нибудь важные сообщения через новостную систему.

Вместе с тем изменилась и её политика управления маленькой колонией. Капитан перераспределила все имеющиеся у них ресурсы между отделами, и основные силы бросила на колонизацию планеты, чтобы в ближайшее время переселить туда оставшуюся часть населения корабля. О признании Кастандера она не упоминала ни словом, и было непонятно, решится ли Сакуи вообще раскрыть когда-нибудь правду. Она уменьшила возможности команды Микаэла, и оттянула тем самым окончательный результат исследований. Очевидно, капитан намеревалась травмировать общественность не раньше, чем они почувствуют хоть какую-то защиту и благополучие на самой планете.

Но бесконечно долго команда аналитиков работать не могла, хоть Микаэл и пытался намеренно вставлять ей палки в колёса. Наконец, настал день, когда все пятеро человек, работавшие в уже не таком просторном, как раньше, кабинете, — вдруг узнали, что они отброшены в глубокое прошлое.

Кастандер подозревал, что несмотря на напыщенный вид и показную важность, его коллеги всего лишь люди, которые в критической ситуации могут повести себя не лучше капитана. Поэтому он заранее закрыл кабинет на ключ и спрятал его в проводах своего компьютера.

Микаэлу пришлось просидеть взаперти с вопящими от ужаса аналитиками около двух часов, прежде чем они окончательно вымотались и перестали бегать по комнате. После этого он ещё около часа расшагивал перед ними, пытаясь втолковать, что нельзя распространяться об открытии прежде, чем капитан даст на это добро. В конце концов, аналитики согласились с ним, видимо, просчитав в уме, какую волну паники может создать их «маленькая» новость. Они пообещали молчать, и Микаэл распустил бедолаг по своим каютам, в глубине души надеясь, что его коллеги были предельно честны с ним.

Сам Кастандер распечатал отчёт о проведённом исследовании, заскочил ненадолго в

каюту, чтобы привести себя в порядок, и отправился с докладом к капитану.

Его сердце непривычно стучало от волнения, пока он поднимался в приёмную капитана — Микаэл давно предвкушал скорое свидание с госпожой Кайто. Однако в приёмной Микаэла ждало некоторое разочарование: у дверей командного пункта выстроилась целая живая очередь из желающих переговорить с капитаном, и продвигалась она крайне медленно. Секретарь госпожи Кайто — Ратц Лион только и бегал из одной стороны приёмной в другую, предлагая всем чай. Кастандер скромно присоединился к общей очереди и попытался расспросить соседей, что же произошло, и почему сразу все менеджеры отделов решили вдруг навестить капитана. На что ему ответили, что встречу назначила сама капитан, чтобы обсудить окончательный этап высадки людей на Тетту Софии. Разумно было бы оставить затею попасть в кабинет Сакуи сегодня, но Микаэл просто не смог уйти, и всё стоял, и стоял, пока освещение корабля не сменилось на приглушённое вечернее. Впереди остался только один человек, и Кастандер решил подождать ещё чуть-чуть. Наконец, последний менеджер вышел из кабинета с горой чертежей в руках, и растрёпанный, но бодрый Ратц, с неизменной улыбкой попросил Кастандера внутрь.

В кабинете было темно, и только напольное освещение рассеивало полумрак космоса, мерцающего звёздами из-за толстых стен. Микаэл слегка растерялся, но позвать на помощь Ратца было выше его гордости, и он сделал несколько шагов вперёд. Вид, открывающийся сквозь прозрачные стены кабинета, на несколько мгновений заворожил его, и он даже не заметил, как позади отворилась малоприметная дверь, и из неё вышел человек с полотенцем в руках:

— Ой!

Микаэл вздрогнул и обернулся.

— Госпожа Кайто?.. Простите, я напугал вас?

— Микаэл?! Что вы здесь делаете? Я думала, посетителей больше не будет! — растерянно произнесла Сакуи, тщетно пытаясь поправить мокрые локоны, обрамившие лицо.

— Ваш секретарь впустил меня, — смутился Кастандер. — Я думал, он доложил о моём визите...

— Хм... похоже я пропустила его слова мимо ушей... Ну что ж, проходите. День выдался тяжёлым. Так что давайте поскорее, что там у вас?

Она зажгла тусклый вечерний свет, и прошла к столу, на ходу собирая чуть влажные волосы в пучок. Кастандер молча положил на стол отчёт.

— Подтвердилось? — сурово поджав губы, спросила Сакуи, не поднимая глаз.

— Да.

Женщина стиснула пальцами спинку стула и резко отвернулась.

— Я пытался задержать результаты, чтобы вы успели подготовить переселение, но другие аналитики всё выяснили бы рано или поздно.

Сакуи неожиданно обернулась:

— А кто вам сказал, что нужно было задерживать результаты?

— Э-э-эм, никто...

— Ну вот и не делайте того, о чём вас не просят! — злобно отрезала женщина. — В конце концов, я тут пока что капитан, и я принимаю решения!

Кастандер опешил от неожиданности.

— Я же не спорю, — улыбнулся он. — Всего лишь хотел помочь...

— Мда...,- протянула Сакуи, обходя стол, и нервно трепя в руках мокрое полотенце. — В любом случае...

Но она не успела договорить — внезапно отключился свет, и весь корабль погрузился во тьму.

— А сколько сейчас времени?! — изумилась капитан. — Неужели уже за полночь?

— Похоже на то, — пробормотал Микаэл, и осторожно двинулся вперёд, пытаясь сориентироваться на месте. — У вас есть автономное питание в кабинете? Я могу попробовать включить аварийный свет.

Неожиданно его рука дотронулась до чего-то тёплого, и он понял, что стоит вплотную к капитану.

— Извините, я в темноте ничего не вижу, — тихо произнёс аналитик, чувствуя, как сердце начинает бешено колотиться в груди.

Внезапно Микаэл ощутил её пальцы у себя на щеке:

— Я так и не извинилась, за то, что ударила вас, — прошептала Сакуи, нежно поглаживая его скулу.

У мужчины перехватило дыхание. Он осторожно поднял руку и провёл большим пальцем по её подбородку — в это мгновение весь мир будто опрокинулся во тьму, и не осталось ничего, кроме запаха её теплой кожи так близко, что закружилась голова. Кастандер решился, и, повинаясь порыву, склонил голову и страстно поцеловал её, не задумываясь о том, что творят его руки, язык, губы... Сакуи была как мёд — такой тёплой, мягкой и податливой. Она даже не сопротивлялась, и когда Микаэл отстранил голову, то не услышал от неё ни слова. Женщина просто выскользнула из его рук и пропала в темноте.

Следом за этим в дверях появился её секретарь Лион, который взял аналитика под локоть и выпроводил вон из кабинета.

Кастандер молча шёл рядом с роботом, не задумываясь, куда его ведут, и что происходит. Поэтому он был очень удивлён, когда понял, что Лион доставил его прямо к собственной каюте.

— Спокойной ночи, господин Кастандер! — тихо прожужжал Ратц и закрыл за аналитиком дверь.

— Да, спокойной...,- запоздало пробормотал Микаэл, и на ощупь добрался до кресла.

Он боялся даже думать о том, что произошло в кабинете, и почему Сакуи убежала. С ним это произошло впервые, и, похоже, Микаэл потерял над собой контроль и напугал девушку. При одной только мысли, что теперь Сакуи будет бояться его, или ненавидеть, сердце Кастандера болезненно сжималось.

— Что же я наделал! Что я наделал!? — застонал Микаэл, хватая себя за волосы, и дёргая. — Сакуи, моя Сакуи!..

И внезапно эти слова, слетевшие с его губ, дошли до разума Микаэла:

«Господи... Неужели я?!.. Влюбился»

История Сониты (2)

Глава 2.

«Здравствуйте, Микаэл! Я подсяду к вам?»

В столовой было шумно: все рассаживались по местам, гремели одноразовыми подносами, приветствовали друг друга — так что Кастандер даже не сразу понял, что обращаются к нему. Он поднял на разведчика чёрные, запавшие от бессонницы глаза, и равнодушно кивнул.

— Тяжёлый день? — беспечно поинтересовался собеседник. — У меня тоже работы невпроворот, дела навалились, как снежный ком! А всё потому, что госпожа капитан внезапно решила устроить всем аврал...

При словах «госпожа капитан» Кастандер ощутимо вздрогнул и попытался скрыть свою слабость за неубедительным кашлем. Разведчик внимательно прищурился, но ничего не сказал.

— Так значит, исследования ваши продвигаются не слишком успешно? — как бы между прочим заметил он.

Микаэл вздохнул. Сейчас ему меньше всего хотелось думать о том, что следует и не следует говорить при посторонних людях. Вообще он рассчитывал пообедать в одиночестве, но отказывать знакомому было бы невежливо.

«Ничего, потерплю каких-то десять минут. Странно, что раньше меня это не тревожило».

— А вы неразговорчивы сегодня, господин Кастандер, и впрямь что-то серьёзное приключилось?

— Пожалуй, да, — тяжело вздохнул Микаэл, размазывая картофельное пюре по подносу. — Вот вы...

Разведчик поднял глаза и вопросительно посмотрел на замершего на полу слове аналитика.

— Да?

«Я что, правда сейчас чуть не спросил его об этом?!», — мысленно ужаснулся Кастандер и даже порозовел от смущения:

— Нет, ничего! Извините...

За столом на несколько мгновений воцарилось молчание, и стало слышно, как весело переговариваются остальные пассажиры, обсуждая только что переданные новости о возобновлении работы железной шахты. Разведчик быстро прикончил свой обед и отложил вилку.

— Э-эх! — он взглянул на часы и хлопнул по столу. — Ну вот, у нас ещё пять минут до конца обеда есть, так что рассказывайте!

Микаэл вздрогнул и уронил вилку в пюре.

— О, о чём вы?..

— Бросьте! Я же всего лишь помочь вам хочу, а не разведать секреты общевселенской важности! — отмахнулся разведчик. — Итак, кто же она?

Кастандер сжал побледневшие губы и мотнул головой — его руки нервно задрожали.

— Я не..., — он сглотнул, и вдруг поднялся из-за стола. — Извините, мне пора идти!

Чрезвычайно удивлённый разведчик вальяжно откинулся на спинку стула и расплылся в странной, дико раздражающей улыбке:

— Неужели всё так серьёзно?

Микаэл схватил свой поднос, сердито бросил его улыбчивому Ратцу, и вышел вон из столовой, гневно чеканя шаги. Он был смущён и раздосадован, что совершенно посторонний человек сумел так легко разгадать каждую сокровенную мысль на его лице, в то время как для него самого это ещё оставалось загадкой. Почему самоуверенный разведчик вдруг решил, что Микаэл именно влюблён? Или это было так заметно, что каждый встречный теперь знает?.. Кастандер нервно потёр лоб и понял, что просто не в состоянии вернуться к нормальной работе: его мысли путались и кружились вокруг одного предмета; он словно находился в бреду и не мог отвечать за свои действия. «Болезнь какая-то, наваждение!» — устало подумал аналитик и пошёл в сторону санузла. Умывшись холодной водой, Микаэл почувствовал себя бодрее, однако маленький червячок в голове мягко прошептал ему, что это ненадолго, и вскоре беспорядочный сумбур снова вернётся под благодатную крышу его черепной коробки. «Да что же это! — в изнеможении воскликнул Кастандер и хлопнул себя по щекам, пытаясь вернуть в зеркале отражение уверенного в себе сотрудника «Математического Анализа». — Ну же, очнись! Как ты собираешься дальше работать?» В это мгновение щёлкнула дверь в туалет, и Микаэл быстро принял сосредоточенный выражение, поправляя и без того ровный воротник рубашки.

— О! Так вы здесь!

Кастандер резко обернулся и с неудовольствием подумал, что ему следовало бы сразу идти в свою каюту, а не разгуливать по общественным местам, где можно встретить слишком надоедливых знакомых.

— Только не подумайте, я вас не преследую! — примирительно поднял руки разведчик и отправился по своим делам.

Микаэл облегчённо вздохнул, ещё раз поправил воротник своей безукоризненной рубашки и собрался уже отправляться восвояси, как вдруг отвернувшийся разведчик как бы между прочим заметил:

— Ей Богу, вы странный человек, господин аналитик! Ведь я знаю, что у вас совершенно нет друзей, но вместо того, чтобы принять мою дружбу, вы постоянно игнорируете меня!

Кастандер обернулся и замер от неожиданности.

— Дружбу?..

— Ну да, — застегнув ширинку, констатировал менеджер, и открыто посмотрел на собеседника. — Понимаю, звучит это дибильно, но с вами по-другому просто нельзя! Вы, аналитики, не понимаете нормального человеческого языка, вам всё надо подавать на тарелочке разжёванным, это я уже понял.

Он принялся мыть руки, а Кастандер всё стоял и тупо смотрел на разведчика круглыми глазами, пока тот не заметил выражение его лица и обречённо не выругался:

— Вот Дьявол! И всё-то мне объяснять приходится! Ну, вы же получали это нелепое сообщение системы, о возможных кругах общения? Его всем одиноким пассажирам посылают, надеются создать комфортные условия на корабле!

Микаэл нахмурился, пребывая в лёгком недоумении.

— Погодите-ка! — возмутился разведчик. — Вы же сами подтвердили мою заявку! Если

бы не это, стал бы я докучать вам!?

Кастандер хотел было ответить, что ничего подобного не получал, как вдруг ему вспомнилось, что около полугода назад на его почту в разгар рабочего дня прислали какое-то непонятное системное сообщение. Подобное случалось довольно часто: электронные операторы рассылали всевозможные статистические опросы и мини-голосования, которые помогали координировать работу корабля в соответствии с желаниями пассажиров. В запарке рабочего дня Микаэл нажал «подтверждение» чисто автоматически, и тут же забыл о происшедшем. Вполне возможно...

— Так это ошибка? — разочаровался менеджер. — О! Получается, вы даже не знаете, моего имени!.. А я пол года таскался за вами, думая, что вам необходимо моё общество! Вот так штука!

Разведчик нахмурился и протянул Кастандеру свою ладонь.

— Ну что ж, тогда не обессудьте! Приятно было познакомиться!

Ошеломлённый Микаэл пожал его руку и сумел опомниться, только когда за разведчиком уже тихо закрылась дверь.

— Эй! Постойте!

Кастандер выскочил из туалета и бросился вперёд по коридору, тщетно пытаясь не сбить мирно идущих на работу людей.

— Подождите! — впереди мелькнули знакомые плечи, и Микаэл свернул за ними в боковой шлюз. — Стойте!

Наконец разведчик услышал его и оглянулся.

— Что такое? — с удивлением и досадой в голосе поинтересовался он.

— Я... я хотел спросить...,- Микаэл порозовел от смущения и бега. — Почему вы продолжали общаться со мной, когда я вёл себя так холодно с вами?

Разведчик сложил руки на груди и недовольно проворчал:

— Я думал, это ваше обычное состояние... Знаете, было так странно получить в электронной рекомендации резюме аналитика! Ваша каста чрезвычайно редко общается с «простыми смертными», — и тут вы отвечаете на мою заявку! Я был удивлён и заинтригован. Мне было интересно, и я надеялся, что вам так же интересно со мной. Впрочем, к чему эти вопросы?! Хотите лишний раз посмеяться надо мной?!

Микаэл мотнул головой и мягко удержал рассерженного разведчика за локоть.

— Знаете..., я действительно влюбился, — промолвил он, не поднимая глаз, словно стыдясь своих слов. — Не понимаю, как вы догадались! Впрочем, неважно... Просто, я никому не говорил об этом. Я никогда...

— Вы никогда не были влюблены? — перебил его разведчик и удивлённо вскинул брови. — Ну, это случается — не вы первый, не вы последний!

— Но это просто невозможно! — неожиданно яростно воскликнул Кастандер, и тут же оглянулся, чтобы никто не услышал. — Невозможно!.. Я не в состоянии чувствовать такие вещи — я аналитик, как это говорится, от Бога! В моей голове нет и никогда не было места для чувств! А эта внезапная влюблённость просто сбила меня с ног, не оставила шансов, и я не знаю, как с этим бороться!

Разведчик замер от неожиданности, и вдруг с улыбкой провёл по своим волосам:

— Ох, какой же вы недалёкий, ей Богу! — он мельком взглянул на часы, и как ни в чём не бывало, продолжил, — У меня сейчас нет времени, но если вы пожелаете, мы можем встретиться после работы и обсудить этот щекотливый вопрос. Думаю, у меня в голове

найдётся парочка идей, которые смогут вам помочь!

— Хорошо, — ответил Кастандер, глядя, как разведчик удаляется к пограничному шлюзовому переходу, за которым начиналась рабочая зона добывающей шахты. — Эй! Но я же не знаю, как вас зовут! — крикнул он вдогонку.

Разведчик оглянулся и бросил через плечо:

— Анри ди Мартино! Приятно познакомиться! — и вдруг расхохотался на весь коридор.

Микаэл ждал его появления уже около получаса — Анри ди Мартино опаздывал.

Они договорились встретиться у Кастандера в номере; но вот уже пробило десять, лампы во всём корабле сменили свой жемчужный свет на сумеречный оранжевый, а разведчика всё не было. Микаэл пробовал занять себя чем-нибудь полезным, однако математические выкладки «Аналитика» теперь казались ему смешными и ненужными, логические упражнения с компьютером корабля — бессмысленными, а просмотр обучающих фильмов попросту утомлял. Ничто из этого не могло помочь аналитику решить сложнейшую задачу, возникшую в его сердце, и он, утомлённый душевными терзаниями, нашёл покой в глубоком кресле под мягким светом гибкого торшера.

Наконец, ручка двери слабо шевельнулась, и послышался короткий отрывистый стук.

Ди Мартино стоял под дверью сердитый как чёрт. Его длинные волосы, обычно аккуратно зачёсанные назад, торчали как попало, и на скуле виднелся слабый отпечаток гари, спешно затёртый ладонью. Разведчик не стал дожидаться приглашения и, бесцеремонно отодвинув Микаэла в сторону, вошёл в светлую уютную каюту.

— Так вот как поживает высший класс! Даже обои на стенах — всё как в настоящем доме, а у меня компьютерная репродукция Сикстинской Мадонны над кроватью!

Он развалился в кресле Микаэла, устало прикрыл глаза и вытянул ноги.

— Что случилось? — терпеливо поинтересовался сконфуженный аналитик, усевшись напротив.

Ди Мартино разлепил глаза и, словно очнувшись, впервые внимательно посмотрел на Кастандера.

— Извините, Микаэл... Я чертовски устал сегодня, и у меня в такие дни всегда скверный характер, — он попытался встать, однако Кастандер жестом удержал его в кресле. — Благодарю... Знаете, никогда не слышал, чтобы грузотранспортёры взрывались! И вот прямо в мою смену эта заразина ударяется правым боком о стойку пневмоворот и взлетает на воздух со всем грузом, привезённым сегодня утром из железной шахты! Глазам бы не поверил, если бы сам не увидел этот бардак! Пришлось срочно изолировать целый шлюзовой отсек и направлять туда ремонтную команду. Да и это бы ничего! — вдруг рассмеялся ди Мартино. — Мою смену заставили собирать всю железную руду, которая разлетелась на сотни метров по отсеку! Пожалуй, мне впервые за эти десять лет довелось так усердно орудовать лопатой!

Измотанный разведчик вдруг откинулся на спинку кресла и расхохотался во весь голос, так что Микаэл даже вздрогнул от неожиданности.

— Представляешь?!... Лопатой! А-ха-ха-ха-ха! Ей Богу, я даже не знал, что они на корабле имеются! — утирая слёзы, похохатывал ди Мартино, пока Кастандер пытался сообразить, что же так развеселило разведчика.

Наконец Микаэл улыбнулся, и заметивший это ди Мартино легонько ткнул его кулаком

в плечо:

— Ага! Дошло всё-таки! Ты не такой уж и сноб, знаешь ли! Только соображаешь для аналитика чересчур медленно.

— Я один из лучших, — возмутился Кастандер, но тут же по озорной улыбке разведчика понял, что это была шутка, и коротко усмехнулся. — А почему ликвидировать последствия не доверили роботам?

Ди Martino жёстко усмехнулся и фыркнул:

— Всех свободных Ратцев отправили разгружать соседний шлюзовой отсек, куда как раз перенаправили остальные караваны с рудой. Видите ли, модернизация станции — первоочередная задача, и на это непрерывно требуется материал! А нам ещё выговор сделали за оплошность во время дежурства. Хотя в чём мы виноваты?! В том, что грузотранспортёр повело в сторону?

— По статистике, в этом чаще всего бывают виноваты операторы, которые отвечают за передвижение транспорта.

— Вот и я о том же, — согласно кивнул ди Martino и машинально поскрёб щеку. — Я весь в саже, да? Умоюсь у тебя?

— Конечно, — Микаэл показал гостю дверь в ванную и остался сидеть в комнате.

Послышался шум льющейся воды, и вскоре из ванной донеслось забавное фырканье. Этот человек всё больше и больше поражал аналитика: похоже, он был готов раскрыться перед каждым встречным, слепо надеясь, что они ответят тем же, а не плюнут ему в самое сердце. Впрочем..., разве не сам Микаэл собирался вот прямо сейчас рассказать Анри о своих первых чувствах к женщине? Значит, этот метод заводить отношения с людьми работал? Но почему тогда ди Martino оказался на корабле в положении одиночки?

Анри показался в комнате, по-собачьи трясая головой, чтобы стряхнуть набежавшие на волосы капельки воды. Он на половину расстегнул свой комбинезон и теперь был в одних брюках и нательной майке, мокрый, но довольный.

— Не сердись, что я так, — он показал на рабочий костюм, — просто знал, что опаздываю, и даже не подумал переодеться.

Анри обезоруживающе улыбнулся и снова приземлился в уютное кресло напротив Микаэла, оперевшись локтями на острые колени.

— Ну, давай, рассказывай, что тебя тревожит?

Кастандер почувствовал себя маленькой букашкой, которую разглядывают под микроскопом, и ужасно сконфузился:

— Да, в принципе, мне и рассказать-то нечего...

— Она тебя не замечает? — внимательно предположил разведчик.

— Не совсем... Понимаешь, мы поцеловались.

Ди Martino тут же насмешливо вскинул брови и широко по-детски улыбнулся, ожидая продолжения.

— Но это вышло случайно! — словно оправдываясь, поспешил добавить аналитик. — Было темно, мы столкнулись, и как-то само собой получилось... А потом она сбежала. И я её до сих пор ещё не видел.

Анри озадаченно почесал колючую щёку и нахмурился.

— А ты когда-нибудь до этого целовался? — преспокойным тоном поинтересовался он.

— Нет, — Микаэл покраснел до ушей. — Я боюсь, что сделал что-то не так и напугал её...

Разведчик откинулся в кресле и задумчиво потрогал подбородок.

— Не думаю, чтобы ты мог сделать что-то настолько ужасное, что девушка в страхе бежала прочь, — совершенно серьёзно заключил он. — Но если ты сомневаешься, мы можем это проверить.

— Интересно, как же? — язвительно поинтересовался Кастандер и вскочил на ноги, нервно расхаживая по крошечной комнате. — Пойдём и спросим у неё?!

— Нет, — невозмутимо опроверг неудачную догадку ди Мартино. — Проведём следственный эксперимент. Ты поцелуешь меня.

Микаэл застыл прямо там, где стоял, не вполне осознавая, правильно ли он понял своего нового знакомого. Он робко оглянулся, надеясь увидеть на лице разведчика улыбку и понять, что это была лишь очередная забавная шутка, однако взгляд разведчика был совершенно спокоен. Похоже, ди Мартино говорил серьёзно.

— Чего ты так переполошился? — Анри по-простецки развёл руками, словно ничего и не произошло. — Я не собираюсь предлагать тебе руку и сердце! Сразу видно, что ты учился в какой-нибудь закрытой элитной школе. А в моём студенческом городке чего только не приходилось на спор делать! Не так уж это и страшно, тем более что тебе решать.

— По-твоему, это нормально? — с сомнением в голосе поинтересовался Микаэл, усаживаясь напротив разведчика.

— Если ты хочешь обрести уверенность в себе, и перестать сомневаться в том, что красавица сбежала от тебя из-за неудачного поцелуя, — думаю, нормально.

— Ну...,- Микаэл испуганно отпрянул, когда ди Мартино пододвинулся ближе, чтобы ему было удобно. — Я не уверен!..

— Микаэл, ты либо заканчиваешь с этим, либо мы просто оставляем вопрос висеть в воздухе, — дождал разведчик, и Кастандер со вздохом неизбежности приблизил своё лицо к лицу ди Мартино.

От разведчика приятно пахло мылом, и лёгкое дыхание ровным холодком обдувало чувствительную кожу над губой. Кастандер закрыл глаза и осторожно коснулся губами шершавых губ другого мужчины.

— Нет, нет! — он тотчас отпрянул, смущённый и красный.

Анри недовольно шевельнул бровями.

— Долго ты ещё выделяться будешь, как муха на стекле? Если ты и вправду так свою девушку поцеловал, то ничего удивительного...

Но разведчик не успел договорить: набравшийся храбрости Кастандер быстро взял его за подбородок, притянул к себе и поцеловал так, как он это сделал с Сакуи.

Ощущения были совершенно иными, но нельзя сказать, что неприятными. Сначала ди Мартино просто наблюдал за действиями аналитика, а потом вдруг ответил ему совершенно неожиданными движениями языка.

— Что ты?.. — в изумлении отстранился Кастандер, круглыми глазами глядя на невозмутимого разведчика, который, как ни в чём не бывало, вытирал губы рукой.

— Запомнил? В следующий раз сделаешь с ней так. Нет, у тебя хорошо получается! — поспешил он ободрить растерявшегося Кастандера. — Опыта, конечно, не хватает, но не переживай, это придёт со временем. Теперь надо закрепить урок. Сможешь повторить то, что сделал я?

Микаэл растерянн кивнул и потянулся вперёд. Его больше не смущало странное поведение разведчика, он словно бы почувствовал, что происходящее — всего лишь урок, а

ди Мартино взял на себя нелёгкий труд учителя. Кастандер осторожно прикоснулся губами к губам разведчика и полностью сосредоточился на воспроизведении его действий, как вдруг дверь в комнату тихо скрипнула, и послышался чей-то испуганный вскрик. Микаэл резко обернулся и успел заметить мелькнувшую в проёме женскую фигуру.

— Дьявол! — выругался ди Мартино и вскочил с места. — Ну, чего сидишь?! Догоняй её, и постарайся всё объяснить, пока это ещё возможно!

Кастандер, не помня себя, бросился в тускло мерцающий огнями коридор. Нестабильное освещение говорило, что через несколько минут должны погаснуть дневные лампы, поэтому Микаэл прибавил ходу, надеясь нагнать Сакуи ещё до наступления сумерек. В коридорах было практически безлюдно, и с каждым поворотом Кастандеру казалось, что он выбрал неправильное направление. Но вот впереди показалась знакомая фигура: Сакуи остановила группа инженеров, и они вежливо разговорились о чем-то. Женщина по очереди пожала протянутые ей мужские ладони, мельком взглянула на подошедшего аналитика и степенно пошла в сторону командного пункта.

— Оставьте меня в покое, — с ненавистью в голосе процедила Сакуи сквозь зубы. — Довольно вы уже сделали!

— Мне нужно всё объяснить..., — жалобно прошептал Кастандер, глядя на женщину глазами побитой собаки.

Госпожа Кайто болезненно нахмурилась, схватила Микаэла за полу пиджака и, ничего не говоря, потащила его в подсобное помещение для Ратцев. Там она грозно скрестила руки на пышной груди, и с презрением взглянула на своего неудачливого ухажёра, ожидая обещанных разъяснений.

— Это не то, что вы подумали! — попытался сгладить ситуацию аналитик. — Ди Мартино мой друг, он не...

— Любовник? Почему же нет, уважаемый господин Кастандер?! Как неуважительно вы относитесь к своей голубой любви! Думаете, я кому-то пойду докладывать? Бросьте! Это, в общем-то, не моё дело, живите, как вам угодно! — разразилась яростной тирадой женщина, прохаживаясь перед несчастным Кастандером, как тигр перед затравленной жертвой.

— Но он правда не...

— Минуточку! — оборвала его жалкую попытку Сакуи. — То есть вы хотите убедить меня, что этот полуголый Адонис с супер-шевелюрой на голове не целовал вас сейчас в вашей же каюте прямо у меня на глазах?! — женщина ядовито рассмеялась. — Может, я и наивная дура, но не слепая!

Капитан ещё несколько раз прошлась по крошечной подсобке, отмеряя три шага в одну сторону — три в другую. А потом вдруг замерла, словно призадумавшись о чём-то.

— Я одного не могу понять, зачем было затевать весь этот фарс? Ведь я же и правда поверила, что нравлюсь вам... Зачем, объясните мне?.. — она пытливо заглянула в бесстрастные глаза Кастандера, и не найдя там ни малейшего намёка на раскаяние, бросилась к двери.

Микаэл успел схватить её за руку, однако Сакуи решила оставить всё как есть и, резко ударив аналитика по запястью, вышла вон.

История Сониты (3)

Глава 3.

Это звёздное утро на корабле начиналось как обычно.

Во всех коридорах и жилых блоках забрезжил электрический рассвет, наполняя спёртый отработанный воздух живительным ультрафиолетом, и затем включилась ежедневная утренняя симфония. Каждый день она была своя, и каждый новый день потрясала. Люди, непричастные к созданию программы «Strady-Symphony», наивно полагали, будто их ежедневный будильник — плод усердного труда человеческого таланта. Однако Микаэл, как один из кураторов проекта, хорошо знал: пленительные мелодии создаёт компьютер, умело имитируя человеческие голоса и звучание самых различных инструментов.

В сущности, любой современный землянин, после некоторых дебатов, согласился бы, что это не так уж и важно. Однако Кастандер не выносил электронного звучания нот. В каждом пассаже ему чудилась фальшь, а в самом неприятнейшем контрольто — электрическая вибрация. И чтобы не раздражать себя лишний раз, Микаэл по утрам включал плеер-клипсу с записями Близо Крамник.

Именно поэтому, когда обычное течение звёздного утра нарушил приятный голос капитана, Микаэл ничего не услышал. Он как раз шёл на работу вместе с остальными жителями восточного крыла, и понял, что пропустил нечто важное, только заметив, как его попутчики начинают спешно сворачивать в боковые коридоры экстренной эвакуации. Никто из них не проявлял ни малейшего признака паники, но это тем сильнее доказывало, что произошла нешуточная катастрофа.

Кастандер также свернул в эвакуационный шлюз и быстро съехал по наклонному желобу в корабельный зал. Это было просторное помещение, предназначенное для хранения и расфасовки разнообразной оснастки шаттлов: СЭНов (скафандров экстренного назначения), ЛИПов (личных идентификационных пайков), инструментальных наборов и кислородного запаса.

Вероятно, любой и каждый высказал бы сейчас здравую мысль, что эффективнее и надёжнее было бы хранить всё это жизненно необходимое «добро» внутри спасательных капсул, чтобы в экстренной ситуации не тратить время на загрузку. Что же, конструкторы корабля предусмотрели этот нюанс с такой же проницательностью; однако экстренные ситуации бывают разными, и когда для постройки спинс-ворот потребовались дополнительные единицы техники, капитан без сожаления направила к работам облегчённые от груза спасательные капсулы.

Сняв клипсу, Микаэл, наконец, услышал передаваемые по громкоговорящей связи указания экипажу, однако теперь их озвучивал сухой мужской голос:

— Подойдите к светящимся меткам и ждите окончательного формирования сидений.

Кастандер тут же заметил на полу перед своими ногами два светящихся зеленоватым светом круга, и постарался замереть в спокойной позе, чтобы не сместить растущие из металла полипы сидения. Кибернетическое кресло опутало его тесным коконом, оставив

свободным одно лицо, И Микаэл внезапно ощутил неприятное шевеление в паховой области.

— Компьютер, что происходит? — как можно спокойнее поинтересовался он у встроенного в полипы контроллера.

— Производится забор семенной жидкости, просим вас лежать спокойно и не оказывать сопротивления.

Внутри аналитика всё разом похолодело. Сердце стукнуло пару раз и оборвалось горячим болезненным толчком.

— Компьютер, я требую отмены процедуры! Немедленно выпусти меня!

— Господин Кастандер, лежите спокойно и не двигайтесь. Производится забор семенной жидкости.

— Чёртова машинка! Выпустите меня, кто-нибудь!!! — он принялся раскачивать сидение, стараясь оторвать его от пола, но механизм был неумолим, и твердил ему о необходимости лежать спокойно.

А как Микаэл мог позволить себе это? Ведь он лучше, чем кто бы то ни было, знал, сколь опасно было бы появление его детей на свет.

Когда Микаэл только-только вступил в привилегированный круг аналитиков, его немедленно принудили пройти всестороннее обследование организма, вследствие которого и выяснилось тщательно скрываемое не совсем нормальное психологическое состояние новобранца. Совет старейшин не выказал в связи с этим никакого недовольства, скорее наоборот: Кастандер быстро пошёл в гору. Отныне ему не боялись доверять самую ответственную работу: Микаэла посылали во всевозможные командировки, где требовались не только высокие знания и умения аналитика, но и холодная голова. Однако во всём этом «великолепии» было одно «но»: Кастандера обязали подписать договор с кастой об отказе в своём праве рождения детей. Старейшины объяснили это нежелательным распространением потенциально опасного генофонда, и пока это было в их власти, они потребовали заключения нотариального договора, по которому господин Кастандер, аналитик 6-го класса, снимался с ныне занимаемой должности и изгонялся из касты в случае нарушения выше изъявленного условия. Микаэл подписал бумаги. Он вообще никогда не задумывался о заведении собственного потомства: сама мысль, что ещё один человек по его воле будет рождён таким же изгоем общества, как и он сам, лишённым любви и ласки, — ужасала.

И теперь его худший кошмар сбывался наяву! Ведь нетрудно было догадаться, к чему госпожа Кайто затеяла весь этот фарс с тревогой и эвакуацией... Население корабля составляло всего лишь сотню тысяч человек. Одна сотня тысяч против огромной до конца неисследованной планеты и всего близлежащего космоса! Людей было слишком мало, чтобы вырастить новое полноценное общество, не утратив всего богатства знаний и опыта землян. Поэтому маленькой колонии нужно было срочно размножаться — вырастить себе армию помощников и преемников. Но ведь никто из современных людей не согласился бы стать маткой-производителем ради смутного будущего, овеянного неизвестностью! Земляне изнежились своей бесчисленностью и разнообразием, они искали любви, той единственной и неповторимой, которая бы стала смыслом человеческой жизни. Высокий ум и жизненные ценности экипажа становились настоящей проблемой на пути к выживанию; наверное, поэтому Сакуи и решилась на этот неправомерный и жестокий шаг.

Она собиралась выращивать детей в пробирках.

Непонятно, каким образом Кайто рассчитывала делать из них полноценных людей, выросших в здоровой семейной атмосфере, но Микаэл догадывался, что женщина не смогла бы решиться на это, не имея чётко смоделированного плана, подкреплённого мнением глав различных каст, представленных на корабле.

В сущности, её затея была не лишена смысла: компьютер мог просчитать бесчисленное множество вариаций совмещения генов, чтобы не произошло вырождения, и новое поколение было бы здоровым и сильным. Однако в таком случае нездоровые гены Кастандера могли проявиться десятки, а то и сотни раз, породив целую волну цепных реакций, влекущих за собой самые страшные последствия. Микаэл просто не мог допустить этого!

Но уже допускал... Контроллер кресла оценил ситуацию и принял решение усыпить беспокойного пассажира. Проваливаясь в забытие, Микаэл почувствовал болезненный укол в пах и понял, что проиграл.

Когда аналитик очнулся, то был всё ещё в крепких объятиях кибернетического кресла. Сквозь смотровой щиток он разглядел остальных пассажиров, также находящихся в металлических полипах, и это немного успокоило его: значит, прошло немного времени, возможно, пара минут, и у него всё ещё есть надежда связаться с капитаном, чтобы всё ей объяснить. Микаэл попробовал несколько голосовых команд, однако кресло не реагировало на него, подчиняясь прямым сигналам головного сервера. Тогда аналитик дотянулся языком до сигнального датчика, сообщавшего об изменении влажности в кресле, и лизнул её. Кресло немедленно отреагировало на повышенную влажность и связалось с оператором, которым оказался привлекательный молодой Ратц.

— Господин, с вами всё в порядке? Вы можете отвечать на мои вопросы? — учтиво поинтересовался робот, не прекращая обработку данных, поступающих с остальных датчиков кресла.

— Немедленно соедините меня с капитаном, у меня экстренная ситуация! — имитируя панические нотки в голосе, прокричал Микаэл.

Ратц визуально оценил мимику пассажира в нескольких спектрах и, не обнаружив признаков страха, осторожно поинтересовался:

— Вы уверены, что с вами действительно что-то произошло?

— Да! Чёрт побери! Соединяйте, иначе случится нечто очень плохое!

Робот колебался с мгновение, но, приняв за доказательство выход датчика влажности из строя, согласился доложить об инциденте в приёмную капитана. Несколько секунд Микаэл ломал глаза в прозрачный экран, а затем пустота заполнилась трёхмерным изображением Сакуи.

— Говорит капитан, что у вас случи... Микаэл? Что за выходки?! Вы хоть понимаете, что прерываете работу целой команды специалистов?!

— А они что, тоже сперму сдают? — ядовито поинтересовался Микаэл, не в силах удержать поднимающийся из глубины души, возможно, первый в его жизни гнев. — Почему вы не предупредили, что происходит?! Это противоправно и непрофессионально с вашей стороны!

Кайто сложила руки на груди и насупилась.

— Мы попали в сложную ситуацию, господин Кастандер, и не мне вам об этом рассказывать! Сейчас пройдёт объявление, в котором я всё объясню пассажирам, и тогда

посмотрим, разумно ли было моё решение.

Микаэл тут же спохватился и унял свои чувства, надеясь, что Сакуи выслушает его до конца.

— Послушайте, нужно немедленно изъять мои образцы из системы! Они могут причинить огромный вред!

— Что же случится? — с насмешкой поинтересовалась Сакуи, нервно кусая губы. — Любовник заревнует? Или, вам неприятен сам факт, что вы хоть раз в жизни выполните мужской долг как полагается?

— Да при чём тут это?! — перебил изумлённый Кастандер. — Я болен! У меня неизлечимое генетическое заболевание! Нужно немедленно изъять моё семя!

Сакуи побледнела и вдруг сделалась предельно серьёзной:

— Почему тебя допустили на корабль с заболеванием? Мы ведь все проходили медосмотр!

Микаэл потупил глаза и нервно сглотнул:

— Старейшины замолчали этот факт, чтобы я мог беспрепятственно работать. Никто же не думал, что возникнет такая ситуация!

— Что же, тогда у меня для вас плохие новости, господин Кастандер, — сурово отчеканила Сакуи, — никто не может изъять образцы из системы. Процесс оплодотворения уже запущен, и все гены пошли в расход.

— Не может быть, — одними лишь губами прошептал Микаэл.

Сакуи с презрением взглянула на поверженного аналитика, и оборвала связь.

С Микаэлом случился обморок, и, поскольку Ратц-оператор его кресла предусмотрительно обезвредил потенциально вышедшие из строя медицинские функции полипов, Кастандер не был свидетелем изобличающего выступления госпожи Кайто. Зато ему посчастливилось во всех подробностях услышать об этом из уст своего нового друга — менеджера разведчиков Анри ди Мартино.

Ди Мартино был как всегда по-детски восторжен, пересказывая речь капитана, и становилось совершенно непонятно, то ли он одобряет решение госпожи Кайто, то ли осуждает:

— ... представляешь? Детей отдать на воспитание Ратцам! А я-то думаю, куда уходит весь металл, что мы поставляем на корабль?! Оказывается, они построили уже около тысячи новеньких роботов и как раз сейчас загружают в них новенькие программки родителей. До сих пор поверить не могу, что корабль оставляют им. Это же просто кощунственно — человеческих детишек полностью доверять роботам! То есть, пока мы будем облагораживать планету, они будут воспитывать наших детей! Понимаешь, Микаэл? Наших детей!

Кастандер уныло перевёл взгляд со своего небольшого чемодана на подвижное лицо Анри и согласно вздохнул.

— И я о том же, и я о том же! Совершенно недопустимо! Как только у детишек проявятся хоть какие-то узнаваемые черты, я разыщу своих малышей и буду воспитывать их сам. Не хватало мне ещё нянек Ратцев!

Микаэл, наконец, заинтересовался трескучей болтовнёй своего взбудораженного приятеля и внимательно взглянул на него.

— Думаешь, их можно будет разыскать?

— Конечно! Я более чем уверен, что на главном сервере корабля будут отслеживаться возрастные фотографии детишек; и если запустить правильную программку со своей фотографией, то можно будет получить семидесятипроцентный результат!

Встречный вопрос Микаэла потонул в громогласном объявлении:

— Восточное крыло, секции 11А, 11Б — выход через шлюзы 1 и 2. Просим соблюдать осторожность при посадке и загерметизировать СЭНы до вступления на палубу шаттлов. Приятного полёта, господа.

Микаэл быстро поднялся с мягкого диванчика и пожал ди Мартино руку.

— Увидимся на Тетте Софии! Пришли мне на почту сообщение, как будешь на станции.

— Обязательно, — неожиданно серьёзно кивнул разведчик и вдруг улыбнулся. — Какое нелепое название у нашей планеты, ты не находишь? Так и веет замызганными портовыми журналами с пожелтевшими вкладками звёздных карт!

— Ну, так придумай получше, умничать все горазды, — проворчал Кастандер и заспешил к посадочным шлюзам.

— Эй! — услышал он позади себя и тихо улыбнулся. — Это была шутка, да? Ты пошутил?

Кастандер обернулся, увидел расплывшееся в улыбке лицо ди Мартино, и махнул ему рукой. Этот разведчик странно влиял на него и, возможно, не в лучшую сторону.

Шаттл очень долго спускался через раскалённые слои необыкновенно высокой атмосферы планеты. Их жалкую металлическую скорлупку весь путь трясло и раскачивало магнитное поле планеты, так что пилотам даже пришлось накрыть пассажиров анабиозным гелем, запустив его в вентиляционную систему СЭНов. Однако Микаэлу было не до сна, и он продержался бодрствующим почти до самой посадки, одним из первых увидев, что же сумели построить разведчики за год с лишним непрерывной работы.

Станция представляла собой жалкое зрелище.

Через дрожащий иллюминатор аналитик сумел разглядеть всего лишь несколько укреплённых куполов с непрозрачными стенками, затерянных в непроходимой чащобе джунглей. Прочные пластиковые каркасы полусфер, лежащих на специально обработанном грунте, уныло поблёскивали матовым гляncем в лучах заходящего солнца. Неподалёку из ажурного облака древесных крон, словно зубы доисторического животного, торчали зачатки будущего города — белые остrokонечные стены, загибающиеся вовнутрь. Увидев их, Микаэл вспомнил, что несколько месяцев назад каста строителей из-за нехватки металлической руды отвергла старый проект первого поселения и утвердила новый — совершенно фантастический по меркам нормального землянина. Город решено было строить из белого камня, месторождение которого обнаружилось в сорока километрах от стройки. Горная порода представляла собой нечто среднее между известняковым отложением и кварцем: у неё была слоистая структура, но, за счёт попеременного расположения слоёв, кирпичи получались очень прочными. Правда, из-за использования алмазных пил многотонные блоки часто осыпались по краям под действием собственного веса, поэтому решено было применять лазерные резакИ — повышалась и точность разделывания, и притирка блоков друг к другу.

Строительство шло не в пример быстрее, чем раньше, ведь для обработки камня не

требовались плавильни и шахты, драгоценное оборудование по отводу метана из пробуренных в рудоносной горе скважин. Да и людям вздохнулось легче — всё же, на поверхности под лучами солнца работалось куда приятнее.

Однако Кастандера при виде станции охватило некоторое подобие паники: ему показалось, что люди работают слишком медленно и, учитывая тот факт, что на космическом корабле, зависшем над Теттой Софии, подрастала добрая сотня тысяч детишек — к нужному моменту ничего не сумеют дать новому поколению людей. Впрочем, тревога быстро потонула в неумолимых позывах ко сну, и уже через несколько часов Кастандер очнулся под сводами чёрного купола в маленьком портовом сочленении огромной транспортной инфраструктуры поселения.

Инженеры потрудились на славу, разрабатывая проекты куполов. Несмотря на их невеликие размеры, пространство внутри пластиковых полусфер было заполнено под завязку многоярусными платформами улиц, сетью скоростного метро на магнитной подушке, всевозможными трубопроводами различной окраски и многочисленными заводами, которые работали день и ночь, наращивая мощь маленького осколка человеческого общества.

Обстановка в поселении царила весьма напряжённая — об этом было легко догадаться, только взглянув на лица встречающих: хмурые лбы, запавшие щёки, суетливость и резкость в движениях... Похоже, менеджерам разных каст, прибывшим на планетную станцию раньше остальных, пришлось несладко, ведь на них повесили организацию расселения доброй сотни тысяч человек, а непрерывный поток пассажиров с корабля продолжался уже чуть более месяца.

По мере прибытия экипажа, людей распределяли по различным сферам деятельности, вне зависимости от их профессий. Таким образом заменяли роботов, которые все до единого остались на корабле воспитывать подрастающее поколение. Поначалу квалифицированные кибернетики, программисты, аналитики, военные — не очень хорошо справлялись с новыми обязанностями, среди которых были и повар, и уборщик, и сантехник. Но жаловаться не приходилось: если ты в экстренной ситуации хочешь не просто выжить, но ещё иметь койку на ночь и тарелку еды в день — работай как полагается.

В будущем планировалось создание упрощённых моделей роботов, которые бы специализировались на определённом виде деятельности. Ну а пока земляне только обживали планету, они бросили основные силы на возведение жилых построек и состыковку своего присутствия на чужом материке с местной флорой, фауной и микроорганизмами, отодвинув удобства на второй план.

Микаэлу досталось место в ремонтной бригаде, которая занималась поддержанием трубопровода станции в надлежащем состоянии. Половину рабочего дня он должен был заниматься слесарными работами под руководством более опытных в этом деле наставников, а вторую половину дня — перевоплощаться в аналитика и разбираться со спорными отчётами строителей, прогнозируя возможные методы решения проблем и их краткосрочные последствия.

Кастандеру, в некотором смысле, повезло: он обладал прекрасной памятью, и мог заниматься всевозможными аналитическими вычислениями, не отрываясь от починки арматуры. Такой метод совмещения занятий практиковали и некоторые коллеги Микаэла,

поэтому каста Аналитиков даже в условиях всеобщего уравнивания оказалась в некотором привилегированном положении.

Кастандер тратил свои свободные часы на ознакомление со станцией; особенно ему приглянулся четвёртый «Малый» купол, под сводами которого биологи занимались выращиванием всевозможных земных культур, чтобы восполнить запас витаминов в рационе людей и приготовить необходимые запасы к будущему заселению новобранцами. Строение этого купола кардинально отличалось ото всех остальных, ведь для каждого растения необходимо было создать свои определённые условия. Инженеры спроектировали для этой гигантской оранжереи особое покрытие-светофильтр, которое под воздействием слабых электрических импульсов становилось прозрачным. Таким образом многоярусная теплица, разделённая едва не миллионом прозрачных перегородок, хорошо пропускала живительные лучи и одновременно препятствовала вредному воздействию всевозможных излучений Пси-241 — местного солнца.

«Малый» купол пока только засаживался селекционными шедеврами аграрного искусства, однако уже теперь круглый отросток станции, соединённый с главным куполом крошечной пуповиной шлюзового перехода, походил на грандиозные висячие сады Семирамиды. Биологи, работающие в стеклянном гиганте, охотно делились с «посетителем» многими тонкостями своего труда, даже устраивали невольные экскурсии из уровня в уровень. В такие удачные дни Кастандер чувствовал себя едва ли не самым счастливым человеком на станции. Особенно ему нравился подуровень риса: запруженные водой и минеральными удобрениями бесчисленные ячейки полей занимали собой весь радиус самого верхнего подуровня. Здесь можно было отчётливо различить неумолимую кривизну купола и насладиться ниспадающими лучами солнца, зависшего прямо над головой. Биологи засеяли рис одним из первых, поэтому уже теперь, когда во многих оранжереях ещё только окучивалась голая земля, над спокойной водой подуровня на два сантиметра возвышался зелёный ковёр побегов, — их устремляющаяся вдаль зелёная гладь завораживала своим величием.

Печалило Кастандера только одно обстоятельство новой жизни: он почти не виделся со своим новым другом ди Мартино, и был вынужден проводить всё свободное время в одиночестве.

Можно сказать, что разведчику повезло. Поскольку их маленькая колония как никогда нуждалась в опытных строителях, Анри и его коллегам были устроены воистину королевские условия для работы: во-первых, они не отвлекались на рутинные нужды станции и занимались только строительством; а во-вторых, каждый божий день строители проводили на открытом просторе, наслаждаясь отфильтрованным солнечным светом и Софийскими видами.

Экологи станции пока не разрешали снимать СЭНы при работе на поверхности, и даже станционный воздух подвергался тщательнейшей очистке, хотя предварительные анализы показывали, что воздух Тетты Софии пригоден для дыхания. Люди опасались воздействия неизвестных вирусов и микроорганизмов, а также губительного ультрафиолета, который обильно поливал планету все пятнадцать часов в сутки. Однако, судя по ежедневным новостям, которые традиционно вещали во время массовых обедов, экологи совместно с биологами и аналитиками уже разрабатывали план по нормализации атмосферы планеты для жизни человека. Среди прочих замыслов был и такой весьма перспективный проект:

использование кристаллов льда для смягчения ультрафиолетового излучения. После подробного ознакомления с этапами данного проекта в рамках всеобщего электронного голосования, Микаэл стал одним из его самых горячих сторонников (если конечно спокойную и невозмутимую позицию Кастандера можно назвать горячей). Замысел молодого эколога был прост в своей гениальности: планета, на которую имел счастье поставить ногу человек, обладала рядом особенностей, среди которых был и ежегодный шторм. Сезон дождей, длящийся около трёх недель, традиционно по всей планете заканчивался грандиозным небесным побоищем с ливнями, грозами и даже ураганом в южных широтах. Силу этого стихийного бедствия и предлагал использовать молодой разработчик проекта. По его расчётам мощности станции вполне хватало на то, чтобы устроить облакам «перезарядку», то есть придать разноимённые заряды целым пластам облаков, чтобы часть из них опустилась ниже к земле и пролилась осадками, а другая часть поднялась выше в более холодные слои атмосферы. Затем операцию стоило повторить, расслоив полученный слой из кристаллов льда ещё и ещё, до тех пор, пока не будет достигнута необходимая высота, на которой упорядоченная форма молекул воды останется уже «навечно», не подвергая себя риску опуститься к земле в виде дождя. Такой искусственный слой воды над атмосферой мог заметно смягчить климат планеты, понизить температуру и сократить поток ультрафиолета. Однако все на станции понимали, что предложенные меры совершенно кардинальны, и, конечно же, повредят многим растениям и животным на планете...

Одним из участников данного проекта являлся Семён Ленной — коллега Кастандера и талантливый аналитик. Нельзя сказать, чтобы они с Микаэлом были хорошо знакомы, или общались; тем не менее Ленной, в силу своей малоопытности, иногда обращался к старшему товарищу за консультациями. А поскольку у Кастандера частенько появлялись свободные часы, он с удовольствием помог коллеге разобраться в сложнейших выкладках, получив при этом и свою выгоду — подробную информацию.

Стоит заметить, что Микаэл любил быть в курсе происходящих вокруг него событий, разбираться в причинах и следствиях...; наверное, поэтому он был так хорош и практически не знал себе равных.

Из работы Ленной Кастандер выудил для себя несколько интересных фактов: к примеру, временное правительство станции собиралось закрыть глаза на мгновенную гибель от резкого похолодания и нехватки ультрафиолета сорока трёх тысяч видов флоры и фауны Тетты Софии. Эти цифры, в общем-то, ничего не всколыхнули в душе Микаэла, однако аналитик уже по опыту знал, что большинство людей могут болезненно отреагировать на подобные массовые изничтожения природы. Возможно, станцию в будущем ожидали большие потрясения.

А ещё, по оттиску на принесённых Ленным документах, Кастандер совершенно неожиданно узнал, что многоуважаемая госпожа капитан также входит в состав временного правительства, хотя и не афиширует этого...

Независимо от морального аспекта, в мыслях Кастандера мгновенно завертелись всевозможные схемы и механизмы использования полученных от неосмотрительного коллеги знаний. За один вечер Микаэл добился появления в своей голове чётко сработанной логической идеи, позволяющей ему исправить ошибку Сакуи — изъять заражённые болезнью гены из воспитательного процесса. Однако претворить этот, прямо скажем,

рискованный план в жизнь Кастандер мог, только при условии, что проект «перезарядки» облаков подойдёт к своей стартовой линии. А поскольку его подготовка находилась ещё только в зачаточной фазе, Микаэлу оставалось лишь всячески содействовать и вдохновлять его!

В любом случае, жизнь Кастандера стала более приятной от мысли, что он действительно знает, как надлежит поступать в будущем. Разочаровывало одно: теперь Микаэл просто не мог поделиться с ди Мартино своими мыслями — товарищ едва ли был в состоянии понять и принять его намерения.

Ждать удобного случая пришлось довольно долго.

Руководство отодвинуло реализацию проекта «перезарядки» на целых три года вперёд, и объявило первоочередной задачей переход с человеческого труда на услуги примитивных роботов. Слабые протесты общественности (основным зачинщиком которых являлся Кастандер) были в корне развеяны убедительными доводами временного правительства. И в итоге за два с половиной года упорной работы кибернетикам удалось перевести всё обслуживание станции на простейшую автоматику. Эта инновация значительно облегчила жизнь колонистам, которые смогли, наконец, сосредоточиться на своих профессиональных задачах и вздохнуть с облегчением. Однако в некотором смысле она имела и губительное влияние на моральное здоровье общества. Люди станции были истощены тяжёлой рутинной работой: она длилась без конца, но не давала тех результатов, о которых восторженно вещали по новостям. Станция постепенно развивалась, Белый Город рос как на дрожжах под боком у чёрного купола, и в то же время среди работников колонии полноценный отдых стал почти легендой. Пока напряжённые графики держали рабочих в железной узде — под сводами станции царили мир и покой. Но стоило немного ослабить хватку, как люди, изголодавшиеся по развлечениям, солнцу и ветру, начали роптать... Вот тут и пригодился некогда отложенный до лучших времён проект, который мог обеспечить человечеству свободный выход на поверхность.

И Микаэл насторожился, понимая, что пришло время разыграть свои карты...

За эти два с половиной года в жизни аналитика произошли некоторые перемены.

Совершенно случайно Микаэл занял должность начальника отдела «Математического Анализа». Прежний руководитель — грамотный специалист, но довольно эмоциональный человек — в очередной раз поссорился со своей молодой женой из-за недостаточно комфортных условий проживания, и опоздал на работу в день неплановой проверки, которые последние три года сыпались на все отделы планетарной станции точно град. Беднягу понизили в должности; и тут неожиданно вспомнились былые заслуги старшего аналитика Микаэла Кастандера, который и присутствовал-то на корабле лишь в качестве обозревателя-консультанта Совета Старейшин, и являлся скорее гостем, а не членом экипажа. Однако ввиду сложившихся обстоятельств, этот факт не принимался в расчёт, и Микаэл благополучно занял кресло своего менее удачливого коллеги.

Кастандеру было не слишком по душе его назначение. Строительство и модернизация Белого Города, который в скором будущем должен был превратиться в настоящий укреплённый форт со множеством учреждений для подрастающих на корабле поселенцев,

требовали чрезмерных умственных и физических усилий. А современный человек, несмотря на свои блестящие достижения во взаимоотношениях, и в умении планировать время, — всё же оставался человеком. Жители Тетты Софии морально устали за три года непрерывной работы, и, несмотря на оперативную работу психологов, начали поддаваться своим низменным страстям. Даже управлять коллективом аналитиков стало гораздо труднее, и ситуация ещё более усугублялась тем, что Микаэл их просто не понимал! Когда он требовал всеобщей отдачи — люди отвечали ему необъяснимой халатностью и вопиющим падением дисциплины. Некоторые сотрудники даже пристрастились к алкоголю.

Откуда на станции взялся этот опасный наркотик — долго не могли понять ни менеджеры разных каст, ни служба охраны порядка. Сами провинившиеся хранили глубокое молчание, а обыски их квартир ничего не давали. Только спустя несколько месяцев после массового алкогольного помешательства коменданты станции обнаружили источники подпольного виноделия. Зачинщиками беспредела оказались пятеро умельцев из касты строителей. Они соорудили в своих квартирах примитивные самогонные аппараты и потихоньку гнали спирт из пищевых остатков, которые поставлялись желающими «принять на душу пару капель». Правительство решило строго не выговаривать нарушителей дисциплины, чтобы не поднимать лишнюю волну возмущений, однако запрет на любые спиртосодержащие напитки моментально вступил в силу, и наказание за его нарушение было назначено весьма суровое — пять лет исправительных работ в обслуживающей системе станции.

Бум алкоголизма быстро сошёл на нет; и всё же ситуация оставалась накалённой.

Постоянное напряжение плохо сказывалась на самочувствии невозмутимого Кастандера; он стоически терпел тот шквал эмоций, которым буквально каждый день поливали друг друга окружающие, однако его душевное равновесие, и так смещённое неожиданной любовью, давно уже было не в порядке.

Общение с ди Мартино свелось к минимуму — новая должность отнимала у Микаэла слишком много времени. А тут ещё выяснилось, что внезапное повышение обязывало Кастандера каждые три месяца лично отчитываться перед госпожой Сакуи Кайто, которая непонятно с какой стати подвязалась курировать касту аналитиков! Перспектива ежеквартально пересекаться с источником своих вожделений и одновременно жгучей неприязни — непонятным образом будоражила Микаэла. Ему страстно хотелось увидеть Сакуи, и одновременно он боялся, что стоит им только заговорить, как в аналитике проснётся запретное желание ударить самоуправицу, которая своими безрассудными действиями пробудила к жизни самый страшный кошмар Кастандера...

Учитывая вероятность такого развития событий, Кастандер назначил свою первую встречу с капитаном в людном кафе во время обеденного перерыва. Аналитик хорошенько подготовился к предстоящему разговору и пришёл заблаговременно, чтобы оценить обстановку и выбрать наиболее удобный столик. В конце концов, он остановил свой выбор на открытом местечке у окна и уселся лицом ко входу.

Сакуи появилась в оживлённом зале минута в минуту, как и было уговорено. Она облачилась в свой неизменный синий костюм биологической защиты, и Микаэл впервые задумался, с какой стати женщина надевает его внутри защищённой станции? Продолжая

следить за госпожой Кайто, Кастандер осторожно подключил микро видеокамеру на своём воротнике и поднялся на ноги, чтобы Сакуи увидела его. Женщина тут же узнала аналитика и уже через секунду они вежливо пожимали друг другу руки — словно посторонние люди.

— Рад видеть вас в добром здравии, госпожа Кайто, — мягко заметил Кастандер, усаживаясь в кресло. — Надеюсь, моя просьба встретиться здесь вас не слишком стеснила?

Сакуи также была сама любезность, но Микаэл не мог не отметить с тайным удовольствием, что глаза женщины гневно блеснули при этих словах.

— Конечно, нет! Хотя, думаю, ещё ни один подчинённый за всю историю человечества не позволял себе диктовать условия начальству!.. Но ближе к делу, господин Кастандер, я трачу на эту беседу своё личное время в ущерб делам станции.

«Можно подумать, это не ты самолично напросилась курировать мою касту», — сердито подумал Микаэл, а вслух произнёс:

— Я всё понимаю, поэтому начну сразу с главного. Вот, возьмите!

И он положил на стол толстую папку отчёта.

— Что это? — опешила Сакуи. — Не хотите же вы, чтобы я читала эту диссертацию?! Вы прекрасно знаете, что у меня нет на это времени, Микаэл; кажется, раньше вы готовили отчёты гораздо профессиональнее!

— Ваше время меня сейчас интересует меньше всего. Прошу слушать очень внимательно и аккуратно — вокруг много посторонних ушей, — невозмутимо бросил Кастандер, наслаждаясь произведённым впечатлением. — Проект «Перезарядка» уже в своей завершающей фазе, не так ли, госпожа Сакуи?

— Я не понимаю, какой тон!..

— Не перебивайте меня, — сердито дёрнул бровью Микаэл и сцепил пальцы на руках. — Думаю, очень немногие жители станции действительно в курсе, к каким последствиям приведёт насыщение атмосферы льдом... Но это легко поправимо, госпожа Сакуи, действительно легко! Вы уверены, что хотите этого?

Женщина порывисто встала, гневно сверкая тёмными глазами.

— Поберегите свой неумелый шантаж для службы безопасности станции!

Она уже хотела уйти, когда Микаэл протянул ей вслед:

— Сорок три ты-ы-ся-я-чи!..

И капитан замерла на месте, к великому облегчению Кастандера.

— Сядьте на место, — мягко посоветовал аналитик и терпеливо подождал, пока женщина опустится в кресло, бледная от негодования. — Итак, вам не по вкусу, чтобы правда открылась раньше времени? Я тоже этого не хочу, но у моего молчания есть определённая цена, Сакуи. Я хочу побывать на корабле.

Женщина хищно усмехнулась и отодвинула от себя заказанную Кастандером чашку кофе.

— Разве это зависит от меня? Посмотрите сами, сколько желающих навестить своё потомство, думаете, вы один такой умный? Уверяю вас — нет!

— Да неужели? — Микаэл откинулся в кресле. — В отличие от остальных, я догадался осведомиться о поставках витаминных добавок на корабль — они производятся каждые три месяца. И что мешает члену правительства с очередным рейсом отправиться на корабль для ревизии?

— Но вы же не член правительства, — напряжённо улыбнулась Сакуи, начиная понимать, к чему клонит Микаэл.

— Конечно же, нет. А вот вы...

— Всё, довольно! — женщина неловко огляделась по сторонам и доверительно наклонилась к Кастандеру. — Микаэл, пожалуйста, не ставь меня в такое положение, ты же знаешь, какая теперь дисциплина на станции; если кто-нибудь узнает, что я отвезла на корабль постороннего, меня навсегда снимут с должности!

— Мне жаль! — наигранно вздохнул мужчина. — Думаешь, стоит отправиться с моими данными прямо к оповестительной системе? Я слышал, они принимают любые объявления поселенцев...

— Прекрати! Зачем ты так поступаешь со мной? Почему пришёл именно ко мне?!

Кастандер на мгновение задумался, прикрыв глаза, и перед его мысленным взором отчётливо возникла неясная картина их поцелуя...

— Не знаю, — резко бросил он, поднимаясь на ноги. — Свяжешься со мной, когда всё будет готово для полёта. И постарайся не затевать мою нейтрализацию — в этом случае сообщение автоматически поступит в систему.

История Сониты (4)

Покидать поверхность Тетты Софии оказалось гораздо приятнее, чем испытывать управляемое падение в её закрученных магнитных полях.

На время старта пилоты грузового шатла установили светофильтры, и тяжёлый отрыв через плотные слои атмосферы проходил в густой непроницаемой тьме, лишь изредка озаряемой едва заметным мерцанием металла и пыли. Но как только их шатл прошёл критическую отметку, в пассажирском отсеке заметно посветлело, и сквозь чуть затенённые иллюминаторы ударили жёсткие лучи Пси-241.

— Красиво, правда? — сдавленно прошептала Сакуи, даже не пытаясь заслониться от яркого света звезды.

В её миндалевидных чёрных глазах небесным фейерверком отражались крохотные солнечные диски, и Кастандер не мог не согласиться:

— Да, очень...

Они почти не разговаривали с момента предъявления Кастандером ультиматума, поэтому аналитик томился в неведении, как сильно он задел чувства Сакуи своим грубым шантажом. Несмотря на все доводы разума, Микаэл испытывал противоречивую потребность успокоить и защитить женщину от созданных им же самим проблем, но поставленная цель каждый раз останавливала его.

Наконец, красная сигнальная лампа оповестила «ревизоров» о начале сближения с кораблём, и пассажиры в экстренном порядке загерметизировали СЭНы. Лёгкий толчок сменился короткой вибрацией стен корабля, и спустя всего мгновение пилоты доложили, что стыковка прошла успешно.

Микаэл тут же попытался как можно скорее попасть в шлюзовой переход, но Сакуи, ничего не говоря, сердито оттолкнула его и пошла первой.

Оказалось, чтобы проникнуть в недра этой первой в истории Тетты Софии планетарной станции, необходимо было пройти ряд дезинфекций, которые запускались личным кодом каждого из членов правительства. По-хорошему, Кастандер не имел никакой возможности попасть за пределы шлюзового перехода, но поскольку у госпожи Кайто не было выбора, Микаэл следовал за ней по пятам, проходя ступень за ступенью в её личных кабинках.

По окончании процедур новоприбывших ждал удивительный сюрприз — станция изменилась внутри до неузнаваемости! Комнаты отдыха и рабочие помещения были переоборудованы под «Комнаты Земли» — релаксационные стимуляторы, основанные на проекции живых земных пейзажей на окружающее пространство. Когда-то подобные программы использовались космонавтами в длительных полётах, но примитивная графика едва ли могла расслабить перегруженный стрессами организм. Постепенно техника совершенствовалась, и доведённые до высшего качества «Комнаты Земли» смогли дать космическому человечеству запахи, звуки, осязаемые эффекты ветра и дождя, и даже древесные массивы, построенные на основе электромагнитных волн высокой частоты. Вот такие вот джунгли и встретили Микаэла и Сакуи по выходу из дезинфектора.

Госпожа капитан оказалась не менее удивлена метаморфозой корабля. Конечно, она знала о способностях своего «корыта», но представить, чтобы Ратции совместно с головным компьютером создали для детей нечто подобное — она не могла. Выручила поразительная память Микаэла, который запомнил строение абсолютно всех переходов и без труда нашёл дорогу в главную рубку. Здесь «ревизорам» пришлось расстаться, ведь Сакуи должна была как-то оправдать свою поездку на корабль, а Микаэл пообещал, что вернётся всего лишь через час, наведя воспитательные группы в качестве гостя-наблюдателя. Капитан запросила для него сопровождающего Ратца через головной компьютер, а сама занялась проверкой систем жизнеобеспечения станции.

Хоть Сакуи и приставила к нему охранника, который при малейшей угрозе бесспорно сумел бы нейтрализовать Микаэла, Кастандер не собирался просто наблюдать за воспитательным процессом молодых землян. На уме у него был другой, и если на чистоту, не самый благородный план...

Аналитик уже давно не занимался мониторингом Ратцев, но он всё ещё хорошо помнил их уязвимые места, которые около десяти лет назад пытались устранить компании-производители при помощи его касты. Теперь Кастандеру предстояло на деле воспользоваться полученными знаниями.

Микаэл пожелал двигаться впереди робота, объясняя это тем, что он неплохо ориентируется на корабле; а сам, тем временем, избрал окружной путь и начал применять тактику «быстро-медленно» — несколько раз прибавлял и замедлял шаг, задавая логическому центру Ратца новый принцип движения. Робот мог этого не замечать, но его проектировщики изначально сделали его подражателем, и умная машина обучалась прямо на ходу, принимая или отвергая новое знание уже после сверки с заданными нормами поведения.

Кастандер чутко прислушивался к металлическому стуку ног позади себя, и как только понял, что его замысел подействовал, и робот начал копировать его движения — резко бросил своё тело в сторону бокового ответвления коридора. Машина автоматически повторила манёвр человека и врезалась в увитую искусственным плющом стену. Послышался глухой удар и звонкий треск, будто раскрошили кусок стекла; а когда Микаэл осторожно выглянул из-за угла, то констатировал уже давно знакомую картину: робот беспомощно лежал на боку, привалившись к стене, и бессмысленно шарил руками, потеряв всякую ориентацию в пространстве.

Видеть акт собственного насилия даже над бездушной машиной было для Кастандера невероятно больно, но всё же он взял себя в руки и бросил поверженного Ратца одного. Теперь Микаэл выбирал самые кратчайшие пути к отмеченным на его карте точкам, и вскоре он уже стоял перед учебной залой, в которой занимались сразу несколько групп детей. По расчётам Кастандера, здесь проходили обучение двое из семи его отпрысков, выявленных программой ди Мартино.

Когда аналитик вошёл в учебный зал, Ратц-преподаватель тут же отвлёкся от своего похвального занятия и с ясной улыбкой протянул землянину руку:

— Дети, пожалуйста, обратите внимание на нашего гостя! Он прибыл с планеты, над которой вращается наша станция, это большая честь увидеть его здесь!

Ребятишки послушно бросили свои развивающие игры, и три десятка умных, любопытных глаз как по команде обратились на вошедшего.

— Прошу, не отвлекайтесь, я просто посмотрю, — тихо пробормотал Микаэл и скромно отошёл к стене.

Эти дети были не похожи на простых земных карапузов: им было всего по три годика, но они выглядели на все пять, и уже занимались простейшими науками. Только весёлые улыбки на их детских личиках напоминали Кастандеру, что перед ним живые дети. Впрочем... не все улыбались в этой щебечущей компании. Позади остальных детишек, почти не обращая внимания на преподавателя, склонились над электронной книгой девочка и мальчик... Оба светленькие, как херувимчики, а внимательные глаза, пробегающие по строчкам, — чёрные. Микаэл осторожно приблизился к ним и заглянул в книгу — это были старинные детские сказки, только без картинок. Кастандер слышал о них в детстве, но никогда не читал, и это заинтересовало его.

— Почему вы не слушаете учителя? — поинтересовался он тихо, чтобы не отвлекать заливающегося соловьём Ратца.

— Потому что это интереснее, — тут же ответила девочка и с любопытством посмотрела на большого собеседника. — А вы не робот?

Кастандера передёрнуло от этих слов.

— Я не... робот. Кто рассказал вам про них?

Девочка протянула гибкий планшет Микаэлу и ткнула пальчиком в тёмные строчки:

— Это сказки Азимова, здесь написано о роботах. Наши мама с папой тоже роботы, но они не признаются нам в этом...

Кастандер пробежал страницу глазами и поморщился: древний автор пытался описать Ратцев будущего, а детский разум, совершенно точно сопоставив написанное с окружающим, — сделал выводы, причём правильные.

— Ну и что же, они хорошие родители? Они любят вас? — с жутким замиранием в груди прошептал Кастандер, присаживаясь рядом.

Девочка и мальчик переглянулись.

— Они постоянно говорят об этом, и заботятся о нас. Но что такое любовь?.. — крошка наивно пожалала маленькими плечиками и неуверенно улыбнулась.

— Мы не знаем, — хмуро продолжил за неё товарищ.

Эти слова для Кастандера были не новы, хоть он и произнёс их в гораздо более взрослом возрасте. Сомневаться не приходилось — перед ним его дети, плоть от плоти, кровь от крови! И то, что Микаэл собирался сделать, теперь казалось ему ещё более ужасным, ведь маленькие крохи показались аналитику самыми прекрасными существами во Вселенной!

Кастандер нерешительно полез в карман и достал две красно-белых капсулы. Если бы он только мог исправить ошибку Сакуи как-то по-другому — Микаэл не раздумывая бросил бы отвратительный яд! Но выхода не было, и мужчина протянул белокурым ангелам ладонь с препаратом:

— Это земные витамины, скушайте по одной, и вы поймёте, что такое настоящая любовь...

Дети без раздумий взяли капсулы и с любопытством принялись разглядывать яркие оболочки.

— Их надо жевать? — поинтересовалась девочка, поднося руку к губам.

Ей не терпелось узнать, что же испытывают родители к своим детям, что заставляет

людей смеяться, порой, без причины, почему друзья тоскуют вдали друг от друга? А Кастандер цинично подсунул ей яд, и одним махом собирался разрушить маленькие мечты ребёнка...

— Подождите! — аналитик задрожал всем телом, и вдруг забрал капсулы у детей. — Я забыл, их надо развернуть... Сейчас.

Он незаметно достал из нагрудного кармана два леденца и вернул малышам. Дети переглянулись, конечно же раскусив ложь большого дядьки, который не захотел делиться с ними секретом любви, но ничего не сказали и послушно взяли конфеты.

Микаэл ещё несколько минут не мог справиться с дрожью, покачиваясь из стороны в сторону, как неваляшка, пока, наконец, не пришёл в себя.

— А вы будете скучать по дому, если я заберу вас на планету? — вдруг спросил он, даже не глядя на детей.

Ребята замерли, обдумывая предложение.

— А вам позволят нас забрать? — с подозрением осведомилась девочка. — Учитель говорит, что нам рано возвращаться на планету, и мы должны сначала подрасти.

— Конечно позволят, — улыбнулся Микаэл, — ведь я человек с планеты, мне здесь всё можно.

Малыши согласились, и Кастандер увёл их с урока, наплетя Ратцу какую-то чушь про исследования.

Он ещё не вполне осознавал, на что решился, и какое наказание последует за этими его бездумными действиями... В случае смерти детей, Микаэла, скорее всего, приговорили бы к смертной казни — и он был готов понести это наказание, лишь бы избавить малышей от мучений, которые пришлось пережить ему. Но вот жить с последствиями нового решения... Микаэл не был уверен, что поступает правильно и сможет справиться с последствиями, не причинив вреда детям. Однако другого выбора уже не было.

Остальных малышей Кастандер отыскал без труда — все они, внешне такие разные, были подчинены одному генетическому заболеванию и выделялись среди сверстников необыкновенной рассудительностью. К тому же, у всех семерых были одинаковые чёрные глаза Микаэла, и ошибиться было очень трудно.

Но удача недолго сопутствовала Кастандеру: оказавшись в назначенное время у дверей шлюзового перехода, аналитик застал на пороге свою очаровательную спутницу — разгневанную госпожу Кайто. Выяснилось, что повреждённый Микаэлом Ратц был найден и приведён в чувство другими роботами, а сведения о необыкновенном происшествии — переданы на планету для разбирательства. Таким образом, правительство узнало о предательстве капитана первого ранга Сакуи Кайто даже раньше, чем сама госпожа капитан о чём-то заподозрила. Члены правительства, созванные в экстренном порядке, тут же связались с головной рубкой, и несчастная Сакуи выслушала много неприятного на свой счёт. Однако даже после подробной беседы с рассерженными коллегами, Сакуи не ожидала увидеть рядом с Кастандером семерых детей, облачённых в безразмерные СЭНы.

От неё не укрылось, что все ребята, так или иначе, походили на Кастандера, и это ещё больше возмутило женщину.

— Что это ты затеял?! — прошипела она, гневно сверкая глазами. — Решил украсть детей у законных родителей?!

— Это мои дети, Сакуи, и они обо всём знают, — холодно отрезал Кастандер. — Если не хочешь неприятностей — садись в шатл и не мешай!

Женщина не послушала, преградив собой путь, и бросилась на аналитика как кошка! Между спорщиками завязалась нешуточная борьба, во время которой Микаэл случайно порвал воротник костюма Сакуи. Капитан тут же схватилась за обнажённое горло и вскрикнула так, будто Микаэл поранил её.

— Что, что такое?! — испугался Кастандер, но женщина не дала ему приблизиться к себе, и первой нырнула в шлюзовой переход.

Кастандер хотел было последовать за ней, но вспомнил о детях, которые с изумлением следили за происходящим, впервые наблюдая, как борются два человека. Он скорее вернулся назад, проводил их в шлюзовой переход и закрыл за всеми створки дезинфектора. Оставалось только разместиться внутри шатла и подать пилотам сигнал о готовности.

Сакуи уже надела на себя СЭН, но даже за толстым стеклом было видно, как она перепугана случившимся. Похоже, теперь её меньше волновал тот факт, что их корабль прихватил с собой на планету семерых детей... Однако радоваться не приходилось: в порту шатл уже поджидали силовые структуры, и Микаэлу оставалось только надеяться, что правительство не будет чрезмерно свирепствовать, и разрешит ему воспитывать своих чад.

Как и следовало ожидать, аналитику досталось по полной программе.

По выходу из шатла его тут же арестовали и временно препроводили в диспетчерскую бытовку. А уже спустя час к портовому сектору прибыл усиленный эскорт и доставил Кастандера на «верхний» уровень. Причём ни одна живая душа не могла объяснить Микаэлу, куда отправили детей, и кто с ними остался.

Аналитик злился и нервничал, но его эмоциональных сил явно не хватало, чтобы напугать кого-то; поэтому когда kloкочущего от злости Микаэла втолкнули в зал аудиенций, он, видимо, произвёл впечатление растерянного человека, потому что председатель правительства колонии сразу же принял снисходительный тон:

— Ну что же, господин Кастандер, вы удивили нас! — слышались глухие вздохи и лёгкие насмешки. — Правительство и вся нижняя дума доверяли вам, вы получили кресло начальника отдела! Я просто не могу представить, что заставило привилегированного аналитика забыть все уставы и пуститься на подобную авантюру! Нанесён ущерб имуществу колонии и, что гораздо хуже, непоправимая травма сознанию детей! Вы понимаете, что натворили?

Кастандер пропустил укоряющие строки председателя мимо ушей и пока тот чесал языком, немного успокоился:

— Что я натворил? Хм, давайте начнём с самого начала, и посмотрим, кто и что натворил на самом деле...

Кастандер рассказал членам правительства, как произошло распространение его генетического заболевания, и кто в этом провинился. Он объяснил, что его поражённые дети должны получать специальное воспитание, иначе они не сумеют органично влиться в общество и навсегда останутся изгоями. Микаэл убедительно доказал, что простой родительской любви, которую умело разыгрывали Ратции, в данном случае было недостаточно, и снисходительно предложил свои услуги в качестве няньки. Замолчал он

только одно — что примерный папаша, которого он из себя яро разыгрывал перед членами правительства, несколько часов назад собирался отравить своих больных отпрысков, чтобы они не мучали ни себя, ни близких... Но, к счастью, председатель не умел читать мысли, да и остальные члены правительства тоже. Так что после долгих обсуждений версии Микаэла о произошедшем, они пришли к единодушному решению оставить детей на воспитание отцу, если заболевание подтвердится. Кастандер даже не получил наказания — ввиду появления у него новых социальных обязательств — и вышел из здания правительства совершенно свободным человеком, заручившись материальной поддержкой всей колонии. Более того, общим решением ему сократили рабочие часы, чтобы аналитик мог большую часть дня проводить с детьми, и пообещали выделить более просторное «семейное» жилище.

Для Микаэла всё складывалось как нельзя лучше, чего не скажешь о госпоже Кайто. Женщину резко понизили в должности, оставив за ней капитанский чин, и присудили ей два года дополнительных работ. Сакуи очень близко приняла этот позор к сердцу, и впоследствии надолго отошла от дел колонии.

Похоже, хрупкие отношения между аналитиком и капитаном окончательно разладились.

Глава 5.

День был на удивление ясным, хотя ещё полгода назад в это время свирепствовал шторм. За толстыми стенами оранжерейного купола метелью искрились крохотные снежинки, и чуть потускневшее солнце стремительно отражалось в каждой из них. Посеребрённое небо словно бы зависло над землёй — в безоблачную погоду и вовсе казалось, будто его заволокла мутная пелена.

Проект «перезарядка» вступил в силу около полутора лет назад, однако только теперь его влияние достигло своего пика и показало истинное лицо. С тех пор многие колонисты пожалели о давно принятом решении, однако менять что-то было уже поздно.

Климат на планете заметно изменился. В течение первых же суток средняя температура понизилась на пол градуса, а за следующие пол года она достигла критических двухсот восьмидесяти восьми по Фаренгейту. Это была катастрофа, за которую человечеству ещё только предстояло расплачиваться!

Первая же зима принесла невосполнимые потери на Тетту Софии. Отсидживаясь в герметичных куполах, люди с ужасом наблюдали творящийся на поверхности хаос: теплолюбивые виды гибли от холода, а численность падальщиков и хищников возрастала. Их популяции мигрировали с материка на материк, уничтожая большую часть живого на планете, пока сами не подышали от голода. Морские воды сделались безжизненными, леса умирали от недостатка тепла и света. Организмы, приспособленные синтезировать вещества только под жестким воздействием ультрафиолета, исчезли совершенно... Предсказанные сорок три тысячи уничтоженных видов оказались смешной цифрой рядом с массовой гибелью природы! Аналитики установили, что вследствие работы проекта «Перезарядка» планетой было утеряно пятьдесят процентов жизни...

Впрочем, как заметил Микаэл, человечество в который раз проявило свою исконную удивительную способность мужественно «терпеть» им же вызванные катастрофы. На всеобщих электронных голосованиях, ставших неотъемлемой частью жизни под куполами, уже начали появляться первые проекты озеленения Тетты Софии: земляне с присущим им лицемерием намеревались заново заселить планету оранжерейнными растениями, привезёнными с Земли.

Но пока до этого было далеко, и вступившая в свои права холодная весна несла жителям Тетты Софии новые потрясения. Как раз за одним из таких пришёл понаблюдать Микаэл вместе со своей новоприобретённой семьёй...

Для ставшего знаменитым благодаря своей отчаянной аванюре с похищением детей аналитика оранжерейный купол был, как всегда, открыт. Он часто водил своих подопечных полюбоваться на искусственные сады, и каждый раз путешествие по изумительным живым уровням было для его детей открытием — настоящим приключением! Но Кастандер не просто так привёл сюда заметно подросших за полтора года малышей именно сегодня: он

собирался преподнести им незабываемый урок.

Стенки купола были достаточно прозрачны, чтобы детально разглядеть всю поверхность планеты, занесенную хрупкими лёгкими облаками снега. Пространство вокруг казалось безжизненной пустыней, но по расчётам биологов с минуты на минуту в пределах видимости куполов должна была появиться мигрирующая стая софийских крылаток — одна из последних уцелевших на планете. Микаэл подозвал детей ближе к прозрачной стене купола и указал на чёрное облако, стремительно увеличивающееся в размерах:

— Это жители планеты. Мы называли их софийскими крылатками, потому что эти птички имеют очень маленький размах крыльев, однако вопреки всему они преодолевают огромные расстояния благодаря способности ловить восходящие потоки воздуха. Уникальные создания... На зиму они перебираются к экватору, а поздней весной возвращаются обратно к своим гнёздам. Но эта зима выдалась очень холодной из-за того, что мы выпустили в атмосферу слишком много льда, и родной лес этой стаи погиб вместе с их гнездовьями...

Малыши во все глаза смотрели, как птичья стая из — по меньшей мере — тысячи особей медленно заполнила собой всё небо в едином кружащем полёте-водовороте. Маленькие Софийские крылатки никак не могли понять, что зовущее их магнитными полями знакомое и родное место превратилось в кладбище. Они продолжали разрезать холодный воздух своими тоскливыми криками, носясь над снежным покрывалом; наконец, когда холод начал брать своё, маленькие птицы сотнями замёрзших чернильных капель повалили с неба, словно адский дождь смерти.

— Смотрите внимательно, дети, и запоминайте, что видите..., — нащёптывал Кастандер в маленькие ушки, — память других людей коротка, и они скоро забудут этот урок, но за вами будущее, и вы должны помнить, к чему ведёт вмешательство в естественный ход событий. Никогда не допускайте подобных трагедий.

— О, Господи! — неожиданно раздался изумлённый вскрик позади, и Кастандер узнал по голосу своего друга ди Мартино. — Какой кошмар, Боже! Я не могу смотреть на это!.. Микаэл, немедленно уведи отсюда детей!

Он схватил за шиворот Веору и Таклана — белокурых близнецов — и силком утащил их с мостика в гущу рисового поля.

— Но дядя, Ан! — попыталась протестовать Веора. — Отец нам разрешил!

— Мы ещё поговорим с ним об этом, — безапелляционно заявил ди Мартино, подталкивая ребятишек к выходу. — Микаэл, чего застыл?! Быстро за мной!

Кастандер недовольно пожал плечами, но всё же улыбнулся и не спеша двинулся за товарищем, уводя детей от кошмарной панорамы.

Ди Мартино был как всегда назойлив в своей опеке над детьми. Сколько Микаэл ему ни втолковывал, что пресловутая любовь для отпрысков семьи Кастандеров — что с гуся вода, он всё равно продолжал вести себя как заботливая мамаша. Не удивительно, впрочем, что дети быстро привязались к нему, ведь чувство дружеского плеча было им вовсе не чуждо. Дети звали разведчика дядя Ан, и с большим вниманием относились к его часто недостоверным и преувеличенным рассказам о поверхности Тетты Софии.

Ди Мартино всё ещё работал на строительстве Белого Города — каменного комплекса,

в который должны были в скором времени переселиться жители колонии. Поэтому большую часть дня он проводил на поверхности, сталкиваясь лицом к лицу с последствиями ужасной экологической катастрофы. Но сразу после трудовых подвигов Анри спешил в просторную квартиру семейства Кастандеров, где отводил душу, играясь с детьми и рассказывая им всякие небылицы.

Ди Мартино был, наверное, единственным человеком на станции, который будто бы не замечал странностей ребятишек. Он запросто переводил их до жути рассудительные беседы в шутку и сам хохотал до упаду, пока каждый, кто был в комнате, не улыбнулся хоть чуточку. И даже если малыши не могли прочувствовать его трогательную заботу — искреннее отношение ди Мартино явно шло им на пользу.

Однако постоянное вмешательство Анри в естественный воспитательный процесс будущих аналитиков (ибо каждый из малышей уже твёрдо решил, что собирается пойти по стопам отца) частенько выводило Микаэла из себя. Например теперь, когда ди Мартино вдруг решил, что вид умирающей стаи может каким-то образом повредить малышам.

— Анри, тебе следует проявлять больше уважения ко мне при детях, — недовольно проворчал Микаэл, плетясь позади процессии из семерых детей и одного взрослого, — не нужно разрушать в их глазах мой авторитет, пока я не научил их всему, что знаю.

— Я и не пытался, — надменно заявил ди Мартино, не оборачиваясь. — Просто ты никудышный отец, и если тебя не проконтролировать — ты натворишь дел!

— Ну вот, опять... Сколько раз тебе повторять, что и Веора, и Таклан, и Сайрус, и Миаса...

— Да-да, и Николай, и Крео, и Робин — все они необычные дети! — ворчливо закончил ди Мартино. — Необычные дети, твои дети! Всё это мне понятно, Микаэл! Одного не могу уразуметь: зачем ты их учишь всем этим жестокостям?! К чему эти мёртвые птицы?! Ведь правительство специально запретило снимать светофильтры, чтобы никто их не увидел!

— Жестокости? Я не понимаю, — удивился Кастандер.

— Значит, не понимаешь... Миаса мне недавно рассказала, что она боится других детей, и не хочет, чтобы они приезжали.

— Боится? Она так сказала?

— Ну, не совсем так...,- замялся ди Мартино. — Не суть... Зачем ты рассказал детям, как тебя обижали сверстники? Ты предупреждаешь их остерегаться других людей, хотя они ещё никого не видели и ни с кем не общались!

— Я всего лишь пытаюсь научить своих детей тому, чему меня никто никогда не учил — выживать среди людей. Не знаю, как пойдёт дальше, и какими будут дети колонии; знаю одно: если вдруг случится что-то из ряда вон выходящее, обвинять будут их. Посмотри, Анри, разве они обычные дети?

Микаэл остановил ди Мартино за локоть и дал ему полюбоваться мирной картиной, как семеро черноглазых ангелочков собрались вокруг аппарата голосования, живо обсуждая один из выдвинутых на рассмотрение обществом вопросов.

— Что вы решили? — бодрым голосом окликнул ребятишек отец, подходя ближе.

Отвечать вызвался Сайрус, которого братья и сёстры почитали за старшего, хотя им всем было ровно одинаковое количество лет, месяцев и даже минут.

— Нужно срочно достать СЭНЫ, отец, — невозмутимо заявил мальчик; и когда

озадаченные Микаэл и Анри подошли к мерцающему экрану, совет юного аналитика не показался им странным.

В левом углу сообщения стоял красный значок биологической угрозы, а сам текст гласил, что сквозь вентиляционную систему центрального купола проник перьевой покров Софийских крылаток. Тревога ещё не разрывала своды купола только потому, что автоматическая система не усмотрела в полученных данных прямой угрозы населению, и выдвинула вопрос на согласование с жителями станции. Наверняка в это же самое мгновение кто-нибудь из членов правительства также читал компьютерный отчёт, с ужасом пытаясь дотянуться до тревожной кнопки. Ещё несколько мгновений в центральных залах и парковых зонах купола стояла тишина, а затём оглушительный рёв сирены сотряс станцию, отдаваясь тревожным гулом в каждом помещении каждого уровня.

Люди поспешили за резервными СЭНами, однако в пунктах экстренной поддержки костюмов оказалось недостаточно, и жители колонии бросились по домам, надеясь успеть до того, как какая-нибудь неизвестная инфекция поразит их на месте.

Спустя четыре часа эпидемиологи провели двукратную очистку всего воздуха станции, заменили фильтры и убрали остатки перьев из всасывающих труб, однако люди не торопились избавляться от СЭНов, всё ещё опасаясь непредвиденных последствий. Только ближе к вечеру, когда усталость взяла своё, и стало очевидным, что долее находиться в костюмах бессмысленно, колонисты разбрелись по домам ставить СЭНы на фильтрацию.

Губительные последствия бактериального заражения проявились только ночью, спустя десять часов после попадания остатков заражённых перьев в воздушную систему колонии.

Бактерия, вызвавшая страшные симптомы удушья и сердечной недостаточности, считалась учёными самой безобидной из всех микроорганизмов Тетты Софии. «Спиральная бабочка» — так её прозвали за отдалённое сходство с земными цианобактериями, с тем лишь отличием, что форма данной бактерии, отдалённо напоминала крылья бабочки. В атмосфере Тетты Софии она не выделяла токсических ядов и вела себя вполне смирно, однако при попадании в иную среду обитания, свободную от конкурирующих бактерий её типа, «Спиральная бабочка» взялась активно делиться. А поскольку основным её жизненным кредо был паразитизм, неудивительно, что ещё до того, как большинство людей успели надеть СЭНы, невидимая смерть уже осела в каждом из них.

По-видимому, исключительное богатство микроорганизмов планеты сдерживало губительные качества отдельных видов. Земляне этого не знали, и оказались в очень сложной ситуации, когда больше половины населения слегло в жутких судорогах, а оставшая половина схватилась за сердце. Впрочем, это было ещё терпимо, поскольку несколько часов летальный исход обходил стороной поражённых жителей станции, и это дало возможность правительству срочно предпринять меры. Население принялось глотать антибиотики, но оказалось, что паразит устойчив к земным лекарствам, и это только подорвало защитную реакцию собственных клеток людей. Члены правительства объявили экстренную ситуацию и обратились за помощью к биологам, но те лишь развели руками, тщетно пытаясь выяснить механизмы заболевания, экспериментируя прямо на себе.

Выход нашёлся неожиданно и буквально пришёл на своих ногах — Кастандер оказался

единственным взрослым человеком на станции, которого чудовищная эпидемия не затронула; как, впрочем, и его семерых детей, оставшихся дома присматривать за ди Мартино. Измученные болезнью учёные провели поверхностное исследование его иммунной системы и выяснили, что организм Кастандера выделял особые антитела, способные бороться с паразитом. Практически не спрашивая разрешения Микаэла, двое биологов, работавших с ним, тут же изготовили сыворотку на основе его крови, и ввели себе в качестве теста. Результат оказался положительным, и они поспешили доложить об этом правительству, а те, в свою очередь, успокоили население. Однако позже, примерно спустя пол часа, до безумцев наконец дошло, что под куполом обитало по меньшей мере сто тысяч человек, а Кастандер был всего один, и даже если высосать из него всю кровь, не оставив ни капли, едва ли её могло хватить хотя бы на тысячу...

Начались массовые смерти.

Люди, иммунитет которых ещё боролся с паразитом, осадили здание правительства, требуя обещанного лекарства, и перепуганным управленцам пришлось забаррикадировать двери, чтобы не пасть жертвами разъярённой толпы. Это была катастрофа, каких человечество ещё не знало. Лекарство было найдено, но его не хватало на всех, а болезнь прогрессировала слишком быстро, чтобы люди успели что-то предпринять.

Микаэл оказался заперт вместе с членами правительства против своей воли. Понимая, что его иммунитет к болезни едва ли поможет населению станции, он хотел успеть дать сыворотку ди Мартино и, быть может, найти Сакуи... Но люди за дверями врятели стали бы различать, кто там вышел из здания правительства: паника и страх за свою жизнь сделали из дисциплинированных колонистов дикое стадо, готовое на всё ради спасения. Кастандер мог только связаться с детьми через общую систему оповещения, однако просить их о переливании крови другому человеку было бы чрезвычайно самоуверенно и глупо. Так что Микаэл попытался выйти на связь с госпожой Кайто.

Сакуи ответила мгновенно, и хотя видео не работало, Микаэл сразу же догадался по её голосу, что женщина вполне здорова:

— Кастандер?! Но что ты делаешь в здании правительства? — изумлённо воскликнула она, стараясь говорить как можно тише. — Я слышала, биологи нашли лекарство? Как скоро его раздадут людям?

Микаэл горько усмехнулся.

— Да, в общем-то, это я — лекарство. Нашли какие-то особые антитела в крови, но вещество, которое они выделяют, учёные смогут получить искусственно ещё нескоро, так что... Так что, нынче я нарасхват, да только выпуск ограничен!..

— Вот как..., значит, дело только в нехватке твоей крови? Думаю..., я смогу помочь.

— Дополнительные шесть литров погоды не сделают, Сакуи.

— Не так, — загадочно ответила женщина. — Мне нужно как-то добраться до здания правительства и проникнуть к вам незамеченной. Пока ещё не поздно.

— Это опасно, а потому бессмысленно..., — попытался протестовать Микаэл, но в его беседу неожиданно вмешался проходивший мимо министр здравоохранения:

— Кто это с тобой на связи? Уж больно голос знакомый.

— Сакуи Кайто, господин Колосовский! — ответила за себя женщина. — Помните

такую?

— Сакуи? — его глаза вдруг расширились, и министр буквально вытолкнул Кастандера из кресла. — Ты нам очень нужна, умоляю, приезжай! От тебя зависит жизнь всей станции!

— Да всё в порядке, Игорь Игоревич, я как раз собиралась к вам ехать, только подскажите мне какой-нибудь безопасный подход к зданию.

— Конечно, сейчас... вот пароль к наружным видеокамерам. Обойдешь западное крыло, там есть автоматический шлюз для технического персонала. Мы его откроем, как только ты появишься.

— Хорошо, ждите, скоро буду.

Женщина отключилась, и довольный Колосовский развалился в кресле.

— Что это значит? — холодно поинтересовался Микаэл, чувствуя непонятное волнение в груди. — Зачем здесь госпожа Кайто? Не хватало ещё, чтобы она тоже заразилась!

— Сакуи? Заразилась? Едва ли это возможно, мой друг, — хитро усмехнулся Игорь Игоревич. — Насколько я помню, Виталы не болеют.

Глава 6.

Сакуи добралась до здания правительства за каких-то десять минут и без происшествий проникла внутрь. Её встречали как, наверное, в иных городах встречали Иисуса Христа — спасителя и Миссию. Однако Микаэлу всё ещё оставалось непонятным, для чего она явилась, и каким образом эта ситуация была связана с легендарными Виталами, вымершими ещё лет сто назад.

О Виталах Микаэл знал немного, потому что не интересовался этим вопросом. Из школьного курса он помнил, что когда-то появление Витал считалось довольно-таки частым явлением, однако использовать их чудесный дар для исцеления больных, или в каких-то других благородных целях тогда не представлялось возможным: каждое применение способностей значительно укорачивало жизнь Виталы. В итоге, полноценно живущая целительница умирала от естественных причин к тридцати — тридцати пяти годам.

Не все женщины (а Виталами рождались в основном женщины) мирились с такой судьбой. Многие отказывались от целительства, и жили как обычные люди, скрывая своё происхождение. Постепенно официально зафиксированные случаи появления Витал свелись к нулю, и человечество решило, что перешагнуло эту страницу эволюции.

Как видно, не совсем.

Ничего не объясняя, Микаэла отвели в закрытый кабинет без окон, усадили на стул и подсоединили к руке трубку для переливания крови, протянув её под дверь в другое помещение.

— Сиди спокойно, когда она придёт, — тихо посоветовал Колосовский, убирая с трубки зажим и проверяя давление мужчины. — За кровь не беспокойся, через несколько минут её хватит на всех!

Кастандер попытался добиться от него более адекватной информации, но бесполезно: министр здравоохранения поспешил скрыться за дверь, притушив свет в комнате до полумрака. Несколько мгновений аналитик сидел один в темноте, начиная серьёзно беспокоиться за умственное здоровье своих коллег, но вскоре дверь открылась, и в комнату вошла Сакуи.

— Наконец-то, может, ты мне объяснишь, что здесь происходит? — нетерпеливо поинтересовался он у женщины, однако та не ответила, приложив палец к губам.

Кастандер замолчал, глядя, как она медленно приближается к нему; и вдруг воспоминание об их поцелуе так ярко вспыхнуло в его голове, что Микаэла пробила электрическая дрожь. Сакуи приблизилась ровно настолько, чтобы протянув руку, мужчина мог бы коснуться её; но что-то в её поведении подсказывало Микаэлу, что делать этого не следует. Он поднял глаза и вдруг замер, поражённый увиденным: распущенные волосы женщины переливались всеми цветами радуги. Этот удивительный блеск пробегал по ним, как электрические разряды, становясь всё интенсивнее, пока каждый локон не начал мерцать светом изумительной красоты. Сакуи стояла с закрытыми глазами, но Микаэл мог

поклониться, что видел, как из-под её ресниц на щеки падают блики всё того же неземного света, и это пугало и завораживало его. Наконец, женщина шевельнулась и сняла с рук тонкие перчатки своего костюма биологической защиты.

— Тшш, не шевелись...,- прошептала она и осторожно коснулась головы Микаэла; тёплые ладони скользнули вниз, и он почувствовал её пальцы на своих щеках и глазах. — Сейчас тебе будет страшно, но ты не должен бояться, — мягко прошептала женщина, присаживаясь на корточки перед Кастандером.

Одна из ладоней коснулась его солнечного сплетения, и Микаэл будто пережил взрыв у себя в груди. Сердце перестало стучать, его ритм слился в единый непрерывный гул; всё внутри будто вспыхнуло, а ноги и руки разом похолодели. Язык отнялся — да и что он мог сказать? От страха у Микаэла пропал дар речи, ему никогда в жизни не было так страшно, как сейчас! И только одна трезвая мысль, засевшая в голове, продолжала держать Кастандера в реальности: нормальный человек на его месте давно помер бы от ужаса, любой другой кроме него...

Сколько это продолжалось, Микаэл не смог бы сказать и под судом. Единственное, что он запомнил, это ужасный жар в груди, и глаза Сакуи, когда она отпускала его сердце — холодный нечеловеческий взгляд божества...

Очнулся Кастандер уже в чистой больничной палате, полной пациентов. У совершенно посторонних людей он выяснил, что случилось, и был немало удивлён полученными объяснениями. Оказывается, в последний момент правительство совместно с учёными всё-таки наладило массовое производство сыворотки, и её с горем пополам хватило на выживших к тому моменту граждан колонии. Но потери оказались неоправданно велики: около семидесяти тысяч скончалось так и не получив заветного лекарства. Теперь будущее колонии действительно оказалось под большим вопросом, и было неизвестно, каким образом правительство собиралось решать недостаток квалифицированных кадров.

Поскольку Кастандер чувствовал себя вполне здоровым, он попытался покинуть больницу, однако на выходе его заметили санитары, и тут же снова уложили на каталку:

— Вам нельзя вставать! Госпожа Кайто строго наказала продержать вас здесь до её прихода!

— Госпожа Кайто?! — опешил Микаэл. — С какой стати она здесь распоряжается?

Санитары изумлённо переглянулись, и один из них торжественно прошептал:

— Как, вы не знаете?!.. Госпожа Кайто — Витала! Представляете?! Это с её помощью удалось найти лекарство. Теперь она заместитель министра здравоохранения!

«Сакуи — Витала? Значит всё... произошло на самом деле?»

Микаэла так поразила эта мысль, что он даже забыл сопротивляться, и его быстро затолкали обратно в палату, пообещав выписать, как только это станет возможным. Ждать пришлось долго; Сакуи изволила явиться в больницу только под вечер, когда искусственные небеса уже погасили, и, в соответствии с настоящими погодными условиями на планете, погрузили станцию в беззвёздную ночь. Женщина выглядела измученной, и еле добралась до мягкого кресла в приёмной, с облегчением уложив в него усталое тело. Санитары тут же подсустились, чтобы в коридорах никого не осталось и больные разошлись по палатам, а

сами тем временем подняли с кровати задремавшего Микаэла.

Аналитик был раздражён, что ему не дали как следует выспаться — он уже не надеялся покинуть больницу до следующего утра. Но одно лишь слово, что госпожа Сакуи Кайто ожидает его в приёмной, мигом прогнало и усталость, и сон. Кастандер как можно спокойнее оделся, пытаясь дрожащими пальцами правильно застегнуть все пуговицы на рубашке, взъерошил волосы и в который раз задался вопросом: с каких это пор он вдруг начал так волноваться при одном лишь упоминании её имени?

Сакуи полулежала в кресле, массируя пальцами лоб. С первого же взгляда Микаэл оценил ситуацию: она вела себя, как барин на собственной псарне — отдавала приказы не терпящим возражений тоном, и даже не смотрела, как их будут выполнять! Что-то явно изменилось, пока он прозябал в своей палате: похоже, политический авторитет госпожи Кайто внезапно возвысился до заоблачных высот.

— А, господин Кастандер, как вы себя чувствуете? — устало поинтересовалась она, мимоходом скользнув по аналитику взглядом. — Присаживайтесь пока, мне нужно с вами обсудить некоторые вопросы.

Микаэл опустил в кресло напротив и минут пять рассеянно наблюдал, как Сакуи решает организационные вопросы с главврачом больницы. Потом она, как бы между прочим, заметила, что хочет остаться наедине с господином Кастандером, и коридоры больницы окончательно опустели, как по волшебству.

Микаэл растерянно огляделся по сторонам и с улыбкой развёл руками, выражая своё крайнее изумление:

— Я словно попал в другую реальность! Что, в самом деле, происходит? У нас что, восстановили крепостное право?

Сакуи даже бровью не повела на его тщетную попытку разрядить ситуацию, и лишь поменяла руку, на которую опиралась подбородком:

— Погибло шестьдесят семь тысяч граждан, их трупы сотнями вывозят за пределы колонии прямо в эту минуту. Вы уверены, что есть хотя бы один малейший повод для столь легкомысленного тона?

— Думаю, мой тон едва ли как-то поможет этим несчастным, даже если я сделаю его скорбным, как у вас, — холодно отрезал Микаэл. — Зачем вы приказали держать меня в больнице? Я узнал, что с моей семьёй, только спустя два часа после пробуждения!

Сакуи недовольно поёрзала в кресле и прикрыла глаза.

— Я первым же делом проследила, чтобы к ним прислали куратора; поверьте, никто не забывал, что ваши дети живут с вами.

— Ну конечно, — едко усмехнулся Кастандер, — вы-то не забудете!

Сакуи мгновенно пронзила Микаэла острым взглядом и поджала губы. Несколько мгновений они молчали.

— Не думала, что этот человек, ди Мартино, живёт с вами в одном доме... Неужели всё так серьёзно? — наконец медленно произнесла она.

В груди у Кастандера похолодело.

Когда он разговаривал с Такланом по больничному коммуникатору, мальчик заверил его, что в доме всё в порядке. Ну а что, если детям приказали не говорить отцу всей правды до поры? Что, если ди Мартино не дождался своей порции сыворотки?

— Хотите сказать, — чужим голосом предположил Кастандер, — Анри в списке тех шестидесяти семи тысяч?..

— Что? Нет, я вовсе не это имела в виду!.. — тут же открестилась Сакуи. — Просто когда я пришла к вам, этот ди Мартино был там...

Кастандер с облегчением выдохнул и провёл ладонями по лицу. Он и сам не ожидал, как испугается потерять единственного друга. Но теперь к радости за товарища примешалась ещё одна: зыбкая и неуловимая...

— Вы сами ходили ко мне домой? — тихо поинтересовался он.

— А что здесь такого? — тут же ошетибилась Сакуи. — Все были заняты, да и нездоровы, в конце концов! Вот я и решила сходить... По-моему, ничего противозаконного в этом нет!

— Конечно, — поспешил согласиться Микаэл. — Конечно, ничего такого... Ну и как вам?

— Что?

— Как вам у меня дома? — невинно поинтересовался Кастандер, замечая румянец на щеках госпожи Кайто. — Мои дети были приветливы с вами?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Женщина гневно хлопнула ладонями по креслу и вскочила на ноги.

— Это к делу не относится! Что вы себе возомнили?! Думаете, я приходила к вам, чтобы посмотреть как вы живёте? Знайте — это не так! Мне совершенно безразлично, как вы справляетесь со своими обязанностями многодетного отца! И до вашего ди Мартино мне тоже нет никакого дела, я спросила о нём из вежливости!

Сакуи попыталась стоять ровно, однако усталость взяла своё, и женщина, покачнувшись, ухватилась за спинку кресла. Кастандер тут же оказался рядом и поддержал её под локоть.

— Что с тобой?

— Не трогай меня! — тут же огрызнулась женщина.

— Ты на ногах еле стоишь, — заботливо продолжил Микаэл, усаживая упрямыцу в кресло. — Ничего не хочешь мне сказать?

Сакуи нервно поправила тонкие перчатки на руках и печально вздохнула:

— Это из-за того, что я применила способности Витилы... Честно сказать, не думала, что у меня получится; в последний раз я занималась этим в детстве — кошек лечила, — женщина улыбнулась. — Но тогда родители серьёзно отругали меня, запретили этим заниматься, и вот до сих пор...

— Ты хоть понимала, что со мной делаешь? — хмуро поинтересовался Кастандер. — Я чуть не умер!

— Это врятели, — снова улыбнулась Сакуи, однако теперь в её голосе сквозила горечь, — ведь я была рядом! Надо иметь талант, чтобы умереть на руках у Виталы!

Микаэл с удивлением взглянул на госпожу Кайто и попытался взять её за руку, но женщина вдруг резко убрала ладонь.

— Не надо, я боюсь... Не знаю, как сдерживать себя. Эти силы, словно вода из прорвавшей плотины, так и стремятся покинуть меня! Знаешь ведь, что будет, если злоупотреблять «великим» даром? Неизвестно, сколько я теперь проживу, после этой операции с кровью...

— Всё так серьёзно? — забеспокоился Кастандер.

— Конечно, серьёзно! — огрызнулась женщина. — Теперь половина станции считает меня спасителем и богиней в одном лице! На каждом шагу попадаютя особо больные, которым срочно требуется моя помощь!.. В общем, теперь я понимаю, почему родители в детстве приказали мне молчать о способностях! — она тяжело вздохнула и прикрыла ладонями лицо. — Но... я не об этом пришла с тобой поговорить.

Микаэл снова опустилсЯ в кресло и упёрсЯ лбом в сложенные пальцы:

— Я весь внимание.

Женщина замялась, подыскивая нужные слова, но поскольку вдохновение не приходило, она решила выложить всё как есть:

— Я перед тобой серьёзно виновата и собираюсь искупить свою вину, пока это ещё возможно, — Микаэл ожидал чего угодно, но только не этого. — Не знаю, получится ли у меня, но, думаю, я смогу вылечить твоих детей от этого генетического заболевания...

— Что? — Кастандер подскочил с кресла и нервно прошёлся вокруг стола. — С какой стати?! Я не согласен! Ты даже не знала, как удержать моё сердце — я не стану так рисковать детьми!

Сакуи тяжело поднялась на ноги, и осторожно взяла Микаэла за плечи.

— Ты только не сердись, Микаэл, и успокойся. Я, конечно, никогда не пользовалась своими способностями, поэтому всё произошло спонтанно... Но, в общем, так получилось... Короче... Я тебя вылечила.

— Ты что?..

Микаэл осторожно снял руки Сакуи со своих плеч и отступил на пол шага назад.

— Понимаю, это неожиданно для тебя, но ведь я не сделала ничего плохого! — она рассмеялась, и снова чуть приобняла Касатндера. — Поверь, мне стоило больших трудов решиться на этот разговор с тобой! Правительство в скором времени начнёт новые исследования по адаптации человека в окружающую среду. Все предыдущие разработки, как ты понимаешь, полетели к чертям после заражения, и на этот раз учёные хотят экспериментировать на мне. У них появилась новая теория о комплексном воздействии микроорганизмов, которое, якобы, будет компенсировать их вредные проявления. Это только теория... вероятно, после экспериментов, я долго не проживу. Поэтому, пока есть время, нужно поскорее вылечить твоих детей!

Микаэл замер, а потом вдруг порывисто оттолкнул женщину, хотел было что-то сказать, но запнулся и выбежал прочь из больницы.

Да, он сбежал. И не потому, что был зол на Сакуи, просто... Микаэл вдруг осознал, что Сакуи права: никогда ещё мысли и чувства не одолевали его таким мощным бесконтрольным потоком! И страх потерять власть над ситуацией, забыть самого себя, остаться без защиты перед окружающим миром поразил аналитика в самое сердце. На улицах города ему то и дело попадались трупы людей; их смрадный запах разложения, казалось, проникал в самую подкорку мозга, вплетаясь в спутанную нить тоскливых мыслей. И страшная уверенность, что теперь так будет всегда, и трупная вонь будет сопровождать его чувства с момента их зарождения, заставляла Микаэла бежать всё быстрее, лишь бы оказаться как можно дальше.

Он добрался до своей квартиры за каких-то десять минут, но ещё долго стоял под дверью, пытаясь унять бешеное сердцебиение и вернуть привычную бледность на щёки. Ему не хотелось, чтобы кто-то из домочадцев узнал, какая с ним приключилась беда; Микаэлу

начинало казаться, будто все они тотчас откажутся от него и станут недостижимы. Холодный разум настаивал, что это утверждение лишено всяких оснований, но сегодня балом правили чувства, впервые вырвавшиеся на свободу из-под строгой узды Кастандера...

Дверь открыл ди Мартино. Он выглядел вполне здоровым, за исключением свинцовой бледности под глазами. Анри спокойно улыбнулся Микаэлу и пропустил его в дом.

— Ну что, почему так долго? Строительства ещё никто не отменял, и с меня могут спросить, если я не выйду в смену.

Кастандер на мгновение задумался, как бы он ответил раньше, но в голову лезла одна чепуха.

— Так получилось. Думаю, в связи с гибелью половины населения колонии тебя посчитают за мёртвого и хватятся нескоро.

— А вот тут ты ошибаешься, — мрачно заметил ди Мартино, — со мной уже связывались, грядут большие перемены! Даже хуже, чем в заселение, поверь мне: придётся работать за троих, и на этот раз всем.

Кастандер хмыкнул что-то невразумительное и ретировался на кухню, якобы мыть руки, а сам тем временем полез в аптечку за успокоительным.

— Знаешь, я тут подумал, — подал голос из комнаты Анри, — совершенно не к месту, конечно, но всё же... Ты как-то посоветовал мне придумать название нашей планете, помнишь? Так вот, у меня в голове с самого пробуждения крутится одно и то же слово: софита, софита, софита... Неплохое название для планеты, но по мне, какое-то суховатое... Может, лучше сонита? Как думаешь? — разведчик совершенно неожиданно возник в дверном проёме, и с удивлением уставился на переполошившегося Кастандера. — У тебя что-то болит?

Микаэл попытался засунуть пузырёк обратно, но вместо этого неловко задел рукой полку, и все препараты посыпались на пол.

— Чёрт!

— Да что происходит? — не на шутку забеспокоился ди Мартино, поднимая разноцветные пузырьки.

Кастандер промолчал, и ди Мартино осторожно продолжил:

— Это ведь не из-за всех этих смертей?.. Если честно, никогда бы не подумал, что тебя можно задеть подобными вещами...

Микаэл тут же встrepенулcя, и, не в силах противостоять эмоциям, резко заметил:

— Так я что, по-твоему, деревянный?!

Ди Мартино, не говоря ни слова, небрежно бросил пузырьки с лекарствами в раковину и посмотрел на Микаэла с таким видом, что Кастандер понял: без объяснений ему не уйти.

— Что случилось? Тебя словно подменили, — Анри несколько мгновений пытливо вглядывался в поникшее лицо Кастандера и тихо продолжил, — ты можешь всё мне рассказать.

— Могу? Всё рассказать тебе, да? Действительно, только этим я и занимаюсь уже два с лишним года! — вспыхнул аналитик. — Я рассказываю тебе всё, Анри, но о тебе знаю не больше чем в тот день, когда выпытал твоё имя!

Ди Мартино едко усмехнулся и прищурился — недобрый знак:

— А ты когда-нибудь спрашивал?..

Кастандер попытался вспомнить, однако пришёл к удручающим выводам.

— Хорошо, не надо горячиться. Давай так, вопрос задаю я — вопрос ты, и так, пока мы

не останемся довольны полученными ответами.

Анри задумчиво улыбнулся и пододвинул к себе стул.

— Ну, начинай...

Несколько мгновений Кастандер поражался собственной дерзости, но потом волна успеха в этом словесном поединке затопила его, и все отступные мосты оказались смыты:

— Расскажи мне о своём детстве? Кто были твои родители, друзья?

Ди Мартино начал свой рассказ без промедления, а Кастандер принялся слушать эту нехитрую историю, мысленно раздумывая — зачем предложил неравный обмен? Что такого он хотел выпросить у Анри, за что мог бы выложить свою страшную тайну?

— Теперь мой вопрос, — невозмутимо констатировал Анри, покачиваясь на стуле. — Как учёным удалось сделать сыворотку на основе твоей крови? То есть, я же не вчера родился, и понимаю, сколько в тебе литров, Микаэл, а сроки поджимали...

Касатндер запнулся на секунду, но решил, что скрывать здесь нечего, тем более, что уже каждый санитар на станции знал о способностях госпожи Кайто.

Анри слушал его со вниманием, забавно подёргивая бровями, но почему-то у Касатндера сложилось впечатление, что всё это ди Мартино уже знал, и он просто хотел проверить, станет ли аналитик говорить правду.

— А кстати, я так и не спросил, где дети? — забеспокоился Микаэл, поглядывая в сторону выхода. — Что-то их не видно и не слышно...

— Все семеро в игровой комнате, заняты проектированием Белого Города. Так что не думай сбегать, Касатндер.

— Я и не пытался, — сердито буркнул аналитик. — Хорошо, мой вопрос... Если честно, меня это начало интересовать ещё в день нашего официального знакомства... Ты так хорошо ладишь с людьми, Анри, так почему ты прибыл на корабль в качестве одиночки? И почему не завёл друзей среди разведчиков?

Было видно, что вопрос попал в самую точку: ди Мартино скорбно дёрнул бровями и нахмурился:

— Всё очень просто. Моя каста помогла мне попасть на корабль, чтобы избавиться от меня. На Земле я проходил курс принудительного лечения... мне нравились мужчины. Но я и сам был не прочь избавиться от этого недостатка, пока врачи не заявили, что традиционные методы мне не помогают, и нужно сделать операцию на мозге. Я сбежал из клиники и несколько месяцев числился в розыске, пока меня не поймали. Руководство касты предложило выбор: либо подвергнуться операции на Земле, либо отправиться на Тетту Софии, где мной бы уже занималось другое правительство.

— И ты выбрал пожизненную ссылку? — сдавленно прошептал Микаэл.

— Я думал, что сумею измениться.

Кастандер несколько раз прошёлся по комнате, запустив руки в волосы и вдруг замер:

— Ты думаешь, ты болен?

Ди Мартино натянуто улыбнулся и запрокинул голову на спинку стула.

— Я не знаю. Иногда мне кажется, что я обычный человек, такой же как и все; а потом всегда наступает момент, когда жизнь летит в тартарары, и уже жалеешь, что не согласился на операцию...

Внезапно Кастандер ощутил непреодолимую слабость во всём теле, и едва успел пододвинуть себе стул, чтобы не упасть. Голова закружилась, и шея начала так страшно

пульсировать, что ему показалось, будто артерия сейчас не выдержит и лопнет; он вцепился в рубашку, пытаясь ослабить удушающий воротник, но тут же провалился в обморок. В чувство Касатндера привели усердные пощёчины ди Мартино, который теперь выглядел ещё бледнее, чем при их встрече. Он что-то спрашивал, пытался дать Микаэлу воды, но аналитик от всего отказывался, безвольно мотая головой:

— Сейчас пройдёт... пройдёт.

Несколько мгновений Кастандер боролся с ватным туманом в голове и звоном в ушах, а потом вдруг процедил сквозь зубы:

— Я не болен! Я таким родился, значит, так и должно было быть! Я не был болен!.. Я был особенным!..

Анри усмехнулся и тут же озадаченно нахмурился, пытаясь разыскать в груди цветных пузырьков, которые сам же бросил в мойку, успокоительное:

— Конечно, ты особенный. Не понимаю, кто мог в этом усомниться, хотя бы пару минут поговорив с тобой, — сарказма Анри было не занимать. — Какая разница, что думают врачи? любое отклонение от нормы они готовы считать болезнью. Да и что такое эта норма, в конце концов?! Не будь у тебя в крови защитных антител, которых по норме там быть не должно, врятли мы сейчас вели бы эту беседу.

Микаэл тяжело поднялся со стула, но тут же приземлился обратно, ощутив в голове новый прилив звонкой пустоты.

— Ты не понимаешь! Раньше я считал себя ненормальным, но за полтора года, проведённых вместе с моими детьми, я, наконец, понял: мы не просто особенные, мы на порядок выше остальных!

Ди Мартино саркастически вскинул брови, но Касатндер не дал ему ответить:

— Просто послушай! Ты же помнишь тот бум алкоголизма несколько лет назад? Он нагляднее всего показал, что стоит людям немного расслабиться, и они начинают вести себя, как неразумные младенцы! Колонии нужна подлинная дисциплина, идущая не от правительства, а из глубины сознания, и никто не способен на это лучше, чем мои дети, Анри!

— Ну и...

— Они умны, быстро развиваются и обучаются, не отвлекаясь на пустые развлечения. Раньше я не мог этого понять, но, взглянув на себя со стороны, теперь вижу одни лишь достоинства! Зачем нужны эти пресловутые чувства? Много ли добра ты получил от них, когда тебе пытались вскрыть мозг, Анри?!

Ди Мартино слушал Кастандера с нескрываемым отвращением и негодованием, но после этих слов, на его лице появилось какое-то новое выражение саднящей боли:

— Эти доводы, может, и логичны, но как людям выжить, если они не будут испытывать любви друг к другу, к своим детям? Если они забудут, что такое родные?

Микаэл, похоже, ждал этого вопроса, и теперь на его лице заиграла победная улыбка:

— А разве я плохо обращался со своими детьми? Они хоть раз изъявляли желание вернуться к своим Ратцам, которые весьма искусно имитируют родительскую любовь? Мои дети ведут себя как семья, потому что у них общие интересы и взгляды на мир; они поддерживают друг друга, у них нет причин для ссор. Это объективная реальность, Анри, в ней нет места для чувств. Если бы ты не любил, тебе никогда и в голову не пришло бы искать себе пару среди мужчин! Разве не так? Мои дети — будущее этой колонии; когда их гены распространятся среди остальных людей — наступит идиллия.

— Микаэл, я не знаю, что с тобой творится, но мне кажется, ты бредишь, — ди Мартино растерянно покачал головой. — Этого никогда не случится!

— Чего не случится, дядя Ан? — в комнату вбежала Веора, размахивая пакетиком с орешками. — Папа, взгляни, что мне подарила тётя-капитан. Это настоящие кедровые орехи! Мы оставили тебе немного, вот попробуй.

Микаэл погладил белокурую малышку по голове и взял несколько штук.

— Спасибо, дорогая. Чем вы занимаетесь в игровой комнате?

— Строим Белый Город из кубиков, которые сделал дядя Ан. Правда, они все цветные, но по форме как раз подходят! — Веора нерешительно потопталась на месте и виновато взглянула на ди Мартино. — Дядя Ан, мы нашли у вас ошибку. Посмотрите, пожалуйста.

— Конечно, детка, пойдём.

Анри пропустил крошку вперёд, а сам оглянулся на Кастандера и серьёзно приказал:

— Выпей успокоительного и поспи как следует. Ты сам не свой, Микаэл, я переживаю.

Касатндер ничего не ответил и лишь усмехнулся, когда ди Мартино скрылся в игровой комнате.

— Ну, это как посмотреть, — продолжил он бормотать себе под нос. — Может, я и сам не свой, зато впервые увидел истину... Со временем люди будут благодарить меня, Анри, нужно только подождать. Они навсегда забудут о чувствах, и обо всём, что с ними связано... Мы построим общество, которому никогда не было равных!

Превратности судеб. Дети Земли.

Глава 1.

Земля, двенадцать лет назад.

Ойтеп проснулась в человеческом жилище. Она лежала на невысокой кровати, переодетая в ночную рубашку и заботливо укрытая мягким истёртым пледом. Девушка перевела взгляд на окно и сумела разглядеть зелёные ветви деревьев, сквозь которые тоненькими нитями проникали ещё красные лучи только что появившегося над горизонтом солнца. В комнате было темно и тихо. На высоком деревянном комоде спокойно тикали круглые часы с двумя смешными блямбами будильника, а чуть повыше на стене пластмассовая мордочка кошки совершенно беззвучно двигала усами-стрелками и бегала хитрыми щелками глаз из одного угла комнаты в другой. В доме странно, но довольно приятно пахло. Девушка попробовала подняться с кровати, однако как только её ноги коснулись пола, подошвы пронзила острая щиплющая боль: нежная кожа была стёрта до волдырей. Ойтеп в нерешительности окинула взглядом убогую обстановку жилища и попробовала подать голос. Ей никто не ответил, и тогда она позвала громче. Где-то в доме хлопнула дверь, послышался металлический звук и затем шум льющейся жидкости. Ойтеп тихо ждала, подобрав под себя ноги, и не смея надеяться на лучший исход. Ей нечем было даже защитить себя, но девушка собиралась бороться до последнего — она схватила с комода будильник и крепко зажала его в руке, спрятав под одеялом. Наконец, Ойтеп услышала шаркающие шаги, приближающиеся к её комнате, и приготовилась.

В комнату тихо вошла низенька старушка с зелёным эмалированным ведром в руках. Она смотрела себе под ноги, согнувшись под тяжестью времени, и даже не увидела, что её молодая гостя уже проснулась. Женщина поставила ведро у двери, а сама завозила в маленьком шкафчике, доставая оттуда какие-то вещи. Ойтеп не знала, что ей делать: с одной стороны, она отчётливо осознавала, где находится, и не питала радужных иллюзий по поводу дружелюбия людей; с другой стороны и дураку было понятно, что старушка едва ли могла причинить ей серьёзный вред. Поэтому девушка решила подождать, пока похитительница проявит агрессию первой.

Ни о чём не подозревающая старушка достала из шкафа какую-то тёмную склянку, рулон белой прозрачной ткани, и обернулась: лысая девчонка сидела на кровати, сжавшись в комочек, и смотрела на неё испуганно и враждебно, словно загнанный в капкан зверёк.

— Уже проснулась? Не мудрено, что так рано, весь день проспала, — проворчала женщина и приблизилась к кровати.

Ойтеп быстро отползла к стене и прижала холодный будильник к бешено бьющемуся сердцу. Старушка заметила это, однако виду не подала и ссыпала свою ношу на кровать.

— Надо перевязать ноги, иначе долго заживать будут. Ты меня понимаешь? Хоть чуток?

Ойтеп молчала. Тогда старушка решительно откинула одеяло, взяла ступню девушки и открыла баночку с какой-то мазью...

Ойтеп жутко перепугалась, но даже под угрозой нападения так и не смогла zahмахнуться

для удара. Потом она благодарила великодушную Сониту (древнюю богиню, которая почиталась в некоторых семьях как заступница сонитан) за то, что та не дала ей совершить эту роковую ошибку. Земная женщина всего лишь аккуратно намазала больные ноги Ойтеп лечебным снадобьем и перевязала их чистыми бинтами. Затем она вышла на несколько минут, а потом вернулась с подносом, на котором стояла тарелка тёплой овсяной каши и стакан молока. Ойтеп даже не подозревала, как сильно она проголодалась. Пища оказалась не очень вкусной, но каша не продержалась в тарелке и десяти секунд, а молоко исчезло из стакана почти мгновенно. Старушка лишь покачала головой и принесла ещё. Пока Ойтеп восполняла запас энергии, землянка молча сидела у её кровати и только изредка печально вздыхала. Наконец, когда девушка полностью насытилась, старушка помогла ей сходить в туалет и предложила другую одежду: маленькую красную майку с затейливым кружевом и короткую юбочку. Удостоверившись, что гостя выглядит и чувствует себя более или менее нормально, женщина привела её в длинную довольно сумрачную комнату с диваном и старинным видеофоном у дальней стены, и посадила в глубокое кресло напротив себя. Ойтеп ожидала, что землянка попытается расспросить её о чём-нибудь, но старушка достала из стола две огромные спицы с натянутым между ними вязаным полотном, и надела на руки девочки свёрнутую в кольцо пряжу. Через некоторое время Ойтеп поняла смысл этого действия и расслабилась: старая женщина всего лишь попросила её о помощи, чтобы Ойтеп помогла ей с изготовлением одежды. Это было так непривычно, но довольно умиротворяюще: сидеть в мягком кресле в полутёмной комнате, поглядывать за окно, где с коротким свистом резвились ласточки и воробьи, и слушать стук спиц друг о друга...

Внезапно стукнула дверь в дом. Ойтеп мгновенно насторожилась и крепко зажала в руках желтую пряжу. Старушка сняла очки, успокаивающе похлопала напрягшуюся девочку по руке и вышла из комнаты. Послышались голоса, короткий смешок и звук звонкого поцелуя.

В зал вошёл огромный мужчина...

Он, наверное, был ростом с Белара, но на его лице росла короткая русая щетина, а на голове — волосы. Человек внимательно сощурил светлые голубые глаза и улыбнулся.

— Мама! Так эту что ли девочку ты обнаружила у себя в палисаднике?

— А ты видишь здесь другую, Йохан? — саркастически поинтересовалась вошедшая следом женщина, вытирая руки о передник. — Как добрался? В такую рань я тебя подняла... ты то небось спишь до двенадцати у себя там в городе?

— Я там ещё и на работу хожу к восьми, так что меня не в чем упрекнуть! — попытался отшутиться Йохан, но суровый взор старушки напомнил ему, кто в доме хозяин, и мужчина с улыбкой прикусил язык.

— У неё все ноги стёрты в кровь, не представляю, сколько нужно пройти, чтобы получилось такое! К тому же она не разговаривает.

— Что, совсем? — удивился Йохан.

— Нет, когда я нашла её, она что-то пролепетала, но я ни слова не разобрала! — последнюю фразу старушка прокричала уже из кухни, откуда вернулась с чаем и бисквитами на подносе, а затем, приземлившись в кресло, продолжила свою мысль, — по-моему, она иностранка.

— Иностранка... Знаешь, в Бартоломё проходит большая ярмарка, и туда наведываются туристы из Хойба. Она вполне может быть оттуда.

— Бартоломё? Но это так далеко!..

— Это бы объяснило раны на ногах, — здоровяк пожал плечами и задумчиво почесал в затылке. — Интересно только, почему она лысая... Может, болезнь? Как думаешь?

— Если только генетическая — кожа у неё совершенно чистая и здоровая, — быстро ответила старушка, умудрённая жизненным опытом и годами работы в качестве медсестры.

— Но если она больна и прилетела в Хойб, наверняка её родственники должны были отметить в местной поликлинике. Я позвоню Шефферу, чтобы он подал запрос о пропаже туристов в районе Хойба, а сам попытаюсь связаться с Майером.

— Передавай привет его жене, Агнессе, — доброжелательно проворчала старушка, снова берясь за спицы. — Помнится, мы с ней не одно дежурство вместе скоротали.

— Обязательно передам... А как же ты ей объяснила, что нужно делать? — изумился Йохан, с интересом разглядывая послушную девочку, которая толково отматывала нить для вяжущей матери.

— А чего тут объяснять-то? Это только тебе в детстве непонятно было, как нужно мусор выносить, да полы вытирать!

Йохан порозовел от смущения.

— И долго ты мне это припоминать будешь? Да ещё на глазах у гостыи?!

— Она всё равно ничего не понимает, — махнула рукой женщина, не переставая стучать спицами.

— Вот это мы сейчас и проверим, — загадочно протянул Йохан, присаживаясь на корточки перед маленькой леди.

Он осторожно взял из её рук пряжу, чем вызвал резкое неудовольствие матери, и посмотрел девочке в глаза.

— Посмотри на меня, привет! Отлично..., ты понимаешь, что я говорю? Нет... дуо спик инглиш?

— О! Брось, Йохан, твой английский ужасен! Даже будь она англичанкой...

— Мама, не мешай мне! — неожиданно резко оборвал её сын, и женщина замолчала.

Ойтеп даже вздрогнула от резкого повышения голоса мужчиной, но прямой угрозы для себя она не почувствовала, поэтому постаралась вникнуть в суть того, что от неё хотел землянин.

— Парле ву франце? — видимо, французский сына ещё больше не нравился матери, потому что старушка издала протяжный рассерженный вздох.

— Что же, будем пытаться так... Посмотри на меня, не отвлекайся! Я! Я, — мужчина несколько раз ткнул в себя пальцами, — Йохан. А ты?

Ну, подобный жест Ойтеп вполне могла понять: не так уж много лет назад она была ребёнком, мечтающим о полётах в космос и контакте с внесонитанскими цивилизациями; и вместе с другими детьми она не раз разыгрывала подобный спектакль.

Человек спрашивал её имя, чтобы знать, как к ней обращаться!

Но Ойтеп не могла произнести его вслух, ведь это было бы равносильно разглашению сонитанских тайн — измене Родине! Девочка мучительно размышляла, как вдруг ей на ум пришёл один из разговоров с отцом, когда он ещё только начинал работать в лабораториях Озна.

Гидо Ньюон был увлечённым сонитанином, он не просто работал, а погружался в своё занятие с головой. И к изучению людей отнёсся с полной серьёзностью, отводя много времени ознакомлению с их культурой, традициями и тому подобному. Однажды Гидо

посадил дочь себе на колени и сказал с задором в глазах: «Знаешь что, Ойтеп? Ты вертлявая, как волчок, мама за тобой уследить не может! Это правда, что ты разбила коммуникатор в ванной комнате? Я обещал ей отчитать тебя за это. Ты понимаешь, что поступила нехорошо?»

«Да, папа», — понурившись прошептала Ойтеп.

«Вот и хорошо. Впредь думай о том, что делаешь».

«Но это вышло случайно! Я играла...»

«Вот как? Надо было и впрямь назвать тебя юлой!»

Ойтеп тогда с удивлением посмотрела на отца, впервые слыша странное слово.

«Это игрушка землян, похожая на наш волчок, только она называется юла», — пояснил отец. — «И кстати, у землян даже имя есть такое — Юля!»

Гидо рассмеялся, пощекотал дочь и отпустил играть дальше, а вот ей запомнилось это имя...

— Я — Йохан! Ты? — мужчина всё продолжал твердить эту фразу, и когда он уже был готов махнуть рукой на всякие попытки, девушка вдруг ответила.

— Юля! Я — Юля.

Ответ ошарашил не только Йохана, но и старушку, которая на мгновение замерла со спицами в руках.

— Сын, похоже, она славянка! — прошептала женщина, глядя поверх очков на своего мальчика.

— Похоже... только я по-русски не знаю ни слова! Ладно, поеду в участок, как только что-нибудь узнаю, позвоню тебе. Ты уверена, что хочешь, чтобы она осталась у тебя? Я могу забрать её с собой...

— Нечего ей делать в участке, к тому же с её-то ногами! Ты вообще думаешь что говоришь? Давай, поезжай, а то так и просидишь здесь до вечера!

Йохан тотчас уехал, прихватив с собой в дорогу несколько кексов, и не давал о себе знать до самой поздней ночи.

Старушка уже раскладывала для Ойтеп постель в комнате с часами, когда он внезапно позвонил ей по видеофону и сообщил какую-то ошеломляющую новость, от которой старушка чрезвычайно разволновалась. Она что-то ласково проворчала девочке, укладывая её спать, и погасила ночник.

Ойтеп долго лежала в кровати без сна и размышляла.

Она и представить не могла, что в минуту полного отчаяния и одиночества недружелюбная планета сумеет подарить ей тёплый кров на ночь и хлебосольный стол. Вот только надолго ли это? И что случилось с её друзьями? Повезло ли им так же, как ей, или они прозябали где-нибудь на холодной земле, мучаясь от голода и жажды? Хотелось верить в лучший исход...

Правда, существовала ещё вероятность, что агенты Озна уже обнаружили Лит и Вольтеса, и благополучно отправили их домой, на Сониту...

Девушка села в кровати, не в силах справиться с нервным напряжением, и обняла колени руками. В любом случае, ей больше не следовало оставаться в этом доме, ну, может, ещё только на несколько дней... Нужно было искать местные органы власти, полицию,

чтобы те отправили запрос во всеобщую систему, тогда бы Озн обязательно вычислил её!

Ойтеп вытянулась в кровати, натянула одеяло до подбородка и начала представлять себе, как это будет, когда замаскированные под землян агенты Озна внезапно окружают её где-нибудь на улице города, и кто-нибудь из них непременно прошепчет ей тихо сонитански: «Ты в безопасности, девочка!» Он будет высок и красив, и она сразу же почувствует себя в безопасности. А по прибытии на Сониту, Ойтеп получит от агента предложение разделить с ним обед, и родители ничего ей не скажут, ведь она уже взрослая и пережила столько опасностей, сколько даже не снились многим взрослым! За обедом озновец признается ей, что никогда не встречал таких храбрых девушек, предложит ей место специального агента в Озне и, может быть, свою кандидатуру в мужья... Тогда они вместе с Ойтеп будут проводить операции на Земле. Хотя нет, Озн же запрещает своим сотрудникам работать семьями! Ну, тогда Ойтеп будет проводить операции на Земле сама, ведь кто лучше неё справится с этим?..

Девушка даже не заметила, как её мысли плавно перетекли в сон, и придуманные герои начали жить своими жизнями. Вот мужественный агент Озна обнаруживает её на полдневной улице человеческого города, но Ойтеп уже не маленькая испуганная девочка, а взрослая сонитанка, искусно замаскированная под земную женщину. Озновец тянет её за собой и обещает отвезти домой, на Сониту. Однако девушка знает, что через несколько переулков их поджидают предатели-отверженные, и пытается объяснить это агенту: тот не слушает, упрямо тащит её навстречу опасности, и вот преступники уже совсем близко, выжидают удобного случая, чтобы напасть...

Девушка проснулась оттого, что вырываясь из приснившихся ей холодных пальцев похитителей, она резко села в кровати и, кажется, даже закричала...

Спустя минуту в коридоре послышались торопливые шаркающие шаги, и старушка, кутаясь в старый тёплый халат, вбежала в комнату. Она что-то говорила, пытливо и глупо глядя перепуганной Ойтеп прямо в глаза, словно надеясь, что девочка ни с того ни с сего поймёт её. А потом, вдруг, прижала её к мягкой тёплой груди и начала покачивать из стороны в сторону, шепча тихим голосом шипящие, наполовину проглоченные слова... Девочка хотела вырваться, охваченная стеснением и паникой, но из глаз предательским градом покатались горькие слёзы, и она забыла обо всём, громко всхлипывая и причитая на сонитанском. Так они долго сидели, не говоря ни слова, и, кажется, даже не думая, пока за окном не начало светлеть небо, и в облаках не заговорили натянутые на вершины облаков солнечные струны.

Старушка оставила Ойтеп и принялась хлопотать на кухне: засвистал чайник, ароматный дух лёгкими облаками побежал из комнаты в комнату, пока не достиг маленькой сонитанки. Она встрепелась, подняла мокрые покрасневшие от слёз глаза и вздохнула. Ей повезло больше, чем это вообще было возможно: приютившие её люди оказались миролюбивы и вовсе не так жестоки, как описывал профессор Сетени. И старая женщина...

Девушка поднялась с кровати и тихо прошлёпала босыми ногами на кухню. Она села на резной табурет и оглядела уже накрытый к завтраку стол. Старушка достала зелёные чашки и налила госте крепкого сладкого чаю с вареньем. Когда она ставила напиток перед Ойтеп, девочка неожиданно схватила её смуглую загорелую руку, всю покрытую старческими пигментными пятнами и обесцвеченными на солнце волосками, и бережно погладила её,

кротко подняв нерешительные глаза на свою попечительницу. Старушка всё поняла, легонько потрепала девчущку по плечу и заговорила, сама усаживаясь за стол. Она говорила, и говорила, прекрасно зная, что Ойтеп не понимает ни слова; но и старушке, и девочке так было легче, и они долго пили чай, сидя вместе за столом.

Около двенадцати приехал Йохан, звонко чмокнул в щёку свою принарядившуюся в зелёный полосатый костюм мать, и мягко пожал руку девочке. Он посадил обеих в просторный аэромобиль, проверил, достаточно ли в баке воды, и поднял машину в воздух.

Ойтеп не раз приходилось ездить на аэромобилях, правда более совершенных конструкций — нечто подобное когда-то очень давно было изобретено и на их планете. Но она впервые видела Землю с высоты птичьего полёта, и планета поразила её.

Небольшое поселение, из которого они отправлялись, было со всех сторон окружено редкими лиственными деревьями, которые плавно переходили в туго набитый голубыми иголками еловый бор. За ним начиналась прекрасная изумрудная равнина, заплатанная полями молодой пшеницы, ячменя и свёклы, и перерезанная голубой лентой реки, сверкающей на солнце рябью. Девочка с изумлением и любопытством разглядывала знакомые по книгам и совершенно незнакомые ей сооружения землян: небольшие крепкие мосты, переброшенные через тоненькие речушки, высокие амбары, тракторы, работающие на полях небольшими группами, заправочные станции и воздушные кафе, парящие в нескольких сотнях метров над населёнными пунктами. Им даже попало на пути несколько ферм: Ойтеп сумела разглядеть мелькнувшее далеко внизу буро-пятнистое стадо коров, которые маялись в загоне, ожидая когда же хозяин выпустит их на траву.

Спустя десять минут полёта девочка начала замечать, что их машина приближается к большому городу: всё чаще стали попадаться крупные средоточия красивых белых коттеджей с огородами, и всё меньше участков леса.

— Хойб! — неожиданно резко сказала старая женщина севшим голосом.

Йохан ободряюще похлопал её по руке и улыбнулся:

— Не раскисай, мама, от воспоминаний ещё никто не умирал!

Старая женщина попыталась молча пережить встречу со своим прошлым, но не выдержала и воскликнула в волнении:

— Боже мой, сколько лет прошло, как всё изменилось! Ведь я не выезжала из Кёнингсбронна десять лет!

Она нервно поёжилась в кресле и вдруг напустила на себя сварливый вид.

— Ничего, — с весёлой искринкой в глазах успокаивающе произнёс Йохан, сажая машину на крышу какого-то общественного здания, — тебе здесь понравится! Может даже переберёшься, в конце концов, в свою квартиру.

— Ну уж нет! — резко заявила женщина. — У меня там огород и хозяйство! Куда я поеду?!

— И вот так всегда! — с заговорщицким видом подмигнул Йохан Ойтеп, отстёгивая ремни безопасности.

Они оказались на залитой полиаргонитом плоской крыше, которая выполняла функции парковки, и быстро прошли в прохладную тень коридора, ведущего внутрь здания. Спустя несколько шагов показалась просторная светлая комната с бежевыми диванчиками, и высокая деревянная стойка, за которой работала миловидная девушка в синей униформе.

— Вы слишком рано, господа, приём посетителей начинается с трёх! — приятным голосом возвестила дежурная медсестра, на что мать Йохана презрительно фыркнула, а её сын достал свои документы и вставил в считыватель.

— О! Добро пожаловать, господин Циммерман! Господин Майер уже ожидает вас в палате 411. Эти леди пройдут с вами?

— Да, будьте так любезны, выдайте нам три пропуска.

— Конечно.

Ойтеп не нравилось место, куда её привели: повсюду были закрытые палаты, в тёмных коридорах лениво сновали измождённые люди, подсоединённые к замысловатым аппаратам тоненькими полыми трубками, едко пахло спиртом и какими-то химическими препаратами. Всё это больше походило на кошмарную лабораторию, в которую полу-животные могли бы заманивать своих доверчивых жертв для бесчеловечных опытов.

Напуганная своими мыслями и подозрениями, девочка уже была готова с криком броситься бежать, но в этот момент Йохан, крепко державший Ойтеп за руку, остановился перед одной из палат и открыл дверь.

В светлой комнате с настежь распахнутыми окнами на чисто застеленной белой кровати с закрытыми глазами лежал абсолютно лысый юноша. Он был весь перемотан бинтами, но выглядел вполне здоровым, и даже улыбнулся при виде старой знакомой:

— Ойтеп! Вот так сюрприз, а я думал, ты уже дома.

Девочка вздрогнула и вцепилась в ладонь Йохана, словно ища у него поддержки.

— Баес?!

Глава 2.

Земля. Штаб Озна. Третьи сутки похищения.

По бетонному полу в темноте то и дело проносилось какое-то странное шуршание, и Белар вскоре понял, что это, должно быть, мелкие животные-паразиты, заселившие гостеприимный сухой подвал, разнюхивают обстановку. Хищников сонитанин остерегался, но не боялся: он долго жил среди них и научился защищать себя. Однако в детстве, в те светлые годы, когда ещё никто не знал, что крошка Белар вырастет отверженным, ему как-то пришлось столкнуться с проникшим в дом дергуном — с тех пор сонитанин не переносил мелких грызунов и старался ночевать на высоте. Так бы он поступил и сейчас, если бы не стальные наручники, которыми его приковали к ввинченному в пол стулу.

Белар попал в руки к озновцам в бессознательном состоянии и очнулся уже так: в полутёмном подвале с одним узким окошком под потолком, через которое проникал слабый вечерний свет. Агенты долго не давали о себе знать, очевидно таким способом пытаясь подавить волю похитителя. Но сонитанин знал, что скоро, очень скоро они придут, и будут жестоко пытаться его о детях.

У отверженного уже был опыт в таких делах, и он представлял, на что способны агенты Озна, науськанные на людей. Они были как ходячие машины с заложенной программой кого можно, а кого нельзя трогать. Правила и законы общества были гипертрофированы в их замуштрованных постоянными тренировками мозгах. А понятие «сонитанин» и «полуживотное» различались настолько, что агенты позволяли себе снисходить до совершенно омерзительных методов, которые практиковались столь презируемыми землянами. Все виды физических и психологических мучений были изучены агентами Озна досконально; и насколько в этом мог убедиться Белар, они владели ими в совершенстве.

Пять лет назад с Беларом через неофициальный радио-канал связался неизвестный и сообщил, что единственную дочь отверженного, которая осталась на попечении матери, обвинили в человечности так же, как её отца. Отчаявшаяся мать слегла в больницу с нервным срывом, а попечительская служба собиралась отправить девочку в государственную школу при заводе, чтобы по окончании обучения она сразу же могла приступить к работе.

Сердце отца не могло выдержать такого удара, и Белар похитил дочь, рассудив, что среди диких зверей ей будет куда лучше, чем в вечном рабстве.

Около трёх дней беглянку никто даже не искал, но каким-то немыслимым образом инцидент просочился во всеобщее голосование, и граждане изъявили желание вырвать несчастную из рук психопата. Правительству ничего не оставалось делать, как отозвать с Земли несколько специальных агентов.

Озновцы приступили к выполнению задачи не медля, и очень скоро вычислили Белара, устроив ловушку рядом с его охотничьими силками. Девочки с отцом не было, найти времянку агенты не сумели, и с молчаливого согласия начальства приступили к пыткам.

Белар так и не сознался, где ребёнок, рассчитывая, что дочери хватит запасов

пропитания ещё на неделю. Но, в конце концов, их временное убежище обнаружили поисковые группы с воздуха. Девочку забрали государственные службы, а Белара отпустили на все четыре стороны.

Он пытался снова разыскать дочь, однако его быстро поймали городские охранники и выдворили в заповедные зоны. Попытка связаться с бывшими знакомыми ничего не дала — сонитане не желали разговаривать с преступником.

А спустя всего несколько месяцев тот самый сердобольный незнакомец, предупредивший Белара об опасности, снова вышел в радиоэфир и сообщил о смерти девочки. Он не вдавался в подробности, и не объяснял, откуда ему это стало известно, однако Белар поверил осведомителю с первого слова — сердце тосковало по дочери, как по мёртвой.

Вот почему Белар согласился на побег с Сониты без лишних вопросов: ему совершенно нечего было терять. И теперь, сидя на жёстком металлическом стуле в тёмном подвале, отверженный не боялся пыток — наоборот, его сердце волнительно билось в груди, точно заново переживая те дни, когда его маленькая дочурка была жива и находилась в безопасности.

Наконец, в коридоре послышались приглушённые бетонной пылью шаги. Белар слышал их издали и различил две поступи: агенты всегда приходили по двое, постоянно меняясь друг с другом, чтобы лучше контролировать ситуацию. Стул был повернут спинкой к двери, и Белар не увидел вошедших, а те не торопились показываться.

— Вы находитесь на территории Сониты, и обязаны правдиво отвечать на все наши вопросы, — безразличным тоном произнёс приятный молодой голос. — Ваше имя?

Белар молча стиснул зубы, чтобы не прикусить язык при ударе, и приготовился.

— Не желаете сотрудничать, Белар Ротерга? — усмехнулся второй голос, и отверженный наконец увидел обоих агентов, практически неразличимых с темнотой.

— Не вижу смысла что-то рассказывать вам, если вы и так всё знаете, — мрачно усмехнулся Белар.

Агенты не шелохнулись. Наконец один из них достал нечто блестящее из кармана и сжал в руке.

— Мы знаем, что вы уже знакомы с нашими методами, и наслышаны о вашей твёрдости на допросах. Поэтому давайте не будем тратить силы на бессмысленное действие. У меня в руках предмет, ради которого вы наверняка согласитесь рассказать нам, обо всём. К примеру, куда и зачем вас направил Кастор Жонс.

Агент поднёс к глазам Белара блестящий предмет, и сонитанин увидел, что это крошечный экран, на котором слабо мерцала застывшая картинка. Агент сжал экранчик — тот приятно хрустнул, и картинка пришла в движение.

— Что это? — едва слышно пробормотал Белар, пытаясь зацепиться глазами за ускользающие образы. — Что это?!

Агенты молчали, и отверженный снова взгляделся в мерцающую дымку. Наконец образы прояснились, и он разглядел залитое светом зелёное поле, засеянное какой-то незнакомой культурой, белые облака, несущиеся над горизонтом, и голубое прозрачное небо. Камера пришла в движение, изображение прыгнуло и сменилось небольшим деревянным домом в окружении цветочных клумб. Перед домом стояла высокая девушка в лёгком платье. Она

улыбалась, и что-то в её чертах заставило сердце Белара дрогнуть.

— Это ваша дочь, Аишша. Она живёт в экспериментальном поселении на Земле, ей уже девятнадцать, и она занимается музыкой. Правительство давно разрабатывало этот проект по выдворению отверженных на Землю, и ваша дочь стала одной из первых поселенков.

Белар не мог отвести глаз от улыбающегося личика, которое так сильно напоминало дорогие черты.

— Но... мне сказали, что она погибла! — с надеждой в глазах прошептал сонитанин.

— Вас ввели в заблуждение. Аишша Ротерга жива и, насколько нам известно, здоровствует. И если вы ответите на все наши вопросы, мы, возможно, устроим вашу встречу перед возвращением на Сониту.

Белар зажмурился и сглотнул.

— Возможно ли?.. Столько лет...

— У нас нет времени на ваши сомнения, господин Ротерга. Или вы соглашаетесь сейчас — или мы приглашаем ещё двоих агентов, и будем проверять на прочность ваш характер до тех пор, пока не добьёмся правды. Только в этом случае вы уже можете не рассчитывать на встречу с дочерью.

Отверженный поник, точно сдувшийся шарик. Хотелось бы ему найти правильный ответ, чтобы не выбирать между предательством друзей и возможностью поверить, что его драгоценное чадо счастливо живёт на планете близких ей по духу существ. Но необходимость сделать решающий шаг дышала Белару в затылок убегающими секундами. На одной чаше весов лежало эгоистичное желание в последний раз увидеть дочь, на другой — истребление надежды близких людей на счастливую жизнь.

Отверженный хотел сказать да, или нет, как вдруг его язык онемел, к глазам подкатили слёзы, и горло сжалось горячими пульсирующими тисками.

— Я!.. я... не могу! — сонитанин согнулся пополам, испытывая тяжелейшее душевное переживание, его тело скрутило волной нервных судорог. — Не могу-у-у!

Агенты растерялись: видимо у них не было оговорённого плана действий на случай, если отверженный ни с того ни с сего расплатится. Наверняка, по их личному мнению, выбор был чрезвычайно прост, и размышлять тут особенно не над чем. Один из агентов поспешил связаться с начальством, а второй попытался додавить пленника в эмоциональном плане, и заговорил шёпотом над самым его ухом, чрезвычайно убедительно играя раздражение:

— Чем дольше ты колеблешься, тем большая угроза нависает над твоей дочуркой. Она всего лишь отверженная, не сонитанка! И в случае чего мы всегда сможем легко добраться до неё...

Последние слова хлестнули по разуму Белара, как ледяная плеть. Он с такой силой рванулся вперёд, что болты, крепящие стул, вылетели из бетона, и отверженный всем своим весом, к которому прибавился металлический стул, навалился на агента.

— Гнилые отребья! Если вы хоть пальцем тронете Аишшу!..

Но договорить ему не дали ворвавшиеся в подвал охранники. Они оттащили красного Белара от перепуганного агента, и несколько раз ударили дубинками по лицу и в живот, чтобы сбить с него спесь.

Не пострадавший в потасовке озновец позволил им проделать это, несколько мгновений наблюдая, как крепкие сонитане умело орудуют дубинками, а затем вежливо попросил

удалиться, поблагодарив за помощь. Упорство пленника и нежелание сотрудничать как следует, явно раздосадовало агентов, не говоря уже об испачканном костюме одного из них. Поэтому когда они заговорили во второй раз, их предложение было изложено уже в менее изысканной форме:

— Твой выродок, которого ты называешь дочерью, — ничтожество, как и ты! Мы бы ни за что не стали марать руки в подобных испражнениях общества, если бы этого не требовали интересы Сониты! Но именно сейчас они этого требуют, поэтому рассказывай немедленно всё, что ты знаешь о Касторе Жонсе и его планах, а также о местоположении детей, иначе ложь про смерть Аишши Ротерг ты превратишь в реальность.

Белар ждал этого и боялся, но где-то глубоко в душе он почувствовал облегчение, потому что теперь выбирал между смертью дочери и предательством — решение было очевидно.

Отверженный заговорил, устало опустив веки, и его голос тихим шёпотом отразился от пустых бетонных стен в абсолютной тишине. Агенты молча ждали, когда он закончит, вероятно даже не вслушиваясь в его запутанные пояснения, ведь всё записывалось аппаратурой. А когда Белар уже не знал, что ещё можно им рассказать, озновцы молча собрали записывающие устройства в маленькие чемоданчики и вышли.

Белар долго сидел в темноте, прислушиваясь к своим ощущениям, но не чувствовал ни раскаяния, ни грусти: он был опустошён, словно перевёрнутая крынка молока, и теперь только мухи сомнения лениво бродили по всё ещё сладким стенкам. За окном постепенно рассветало, и мрак сменился прозрачными сумерками. Было душно и пыльно, хотелось пить.

Внезапно Белар заметил на полу перед собой какой-то странный предмет, напоминающий речной камень. Он лежал довольно близко, и в светлеющих сумерках его можно было хорошенько рассмотреть. Спустя несколько мгновений пристального изучения отверженный узнал в нём маленький проектор, на котором ему показывали живую дочь.

Белар чрезвычайно обрадовался: похоже, это агенты не заметили, как обронули портативный экран, и теперь стоило только притянуть его к себе ногой, и можно было ещё разочек увидеть Аишшу!

Отверженный изогнулся на стуле, вытянулся в струнку и, сквозь боль в запястьях от наручников, сумел дотянуться до округлой пластинки. Несколько минут он пытался включить экран, и когда, наконец, услышал знакомый хруст, жадно впился глазами в сияющую поверхность.

Снова над зелёным горизонтом проплывали пушистые белые облака, незнакомые колосья мягко полоскались на ветру живыми волнами и, кажется, даже слышался свист этого ветра. Изображение дрогнуло, повернулось... И вот она, Аишша!

Но что-то было не так. В бледнеющем свете предрассветного неба Белар с удивлением и страхом обнаружил, что юное тело его любимой дочери выглядит каким-то угловатым и неестественным на фоне травы и цветов. Он подтащил экранчик поближе, чтобы развеять свои глупые страхи, однако острое зрение не обмануть: изображение девушки было всего лишь наложено на живую картинку, создано на компьютере с использованием старых фотографий! Подделка была такой искусной, что лишь при свете дня можно было рассмотреть маленькие недочёты, раскрывающие истину. И жестокие агенты знали об этом, когда пришли ночью, чтобы обманом заставить Белара раскрыть своих друзей!

Несколько минут ошеломлённый Белар любовался фантастичным изображением, которое на несколько часов подарило ему надежду, а затем одним ударом раздавил небьющийся экран.

Охранники прибежали в камеру на дикий отчаянный крик горя; но когда бьющегося в судорогах отверженного отцепили от стула, тот был уже мёртв. У Белара остановилось сердце.

Глава 3.

Земля. Хойб. Больница Святой Антуанетты.

В комнате повисло напряжённое молчание.

— Баес?!

Откровенный испуг в глазах Ойтеп удивил сонитанина, и тот с подозрением глянул на держащего её за руку Йохана.

— Что-то не так? Эти люди обижают тебя? Ты можешь сказать мне, я знаю, они не понимают нашего языка!

Девочка остолбенела и выпустила ладонь Йохана.

— Н-нет... Они очень хорошо обращались со мной... Почему ты здесь?

Баес показал на свои бинты:

— Это же больница, — улыбнулся он и хлопнул себя по животу, сморщившись при этом от боли. — Я, правда, удивлён, почему меня ещё не навестили агенты Озна. Приходится объясняться с этим...,- Баес кивнул на стоящего рядом землянина в коричневой униформе. — Вероятно, Озну сейчас просто не до меня...

Улыбка сошла с его губ, и глаза потемнели:

— Что же? Остальных уже поймали?

Ойтеп секунду молчала, затем сделал шаг вперёд, и оперлась слабыми руками на спинку кровати.

До неё только дошло, о чём говорил Баес:

Озн нашёл её!

Сердце от волнения радостно заколотилось в груди, подпрыгивая у самого горла, ноги ослабели и сделались ватными. Ойтеп села.

Как же она сразу не догадалась, что эти люди работают на Озн? Они были так внимательны к ней, и заботливы... — просто невозможно в реальной жизни! Теперь всё встало на места: агенты охотятся за сообщниками Баеса, поэтому не могут лично появиться перед похищенной девочкой, и вместо них за Ойтеп приглядывают эти люди. Она в безопасности! И скоро отправится домой...

— Эй, с тобой всё в порядке? — участливо поинтересовался Баес, приподнявшись с кровати. — Ты не выглядишь счастливой, а ведь для тебя-то всё закончилось хорошо...

Ойтеп пожала плечами и взглянула на старую женщину, которая нерешительно стояла в дверях и наблюдала за происходящим, теребя в руках маленькую старую сумку. Теперь Ойтеп знала, что выражению её лица нельзя доверять, и эта печаль в глазах просто иллюзия. Но всё же стоило поблагодарить землянку за всё.

Девочка поднялась с кровати, решительно подошла к женщине и сурово пожала её ладонь.

В комнате снова повисло секундное молчание.

Старая женщина с удивлением заглянула в холодное лицо маленькой сонитанки, отшатнулась на мгновение, но всё же сумела справиться с собой, кивнула и быстро вышла из палаты. Йохан встревоженно выкрикнул знакомое слово: «Мама!»- и выбежал следом, оборвав разговор с коллегой в коричневой униформе на полу фразе. Однако вскоре он вернулся, расстроенный и сердитый.

На Ойтеп землянин даже не взглянул, и сразу же заговорил с другими землянином, бросая ему короткие резкие фразы:

— Так что же?!

Офицер в коричневой форме поджал губы.

— Я пошлю официальное заявление об инциденте с этим бритоголовым, но только когда главарь банды выдаст нам своего оператора! Ты же знаешь, он попросил сделку, а я не могу смухлевать — у этого черта связи кругом, даже в отделении!

— Зачем эта отсрочка в заведении дела? — удивился Йохан.

— Новые правила, — поморщился Майер. — Если я затяну протокол, это будет считаться юридической ошибкой при задержании: возможность незаконного задержания, моральный ущерб подозреваемому, и всё такое.... Адвокат вытащит сукина сына из-за решётки на раз два!

— А то, что он у тебя за решёткой неофициально просидит неизвестно сколько — это ничего?

— Пусть потом доказывает, что его раньше задержали!

— И ты готов так подставиться ради поимки организатора? Оценят ли это?

— Кевальца я всё равно рано или поздно засажу — он давно под моим наблюдением, — махнул рукой Майер. — А вот к организатору я впервые подобрался так близко! Пострадавший — иностранец; если и предъявит мне какие-нибудь обвинения — уже будет действовать тот самый параграф о протокольной ошибке. Так что смотри, Циммерман, не вздумай докладывать начальству — это моё дело!

— Как знаешь, Карл, — вздохнул Йохан, скрестив руки на груди. — Только — нехорошо это. Человека ножом пырнули, а ты даже дело не завёл, и собираешься отпустить преступника... Впрочем, поступай как знаешь...

— Не переживай! — посветлел офицер, и даже хлопнул товарища по плечу. — Пока всё это дело не устаканится, девчонка поживёт в соседней палате! Я даже приставлю к ним охрану на всякий случай — всё-таки, от оператора можно ждать чего угодно...

— Уж позаботься о ней, — хмуро проворчал Йохан, и, не взглянув на Ойтеп, вышел из палаты.

Как и обещал Майер, Ойтеп поселили в соседней с Баесом палате. И поскольку она не была больной, а Баес уже шёл на поправку, сонитанам разрешили выходить в больничный парк на прогулки.

По началу девочка опасалась лишний раз появляться на улице: все её мысли теперь были заняты возвращением домой, и она не хотела заразиться. Но после двух дней безвылазного заключения в комнате, Баесу, наконец, удалось уговорить свою соседку прогуляться с ним и подышать свежим воздухом.

Они вышли в парк вечером, когда солнце уже опустилось за дальнюю кромку деревьев, и красно-оранжевыми искрами рассеялось по песчаным тропинкам.

Баесу всё ещё было трудно ходить, поэтому они не стали забираться слишком далеко и устроились на ближайшей лавочке с простеньким столом для шахмат. В парке в это время уже почти никого не было, и сонитане могли без опаски поговорить на своём языке, по которому оба соскучились. Ойтеп с удовольствием откинулась на спинку лавочки и запрокинула голову:

— А-ах! Какое красивое небо! Странное, но красивое!

— Да, — мрачно вздохнул Баес, и тоже откинулся назад.

Девочка с удивлением взглянула на обычно такого жизнерадостного сонитанина, и насторожилась.

— Звёзды почти как на Соните, но я не узнаю созвездия, — осторожно произнесла она, не сводя глаз с напряжённого лица собеседника. — А ты?

— Тоже нет, — опять печально вздохнул он. — На самом деле, это невозможно, Ойтеп. Мы смотрим на те же самые звёзды, но с другого конца галактики, и они выглядят совершенно иначе.

— А, вот в чём дело...

Они ненадолго замолчали, глядя в темнеющее небо, на котором всё ярче и ярче проступали голубые искры.

— Не знаю, сколько мне ещё осталось любоваться Млечным Путём с этой стороны, — вдруг произнёс Баес, и Ойтеп заметила, что он быстро протёр глаз. — Ну да ладно! Расскажи мне лучше, чем ты будешь заниматься, когда вернёшься на Сониту? — вдруг улыбнувшись, попросил сонитанин.

— Эмм... Ну, я надеялась благополучно сдать экзамены и устроится на работу! Может быть, даже пойду по стопам отца...,- девочка рассмеялась. — Глупо, наверное!..

— Вовсе нет, — улыбнулся Баес. — Я в детстве тоже хотел походить на своего отца. Он был преподавателем в школе искусств, до того как его признали отверженным. Я часто приходил к нему на работу: смотрел, как рисуют другие ученики, даже пробовал однажды сам вести в младших классах. Правда тогда я ещё не знал, что спустя всего пару лет «правосудие» доберётся и до меня.

— Но за что тебя отвергли?! — страшно прошептала Ойтеп и тут же покраснела от собственной бестактности. — Ну... то есть, ты же выглядишь совершенно нормальным, я бы никогда не подумала!..

Баес рассмеялся и тепло посмотрел на девочку.

— Да уж! Я был пай-мальчиком в школе, не припомню, чтобы хоть раз на меня жаловались учителя или соседи. Но вот однажды моего отца приговорили прямо на моих глазах, и это так повлияло на меня... В общем, я устроил погром в школе искусств: набросился на судей, и, кажется, расцарапал прокурору лицо...

Глаза Ойтеп расширились от удивления и ужаса.

— После этого меня отправили в специальную лечебницу. Потом, правда, выпустили, но я уже через пол года встретился с тем самым прокурором и обвинением для себя.

— Вот как... Значит, тебя приговорили за дело?

— Похоже на то. Но, знаешь, я ещё ни разу не раскаялся в содеянном, и не собираюсь! Понимаю, как это ужасно звучит для тебя, наверное, в твоих глазах я монстр! — усмехнулся Баес и отвернулся.

Ойтеп вдруг почувствовала необыкновенную жалость к этому отверженному сонитанину, который был практически её ровесником. Не смотря на всё, что он сделал, она не могла сердиться на него!

Девочка взяла руку Баеса в свои ладони и сжала.

— Ты единственный был так добр ко мне, когда я подвернула ногу! Ты ухаживал за мной, и нёс на руках, хотя мог вести себя, как и все остальные! Спасибо тебе, Баес...

Юноша замер от неожиданности и несколько мгновений не мог пошевелиться, а потом вдруг порывисто обнял девочку и сильно прижал к себе.

— Ты даже не представляешь, как эти слова много значат для меня! — выпалил он, но быстро опомнился и отпустил девочку. — Извини!

Ойтеп покраснела до ушей, но всё же сумела выдавить из себя:

— Ничего...,- а что ей оставалось делать? Связалась с отверженным — получай шквал эмоций.

Девочка улыбнулась.

— Ладно! Поздно уже, пойдём в корпус, а то дежурная медсестра опять накричит на нас!

Баес оглянулся на тёмный опустевший двор больницы и остался сидеть:

— Ты иди, а я ещё минуточку подышу свежим воздухом.

— Ну, хорошо...,- пожала плечами Ойтеп и зашагала по песчаной дорожке к освещённому входу.

Перед дверью она оглянулась, чтобы помахать Баесу, но того на лавочке уже не оказалось. Девочка осмотрелась по сторонам, однако в темноте ничего не разглядела. Это было странно, и что-то в груди Ойтеп тревожно зазвенело, предчувствуя недоброе. Все разговоры Баеса за вечер, его воспоминания о прошлом и объятие напоследок...

— Ба-ес! — она выбежала из освещённого круга, чтобы лучше видеть в темноте, и закричала снова, — Э-эй!

Но никто ей не ответил. Девочка вернулась к лавочке, на которой они сидели, и попыталась отыскать в песке следы сонитанина, однако разглядеть что-то в темноте было просто невозможно. Тогда она решила, во что бы то ни стало, найти сонитанина и побежала по дорожке, которая уводила вглубь парка, надеясь, что Баес пошёл именно туда.

В небе уже вовсю светила полная белая луна, деревья казались молочными и неживыми, и это пугало Ойтеп. В голове тут же вспыхнули воспоминания, о том, как она мчалась сквозь ночной лес, спасаясь от Кирма и Озварда. Девочка стиснула кулаки, пытаясь внушить себе, что ей ничто не угрожает в больничном парке, однако сердце не слушало доводы разума, и когда где-то совсем близко ухнула сова, Ойтеп в ужасе бросилась в сторону, не глядя под ноги. Как и следовало ожидать, она тут же споткнулась о торчащую корягу и с диким воплем скатилась с тропы, закутавшись в палые листья, как разведчик в маскировку.

— О, Сонита! Ты в порядке, Ойтеп?! — почти сразу услышала она взволнованный голос Баеса, и увидела его на освещённой дорожке вверху.

— Я здесь!

Сонитанин быстро спустился по склону и помог Ойтеп подняться.

— Что ты здесь делаешь так поздно?! Сказала же, что пойдёшь в палату! — сердито воскликнул Баес, ощупывая её руки и ноги. — Ну хоть целая... Так что ты здесь забыла, я тебя спрашиваю?!

— А ты?! — в ответ огрызнулась Ойтеп, вырвавшись из его рук и тщетно пытаясь стряхнуть с себя опавшие листья. — Думаешь, я не поняла?! Болтал что-то несуразное весь вечер, а потом вдруг решил один по парку прогуляться!

Баес схватил девочку за плечи и хорошенько встряхнул.

— Что ты болтаешь? Какое твоё дело?! Немедленно возвращайся в палату!

Он легонько толкнул её в сторону больницы, однако девчонка неожиданно решила проявить упорство и намертво вцепилась в его запястья.

— Нет! Я не дам тебе сделать этого!

— Да отстань ты уже от меня! — не на шутку рассердился сонитанин и резко швырнул Ойтеп на землю, однако не рассчитал силу и покатился вместе с ней.

Они вылетели на освещённую луной полянку, чудом избежав столкновения с деревьями. Девочка тут же вскочила на ноги и толкнула поднимающегося Баеса в плечо.

— Дебил! Ты нас чуть не угробил!

Отверженный осел на землю от неожиданности, и вдруг расхохотался, глядя на взбешённую Ойтеп.

— Чего смеёшься?! — ещё сильнее разозлилась девочка, и вдруг увидела на плече Баеса кровавый отпечаток ладони. — Что это?..

Она посмотрела на свои руки, и поняла, что все они измазаны кровью.

— Что происходит?! — Ойтеп непонимающе взглянула на Баеса, а тот вдруг нервно одёрнул рукава рубашки.

— Покажи, — сурово приказала девочка, и когда парень ничего не ответил, она сама упала перед ним на колени и задрала обтрёпанные рукава.

На одной из рук чернел и кровоточил свежий надрез прямо над припухшей веной. Маленькая сонитанка, как замороженная смотрела на воспалённую ранку, и не могла вымолвить ни слова.

— Не успел закончить, — улыбнулся Баес, печально глядя на слабо пульсирующую кровь. — Услышал твой крик и бросился на помощь. Думал, что-то случилось...

Ойтеп со всей силы влепила ему пощёчину и в сердцах выкрикнула:

— Дурак! Отрывай второй рукав, надо перетянуть рану!

Оглушённый Баес повиновался без возражений, и вскоре на его руку легла тугая повязка из больничной рубашки.

— А у тебя неплохо получается, — заметил он как ни в чём не бывало. — Подумай о том, чтобы стать доктором, по возвращении на Сониту.

— Я то подумаю! — вся на нервах огрызнулась девочка. — Лучше объясни мне, чем думал ты, когда затеял всё это?! Совсем жизнью не дорожишь?!

Баес поднялся на ноги и отвернулся от неё, подставив лицо лунному свету.

— Ты забылась, Ойтеп... Может я и выгляжу как нормальный сонитанин, и ты даже предполагаешь, что я могу стать твоим другом там. Но вспомни-ка, кто я такой, и что ждёт меня на Соните за похищение троих школьников? Жизнь отверженного не стоит ничего.

— Общество никогда не поступит так! — горячо возразила девочка. — Я буду давать показания в твою защиту, и они оставят тебя в покое! В любом случае, покончив с собой, ты всё равно ничего не добьёшься!

Баес повернулся к ней лицом и заулыбался:

— Какая же ты ещё глупенькая и наивная! Всего лишь маленькая школьница, а уже такая храбрая! — он взял её двумя пальцами за подбородок и легонько поцеловал в губы. —

Пойдём в больницу, а то нас уже обыскались, наверное.

Юноша быстро схватил её за руку, и потащил за собой; он очень торопился, словно пытаясь убежать от самого себя, и Ойтеп едва поспевала за ним. Девочка даже не успевала оглядываться по сторонам, и думала только об одном — что с ней произошло.

Баес прикоснулся к ней губами!

Так делали земляне, выражая свою симпатию и любовь. Но что могло означать прикосновение сонитанина?

В любом случае, сердце её колотилось в груди так, что отдавалось шумом в ушах; а щёки пылали огнём.

Глава 4.

Земля.

Вольтес проснулся от того, что двое мужчин схватили его за шиворот и грубо выволокли из кузова на бетонный пол. Мальчишка попытался сопротивляться, однако земляне были слишком крупными противниками, и быстро утихомирили его несильным ударом по голове.

Когда Вольтес в последний раз был на ногах, машина, в которую они запрыгнул, спокойно неслась над землёй, а Лит спала в кресле напротив. Теперь же их маленький грузовик оказался припаркован в странном ангаре, до самого потолка набитом деревянными ящиками; а те самые люди, которые грузили мебель, стояли полукургом напротив и зловеще хмурились.

— Я не понял, что это вы притащили?! — послышался чей-то изумлённый голос, и Вольтес увидел худощавого землянина, который протиснулся сквозь толпу в синих комбинезонах и обалдело уставился на лысого мальчика.

— Он был в кузове, Кристоф! — плаксиво протянул один из амбалов, держащий Вольтеса за шкуру. — И с ним ещё девчонка!

— Девчонка?! Да вы что, совсем с ума посходили?!? — ужаснулся Кристоф. — Как они забрались в машину, по-вашему? На крыльях что ли взлетели?! Или вы, болваны, вместо того чтобы работать нормально — ушами хлопаете?! Что я скажу оператору, когда он узнает об этом? Ребятишек то придётся — того!

Кто-то из землян ухмыльнулся при этих словах, а некоторые взглянули на суетливого Кристофа из подлобья и скрестили руки на груди.

— Да что нам мальчишка сделает-то? — наивно вскинул брови туго соображающий амбал. — Он же ещё ребёнок! Выкинем его где-нибудь в пригороде, и дело с концом!

— Ронни верно говорит, — поддержал товарища второй здоровяк. — Вышвырнем их подальше, оператор ничего и не узнает!

— Ну конечно! — с немалой долей колебания пробормотал Кристоф, жалостливо оглядывая выраженного в лохмотья пацанёнка. — Когда это оператор ничего не узнавал...

— Кристоф как всегда прав, — неожиданно прогремел под сводами ангара усиленный динамиками голос, и земляне мгновенно поникли, оглядываясь непонятно на что. — Именно поэтому я поставил его над вами.

Ненадолго повисло гнетущее молчание, и Вольтес наконец понял, что голос разносится по ангару через маленький летающий динамик, повисший прямо над их головами.

— Надеюсь, хоть груз вы сумели доставить благополучно? — вкрадчиво поинтересовался голос, и Кристоф мгновенно засуетился, выхватывая из рук своего помощника длинную чёрную коробку.

— Всё в целости и сохранности, как вы и просили!

Летающий динамик ошетинился тонкими усиками и просканировал коробку.

— Хорошо. Отправьте мне её вместе с «зайцами». Я хочу поближе рассмотреть наших

непрощенных гостей.

Услышав это, Ронни притянул мальчишку к себе и оскалился:

— Не отдам. Кристоф, это же маньяк, мы не можем так запросто скормить ему детей!

— Не дури! — разозлился прораб и вцепился в тонкую рубашку Вольтеса с другой стороны. — Ты слышал, что оператор сказал?

Но Ронни явно было плевать: в то же мгновение он бросил воротник мальчика и со всей дури «зазвездил» Кристофу огромный синяк под глазом. Хлипкий Кристоф взлетел в воздух, словно птица, и мучным кулем прокатился по шершавому бетону несколько метров.

— Не отдам..., - низко прорычал озверевший амбал и занял оборонительную позицию.

Его товарищи растерялись, не зная, что и предпринять: связываться с дюжим Ронни было опасно для жизни, в этом они уже убедились на примере своего прораба; но и с оператором иметь дела никто не хотел.

В конце концов, потасовку разрешил сам оператор, точнее его динамик: металлический шарик вдруг ошетинился острыми иголочками, засверкал и разрядился электрической молнией, угодившей Ронни точно в грудь. Амбал упал на бетон как подкошенный, едва не придавив своей тушей перепуганного Вольтеса, и его тело ещё несколько секунд подёргивалось от выходящего из ладоней и ступней электричества.

Мальчик хотел было закричать, но его горло внезапно сдавила чья-то сильная рука, и он почувствовал, как болтается в воздухе прямо перед смертоносным динамиком.

— Хорошо. Грузите его в контейнер вместе с оружием и девчонкой. А этого болвана отвезите к нашему доктору, он знает что делать.

Несколько мгновений извивающегося Вольтеса тащили за шкурку, а затем бросили в какую-то металлическую коробку и закрыли там. Не успел он опомниться, как сверху на него свалилось неподвижное тело Лит, и снова наступила тьма. Мальчик попытался выбить крышку металлического короба, однако тот был заперт на автоматический замок, и даже на щелочку не приоткрывался. Вольтес тщетно разбил себе несколько пальцев, надеясь хотя бы наладить поток воздуха в герметичную коробку, но поняв, что это бесполезно, уселся на дно, осторожно перевернул девочку на спину и положил её голову себе на колени. Он не понимал, что происходит, однако сердце подсказывало ему — нужно как можно скорее убираться от этих людей.

Постепенно мальчиком овладела странная сонливость, и кровь застучала в ушах, словно ритмичный морской прибой. Вольтес понял, что задыхается, однако ничего не смог поделать: его тело обмякло и налилось свинцом, голова закружилась, а сознание пластмассовым шариком укатилось куда-то в сторону из опрокинувшегося тела.

Юношу разбудило мягкое прикосновение пальцев. Он осторожно приоткрыл глаза и потянулся, всё ещё не вспоминая о том, что произошло перед тем, как сон принял его в свои мёртвые объятия. Вокруг было светло и просторно; покрытые жемчужной побелкой стены уходили далеко вверх и там сливались с куполообразным потолком из литых прозрачных стёкол на стальном каркасе. Вдоль стен тянулись многочисленные кровати и столы, образуя вместе с изгибом самой комнаты ровный круг, в центре которого на простом деревянном стуле восседал человек. Вольтес мигом сел в кровати и с подозрением уставился на удивительно спокойного землянина, который, сложив руки на груди и закинув ногу на ногу,

бесцеремонно разглядывал ребёнка.

Это был взрослый мужчина лет пятидесяти, в круглых очках и с такой ослепительной сединой, что глаза невольно приковывались к ней, как магнитом, и оторвать их было уже невозможно.

Наконец джентльмен поднялся на ноги, оправил свой безупречный шерстяной костюм кофейного цвета и, приблизившись к мальчику, поманил его пальцем. Вольтес тут же подпрыгнул прямо на кровати, чтобы сравняться ростом с противником, и сделал нелепый, чисто интуитивный выброс ногой в его сторону. Удар едва не достиг цели: землянин со вздохом изумления вовремя увернулся от несущейся в грудь пятки, и еле успел поймать потерявшего равновесие Вольтеса. Они оба повалились на старый затёртый паркет, однако паренёк, проявив чудеса изворотливости, тут же вцепился зубами в спасительные руки и вырвался на свободу. Непрочная деревянная дверь в комнату оказалась не заперта; он бросился вперёд по тёмному коридору, но спустя всего несколько метров наткнулся на холодный металлический люк с тяжёлым поворотным механизмом и понял, что ему не уйти. Светлую арку прохода впереди заслонила высокая человеческая фигура, и внезапно Вольтес понял, что слышит до боли знакомый ему, родной язык:

— Иди сюда мальчик, и не бойся — тебя никто не тронет.

Голос, произносивший эти слова, будто звучал в его собственной голове, но в представлениях Вольтеса даже помыслить о таком было выше допустимого, и юноша робко пошёл вперёд.

Мужчина ждал, опершись на косяк свободной рукой, — в другой он держал странный предмет, напоминающий пульт управления.

— Иди за мной, — вновь услышал Вольтес приятный голос, но не успел заметить, как землянин произносит эту фразу.

Человек, тем временем, вышел в центр комнаты, обозначенный ровным кругом из прекрасно подогнанных паркетных досочек, и, дождавшись, пока мальчик встанет с ним рядом, нажал несколько кнопок на пульте. Пол завибрировал, и неожиданно деревянный круг воспарил над комнатой, вознося мальчика и его странного проводника всё выше и выше к самому куполу, который при ближайшем рассмотрении оказался гигантским мыльным пузырьём, натянутым на прочный каркас.

Иного объяснения у мальчика не нашлось, потому что мягкие секции купола ходили волнами под внешними порывами ветра и переливались яркой неестественной радугой, преломляя солнечный свет.

Деревянный диск поднёс их к самому куполу и остановился ровно в таком положении, чтобы мальчик сумел дотянуться до прозрачного жидкого материала потолка. Вольтес не преминул воспользоваться такой возможностью и погрузил пальцы в толщу переливающегося шара. Рука свободно прошла насквозь, даже не увлажнившись, и он ощутил мягкое дуновение тёплого ветра на своей коже.

— Что это? — воскликнул сонитанин в восхищении. — Что за чудесный материал?

Но землянин не ответил, и пришедшая в движение платформа вынесла их сквозь прозрачный пузырь вверх, к облакам. Послышался странный бутылочный глоток, и Вольтес успел заметить, как мыльный пузырь схлопнулся над комнатой, оставив металлический каркас голым и опутанным какой-то молочной паутиной.

Диск начал набирать скорость, и мальчик в волнении схватился за спокойно стоящего мужчину, который равнодушно смотрел вперёд невидящим взором.

— Что происходит, где мы?! — пытаюсь перекричать ветер, завопил Вольтес, однако землянин и на сей раз не ответил ему, продолжая править нелепым летательным аппаратом.

Наконец, оглушительный ветер затих, показались деревья и крыши домов, и мужчина, оставив Вольтеса одного, вдруг спрыгнул вниз с высоты в несколько метров. Припавший к диску юноша успел заметить, как тот начал планировать, расставив руки в стороны, и мягко приземлился на траву, совершенно не навредив себе. Землянин дождался, пока деревянная платформа поравняется с его головой, резко нажал руками на края — и мальчик кубарем скатился с широкого диска на траву, пребольно ударившись поясницей.

— Что за шутки! Объяснитесь немедленной, иначе я с вами больше никуда не пойду! — крикнул сонитанин, потирая ушибленную поясницу.

— А больше никуда и не надо идти, — спокойно отвечал человек, и на этот раз мальчик отчётливо заметил, что он не размыкает рта, и звук исходит сразу отовсюду. — Ты на месте, мальчик. У тебя есть пять минут.

И землянин исчез.

Буквально растворился в воздухе, внезапно и безо всякого предупреждения. Юноша ойкнул, быстро отодвинулся в сторону и огляделся. Никого не было рядом, только деревья с тихим шелестом покачивались на слабом ветру, да несколько бабочек порхали с цветка на цветок, совершенно не беспокоясь о сонитанине поблизости.

«Пять минут? Но на что? О, Великая Сонита, быть может, это просто сон?!»

Однако в ту же секунду что-то неуловимое привлекло внимание юноши, и, оглянувшись, он вскрикнул от неожиданности, не вполне сознавая, кто перед ним.

— Лит?!.. О, слава Соните, с тобой всё в порядке! — мальчик кинулся обнимать свою бедную одноклассницу, как вдруг его руки прошли сквозь её маленькое тело насквозь и упёрлись в мягкую землю.

— Не пытайся, ты не сможешь прикоснуться ко мне, — печально вздохнула девочка, и вдруг разревелась, тщетно прикасаясь к рукам юноши. — Они держат меня здесь взаперти, и говорят, что это для моего же блага! Но я знаю, что это не так! Помоги мне, Вольтес, тут страшно, и я хочу обратно!

Она плакала так жалостливо, что в груди мальчика всколыхнулась жестокая волна негодования: он вскочил на ноги, задрал голову к синему безмятежному небу и заорал, что есть мочи:

— А ну, покажитесь, презренные животные! Что трусили?! Девчонок обижать можете, а на меня силы не хватает?!

Но сколько он ни кричал, и не грозил кулаком в пустоту — никто так и не появился, только свет внезапно померк, и мир провалился в Тартарары. А спустя всего мгновение где-то очень близко засияли две красные полосы, увенчанные редким частоколом, и Вольтес понял, что видит собственные веки.

Он резко открыл глаза и сел, однако острая боль в висках заставила его тут же откинуться на подушку, чтобы не потерять сознание. Юноша попробовал пошевелить руками, и обнаружил, что они крепко привязаны широкими кожаными ремнями к поручням кровати. Он попытался разглядеть, что с его ногами, которые почему-то также отказывались повиноваться, но голова оказалась чрезмерно тяжёлой и словно онемела. Мальчик натужно запыхтел, всеми силами стараясь перебороть ужасную боль и хотя бы сесть в кровати, как вдруг в странную комнатку, обвешанную со всех сторон белыми полотнами, заглянул уже знакомый ему седовласый землянин и, вскрикнув, бросился укладывать его назад.

— Пусти, пусти меня, животное! Где Лит?! Что вы с ней сделали?! А-а-а! Помогите кто-нибудь!

В комнату вбежали ещё несколько человек в белых халатах, но вместо того, чтобы оттащить от несчастного мальчика этого кровожадного маньяка, они принялись помогать ему, и вскоре Вольтес был надёжно спелёнат по рукам и ногам.

— Звери, животные! — не унимался мальчишка, продолжая отчаянно извиваться. — Ли-ит! Где она?! Куда вы её спрятали? Ли-и-ит!!!

Земляне о чём-то тихо переговорили меж собой и обратились к седовласому джентльмену, который самым обыкновенным способом ответил им на непонятном сонитанину языке. Мальчик даже удивился, заметив, что губы загадочного изверга умеют шевелиться, произнося слова — такое сильно впечатление на него произвело их первое знакомство.

Согласовав действия, люди вооружились загадочными инструментами, вплотную подошли к голове обездвиженного юноши, и вдруг начали снимать с неё какие-то железки, смоченные по краям кровью. Вольтес следил за их манипуляциями с удивлением и ужасом: он внезапно понял, почему голова казалась такой тяжёлой и онемевшей — эти невежественные животные просверлили отверстия в его черепе и установили какую-то нелепую конструкцию, соединённую прямо с мозгом. На этот раз юноша предпочёл не шевелиться без веской причины и терпеливо дождался, пока последние элементы прибора будут сняты с его головы, а специальный герметик склеит кожу и закупорит отверстия в черепе. Его била мелкая дрожь, а к горлу то и дело подкатывала тошнота, но он крепко держался и не проронил ни стона, пока живодёры уравнивали кожу на его голове, чтобы она не пошла буграми после герметика.

Наконец, инженеры перекинулись парой фраз со своим седовласым командиром и, собрав детали чудовищного устройства в отдельные ящички, вышли вон, оставив бедного покрытого испариной юношу наедине с преступником.

Теперь он сидел: ему придали сидячее положение, чтобы затвердевающий гель не прилипал к наволочке подушки. Однако на этом закончились все попытки Вольтеса изменить своё положение в пространстве к лучшему.

Седовласый землянин в круглых очках уселся напротив и принялся изучающе разглядывать мальчика — совсем как во сне, но на этот раз юноша заметил в нём некоторые перемены. Мужчина выглядел гораздо старше и измождённее, его лицо покрывала сетка неглубоких, но таких частых морщин, что казалось, будто однажды в детстве он запутался в рыболовной сети, и теперь до самой старости носит этот знак отличия. Белоснежная седина уже не казалось такой притягательной, и Вольтес заметил в ней неприятный свинцовый оттенок.

Сидящий перед ним человек — был всего лишь человеком; а то, что привиделось юноше в безумно правдоподобном кошмаре скорее походило на отображение реальности в кривом зеркале. Удивительно правильном кривом зеркале.

Землянин устало поднялся со стула и пересел на кровать поближе к юноше. Вольтес гневно посмотрел на него, однако не вымолвил ни слова, всё ещё находясь в некотором оцепенении после пережитого шока. Тогда мужчина осторожно положил ладонь на его правое плечо, и тело юноши мгновенно пронзила острая боль.

— А! А-а-а!

— Тише, тише, мальчик! Сейчас это пройдёт, и ты совершенно не будешь чувствовать.

Вольтес медленно повернул голову, чтобы не вызвать ещё одного взрыва оглушающей боли, и взглянул на руку землянина: длинные пальцы человека прикоснулись к металлической пластине, которая была словно припаяна к воспалённой коже мальчика.

— Что вы со мной сделали?! — в ужасе прошептал он и попытался отклониться в сторону, чтобы землянин не касался его.

— Осторожнее, — не размыкая губ, произнёс человек, и его голос вдруг будто прозвучал у Вольтеса в голове, — если ты разорвёшь контакт, пострадаем мы оба. Этот предмет не причиняет тебе вреда, с его помощью ты будешь понимать меня, а я тебя. Не так-то уж это и плохо, как по-твоему?

Вольтес нерешительно взглянул на человека и подумал про себя, что, должно быть, они вшили ему под кожу какой-то передатчик варварской конструкции.

— Так и есть, — внезапно прозвучал ответ землянина, и юноша почувствовал, как на его голове кожа поднимается сотнями мурашек.

— Как вы услышали?! — шёпотом спросил он, всё ещё опасаясь шевелить мускулами лица. — Это фокус какой-то?

— Вовсе нет. Если ты слышишь мои мысли, тебе не кажется разумным, что я тоже должен слышать твои? — таков был ответ. Землянин как можно снисходительнее улыбнулся и крепче сжал воспалённое плечо. — Пока тебе больно, но через пару часов всё это пройдёт, и ты совершенно не будешь чувствовать Зеркало.

— Зеркало? — переспросил Вольтес, и вдруг понял, что чересчур увлёкся. — Где я? Где Лит?! Вы держите её взаперти..., ведь это был не сон, так?!

Мужчина нахмурился и презрительно дёрнул носом.

— Это для её же блага! — но увидев, что мальчик и на йоту не поверил ему, он со вздохом добавил, — Если ты пообещаешь мне, что не станешь вырываться, я провожу тебя к ней, и ты сам всё увидишь.

Вольтес не собирался доверять коварному землянину; тем более что в его памяти вдруг отчётливо всколыхнулись события, произошедшие перед тем, как бандиты засунули его вместе с Лит в герметичный ящик. Но соблазн увидеть девочку живой был настолько велик, что юноша согласно кивнул и мысленно подтвердил уговор.

— Хорошо. Только помни, если ты вырвешься и мы потеряем связь, обоим будет очень больно, — пригрозил человек, распутывая «оковы» пленника. — Ну вот, можешь вставать без опаски, тот первый приступ не повторится.

Вольтес осторожно поднялся на слабые, дрожащие ноги и сделал несколько шагов, не забывая о связующем плече. Убедившись, что мальчик в состоянии идти, землянин вывел его из импровизированной палаты, сооружённой из передвижных реек с натянутыми белыми полотнищами, и подтолкнул в сторону дальнего конца огромного помещения, заставленного точно такими же самодельными комнатками.

— Где мы? — мысленно поинтересовался юноша, проверяя, услышит ли его человек.

— Это больница. Не настоящая, конечно, нам приходится импровизировать, чтобы выжить. Но здесь собрались лучшие врачи, каких ты только можешь себе представить.

— Сомневаюсь, — тут же, безо всякого подчинения хозяину, потекли мысли Вольтеса. — Сонитанские учёные кому угодно дадут фору, тем более каким-то полуживотным. Ой!

— Не стоит беспокоиться, я предполагал именно это, — совершенно непонятно ответил мужчина, мысленно усмехаясь. — Конечно, землянам не стоит состязаться с твоими сородичами, Сонита давно обогнала нас по всем статьям. Именно поэтому здесь собрались лучшие врачи... Вот мы и пришли!

Седовласый мужчина без промедлений откинул белое полотнище в сторону, и расширившимся от удивления глазам Вольтеса предстала примерно такая картина: маленькая титановая койка, застеленная матрасом из анабиотического геля, над ней раскинулся полимерный купол синевато-зелёного цвета, вероятно, непроницаемый. К нему шло множество трубок от целого магазина баллонов с различными непонятными знаками, и было слышно, как газ с тихим шипением исходит через трубки в купол и обратно. Ну а на кровати лежала фарфоровая фигурка Лит, совершенно обнажённая и такая худенькая, что на неё страшно было смотреть.

— Что с ней?! — севшим голосом прошептал Вольтес.

— У твоей подруги отбиты едва ли не все внутренние органы, будь она простым человеком, ей бы не выжить, — просто ответил землянин, неотрывно глядя на исхудавшее личико сонитанки.

— Простым человеком? Что это значит? — удивился юноша.

— Ну, я имел в виду, не будь она Левигатом. Ты знаешь что-нибудь о Левигатах? — землянин пытливо взглянул на испуганного мальчика, и понял, что он знает. — Вероятно, простым сонитанам говорят, что мы чудовища и разбойники, но это совсем не так. Мы защищаем эти планеты, и больше, чем кто-либо другой, сознаём ответственность за наши народы. Попробай отбросить свою предвзятость и выслушать меня, мальчик.

Левигатами бывают как сонитане, так и люди. Мы вовсе не монстры, а разумные существа, чётко понимающие свои необыкновенные способности. Ты знаешь, что умеют делать Левигаты?

Вольтес отрицательно кивнул, скорее из страха, чем от незнания.

— Левигаты способны создавать своего духовного двойника, если хочешь, астральную проекцию, кому как нравится. Суть одна: мы можем путешествовать в пространстве на бесконечно огромные расстояния, не затрачивая при этом никаких заметных усилий. Это позволяет нам многое узнавать о мире, и по мере своих возможностей предотвращать назревающие катастрофы.

Землянин прислушался к ощущениям мальчика и понял, что сейчас говорить с ним бесполезно: юноша был так напуган, что даже мысли в его голове заступорились на одном единственном «бежать, бежать, бежать!», и он был глух ко всяким увещаниям.

— Послушай! — мужчина крепко встряхнул сонитанина за плечи. — Забудь, кто я, и где ты сейчас находишься! Главное, что Лит жива, и всё это благодаря её способностям. Если бы мы не заперли её сознание внутри тела и позволили ему свободно перемещаться в пространстве, непрочная связь между её оболочкой и душой могла бы оборваться навсегда! Понимаешь?! Как только её тело поправится, девочка снова оживёт, надо только немного подождать! Ты понял, что я сейчас сказал?

Но Вольтес безумными от ужаса глазами взирал на недовольного Левигата и молча ждал, что вот через мгновение это существо вселится в него и украдёт его душу.

Человек задумался о чём-то, презрительно скривился и с тихим непонятным звуком «дурак!» оттолкнул мальчишку.

Вольтеса словно ударило током: болезненная судорога прокатилась от самых кончиков пальцев на ногах до кончиков ушей, и тело вдруг стало как тряпка непослушным и бесчувственным. Он манекеном повалился на пол, и не сумел даже пошевелить глазами; постепенно сознание померкло, однако последние мысли успели зацепиться за болезненно скривившееся над ним лицо землянина, и Вольтесу приснился странный и страшный сон, про то, как он очутился на Земле в плену у полуживотных-левигов...

Глава 5.

Земля. Хойб. Больница Святой Антуанетты.

Впереди творилось что-то необычайное, и юный отверженный еле успел спрятать Ойтеп в ближайших кустах сирени, заслонив собой: все окна многоэтажной больницы светили, несмотря на поздний час; в небе над парком, точно летучие мыши, пикировали автомобили с мощными прожекторами, а десятки людей в бешеном волнении бегали по тропинкам с фонариками и жадными глазами всматривались в холодную синеватую тьму.

Благо луна как раз заплутала в неровным пологе перистых облаков и надёжно укрывала детей в тени густых и широких, как маленькие лодочки, листьев сирени.

— Неужели из-за нас подняли такой шум? — испуганно прошептала Ойтеп, дёргая напряжённого Баеса за рукав

— Тише...,- он был весь сжатая пружина, и даже не повернул головы, — слишком близко, могут услышать...

Девочка придвинулась ближе, и вдруг заметила в стиснутых руках отверженного юноши лезвие ножа. Её первым движением было схватить ладонь Баеса, но тот молниеносным движением убрал руку чуть в сторону, и Ойтеп схватилась за самое острие, едва не вскрикнув от пронзающей боли. Мальчик понял, что с девочкой творится что-то неладное, только когда она, нервно закусив губу, начала дёргать нож на себя.

— Что?! — шёпотом раздражённо поинтересовался Баес, недовольный, что его всё время отвлекают от наблюдений. — О, Великая Сонита, что ты сделала!

Он попытался разжать пальцы девушки, но Ойтеп свободной рукой быстро дала ему понять, что ещё немного, и она просто умрёт от боли, если не закричит. Тогда юноша осторожно потянул лезвие на себя, зажав сонитанке рот. Оно резко выскользнуло из стиснутой ладони, и кровь обильно полилась на траву, словно из прорвавшей плотины.

Ойтеп беззвучно заплакала, дрожа как осиновый листик на ветру. Здоровой рукой она вцепилась в рубашку Баеса, словно ища у него поддержки и защиты, и тогда мальчик привлёк её к себе и обнял, как это очень давно делала его мама, убаюкивая перед сном.

Успокаивая шокированную девочку, Баес даже не заметил, что по тропе напрямик к ним направляются двое человек, сливаясь с окружающей тьмой, как хамелеоны. Только белые воротнички их рубашек да редкие отблески луны на идеально чёрной материи и блестящих запонках, давали некоторое представление о незнакомцах. Они двигались точно куклы, марширующие на плацу маленького военачальника, и Ойтеп невольно замерла, когда поняла, что они сбавляют темп перед их «убежищем». Девочка предостерегающе впилась в плечо Баеса, который продолжал обнимать её, и шепнула, чтобы тот не шевелился. Незнакомцы перестали маршировать и остановились всего в нескольких метрах от зарослей сирени.

— ... не думаю, что мы найдём их сегодня, отверженные умеют прятаться в лесу, даже незнакомом. Нужно дождаться дня. Парк уже оцеплен военными?

— Да, я распорядился об этом, пол часа назад... Но ты же знаешь, Лаам, наши

возможности здесь не безграничны. Завтра полковник может отозвать своих людей, и едва ли мы добьёмся каких-то результатов через здешние инстанции...

Человек с очень странным именем «Лаам» вздохнул и повернулся профилем к внимательно следящей за ним Ойтеп — девочка разглядела шикарную копну волос на его голове.

— Да уж, местная волокита просто поражает меня. Другое дело Сонита... как давно я там не был! Начинаю уже забывать, как хорошо бывает среди цивилизации.

Его собеседник коротко усмехнулся, почти не разжимая губ, и расстегнул верхнюю пуговичку воротника.

— Размечтался! Ох, духота какая... Мы с тобой всего лишь пол года на Земле, никто не отпустит нас домой, приятель!

— Ты вечный скептик Мезра! — тут же возмутился Лаам. — Умеешь ведь испортить настроение... Вообще-то нам полагается премия за этого выродка, Белара Ротерга, могли бы и отпустить! Как будто на Кармарине мало сотрудников просто так прохлаждается.

— Насколько мне известно, Ротерга умер в том подвале, и виноват в этом не кто иной, как ты, мой дорогой Лаам, — певуче заметил Мезра, так убедительно передразнивая телодвижения людей, что Ойтеп ни на секунду не усомнилась — перед ней землянин, который просто неведомым кошмарным образом разузнали всё о Соните, и теперь даже разговаривал на её прекрасном языке.

— Ты обронил Виджер, — продолжал насмехаться Мезра над своим товарищем, — и теперь нас не только премии лишат, но ещё (избавь Великая Сонита!) заставят отлавливать всех оставшихся полуживотных!

Лаам сокрушённо вздохнул и посмотрел вдаль, туда, где заканчивалась тропинка, петляя между стволов деревьев замысловатой тесьмой.

— Хорошо бы всё это не напрасно! Найдём ли мы живой малышку Ньюон? Доживёт ли она до утра в лапах этого дикаря? — он покачал головой и прикрыл глаза. — Знаешь, я ничуть не жалею, что это зверьё подышает, надеюсь, Баеса Керава ждёт та же участь.

— Если захочешь, — неожиданно тихо произнёс Мезра, поворачивая обратно и увлекая за собой товарища, — так и случится. Премии нам всё равно уже не видать..., а на присяге мы клялись уничтожать врагов Сониты и её граждан.

Лаам внимательно посмотрел на источающего все эти мерзости сонитанина, и вдруг согласно кивнул, заложив руки за спину.

— Только пообещай мне, Мезра, что на этот раз мы согласуем всё заранее, и нас не отправят на психологическое дознание во второй раз.

— О! Наше общество всегда было слишком чувствительно к двуногим гадам, — согласно вздохнул озновец. — Они так трясутся за наше моральное здоровье, как-будто забыли, что мы не какие-то там убийцы, или военные Земли, а всего лишь охотники за скверной живностью! Не понимаю, какое нарушение в психике может вызвать, к примеру, заклание бычка? Мясников же они не проверяют!..

— Не знаю, мой друг, не знаю... скорее, это учёные беспокоятся, чтобы мы не опомнились и не истребили всю их исследовательскую базу. Вот и вся забота...

Мезра рассмеялся и бросил что-то язвительное в ответ, продолжая вести себя ну совершенно как человек. Однако Ойтеп уже поняла, кто прошли перед ней, и почему-то девочке совершенно расхотелось выходить к своим «спасителям» со слезами радости на глазах. Она крепче обняла неподвижного Баеса и закрыла глаза, напрасно пытаясь забыть

всё услышанное.

— Видишь...

— Не говори ничего! — тонко вскрикнула девочка и затряслась от истерических беззвучных рыданий. — Не говори!.. Просто уйдём отсюда, куда-нибудь подальше, пожалуйста! Уведи меня отсюда! Это, должно быть, сон, только сон!

Баес осторожно поднял девочку на ноги и, осмотревшись по сторонам, быстро повёл её за собой вглубь парка, перебегая от одного дерева к другому. Возгласы ищущих людей становились всё глуше, прожектора машин едва пробивались здесь сквозь густую листву, и не могли обнаружить фигурки детей. Вскоре отверженный перешёл на лёгкий бег, и спустя каких-то полчаса они достигли опушки густой рощи, за которой начинался высокий бетонный забор в полтора человеческих роста.

— Нам не перебраться...,- тоскливо вздохнул Баес, глядя на отвесную плоскость, уходящую далеко вверх. — Нужно возвращаться обратно в лес...

Ойтеп без сил упала на землю под широким раскидистым деревом и выдавила из раскалённых лёгких:

— Больше не могу!

Юноша присел рядом, обнял руками колени и уставился в иссиня-чёрную бездну неба, расшитую горстями крупных звёзд.

На несколько мгновений воцарилась блистательная земная тишина, наполненная стрекотанием кузнечиков, шорохом тёмной листвы под редкими сонными порывами ветра, да тяжёлым дыханием девочки, которая не могла унять бешеный стук сердца. Где-то вдалеке пролетела машина с прожектором и опустилась далеко за пределами больничной территории. Из-за кружевной прослойки облаков выглянула кругленькая полная луна.

— Ойтеп, — неожиданно подал голос юноша, — тебе следует вернуться в больницу. Агенты Озна позаботятся о тебе, ты же слышала, что они говорили?.. Безопасность граждан для них превыше всего!

— Замолчи, — огрызнулась девочка и перевернулась на другой бок.

— Ты не понимаешь, — как ни в чём не бывало продолжил Баес, — рано или поздно нас всё равно найдут! Будет лучше, если это случится раньше...

Ойтеп резко села, затем встала и прошла вдоль забора.

— Отсюда должен быть выход...,- пробормотала она, ведя рукой по шершавому бетону. — Как думаешь, может где-нибудь дальше есть дерево, нависающее над забором? Надо сходить посмотреть...

Баес устало поднялся на ноги и вплотную подошёл к этой странной упрямце, полной решимости спасти его от смерти.

— Ойтеп, — он осторожно взял её за плечи и повернул к себе лицом, — я ценю твоё стремление помочь мне, но это сейчас совершенно бесполезно. Дома тебя ждут родители, представляешь, как они волнуются?

Девушка подняла на него мокрые от слёз глаза, и они блеснули в лунном сиянии как два агата.

— Ты хоть понимаешь, о чём сейчас говоришь?! — сдавленно прошептала она, начиная трястись как при ознобе. — Они всегда, всегда лгали нам! Лгали с самого рождения, а за спиной создавали вот этих монстров, которые ни во что не ставят чужую жизнь, кому бы она ни принадлежала! Убийцы и мясники разгуливают по Земле, а наше общество сидит на Соните и свято верит, что мы самые гуманные существо во Вселенной!

Ойтеп уже кричала во весь голос, и не могла остановиться. Весь её мир рухнул в пропасть, на дне которой плескалось море отчаяния и страданий, и девочке начинало казаться, будто она тоже причастна к его заполнению.

— Слышишь?! Слышишь?! Они учат школьников быть хладнокровными убийцами не хуже землян! Берут их прямо со школьной скамьи и заставляют давать эту ужасную клятву!!!

Девушка не выдержала и разрыдалась, содрогаясь всем телом. Наверное, за всю свою жизнь она не выплакала столько слёз, как этим ужасным вечером; а сердце внутри всё продолжало болеть и тянуло, не отпускало, отчего слёзы вновь и вновь подкатывали к покрасневшим глазам.

— Ну, успокойся, ну же, не плачь, Ойтеп... Ты расскажешь об этом на Соните, и всё изменится, вот увидишь!

— Никто мне не поверит!...- пробормотала девочка, уткнувшись в тёплое плечо друга. — Никто! Даже те, кто работают в Озне, ничего не знают об этом, как же я докажу им!.. Постой-ка...,- она вдруг остолбенела и подняла глаза на печальное лицо Баеса. — Или?!.. Все знают?!.. И правительство! И даже мой отец!? — её губы задрожали, она как зачарованная отступила на шаг от юноши и побрела куда-то в сторону, не вполне осознавая зачем.

Баес тут же догнал её, остановил, но девушка была в таком потрясении, что ничего не видела, и словно помешанная бормотала одно и то же: «Как? Как они могли допустить такое?..» Тогда юноша не нашёл другого выхода, и вlepил ей сильную пощёчину, чтобы Ойтеп хоть немного пришла в себя. Результат превзошёл все его ожидания: девушка вдруг затихла, схватившись ладонью за обожжённую ударом щёку, и вдруг подалась вперёд, обхватила руками шею Баеса и крепко прижалась губами к его губам в неловком поцелуе.

— Не оставляй меня, пожалуйста! Пообещай, что не оставишь! — она шептала эти слова, покрывая мелкими поцелуями всё его лицо, и юноша вдруг почувствовал, как тёплые солёные слёзы Ойтеп текут по его щекам. — Я буду делать всё, что захочешь... тебе нравится целоваться? Я буду целовать тебя! Только не бросай меня, мне так страшно!..

Баеса остро пронзили эти слова, и он отбросил девушку прямо на землю, еле сдерживая гнев.

— Прекрати истерику! Нам нужно подумать, как выбраться отсюда, чтобы не попасть в лапы к военным. Вытри слёзы и пошли искать чёртово дерево!..

Девочка послушно сделала всё, что он приказал, и через несколько минут они действительно наткнулись на раскидистый дуб, ветви которого далеко простирались за высокую ограду. Баес ловко взобрался по шершавому стволу наверх и, пользуясь моментом, пока необычайно яркая луна скрылась за облаком, тщательно разведal обстановку: неподалёку стояла машина, и несколько солдат беспечно курили сигареты, отвернувшись от предполагаемого места спуска в сторону мерцающего огнями города. Мальчик помог Ойтеп вскарабкаться на нижние ветви и приказал ей очень тихо следовать за ним след в след.

Девочка никогда не лазила по деревьям, но высоты она не боялась, поэтому когда крупная горошина луны снова закатилась за тончайшую бязь облаков, Ойтеп без колебаний проползла над двухметровой пропастью и ступила на бетонную стену.

— За мной, только тихо! — одними губами прошептал Баес, и они начали своё движение по забору, удаляясь от патруля. Спустя несколько метров показалась вторая машина, но ребят с неё не заметили, и Баес вовремя лёг на узкий конёк стены, слившись с

тёмной поверхностью.

— Нужно отползти пару шагов назад и спускаться, — еле слышно произнёс он и начал отползать, но девочка не успела сориентироваться и вдруг с отчаянным писком сорвалась вниз.

Послышался глухой шлепок падения; на второй патрульной машине зашевелились, и вскоре показалась фигура с маленьким фонариком в руке, жёлтое пятно которого лениво запрыгало по стене, приближаясь к тому самому месту, куда так неудачно рухнула Ойтеп. Наконец военный приблизился, и световой луч упёрся в жиденькое насквозь прозрачное деревце, пробившееся на волю из-под бетонной стены. Он повёл фонариком вверх, но и на стене также никого не оказалось.

— Нет никого! Кошки, наверное! — солдатик лениво сплюнул в пыль и побрёл назад, выключив фонарь.

Баес подтянулся на руках и осторожно выглянул из-за стены: военные не подняли тревогу, значит, Ойтеп каким-то образом удалось скрыться. Он перелез на другую сторону, снова повис на расцарапанных руках и мягко спружинил вниз, оглядываясь по сторонам. Девочки нигде не было. Не переставая удивляться, юноша перебежал через дорогу, залёг в траву, и прополз несколько метров перпендикулярно к забору, надеясь, что патруль выставлен только вдоль ограды. Наконец, оказавшись в безопасной зоне под прикрытием крошечного холмика, он повернулся лицом к больнице и начал осматривать местность, надеясь в свете луны обнаружить фигурку девочки. Каково же было его удивление, когда Ойтеп осторожно хлопнула его по плечу, появившись, словно из ниоткуда, у него за спиной!

— Я здесь! — довольно шепнула она, даже не пытаясь скрыть улыбку. — Слава Соните, успела откатиться к дороге... Как ты? Всё в порядке? Наверное, будет лучше убраться отсюда поскорее...

Баес кивнул, и они рысцой побежали в сторону города, укрываясь за холмиками цветущей садовой ромашки. Вскоре забор, окружённый военными патрулями, остался далеко позади, и только изредка пролетающие над головами машины заставляли детей пригибаться к земле.

Больница Святой Антуанетты стояла особняком, а поскольку человечество уже почти позабыло, что такое наземный транспорт, и поддерживало в рабочем состоянии лишь основные трассы, — все подъезды к больнице заросли бурьяном и неизвестно откуда занесёнными гигантскими подсолнухами, чёрные шляпы которых уже клонились к земле под тяжестью семечек. За пустырьём начинались маленькие садовые участки местных жителей, огороженные цветистыми оградками из дешёвых полу-прозрачных материалов, удачно имитирующих то горный хрусталь, то ажурные гранитные скалы. А за этим царством нелепой вычурности следовали жилые кварталы — сплошь белые лебеди типовых коттеджей, протянувшиеся стройными рядами улиц до самого центра, где ещё сохранились старинные здания из кирпича и крупного булыжника с красными черепичными крышами.

Улицы Хойба отлично просматривались с высоты холма, на котором располагалась больница, и Баес без труда сориентировался на местности, выбрав наикратчайший путь, ведущий из города. Коротким голосованием они с Ойтеп решили покинуть Хойб, пока это было ещё возможно, но вот куда двигаться дальше — этого юные беглецы пока не знали. Девочка предложила найти Кёнингсбронн — ту самую деревеньку, в которой её так радушно

приняла старая женщина. Однако доводы Баеса вскоре поубавили пыл Ойтеп: ведь именно оттуда сын старушки — Йохан — привез её во владения Озна, и было неизвестно, как примут земляне внезапно возвратившихся гостей.

Чтобы не натворить сгоряча глупостей, сонитане решили провести эту ночь в дикой рощице неподалёку от основного шоссе, а уже с утра определиться во всём остальном. До пригодных к ночлегу зарослей они добрались часам к двум ночи и практически мгновенно уснули, взобравшись на крепкие ветви небольшого дуба.

С первыми лучами рассвета Ойтеп открыла глаза и обнаружила, что дерево, на которое они взобрались впотьмах, было хорошо видно с дороги, так что любой проезжающий мог заметить двоих сумасшедших, решивших передохнуть в лесу у самого города. Девочка поспешила растолкать Баеса и они вместе спрыгнули на землю.

Спустя несколько минут стало понятно, что роща была высажена искусственно, и затеряться в стройных аллеях, уходящих далеко вверх на склоны больничного холма, не представлялось возможным. Но зато неподалёку обнаружилась маленькая речушка, берега которой практически всюду заросли высоким острым камышом. Ойтеп хотела было уже броситься в хрустальную гладь воды и хорошенько напиться, отбросив прочь все страхи земных микробов, но Баес вовремя удержал её от безрассудного шага.

— Ты ведь не знаешь, — сурово произнёс он, крепко держа Ойтеп за руку, — какие хищники могут плавать в этой воде. Сначала напьюсь я, а ты смотри, чтобы поверхность была спокойна; потом я покараулю тебя...

Девочка послушно отступила в сторону, и с удивлением воззрилась на склонившегося к воде Баеса: юноша встал на колени и, опираясь на руки, как животное начал тянуть драгоценную влагу губами, не переставая озираться вокруг. Наконец напишись, он уступил место Ойтеп. Но девушке было мало просто утолить жажду, и она, послушавшись своего командира, зачерпнула полные ладони воды и начала поливать себя сверху.

— Что ты делаешь?! Прекрати! — он бросился вперёд и схватил её за руку, но девочка гневно вырвала запястье из крепких пальцев.

— Мне нужно искупаться! — прошипела она.

— Вода не проверена, нельзя просто так лезть в неё! Теперь это место взмучено, нужно уйти вниз по течению и пить там. Пойдём...

Но Ойтеп опять заупрямилась и полностью окунула голову в холодную воду. Баес не выдержал — по колено вбежал в реку, надеясь вытолкнуть безумицу на берег, как вдруг илистое дно заскользило под его ногами, и он скатился дальше по самые плечи.

— Баес!

Девочка тут же бросилась к нему на выручку, однако топкий берег не пощадил и женские ножки: с громким возгласом девочка скатилась прямо в объятия Баеса.

— Держи меня, держи! — взвизгнула Ойтеп, окунаясь по самый подбородок.

— Тише, не дёргайся! Здесь не глубоко. Надо только не спеша пройти по илистому дну. Давай, разворачивайся и делай шаг вперёд, не бойся погрузить ногу в ил, так будет устойчивее.

Девочка пошла вперёд, поддерживаемая не отстающим Баесом, и вскоре они нащупали крошечную песчаную полоску, ознаменовавшую конец их мучительного путешествия. Ойтеп спешно выбралась на берег, вся дрожа от страха и холода. Её передёргивало от одной только мысли, что они могли завязнуть в этом жутком болоте навсегда! Реки Белаир-Траура все как

одна были прозрачны и чисты, их дно устилали гладкие обточенные течением камни, и девочка представить себе не могла, что бывает по-другому! Но на этой грязной нелепой планете, даже реки оказались против сонитан.

Баес демонстративно молча прошествовал мимо виновницы происшествия, стянул с себя насквозь мокрую рубашку и встал лицом к восходящему солнцу, которое уже вовсю сияло над пробудившимся миром. Ойтеп на зло ему ещё плотнее закуталась в сырую кофту и украдкой из подлобья взглянула на стройную фигуру Баеса, который, вроде бы, не обращал на неё внимания: покрытая ровным золотистым загаром кожа юноши прямо-таки светилась в лучах солнца... Капли, стекающие по его подбородку, медленно скользили вниз, тщательно выбирая себе путь: одна задержалась в подрагивающей ямке над ключицей; другая, быстро проскочив грудные мышцы, запуталась в хитросплетениях торса и исчезла где-то в поясе мокрых брюк, облепивших ноги.

Ойтеп смотрела и не могла оторвать глаз.

Вроде бы она и раньше видела Баеса, да и других сверстников с ещё более выдающимся телосложением, однако только сейчас, в эту самую минуту девушка вдруг почувствовала, как непонятное волнение охватывает её изнутри. Губы пересохли, руки и ноги словно оцепенели, а глаза бесстыдно и жадно принялись исследовать каждую впадинку на теле юноши, и она не могла остановиться. Сердце глухо застучало в ушах, как барабан, — наверное поэтому девочка не услышала подозрительного шума, на который Баес внезапно обернулся. Ойтеп мгновенно отвела взгляд и покраснела до ушей, перепугавшись, что юноша заметил в её глазах нечто совершенно непотребное.

Однако сонитанину было не до того.

Шум приближался, перерастая в отрывистый, повизгивающий крик, и совершенно неожиданно прямо над невысокими камышами взмыли человеческие фигуры, со всего разбега прыгающие в воду. Фонтан брызг долетел даже до Ойтеп, и та быстро ретировалась за спину своего более отважного спутника.

— Эгей! Давайте к нам, вода тёплая! — слышались совершенно непонятные выкрики, и несколько юношей подплыли к узкому бережку сонитан.

Баес начал медленно отступать назад, не отрывая напряжённого взгляда от неожиданных противников, как вдруг сзади к ним поспешило подкрепление: молоденькие девушки в разноцветных купальниках со смехом выбежали к узкой отмели и тоже замерли, обнаружив незнакомцев.

— Ой! Привет! — прошептала одна из них, явно обращаясь к Ойтеп. — А вы тоже из лагеря? Должно быть, по эту сторону реки расположились? Что-то мы вас не заметили! А наш лагерь на другой стороне! — она неопределённо махнула куда-то за реку и рассмеялась. — Чего молчите? Язык что ли проглотили?

Баес загородил собой Ойтеп, намереваясь защищаться до последней капли крови, и осторожно, не делая резких движений, полез в карман за ножом.

— Да что ты пристала к людям?! — возмутился один из юношей и ловко выбрался на берег, стряхивая с волос крупные сверкающие капли воды. — Наверное, они иностранцы! Саффар говорил, что несколько его друзей ведут этим же маршрутом ребят то ли из средней Азии, то ли с японских островов... Не помню точно. Лучше у них спросить!

Молодой человек попытался объяснить с перепуганными сонитанами на нескольких земных языках, но всё было без толку — те не понимали ни слова, и с каждой минутой выглядели всё более потерянными. Уже никто из прибежавших купаться землян не

сомневался, что диковатые брат и сестра явно заблудились или отбились от своей экскурсионной группы — ведь они даже не говорили на немецком языке! А судя по их одежде и затравленному виду, ребята провели не один день в пути.

Посоветовавшись, земляне тут же решили отвести заплутавших бедолаг в свой лагерь, и обступили их шумной весёлой толпой, исполненной самых дружеских намерений.

Однако Баес не собирался подпускать агрессоров близко к себе. Ничего не подозревающих студентов спасло только то, что Ойтеп мёртвой хваткой вцепилась в руку Баеса и не дала ему достать своё оружие:

— Нет! Нет! Они не нападают, видишь! — взвизгнула перепуганная до смерти Ойтеп, и позволила увести себя вверх по тропе весёлой стайкой девушек.

Не без душевных терзаний Баес согласился подчиниться улыбчивым землянам, и вскоре те перевели инопланетян через навесной мост над рекой и доставили к большому палаточному городку, расположенному в естественной тисовой рощице.

Из главного шатра в центре лагеря доносилось нестройное женское пение и сладостный запах костровой еды, чудесный привкус которой Баес узнал бы из тысячи. Все мысли и тревоги сонитан невольно сразу же отодвинулись на второй план, затмённые чувством голода. Однако сопровождающие их земляне явно не торопились разделить с незнакомцами пищу: они взволнованно переговаривались между собой и будто ждали кого-то. Наконец со стороны реки появилась высокая человеческая фигура в резиновых сапогах до колен и с большим садком для рыбной ловли. Когда он приблизился, Ойтеп с удивлением поняла, что цвет кожи этого человека был совершенно чёрный, как плитка горького шоколада, словно несчастный с головой окунулся в полный чан сладкого напитка. Пока земляне что-то объясняли чернокожему великану, мужчина пристально оглядел пришельцев с ног до головы своими блестящими карими глазами и обнажил в улыбке белоснежные зубы.

— Ну что, Саффар, ты же наверняка знаешь их язык?

— Сейчас посмотрим, — проворчал чернокожий и, приблизившись к настороженному Баесу, попытался с ним заговорить, однако безуспешно.

— Нет, ребята, эти двое явно не из студенческого движения, — сделал вывод Саффар и задумался о чём-то. — Что же, по-немецки они тоже не понимают?

— Ни слова! — хором прозвучал ответ.

— Ну хорошо... Остаётся только связаться с городом, может, их там кто-нибудь уже разыскивает... Отведите пока этих двоих в мою палатку и дайте им поесть, по глазам вижу, что они голодные.

Гостей сопровождали в небольшую палатку Саффара и оставили там одних, а через несколько мгновений перед оголодавшими сонитанами уже возникли полные тарелки ароматной каши с мясом и целый графин чистой воды. Ребята, не раздумывая, набросились на еду, и очень быстро прикончили свой поздний завтрак, однако Баес недолго оставался доволен этим счастливым обстоятельством судьбы и принялся рассматривать палатку изнутри.

— Прекрати! — шикнула Ойтеп, сердито поглядывая то в сторону выхода, то на своего неугомонного товарища. — Это просто невежливо, они дали нам поесть, а ты лазишь в чужих вещах!

— Я осматриваю стенки этого тряпичного дома, госпожа беспечность, — парировал Баес, не отвлекаясь от своего занятия. — Нам нужно как можно скорее бежать отсюда, но

желательно так, чтобы земляне не догадались об этом.

— С какой стати? — возмутилась Ойтеп. — По-моему, они весьма дружелюбны, и приняли нас за своих!

Баес нетерпеливо оглянулся и одарил девушку таким изничтожающим взглядом, что бедняжка покраснела от смущения.

— Ты хочешь снова попасть к агентам Озна? Лучше скажи мне об этом сейчас, потому что от твоих поступков зависит и моя жизнь тоже!

— Да с чего ты взял?! — не на шутку рассердилась девушка, однако её возмущению пришлось потерпеть до лучших времён — в палатку заглянула улыбающаяся голова Саффара, и вот он уже целиком вплыл внутрь, заполнив собой две трети треугольного домика.

Баес тотчас сел на место, однако здоровый негр даже не обратил внимания на подозрительное поведение своего гостя. Он достал из огромного, под стать росту, рюкзака старинную приёмную станцию и несколько раз бросил в эфир позывные. Неизвестные слушатели не спешили с ответом, поэтому человек решил перепроверить частоту и достал из рюкзака объёмистую папку с бумагами.

Пока Саффар возился со своим радио, Баес не без любопытства заглянул в раскрытую папку и заметил в ней несколько карт, показавшихся ему знакомыми. Он рискнул без позволения развернуть навигационные плакаты, и, к удивлению Ойтеп, чернокожий человек даже не шевельнулся, чтобы ему помешать, спокойно наблюдая за действиями юноши.

— Ойтеп! Мне знакомы эти места!

— О чём ты, откуда? — удивилась сонитанка, впервые видевшая земные карты.

Баес указал пальцем на приметную извилину реки и объяснил, что перед похищением Кастор подробно инструктировал отверженных и показывал им точно такие же карты местности. Юноша повёл пальцем вверх и указал на точку в районе гор.

— Вот здесь то место, куда мы должны были вас отвести. По словам Кастора, здесь расположен один из перевалочных бункеров сонитан — своеобразное убежище, в котором при случае агенты могут найти пищу, медикаменты, новые документы и даже оружие.

— А зачем туда нас было отводить? — заинтересовалась девочка, понимая, что Баес приоткрывает перед нею тайные планы предателя Кастора.

Юноша бесхитростно пожал плечами.

— Предполагалось, что это безопасное место, оснащённое всем необходимым, и вы без риска для жизни могли бы дожидаться там, пока Кастор договорится с правительством о цене вашего возвращения на Сониту. Таких сонитанских убежищ на Земле несколько миллионов, и знают о них исключительно агенты Озна. А поскольку открыть вход в бункер может только чистокровный сонитанин, то мы были вынуждены доставить вас в целости и сохранности к дверям бункера и таким образом получить земные документы.

Неожиданно Саффар оторвался от радио, забрал из рук Баеса карту и расстелил её на столе. Он ткнул пальцем в крупную красную точку и обвёл руками пространство вокруг:

— Мы здесь, понимаете, ЗДЕСЬ!

Юноша неуверенно кивнул, думая, что понимает чернокожего великана.

— А вот так мы будем двигаться, — выразительно жестикулируя, продолжал Саффар. — Смотри, совсем рядом с тем местом, которое ты показал, видишь? Вот тут будем мы, а вам надо вот сюда, так?

Баес ещё раз кивнул, начиная догадываться, что имеет в виду землянин. Он ещё раз внимательно изучил карту, прикинул её масштаб и высказал Ойтеп свои соображения:

— Похоже, этот тряпичный городок будет перемещаться вот так, и как раз пройдёт неподалёку от бункера. Если мы сумеем добраться до него и сделаем себе поддельные земные документы — это значительно облегчит наше пребывание на планете. Фактически, мы получим реальную возможность выжить на Земле!

Светлая мысль привела юношу в такой восторг, что девочка не посмела огорчить его:

— Конечно, это... это здорово!

Ойтеп в задумчивости опустила глаза. Она не представляла, что творит: сбежала от агентов Озна, которые неминуемо вернули бы её на родную планету; пустилась в бега вместе с отверженным сонитанином и теперь всерьёз размышляла, как бы им остаться в странном палаточном городке, чтобы добыть себе фальшивые документы! Несколько недель назад девочка посчитала бы такое поведение безумным, а теперь...

Ойтеп украдкой подняла глаза и взглянула на Баеса, который жестами объяснялся с чернокожим предводителем городка: юноша впустую размахивал руками — Саффар его не понимал, зато вид сосредоточенного мальчишки заметно веселил великана и, наконец, не выдержав, землянин от души рассмеялся.

Баес замер от неожиданности, и вдруг вскочил на ноги, покрасневшийся и злой как чёрт.

— Что вы себе позволяете! Я здесь не для того, чтобы смешить вас!

Он так рассердился, что даже не заметил, как на его плечах в отчаянии повисла Ойтеп, напрасно пытаясь удержать старшего товарища. Скандал близился к суровой развязке: Баес уже полез в карман за ножом, совершенно потеряв голову от бессильного гнева, как вдруг Саффар прекратил смеяться, достал из своего рюкзака стопку какой-то пышной материи и протянул Баесу. Юноша обалдело уставился на подношение, не в силах так быстро оправиться от пережитого всплеска чувств, и вместо него стёганные одеяла схватила перепуганная Ойтеп. Чернокожий великан этим не ограничился: через несколько минут в руках у девочки появился старый рюкзак, а в нём — спальные мешки, посуда, несколько бутылок воды и пара кусков мыла.

Снабдив гостей самым необходимым, Саффар вывел их из палатки и подвёл к большому шатру в центре городка. По его движениям, Ойтеп догадалась, что теперь это будет местом их ночлега, и смело вошла внутрь. Оказалось, шатёр являлся местом общего сбора и кухней по совместительству; тем не менее, для двух спальников там сразу же нашлось место, и юные земляне по-доброму отнеслись к неожиданному подселению.

День в тряпичном городке прошёл незаметно: молодые земляне играли с мячом, купались в реке, и всюду таскали с собой новосёлов, иногда действуя совершенно против их воли. Сонитане стойчески терпели повышенное внимание к своим особам, однако под вечер они уже едва стояли на ногах. И даже теперь молодёжь не дала им спокойно отправиться спать — сонитан потащили к большому костру, разложенному в центре лагеря, и усадили на брёвна вокруг.

Забренчала музыка, многие девушки и юноши пустились в пляс, а те, кто остался сидеть, принялись хлопать в ладоши. Танцы сменялись пением под гитару, и наоборот, пока юные сонитане совершенно не забыли о сне и усталости; они хлопали в ладоши вместе со всеми, тянули песни, коверкая слова, и были совершенно счастливы. Однако ничто не вечно под луной: веселье вскоре поутихло, ребята начали расходиться по своим палаткам, и даже

костёр запылал спокойнее и тише, словно готовясь ко сну.

Ойтеп нескоро заметила, что осталась наедине с Баесом: она долго смотрела в огонь, замороженная игрой рыжего пламени, и очнулась, когда уже все разошлись спать.

— Сумасшедший день, — вздохнул Баес, отчаянно зевая и потягиваясь. — Ты не устала? Ойтеп тряхнула головой.

— Было весело... Может, пойдём спать?

Она быстро поднялась на ноги, но юноша удержал её и усадил обратно.

— Нужно поговорить.

Баес был неожиданно серьёзен, и девушка вдруг поняла, что он обо всём догадался.

— Знаешь... ты не обязана идти со мной, Ойтеп. Я в который раз прошу тебя одуматься, ведь на Соните тебя ждут родители. Всё, что мы тогда слышали в парке, может оказаться всего лишь недоразумением! Достаточно только рассказать об этом на всеобщем голосовании...

— Замолчи!..

Девушка вдруг вскочила на ноги и повернулась к Баесу спиной.

— Да в чём дело-то? Можешь ты хоть раз меня послушать?! Я сейчас рассуждаю, как нормальный сонитанин, а ты себя ведёшь...

— Как отверженная? Ты это имеешь в виду?!

— Нет, конечно...,- удивлённо протянул юноша. — Просто я не могу понять, какая муха тебя укусила!..

Ойтеп в нерешительности обернулась, и стало видно, что её щёки пылают румянцем, а в глазах дрожат слёзы.

— Муха?! Да, ты!.. Дурак, вот кто!

Баес нахмурился и встал.

— Что случилось? Чем я тебя обидел, объясни?

— Не трогай меня!

Но было поздно: юноша перехватил её сжатые кулаки и не дал сбежать.

— Поговори со мной, Ойтеп! Я не понимаю, что происходит, ну?!

Девушка тяжело вздохнула и вдруг уткнулась в его плечо.

— Ничего...

Было очень тихо, и костёр почти догорел, изредка потрескивая влажными сучьями. Баес осторожно обнял Ойтеп и провёл пальцами по её голове, баюкая словно родную дочь.

— Хорошо, пусть будет так. Без тебя мне всё равно не попасть в бункер...

Девушка встрепенулась и отступила на шаг.

— Что?! Ты для этого взял меня с собой? Чтобы зайти в этот чёртов бункер?!

Прежде чем отверженный успел что-то сказать, Ойтеп вырвалась из его рук и скрылась в палатке, и почти сразу же оттуда вылетели его спальный мешок и одеяло. Баес закатил глаза, но послушно собрал вещи, расстелив себе возле потухающего костра.

С девушкой явно творилось что-то неладное. Но вот что? Понять было невозможно.

Глава 6.

Земля.

Вольтеса держали в плену вот уже несколько дней, а юный сонитанин даже не подозревал, где именно находится странное убежище левигатов, и для чего страшные создания оставили его в живых. За всё время заключения мальчика посещал только один человек — молодая женщина, которая приносила ему еду, забирала мусор и неизменно улыбалась странной, таинственной улыбкой. Она не разговаривала с Вольтесом и не обращала внимания на его отчаянные попытки сбежать, только улыбалась...

Дни тянулись за днями, пережитый страх превратился в рутинное ожидание неизбежного, и постепенно юноша смирился с мыслью, что в любой момент безжалостные тюремщики могут отобрать его жизнь.

Но вот странное дело, как только эта мысль окончательно оформилась в подсознании юноши, железная дверь его камеры будто сама собой отворилась. Испуганный и ко всему готовый Вольтес, выглянул наружу, однако в длинном коридоре никого не оказалось. Он быстро повернул налево и двинулся по узкому проходу вперед к маячившей двери. Обитая старым дерматином стражница также оказалась не заперта, однако стоило Вольтесу закрыть её за собой, как тихонько щёлкнул замок, и обратный путь оказался отрезан.

Не нужно было большого ума, чтобы понять: юношу целенаправленно ведут куда-то, и врятли для того, чтобы отпустить на свободу. Но выбора у Вольтеса не было, и он бесстрашно двинулся к следующим стеклянным дверям, сквозь которые на пол падали огромные прямоугольники молочного света.

За полупрозрачными створками оказался сад.

Если бы там располагалась комната пыток, чередой безликих камер или что-нибудь подобное, юноша ощутил бы себя более уверенно, чем теперь на свежем воздухе, полном солоноватого запаха морских брызг. Под ногами дорожкой расстился мокрый золотистый песок, отдающий искрами, когда солнце выглядывало из-за лёгких обрывков туч. В такт ветру кивали резными листьями незнакомые растения, увенчанные початками красных цветков, слабо шелестели белые конусы лилий и пушистые васильковые головки нежнейших акварельных цветов. Тишина звучала сотнями незнакомых голосов, постепенно перетекая в отдалённый шум прибоя.

Вольтес пошёл по тропе, не рассчитывая, что она закончится открытой калиткой, и вскоре его невесёлые ожидания подтвердились: впереди показалась фигура человека. Белые волосы тотчас же выдали его, но мальчику стало понятно, что встречи не избежать, и он решительно подошёл ближе. Землянин мгновенно ощутил чужое присутствие, однако не спешил оборачиваться и продолжал задумчиво вглядываться в молочно-серый горизонт. Наконец, плечи Левигата чуть шевельнулись, словно ему стало зябко, и он соизволил взглянуть на своего молчаливого гостя, протянув ему руку для приветствия. Незаметно пальцами другой руки землянин коснулся воспалённого плеча мальчика, и Вольтес тут же ощутил, как в мысли вторгся чужой голос:

— Здравствуй, Вольтес, рад, что ты, наконец, успокоился.

Юноша ничего не ответил, но землянин ощутил острую волну гнева, выплеснувшуюся из него, и чуть ослабил своё прикосновение.

— Извини, что нам пришлось держать тебя взаперти.

— Это не важно, — зло процедил сквозь зубы мальчик. — Объясните мне, зачем я здесь?

Землянин помолчал несколько мгновений, а затем шагнул вперёд, увлекая за собой юношу.

— Мои друзья очень просили, чтобы юный сонитанин оказался в безопасности, поэтому я забочусь о тебе. Но я бы предпочёл отправить тебя к Озну.

— К Озну?

— Да, конечно, — подтвердил землянин, — я знаю об Озне всё, ведь я Левигат.

Вольтес нахмурился, усилием воли пытаюсь сдержать свои мысли в узде, но из этого ничего не вышло, и на очередной немой вопрос землянин тут же начал отвечать, чуть подёргивая носом:

— Лит срочно нуждается в помощи, и никто кроме меня не в состоянии предоставить её. Это печальная правда.

— Откуда мне знать, что вы действительно помогаете ей?! — неожиданно вскричал Вольтес, и Левигат остановился, внимательно разглядывая лицо мальчика.

— Ты действительно очень похож на него, такой же несдержанный и пылкий.

— На кого? — опешил юноша.

— На своего отца. Конрод пастырь лицемерия: он всегда пытался выглядеть образцовым сонитанином в обществе, тогда как в его душе ураганы чувств сменяются бурями.

— Вы не смеее так говорить о нём! Мой отец глава Озна, один из самых уважаемых граждан!

— Поверь мне, — насмешливо прозвучал голос Левигата в голове мальчика, — я знаю, о чём говорю, в отличие от тебя. Сколько тебе лет, Вольтес Мер?

Юноша опешил, но тут же взял себя в руки, не желая больше своим поведением компрометировать отца в глазах землянина.

— Мне шестнадцать.

— Ты уже взрослый сонитанин, и по всем меркам вашего общества вполне можешь создавать семью, брать ответственность за рождение детей, не так ли? — равнодушно прозвучали слова Левигата внутри черепной коробки Вольтеса.

— Это так, но я не понимаю, к чему вы клоните...

— Я хочу рассказать тебе одну историю... Она произошла ещё до твоего рождения, мальчик, но имеет непосредственное отношение к твоей семье. Заранее предугадываю, что горячая кровь Меров не даст тебе быть объективным, однако со временем мой рассказ поможет по-иному взглянуть на многие вещи и догмы.

Как это тебе уже известно, Озн нередко посылает агентов на Землю, чтобы добывать необходимую информацию, как-то влиять на нежелательные факторы развития землян, и просто для изучения другой цивилизации. Может быть, раньше правило о невмешательстве ограничивало сонитан, но только не в наше время, — Левигат усмехнулся, глядя куда-то вдаль. — Однажды Озн послал на Землю молодую сонитанку для изучения местных традиций, обычаев и культуры. Она была очень хороша собой и прекрасно владела языком, поэтому ей не составило труда сблизиться со многими землянами и ежемесячно отправлять

драгоценные информационные отчёты на Кармарин. Однако со временем некоторая дружеская привязанность между сонитанкой и одним молодым человеком переросла в нечто большее. Они и сами не заметили, как это произошло, но когда осознали, то поняли, что их нежная любовь в большой опасности. Девушка рассказала землянину всё о себе и своей планете, а также об Озне. После долгих размышлений и мучительных противоречий молодые влюблённые решили сохранить свои отношения втайне от всех; они купили небольшой дом в пригороде, где договорились встречаться каждую неделю, и несколько месяцев им удавалось водить за нос Озн и всю его агентурную шайку. Но это не могло продолжаться долго — сонитанка забеременела.

Увидев круглые глаза Вольтеса, Левигат засмеялся, и в этот момент его лицо слабо напомнило мальчику черты какого-то человека.

— Да-да, это вполне возможно, чтобы сонитанин и человек скрестились. А наша молодая парочка предприняла все меры предосторожности, чтобы их потомство не оказалось бесплодным, как это бывает с гибридами. И вот, спустя девять месяцев у безумцев родился сынок — крепкий, здоровый малыш. Они решили назвать его Вячеславом, однако этому их желанию было не суждено сбыться... Агенты Озна заподозрили неладное и в экстренном порядке эвакуировали падшую сонитанку с Земли. О ребёнке и гражданском муже несчастной они, к счастью, не догадывались, иначе всё могло бы закончиться ещё хуже. Но вот поразительная штука, по прибытию на Сониту у девушки обнаружилась беременность! Кто являлся отцом ребёнка, молодая мамаша наотрез отказывалась говорить, а генетические экспертизы не давали точного ответа, мог ли им являться землянин, или же это был плод запретной любви между начальником и подчинённой.

Чтобы исключить возможность первого, детей сразу же после рождения отдали на воспитание в чужую семью, где за ними велось тщательнейшее наблюдение в течение шестнадцати лет.

— Детей? — удивился Вольтес, не терявший нити довольно занимательного повествования.

— Да, детей, — невозмутимо подтвердил Левигат. — У девушки родилось двое близнецов. Как уже можно было бы догадаться, их папа остался на Земле с годовалым братиком на руках. А матери запретили приближаться к семье-опекуну ребятишек ближе, чем на пятьдесят метров.

— Но это же просто кошунственно! — воскликнул мальчик. — Общество не могло вынести подобного решения!

— Дело решалась в рамках Озна, — печально вздохнул землянин, — и не имело широкой огласки. Но это ещё не самое страшное, мой дорогой друг! В этом месте повествования на арене действия появляется молодой амбициозный работник Озна, некто Конрод Мер.

Левигат сделал паузу, оценивая душевное состояние Вольтеса, и пришёл к выводу, что мальчик пока ещё в состоянии воспринимать информацию.

— Так вот, этот Конрод Мер пережил большую трагедию: он потерял жену и остался с маленьким ребёнком на руках — с тобой, Вольтес. Работа для Мера была так же дорога, как и воспитание сына, поэтому честолюбивый разум озновца помимо его воли задался целью найти себе новую жену, чтобы разделить с ней тяготы воспитания молодого сонитанина. Однако в дело вмешались неведомые силы, подставившие под удар и твоего отца, и несчастную одинокую женщину, лишённую детей. Конрод Мер страстно влюбился в нашу

героиню, как это бывает только с землянами, и надругался над ней, показав свою истинную сущность. Я вижу, ты не веришь мне, но это так, Вольтес. Твой отец такой же отверженный, как и те многие, кого он обрёк на жалкое существование своим приговором.

От тайной связи Конрода с отверженной сонитанкой получился ребёнок — девочка.

А теперь давай я назову тебе все имена наших героев. Женщину звали и зовут Ауве Коррекос. На Земле у неё остался сын — Роман Прахов, так его нарекли воспитатели детского дома, в котором он оказался. На Сониту Ауве принесла двоих близнецов, которые попали в семью Жонсов и получили старинные имена Кастор и Кайлай. А в союзе с твоим отцом Коррекос родила малышку Лит, которая является твоей младшей сестрёнкой, Вольтес.

Мальчик долгое время молчал, глядя в пустоту потухшим взором, и это состояние необыкновенной ясности ума позволило Вольтесу закрыть свои мысли от всевидящего ока Левигата. Впрочем, тот и не настаивал, спокойно ожидая грядущую бурю.

Наконец, Вольтес тяжело вздохнул, повернулся к застывшему землянину лицом и, твёрдо чеканя слова, произнёс:

— Это всё ложь. Я хорошо знаю своего отца; поведение, которое вы ему приписываете, просто невозможно! К тому же, если бы всё сказанное вами было правдой, разве допустил бы мой отец, чтобы я учился в одном классе вместе с Лит? Едва ли — это неразумно. Отсюда сам собой следует вывод: вы лжёте, пока ещё не знаю зачем.

Вольтес надеялся, что эти дерзкие слова разозлят Левигата, он так хотел, чтобы частичка той поднятой в его душе мути затронула и этого надменного землянина! Но мужчина молчал, и с каждым мгновением странная тревога росла в юном сердце.

— Что? Что происходит?.. — онемевшими губами прошептал мальчик.

— Я не сказал главного: тот землянин, который полюбил сонитанскую девушку и в итоге остался у разбитого корыта — это был я. И если ты сомневаешься в словах человека, то я разрешаю тебе проникнуть в мои мысли и мою память, чтобы лично убедиться в их правдивости...

— Но зачем? — испугался Вольтес. — Зачем мне знать, даже если эта грязная история — правда?

Мужчина пожевал губами, отчего мелкая сетка морщин на его обычно неподвижном лице зашевелилась, как морская тина.

— Озн забрал у меня жену и детей, а Конрод Мер силой похитил сердце моей возлюбленной... Теперь я забираю у всего сонитанского общества и у прогнившего насквозь отца — их молодого юношу, раскрывая перед ним правду... Постарайся не сопротивляться, Вольтес, я не отступлюсь, и ты увидишь всё своими глазами!

Юноша задрожал от страха, но все его попытки вырваться ни к чему не привели — землянин крепко вцепился в больное плечо с металлической пластиной. Постепенно мир вокруг опустился в неестественный дымчатый туман, и осталось только напряжённое старческое лицо Левигата, покрытое рыболовной сеткой морщин. На какое-то мгновение Вольтес отвлёкся на мерцающие в туманной дымке голубые глаза землянина, и вдруг пространство будто бы перевернулось!

Юноша стоял на узкой тропинке, ведущей к плодovому садику и дому за ним, а вместо старого землянина его плечо сжимал красивый мужчина в полосатой голубой рубашке и потёртых джинсах.

— Не теряйся, мальчик, это всё ещё я! — голосом Левигата заявил молодой человек, но теперь его лицо неизменно улыбалось, а ясные глаза горели живостью и лукавством. — Мне придётся играть главную роль в этой постановке, но помни, в любой момент ты можешь всё остановить, и я отвечу на твои вопросы. Идём скорее, моя Ауве меня уже ждалась...

Глава 7.

Земля.

Путешествие вместе с тряпочным городком оказалось долгим, но сонитане едва ли заметили путь в постоянных играх, лагерных заботах и бесконечных приключениях.

Ойтеп легко нашла «общий язык» со всеми жителями лагеря, и даже выучила немного земных слов, не переставая удивлять своего товарища. Она удивительно легко вживалась в роль землянина, и порой Баесу начинало казаться, что девочка уже никогда не захочет вернуться обратно на Сониту.

Эта мысль и пугала его, и заставляла сердце отчаянно сжиматься.

С одной стороны, Баес не мог закрыть глаза на свою совесть, которая постоянно твердила, что Ойтеп ещё наивная девчонка и не может решить за себя такой важный вопрос, как измена Соните. Ощущая себя гораздо более старшим и опытным сонитанином, юноша испытывал потребность позаботиться о ней, что означало — возвращение девочки домой.

Но другая сторона его души страстно желала, чтобы Ойтеп всегда была рядом...

Баес давно уже заставил себя позабыть, что такое надежды и мечты; вся его жизнь сводилась к каждодневному выживанию, накалу страстей и чувств! Он приучил себя к одиночеству, только иногда по ночам тихо проклиная судьбу за страшное преступление, которое она совершила над ним.

И вот, капризная удача соизволила повернуться к молодому отверженному своим прекрасным лицом, забросив его на Землю! Казалось бы, чего ещё можно мечтать? Но упрямое сердце решило по-своему, и вместо того, чтобы пуститься в плавание по человеческим душам, прикипело к молодой сонитанке... И хоть разумом Баес понимал, что из этого ничего не может выйти, глухое к его мольбам сердце продолжало упорно надеяться на чудо.

Постепенно местность вокруг менялась. Заливные поля исчезли, а на их месте возникли каменистые неровности, поросшие суховатой травой и низкими деревьями. На горизонте уже давно маячили вершины суровых гор, но пока до них было ещё далеко. Однако тряпичный городок не собирался подниматься так высоко, и вскоре настал момент, когда двое сонитан должны были покинуть общество своих новых друзей под предводительством чернокожего Саффара.

Расставание оказалось на удивление лёгким, ведь земляне искренне надеялись ещё не раз встретить своих молчаливых попутчиков. Они снабдили ребят таким количеством провизии, что Баес едва сумел поднять здорово потяжелевший рюкзак. А затем весёлый отряд дружно свернул на запад и скрылся в зарослях вечнозелёных елей, оставив сонитан один на один с непредсказуемой земной природой.

К счастью, Саффар не пожалел снабдить Баеса картой, и теперь у ребят появилась реальная возможность отыскать дорогу к заветному бункеру. Они с Ойтеп провели ещё около двух суток под открытым небом, прежде чем локационная система убежища среагировала на появление сонитан и обозначила себя тонким световым лучом,

направленным в их сторону.

Это произошло ночью, поэтому Баес легко определили источник излучения. Не теряя драгоценного времени, ребята быстро сложили вещи в приметном для себя месте и налегке отправились к бункеру, надеясь ещё до рассвета вернуться обратно с документами.

Путь оказался непростым — агенты Озна позаботились, чтобы добраться до входа в подземную цитадель мог только хорошо натренированный сонитанин. Тем не менее с помощью Баеса, Ойтеп сумела преодолеть всевозможные преграды, возникшие на их пути, и ближе к полуночи ребята, наконец, различили в темноте широкий провал, уходящий далеко вглубь неприметной скалы.

Сторонник излишней осторожности, Баес долго разглядывал местность вокруг, прежде чем позволил Ойтеп приблизиться к дверям бункера, но как только ладонь истинной сонитанки коснулась металлической поверхности, — наглухо запертые створки распахнулись, и из глубины чёрного провала повеяло спёртым, законсервированным воздухом.

— Вперёд! Не бойся, Ойтеп, сейчас должен загореться свет!

Баес не ошибся, и спустя всего несколько шагов наклонная дорога, по которой дети спускались вниз, вдруг начала мерцать приятным голубоватым светом, обозначив своды и стены пещеры. Чуть дальше внизу показалась ещё одна дверь, открывающаяся уже при помощи голосового селектора. Несколько слов на сонитанском легко заставили тяжёлую бетонную плиту отъехать в сторону, и перед взорами ребят внезапно открылась круглая комната, уставленная роскошной сонитанской мебелью, кладовыми аппаратами со свежемороженой едой и телевизионными экранами. Телевизоры мгновенно заработали, передавая новости сразу на нескольких человеческих языках, и комната осветилась мягким электрическим светом, придавая обстановке уютность настоящего дома.

— Не могу поверить! — радостно воскликнула Ойтеп, с разбегу плюхаясь в мягкое синтетическое кресло. — Мы всё-таки добрались!

— погоди ликовать, — пасмурно оборвал её восторги Баес, — что-то я не вижу здесь подходящей аппаратуры, которая может нам понадобиться.

Но опасения юноши оказались напрасными — сразу за комнатой отдыха следовала ещё одна круглая пещера, заставленная всевозможной автоматикой на резервном питании.

— Ойтеп, скорее сюда! — нетерпеливо позвал Баес, и показал на характерный экран с многочисленными прорезями по краям. — Смотри, это печатный станок, который может изготовить необходимые документы, но я не могу воспользоваться им сам, нужна твоя помощь!

— Хорошо, — вздохнула девочка, усаживаясь в кресло. — С чего мне начать?

— С того, чтобы отойти от преступника, — неожиданно произнёс чужой голос, и обернувшийся Баес увидел незнакомого сонитанина, стоящего в проходе и целящего в него из пистолета. — Давай, крошка Ойтеп, всё под контролем, иди к нам!

Девочка медленно повернулась, дрожа от напряжения и страха, но осталась стоять на месте.

— Мезра, уведи её в сторону! — нетерпеливо воскликнул Лаам, не опуская оружия. — Мезра! Хватит возиться с этими пустоголовыми мешками! Забери девчонку!

В проходе появился широкоплечий напарник Лаама и с недоброй ухмылкой скользнул острым взглядом по маленькой фигурке отверженного.

— Пойдём Ойтеп, ты в безопасности, — мягко прошептал он девочке и потянул её за руку из комнаты.

Ойтеп упиралась, однако сонитанин без труда выволок её в смежную комнату и бросил на диван:

— Да успокойся ты! Всё хорошо, мы агенты Озна, и пришли, чтобы защитить тебя! — возмущённо пробормотал он, взявшись перематывать проволокой какие-то странные предметы в стороне.

Приглядевшись, девочка вдруг поняла, что агент выворачивает руки Озварду, а рядом с ним неподвижным кулём валяется бесчувственный Кирм, крепко спутанный металлической нитью.

— О, Сонита! — вырвалось у девочки, но Мезра неправильно понял её восклицание и довольно усмехнулся в ответ.

— Да, мы поймали этих ребят ещё два дня назад на пути сюда. Хорошо, что вы не встретились с ними, иначе твоё освобождение могло бы вызвать трудности! Теперь эти грязные животные получают по заслугам!

Он продолжал бормотать что-то, всё сильнее скручивая запястья Лотьюза, как вдруг на затылок Мезры с глухим стуком опустилась тяжёлая статуэтка. Озновец охнул, но в обморок не упал, и девочке пришлось ещё раз стукнуть его по голове, чтобы вырубить окончательно. Ойтеп тут же выронила своё оружие дрожащими пальцами, и звонкий стук бронзы о камень привлёк внимание Лаама.

— Эй, Мезра, у тебя всё в порядке? Иди сюда, нужно связать парнишку.

Никто не отвечал, и сонитанин забеспокоился: он выглянул в проход, на мгновение потеряв Баеса из виду, и этого хватило, чтобы юноша со звериным рыком бросился на озновца. Раздался отчаянный крик Лаама и выстрел, потрясший стены мирного убежища.

Когда Ойтеп влетела в комнату, ей показалось, что агент промахнулся: Баес сидел на поверженном сонитанине верхом и сжимал его шею с такой силой, что Лаам выкатил глаза от ужаса. Но прошло несколько секунд, хватка юноши вдруг резко ослабела, и он повалился на бок, отпустив посиневшую шею агента.

— Хрр, вот... дьявол! — не смея отдышаться, запричитал озновец, напрасно пытаясь выбраться из-под окровавленного тела. — О, Сонита, он меня запачкал, всего запачкал! Ойтеп, помоги мне встать!

Но девушка, не шевелясь, глядела на поникшего Баеса с пулевым ранением в животе. Её кулаки вдруг стиснулись со страшной силой, она резко побледнела, схватила выроненный Лаамом пистолет и направила на него.

— Что ты делаешь, глупышка?!? Не смей, не смей! Я же агент Озна!

— Ты — подлая тварь! — прошипела Ойтеп и с чувством выполненного долга нажала на упругий крючок пистолета.

Голова Лаама со стуком откинулась к стене, и в ней как по волшебству возникла неровная красная дыра. В комнате воцарилась долгожданная тишина.

Девочка отбросила человеческое оружие и склонилась над ещё дышащим Баесом. Она не знала, что делать при пулевых ранениях, да и врятли сумела бы ему помочь, не имея под рукой никакого инструмента. Единственное, что пришло ей в голову — это зажать рану юноши своей кофтой и крепко взять его за руку.

— Ойтеп, — тихо прошептал Баес, едва приподнимая веки, — езжай домой... Они отвезут тебя домой...

— Дурак! — сквозь слёзы воскликнула девочка, трясущимися руками зажимая его рану. — Как же ты не понимаешь! Я ведь люблю тебя и никуда теперь не уеду! Слышишь?! Не оставляй меня Баес!

Но он уже не слышал, начиная трестись в лихорадке.

— О, Сонита, что же мне делать! Что мне делать?! — в ужасе шептала Ойтеп, напрасно пытаясь разбудить своего возлюбленного.

Она была так убита горем, что даже не заметил изумлённого вскрика у себя за спиной, и только когда очнувшийся и злой как чёрт Мезра попытался оттащить её от умирающего тела Баеса, девочка отчаянно завопила, извиваясь как змея:

— Отпусти, отпусти меня!!!

Но Мезра на этот раз не был так дружелюбен: он с силой отбросил виновницу гибели своего товарища к стене и с потоками человеческой брани собрался уже одним ударом разmozжить ей череп, как вдруг без лишнего шума на агента набросился всё ещё связанный Озвард. Он повалил разъярённого Мезру на пол и вцепился зубами в его шею, напрасно пытаясь разорвать стальную проволоку, стянувшую руки. Озновец мгновенно отбросил измождённого противника в сторону, но Лотьюз уже сделал своё дело: из порванной артерии сонитанина большими толчками струилась алая кровь. Напрасно он пытался зажать её руками — тренированное и сильное сердце выбрасывало кровь прямо сквозь его пальцы, и через несколько минут Мезра уже не мог стоять на ногах, а спустя какое-то время он и вовсе затих, облокотившись на стену.

Забрызганная кровью Ойтеп не сразу сообразила, что смерть миновала её. Она на автомате откликнулась на голос Лотьюза и кое-как помогла ему освободить руки.

— Рана сквозная? — первым делом потребовал ответа Озвард.

— Не знаю, — апатично пролепетала шокированная девочка, — кажется да.

— Значит, мы ещё можем успеть...

Отверженный убежал в другую комнату и вскоре вернулся с небольшой коробкой в руках, на которой был нарисован медицинский знак.

— Всё будет хорошо, Баес, — тихо шептал он, разворачивая бинты и доставая какие-то ампулы.

Девочка следила за его действиями, как из тумана, и прежде, чем Лотьюз принялся за дело, провалилась в тяжёлый обморок.

Превратости судеб. Сонита.

Глава 1.

Сонита. Белый Город.

Первое, что увидел Кайлай, приоткрыв тяжёлые веки, было мягкое серебристое небо, обрамлённое шелковистой тесьмой облаков. Он приподнялся на локтях, всё ещё не веря своему счастью, и с радостным трепетом в груди различил сквозь низкие зелёные кроны деревьев зубчатые стены Белого Города. Руки сами потянулись к герметичным замкам шлема, и вместе с шипящим воздухом Сониты Кайлаю в нос ударили сладкие запахи плодов.

«О, Сонита, мы спасены! Благодарю тебя, благодарю тебя!..»

Он вскочил на ноги, будто не чувствуя разрушающую усталость в каждой клеточке своего тела, и огляделся по сторонам. Белый Город выглядел точно таким, как его рисовали на древних гравюрах — великолепный, поражающий своей бессмысленностью и мощью. Кайлай стоял в центре небольшой площади, окружённой полуразрушенными строениями и зарослями дикой абрикосы. Считалось, что это земное растение было случайно занесено на Сониту ещё во времена первых экспедиций, но Кайлай допускал и обратное.

С незапамятных времён Белый Город являлся табу для сонитан. Пожалуй, никто сейчас не смог бы достоверно ответить, чем это было вызвано. Учёные-историки доказывали, что первые сонитане запечатали в недрах каменного исполина смертельное заболевание, угрожавшее на заре сонитанской истории самой жизни на планете. Лингвисты же, путём исследования древних манускриптов, выдвинули свою теорию о «цивилизации прародителей» — чрезвычайно развитой структуре разумных существ, которые положили начало сонитанскому роду. Они, якобы, и построили Белый Город в качестве экспериментального полигона, на котором проводили испытания возможностей нового вида. С тех пор даже упоминание о существовании древних изуверов превратилось для сонитан в запретную тему, и новые поколения вскоре забыли трагедию своего появления на свет.

Существовало ещё множество теорий, одна невозможнее другой, но за всю историю сонитанского общества ни один разумный гражданин не посмел нарушить табу и отправиться за ответами в заповедные стены разрушенного города. Великолепный памятник древнего инженерного искусства фотографировали с воздуха, просвечивали всевозможными установками, исследовали автоматическими зондами. Но, поскольку такие методы изучения не привели к существенным результатам, общество посчитало дальнейшее развитие этого направления бессмысленным, и даже опасным. Вокруг развалин установили следящие вышки — громоздкие примитивные датчики, настроенные на биополе сонитан, — и объявили Белый Город заповедником дикой природы, закрытый как для граждан, так и для отверженных.

Вполне возможно, Кайлай стал первым за многие тысячи лет сонитанином,

оказавшимся внутри Белого Города.

Он давно знал о существовании неисследованных тупиковых точек проскока, всегда открытых для приёма материи. Учёные связывали их существование с природными явлениями, а также (очень редко) с деятельностью первых сонитан, которые открыли возможности надпространственного перемещения ещё тысячелетия назад и принялись исследовать Вселенную раньше, чем успели сколотить приличную цивилизацию. Их примитивные ворота сочетали в себе долговечность и постоянную подпитку от энергии ядра, но, к сожалению, древние сонитане не оставили ни одной карты или записи по поводу их строительства, поэтому достоверно узнать о местоположении ворот можно было только путём практического применения. Однако идти на такой риск, не зная, какая атмосфера примет тебя в свои объятия, и существуют ли обратные ворота на месте выхода — было бы чистым безумием. Несомненно, древние сонитане потеряли не одну тысячу увлечённых путешественников за время бесконтрольного исследования надпространства. И, наверняка, именно это фактор послужил толчком к постройке первых космических Ворот, через которые была открыта Земля, после чего «кустарное» производство точек проскока прекратилось.

На самом деле вероятность того, что установленная на спутнике Туманики древняя точка проскока, вдруг приведёт несчастных беглецов на Сониту, да ещё к воротам Белого Города! — стремилась к нулю с предельно возможной скоростью. Кайлай знал, что Озн беззастенчиво эксплуатирует элегантно-простую конструкцию древних ворот на третьем спутнике планеты; он даже был в курсе, откуда сняли четырёхсоттонную плиту-камертон для этих целей. Но предугадать в какой из надпространственных тоннелей их занесёт физика (при условии, что все заданные маршруты были заблокированы) — он был совершенно не в состоянии. Произошло чудо, и это чудо опьяняло!

Кайлай с победным видом пересчитал уцелевших товарищей, которые всё ещё лежали без сознания, и с гордостью сделал вывод, что он спас всех, кого сумел затащить на плиту. Всего двадцать семь человек, включая него самого.

Жонс несколько раз прошёлся вокруг землян, мучаясь желанием в одиночку провести разведочный рейд по городу, и тут ему на ум пришла замечательная идея — надо бы снять с землян эти неудобные шлем-сферы, чтобы они скорее пришли в себя!

Кайлай не был так же хорошо подкован в вопросах человеческой биологии, как его брат Кастор, однако из разговоров с учёным он как-то запомнил, что землянам по обыкновению требуется время, чтобы освоиться в атмосфере Сониты. Вот и пускай осваиваются, пока лежат в отключке.

Кайлай добросовестно обошёл их по кругу, с трудом расщёлкивая тугие герметичные замки, и по мере обхода попытался запомнить лица землян. Кого-то Жонс уже знал, с кем-то мельком пересекался на станции, а некоторых товарищей видел впервые. И было непонятно, с какой стати, отношения с этими людьми вдруг начали так волновать его?

Например, заносчивый мальчишка Керниган, которого он раньше терпеть не мог... Кайлай осторожно положил светлую голову юноши на охапку пожелтевшей листвы и по очереди приподнял ему веки — зрачки реагировали нормально, но с лица не сходила мёртвенная бледность. Теоретически организм среднестатистического землянина был в

состоянии пережить все 82 витка камертона; но слабое тело мальчишки могло неоднозначно отреагировать на безумные вибрации проскока...

Жонс тяжело вздохнул, отёр со лба парнишки испарину и, перешёл к другому телу, даже не любопытствовав сквозь лицевой щиток, кто же скрывается под тяжёлой материей очередного скафандра.

Как только дыхание этой женщины коснулось сонитанского воздуха — весь мир будто вспыхнул на мгновение радужной тенью, и в голову Кайлаю ударил пьяный хмель безудержного восторга. Жонс рухнул на колени с бессмысленной улыбкой идиота, и кончиками пальцев осторожно провёл по лицу Виталы, искушённо наблюдая, как по её коже сбегает радужные искорки. Вся она в этот момент казалась ему совершенной. Но чудесное мгновение вскоре растворилось в ручейке минут, и, к изумлению Кайлая, очаровательное наваждение начало отступать под натиском реальности. Радужный свет побледнел, на смену ему вернулись мягкие лучи Лутупуса и тёплое дыхание ветра в желтеющих кронах Шептунов, которые последними сбрасывали листву перед сезоном дождей. Земля обрела свою привычную форму, а совершенное создание растаяло в теле женщины.

Ольга приоткрыла глаза, растерянно заморгала, стараясь припомнить, как же она оказалась на другой планете, и вдруг смущённо улыбнулась Кайлаю:

— Ой, это вы! Я узнала вас!

Прежде чем Жонс успел что-то ответить, женщина неуклюже приподнялась на руках и порывисто обняла его, сдавив грудь жёсткими заклёпками скафандра:

— вы живы, как я рада!..

Кайлай замер, не смея шевельнуться, героически терпя давящую боль в рёбрах, и вдруг ощутил внутри себя чужое присутствие — так остро, словно пулевое ранение.

— Ах! — Ольга резко отпрянула, виновато прикусив губу, — не могу поверить! Простите, я думала, может у вас что-то болит, или ранение..., но конечно нет, какая глупость!.. где мы?

— Эмм, Сонита. Планета.

Жонс мысленно выругал себя за внезапное отсутствие дара речи, и спешно поднялся на ноги.

— Это сложно объяснить, когда проснутся остальные, я постараюсь прояснить ситуацию... А пока нужно проследить, чтобы состояние землян не ухудшалось. Поможете мне?

Витала с готовностью кивнула, и Жонс оставил её одну, отправившись исследовать местность.

На Соните как раз заканчивалась осень, и вся земля была сплошь усыпана мягкой подстилкой из листьев, которая приглушала всякие звуки.

В воздухе стояла свежая хрустальная тишина.

Даже птицы не смели петь в стенах Белого Города, и это страшно нервировало Кайлая. Прежний восторг прошёл, и теперь каждой клеточкой своего разума он понимал, что вторжение в запретную зону могло привести к последствиям, превосходящим даже самые худшие его опасения. Однако выхода не было — Лутупус клонился к закату, а пробираться через дикие заповедные джунгли ночью не имело смысла. Им предстояло ночевать в

развалинах, окутанных страхом и почитанием не одного десятка поколений сонитан — стоило позаботиться об укрытии и защите от хищников.

Открытая площадь, на которую землян выбросил камертон, лучевидными улицами сообщалась с целым ансамблем подобных ей арен, и они замысловатой гирляндой сходились к главной площади города, напоминавшей гигантский военный полигон. Кайлаю удалось взобраться на уцелевшую грудку камней, которая когда-то составляла угол высотного дома, и он с удивлением и ужасом воззрелся на остатки вымощенного песочным гранитом ристалища.

Создавалось впечатление, будто здесь совсем недавно разыгралась чудовищная трагедия: посреди площади зияла огромная воронка, и целый пласт земли размером с космический корабль был выворочен из её глубины и отброшен в сторону, будто детская игрушка. Гранитная облицовка мостовой, до сих пор не утратившая своей крепости, была раздроблена в песок, и повсюду более мелкие воронки были засыпаны им доверху.

За многие тысячи лет ветер и дожди не сумели разгладить шрамы планеты, словно Белый Город должен был вечно существовать вот так в своём первоначальном облике, служа могильным камнем над безвременно почившими.

Кайлаю захотелось поближе рассмотреть место древней катастрофы, но он не мог уйти далеко от Виталы, не подвергая её риску. Пришлось спуститься на землю и продолжить исследование окрестностей в поисках крыши над головой. Почти все здания превратились в руины, накрывая обломками камней целые проспекты, и только кое-где небольшие одноэтажные строения из крупных блоков сумели противостоять времени. Однако при ближайшем обследовании выяснилось, что многие из них напрочь заросли кустарником, как и всё свободное от каменной кладки пространство вокруг. Продираясь через шипастые ветви абрикосы и гибкие стебли Шептунов, Кайлай не заметил странную тень, промелькнувшую слева от него среди навала камней и высохших веток. Он остановился свериться с электронным навигатором, когда движение ветра, или, быть может, тихий шелест листьев — заставили его оглянуться. Мгновение Кайлай созерцал стремительный прыжок красивого длинного тела пятнистой кошки, а потом на него обрушилась вся двухсоткилограммовая туша животного, с такой силой опрокинув на землю, что на секунду Кайлай лишился чувств. Взрыв адреналина тут же вернул его обратно, но, судя по всему, только для того чтобы показать, чем заканчиваются неосторожные прогулки в заповедных лесах: кошачий хищник впился в его горло с такой голодной свирепостью, что становилось совершенно невероятно, как он ещё мог находиться в сознании. Зверь, видимо, тоже недоумевал по этому поводу, но недолго — переступив через Кайлая лапами, он дёрнул его за горло и потащил.

Страшное чувство — ощущать, как из твоего прокушенного горла толчками вырывается горячая кровь, оставляя длинный кровавый шлейф на листе, а ты ничего не можешь с этим поделать, поминутно теряя сознание. Дыхание зверя оглушало и душило сонитанина, а страшный хруст в шее сопровождался чередующимся параличом всего тела, так что он не мог сопротивляться, безвольным кулем волочась по земле.

Это продолжалось довольно долго, пока стены Белого Города не остались позади. Здесь огромная кошка решила сменить тактику волочения и попыталась поддеть Кайлая за кожу головы, чтобы та не цеплялась за всё что ни попадя, — предоставив тем самым всё ещё живому сонитанину возможность схватить непослушными пальцами острый камень и со всего размаху всадить его в глазницу кошке. Слеплённая и перепуганная хищница с диким

рёвом бросилась вперёд, однако слепой случай дал Жонсу возможность увернуться от нападения, и бедная хищница одним прыжком врезалась головой в ствол дерева, окончательно выведя себя из этой игры за выживание. Кайлай броском поднял своё тело на ноги и побежал, не задумываясь, возможно ли такое с его ранением...

Глава 2.

Сонита. Белый Город.

Пробуждение не принесло землянами ничего хорошего.

Катю мучительно тошнило и рвало. Она стояла на коленях, согнувшись пополам, корчась в непрерывных позывах, которые уже нечем было оправдать — всё содержимое её крошечного желудка, давно вышло, однако тело продолжало содрогаться. Прахов осторожно притянул женщину к себе и уложил на бок, поглаживая по голове: «Тише, тише, Катюша. Всё пройдёт, лежи немного...»

Окружающие были не лучше: кто-то всё ещё не проснулся после чудовищных вибраций; а пришедшие в себя испытали на себе всю полноту ощущений от сотрясения мозга и внутренних органов. Даже крепкие мужчины не устояли перед шоком и некоторое время наравне со всеми валялись пластом на земле, не имея сил пошевелиться.

Тем не менее, спустя час или два инстинкт самосохранения возобладал над болью и головокружением. Люди начали озираться вокруг, пытаясь оценить обстановку. Несколько человек даже сумело подняться на ноги, однако о серьёзной защите речи не шло — если на планете водились крупные хищники (что почти всегда оправдывалось), то кучка ослабленных дезориентированных землян сейчас была для них лакомой добычей. Отлично понимая всю сложность ситуации, Этрус первым же делом попытался найти себе подходящее оружие и единомышленников — на призыв откликнулось четверо мужчин, которые уже достаточно пришли в себя, чтобы держать в руках дубинки. Костя расставил их в круговой дозор, и таким образом дал остальным землянам время оклематься.

Роман не смог присоединиться к товарищам — жене было так плохо, что она едва держала голову, как новорождённый младенец. Однако лишняя пара глаз никому не мешала, и Роман внимательно сканировал намётанным взглядом руины и джунгли в поисках опасности.

— Похоже на тропики, а, Роман? — тихо окликнул его Этрус, не оборачиваясь.

Костя выглядел разбитым и уставшим, но могучая спина капитана «Эпсилон» даже с поникшими плечами внушала уверенность и спокойствие. Прахов оглянулся, и заметил в глазах остальных людей ту же надежду на бывшего разведчика. Этрус умел расположить к себе; удивительно, как только его не выбрали командиром разведочной группы вместо Андрея Ушкова.

— Умеренная, — тихо отозвался Роман. — Умеренная зона. Это не лианы, а ветви — как у ивы, только более мягкие, что ли...

Этрус помолчал несколько секунд и согласно кивнул.

— Да, ты, похоже, прав. И они... шевелятся. Странно...

Прахова словно пронзило током; головокружение тут же отодвинулось на второй план, и мышцы напряглись сами собой. Сработал заученный рефлекс — когда старшие в группе выражали такое мягкое беспокойство, это означало высокую степень опасности и готовность к обороне. Но, поскольку в их малочисленной разношёрстной команде

разведчиков было всего трое: Прахов, Рихард Зейнер и сам Этрус — это могло означать, что Костя решил просто предупредить своих компаньонов держать ухо востро. Роман осторожно скосил глаза на Рихарда и заметил, как тот крепче стиснул в руках сухую ветку, так же отвечая на сигнал командира.

Ещё несколько мгновений было удивительно тихо и безмятежно, как вдруг по гибким ветвям древесного монолита пробежала тревожная волна ветра, и все деревья, как одно, с горьким шепчущим вздохом сбросили с себя бронзовое облако золотистой листвы. Встречный поток воздуха подхватил стаю рыжих корабликов и бросил людям в лицо, закутав шелестящим бархатом, ослепив и оглушив на несколько минут, которых хватило, чтобы небо из серебристо-фиолетового превратилось в грозное, чёрное.

— О, нет, — тихо выдохнул Этрус, отмахнувшись от последней охапки листвы. — Скорее, все в укрытие! Под развалины, быстро!

Словно в ответ на ничтожный крик человека, небо холодно и величественно завибрировало глубоким рыком, начавшимся тихо, на интимной доверительной ноте, и раскатившимся в грохот опрокинувшихся железных камней над головами землян. Стремительно стемнело. Деревья и кусты вдруг зашумели от холодного штормового с ледяными брызгами порыва ветра, и следом за ними на землю без предупреждения рухнула стена дождя. Пространство вокруг внезапно сократилось до двух ладоней перед собой, остальной же мир превратился в сплошную молочно-серую пыль, бьющую по глазам и заливающую ресницы.

Почти на ощупь люди бросились в сторону угловатых скосов развалин, которые ещё недавно виднелись метрах в ста позади землян, а теперь скрывались за тёмными струями дождя. И хватило всего нескольких секунд, чтобы беглецы потеряли друг друга из виду в постоянно меняющихся потоках ливня.

Роман Евгеньевич, бежавший позади Этруса с женой на руках, внезапно понял, что остался совершенно один в разразившейся буре. Он пробовал кричать, но дождь заглушал всякие звуки, словно накрывая людей плотным куполом. Тогда Прахов бросился в пустоту наугад, в надежде отыскать защиту от дождя.

Вода больно била ледяными пригорошнями по лицу и рукам; песок, устилавший выемки гранитных плит на мостовых, внезапно превратился в трясину, хватая за ноги и мешая бежать. В какой-то момент Роман споткнулся, упал и потерял Катю из рук. Мелькнула чёрная тень, послышался сдавленный крик, и темнота перед его глазами вдруг стала пустой и холодной, без единого движения.

Роман бросился искать жену, но каждый сгусток тьмы, который он принимал за силуэт женщины, оказывалась либо камнем, либо ветками. Прахов окончательно заблудился, не помня даже, в котором месте он споткнулся. Двигаясь наощупь, барахтаясь в холодной грязи, Роман пролазил на коленях метров двести, надрывая горло постоянными криками, пока, наконец, дикий ужас не овладел его разумом.

Он потерял её!

Чувство тоскливого одиночества пронзило сердце, впилося когтями в душу и начало выворачивать Романа наизнанку.

Случилось что-то ужасное. Иначе он нашёл бы её.

— КАТЯ! КАТЯ!!! — но дождь глотал слова и закладывал уши шумным дыханием облаков. Если жена и кричала в ответ — он её не слышал...

Внезапно кто-то схватил Романа за плечи и потащил в сторону. От неожиданности Прахов даже не сумел сопротивляться, и через несколько секунд вдруг очутился в сухой тёмной пещере, до отказа забитой дрожащими испуганными людьми.

— Я же говорил, что это наш! Роман Евгеньевич, заставил ты нас поволноваться!

До боли знакомый голос Этруса так страшно поразил Прахова, что у него подогнулись ноги. Он опустился на пол и судорожно зажал рот ладонью, чтобы не застонать.

— В чём дело, Рома, с тобой всё хорошо?!

Костя склонился над ним, но Роман вдруг оттолкнул друга и громким чужим голосом произнёс:

— Я потерял Катю!

Шёпот и бормотание в пещере как-то сразу смолкли. Повисла вопрошающая тишина, и Роман почувствовал, что не может не объясниться перед этими людьми. Он словно лицемерно просил о прощении, которого не заслуживал:

— Я выпустил её из рук всего на мгновение! И она исчезла... что-то схватило её... Я не смог спасти её, Костя!

Прахов обхватил голову руками и закачался, словно от боли. Внезапно пещеру заполнил тихий и страшный вой, не похожий ни на что человеческое. Люди сбились к дальней стене, испуганно сверкая белками широко раскрытых глаз, только Костя молча остался стоять рядом — согнувшийся, с поникшими плечами, как больной измождённый знак вопроса.

В конце концов, Прахов затих, приклонившись головой к холодной каменной стене. Остальные люди последовали его примеру и расселись на полу. Холод и сырость пробирали до костей: порывы ветра, приносящие гроздя водяной пыли, время от времени добирались до землян, и тогда наваливающийся горячечный сон отступал, принося горечь реальности. Никто так и не смог уснуть, пока шум ливня не превратился в монотонное бормотание дождя.

Как только погода снаружи чуть успокоилась, в пещере заметно посветлело, и стало возможным рассмотреть лица людей. Земляне молча пересчитали друг друга и сухой скорбью почтили тех, кто не сумел найти убежища во враждебной тьме.

Однако говорить о спасении было рано. Дождь не прекращался, но оставаться в холодной пещере бесконечно долго было невозможно: у людей и так начиналась простуда, не говоря уже о том, что большинство еле передвигало ноги от голода и потрясений. К тому же, многие бежали со станции в страшной спешке, и хорошо, если под скафандрами у них была хотя бы верхняя одежда, чтобы сохранять тепло.

Этрус первым заговорил о необходимости выйти из пещеры и попытаться найти хоть какой-то источник провизии. Многим сразу же вспомнились абрикосовые деревья на площади и сладкий запах их плодов, — поэтому разногласий о том, в каком направлении двигаться, ни у кого не возникло.

Этрус, как самый опытный разведчик в их команде, взял управление на себя, и приказал

людям двигаться друг за другом подвое, чтобы в случае опасности держать всех в поле зрения и вовремя прийти на помощь. Кто бы мог подумать, что помощь понадобится самому Этрису?

Внезапность атаки повергла остальных людей в ступор, и прежде чем Роман сумел очнуться и броситься Косте на помощь, тот уже болтался вверх ногами на высоте двух метров в медленно скручивающейся петле из ветви дерева. Видимо, хватка удивительного создания была так крепка, что даже могучие руки разведчика не могли ослабить смертельный жгут. Костя задыхался, но приблизиться к хищному дереву было непросто: свободные ветви плотоядного куста всё ещё тихонько шевелились, видимо не прочь обзавестись дополнительной парочкой «мух». Прахов уже собирался рискнуть под возгласы сбившихся в кучу трусливых людей, когда меткий бросок острого камня заставил ветку резко разогнуться и выпустить свою жертву. Этрис плюхнулся на землю уже без сознания, и Прахову пришлось здорово поднатужиться, вытаскивая стокилограммовую тушу из под жадно извивающихся ветвей хищника. Оказавшись на безопасном расстоянии от рокового дерева, Роман оглянулся в поисках находчивого метателя камней, и даже вздрогнул от удивления, когда за спинами своих впечатлительных товарищей увидел сухощавую фигуру Джозефа в подранном на лоскуты скафандре.

Тот медленно спустился с холма и подобрал ещё один осколок плиты, явно намереваясь защищаться от подобных хищников. Остальные люди тоже заметили новичка, однако не спешили проявлять дружеских чувств, оценивая потрёпанного космонавта со здоровой долей подозрения, словно говоря своим настороженным видом: «Как он мог выжить один под этим ужасным ливнем?». Однако спустя мгновение от их маленькой группы отделилась женская фигура и бросилась к Джозефу на шею с криком неподдельной радости:

— О, Господи, как я рада вас снова видеть!

Джозеф покачнулся, ошеломлённый нападением, которого не мог отразить, и вдруг повалился без чувств, опрокинув на себя растерянную Ольгу Николаевну. К ним тут же бросился светловолосый мальчишка, сопровождавший Джозефа ещё на станции, однако его силёнок явно не хватало, чтобы поднять военного.

— Ну чего встали?! — неожиданно рявкнул Роман, свирепо уставившись на онемевшую толпу. — Помогите им! Не видите что ли, он ранен!!!

Очнувшиеся люди бросились помогать пострадавшим, и уже минут через десять быстрого пешего перехода они оказались на площади, с которой всё началось. Дальше Роману не пришлось приказывать: несколько человек, наиболее нагруженных во время этого марш броска, сами остались присматривать за ранеными, а остальные бросились собирать грязные помятые плоды абрикос, сбитые страшным ливнем на землю. Дождь уже почти прекратился, но тонкие нити воды всё ещё падали изморосью с неба, так что смерть от жажды и голода людям пока не грозила. Оставалось только решить, куда двигаться дальше.

Сведения Ольги Николаевны о том, что Джозеф якобы знает, где они находятся, вызвал немалый энтузиазм у лаборантов Эксплор Технолоджи. Они тут же попытались привести военного в чувство звонкими пощёчинами, на что Прахов едва не свернул смельчакам шеи:

— Вы совсем ополоумели от радости?! Не видите, в каком он состоянии? Скафандр подран, возможно, у него повреждены внутренние органы... Нужно зафиксировать обоих пострадавших на носилках и вернуться обратно в укрытие. Там посмотрим, что можно сделать.

К счастью, Этриса нести не пришлось: он вскоре очнулся и почти сразу же настоял на

том, чтобы идти самому. Правда, некоторое время рядом с ним постоянно находилась Ольга Николаевна, то и дело поддерживая Костю, или просто прикасаясь к нему; но к концу их маленького путешествия Этрус уже передвигался вполне самостоятельно и выглядел гораздо лучше, так что за его здоровье опасаться не следовало.

А вот состояние Джозефа вызывало вопросы. После беглого осмотра и прощупывания, один из лаборантов, специализировавшийся на анатомии людей, сделал вывод, что внутренних повреждений нет, или они неявные. Однако все усилия привести военного в чувство ни к чему не привели: он словно зачарованная принцесса из древних сказок — просто спал! Оставалось надеяться, что организм Джозефа всё же сумеет выкарабкаться из непонятного состояния, и в ближайшее же время тот сможет дать им необходимые подсказки.

Люди заняли круговую оборону, располагаясь на свой первый ночлег в пещере после ужасающих, полных тревог часов на новой планете. Роману удалось развести костёр, и теперь он тихонько горел у самого входа в пещеру, потрескивая влажными сучьями, словно чихая на сырой воздух. Остальные беженцы уже давно спали, прижавшись друг к другу спинами. Большинство из них так и не сняло костюмов, чтобы защититься от насекомых, колючек и острых камней — о большем речь уже не велась: если в атмосфере и были токсины, то они давно попали в кровь, а единственный человек, который мог всё прояснить лежал в бреду.

Роман подбросил в слабые языки огня ещё несколько веток и со вздохом посмотрел наверх. Серебристо-чёрное небо планеты, наконец расчистившееся от облаков, горело крупными скоплениями незнакомых звёзд — по-осеннему высокое, тёмное, чужое и завораживающе глубокое. А почти над самым горизонтом, одна догоняя другую, повисли три крупные горошины лун...

Да уж, ошибиться невозможно — это не Земля. Света от жемчужных дисков разного оттенка хватало, чтобы читать газету, но, видимо, состав атмосферы приглушал их лучи, и казалось, будто наступают фиолетовые сумерки.

Роман Евгеньевич осторожно приподнялся с кучи листьев, на которой должен был спать уже через пару часов, и проверил Джозефа — военный мучился горячкой и весь вспотел, но помочь ему Прахов ничем не мог: у них не было ни жаропонижающих, ни антибиотиков. Он осторожно положил ладонь на его лоб и нахмурился.

— В чём дело? — вдруг сонно пробормотала спавшая поблизости женщина.

— У него жар, — тихо прошептал Прахов.

Она поднялась на ноги и внимательно осмотрела лицо и шею больного.

— Странно... Ему становилось лучше, когда мы укладывались спать, я была уверена, что он справится сам...

— Справится сам? Вы что, врач?

Ольга Николаевна замерла, окидывая пристальным взглядом напряжённую фигуру Прахова, и вдруг тихо поинтересовалась:

— А мы с вами никогда раньше не встречались? У меня такое чувство...

Прахов задумался на мгновение и покачал головой.

— Едва ли, у меня хорошая память на лица — я вас не знаю.

Женщина странно передёрнула плечами, и пробормотала:

— Ну что ж, тогда я не обязана вам отвечать, не так ли?

Прахов оторопело уставился на раздосадованную собеседницу, и так и не смог сообразить, чем же он обидел её.

— Ну что же... хорошо... Позвольте ваш нож?

Роман Евгеньевич наработанным движением достал из нагрудного кармана хромированный стилет, но тут же замер, подозрительно глядя на женщину:

— Зачем он вам?

— Вот, смотрите, — и женщина легонько чиркнула заточенным металлом по своему запястью. — Кровь идёт, видите? Но сейчас я сделаю так, что от ранки не останется и следа.

Ольга провела пальцами по воспалённым краям, размазывая кровь, и вдруг Роман Евгеньевич понял, что на её руке действительно нет ни намёка на порез.

— Но как это возможно? — удивился мужчина, разглядывая подсохшие следы крови на коже. — Это какой-то фокус?

Женщина скосила глаза на сотрудников «Эксплор Технолоджи», мирно дремавших в стороне, и спокойно улыбнулась:

— Нет, никакого фокуса. Просто я — Витала.

Прахов недоумённо пожал плечами, и Ольга Николаевна бесстрашно продолжила:

— Умею заживлять раны, свои и чужие. За такими, как я, охотятся, знаете ли...

Роман Евгеньевич тоже оглянулся на спящих лаборантов и потупил глаза:

— Никогда не слышал о Виталах ни слова.

— Не мудрено. Они, — женщина кивнула на своих бывших пленителей, — постарались скрыть сам факт существования Витал от общественности. Да и мы, если честно, не стремимся афишировать свои способности, чтобы не попасть в руки частных компаний.

Прахов несколько мгновений обдумывал услышанное, глядя в каменистый пол пещеры.

— Значит, вы можете помочь ему?

— Я постараюсь, — кивнула Ольга Николаевна, — но мне, судя по всему, поддаются только симптомы, иначе бы он уже давно очнулся.

— Постарайтесь, пожалуйста, — как-то отстранённо попросил Прахов, вставая с корточек, — этот человек спас мне жизнь.

— Мне тоже, — тихо прошептала женщина и осторожно положила на больного сонитанина руки.

Послышался сдавленный крик, и обернувшийся Прахов увидел, как Ольга Николаевна в ужасе отползла к противоположно стене. Джозеф теперь сидел, прямой, как палка; но его открытые глаза были тусклыми, словно неживыми.

— Это не он! — истерично вырвалось у перепуганной Виталы, прижавшей к себе ладони, словно те были обожжены.

Чутко дремавшие люди начали просыпаться, с недоумением разглядывая немую сцену. Кто-то смекнул, что творится неладное, и отполз подальше от неподвижно сидящего Джозефа, с явным намерением броситься на него в любой момент.

Внезапно Джозеф заговорил, поворачивая голову, то к одному, то к другому человеку, словно деревянная марионетка в руках неопытного кукловода:

— Извините за вторжение в столь поздний час. Наверное, это прозвучит странно, но вам стоит привыкать к странностям, если хотите выжить. Меня зовут Кастор Жонс. Я представитель сопротивления, которое на моей планете получило название Левигаты. Если вы ничего не слышали о нас — что же, самое время наматывать информацию на ус, потому

что она вам пригодится. У меня не так много времени: мой брат, посредством которого я с вами сейчас разговариваю, скоро придёт в себя, поэтому я перейду к главному, опустив детали. Уверен, Кайлай тоже сможет многое объяснить вам после пробуждения. Вокруг развалин города, в котором вы сейчас находитесь, поставлена самая мощная защита, и против левигатов в том числе. Я сумел пробиться сюда только благодаря тесному кровному родству с «приёмником», однако это весьма трудоёмкий процесс. Поэтому если хотите получить более внятные инструкции, вам следует выйти за пределы Белого Города. К счастью, барьер настроен только на внешнее проникновение, поэтому покинуть границы заповедника для вас не будет проблемой. Крупных хищников можете не опасаться: начался сезон дождей, ливни будут только усиливаться, и большинство животных Сониты уже впало в спячку. Основную опасность представляют Шептуны — они во множестве растут в этой части материка. Деревья запасаются питательными веществами на зиму и не брезгают крупной живностью. Вы узнаете их по характерному шевелению ветвей. Двигаться лучше днём, при свете дня их активность значительно меньше. Ближайший населённый пункт от вас где-то в десяти-пятнадцати километрах, двигаться нужно на восток — в направлении восхода нашего солнца. Советую поторопиться, потому что с началом третьего цикла сезона дождей все города Сониты накроются куполами, пробраться через которые незамеченными будет уже гораздо труднее. Вступать в связь с местными жителями не рекомендую: вы тотчас же попадёте в Озн, а это не очень хорошо, поверьте мне. Надеюсь, до вас уже дошло, что за вами будут охотиться и не захотят оставить в живых после того, что приключилось на Туманике? Конечно, если бы вы не попали прямоком на Сониту, может и обошлось бы. Но Озн точно не допустит, чтобы земляне прогуливались по столице нашего государства, да ещё с засекреченными сведениями об экспериментах...

— Экспериментах? — нахмурившись, переспросил Этрус, который слушал очень внимательно, несмотря на необычность ситуации.

— Ах да, не все в курсе... Ничего, здесь присутствует достаточно осведомлённых людей, чтобы прояснить ситуацию остальным. Просто добавлю, что не только правительство Земли было заинтересовано в проекте.

— Но при чём здесь Озн? Разве это не подразделение Службы безопасности Земли? И вообще, какая это колония? Не припоминаю ни одну с названием Сонита...

Манекен Джозефа горестно вздохнул и покачал головой.

— До вас всё никак не дойдёт... Это не колония Земли. И я — не человек! Чтобы вам было понятнее, поясню на конкретном примере: тело моего брата Кайлая очень походит на тело обыкновенного землянина, но это лишь внешнее сходство. У сонитан полностью отсутствует волосяной покров на теле, густая шевелюра — всего лишь искусная подделка. Различия проходят и на глубоком генном уровне. Ирония судьбы, что две цивилизации, тысячелетиями развивавшиеся отдельно друг от друга пришли к общности внешних форм — скорее всего это связано с оптимизацией функций организма. Сонита гораздо древнее Земли, мои предки уже свободно перемещались в космическом пространстве, когда на вашей планете только зародилась разумная жизнь.

Тело деревянно рассмеялось.

— Простите, не удержался, выражения ваших лиц так очевидны, что даже неискушённый эксперт как я понял, насколько вы удивлены моим заявлением! Но моё время, кажется, вышло...

Джозеф странно дёрнулся всеми мышцами лица и вдруг закашлялся громко и

естественно. В это мгновение ни у кого не возникло сомнений, что перед ними появился совершенно другой человек — настолько была очевидна разница. Он провёл ладонями по лицу, словно прогоняя дурной сон, и прошептал осипшим изломанным голосом:

— Зенон ваампе? — потом спохватился, нарочито громко откашлялся и продолжил как ни в чём не бывало, — Что произошло? Кажется, я упал в обморок? Что... что вы на меня так смотрите?..

Роман Евгеньевич первым решился нарушить затянувшееся молчание:

— Ты не человек. Мы всё знаем.

Кайлай остолбенел на мгновение, потом нервно рассмеялся:

— Вот уж не думал, что вы сами разоблачите меня! Но всё равно мне предстояло рассказать вам это, так что хорошо... Да, действительно, я не человек. Что же меня выдало?

— Твой брат, — невозмутимо ответил Этрус, присаживаясь на корточки напротив. — Кастор Жонс, кажется...

Кайлай вскочил.

— Кастор?! Где он?! Неужели он здесь, в джунглях?!

Бурная реакция сонитанина заставила всех вздрогнуть и принять оборонительные позиции. Только Этрус остался невозмутимо сидеть, задумчиво теребя нижнюю губу.

— Он передал нам сообщение через твоё тело. Это обычное дело для вас, сонитан? Если так, то сможем ли мы быть в полной безопасности рядом с тобой? Как это происходит, ты контролируешь процесс?

Кайлай замер с открытым ртом, собираясь протестовать, как вдруг в его голове отчётливо вспыхнули почти вытесненные из подсознания события в заснеженном лесу Туманики: сияние бесконечного потока жизни, и голос Кастора, такой близкий и абсолютно реальный...

— Я..., я не знаю. Я не могу в это поверить...

Земляне переглянулись, пожимая плечами. Теперь, когда они знали, что перед ними сидит пришелец с другой планеты, им казалось естественным, чтобы он обладал какими-нибудь удивительными, недоступными землянам способностями. Поэтому его шокированность вызывала только недоумение и казалась наигранной.

— Ты действительно не в курсе, что только что произошло? — уточнил Этрус. — И не помнишь разговор?

— Я бы сказал, что вы меня разыгрываете, — потерянно улыбнулся сонитанин, — это в характере землян... Если бы не имя брата.

Костя озадаченно вздохнул и переглянулся с Романом Евгеньевичем, точно спрашивая у него: ну и что нам теперь делать? Прахов пришёл ему на помощь и тоже включился в допрос:

— Твой брат сказал, что ты можешь многое пояснить нам. Наверное, сейчас самое время, раз уж мы все не спим.

— Хорошо..., — легко согласился Кайлай, принимая от Ольги Николаевны горсть помятых абрикос. — Что вы хотите узнать? Спрашивайте.

— Давай по порядку. Начиная с загадочных экспериментов и заканчивая тем, как мы очутились здесь за считанные мгновения, — вклинился в разговор Этрус.

— По порядку? — Кайлай задумчиво положил в рот несколько абрикос и принялся жевать. — Тогда я начну с самого начал, чтобы вам было понятней...

Итак, Сонита. Это наша планета, она обращается вокруг звезды Лутупус. Сонита

является столицей государства, и поэтому на ней оставлено всего несколько действующих городов, один из которых первый город государства — Белаир-Траур. Остальные территории оставлены нетронутыми, как заповедники. К числу заповедников относится и Белый Город, в развалинах которого мы сейчас находимся. Он запрещён для посещений, поэтому вокруг него расставлены защитные системы, настроенные на сонитан. Но, думаю, на людей они тоже работают, если попытаться проникнуть внутрь.

Сонитанами управляет общество. Наверное, это чересчур трудно для вашего понимания, привыкшего к власти олигархической верхушки, называемой «правительство», поэтому я опущу подробности. Однако наряду с внутренними делами необходимо решать и внешние проблемы...

— Такие, как взаимодействие с Землёй? — проницательно догадался Керниган, подсевший ближе.

— Именно. Для этого у нас создана практически автономная структура — Озн. Она контролирует многие учреждения в пределах государства и за его границами. Это очень сильная организация, и внутри неё действуют практически тоталитарные законы, неофициально, конечно... Мой брат работал в лабораториях Озна, и жестоко поплатился за попытку противостоять его системе. Но, если честно, я не видел его уже двенадцать лет, так что просто не представляю, что с ним случилось за это время... Эхх... Ладно, о чём это я? Да, Озн... От брата я узнал о секретном проекте, который начали разрабатывать в лабораториях Озна сразу после того, как земляне принялись за строительство станции на Туманике. Кастор говорил, что этот проект позволит нашей планете пополнить истощившиеся энергоресурсы и предотвратить надвигающуюся катастрофу. Позже мне удалось выяснить, в чём же там было дело.

Земные учёные разработали теорию получения биоэнергии непосредственно из живых существ, используя необыкновенные способности Туманикских животных. Озн, под видом земной компании, спонсировал этот проект, намереваясь использовать полученные результаты в пределах Сониты. Ну а когда случилась эта катастрофа на станции, и всё пошло прахом, командование Озна, видимо, решило избавиться от лишних улик.

— Лишних улик?! — нетерпеливо воскликнул Керниган. — Это добрая тысяча ни в чём не повинных людей!

— Возможно, я выразился слишком по-земному, — мягко улыбнулся Кайлай, пытаюсь смягчить свои слова. — Мне, в общем-то, понятны действия Озна. Сонитане не могли помочь вам, не раскрывая своего инкогнито; но и наблюдать, как «добрая тысяча человек» умирает в мучениях от голода и каннибализма — они тоже не могли. Вот и зарядили по кораблям штурмовыми зарядами.

— То есть, ты знал, что произойдёт, но никого не предупредил? — тихо поинтересовался Роман Евгеньевич, и его холодные, как стальные лезвия, глаза больно резанули Кайлая убийственным презрением.

— Нет, конечно я не знал, иначе бы не допустил подобного...,- уверенно солгал сонитанин. — Однако теперь, когда мне всё известно, я могу понять благоразумие своих врагов, и в этом нет ничего предосудительного, на мой взгляд.

Землян удовлетворил такой ответ, но Прахов, почему-то, стал более подозрительно смотреть на Джозефа-Кайлая.

— А с какой стати Озн вдруг стал твоим врагом? — вовремя поинтересовался Этрус, отвлекая своих товарищей от опасного размышления на тему «Кто виноват в гибели тысячи

людей». — И что ты делал на станции, если находишься в конфронтации с этой организацией?

— Всё просто, — облегчённо вздохнул Кайлай, ожидая более провокационных вопросов. — Как я уже сказал, Озн очень круто обошёлся с моим младшим братишкой, и после этого я решил, во что бы то ни стало отомстить за него. Но поскольку выступать в открытую против организации планетарного масштаба бессмысленно, я продолжил работать на Озн, выжидая подходящего момента, чтобы совершить диверсию. Заранее предупреждаю, что станцию на Туманике взорвал не я! Понятия не имею, как это случилось, я сам чуть не погиб в пожаре...

— Допустим, с этим всё более или менее ясно, — вдруг вступил в разговор один из лаборантов, с явным намерением закончить щекотливую тему экспериментов, — но как объяснить наше появление здесь? Сколько прошло времени?

— Нисколько, — лаконично ответил Кайлай.

— То есть как?

— Перемещение происходит почти мгновенно, за тысячные доли секунды. Впрочем..., я не уверен, возможно, на этот раз прошло чуть больше времени, ведь расстояние между Туманикой и Сонитой значительное... Обычно никто не делает таких больших прыжков — велика вероятность разделения гипертоннеля.

— То есть, можно попасть не туда, куда направлялся? — уточнил Керниган. — Тогда нам ещё повезло!

Кайлай иронично усмехнулся и покачал головой.

— Я не задавал маршрута, потому что не знал координат. Станция закрыла все возможные безопасные точки перехода, и мы полетели наугад. Можно сказать, нам не просто повезло — нам дьявольски повезло! Вся прелесть ситуации в том, что преследователи не могут вычислить, куда мы попали. Если не наделаем глупостей и не засветимся раньше времени, они никогда и не узнают, остались ли мы в живых, или нет.

— Это обнадеживает, — согласился Этрус. — Но что дальше? Предположим, доберёмся мы до города. Разве твой брат и эти... Левигаты — помогут вернуть нас на Землю?

Кайлай озадаченно шевельнул бровями и переспросил:

— Левигаты? Я не ослышался?..

— Возможно, я неправильно сказал, — улыбнулся Этрус, оглянувшись на Романа Евгеньевича.

— Да нет, всё верно, Левигаты — он так и сказал, — подтвердил Прахов, уверенно качнув головой.

— Бред какой-то, — рассмеялся Кайлай, а потом вдруг стал озабоченно-серьёзным. — Не знаю, что он имел в виду, поэтому ничего не стану опровергать... Я, конечно, рад, что теперь мне не нужно скрывать свою личность от вас, но если честно, я так давно не был на Соните, что многие мои сведения могут оказаться ложными. Давайте продолжим этот разговор завтра, после того, как мы выберемся из джунглей.

Кайлай сделал вид, будто с трудом сдерживает усталостную слабость во всём теле, и чуткая Ольга Николаевна, конечно же, сразу заметила это.

— Он только что очнулся, думаю, на сегодня достаточно вопросов! Нам всем лучше поспать, чтобы завтра с новыми силами двинуться в путь.

Земляне послушно разбрелись по своим местам, однако немногие сумели заснуть после

всего сказанного Кайлаем и ещё долго перешёптывались, с подозрением оглядывая безмятежную фигуру инопланетянина, который, казалось, уже видел десятый сон. Многие сомневались, стоит ли доверять всему увиденному и услышанному за последние несколько часов. Информация оказалась чрезмерной даже для лаборантов «Эксплор Технолоджи», которые все до одного были в курсе проводимых на станции экспериментов. Что уж говорить об остальных спасшихся! Сотрудникам лабораторий пришлось изрядно потрудиться, чтобы выставить свои занятия в благородном свете, отвечая на многочисленные вопросы менее осведомлённой части группы. На их счастье, ни Ольга Николаевна, ни Керниган ни словом не обмолвились об основных положениях проводимых экспериментов. У каждого были на это свои причины: Витала не хотела вносить раздор в команду, пока они действовали сообща ради выживания; а Керниган попросту не доверял военной станции, предпочитая вести дела только с Джозефом Ливановским.

Ужас, пережитый в джунглях Туманики, оставил свой неповторимый отпечаток в душе юноши, и теперь уже ничто не могло дискредитировать в его глазах авторитета загадочного инопланетянина, который рисковал жизнью, спасая Эрни с гибнущей станции. Он верил ему безоговорочно, и странное чувство толкало Кернигана помогать и оберегать Кайлая. Даже укладываясь спать, он постарался лечь между Джозефом и остальными землянами, бессознательно воздвигая вокруг своего подопечного «стену» защиты. Если бы Эрни нашёл время проанализировать свои поступки, то понял бы, как смешно это выглядит: жалкий воробушек пытается защитить сокола! Однако он был слишком утомлён, чтобы думать, а его сердце, преисполненное доверия и благодарности, не видело причин вести себя иначе.

Часам к четырём утра, по земному времени, все земляне, наконец, погрузились в сон и Кайлай смог выбраться из пещеры незамеченным.

Он уже начал жалеть о своём нелогичном решении спасти людей с того спутника Туманики. Всё произошедшее ранее казалось ему навеванным сном, и если бы тот Кайлай имел хоть долю здравого смысла, он бы пробрался в пещеру плиты один, и как можно незаметнее. Тащить за собой перепуганную толпу было бессмысленно — однако он сделал всё наоборот, словно намеренно насмехаясь над всеми устоями, заложенными в Кайлая ещё до его рождения набором хромосом. Рисковать жизнью ради кучки людей, многие из которых были Жонсу не просто безразличны, но и неприятны? С ним явно творилось что-то неладное... И этот разговор с Кастором, которого он не помнил, но который, ЯКОБЫ, произошёл через его тело? КАК ТАКОЕ ВООБЩЕ БЫЛО ВОЗМОЖНО?! Конечн произнесённое землянами слово могло бы объяснить многое...

Левигат.

Его брат мог стать Левигатом?

О природе этих существ было известно очень мало, практически ничего. Кастор как-то высказывал брату гипотезу, что ими могли быть земляне, или даже, сонитане, развившие в себе определённые способности. Однако сам Кайлай придерживался иного мнения, что Левигаты — это просто неизученный вид, возможно даже, цивилизация неизвестных существ. Эта версия являлась официальной для служащих Озна; возможно, начальство тем самым наращивало внутреннее сопротивление в рядах своих подчинённых, ведь сражаться с чужеродным агрессором было психологически проще, чем с братьями по роду и крови. Однако существовала и большая вероятность того, что информация достоверна — ведь всё, что касалось Левигатов, воспринималось обществом как угроза номер один, и любые

фальсификации, случайные или намеренные, карались строже, чем самое жестокое преступление на планете — убийство.

В свете данных причин Кайлай не мог всерьёз воспринять мысль, что его брат связался с врагом. Хоть подобное безрассудное бунтарство и было в характере Кастора...

Как бы там ни было, одно Кайлай знал точно: сам он уже давно претерпел изменения, и его очевидная после встречи с тигрицей догадка требовала скорейшего подтверждения.

Жонс довольно уверенно чувствовал себя в заповедных джунглях, поскольку вырос на окраине Белаир-Траура и неоднократно забегал вместе с братом за низкочастотные излучатели, которые отпугивали диких животных. Убедившись, что за ним никто не следит, он подобрал с земли осколок плиты и, стиснув зубы, принялся тереть им кожу на руке. Грубая острая порода мгновенно сняла верхний эпителий, и по пальцам заструились тёплые капельки. Кайлай отбросил камень и несколько раз смазал кровь, чтобы рассмотреть края ранки. Спустя несколько мгновений он увидел то, чего так боялся: кожа быстро заживала — затягивалась тонкой розовой плёнкой прямо на глазах.

— Нет, это неправда... Нет! Неужели я...

Внезапно какой-то невнятный шум заставил его мгновенно насторожиться. Кайлай быстро скользнул за кусты и прислушался. Шум не прекращался — одушевлённый, похожий на плачь котёнка, и шёл он словно из-под земли.

— На помощь!..

Теперь Кайлай отчётливо слышал, однако всё ещё не мог понять, откуда исходит звук. Поблизости были только развалины древних зданий, но голоса словно бы шли откуда-то со стороны. Он осторожно двинулся на крик, который усиливался с каждым шагом, и, в конце концов, сумел разобрать слова женщины:

— Мы здесь, здесь! Прямо под вами! Только не подходите ближе, иначе вы тоже провалитесь!

Кайлай присел на корточки и вгляделся во тьму: в метре от него виднелся бугорок земли, из-под которого зиял чёрный провал.

— Кто вы, и как туда попали? — тихо поинтересовался он после напрасных попыток разглядеть землян.

— Мы со станции, как и вы! Меня зовут Ксения Орловская, со мной ещё двое: Рихард Зейнер и беременная женщина! Когда началась буря, мы отстали от остальных и потерялись. Пришлось прятаться в ближайших развалинах, но дождь размыл землю, и мы провалились в какие-то подземные ходы... Пожалуйста, вытащите нас отсюда! Мы умираем с голоду и уже отчаялись выбраться сами! Земля расползается под руками словно трясина, нам не вылезти без помощи!

Кайлай задумчиво огляделся по сторонам и пощупал почву: земля действительно была сырой и мягкой, как болотная гладь.

— Ждите, я пойду за помощью. И не вздумайте снова кричать! Привлечёте хищника — вам уже ничто не поможет.

Кайлай быстро отвернулся и пошёл прочь, не рассчитывая больше услышать голоса этих людей.

Первое ощущение, которое он испытал, поняв, что речь идёт о подземных ходах — был инстинктивный, почти бессознательный страх. Много лет байками про смертельный вирус, запечатанный в глубине заброшенного города, пугали маленьких детей, внушая им

необходимость следовать общепринятым правилам общества. Сонитане гордились своей выдержкой и благоразумностью; отсутствие каких-либо исследований потенциально опасного объекта — было тому красноречивым подтверждением. Тысячелетия они блюли правило, установленное неизвестно кем и неизвестно почему, наступая на хвост собственному любопытству и жажде исследований. Обычный землянин никогда бы не справился с подобным искушением. И пусть Кайлай уже не был сонитанином в полном смысле этого слова — он понимал необходимость соблюдать осторожность. Человеческие жизни никогда особенно не тревожили хорошо обученного озовца, он много раз собственноручно отнимал их. И теперь собирался сделать это снова, вопреки нарастающей тошноте и странной крутящей мучительной боли внизу живота.

Глава 3.

Сонита.

Когда Кайлай открыл глаза, в пещеру уже проникал мягкий золотистый свет дня, пока ещё не омрачённый густым покровом туч. Рядом никого не было — земляне исчезли. Стояла глухая тишина.

Жонс тяжело поднялся на ноги и побрёл к выходу — дорогу внезапно перегородил землянин с увесистой дубиной в руках.

— В чём дело? — спросонья невнятно пробормотал Кайлай, всем видом показывая свою безобидность.

Землянин промолчал, но судя по угрожающим похлопываниям дубины, развивать этот разговор дальше не стоило.

— Хорошо, хорошо... Просто, я хочу отлить, не делать же это в пещере... Позволь мне выйти.

Землянин нерешительно оглянулся куда-то в сторону, помаялся, но всё же молча кивнул, отодвинувшись в сторону.

— Спасибо, приятель! — Кайлай благодарно улыбнулся ему и с трудом протиснулся наружу, едва заметным движением ткнув здоровяка в солнечное сплетение.

Охранник так и остался стоять в проёме пещеры, повалившись на уступы. Кайлай брезгливо встряхнул ушибленную ладонь и посмотрел в сторону, куда оборачивался гореннадзиратель. Чуть выше пещеры виднелись тонкие силуэты голых деревьев, впервые готовящихся к сонитанской зиме. На их молодой сочно-зелёной коре ещё только начали образовываться твёрдые коричневые прожилки защитного покрова, поэтому Кайлай без труда разглядел на зелёном фоне силуэт развевающегося СЭНа. Кто-то рискнул снять свой скафандр? Но земляне боялись расстаться с ними с самого прибытия на Сониту.

Жонс чертыхнулся и опрометью побежал по склону холма, напрочь позабыв обо всех мерах предосторожности. С вершины открывался отличный вид на близлежащие развалины города, а также на группу землян, которые, вооружившись длинными жердями, пытались соорудить своего рода лестницу для узников подземного тоннеля.

— Какого чёрта вы творите?! — завопил Жонс, спешно скользя по мягкой осклизлой земле.

Земляне остановили работу, но встретили сонитанина недружелюбными взглядами исподлобья.

— Что здесь происходит?! Попали на чужую планету, и ведёте себя, как дома?! Вы хоть понимаете, что натворить можете?!

Земляне молчали, но это молчание показалось Жонсу недобрый знаком.

— Кто его выпустил? — наконец сурово поинтересовался Этрус

Двое военных тут же попытались скрутить Кайлаю руки, но пали жертвами его изощрённой ловкости.

— Чёрт побери, какого дьявола вы на меня ополчились?! — недоумённо возмутился Кайлай, отбежав в сторону и ожидая повторного нападения уже в боевой стойке.

— Роман? — тихо позвал Этрус.

Прахов, до того стоявший в стороне, вышел вперёд.

— Я видел, как ты вчера спускался сюда и разговаривал с людьми, застрявшими в этом тоннеле. Ты обещал им помочь, но вместо этого вернулся обратно в пещеру и преспокойно лёг спать. Отрицать бессмысленно, я хорошо разглядел твоё лицо, и Ксения с Рихардом узнали твой голос.

Кайлай остолбенел от удивления. Он был очень осторожен и удостоверился, что все спят... Только теперь Жонс припомнил — Прахова вовсе не было в гроте, когда он выбирался на ночную вылазку.

— Ну, ничего удивительного в этом нет! — нагло заявил Кайлай, пытаясь быстро взять ситуацию в свои руки. — И если бы вы сразу поинтересовались, то я бы объяснил, в чём дело! А теперь..., даже не знаю, не поздно ли уже!

Люди насторожились, испуганно косясь в сторону наполовину разрытого холма.

— Я не стал будить вас среди ночи, потому что от выжатых как лимон людей толку немного! Вызволять этих троих из-под земли задача непростая, и вам бы потребовались все силы! А что до тоннеля... Вы хоть представляете, чем рискуете, разрывая подземные тоннели Белаир-Траура? Нужно быть очень осторожными, если не хотите заразиться смертельным вирусом!

Слова Кайлая произвели нужный эффект: земляне тут же бросили свои инструменты и постарались оказаться как можно дальше от провала. Даже невозмутимый Прахов ретировался в сторону, с недоверием оглядываясь на Жонса.

— Вот с этого и следовало начинать! — издевательски крикнул сонитанин им в спины, лихорадочно соображая, что же делать дальше.

Ситуация складывалась не самая оптимистичная, особенно учитывая тот факт, что на его шею свалилась целая толпа неуправляемых землян, до краёв полных всевозможными предрассудками о долге человека перед человеком и подобной чепухе. Теперь у Кайлая оставалось два выхода: либо бросить землян в джунглях и надеяться, что Озн не доберётся до них скорее, чем Кайлай найдёт своего брата и сумеет выбраться с планеты; либо же рискнуть всем и вызвать неудачливых космонавтов из земляного плена. В принципе, выживание землян не принесло бы Жонсу ничего, кроме головной боли; однако пробираться через джунгли в одиночку тоже было непростым занятием даже для Виталы, особенно в преддверие сезона дождей. Поэтому он решил принять сторону людей и поступить так, как они хотели. Естественно, никаких других причин, вроде заботы об Ольге Николаевне, Кернигане или Прахове... НИКАКИХ других причин там не было. Кайлай искренне верил в это.

— Так, слушайте меня внимательно! С этого мгновения вы будете делать то, что я скажу беспрекословно! Если кого-то это не устраивает, — Кайлай многозначительно взглянул на Этруса, — можете валить на все четыре стороны, печалиться не стану. До второго удара осталось всего несколько дней, поэтому нужно действовать максимально оперативно, чтобы вызвать людей из-под земли и успеть в Белаир-Траур до закрытия купола!

— А что за второй удар? — поинтересовался Керниган.

— Сезон Дождей начинается серией гроз, проносящихся над южным полушарием. Интервалы между ними составляют несколько дней, однако погода Сониты непредсказуема, а воздушные потоки в верхних слоях атмосферы так сильны, что буря может обрушиться за

каких-то несколько секунд.

— У вас что, нет спутников, которые бы следили за перемещением облаков? — удивился Этрус. — Метеостанции на Земле хоть и работают с переменным успехом, но всё же...

Кайлай вдруг что-то воскликнул на своём языке и резко потянулся к рации капитана — тот даже отшатнулся.

— Ну конечно! Мы можем поймать радиоволну, если нам не помешают защитные устройства вокруг Белого Города! Нужно только достаточно высоко забраться на дерево..., — Кайлай быстро огляделся по сторонам и указал в сторону густой чащи Шептунов и Лиственниц, выросших на месте разрушенного комплекса зданий. — Я возьму одного сопровождающего и постараюсь поймать радиоволну, а вы пока наломайте как можно больше деревьев, чтобы укрепить ими стены тоннеля. Так... вот ты, пойдёшь со мной!

Он небрежно указал на Прахова и быстро зашагал в сторону развалин, не дожидаясь пока его приказания начнут исполнять. Мгновение земляне стояли неподвижно, однако время не терпело промедлений, и они быстро взялись за работу, то и дело поглядывая на Этруса, словно извиняясь: ты наш командир, но мы уступаем обстоятельствам.

Роман тоже воспринял приказ инопланетянина спокойно. Он хотел было уже последовать за ним, когда Этрус мягко остановил его за локоть и как бы между прочим тихо произнёс:

— Роман Евгеньевич, ты не упускай его из виду, что-то он темнит. И сам поосторожнее, Владика этот чёрт одним ударом вырубил, тот до сих пор в себя прийти не может.

Прахов отстранённо кивнул и быстро зашагал к деревьям, догоняя сонитанина.

Отсутствие загадочного пришельца быстро вернуло Этрусу авторитет, и он воспользовался этим, чтобы организовать рубку деревьев и сбор абрикос для попавших в западню товарищей. Пришлось отправить на площадь за фруктами троих военных и справляться с работой своими силами, однако такие жёсткие меры были продиктованы суровой необходимостью: Ксения и Рихард были истощены, а беременная женщина и вовсе лежала без сознания по их словам. Костя представить не мог, что временным ослаблением их команды воспользуются не хищники планеты, а «свои» же люди.

Спустя какое-то время среди землян начался ропот недовольства, главным образом со стороны работников лабораторий, которые подозрительно переговаривались между собой и старались держаться особняком. Костя, по простоте душевной, даже не сразу обратил на это внимание, и когда ему на голову опустилась тяжёлая дубинка, он не был готов обороняться. Прейдя в себя, бывший разведчик обнаружил, что лаборанты оглушили и связали двоих военных, которые остались с ним для защиты гражданских на случай нападения диких животных. Теперь они стояли чуть в стороне и горячо обсуждали содеянное, перекрикивая друг друга и отчаянно размахивая руками. Наконец, слово взял старший сотрудник — сорокалетний блондин, который благодаря многочисленным инъекциям выглядел кудрявым семнадцатилетним юношей. Его звали Иван Ламмокс, и, по смутным воспоминаниям Этруса, он занимал какую-то видную должность в костяке Гийома Ласке. Лаборанты чуть поуспокоились, слушая своего патрона и кивая головами в знак согласия. В ушах Кости всё ещё шумело, поэтому он не расслышал, что именно Ламмокс приказал своим подручным, но когда сзади послышались осторожные шаги, Этрус почуял смертельную опасность. Он попытался разорвать путы и вскочить на ноги, однако чугунная голова не дала ему как

следует сориентироваться в пространстве, и, поднявшись на колени, Костя тут же повалился на бок. Смутно соображая, он разглядел грязный ботинок СЭНа на уровне своего лица, и вдруг резкая оглушающая боль опустилась на его голову.

На этот раз сознание вернулось к нему яркой вспышкой света, ударившего в глаза. Переливчатый свет быстро угас, но потом снова вернулся, толчками вырывая из реальности отдельные фрагменты и кидая ему в глаза: лицо, растрёпанные светлые волосы, стайка облаков в небе... Костя ворочал глазами, не понимая, где находится и почему так больно. Наконец до него дошло, что дышать трудно, потому что усевшаяся верхом девушка давит ему на грудь обеими руками. Он вялым движением отбросил её руки и попытался поглубже вдохнуть.

— Всё в порядке?! В порядке?! — истерически вскрикивала девушка, хватая его за лицо.

— Слезь с меня...

— Что?

— Слезь!..

Она кубарем скатилась на землю и застыла с выражением ужаса на лице. Костя приподнялся на руках и помотал головой: всё кружилось и плыло. Он прикрыл глаза, но полегчало только когда его стошнило.

— Что произошло? — наконец сумел вымолвить Этрус.

Выслушивать путанные объяснения перепуганной Ольги Николаевны ему не пришлось: в трёх шагах в стороне лежали тела офицеров с пробитыми головами. Окровавленные камни были брошены тут же. Этрус оглянулся и заметил такой же камень рядом с собой. Он пощупал голову, но не заметил никаких повреждений.

— У вас остановилось сердце! — тут же вмешалась Ольга Николаевна, напрасно пытаясь сдержать слёзы. — Я не знаю, как правильно делать массаж сердца, мне приходилось делать это всего однажды!

Костя осмотрелся по сторонам в поисках убийц, но, похоже, у них появились какие-то свои планы и они покинули ближайшие развалины.

— Я должна была помочь им, но не успела!.. Они были уже такими мёртвыми!

Рыдания не прекращались, и Костя, наконец, обратил внимание на свою спасительницу. Он осторожно обнял её за плечи и приклонил к себе:

— Ну же, не время реветь! Ты не могла им помочь, никто бы не смог, — преодолевая боль, просипел Этрус. — Видела, куда они пошли?

— Нет! — девушка замотала головой. — Я была слишком напугана и спряталась за тем холмом, оттуда плохо видно, что здесь происходило... Я только видела, как Эрни пытался им помешать, но его тоже избили и заставили нести остатки воды, которые у нас были!

— Вот как, — задумчиво протянул Этрус, постепенно приходя в себя.

Странное дело, но рядом с Ольгой ему всегда становилось лучше, и каким-то краешком сознания он понимал, что это начало происходить задолго до их настоящего знакомства, словно Костя уже встречался с ней, но вот где — не помнил.

Этрус отпустил руку девушки и с удивлением отметил, что в глазах снова начало темнеть.

— Вам нехорошо? — заботливо пробормотала Ольга Николаевна, смыкая пальцы на его ладони — дурнота отступила.

— Не знаю, как ты это делаешь, милая, но не отпускай мою руку! Идём, надо позвать

Романа, надеюсь хоть с ним всё в порядке... Ничего! Дождёмся ребят с площади, догоним этих ублюдков и заставим их ответить за предательство!

Глава 4.

Сонита.

Самое высокое и крепкое дерево, на которое Кайлай положил глаз, оказалось в чаще гибких кустарников, нещадно хлеставших по рукам и ногам и всячески препятствовавших проникновению людей в свои недра. Пришлось прорубать себе тропинку в самую гущу подлеска; это заняло некоторое время, в течение которого ни Жонс, ни Прахов не проронили ни слова.

Кайлай чувствовал себя неуютно в присутствии Прахова, хотя его и тянуло в общество нелюдимого землянина. Наверное, это происходило из-за необъяснимой забывчивости последнего, ведь Кайлай не в таком уж далёком прошлом проломил ему череп гаечным ключом. Необъяснимая живучесть Романа Евгеньевича заставляла Жонса нервничать и разгадывать его, как сложный ребус. А тот факт, что после всего произошедшего Прахов спас Кайлая и Кернигана с горящей станции, ещё сильнее привязывал сонитанина к этому человеку.

Они присели отдохнуть перед восхождением на самый верх, и Кайлай вдруг заметил, что его напарник до странно подавлен и совершенно неразговорчив, что было очень необычно для людей. Он решил проявить участие, чтобы как-то разрядить напряжённую обстановку:

— Брат рассказывал мне, что землянам требуется время для адаптации в атмосфере Сониты, так что недомогание — естественная реакция организма, и скоро пройдёт.

Прахов молча взглянул на сонитанина и ничего не ответил, сунув в рот длинную травинку.

— Не советую так делать, — тут же возник Жонс, выхватывая стебелёк у Романа, — это растение ядовито.

Прахов снова промолчал, ещё сильнее озадачивая Кайлая.

— Во имя Сониты! Мои сородичи славятся своей сдержанностью, но ты бьёшь рекорды невозмутимости! — усмехнулся он, рассчитывая таким образом вынудить Прахова на ответную реакцию.

Она последовала, но вовсе не та, которую ожидал Кайлай: Роман Евгеньевич тяжело поднялся на ноги, отряхнул штаны (свой СЭН он давно снял) и начал взбираться по стволу вверх, не обращая внимания на удивлённые возгласы пришельца. Жонсу ничего не оставалось, как последовать за ним, прочно укрепив рацию за поясом. Дерево оказалось гораздо выше, чем думалось Кайлаю, или это повлияла усталость, — но они поднимались по стволу целых пятнадцать минут, прежде чем достигли верхушки. Роман Евгеньевич, опережавший сонитанина на несколько метров, первым удобно разместился в развилке ветвей и помог Жонсу вскарабкаться на соседнюю. Кайлай отдышался несколько секунд и огляделся по сторонам — от восторгахватило дух даже у него: деревья простирались до самого горизонта во все стороны, и только далеко-далеко на востоке матовой прозрачностью поблёскивали острые вершины тонких башен.

— Это станции связи, — пояснил Кайлай. — Если нам повезёт, я смогу поймать их сигнал, нужно только настроиться на определённую частоту...

Сонитанин принялся за работу, с головой погружаясь в шелест помех, когда Прахов внезапно заговорил, как-то отстранённо глядя в пустоту:

— Я тебя помню. Это был ты, ведь так?

Кайлай отвлёкся на мгновение и озадаченно взглянул на соседа, явно не понимая о чём он.

Прахов красноречиво прикоснулся к затылку и осторожно провёл по месту, где должна была зиять смертельная рана.

— Ты ударил меня тогда на корабле. Я смутно помню, за что, но ты ударил меня с такой силой, что я потерял сознание, и у меня отшибло память. Не хочешь пояснить?

Кайлай резко выдохнул, собираясь с мыслями и намереваясь сказать какую-нибудь ложь в своё оправдание, но Роман предупредил его попытку:

— Не пытайся лгать. Ты всё время лжёшь — я вижу это так ясно, что меня знобит от ярости. Ты знал про массированный удар по шатлам, поэтому так быстро среагировал. А я, как дурак, поверил, что ты спас нам всем жизни! Это ведь ты связался со своими через корабль на спутнике!

Кайлай вцепился в дерево и как загнанная в угол бешеная собака злобно оскалился на Прахова:

— Я был не в себе! Иначе не стал бы навлекать смертельную опасность на самого себя!

Роман Евгеньевич быстрым движением достал из нагрудного кармана стилет и выставил перед собой.

— Даже не думай... Уж не знаю как, но я вижу тебя насквозь! Ты хочешь избавиться от меня. Не выйдет.

— Если видишь насквозь, то мог бы и заметить, в какой сложной ситуации я оказался!!! Всё что я делал, было продиктовано одной логикой, и кто сможет обвинить меня в этом! А спасать всех вас с того спутника вообще смысла не имело! Так что не так уж я и виновен!

Роман Евгеньевич, брезгливо поморщился, но стилет опустил.

— Впервые вижу существо настолько двуличное, и... безрассудное одновременно. Не знаю, что лучше: убить тебя или поблагодарить. Наверное, убить, так будет меньше проблем.

Прахов озвучил это с таким спокойствием и равнодушием, что у Кайлая волосы на голове встали дыбом. Он инстинктивно подтянул под себя ноги и приготовился встретить атаку со смертоносной решимостью. Однако судьба распорядилась по своему, и вместо того, чтобы отражать возможное нападение землянина, Кайлаю пришлось отчаянно цепляться за ветку, с которой он соскользнул.

Прахов, не ожидавший такого развития событий, несколько секунд просто наблюдал, как сонитанин отчаянно борется за жизнь, а затем наклонился вперёд, схватил его за руку и точно рассчитанным рывком подтянул вверх. Всё ещё не веря в случившееся, Кайлай попытался оттолкнуть от себя спасителя, но Прахов уже потерял к нему интерес, и, с вернувшейся апатией, принялся глядеть в пустоту сонитанских небес.

— Ты давай, начинай ловить свои волны, а то ребята могут забеспокоиться, что нас так долго нет.

Он сказал это, даже не глядя в сторону Кайлая, и Жонс внезапно очень остро ощутил, что этот ограниченный землянин с целой кучей комплексов и фобий на почве своей профессии — презирает его! Кайлая Жонса, благородного чистокровного сонитанина! Это

чувство так поразило капрала, что он потерял дар речи, и, не зная, как ответить на дерзкое пренебрежение, просто взялся за работу, перебирая частоты приёмника.

Наконец, ему удалось нащупать передачу какой-то радиостанции, и он замер, вслушиваясь в переплетения щебечущих слов.

— Похоже, второй удар ждут в Белаир-Трауре послезавтра около полудня. Значит, нам нужно добраться до его стен как минимум следующей ночью — за шесть часов до ливня, город окончательно накроют куполом.

Прахов кивнул и тут же начал свой спуск вниз, с ловкостью кошки скользя по ветвям исполинского дерева. Когда они были уже на середине, Роман Евгеньевич внезапно замер и знаком приказал Жонсу молчать и вести себя тихо. Ветви уже давно лишились своей листвы, но защитить от чужих взглядов ещё могли.

— Этрус, — вдруг озадаченно пробормотал себе под нос Прахов. — Что-то случилось, иначе он не пришёл бы за нами так скоро!

Оставшиеся метры до земли Прахов преодолел с такой скоростью, что ему позавидовала бы обезьяна. Спрыгнув на землю, механик скрылся в кустах, и Жонс не видел, что произошло дальше. Однако, выбравшись из чащи подлеска, Кайлай сразу понял, что Прахов далеко не ошибался: обычно спокойное лицо Этруса было бледно как побелка, а держащаяся за его руку Ольга Николаевна еле сдерживала слёзы.

— ... они нас предали. Уж не знаю, на что рассчитывает этот Ламмокс, но если он вступит в сделку со здешним правительством, у нас могут возникнуть серьёзные проблемы. Где этот пришелец? Нужно поговорить с ним.

Кайлай быстрым шагом подошёл к землянам и первым же делом осторожно положил руки на плечи Ольге Николаевне.

— Всё в порядке? — тихо поинтересовался он, заглядывая в покрасневшие глаза.

Ольга Николаевна вздрогнула и вдруг отпустила ладонь Этруса, смущённая и растерянная.

— Не надо, не беспокойтесь, — прошептала она, стряхивая с себя руки Кайлая. — Вам потребуется много сил, не тратте их на меня.

Костя настороженно оглянулся на Кайлая и придвинулся ближе к женщине, словно отгораживая её от пришельца:

— Эй! Вернёмся к действительности! — неожиданно резко прозвучали его слова. — Похоже, наши приятели из лабораторий «Эксплор Технолоджи» решили вести свою игру и отправились в город без нас. Не знаю, что задумали эти ублюдки, но они прикончили Германа и Диму. Виталик с Петром и Слоаном отправились за провиантом на площадь, так что об их судьбе пока тоже ничего неизвестно, рассчитываем на свои силы. Есть возможность, что ваше правительство пойдёт с лабораторными крысами на сделку? Если есть, то нужно догнать их раньше, чем они доберутся до города.

Кайлай поморщился и провёл рукой по лицу.

— Дьявол... Конечно никто не пойдёт с ними на сделку! Озг только под прикрытием может иметь дела с землянами, на Соните вас никто не потерпит! Их убьют при первой же возможности, после того, как получат все необходимые сведения. Нужно остановить этих придурков любой ценой!

Этрус сухо кивнул и взглянул на Прахова: тот уже проверял своё снаряжение, готовясь к марш-броску.

— Отлично. Определить направление будет непросто, но поскольку поблизости только

один город, а эти падлы явно неважные следопыты, они оставят за собой след. — Этрус как-то странно поглядел на женщину, которая всё ещё странно вела себя после разговора с Кайлаем. — И кто-то должен остаться с Ольгой Николаевной, бег по пересечённой местности — не женское занятие.

Она попыталась возмутиться, но Этрус даже не обратил внимания на Виталу, ожидая предложений от своих товарищей.

— Я могу остаться, — не долго думая, откликнулся Кайлай. — Меня, конечно, это тоже касается, но всё же будет лучше, если вы сами разберётесь с сородичами...

Костя криво усмехнулся и вдруг заявил:

— Не пойдёт. Роман, остаёшься здесь. А ты, дружище, пойдёшь со мной, мне так спокойнее будет.

Прахов на мгновение озадаченно нахмурился, но чувство быстро угасло на его лице, сменившись безразличием. Он осторожно взял Виталу под локоть и подтолкнул в сторону разрытого тоннеля, где всё ещё томились в неизвестности Рихард и Ксения.

День быстро подходил к концу, напоминая, что совсем скоро буря повторится, подвергая очередному испытанию космических путников, заблудившихся в пространстве так далеко от родной Земли. Этрус и Кайлай уже несколько часов шли по следу группы из восьми человек, которые явно двигались в сторону Белаир-Траура, оставляя после себя многочисленные свидетельства своего передвижения. Кайлаю даже удалось обнаружить капли крови на гладких булыжниках вдоль протоптанной ботинками тропки. С затаённой яростью в глазах он предположил, что кровь принадлежит пленнику — Эрни Кернигану. Эта мысль здорово подстегнула обоих преследователей, и они, сами того не замечая, ускорились, быстро сокращая пройденное лаборантами «Эксплор Технолоджи» расстояние.

Наконец, Этрус услышал голоса впереди и знаком подозвал Кайлая ближе, стараясь не выделяться на фоне облетевших деревьев.

— У них привал. Можно напасть сейчас или подождать, пока они двинутся в путь, — прошептал Этрус, внимательно разглядывая выбранную землянами поляну. — Конечно, лучше всё-таки подождать, пока они отдохнут...

— Чтобы уравнивать наши с ними шансы? — едко поинтересовался Кайлай, неуютно переступая ногами на корточках.

— Нет, чтобы сохранить эффект неожиданности, когда мы нападём сзади. Тропинок тут нет, они идут друг за другом, так что у нас будет преимущество. Слушай...,- Этрус вдруг отвлёкся на Кайлая и как-то неуверенно посмотрел ему в глаза. — А ты когда-нибудь убивал?.. убивал людей?

«Вопрос с подвохом,»- подумал про себя Кайлай. Но врать было бессмысленно, если уж они собирались спустя каких-то пятнадцать минут напасть на целую толпу неподготовленных к смертельной схватке землян.

— Приходилось. По работе. Не скажу, что меня это радует, — быстро оговорился Жонс, но не заметил в глазах Этруса ни удивления, ни настороженности.

— Хорошо... мне не приходилось, и, если честно... я немного трушу. Они безжалостно убили двоих из нас, покушались на мою жизнь, но убийство! Это так... гнусно, — Костя поник, нервно потирая руки. — Не знаю, смогу ли... Это необходимо, но как потом в зеркало на себя смотреть?!

Кайлай озадаченно приподнял брови.

— Какая глупость.

— Что?!

— Это глупо, и совершенно по-земному. На Соните нет насилия, потому что нас с самого детства воспитывают как миролюбивых и чуждых страстям существ, которые могут разрешить любой спор без физического давления. Но если разумный индивид проявляет к тебе агрессию, у тебя два выхода: либо дистанцироваться от него, либо сражаться! Правда, на данный момент моё общество превратилось в совершенно миролюбивую нацию, Озну приходится воспитывать в своих сотрудниках это естественное для выживания правило. И я не вижу ничего плохого в том, чтобы наказать предателей и убийц их же оружием.

Этрус задумчиво кивнул, но всё же позволил себе не согласиться:

— Я сделаю это, но никакие оправдания не усмирят мою совесть, и по ночам мне не будет сладко спать. На то мы и люди, чтобы отличать добро от зла...

Кайлай презрительно пожал плечами и остался при своём мнении. Уж кто-кто, а сонитане видели разницу между угрызениями нелогичной совести и обычной философией выживания.

Время шло, а лаборанты всё ещё не снимались с места; похоже, они собирались заночевать прямо на поляне: несколько человек по приказу Ламмокса насобирали кучу сухих веток, остальные колдовали над костром, обжаривая какие-то кусочки, нанизанные на прутья.

О чём думал их предводитель, устраивая лагерь на таком открытом месте? Но неумелое руководство Ламмокса могло сыграть затаившимся мстителем только на руку. Расположившись неподалёку, Кайлай и Этрус поочерёдно наблюдали за своими жертвами, дожидаясь темноты и рассчитывая поквитаться за предательство, как только лаборанты уснут. Несколько раз они отмечали, как кто-нибудь из предателей поднимался от костра и шёл к связанному парнишке: в терпком холодном воздухе Сониты звучала крепкая пощёчина, затем истязатель прикладывался к самодельной фляге, в которой плескались остатки их общей воды. В чём заключался смысл бить мальчишку при каждом удобном случае? На этот вопрос Этрус смог только предположить, что таким образом бывшие товарищи наказывали отступника. Кайлай, услышав очередной хлопок, весь подбирался, как камышовый кот перед прыжком. Но им приходилось ждать, и ожидание это затягивалось.

Наконец, подёрнутый легчайшей дымкой алый диск Лутупуса опустился за кроны деревьев, погрузив джунгли во тьму. Костерок разгорелся ярче, сгущая ночную тень, заматавшуюся в высокой траве на границе поляны, и Костя решил воспользоваться этим чтобы разведать обстановку и продумать их дальнейшие действия.

Лаборанты пугливо сгруппировались возле костра, оставив Кернигана на границе света и тьмы. Они справедливо полагали, что один он ни за что не пустится в бегство по ночному лесу чужой планеты. Впрочем, решишь Эрни на побег, — всё равно бы не смог уйти далеко: парнишка выглядел измученным и больным — похоже, воды ему никто не давал.

Этрус несколько минут оценивал ситуацию на поляне, принял во внимание состояние пленника, и решил, что пора приступать к решительным действиям. Он предложил Кайлаю обогнуть поляну и напасть с противоположной стороны, как только увидит, что Этрус перешёл в наступление. Жонс послушно исчез в траве, и Костя принялся считать просебя до ста. Внезапно он услышал какой-то шум. Подумал, что это пришелец не выдержал ожидания

и бросился в атаку первым, но открыв глаза, Костя с изумлением уставился на огромного кошачьего хищника, который выпрыгнул из травы на поляну, свирепо расставив мощные лапы. Люди уже укладывались спать, и не сразу поняли, что произошло: кто-то жалобно вскрикнул — ужас прозвенел в тишине, но это длилось всего мгновение. С рыком полосатое чудовище бросилось на землян, совершенно не пугаясь огня, и разрывая тела, как тряпичные куклы. Оцепеневший Этрус смотрел на чудовищную бойню, устроенную голодным исхудавшим зверем, и не мог отвести глаз. Боковым зрением он заметил чёрную тень, метнувшуюся в его сторону, чьи-то ноги мелькнули совсем рядом, и оба тела кубарем покатались во тьму. Это вывело космонавта из ступора, и он бросился бежать, не глядя, кто следует за ним по пятам. Бешеная гонка продолжалась всего несколько минут, но костёр почти сразу исчез из виду, и на глаза опустилась космическая тьма, которая спустя мгновение расцветилась крупными алмазами звёзд. Этрус замедлил бег и, наконец, остановился, слыша такое же усталое дыхание рядом с собой. Он поднял голову, и разглядел в темноте силуэт человека в голубом СЭНе.

— Нельзя... останавливаться!...,- истерически вскрикнул выдохшийся лаборант, — бежим дальше!

И Костя узнал его — это был Иван Ламмокс. Он не погиб под когтями хищника, не напоролся на ветки во тьме, не сломал себе ногу, прыгая по кочкам и рухнувшим после бури деревьям... Сама судьба зывала теперь к Этрусу восстановить справедливость в этом мире!

Этрус медленно выпрямился.

Адреналин в его крови всё ещё зашкаливал, и, наверное, поэтому ярость так сильно захлестнула голову капитана... Он вдруг кинулся вперёд, повалил тщедушного лаборанта на землю и несколькими ударами огромных кулаков выбил из его хитрой себялюбивой головы сознание. С чувством выполненного долга, Костя схватил его за ботинок и потащил по земле, совершенно не заботясь, что будет с пленником, после нескольких часов такой пытки.

Глава 5.

Сонита.

Увидев разъярённого мирамаса на поляне, Кайлай сперва оторопел. Дело в том, что все крупные хищники торопились залечь в спячку перед сезоном дождей, поэтому начинали набирать вес задолго до первого удара, и к моменту облетаия листвы уже попросту не могли охотиться. Однако у этого мирамаса, похоже, были серьёзные проблемы с добычей, и он не успел подготовиться к трём месяцам непрерывных дождей. В каком-то смысле, ему повезло — несколько человеческих тел вполне могли обеспечить хищника достаточным запасом жира, который, благодаря удивительному обмену веществ, мог накапливаться и сжигаться за какие-то часы. Не повезло в этой ситуации только лаборантам «Эксплор Тхнолоджи». Но, поскольку, их участь была предрешена ещё до появления истощённого охотника, Кайлай ничуть не опечалился их трагической гибелью, и лишь пожелал удачливому мирамасу спокойно переждать сонитанскую зиму.

Поскольку Керниган сидел на самом краю поляны, Жонсу не составило труда рывком втащить его в заросли травы и заткнуть рот ладонью. Эрни сделал несколько слабых попыток вырваться, но быстро сдался на милость судьбе, едва ли понимая, что происходит, и кто поддерживает его голову. Не вдаваясь в разъяснения, Кайлай перехватил мальчишку под руки и ретировался подальше от места пиршества мирамаса.

Удалившись на приличное расстояние, он остановился перевести дух и только теперь заметил, что к поясу Кернигана привязана самодельная фляга с водой. Жонса уже давно мучила жажда, поэтому он сначала утолил её сам, а потом влил несколько капель в рот Эрни. Керниган закашлялся и мгновенно очнулся, отчаянно протягивая руки к заветной фляге.

— Нет, подожди! Лучше держать буду я, а то прольёшь, пей осторожно.

Эрни пил долго и жадно, мелкими глоточками, словно пытаясь продлить это несравненное удовольствие. Вода оказала благотворное влияние на его самочувствие: он вдруг узнал Кайлая, и из его горла вырвался удивлённый возглас:

— Джозеф! Я не верил, что вы придёте...

Жонс похлопал его по плечу и взялся за верёвки, которые опутали ноги и кисти рук юноши. Кожа под ними взбухла и посинела, кое-где проступила кровь, но от радости Эрни не замечал боли. Он попытался согнуть пальцы, вздрогнул, поморщился и смущённо улыбнулся Кайлаю:

— Извините, мне надо в туалет...

Сонитанин отвернулся и подождал, пока землянин справит мелкую нужду. По измученному лицу Кернигана, Кайлай понял, что ему было очень непросто сделать эти несколько шагов за дерево и просто пописать.

— Ты же ходить не можешь...,- плохо скрывая гнев, прошептал Кайлай.

— Я...,- Эрни, видимо, решил, что сонитанин сердится на него. — Несколько минут, и я смогу идти наравне с вами!

Жонс состроил гримасу и заставил Кернигана сесть. Лодыжки выглядели чуть лучше кистей, потому что основной путь Эрни прошёл на своих ногах, но, в конце концов, перевязаны они были так неумело, что это нанесло серьёзный вред кровеносной системе.

— Не понимаю, зачем?.. — шипел Кайлай, стараясь размять затёкшие конечности. — Ты ведь нёс воду. Зачем они издевались над тобой? Ведь это бессмысленно!

— Жестокость смысла не имеет, — с усмешкой констатировал Эрни, машинально дотрагиваясь до синяков на лице.

— Только у людей. Сонитане не такие.

Сказав это, Кайлай вдруг подумал, как часто он сам поступал гораздо хуже, основываясь на логике и здравом смысле. Проведённые параллели между перепуганным мальчишкой Керниганом и другими людьми, заставили всё его существо содрогнуться от внезапно нахлынувших чувств ужаса и раскаяния. Кайлай даже замер, глядя широко раскрытыми глазами в пустоту.

Эрни что-то спросил, прикоснувшись к его плечу, но вдруг передёрнулся всем телом, словно от удара током.

Кайлай моргнул, взглянул на изумлённое растерянное лицо Эрни, затем на свои руки: они слегка сжимали ноги мальчишки, и мерцающий радужный свет пробегал под ладонями, утекая множеством искорок вверх по его телу.

— Что?!..

Он отбросил свои руки назад, словно те его предали.

— Что это было? — тихо прошептал Керниган, осторожно поглаживая абсолютно здоровые лодыжки. — Как вы это сделали?

Кайлай скорчил злую гримасу и быстро поднялся на ноги.

— Вставай! Если можешь идти, нам нужно до рассвета попасть обратно в Белый Город. Осталось мало времени до второго удара.

Эрни согласно кивнул, попытался сделать несколько шагов, но это доставило ему такую боль, что ноги мальчишки сами собой подкосились, и он рухнул наземь, как глиняный Колосс.

— Я смогу, я сейчас встану! — сдавленно вскрикнул он, видя, с каким лицом Кайлай наклонился, чтобы помочь.

— Заглохни...,- резко оборвал его стенания Кайлай.

Он снова усадил Кернигана поудобнее, засучил рукава, и наложил руки на его истерзанные ступни, ожидая какой-нибудь реакции. Но проявившиеся внезапно силы, видимо, не торопились покидать тело хозяина, и мгновения утекали напрасно.

— Может, не стоит?... — вдруг задумчиво произнёс Эрни, как-то отстранённо взирая на старания пришельца. — Времени мало, вам следует поспешить...

Кайлай с неприкрытой ненавистью пронзил мальчишку красноречивым взглядом и вернулся к своему сосредоточенному трансу. Однако мысль сомнения уже закралась в его логично построенную голову, и он вдруг представил, что легко сможет оставить Кернигана на произвол судьбы в этих джунглях. Часть его даже просила об этом, смутно предчувствуя надвигающуюся бурю, которая ещё даже не начала формироваться в высших слоях атмосферы. Кайлай представил, как это будет просто — подняться с колен и, ничего не говоря, не оборачиваясь, просто уйти. Он даже сможет забыть обратную дорогу, ведь так легко потеряться в этих лесах без надёжного ориентира...

Кайлай поднял голову и испугался того, как мышцы на его ногах напряглись, словно

собираясь поднять тело вверх.

— Я никуда не уйду, — отчётливо произнёс он самому себе, но Эрни, не знавший этого, ответил:

— Я знаю. Вы говорили много ужасных вещей, но всегда помогали мне, когда любой другой бросил бы.

Кайлай вдруг страшно усмехнулся; по его лицу прошла судорога.

— Я всегда делал это из корыстных побуждений. Понятно? Я всё делаю во славу Сониты, и только. И когда сказал, что помогу тебе спасти Виталу, я лишь хотел пробраться в город и похитить её для своей планеты. Твоя глупая вера в меня абсолютно лишена смысла.

Кайлай рассчитывал увидеть на лице Эрни удивление или разочарование, но глупый мальчишка лишь спокойно прикрыл глаза, откинувшись на ствол дерева.

— Что, не думал об этом, да? — издевательски продолжил сонитанин, ещё сильнее раздражаясь от наигранного спокойствия землянина. — Я могу обмануть кого угодно. Нас обучали читать людей насквозь, менять своё поведение, внешность и голос не хуже хамелеонов! Эй! Взгляни на меня, чёрт побери!!!

Рассерженный Кайлай с силой тряхнул землянина за плечи, и Эрни был вынужден открыть глаза — всё его существо тут же замерло в изумлении: глаза сонитанина напротив были растворены в радужном переливчатом свете, его волосы и кожа полыхали искрами и всполохами, а сведённый в ярости рот, оттенённый сиянием, казался ужасной гримасой.

— О, Боже... Кто вы?

— Я собираюсь всё исправить! — ничего не слушая, продолжал Кайлай, и свет, исходящий от него, разливался пожаром вокруг, пронизал воздух, гремел серебряными струнами в звуках. — Эти чувства внутри меня невозможно больше сдерживать, либо я сгорю, погибну в этой силе, как спичка! Либо приму их, и сойду сума, как вся ваша проклятая цивилизация!

Он схватил мальчишку за горло, но пальцы не сжались в смертельном удушьи, а будто проникли внутрь, потекли весте с кровью по венам, одним движением смешали его сознание, и утопили Кернигана в безболезненном сиянии.

Глава 6.

Сонита.

Они появились с разных сторон городских развалин практически одновременно.

Этрус выглядел уставшим и подавленным — позади него, еле перебирая ногами, волочился Иван Ламмокс в изорванном скафандре, привязанный ремнями к запястью капитана. Увидев Романа, Этрус остановился и тяжело опустился на землю, Ламмокс позади него кулём упал на траву и мгновенно затих. Когда Прахов подбежал, чтобы помочь, с противоположной стороны джунглей показалась вторая парочка: Жонс и Керниган. Эти брели, едва разбирая дорогу, не поднимая глаз, и казалось, будто они даже не поняли, что вышли к нужному месту.

Пришлось позвать на помощь Петра и Виталия, которые занимались укреплением хода в подземный лаз. Усталых путников быстро перетаскили к деревянной лестнице и спустили вниз, не обращая внимания на отчаянные попытки некоторых сопротивляться этому.

Оставшись вдвоём перед незаконченным спуском в подземные катакомбы, Роман Евгеньевич и Ольга Николаевна решили не терять зря время: при помощи изумительных способностей Виталы и под руководством Ксении они сотворили живую лестницу, которая врезалась корнями в сырую землю и оплела глинистый ход вниз прочной сеткой. Пленники были спасены, но оказалось, что их тюрьма нечто большее, чем просто выход на поверхность карстовых пещер. Тоннели расходились причудливым лабиринтом глубоко вниз, постепенно сливаясь в один общий поток, явно рукотворного происхождения. Стены и своды этого прохода были облицованы идеально подогнанными мегалитными плитами, а пол представлял собой литую поверхность какого-то прозрачного материала, внутри которого находились фосфорицирующие включения, реагирующие на давление. Роман решил не углубляться далеко внутрь прохода, поскольку его сопровождал только Слоан Карпентер, и вдвоём они рисковали заблудиться или попасть в какую-нибудь ловушку. Но обнаруженные на стенах и полу тоннеля знаки вызвали удивление и массу вопросов у землян, так что повторный спуск был делом решённым. Появление Этруса и Кайлая, только поспособствовало этому.

Объяснив ситуацию Этрусу, Роман также довёл до его сведения, что запасов воды, которыми они располагали на данный момент, могло не хватить, чтобы преодолеть нелёгкий путь до Белаир-Траура. Им в любом случае пришлось бы дожидаться где-нибудь затишья бури.

Уговорить Кайлая оказалось гораздо сложнее. Сонитанин был ранен: во время схватки с похитителями его ударили по глазам веткой, и теперь слипшиеся веки не открывались. Эрни Керниган всю дорогу вёл его за руку, и даже теперь не отходил от спасителя, во всём помогая ему. Когда же Ольга Николаевна попыталась приблизиться к сонитанину, чтобы помочь, мальчишка взвился как разъярённый тигр и запретил Витале использовать свои

способности, ссылаясь на то, что у сонитан и людей разная физиология.

Странное поведение обоих насторожило землян; но когда Кайлай услышал о подземных катакомбах, ведущих вглубь земли, он устроил настоящую истерику! Сонитанин умолял землян не ходить в тоннели, пытался вытащить Кернигана на поверхность и вёл себя совершенно как безумный. Роману Евгеньевичу пришлось связать его вместе с Ламмоксом и оставить под охраной Виталия Снегирёва, пока остальные уцелевшие члены колонии отправились изучать удивительные знаки.

Кайлай выглядел совершенно подавленным, сидя на холодном полу пещеры. Он молчал, несмотря на упорные попытки Ламмокса разговаривать пришельца. Похоже, лаборант питал слабую надежду переманить связанного сонитанина на свою сторону, и с его помощью бежать. Он знал, что его ждёт, когда Этрус разберётся с насущными проблемами, поэтому использовал последний шанс. Зорко следящий за этими манипуляциями Снегирёв никаких попыток помешать ему не делал, поэтому Ламмокс в конце обнаглел, открытым текстом призывая Кайлая исправить положение:

— Вот так всегда и бывает, когда связываешься с военными, приятель! Сначала они твои друзья, а потом ты получаешь нож в спину. Если бы я знал, что всё так обернётся, никогда не пустил бы этих моргиналов на станцию! Ведь гибель Геленджика это, наверняка, их штучки!

Иван поперхнулся, уловив предостерегающий взгляд Снегирёва, но всё же продолжил шёпотом:

— С этими землянами нельзя иметь дел, они как ядовитые змеи! Но ты мог бы всё исправить, ещё не поздно бросить их здесь!..

Внезапно острый крик заставил всех подпрыгнуть от неожиданности. Виталий быстро достал нож, но тревога оказалась преждевременной — это беременная женщина, которая не приходила в себя уже несколько суток, внезапно очнулась. Однако её пробуждение стало одним истошным воплем боли. Сжав худыми пальцами подстилку из опавшей листвы, каторжанка кричала в холодный осенний воздух, пытаясь через горло выплеснуть горькую муку. Все попытки успокоить её ни к чему не привели — женщина продолжала надрывно кричать, прерываясь сухими рыданиями.

— О, Боже, да она же рожает! — испуганно вскрикнул Ламмокс, заметив, что у бывшей подопытной отошли воды.

Виталий, не готовый к такому развитию событий, растерялся, не зная чем помочь, или как вызвать на помощь остальных землян. Его подохранные вели себя не лучше: Ламмокс вдруг страшно побелел и вспотел, а сонитанин, до того молчавший, принялся уговаривать Снегирёва отпустить его за остальными. Находясь в затруднительном положении, Виталий почти поддался на страстные уговоры Кайлая, но его спасло появление землян в проходе, которые также слышали отчаянные крики женщины.

На своём относительно спокойном веку Ксении ещё не доводилось бывать в роли акушера у людей; но из старых двумерных фильмов, которые не в пример современным гиперобъёмным новинкам освещали самые разнообразные аспекты человеческой жизни, она приблизительно представляла, как принимали роды врачи начала двадцать первого века. Уверенности ей это не прибавляло, но всё же лучше чем ничего, тем более что по глазам

Ольги Николаевны Ксения поняла — женщине это тоже в новинку, и нужно стараться вести себя как можно спокойнее, дабы не накалять и без того напряжённую обстановку.

— Я — Витала, так что всё будет в порядке, — тихо, но твёрдо произнесла она так, чтобы только роженица слышала её, — твой ребёнок в полной безопасности, осталось помочь ему появиться на свет. Когда почувствуешь сильные схватки — тужься! Оля, нужно будет перевязать малышу пуповину, найди крепкую нить, или отрежь локон волос — тоже подойдёт. Ещё нужна чистая ткань, может, кто-нибудь пожертвует своей курткой...

За тканью дела не стало: все мужчины как один предложили свои форменные хлопчатобумажные рубашки, под которыми носили обычные трикотажные майки. Прядь волос также была благополучно срезана с головы Ольги. Трудности начались, когда спустя два часа мучительных схваток женщина не смогла разродиться. Вполне вероятно, это было в порядке вещей, но истошные вопли могли привлечь к маленькому подземному лагерю хищников, и земляне начали серьёзно беспокоиться, как бы новая жизнь не стоила им десяти. Ксения быстро уловила перемену в настроении окружающих, и ей ничего не оставалось, как принять решение сделать Кесарево сечение. Эта область медицины была за гранью её познаний, но способности Виталы давали некоторую надежду исправить причинённый вред.

Ксения, попросила у Рихарда нож, а когда тот деликатно отвернулся, несколько раз облизнула его и одним махом (чтобы не дрожали руки) сделала широкий надрез в нижней области живота роженицы. Женщина коротко вскрикнула и затихла, что немедленно привлекло внимание остальных землян, но, поскольку вопли прекратились, никто не стал выяснять, в чём там дело.

— О, Господи! — тихо взвизгнула Ольга, когда увидела, что натворила Ксения.

— Я достаю его, помогай!

Ребёнок появился на свет в околоплодном пузыре, но выглядел вполне здоровым, поэтому Ксения сразу занялась матерью, поручив новорождённого заботам Ольги. Она умело залечила кровоточащую рану, и раньше, чем раздался первый крик младенца, роженица, стараниями Ксении, пришла в себя, получив на память о варварской операции только болезненный шок и уже растворяющийся розовый рубец на животе.

Люди вздохнули с облегчением, поняв, что всё закончилось благополучно, однако маленькая победа не отодвигала на второй план насущные вопросы выживания.

Земляне вдруг начали собираться, раскладывая свои скромные запасы по самодельным мешкам. Слеплённый Кайлай не мог видеть, что они делают, но он почувствовал неладное, и тихонько подозревал Кернигана. Мальчишка тут же оказался рядом:

— Что такое? Вы хотите пить?

— Нет, — Кайлай облизнул сухие губы и поморщился. — Почему такая суeta вокруг? Что-то случилось?

— Мы идём в пещеры. Там безопасно, правда! Просто вы не знаете...

Кайлай опустил голову и что-то тихо пробормотал.

— Что? — Эрни наклонился ближе, но тут же замер, пригвождённый к месту.

Глаза сонитанина вдруг оказались прямо на уровне его глаз, и не гаснущий в них свет ослепил юношу.

— Не вздумай! Не смей идти вместе с ними! Это очень опасно... и запрещено!

Эрни разогнулся, но отрицательно покачал головой.

— У нас нет выбора. И вы тоже пойдёте с нами, Джозеф.

— А почему это опасно? — дрожащим голосом поинтересовался бледный, как смерть, Ламмокс, не заметивший ослепительной вспышки в открывшихся на мгновение глазах Жонса.

— Ни одному сонитанину нельзя ступать в Белый Город. Так назначено обществом, значит, есть на то причины...

Иван истерично хохотнул и громко заявил:

— Если ты не знаешь, то общество обманывает тебя! Эй, что вы нашли в этом тоннеле?! Что там такого, что их правительство лопóшит этих дуралеев?

Этрус сердито обернулся на разошедшегося пленника, и вдруг резко схватил его за ворот:

— А что ты такого скрываешь, что решился на убийство своих же людей, а, Ламмокс?! Ты хоть знаешь, почему всё ещё жив? Потому что я собираюсь обстоятельно поговорить с тобой в подходящих условиях...

Иван оцепенел, как ядовитая змея — не отводя взгляда от зрачков Этруса, и вдруг прошипел:

— Если я расскажу, почему мы решились на побег, ты оставишь меня в живых?

Костя отпрянул назад и неуверенно оглянулся на Романа, который внимательно следил за разговором, собирая провизию и самодельное снаряжение. Прахов задумчиво кивнул и, как ни в чём не бывало, продолжил сборы.

— Ну, что?! — нервно воскликнул Ламмокс. — Это всё ещё важно, особенно если вы собираетесь спускаться в тоннели! У меня ведь была причина так поступить, Этрус! Тебе лучше знать её...

Костя сложил руки на груди и по его скулам заходили желваки.

— Хорошо...

— Скажи это громко, чтобы все слышали тебя!

— Ты думаешь, если я скажу при свидетелях, это обеспечит твою безопасность больше, чем моё слово? — едко поинтересовался Этрус, тяжёлым взглядом буравя Ламмокса.

Лаборант жёстко усмехнулся, однако на его бледном лице выступил пот.

— Ты честный человек, Константин Геннадьевич, я верю твоему слову. Но всё же скажи это громко, чтобы у тебя не было соблазнов, нарушить свои принципы.

Этрус гневно дёрнул подбородком, но усмирил гордость и громко отчеканил:

— Я не причиню тебе никакого вреда. Теперь отвечай, зачем вы убили офицеров?

Все, кто находился поблизости, замерли, прислушиваясь к словам лаборанта.

— Мы не хотели их убивать, так вышло...

Послышался ропот возмущения, но Костя жестом руки заставил их замолчать.

— Продолжай.

— Мы просто хотели убраться отсюда подальше! Вы как одержимые взялись копать этот чёртов холм, даже не подозревая о том, что здесь находится!

Теперь уже все земляне изумлённо подняли головы и оставили свои дела. Даже безразличный к общественным возмущениям Прахов чутко повёл головой, прислушиваясь к неровному голосу Ламмокса.

— Что, вы думаете, мы делали в лабораториях всё это время? Искали лекарства от болезней?! Чёрта с два! Эксперименты с Виталами были нужны лишь для того, чтобы

скрестит два совершенно чужих друг другу вида: человека и Фантазёра. Думаю, не нужно рассказывать вам, о способностях последнего — все ведь знают, чем питается эта туманикская тварь!

И нам удалось, представьте себе... Беременная сучка, которую вы так бережно охраняете, родила гибрид, а не человека! Столько лет труда, если бы только это произошло в лаборатории..., но здесь! Маленький ублюдок опасен! Его нельзя оставлять в живых, иначе он убьёт нас всех!

В полутьме тоннеля повисло тягучее и вязкое, как смола, молчание. Никто не мог отвести от Ламмокса взгляда; только услышавшая всё это из дальнего угла каторжанка странно всхлипнула и прижала к груди замотанный в рубашку свёрток. Как во сне, Виталий Снегирёв сделал несколько шагов вперёд и с размаху вlepил лаборанту такую пощёчину, что тот повалился на бок, потянув за собой Кайлая. Ламмокс тут же вскинул голову, измазанную в крови, но его больше никто не тронул.

Земляне взялись за свои брошенные дела: Этрус освободил Кайлая и поручил его заботам Кернигана; для разродившейся девушки смастерили носилки из скафандра Этруса... На Ламмокса никто не обращал внимания, словно он перестал существовать.

Наконец, вся команда была в сборе, Этрус провёл контрольную проверку снаряжения своих людей, огляделся по сторонам, чтобы удостовериться, не забыли ли они чего, и, наконец, махнул рукой, сигнализируя о выступлении. Первая тройка исчезла в чёрном провале карстовой пещеры.

— Э-э-эй! Вы что, решили бросить меня здесь?! — Ламмокс, отчаянно заметался, пытаясь вырваться из опутавшей его с ног до головы верёвки. — Вы не можете! Этрус! Ты же обещал!!!

Костя замер на мгновение, наполовину скрывшись за скалистым поворотом, бросил на Ламмокса пустой, ничего не выражающий, взгляд и равнодушно произнёс:

— Я тебе ничего не сделаю, Иван. Прощай.

Дикий вопль ещё долго отражался жутким эхом в каменной щетине сталактитов и сталагмитов, но чем глубже они спускались под землю, тем тише он становился и, наконец, совершенно затих, оставив об Иване Ламмоксе одно лишь воспоминание, которое хотелось поскорее забыть. Только единожды его имя прозвучало вслух, когда Роман Евгеньевич, поняв, что наступила долгожданная тишина, тихо обратился к Этрусу, поравнявшись с ним:

— Он умрёт от жажды, или от голода?

— Что? О ком ты? — вежливо поинтересовался Костя, намеренно подчёркивая, что не хочет говорить об этом. Он поддерживал один из краёв носилок, и казался немного уставшим, однако Прахов не отставал:

— Я о Ламмоксе. Так что же?

— Надеюсь, он захлебнётся, — жёстко отчеканил Этрус и бросил на Прахова многозначительный взгляд, означающий конец разговора.

В этот момент они достигли начала рукотворного тоннеля, ступив на гладкие наливные плиты. Коридор осветился приятным голубоватым светом, напоминающим сонитанские сумерки. Земляне замерли, с удивлением и восторгом разглядывая набитые на стенах надписи на всевозможных земных языках, которые много столетий назад слились в один общепринятый диалект. Каждая строчка гласила: «Истина — это наказание, которого невозможно избежать». Слова переплетались между собой замысловатыми узорами и

тянулись вглубь тоннеля, словно ведя за собой случайных исследователей.

— Ну что? У кого-нибудь ещё остались сомнения? — с ликованием в голосе воскликнул Этрус, оглядываясь на замерших друзей.

— Это потрясающе!.. — шёпот восхищения волной пробежал над головами и разбился об угрюмое молчание Кайлая.

— Как твои глаза, сонитанин? — самодовольно поинтересовался Костя, останавливаясь перед ним. — Тебе следовало бы взглянуть на это!

— Джозеф, попробуйте открыть глаза, вы должны увидеть! — прошептал Эрни, прикоснувшись к его плечу, но Кайлай что-то рывкнул на сонитанском и опустил голову.

— Что вы видите? — наконец прошептал он, до боли сжимая кулаки.

— Здесь повсюду земные слова! Стены испещрены человеческим языком — нашим языком! — Этрус всеохватывающим жестом обвёл рукотворную пещеру. — Сколько лет твоему Белому Городу? Ты говорил, что он древнее, чем вся наша цивилизация, но посмотри! Откуда взялись эти слова?..

Кайлай вскрикнул, как подбитая птица, и распахнул залепленные кровью глаза.

— Нет!!!

Его светящиеся зрачки напугали землян, но Жонсу было не до этого: он вертелся на месте, чуть согнувшись в коленях, словно придавленный нахлынувшим ужасом.

— Нет, это невозможно!!! Кто посмел осквернить?! Кто?!?

Он вдруг закричал, так громко и отчаянно, что у землян кровь застыла в жилах. Из распахнутых глаз покатались кровавые слёзы...

Люди рухнули на пол, как подкошенные. Вдыхаемый ими воздух стал влажным и горячим, как вулканический выброс — перед глазами задрожало раскалённое обжигающее марево. Пытаясь спастись от ужасного жара, земляне закрыли глаза руками, но неведомая сила не давала им и сдвинуться с места. Постепенно каждый из них ощутил внутри нарастающее жжение, никак не связанное с раскалившимся воздухом. Оно поднималось от сердца, захватывая лёгкие, голосовые связки, щёки... И чем выше — тем сильнее, иссушая внутренности, делая кровь густой, как дёготь.

Только Ольга Николаевна нашла в себе силы преодолеть чудовищное влияние сонитанина. Сначала она сделала несколько неуверенных движений в сторону Кайлая, затем приподнялась на колени, и вот уже стремительная молния повалила Жонса на пол. Её ладони зажали сведённый судорогой рот — сонитанин задёргался как эпилептик.

— Помогите! Нужно остановить его!

Никто тик и не понял, что произошло, но давящая на сознание сила внезапно спала. Быстро очнувшиеся Рихард и Слоан прижали сонитанина к полу, отчего плита засветилась ещё ярче. Через несколько минут мышцы Кайлая перестали ходить ходуном и радужный свет в глазах потух.

Это длилось всего мгновение — страшная сила Кайлая ещё не успела причинить землянам вреда, но каждый из них ощутил на себе её безысходную смертельную мощь.

— Что за дьявольщина здесь происходит?! — сердито и растерянно потребовал ответа Этрус, помогая остальным подняться на ноги после пережитого потрясения. — Ольга Николаевна?!

— Он не виноват! — женщина, наконец, отпустила голову Кайлая и ласково провела по

его лицу. — Мы должны помочь ему!

— Только этого не хватало — тащить на себе здорового мужика!.. И что это должно значить: он не виноват?!

— Он — Витала, как и я...

Этрус хотел было разразиться гневными возражениями, но внезапно понял — о чём говорит эта женщина, рядом с которой ему всегда становилось хорошо. Он с неприязнью окинул взглядом распростёртое тело сонитанина, и руки Виталы у него на груди.

— Мне это ни о чём не говорит! Он — опасен!..

— Но это не повторится! — отчаянно взмолилась Ольга Николаевна, закрывая Кайлая руками, как птица крыльями своего птенца. — Это никогда больше не повторится!

В тоннеле повисла тишина: земляне ждали решения своего предводителя.

— Если он не встанет на ноги в ближайшие пятнадцать минут, мы оставим его здесь!

— Что?! — Слоан возражающее замахал руками перед лицом Кости. — Он чуть не убил нас всех! Совершенно ни за что! Твой авторитет, Константин Геннадьевич, я, конечно, уважаю, но мы и так слушались тебя во всём, и вот что получили! Половина группы погибла, пусть и не по твоей вине, но ведь всё могло сложиться иначе... Спроси лучше, чего хотят остальные, и ты увидишь, что не все здесь такие идеалисты!

Слова Карпентера словно холодной водой окатили Костю.

— Да, ты прав. Я взял на себя слишком много, пытаюсь защитить вас, это моя ошибка. Вы в праве сами решать, как поступать дальше! Но этот пришелец — единственный, кто может помочь нам выбраться с этой планеты и вернуться домой! Он чуть не погубил нас, но я верю Ольге Николаевне, верю, что это не повторится!..

Слоан картинно отступил на шаг от капитана и потёр ладони друг об друга:

— Я умываю руки! Я не потащу его на себе, — он огляделся по сторонам. — Кто-нибудь сделает это?

Под его взглядом глаза мужчин опускались. Они и так сделали больше, чем от них требовалось, взяв на себя ответственность за разродившуюся каторжанку. Та, хотя бы, была человеком, жертвой экспериментов...

— Не придётся, — спокойно ответил Роман Евгеньевич, отстраняя метнувшегося к сонитанину Кернигана. — Я понесу его на себе, пока он не очнётся. Эрни возьмёт мою поклажу. Это всех устроит?

Возразить было нечего даже Слоану. Немного передохнув, процессия вскоре двинулась в путь.

Долго тащить на себе тело сонитанина Прахову не пришлось — постоянный контакт с Ольгой Николаевной привел его в чувство за каких-то полчаса; однако после пережитого Кайлай с трудом мог стоять на ногах. Кровавые слёзы всё ещё катились по его щекам, и он отказывался разговаривать с землянами, нагнетая и без того натянутую атмосферу.

Чем глубже они спускались под землю, тем тяжелее становилось дышать, и это уже неоднократно замечали то один, то другой члены команды. Постепенно лёгкое замешательство овладело землянами. Каждую минуту они ждали, что вот-вот появится нечто удивительное — но подсвеченный коридор, казался бесконечным, и уводил их всё дальше от поверхности, пока в головы людей не закралась страшная мысль, что у них не хватит, ни воды, ни еды, ни сил, чтобы вернуться обратно...

В такой вот критический момент, когда большинство было уже на грани паники,

земляне, наконец, достигли своей цели: перед ними возникла сплошная стена, означавшая конец коридора.

Она была абсолютно гладкой, без единого намёка на дверь, или какой бы то ни было проход. Учитывая, что по мере пути землянам не встречались боковые ответвления коридоров, стало совершенно ясным, что древний строитель просто пошутил. Он устроил самую настоящую мышеловку, в которую люди забрались по собственной воле, но уже не могли выбраться, собственноручно обрекая себя на мучения и, в конце концов, на гибель. Разочарованные и потрясённые, они стояли перед монолитом и не могли поверить в происходящее. Надежда меркла на глазах.

Неожиданно, молчаливо наблюдавший за происходящим Кайлай вдруг взял Кернигана за руку, притянул к плите и положил его ладонь на зеркальную поверхность стены:

— Истина — наказание, которого невозможно избежать.

Стена дрогнула и с плавным шелестом поехала вниз, открывая широкую арку глазам изумлённых землян.

— Это древняя технология сонитан, — тихо пояснил Кайлай, печально наблюдая, как нерушимая скала опускается в толщу породы. — Замок, реагирующий на ДНК и звуковые вибрации. Таким образом создатели проверяли, достойно ли существо пройти внутрь. Что же, вы — достойны... те, кто построил этот коридор, знали о вашем существовании.

Наконец, стена поравнялась с уровнем наливного пола и замерла. Земляне увидели перед собой огромный круглый зал десятки метров высотой. По стенам вились каменные уровни и лестницы, заставленные призрачно мерцающим оборудованием. Как только Кайлай сделал шаг внутрь, таща за собой упирающегося Эрни, купол зала осветился ярким солнечным светом, и многочисленные мониторы вспыхнули, словно глаза проснувшегося чудовища.

— Похоже на информаторий. Такие строили и у нас когда-то, — отчуждённо констатировал Кайлай, обводя глазами многочисленные компьютеры, встроенные в скальную породу. — Оборудование так искусно вмонтировано в камень, что ни одна молекула не может проникнуть внутрь, там сохраняется полный вакуум. Это защищает аппаратуру от старения. Здесь где-то должна быть справочная автоматика.

Земляне послушно следовали за ним, как стадо испуганных овечек. Они с восхищением и любопытством озирались по сторонам, с трудом представляя, кто мог сотворить подобное, и сколько энергии было затрачено на то, чтобы вырубить ажурный зал в монолитной скале.

— Вот и он! — наконец заявил Кайлай, останавливаясь у плоского пульта, напоминавшего квадратную чашу, заполненную тяжёлой водой или жидким металлом. Несколько движений пальцами, и перед ними возник прозрачный голографический экран с застывшим изображением мужского лица.

По гладкой поверхности пульта пробежали волны, и лицо ожило, глядя на зрителей запавшими, чёрными как горящие уголья глазами:

«Я не знаю, кто сейчас стоит передо мной, кто будет слушать моё признание: человек ли, или уже сонитанин? Поскольку мне неизвестно, кто победит в войне, которую я начал...»

Земляне смотрели запись, не отрываясь, позабыв о голоде, жажде и своих насущных проблемах.

Мужчина представился Микаэлом Кастандером, и начал свою повесть с того мгновения,

как его корабль отправился через спинс-ворота в неизвестную часть галактики, такую далёкую от Земли, что ни один спутник не бывал там, и учёные знали о существовании планеты только по её свечению. Он поведал о своём заболевании, и безответной любви к капитану корабля Сакуи Кайто. Рассказ тянулся легко и непринуждённо, будто не было ничего, что бы рассказчик мог бы утаить или замолчать. Его откровенность смущала и одновременно заставляла верить безоговорочно...

Глава 7.

Солнечная система Пси-241. Тетта Софии.

Колония «Белый Город» 2664 г.

Колония была на грани гибели. Потеря шестидесяти семи тысяч восьмидесяти семи человек грозила полным разорением Купола и утратой многих добывающих производств, которые снабжали колонию рудой, химическими элементами и растительной пищей. Правительство быстро взяло ситуацию под свой контроль, разрушив кастовые полномочия и перебросив основной костяк специалистов на жизненно важные производства. Людям приходилось работать по восемнадцать часов в сутки, они буквально спали на рабочих местах, позабыв о том, что такое нормальный сон, отдых и личная жизнь. Но даже при такой нагрузке на оставшееся население — колония «едва дышала». Ситуация усугублялась ещё и тем, что измотанные сорок тысяч человек работали изо всех сил не просто, чтобы выжить самим — они кормили сотню тысяч детишек, которые напрямую зависели от них. И сколько это должно было продолжаться — никто не знал.

В конце концов, люди перестали справляться с нагрузками. Участились случаи нервных срывов, переутомлений и обострений заболеваний. Последней каплей стало самоубийство Артёма Постного, потрясшее всю колонию. Череда забастовок и волнений, последовавших за этим трагическим событием, принудила высшие чины искать альтернативное решение, которое вскоре было найдено.

Сотня тысяч восьмилетних детей с приставленными к ним пятьюдесятью тысячами Ратцев были в срочном порядке доставлены на Тетту Софии и размещены под Куполом.

Это стало первым испытанием в жизни нового поколения планеты: их коротенькое детство быстро закончилось, и теперь малыши были вынуждены большую часть суток проводить вдали от своих приёмных родителей, находясь под присмотром Ратцев-воспитателей. Роботы же, тем временем, пришли на помощь измотанным жителям колонии, получая необходимые подпрограммы уже непосредственно на месте своего назначения.

Внедрить новую схему поведения в их сложную операционную систему, загруженную программами человеческой личности, родительской любви и определённой специальности в штате корабля — было практически невозможно. Приходилось оперировать способностью Ратцев к обучению. Эта часть их сознания функционировала соразмерно человеческим способностям, то есть, в короткие сроки обучить роботов сложным манипуляциям было довольно сложно. Однако помощь их, даже в качестве подручной силы, оказала спасительное воздействие на колонию. Многие функции были полностью переложены на неутомимые плечи Ратцев, такие как обслуживание столовых, уборка помещений, профилактика канализационных стоков Купола. Роботы не занимали много пространства: выполнив вечером свои родительские обязанности по уходу за детьми, они собирались на ночную подзарядку в пункты общественного доступа к сети и оставались там до утра. В каком-то смысле, эти умные машины стали просто незаменимы.

Но психология человека не терпит конкуренции. Жители станции начали жаловаться, что роботы притесняют их: они придумали свои сообщества и начали держаться особняком от «механической силы», проявляя всё более ощутимую агрессию по отношению к Ратцам. Вероятнее всего им просто было невыносимо видеть, что какой-то робот успешно растит их детей, купается в лучах наивной детской любви, успешно справляется со множеством задач одновременно, и практически никогда не ошибается... Шесть лет колония балансировала на грани своеобразной гражданской войны; в конце концов, правительство было вынуждено отправить роботов обратно на орбитальную станцию воспитывать второе поколение колонистов. Их место предстояло занять четырнадцатилетним подросткам — суровые времена требовали принесения на жертвенный алтарь колонии детского труда.

Нельзя сказать, что правительству и жителям колонии это решение далось легко. Но упускать из виду психологическое состояние людей в связи с присутствием роботов тоже было преступлением. По мнению многих аналитиков, дальнейшее развитие этого внутреннего конфликта могло привести к серьёзным последствиям для колонии, даже к её гибели.

Впрочем, мнение аналитиков, всё же, было пристрастным — они оставались людьми, сколько бы ни отстранялись от объекта исследований. Здесь требовалось мнение человека отвлечённого..., такого как Кастандер. Но Микаэл уже давно не был тем блестящим аналитиком, который с одинаково холодным взглядом мог созерцать красоту и радость, страдания и смерть. Познав всю глубину чувств, он стал таким же пристрастным, как и все остальные...

Нравственное воспитание молодого поколения составляло одно из приоритетных направлений в развитии колонии, несмотря на упадническое состояние её производств. Помимо дневной работы и обязательных вечерних проф-занятий детям на выбор предлагалось посещать лекции по истории Земли, этике, социальному поведению, психологии, философии и множеству других предметов, ориентированных на расширение кругозора и стимулирование творческого мышления. Преподаванием колонисты занимались в своё личное свободное время, уделяя этой необязательной процедуре большое значение. Таких специалистов старались поощрять всевозможными льготами, им оказывалось должное почтение и уважение в обществе. Но не каждый был способен взвалить на себя дополнительный груз напряжённой работы и ответственности. Нехватка опытных преподавателей, способных увлечь юную публику, серьёзно беспокоила правительство колонии, вплоть до того, что они начали рассматривать возможность повторного привлечения Ратцев для этой работы. И Микаэл решил воспользоваться ситуацией, чтобы нанести первый, едва ощутимый удар по социальному и духовному строю будущих сонитан.

Он взял на себя лекции по аналитике и поставил их в самое неудобное для других преподавателей время — девять часов вечера, когда большинство колонистов уже настроились на ежедневные развлекательные экскурсии в Белый Город. Земляне ещё не вполне переселились на поверхность планеты, однако множественные эксперименты подтвердили некогда смелую теорию о том, что совместное воздействие микроорганизмов Тетты Софии нейтрализует их вредные свойства. Теперь взрослое население планеты ежедневно посещало поверхность, чтобы выработать иммунитет, а заодно насладиться

звёздным светом, ветром, настоящими ароматами пока ещё чужой, но такой тёплой земли... Поездки проводились под усиленной охраной и только в стены каменного города, защищённого со всех сторон системой волновых излучателей, отпугивающих сонитанскую живность. На главной площади была устроена зона отдыха: играла живая музыка, собранная из активистов; под угловатыми ветвями абрикосовых деревьев ждали узорные скамейки и столики, так ярко напоминающие обычные земные парки; а в центре площади бил высокий фонтан изумительной красоты. Это был лучший отдых, какой только снился морально и физически уставшим людям! Вечера напролёт они танцевали, веселились, флиртовали, будто снова стали молодыми и не было пятнадцати лет изнуряющей жизни.

Поверхность манила колонистов, как вода рыбу — к девяти вечера Купол становился совершенно необитаем, не считая молодёжи первого поколения, которая возвращалась с занятий. Вот в это время и была назначена лекция по аналитике, с расчётом, что скучающие юноши и девушки заглянут в освещённую аудиторию и заинтересуются предметом Кастандера.

Сначала учеников было немного, и ходили они нерегулярно: не раз и не два Микаэл напрасно проводил целый час в пустой аудитории. Но постепенно образовался костяк постоянных слушателей, к которым присоединялось всё больше и больше молодёжи. Микаэл рассказывал увлечённо, даже не подозревая, с каким обаянием и лёгкостью он преподаёт сложные аксиомы своего предмета. Возможно, сказывалось это новое состояние его внутреннего мира, окрашенное чувствами; а может, он всегда был отличным преподавателем и просто не знал об этом? Как бы там ни было, популярность аналитики внезапно повысилась, и на лекциях уже не было свободных мест. Этот факт не укрылся от попечительского совета, заведовавшего учебным планом: они решили поощрить успешного преподавателя и попытались переставить лекции Кастандера на более раннее время, однако Микаэл мягко отказал им, после чего совет на некоторое время оставил аналитика в покое.

Кастандер выбрал позднее время неспроста, это входило в его планы. После девяти взрослое население отправлялось развлекаться, что исключало возможность их появления в аудитории, где бы они могли подслушать непредназначенные для них слова и утверждения... Нет, стыдиться ему было нечего — он добросовестно учил молодёжь азам аналитики. Однако демонстрируя теорию на практике, Микаэл приводил примеры, невольно наводящие на мысль о бесполезности чувственного подхода к пониманию жизни. Каждым своим словом, каждым жестом и движением руки он подводил их к той черте, за которой начиналось миропонимание истинного сонитанина, даже не замечая, сколь сильно его влияние. Таким образом Микаэл подготавливал более гибкое население колонии к появлению целого поколения идеальных людей — бесчувственных и логичных.

Мысль о создании поколения «сонитан» возникла у Кастандера уже давно. Однако чтобы претворить её в жизнь Микаэлу пришлось несколько лет ждать подходящего момента, который подвернулся, лишь когда правительство отправило Ратцев обратно на орбитальную станцию и повторно запустит программу «роста детей». На этот раз он сработал чисто: никто даже не заподозрил, что на станции побывал посторонний. Только когда факт вмешательства стал очевиден, правительство колонии начало разбирательства, но было уже поздно.

Кастандер не мог использовать свои гены, ему пришлось позаимствовать генетический материал старшего сына Сайруса. Но это не имело принципиального значения, так как Микаэл знал, что его заболевание имеет доминантный характер. Он проник на станцию и,

виртуозно вскрыв центр смещения генетического материала, сделал так, чтобы семя Сайруса попало в каждую ячейку роста. Это был эпохальный момент в жизни Кастандера, да и всей колонии в целом. Пока земляне спали на планете, ни о чём не подозревая, он далеко на небесах творил историю будущей цивилизации.

Но пока до появления на планете второго поколения детей было ещё целых восемь лет, Микаэлу предстояло трудиться в поте лица, подготавливая молодёжь к их пришествию. Кастандер действовал тайно у всех на виду, рискуя всем, что у него было и не зная единомышленников, кроме старшего сына. Но он был полон решимости создать идеальное общество, которое бы заменило его детям и семьёю, и любовь. В этом отношении лекции по аналитике имели большой успех, потому что уже спустя четыре года после их начала учебный совет серьёзно обеспокоился моральным состоянием некоторых молодых специалистов, наблюдая у них ярко выраженное девиантное поведение. Началось внутреннее расследование, призванное обнаружить и устранить причину аномалии. Лекции Кастандера попали под подозрение...

Микаэл неоднократно видел в новостях сообщения о начале расследования, однако не рассчитывал, что на него выйдут так скоро. Когда во время очередной лекции в аудиторию вошли несколько человек с прикреплёнными на лацканах пиджаков знаками отличия учебного совета, Микаэл понял, что его преподавательская деятельность подошла к концу. Стараясь не подавать виду, Кастандер продолжил вести лекцию как ни в чём не бывало, обаятельно подшучивая над студентами и постоянно вызывая их на диалог. Он почти не задумывался о том, что и как говорит, но инстинкт самосохранения вынудил его отказаться от спорных высказываний и вызывающих примеров. Когда лекция подошла к концу, члены совета молча вышли из аудитории, не сказав Кастандеру ни слова. Перевозбуждённый выбросом адреналина Микаэл всё это время практически не смотрел в их сторону, однако когда за последним гостем закрывалась дверь, он вдруг перехватил брошенный на него взгляд чёрных миндалевидных глаз, и его сердце пропустило удар.

Сакуи...

Это несомненно была она. В последний раз Микаэл видел экс-капитана очень давно, мельком, когда женщина выходила из личной машины перед зданием больницы. Теперь она была важной птицей и, вполне вероятно, совала свой нос всюду, куда он только доставал. Например, в дела учебного совета. Мысль об этом вызвала у Микаэла раздражение и нервное беспокойство, но в тайне он уже мечтал увидеть её снова на своей лекции, пусть даже в качестве палача.

На следующий день Кастандер проснулся, словно на иголках. Поцеловав на прощание детей, он отправился на работу, но неясные мысли и предчувствия мешали ему сосредоточиться весь день, и он провёл его словно в тумане. Анри ди Мартино уже неделю как работал в другой части города и не мог развеять сомнений друга, а доверить свои опасения кому-либо из знакомых Кастандер просто не мог. Ему предстояло лицом к лицу встретиться со своим страхом.

Вечер наступил слишком быстро, и, даже не поужинав, Микаэл отправился сначала домой принять душ, а потом в аудиторию колониального института имени Гагарина. Час икс неуклонно приближался, и вот спустя пятнадцать минут после начала лекции на задних рядах внезапно возникли четверо в пиджаках со знаками отличия... Микаэл не хотел реагировать, но когда он случайно встретился взглядом с госпожой Кайто, его язык внезапно

отнялся, и мысль потерялась в воздухе. Студенты замерли, удивлённо глядя на своего преподавателя.

— Да... о чём это я, — он постарался улыбнуться и бросил очередную шутку, чтобы развеять возникшее напряжение. — Как я уже сказал, влияние математического ожидания может быть существенным только на первых стадиях обработки информации, а в дальнейшем вам придётся пользоваться...

Лекция продолжилась, и вскоре молодёжь забыла о возникшем препятствии, но Микаэлу стоило больших трудов больше не поднимать глаза вверх, чтобы не попасть в эту ситуацию снова. Он избегал Сакуи взглядом, но ощущал её присутствие каждым нервным окончанием, чувствовал её взгляд на себе каждой клеточкой тела. И вот, в конце лекции они спустились вниз, ожидая пока Микаэл ответит на вопросы некоторых слушателей. Когда аудитория, наконец, опустела, один из наблюдателей выступил вперёд и вежливо поздоровался с Микаэлом.

— Извините, что мы во второй раз так бесцеремонно врываемся на ваши занятия, господин Кастандер, но вы, наверное, уже поняли, для чего всё это...

— Да..., я догадываюсь, — осторожно ответил Микаэл, стараясь держаться отстранённо: если уж они пришли его разоблачать, пусть сначала докажут его вину!

— Мы действуем только в целях безопасности нашей молодёжи, поэтому рассчитываем на сотрудничество. Ваше влияние среди молодых специалистов бесспорно, вы могли бы оказать нам неоценимую услугу и помочь с расследованием этого дела.

Кастандер внутренне задохнулся от восторга, но внешне ничем себя не выдал.

— Так... вы приходили, чтобы попросить меня о помощи?!

Мужчина из учебного совета неопределённо качнул головой.

— Сначала мы вас проверили. То, что происходит со студентами, не шутки, и мы должны быть точно уверены в своих людях. Но вы оправдали возложенные на вас ожидания совета, и я надеюсь, не откажете ему в этой просьбе.

Микаэл сделал вид, что задумался на несколько мгновений, взвешивая своё время и силы, а потом утвердительно кивнул:

— Конечно, я помогу вам. Меня тоже заботит судьба этих молодых людей, ведь они наши дети, наше будущее!

Патриотическая речь дала свои результаты: трое мужчин важно надулись, благосклонно слушая хвалебные дифирамбы их сложной задаче. Последние сомнения в честности Микаэла (если таковые и были) рассеялись в прах, однако во взгляде Сакуи Кастандер читал лёгкое недоверие, смешанное с озадаченностью.

— Сегодня уже слишком поздно, но с завтрашнего дня вы будете освобождены от основной работы и полностью перейдёте в ведомство учебного совета на неопределённый срок, пока это расследование не завершится.

Микаэл кивнул и пожелал своим новым коллегам спокойной ночи. Учтиво провожая джентльменов до двери, он оглянулся: Сакуи стояла на месте — похоже, она собиралась задержаться, чтобы поговорить с ним наедине.

Женщина практически не изменилась, может, только чуть набрала в весе. Исчез её костюм биологической защиты, и теперь, в тонкой льняной рубашке и строгой юбке карандашом, она выглядела более близкой. Вся её фигура и манера держаться говорили о еле сдерживаемых чувствах, однако Сакуи, очевидно, не желала раскрывать их сегодня, и весь её разговор начался издалека...

— Ты стал прекрасным учителем, дети слушают тебя с большим интересом, — вот первое, что она сказала, обводя взглядом аудиторию и его костюм. — Не думала, что аналитика может быть такой популярной у молодёжи.

Кастандер словно выпил ампулу с адреналином: ему то казалось, что он весь мелко трясётся с головы до ног, хотя это было совершенно незаметно, то он начинал чувствовать биение сердца где-то в районе солнечного сплетения, отчего его бросало в жар. Тем не менее, голос прозвучал уверенно и спокойно:

— Аналитика — интересный предмет. А ты, — он внутренне замер, называя её на «ты», — занялась делами учебного совета? Я думал, после того, как тебе перепал жирный кусок здравоохранения, ты остепенишься.

Дерзость слов поразила самого Микаэла, он не ожидал, что скажет такое предмету своего давнего обожания. Но Сакуи, казалось, не была удивлена:

— Это несущественно. Да и не касается простых аналитиков, — её зубы жемчужинами сверкнули в неярком свете аудиторных ламп. — Что, господин Кастандер, неужели вы вдруг начали завидовать моему политическому влиянию? Я думала, вас это никогда не волновало.

— И не волнует, — спокойно ответил Микаэл, языком опережая свои мысли и здравый смысл, — скорее меня интересует, чем ты занимаешься.

Её брови дёрнулись вверх, и Кастандер вдруг понял, что сказал лишнее. Оба почувствовали неловкость, и Микаэл поспешил сменить тему.

— Ты уже была в Белом Городе? Слышал, там замечательно...

— А ты нет?! — Сакуи с удовольствием ухватила за эту новость. — Как это возможно? Я думала, там уже каждый побывал и по многу раз! Некоторых моих знакомых с трудом можно заставить вернуться под Купол!

— Да вот, не довелось. Лекции отнимают много времени и возможностей.

— Ну, если хочешь...,- она явно понимала, что если договорит сейчас эту фразу, их отношения изменятся коренным образом, но не остановилась, и Микаэл невольно вытянулся в струну, ловя каждое её слово, — я могу отвезти тебя на поверхность прямо сейчас. У меня много привилегий, и это одна из них.

Тоненький голосок внутри Кастандера говорил ему, что это всё неспроста, но Сакуи была так близко, и он уже не мог остановиться, поразмыслить над ситуацией... Микаэлу ничего не оставалось, как согласиться; тогда Госпожа Кайто, как ни в чём не бывало, взяла его под руку и повела на улицу к своей личной машине.

Оказалось, у неё действительно были большие привилегии под Куполом и за его пределами: усиленные посты охраны на выезде пропустили её, словно так и должно быть. Всю дорогу до Белого Города их чёрный электрокар сопровождался броневиком, а когда они въехали в пределы высоких каменных стен, он повернул обратно и запылil к Куполу.

Поскольку это был первый выезд Микаэла на открытую поверхность планеты, Сакуи заранее открыла окна в машине, чтобы недомогание Кастандера прошло раньше, чем они выйдут на главной площади. Однако аналитик вовсе не чувствовал себя дурно — он с интересом и восторгом разглядывал проносящиеся за окнами очертания улиц, погруженных в ночную тьму. Весь город казался ему чудовищным мёртвым исполином. Видеть вблизи эти потрясающие результаты инженерного искусства: завитые жгутом каменные дома невероятных размеров; гигантские арки, соединяющие широкие, как реки, проспекты — было и удивительно, и страшно. А ведь над их строительством трудились не атланты —

обычные люди, вроде ди Мартино и его коллег...

Но невольная экскурсия подходила к концу: машина, наконец, выехала на главную улицу, ведущую к центру города и освещённую, по меньшей мере, тысячей фонарей, похожих в темноте на сияющие гигантские одуванчики. Сакуи уверенно развернула машину и припарковалась рядом с вереницей автобусов на магнитных подушках.

— Дальше лучше пойти пешком, чтобы у людей не возникали вопросы, — на ходу улыбнулась Сакуи, маня Кастандера за собой. — Сейчас ты увидишь, почему все так стремятся сюда!

Внезапно открывшаяся из-за угла высотного дома площадь поразила Микаэла сначала своими размерами, а потом и строением. Это была и не площадь вовсе, а настоящий парк, разбитый в центре города! Деревья, окружённые аллеями, зелёные лабиринты, скамейки... а дальше музыка и смех!.. отражающиеся жутковатым эхом от стен зданий, рядом с которыми они остановились.

— Сколько народу, — тихо пробормотал Микаэл.

— Мы можем не идти в толпу, — покладисто ответила Сакуи, снимая пиджак. — Здесь гораздо теплее, чем под Куполом! Ну что, как ощущения?

Микаэл закрыл глаза и почувствовал, как по коже пробегает едва заметный тёплый ветерок, донося слабый аромат какого-то цветка.

— Удивительно, правда? — не переставала щебетать Сакуи, сверкая глазами в полумраке. — Я бы многое отдала сейчас, чтобы всё забыть и заново в первый раз выйти на поверхность! Это подобно чуду! После стольких лет...

Она отвернулась от Микаэла, и ветер подхватил её чёрные гладкие волосы, словно нарочно, чтобы сердце Кастандера болезненно трепыхнулось в груди. Он сделал шаг и протянул руку, почти ощущая эти шелковистые пряди пальцами, но Сакуи вдруг обернулась и улыбнулась ему:

— Пойдём вниз, ты должен увидеть клумбы! Биологи разрешили высадить здесь некоторые местные цветы, они изумительные! Огромные! И такой изысканный запах... Я даже заказала себе духи, нравится аромат?

Она запросто отвернула рукав льняной рубашки и приблизила запястье к лицу Микаэла. Он ничего не почувствовал, потому что задохнулся от волнения, только лицо жаром обдало.

— Да, очень приятный...

Сакуи довольно усмехнулась и потянула своего спутника за рукав:

— Пойдём, нечего здесь стоять!

Они двинулись по дороге вниз, петляя в зелёном лабиринте между тусклыми приглушёнными фонарями-бабочками, которые порхали на тончайших проволоках, как настоящие крылатые светлячки. Здесь было ещё безлюдно и довольно тихо, но чем скорее они приближались к центру площади, тем громче становилась музыка, разговоры, смех... и вот уже на лавочках показались первые влюблённые пары.

Люди вели себя совершенно вольно, никто не обращал внимания на касты, ранги и прочие ограничения, которые являлись неотъемлемой частью жизни под Куполом, как продолжение корабельного устава космофлота. Теперь становилось понятным, почему земляне возвращались из Белого Города такими умиротворёнными и довольными — всё это было единственной отдушиной в сложной жизни колониального общества.

Сакуи взяла Микаэла под локоть, чтобы не выделяться из общей картины, и увлечённо

принялась смотреть по сторонам: куда угодно, только не на своего спутника. Они шли молча. Кастандер проклинал бешеное сердцебиение, которое, наверняка, было слышно за версту, и мог думать только о пальцах Сакуи, слегка сжимавших его локоть. Неожиданно женщина высвободила руку, и к ней с радостным восклицанием подбежал статный мужчина в современном костюме.

— Сакуи!

Они выглядели близко знакомыми, и даже поцеловались в обе щеки, но Кастандер не спешил делать выводы.

— Ты прекрасно выглядишь! Почему так давно не заглядывала?

— Ну, ты же знаешь, как я загружена, — игриво ответила Сакуи, пытаясь мягко оттолкнуть липнущего к ней мужчину. — Дмитрий, я не одна... Это мой старый знакомый, господин Микаэл Кастандер.

Мужчина удивлённо окинул взглядом стоящего в стороне Микаэла и учтиво улыбнулся.

— Ваше имя мне знакомо, господин Кастандер! Вы ведь аналитик, не так ли? Дмитрий Халилукос, — он протянул ладонь для пожатия, — я заведу колониальным отделом логистики, очень приятно. Не ваша ли кровь однажды спасла меня?

Микаэл рассеянно кивнул, и вопросительно взглянул на Сакуи — та лишь с улыбкой потупила взор, её ладонь покоилась в огромной руке Дмитрия.

— Дим, я обещала показать Микаэлу площадь, он впервые на поверхности. Ты простишь нас?

— В первый раз?! Конечно! Идите развлекитесь, господин Кастандер, похоже, вы занятой человек.

— Именно так, — холодно ответил тот и быстро пошёл вперёд, увлекая за собой Сакуи.

Несколько минут они почти бежали по тенистой аллее, едва не сбивая прохожих. Но, в конце концов, Сакуи надоело это, и она резко затормозила, вырываясь из железной хватки рассерженного аналитика.

— Дапусти ты меня! Это уже ни в какие ворота... Я буду кричать, я сейчас закричу!

Микаэл огляделся по сторонам, завернул на безлюдную поляну, окружённую деревьями, и вдруг резко остановился, повернувшись к ней лицом.

— Зачем ты устроила этот спектакль?! — прошипел он, ещё сильнее сжимая запястье женщины.

— Спектакль? — она рассмеялась, отчаянно пытаясь вырваться. — Пусти, ты делаешь мне больно, Микаэл! Я не понимаю о чём ты!

— Не пытайся отрицать, что ты знала, где отдыхает твой друг, и намеренно повела меня той дорогой. Что за игра? Ты пытаешься давить на меня таким образом? У тебя ничего не выйдет! Я, конечно, уже не так невозмутим как прежде — всё благодаря тебе — но я вовсе не поглупел за эти годы, и не надейся!

— Похоже, ты спятил за эти годы! — уже серьёзно вскрикнула Сакуи, и Кастандер тут же отпустил её, отрезвлённый.

— П-прости...

Она провела ладонями по волосам и вздохнула.

— Ты всегда поражал меня, Микаэл. От тебя неизвестно чего ждать! Что за выходка? К чему мне провоцировать тебя?!

— К чему?... — он подошёл ближе, ссутулившись, напрягшись. — Откуда мне знать? Может, ты подозреваешь меня в этом глупом рецидиве и решила пощекотать мне нервы?.. А

может, влюблена, и таким образом наказываешь?..

Он был так близко, что услышал, как вырвался воздух через её зубы, и она язвительно ответила:

— Так что же ты разволновался? А может, и в самом деле виновен?.. Я ведь приходила на твои лекции и раньше, ты... говорил там ужасные вещи, Микаэл...

Кастандер замер у неё за спиной ошеломлённый. Так вот значит как, тонкий голосок в его голове был прав: она завлекала его, ждала, пока он расслабится, поддавшись чувствам... О, Сакуи знала, всегда знала, какие чувства он испытывает к ней!

Руки Микаэла сами схватили её за плечи.

— Ужасные вещи? Что же, что же я говорил, Сакуи?... — он шептал, как дьявол, чувствуя жгучую ярость, смешанную со страхом, и любовь одновременно. — Расскажи мне, я хочу услышать это от тебя...

— Нет!..

— Боишься, что они отравят тебя? Мои слова... А я помню, как ты целовала мои губы, и не боялась отравиться! Наверное, этот Димитрий не ядовит нисколько...

— Какое это имеет значение! — задыхаясь, тихо произнесла она. — Зачем ты это делаешь? Так безнравственно портишь молодые умы! Я должна всё рассказать совету!

— Должна, непременно должна, — потеряв голову, шептал ей в шею Микаэл, чувствуя, как она дрожит от этих прикосновений. — Только, доказательств у тебя нет, Сакуи... Кто поверит женщине, решившей поквитаться с отвергнувшим её любовником?

— Что?! — женщина резко обернулась, гневно сверкая глазами. — Когда это такое было?!

— Никогда, — усмехнулся Кастандер, — только моё слово против твоего. Но кому поверят?

— Мне, конечно же, — Сакуи надменно вздёрнула подбородок, однако язвительная усмешка в глазах Кастандера вдруг заставила её усомниться.

— Нас видели сегодня вместе. И если придётся проходить детектор лжи, сумеешь ли ты ответить, что не испытываешь ко мне никаких чувств? — Микаэл с улыбкой попытался поймать её взгляд. — Зачем ты привезла меня в Город, почему сразу не рассказала совету о том, что слышала на моих лекциях?

— Я хотела убедиться, что это не ошибка, что ты действительно... Я не понимаю! Зачем?! Если бы ты был болен, как раньше..., но ты ведь здоров! Ты понимаешь, что делаешь, и всё равно!..

— Ты пытаешься спасти меня?... — вдруг осенило Кастандера. — Думаешь, я послушаюсь тебя, и перестану?

Женщина замолчала, растерянно хлопая ресницами.

— Это так мило, моя судьба заботит тебя... Но глупо, глупо! — он вдруг поморщился, и слова сами слетели с его губ, — Я люблю тебя, Сакуи.

Микаэл и не задумывался, как это будет страшно — произнести вслух то, что так давно мучило его сердце. Мир вдруг стал ненастоящим, остановился; глаза Сакуи, удивлённо расширенные, невыносимо уставились на него, и никакая сила не могла заставить Кастандера посмотреть в них.

— Я..., я... не могу поверить...

— Вот так.

Микаэл хотел развернуться и пойти куда-нибудь, лишь бы не видеть её лица, но женщина остановила аналитика.

— Постой...,- она осторожно повернула его к себе, притянула одной рукой голову и легонько поцеловала. — Повтори снова.

— Я люблю тебя, Сакуи.

— Ещё...

— Люблю.

Женщина закрыла глаза и забылась в поцелуе, однако на лице её было написано такое мучение, что у Кастандера невольно защемило сердце. Она целовала так, словно прикасалась к раскалённым углям, преодолевая боль — по щекам катились слёзы.

— Ты не остановишься, да? Что ты задумал, Микаэл?

Он хотел ответить, но понял, что ещё мгновение, и они станут врагами, разойдутся по разные стороны баррикад. У него было всего одно мгновение на объяснение...

— Я люблю тебя уже так давно, что мне кажется, жизнь без мыслей о тебе была сном! Ди Мартино и я — просто друзья. Ты стала первой и единственной, кого я полюбил!..

Сакуи отстранилась, с тоской в глазах глядя на его лицо. Она поняла, что сейчас произойдёт...

— Я виноват. Эти отклонения в поведении детей — моя работа. Ты думаешь, это безумство..., но я уверен, что прав. Расскажи всё это совету, они примут меры. Но знай: то, что я начал — уже не остановить.

Сакуи сделала несколько шагов назад, покачивая головой, и вдруг побежала. Микаэл шагнул за ней, но передумал и остановился. Всё было кончено, так и не начавшись. Повсюду слышалась весёлая музыка, смех, а ему впервые хотелось плакать от невыносимого горя: выбирая между своим призванием и любимой женщиной, он выбрал первое...

Глава 8.

Солнечная система Пси-241. Тетта Софии.
Колония «Белый Город».

На этот раз Колония была не так лояльна к многодетному отцу: Микаэла посадили в тюрьму на неопределённый срок, пообещав затянуть рассмотрение его дела до тех пор, пока Кастандер не одумается. Его дети, к тому моменту уже всюю трудящиеся наравне со взрослыми, были признаны совершеннолетними, так что — никаких поблажек. Специально для первого преступника в истории колонии была построена своеобразная тюрьма, состоящая из одной камеры и двора, в котором установили кадку с живым растением и компьютер, чтобы Кастандер мог исполнять свои обязанности аналитика. В трудах на благо общества четыре года пролетели незаметно, и вот уже на станцию прибыло второе поколение выращенных роботами восьмилетних детей.

Кастандер ждал этого события с величайшим нетерпением, буквально считая дни и минуты. Только частые визиты Сайруса могли отвлечь аналитика от маниакальных грёз: ему почему-то казалось, что стоит его детям ступить на поверхность Сониты, как всё тут же перевернётся с ног на голову! И освобождение из заточения мерещилось Микаэлу со дня на день.

Однако ничего подобного не случилось. Дети благополучно прибыли на станцию и вскоре навсегда попрощались со своими роботами-родителями. Общество приняло новичков с распростёртыми объятиями — люди делали всё возможное, чтобы ребятишки чувствовали себя нужными, полезными и счастливыми. Первое поколение всячески помогало им, нисколько не ревнуя, и неся ответственность за своих младших товарищей. Жизнь текла ровно, наращивая своё могущество в пределах маленькой колонии: люди начали обзаводиться семьями, строить планы на будущее, мечтать о новых квартирах в Белом Городе... И уже спустя два года правительство запустило план окончательного переселения на поверхность планеты. Всё шло своим чередом!.. оставляя глубокие раны на сердце разочарованного Кастандера.

Впервые за многие годы он вдруг задумался, насколько верны были его действия? Стоило ли рисковать семьёй, подводить друга, отказываться от любви — ради неосуществимой мечты, которая была реальна только в его голове?

Эта перемена в настроении узника не укрылась от внимания наблюдавших его специалистов: Микаэла изучали сразу несколько врачей психиатров и социологов — Кастандеру трудно было пожаловаться на недостаток внимания к его персоне, поскольку обществу колонии было интересно знать всё о первом в их истории преступнике. Подтверждённое детектором лжи раскаяние вскоре обнародовали, и правительство вынесло решение отпустить Микаэла из-под стражи на поруки его друга ди Мартино.

Кастандер не мог радоваться долгожданной свободе, хотя на глазах у сотен телекамер он тепло поприветствовал Анри и своих уже взрослых детей. На сердце его лежала печаль об утраченной мечте, в которую он искренне верил, и о которой теперь страстно жалел. Однако

долго подчиняться меланхолии было не в духе Кастандера, и спустя некоторое время, когда незлопамятное общество предложило ему переселиться вместе с семьёй под чистый купол неба, он с удовольствием последовал примеру многих и оставил пластиковый Купол с его тревогами и неудачами далеко в прошлом.

Жизнь в Белом Городе завлекла Микаэла. Строители потрудились на славу, возводя чудесный полис: проспекты, величественные здания и обширные парки при свете дня выглядели ещё прекраснее, чем это виделось во мраке ночи. Микаэлу досталась огромная квартира из семи комнат, занимавшая целый этаж закрученной штопором высотки в самом центре Белого Города. Его двадцати четырёх летние дети быстро закончили в ней ремонт и достали современную мебель, так что Микаэлу не пришлось ни о чём беспокоиться. Впервые он почувствовал себя достаточно старым, чтобы во всём положиться на детей.

Центр аналитики расположился в административном здании напротив, и чтобы добраться до него Микаэлу лишь требовалось пересечь центральную площадь. Приступив к работе, он в первый же день повстречал в парке Сакуи, и они вместе пообедали под тенистыми кронами местных деревьев — тирисиров-шептунов. Все последующие обеды Микаэл и Сакуи проводили так же, что, в конце концов, сократило простёршуюся между ними пропасть недопонимания. Спустя месяц постоянного общения и робких попыток сблизиться, Микаэл впервые остался у Сакуи на ночь.

Это событие кардинально изменило отношения Микаэла с семьёй: он стал реже бывать дома и всё чаще оставался у госпожи Кайто. Наверное, поэтому Кастандер не заметил, как случилось, что его любимая дочь Веора сделала свой выбор в отношении мужа...

Всё произошло внезапно. Микаэл вернулся домой раньше обычного, чтобы забрать несколько сменных рубашек, и внезапно застал свою дочь в объятиях ди Мартино. Они целовались. С трудом осознавая происходящее, Микаэл замер в дверях, не смея шевельнуться, и когда парочка обнаружила его, он уже достаточно уверился, что ему всё не приснилось.

— Микаэл...,- растерянno пробормотал ди Мартино, отпуская Веору. — Я хотел сказать тебе раньше...

— Это ничего, я поговорю с папой, — перебила Веора и пригласила отца в его же кабинет. — Нужно было поговорить с тобой раньше, папа, но, думаю, ты всё поймёшь правильно. Дядя Ан нянчился со мной с детских лет, я полностью доверяю ему и знаю его характер настолько, что могу с уверенностью сказать — он будет мне хорошим мужем. Кроме того, Анри лишён многих недостатков, стесняющих моих сестёр в отношениях с юношами.

— Каких же? — устало поинтересовался Микаэл, с трудом призывая своё давно утраченное благоразумие.

— Он не терроризирует меня физически, — спокойно ответила Веора, поскольку Микаэл приучил их с детства свободно говорить обо всём, не ограничиваясь надуманным стеснением. — Сёстрам тяжело справляться с этой чудовищной привязанностью юношей к сексу... Они не хотят детей, но желают делать их постоянно! Это противоречит всякой логике и самим инстинктам человека! Я же точно знаю, что Анри не станет постоянно домогаться меня, если только не захочет обзавестись потомством. В этом отношении он практически идеален.

— Практически?

— Ну, кроме поцелуев, — чуть порозовев, ответила девушка. — Но это даже приятно,

если не злоупотреблять. Так что я вполне довольна своим выбором и прошу у тебя разрешения, папа, выйти за Анри замуж.

Кастандер слегка потёр виски указательными пальцами, и со вздохом попросил переговорить с Анри наедине. Микаэл не сомневался в словах своей дочери Веоры, вне всяких сомнений ди Мартино вёл себя именно так, как она рассказывала: не проявлял излишнего рвения и был с ней осторожен, как с дочерью. Но любил ли он её как женщину? Микаэл чувствовал, что хоть ди Мартино и был всегда дружески расположен к нему, в душе он испытывал более глубокую симпатию, возможно даже, любовь. Анри никогда ему об этом не говорил и вёл себя по-джентельменски, зная, что в сердце Микаэла только Сакуи, раз и навсегда. Будет ли он счастлив, сделает ли Веору счастливой, испытывая к ней только отеческие чувства?.. Это следовало выяснить раньше, чем они совершат непоправимую ошибку.

Ди Мартино вошёл в кабинет мрачный и рассеянный. Кастандер тут же указал ему на кресло напротив себя и знаком приказал Анри молчать, собираясь с мыслями.

— Ответь мне только на один вопрос, дружище, какие чувства ты испытываешь к Веоре?

Они оба знали, о чём говорят, и, несомненно, Анри давно подозревал, что Микаэл догадывается об его скрытых чувствах. Так что дальнейшие объяснения были бессмысленны и разговор шёл на уровне взглядов. Наконец ди Мартино улыбнулся — в его глазах сквозила едва заметная печаль:

— Ты думаешь, я поддался порыву. Но Веора — действительно замечательная девушка. Её не пугает мой возраст, и я испытываю к ней неизбывную нежность, которую никогда не испытывал ни к одному мужчине или женщине... Возможно, я не хочу её, но этот дефект моего мозга только радует мою избранницу, следовательно, я нашёл себе идеальную пару, Микаэл. Я хочу от Веоры детей, хочу чтобы они были такими же умными и честными, как она. Если ты не одобришь наш союз, мы заключим его вопреки твоей воле и, я надеюсь, будем счастливо заботиться друг о друге до самой старости.

Слова ди Мартино растрогали Кастандера, он подскочил с кресла и крепко обнял своего друга, целуя его в бровь.

— Я одобряю! Будьте счастливы!

На следующий день состоялась свадьба, на которую Кастандеры пригласили всех своих знакомых и друзей. Компания оказалась немаленькой, в основном потому, что присутствовало множество детей из второго поколения, сдружившихся с отпрысками Микаэла. Они вели себя наравне со взрослыми, хотя едва были десяти лет от роду, и могли поддержать любую беседу, с удовольствием прислушиваясь к тому, чего ещё не знали, и рассказывая о том, в чём хорошо разбирались. Вот тогда-то Микаэл и обратил внимание, как сильно они все походили на его собственных детей: такие же спокойные, собранные, величественные и очень умные не по годам. Конечно, они не были сплошь черноглазыми, как дети Кастандера, однако он быстро почуял в них кровь Сайруса, и это возродило в нём утраченную надежду. Стараясь действовать незаметно от Сакуи, Микаэл переговорил с каждым из юных гостей наедине и убедился в точности своих предположений.

Кастандер поделился своими соображениями с Сайрусом, который на тот момент уже занимал пост заместителя начальника охраны Белого Города, и с удивлением обнаружил, что его блестящий сын знает обо всём и уже предпринимает действия, разработанные Микаэлом ещё задолго до того, как второе поколение спустилось на Сониту. Сайрус сам

организовал вечерние лекции, на которые стекалось всё больше и больше единомышленников Кастандера, в основном из второго поколения. Он постепенно сформировал из них некую партию, ничего не требуя от последователей своего отца — только объясняя им, как лучше справляться с жизнью среди бешеного потока чувств. Когда Кастандер побывал на одной из лекций, он понял, что перед ним распростёрлось будущее.

Дети были пассивны — бороться за власть в колонии им совершенно не имело смысла, они бы проиграли. Но их сила заключалась в другом — в чудовищной, на первый взгляд, бесчувственности. Даже Микаэл осознавал эту бешеную, льющуюся через край мощь чистого интеллекта, находясь рядом с сыном в центре аудитории. Он испытывал животный ужас рядом с ними, но его разум, не забывший прежнего образа мышления, ликовал!

Однако стоило держать свой восторг в узде: как сказал Сайрус, за Микаэлом тщательно следили, и если бы заметили за ним что-то подозрительное — всей задумке пришёл бы конец. А так, дети вели себя как обычно, как вели себя с первого дня приезда под Купол, и подозрений по их поводу ни у кого не возникало. К тому же, они были ещё слишком юны, чтобы их личные взаимоотношения начали бросаться взрослым в глаза.

Никто ничего не замечал ещё лет шесть. Даже бдительная Сакуи утратила свою подозрительность по отношению к Микаэлу, и несколько лет они прожили счастливой парой. Но всему рано или поздно приходит конец, тем более мирной жизни. Бунт против бесчувственных сонитан (как их уже окрестили земляне) поднялся внезапно, и на вершине этой кровавой волны оказалась госпожа Сакуи Кайто... Возможно, сам Микаэл не смог бы точно описать дальнейшее развитие событий, только случилось, что все сонитане оказались под защитой Белого Города, а земляне расположились за укреплениями Купола. Несколько ночей разгневанные внезапно открывшейся правдой о геномном терроризме земляне пытались уничтожить сонитан протонными пушками, но потом в их рядах случилось замешательство. Как выяснилось позже, это вступили в конфронтацию бывшие ученики Кастандера из первого поколения детей. Правительство взвесило все «за» и «против», рассудительно ознакомилось с качествами «новых» людей, и приняло решение, что бороться со своими же соплеменниками из-за различий в убеждениях и некоторых линиях поведения бессмысленно и угрожает жизни колонии. Два народа воссоединились вновь, но сделанного было уже не вернуть: погибли многие жители колонии, в том числе Анри ди Мартино и госпожа Сакуи Кайто...

Этот удар надолго вывел Микаэла из равновесия и участия в общественной жизни, около года он провёл в лечебном учреждении с мягкими стенами, но и после этого не смог до конца восстановиться. Тем временем в колонии происходили изменения: Сайрус подал заявку на участие в составе правительства, и успешно прошёл голосование, очаровав землян и сонитан своим умом и рассудительностью. Постепенно он приобрёл значительный политический вес, став негласным представителем сонитан, и это предопределило судьбу их слияния с землянами. Будущее неуклонно звало вперёд, оставляя позади только Микаэла с его разбитым сердцем и побелевшими от горя волосами...

Глава 9.

«Я понял, что люди должны забыть о своих чувствах, а значит, забыть о Земле, и обо всём, что с ней связано. Я верил в своих детей, но они были очень юны и одиноки в этом мире, тем более что сам я, благодаря Сакуи, излечился... Им нужна была семья, и мне пришлось устроить саботаж, чтобы проникнуть на орбитальную станцию. Там уже готовилась вторая партия детей, так что я, без зазрений совести, отравил их генами Сайруса — своего старшего сына. Так началось великое смешение болезни с нормальным генофондом людей. Очень скоро жители станции и первое поколение выращенных детей заметили кардинальное отличие второго поколения. Но было уже слишком поздно: эти молодые девушки и юноши в точности походили на Сайруса и остальных моих детей — собранны, величественны и во всём совершенно идеальны. Они быстро осознали своё превосходство над обычными людьми, и хотя были несколько не агрессивны, быстро заняли основные руководящие должности, проявляя удивительную работоспособность и высокий интеллект.

Люди вскоре опомнились. Было поднято восстание, вдохновлённое моей возлюбленной — Сакуи Кайто... Они попытались уничтожить своих же детей, напуганные перспективой полного перерождения. Но ничего не добились кроме смерти... Моя любимая Сакуи, и мой дорогой друг ди Мартино!»

Из глаз мужчины градом покатались слёзы, путаясь в морщинах. Он задрожал и выключил запись. Затем последовала вторая, очевидно, более поздняя, потому что на ней Микаэл Кастандер выглядел уже древним стариком с копной абсолютно белых волос. Он сообщил, что перенёс город в низину реки и приказал Сайрусу забросить Белый Город, ставший началом их цивилизации, и никогда не возвращаться туда. Сам Кастандер пожелал остаться в подземельях Белого Города:

«Теперь я спокоен за судьбу своих детей. Они создадут великую цивилизацию, которой не будет равных, и когда-нибудь вернутся на Землю. Но мне среди них больше нет места, я слишком стар, чтобы приносить хоть какую-то пользу.

Мой верный друг и товарищ Анри ди Мартино погиб, сражаясь на стороне Сакуи. Её дети, которых он успел родить вместе с моей дочерью Веорой, ныне являются ближайшими советниками Сайруса, и полностью на его стороне.

Сакуи — моя единственная любовь — была убита много лет назад... Но до сих пор... до сих пор я так сильно люблю её, что не могу остановиться. Её образ всё ещё жив в моей памяти. Надеюсь, смерть избавит меня от этих страданий...»

В зале долго стояла тишина. Экран потух, свернувшись световым лучом, стало слышно, как с едва уловимым жужжанием работают многочисленные мониторы. Кайлай, всё это время стоявший перед пультом управления, вдруг покачнулся и упал вперёд, окунувшись лицом прямо в непрозрачную жидкую поверхность стола, которая несколько не пролилась от такого грубого воздействия, и только с плеском приняла лицо сонитанина, и так же легко отпустила.

Его подхватил Этрус и осторожно усадил на пол.

Теперь земляне не смотрели на сонитанина как на опасного врага или чуждого инопланетянина. В их глазах читалось сочувствие и понимание, но Жонсу от этого было только ещё хуже. Он взялся говорить только по-сонитански и, судя по лицу, изрыгал одни лишь ругательства. Наконец Кайлай соблаговолит рявкнуть Кернигану, что пойдёт искать информацию о том, где они находятся, и один удалился на верхнюю галерею, предоставив землянам делать то, что им вздумается.

Земляне не преминули этим воспользоваться, и, поскольку техника хоть и была из далёкого будущего, но всё же создана на основе старых технологий, — быстро сообразили, как открыть многочисленные двери, тянущиеся гирляндой вокруг первого уровня. Проходы вели в другие круглые залы, которые сообщались между собой и представляли жилые комплексы: отдельные спальни, оборудованные всем необходимым для комфортного существования; сады, которые вырастали, как только человек входил в залу, и так же быстро истлевали после его ухода; искусственные бассейны, заполненные тёплой прозрачной водой.

В одной из комнат они обнаружили останки человека, которые не рассыпались в пыль только благодаря тому, что система выкачала из помещения воздух. Комната оказалась заперта, и только через толстое стекло иллюминатора можно было разглядеть её убранство: когда-то она была уставлена цветочными горшками, узорными книжными полками, и повсюду в ней были разбросаны многочисленные пластиковые рисунки, изображавшие только одну женщину...

Ни у кого не возникло сомнений, кто был хозяином останков, ныне покоящихся на жёстком ложе из энергопласта... Похоже, Микаэл Кастандер решил закончить свою жизнь наедине с воспоминаниями о любимой.

Хорошенько осмотревшись, земляне вернулись в информаторий, чтобы решить, как им поступать дальше. Они были исполнены благоговейного восхищения перед долговечностью и органомичностью древних технологий, которые словно подстраивались под желания людей: яркий свет, поначалу резавший глаза, спустя какое-то время слегка потускнел, и теперь в точности напоминал солнечный; если в каких-то комнатах было чересчур холодно — после прихода человека температура там стремительно выравнивалась, соответствуя наиболее комфортной атмосфере. Ксения даже как-то заметила, вернувшись в комнату, в которую уже заходила, что в ней прибавилось вмонтированных в пол кресел, сразу после того, как там прошло сразу шесть человек. Всё это напоминало изящный спектакль про невидимых слуг, которые долго скучали в зачарованном замке и теперь старались во всём угодить гостям. Земляне наперебой делились впечатлениями перед Виталием и Петром, которые решили не участвовать в осмотре и остались приглядывать за каторжанкой и подозрительно ведущим себя сонитанином. И хотя сомневаться в словах товарищей им не приходилось, всё же нет-нет да проскальзывало недоверие в глазах — слишком уж идеальным казалось это место, погребённое под землёй на многие тысячи лет.

Несмотря на шум, поднятый землянами, Кайлай долго не показывался с верхних галерей, хотя Этрус мог поклясться, что несколько раз замечал его лицо над каменной балюстрадой. Когда, наконец, общим голосованием было решено остаться в подземном убежище и переждать сезон дождей под его гостеприимной крышей, сонитанин не замедлил появиться на лестнице. Он с чувством собственного превосходства спустился вниз и

остановился на последней ступеньке, словно пытаюсь возвыситься над землянами:

— Вы рано радуетесь. Это место кажется вам замечательным, но оно находится на грани саморазрушения.

— Ты что-то узнал из системы? — нетерпеливо поинтересовался Этрус, раздражаясь напыщенной манерой сонитанина.

— Да. И это удивительно, что она вообще работает, после того, как вы толпой татар прошли через Плеяду Зал.

Увидев недоумение в глазах своих новообретённых соотечественников, Кайлай снизошёл до объяснений, очевидно чувствуя себя так гораздо лучше:

— Убежище состоит из семи круглых зал, названных в честь звёзд, отчётливо видимых с Земли: Алкиона, Келено, Майя, Меропа, Стеропа, Тайгета и Электра. Все они питаются от реактора, расположенного под информаторием. Как только мы открыли проход из тоннеля, система включилась на полную мощность, и поскольку ей чуть больше двадцати тысяч лет, можно легко догадаться, что термоядерные реакции, которые там когда-то удачно происходили, ныне почти завершились. Присутствие человека в любой из комнат семи Зал автоматически запускает их программу жизнеобеспечения. Вы умудрились запустить сразу все Залы — поздравляю! Теперь у нас энергии хватит максимум часов на двадцать.

— Что потом? — практично поинтересовался Рихард, едва уловимо заслоняя плечом Ксению, словно пытаюсь защитить.

— Потом отключатся генераторы воздуха, и мы все задохнёмся.

Эта новость неприятно поразила землян, однако никто из них и не подумал мириться с мыслью, что конец неотвратим.

— Не думаю, что это серьёзная причина для паники, — как можно спокойнее заявил Этрус, деловито разводя руки в стороны. — У нас, как ты говоришь, ещё часов двадцать в запасе, да к тому же воздух в Залах. Мы все здесь не лыком шиты, и совместными усилиями уж как-нибудь разберёмся с реактором!

Кайлай сложил руки на груди и категорично покачал головой.

— Очень сомневаюсь. Оборудование реактора и систем жизнеобеспечения — всё в полном порядке. Закончилось топливо, и это настоящая проблема.

— А что является топливом? — хмуро поинтересовался Прахов.

— Ну, на самом деле, за основу взята простейшая реакция Дейтерий-Дейтерий... Но чтобы воспроизвести её понадобится чудовищное количество воды и не менее чудовищная установка для электролиза.

— Ну, предположим, воды у нас может быть столько, сколько потребуется — если вспомнить, какие потоки низвергало небо во время Первого Удара, — задумчиво проговорил Рихард, всегда более остальных в группе Ушкова друживший с науками и их практическим применением. — По сути своей тоннель, по которому мы спустились сюда, может стать отличным водосборником, если уже не становится им, пока мы здесь беспечно сидим с открытой дверью...

Кайлай ошеломлённо уставился на мерцающий синевой зев тоннеля, и быстро метнулся к жидкой поверхности пульта. Стена с лёгким шуршанием плотно затворила проход.

— Так, теперь можно поговорить спокойнее, — нервно проговорил он, смущённо оглядываясь то на дверь, то на Рихарда. — Говоришь, это можно сделать?

— Я не утверждаю. Для начала нужно узнать точное строение убежища, как оно сообщается с поверхностью, откуда получает кислород. Возможно, и не придётся возиться с

реактором, хотя соглашусь, что при наличии энергии здесь гораздо уютнее.

Кайлай утвердительно кивнул, и учтиво пригласил Зейнера последовать за ним на верхнюю галерею, чтобы вплотную приступить к решению проблемы. Остальные земляне несколько мгновений топтались внизу, но вот Этрус взбежал по лестнице, и остальные медленно потянулись за ним, не представляя, чем смогут помочь.

Услужливая система убежища быстро сгенерировала для гостей стулья, причём сделала это так, что никто и не заметил, как они оказались поблизости. Впрочем, земляне уже устали удивляться и приняли удобства как должное, разместившись вокруг интерактивного стола, в точности копирующего пульт управления внизу.

— Итак, — начал Кайлай, погрузив ладони в упругую жидкость, — к проблеме надо подойти серьёзно. Если у вас будут полезные мысли — высказывайте, нет — молчите. Времени мало, а нам нужно успеть совершить невозможное.

Земляне молча кивнули в знак согласия, и сонитанин принялся за дело: прямо над столом вспыхнули многочисленные интерактивные карты и схемы подземного убежища, выстроенные Кайлаем по порядку значимости. Рихард внимательно проглядел каждую из них и выбрал одну с наиболее подробным описанием реакторного бункера под информаторием.

— Если я правильно понимаю, Убежище никак не сообщается с поверхностью, кроме того тоннеля, по которому мы сюда пришли. Это плохо... Моя идея была в том, чтобы поймать удар молнии и направить его энергию в тоннель с водой...

— Это опасно, — вдруг заметил Этрус, задумчиво барабанил пальцами, по подлокотнику кресла. — Количества кислорода и водорода, которые выделятся при электролизе, будет достаточно, чтобы разнести стены Убежища... И как доставить осадок с дейтерием в реактор, если всё выйдет?

— Говорить об этом ещё рано! — вдруг вспыхнула Ксения. — У нас нет электричества, чтобы провести реакцию!

— Ну, с этим, я думаю, мы разберёмся, — вдруг быстро заговорил Кайлай, перебирая пальцами виртуальные карты. — В Зале Электры есть специальная система для забора проб с поверхности. Если у нас хватит мощности, чтобы запустить её, можно будет использовать выдвижную антенну как громоотвод. Зал Электры как раз находится рядом с тоннелем, так что достаточно будет просто затопить его вместе с тоннелем, и мы получим установку для электролиза.

— А какие могут возникнуть проблемы с этой антенной? — тихо поинтересовался Роман Евгеньевич, стоя наблюдая за товарищами. — Ты сам говорил, что здесь всё исправно работает.

Кайлай скользнул взглядом по возникшей поблизости фигуре Прахова и заметно напрягся.

— Всё дело в энергии. Если мы перебросим её на антенну, то генераторы воздуха отключатся, и у нас останется не больше четырёх часов на то, чтобы запустить реактор.

— Значит, придётся сделать это не раньше, чем дождевая вода затопит тоннель, — лаконично ответил Роман, приближая карту Зала Электры к себе. — Но как затопить сам Зал? Он, конечно, ближе остальных к тоннелю, но если доверять масштабу, между ними полуметровая стена породы!

— Действительно... У нас нет оружия, взрывчатки! Да мы попали на эту планету в чём

были! — растерянно пробормотал Виталий, бережно удерживая на плече привязанную ремнём дубину, с которой категорически не хотел расставаться.

— В Зале Электры расположена лаборатория...,- тут же нашёлся Кайлай. — Не уверен, что химические реагенты уцелели за столько лет, но учитывая, что убежище было законсервировано... Если кто-то сумеет получить взрывчатое вещество, мы пробьём стену. Здешняя порода не так прочна, как кажется на первый взгляд. Наверное, поэтому стены тоннеля были дополнительно укреплены плитами.

— Ну хорошо! Допустим, я изготовлю взрывчатку, — начал размышлять вслух Рихард, — мы взорвём стену, запустим антенну... А дальше что? Даже если предположить, что громоотвод достаточно крепкий, чтобы выдержать несколько попаданий, и при условии, что будут молнии, — мы получим смесь дейтерия с водой. Но как её доставить в реактор? Ведрами таскать что ли?

Земляне задумались. Схемы мерцали перед их глазами, как цветные бабочки, но не давали ответов, ускользая от кропотливых пальцев сознания.

Кайлай задумчиво покачал головой, печально взирая на серебристую поверхность стола.

— Это невозможно... Даже если мы попытаемся открыть проход, нас попросту затопит.

— А что, стена, закрывающая его, разве не опускается в помещение с реактором? — вдруг заинтересовалась каторжанка Ольга, как-то искоса поглядывая на схемы. — Её можно приподнять, и тогда вода польётся не только в этот зал, но и вниз...

Её ребёнок заворочался во сне, и она тут же отвлеклась на него, позабыв и об Убежище, и о тоннеле с водой... Но мысль уже была схвачена цепким разумом Кайлая:

— Ну конечно! Плиту ведь поднимают магнитные кондукторы... Если мы изменим полярность, она поедет не вниз, а вверх! Только... Реактор придётся открывать вручную, всё электричество будет поглощено антенной.

— Вручную?! — Этрус откинулся в кресле. — Ну и кого мы назначим смертником? Если он не захлебнётся, то умрёт от радиации!

— Это уже моя забота, — вдруг решительно отчеканил Кайлай, сворачивая голографические карты. — Нам придётся разделиться. Двое пусть останутся здесь — я включу голограмму состояния, которая будет отслеживать уровень воды в тоннеле. Как только он достигнет середины, установка должна заработать, иначе мы устроим взрыв. Остальных прошу в зал Электры! И побыстрее, времени в обрез.

Каторжанку вместе с Виталием было решено оставить в информатории. Остальные члены команды разделились на две группы: Эрни, Ксения и Ольга Николаевна взялись помогать Рихарду в изготовлении взрывчатки; остальные последовали за Кайлаем, чтобы запустить антенну.

О погодных условиях на поверхности никто ничего не знал — получить сведения о поверхности можно было, только выдвинув антенну наполовину, а это грозило поражением электричеством. Предполагалось, что Убежище не должно проявлять никаких признаков жизни в зимнее время, поэтому меры защиты не были предусмотрены. На свой страх и риск Кайлай запустил механизм вытягивания антенны, после чего всё электричество в зале Электры вырубилось, как и по всему Убежищу. Борьба за выживание началась.

По всей видимости, оборудование замера атмосферных параметров всё же было заземлено, потому что хоть оно и плавилось, но видимых разрядов вокруг него не возникало. Оставалось надеяться, что антенна не расплавится раньше, чем они смогут запустить всю

установку для электролиза. Отойдя от наэлектризованного оборудования на безопасное расстояние, земляне по мере возможности начали помогать Рихарду в его попытках воссоздать из химических элементов взрывчатое вещество достаточной мощности: они держали над химическим столом куски люминесцирующей породы, которая отзывалась на давление, и сжимали изо всех сил, чтобы Рихарду хватило света отмерить нужное количество элементов. Кайлай, тем временем, отправился проверить реактор и привести его в состояние готовности.

Он спустился в надёжно законсервированное помещение нижнего уровня, тщательно задрав за собой все двери, и вошёл внутрь реакторного зала без защитного скафандра. Реактор был огромным, под стать самому Белому Городу. Наверняка вечность назад он снабжал энергией не одно административное здание в центре заброшенного города. Счастливой случайностью оказалось то, что этот тип реактора был приспособлен к сырью в любом агрегатном состоянии и любой чистоты. Если бы не этот простой факт, весь план землян с треском рухнул бы прямиком в их братскую могилу. Но не следовало исключать возможности, что древние строители таким образом позаботились о возможных гостях Убежища, и дали им возможность выжить. Впрочем, скорее всего они не рассчитывали, что это случится так поздно, когда весь запас энергии древнего бункера окончательно истощится. Кайлай не представлял, как он будет запускать реактор вручную, окунувшись в грязную радиоактивную воду, ничего не видя и не чувствуя... Он постарался изучить ручной механизм досконально, как если бы исполнял военное задание чрезвычайной важности. Включить его вручную теперь он, пожалуй, смог бы, но в воде... Здесь было множество переменных, которые с равной возможностью могли перевесить чашу весов в сторону не самого благоприятного исхода.

Выбираться на поверхность теперь Кайлаю было бессмысленно, поэтому он связался через встроенный в дверь зала коммуникатор с информаторием и передал Виталию, что готов к началу операции. Оставалось надеяться на удачу своих товарищей.

Спустя какое-то время где-то далеко раздался глухой взрыв, и на коммуникатор пришёл ответ, что зал Электры успешно заполнился водой, и теперь очередь только за Кайлаем. Он приготовился к началу светопредставления, задержав дыхание и уцепившись руками за выступающие части двери. Несколько секунд всё было спокойно, а потом противоположная стена вдруг поползла вверх, и из-под неё хлынул водопад бурой воды. Поток мгновенно сбил Кайлая с ног, закрутил и отбросил головой о стену. На секунду он отключился, и этого хватило, чтобы легкие заполнились грязной водой. Чувствуя жуткие муки утопления, Кайлай всё же заставил себя подняться на поверхность, которая теперь была у самого потолка и попытаться сориентироваться, где находится механизм. Вдохнуть больше воздуха он не мог — лёгкие были полны воды. Но умирать Кайлай пока не собирался: отчего-то в нём крепла уверенность, что его тело сможет долго обходиться без кислорода, используя чудесные способности Виталы для исцеления. Нырнув под воду и обогнув круглый бок реактора, он на ощупь нашёл механизм загрузки реактора и дёрнул за рычаг изо всех сил: старая пружина не поддавалась под напором воды. Но Кайлай не собирался сдаваться и, наконец, тяжёлая дверь чуть приоткрылась, впуская внутрь реактора бурую радиоактивную жижу. Уровень воды в зале спал настолько, что Кайлай смог встать на ноги и действовать по шее в воде. Это придало ему уверенности и, завернув пружину ещё раз, он крепко захлопнул герметичную створку реактора. Оставалось только несколько раз провернуть ручку автоматического запуска. Её забросало песком и илом, так что прокрутить керамический барабан было

практически невозможно, но Кайлай не отступал и, несколько раз опустившись под воду, он сумел всё-таки крутануть тугую ручку. Этого было достаточно, чтобы барабан без дальнейших трудностей сделал ещё несколько оборотов, и внутри реактора послышалось ровное гудение, перерастающее в тонкую мелодию живой энергии. Чувствуя катастрофическую нехватку кислорода, Кайлай сумел отворить дверь в реакторный зал, но дальнейшее для него оказалось как в тумане — он потерял сознание.

Глава 10.

Сонита.

Следующее воспоминание Кайлая — необыкновенное тепло, разливающееся по телу медленно, как таящий кусочек сахара. Кайлай никогда не чувствовал такой ласки: будто лучи вечернего солнца тёплой паутинкой легли на его лицо и, остались лежать там воздушным кружевом. На мгновение он решил, что это мама ласково будит его рано утром:

— Йху этсу áкка, анатина́к... Коáмми ту ладу́... [Я думал, ты никогда не простишь, мама... Не оставляй нас...], - тихо прошептал Кайлай, и глаза его увлажнились.

— Тише, тише, успокойся, всё хорошо...

— Ё́нко ла [Что ты сказала]?

Кайлай приоткрыл глаза, ресницами чувствуя чьи-то пальцы над своими глазами, и попытался освободиться от них. Однако мягкие руки настойчиво повернули его лицо вверх и снова стали греть своим пульсирующим теплом. Тогда Кайлай с огромным усилием дотянулся до лица и сбросил ладони, одновременно ощутив неожиданную незащищённость перед пустотой и отчуждённостью мира. Женщина над ним словно почувствовала эту растерянность — заглянула прямо в глаза, и мягко сжала его ладонь своими пальцами:

— Как вы себя чувствуете?

Кайлай попытался сесть, и с удивлением понял, что силы возвращаются к нему. С помощью Ольги Николаевны он облокотился на стену, и осмотрелся:

— Где мы?

— В Убежище, это одна из комнат. Вы ничего не помните?

Кайлай отрицательно мотнул головой, но тут же вспомнил всё: и холодную грязную воду, и лёгкие полные воды, и заклинившие рычаги механизма запуска реактора.

— Я потерял сознание... Кто меня вытащил?! Там же радиация!

— Успокойся, успокойся, — Витала мягко удержала Кайлая на месте. — Тебя вытащила я, мне можно. Зал снова законсервирован, энергии должно хватить ещё лет на десять, так что беспокоиться пока не о чём. А тебе нужно отдыхать.

Кайлай послушно лёг обратно на койку, чувствуя неприятное головокружение.

— Ты получил большую дозу облучения, и без сознания уже несколько дней. Но я знала, что сегодня ты очнёшься, — с улыбкой произнесла Ольга Николаевна, легонько сжимая виски сонитанина. — Мы Виталы очень чутко ощущаем друг друга... Даже если не осознаём этого.

Кайлай согласно кивнул и вдруг отстранил от себя руки Ольги Николаевны.

— Не надо. Не трать силы понапрасну. Ты же слышала, о чём говорил этот Кастандер...

— Что мы не доживаем до тридцати лет? — женщина с улыбкой передёрнула плечами, — ну и что же? Мне приятнее знать, что я помогла многим, чем ложиться в могилу древней старухой, не исполнившей своего долга.

— Какой ещё долг? — устало вздохнул Кайлай. — Уж точно не по отношению ко мне...

— Ты несколько раз спасал мою жизнь, теперь я всё отчётливо помню! Думай себе что хочешь, а я буду сама решать, когда и как мне использовать свои силы!

Она вскоре ушла, затворив за собой дверь так, чтобы изнутри её нельзя было открыть. Некоторое время Кайлай лежал на кровати, обдумывая своё положение и следующие шаги, когда внезапно сработал дверной коммуникатор и высветил посреди комнаты голограмму лица Этруса.

— Ух ты, потрясающая штука! — громогласно воскликнула голова, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. — А всё тело можно? О! так вообще замечательно!

Теперь перед Кайлаем стоял Этрус в полный рост.

— Добрый день Кайлай, как твоё здоровье? Мы тут все очень беспокоились, пока ты лежал в коме.

Удивлённый Кайлай ничего не ответил на подобную любезность со стороны обычно недружелюбного капитана, и Этрус продолжил дальше:

— У нас хорошие новости! Мы нашли в Убежище несколько самоходных машин-амфибий, которые вполне смогут довезти нас до этого вашего Белаир-Траура. Осталось только хорошенько подготовиться к предстоящему путешествию и зарядить их под завязку. Ну, а ещё подождать пока ты окончательно придёшь в себя, а то, уж прости, фонит от тебя, как от атомной электростанции! Всё понятно?

— Да...

— Есть вопросы?

— Масса. Но, пожалуй, я лучше подожду, пока смогу сам выходить из комнаты.

— Вот и отлично, — деловито кивнул Этрус. — Советую тебе поторопиться — мы тут все уже порядком заскучали по Земле и хотим домой. Твой братец сумеет устроить это?

Кайлай хотел солгать как всегда, но вдруг передумал:

— Я не представляю. Вам следует заранее понять, что мы, сонитане, ничего не делаем просто так, и вполне вероятно, Кастору для чего-то понадобилась целая команда землян на Соните, иначе он бросил бы вас в джунглях...

Лицо Этруса внезапно окаменело:

— Вполне вероятно, говоришь? Мы не идиоты, Кайлай, и любому сонитанину, имеющему с нами дело, тоже следует заранее уяснить, что за услуги надо платить. И мы спросим свою цену сполна, если нас попытаются кинуть.

— Скажешь это Кастору, — устало пробормотал Кайлай, откидываясь на кровати. — А теперь изволь покинуть мою комнату, я хочу поспать...

Этрус едко усмехнулся, но всё же оборвал связь. Кайлай уставился в потолок: «Чем всё это закончится, братец? Чем?...»

Путешествие в Белаир-Траур заняло не более четырёх часов и оставило в памяти землян только воспоминания о чудовищной тряске и ужасном холоде. Амфибии конструировались для военных целей, поэтому внутри было очень тесно и шестеро помещались с трудом, едва ли не сидя друг у друга на коленях. К концу пути у большинства настолько затекли ноги, что им пришлось ещё минут пятнадцать разминать конечности, чтобы выбраться из «чудовищной консервной банки». Но, несмотря на все трудности, земляне, в конце концов, добрались до молочно-белого купола сонитанского города.

Он произвёл на людей неизгладимое впечатление, потому что не шёл ни в какое сравнение с жалкими прототипами, распространёнными сейчас в колониях Земли. Купол накрывал целый мегаполис и представлял собой нечто среднее между чистой волновой

энергией и материей. Он с легкостью останавливал осадки, сильный ветер — любую попытку проникновения. Когда кто-то из землян попробовал проткнуть отвесную стену мокрой палкой — его отбросило на несколько метров назад, после чего Кайлаю пришлось прочитать небольшую лекцию, как следует и не следует вести себя в непосредственной близости от барьера.

Оказалось, что с внутренней стороны выйти из-под купола можно было совершенно свободно, и поле не оказывало никакого сопротивления, но вот попасть обратно — только с распоряжения охраны города. Специально для этих целей по диаметру всего купола на уровне среднего роста человека находилась энергетическая панель связи, через которую случайно попавший наружу сонитанин мог связаться с охраной. Обычно за такие проделки сонитан сурово наказывали административными штрафами, и родители старались с детства привить детям некоторый страх перед пространством за куполом, чтобы они не выбегали в джунгли.

С другой стороны, существовали службы, которые постоянно курсировали через купол, такие как Центр Снабжения. Именно этой особенностью столичной системы охраны Кастор и посоветовал воспользоваться землянам для проникновения на территорию города. Впрочем, сказать «посоветовал» было бы слишком мягко. Он просто вдруг появился на месте Кайлая, на этот раз действуя гораздо свободнее и увереннее. Шутник даже попытался некоторое время дурачить землян, выдавая себя за брата, но Ольга Николаевна мгновенно почувствовала подмену и сообщила об этом Этрису. Расплата последовала незамедлительно и, получив ощутимую оплеуху от сурового капитана, Кастор прекратил паясничать и провёл землян к нужному месту, через которое, по обыкновению, в город заезжали автоматические транспортники Центра Снабжения.

— Слушайте меня внимательно, дважды повторять не придётся, — серьёзно начал он, оглядываясь по сторонам. — С вами много слабых женщин, одна даже с ребёнком... Но, как я понимаю, вы никого бросать не намерены? Значит, придётся идти на риск. Все транспортники сканируются, прежде чем попасть на территорию города через энергетический коридор. Просто сесть в них и прокатиться до главной площади вам не удастся! Система вас мгновенно обнаружит.

— Как же тогда? — с волнением в голосе поинтересовался Виталий Снегирёв, вцепившись в свою неизменную дубину, висящую на ремне. — Будем прорываться с боем?

Кастор скептически изогнул бровь, как никогда не делал Кайлай, и презрительно фыркнул:

— Военный, за версту видно. С каким боем?! Нужно проникнуть незаметно, как мышки! В общем, слушайте. Я попытаюсь занять тело охранника, который следит за перемещением транспортников, но у меня будет всего несколько минут, прежде чем тот осознает, что не просто спит, а вытеснен из тела. Помните, несколько минут! Этого хватит, чтобы через коридор прошёл всего один транспортник, так что если вы не успеете запрыгнуть на машину вовремя — всё провалится. Я вижу у господина Этруса на руке часы. Они идут по времени Туманики, так что... да, ровно через пять минут после того, как я исчезну из тела Кайлая, вы должны будете забраться внутрь ближайшего к входу транспортника и очень тщательно там спрятаться. Приготовьтесь и начинайте отсчёт, я исчезну через три, два, один...

Кайлай судорожно вздохнул, мотнул головой и непонимающе уставился на землян.

— Объясните этому фрукту, что нам предстоит, — рассеянно бросил Этрис, пристально глядя на минутную стрелку своих часов, — так, осталось четыре... Давайте подберёмся

ближе!

Они перебежали к чахлым кустикам, которые пристроились вдоль наливной дороги, ведущей под энергетическую стену.

— Мужчины возьмите женщин за руки. Ольга, да, вы... отдайте мне ребёнка. Не время для сантиментов, я буду очень осторожен, но скорее доберусь с ним до транспортника, чем вы. Виталий, отвечаешь за девушку головой! Так, осталась одна минута... Вперёд!

В этот момент к энергетической стене как раз подъехал очередной грузовик на автоматическом управлении и магнитной подушке. Чтобы забраться в его кузов, нужно было сначала запрыгнуть на излучатели магнитного поля, а потом уже карабкаться вверх, что было под силу хорошо тренированным людям, но никак не усталым, оголодавшим землянам. И всё же отчаяние придало им сил: царапая руки и ноги в кровь, помогая друг другу, они с трудом по очереди перевалились через заградительный борт кузова и рухнули прямиком в... зерно. Машина перевозила зёрна пшеницы — несколько тысяч тонн за раз. Это было столь же удивительно, как и тот факт, что над горой зерна возвышался энергетический барьер, аналогичный городскому, и попасть в кузов люди не могли. Значит, Кастор уже находился в теле охранника, следя за тем, чтобы люди микроскопическими букашками забрались в гигантское хранилище. Это давало какую-то надежду на успех, если они всё-таки успели...

Долго рассуждать об этом землянам не дал Этрус. Тихим, но грозным шёпотом он отдал приказ всем зарываться в зерно с головой, и показал пример, мгновенно исчезнув в пыльном золотистом холме. Мать новорождённого — каторжанка Ольга — с ужасом вскрикнула, но, кинувшись к Этрису, увидела, что он оставил голову ребёнка на поверхности и осторожно прикрыл носовым платочком его рот от пыли.

— Прячься! Иначе нам всем хана! — прорычал из-под зерна Костя, и Ольга послушно нырнула рядом с ним в ароматную гору.

Так земляне пролежали некоторое время, пока вылезший из укрытия Кайлай не начал расталкивать остальных.

— Приехали, вылезайте! Через несколько минут нужно будет спрыгивать!

По необычной мимике и жестам земляне тут же распознали в нём Кастора и послушно выстроились вдоль борта кузова, круглыми глазами разглядывая открывшийся из-за молочно-белого купола город.

— Спрыгнув на землю, бегите налево, в сторону с дороги, иначе остальные транспортёры вас раздавят! Это транспортный маршрут, он закрыт для сонитан, но я знаю здесь несколько лазеек, так что следуйте за мной!

С этими словами Жонс лихо перемахнул через борт кузова и в несколько рискованных прыжков оказался на земле, тут же бросившись в сторону.

— Ну, чего встали?! — грозно рявкнул Этрус. — А ну за ним!

Спускаться оказалось гораздо страшнее, чем взбираться наверх. Дорога внизу мчалась со страшной скоростью, да и высота была немаленькая.... Но промедление, как говорится, смерти подобно, и в данном случае это выражение стоило понимать буквально. К счастью, обошлось без приключений, и все земляне благополучно оказались на обочине — пыльные, испуганные, но готовые ко всему. Кастор, всё ещё не покинувший тело своего брата, бросил несколько слов Этрису, наскоро пересчитал людей и взмахом руки указал им на гигантский забор, под стать транспортникам:

— Следуйте за мной и не отставайте, нужно торопиться!

Земляне бросились вперёд, как загнанные борзые; наверное, ещё ни разу в жизни они не

бегали с таким остервенением. Наконец, забор вдруг катастрофически вырос и оказался прямо перед ними. Кастор, не теряя ни минуты, шмыгнул в небольшую щель, образовавшуюся не месте сварного шва между двумя огромными плитами, и земляне последовали за ним. Сразу за плитами начиналась непролазная чаща кустарников — здесь Кастор резко остановился и подождал, пока соберутся остальные. Люди сгрудились вокруг него, стреляя по сторонам испуганными глазами и не понимая, почему Кастор вдруг остановился.

— Ну что, господа? Похоже, я могу всех вас поздравить с удачным завершением операции «проникнуть в неприступную крепость»!

— Удачным? — недоверчиво переспросил Этрис, всё ещё держа на руках молчаливого малыша Ольги.

— Именно. Прямо здесь начинается жилая зона города! Осталось только завершить последний штрих.

— Какой штрих? — захлёбываясь слюной, прохрипел Эрн.

— Всем нужно избавиться от волосяного покрова. Я сейчас минут на пятнадцать вас покину и вернусь с подходящими принадлежностями, а вы сидите тихо.

— Как же ты сам пойдёшь с шевелюрой на голове? — задумчиво поинтересовался Прахов, помогая каторжанке Ольге удобнее расположиться на земле.

— В Белаир-Трауре живёт множество офицеров с конспиративными волосами, но все они прекрасно говорят на сонитанском, в отличие от вас! Так что придётся побрить головы, руки, начисто сбрить брови и ресницы, чтобы не привлекать внимания. Понятно? Женщинам тоже, и это не обсуждается!

— Если ты думаешь, что после всего мы будем капризничать по такому пустяковому поводу, то ты либо сумасшедший, либо дурак! — тяжело бросила в ответ Ксения, усаживаясь на землю. — Тащи свои «принадлежности» и захвати воды! Я уже просто высохла...

Кастора-Кайлая не было около часа. Люди уже начали беспокоиться, когда в кустах послышался шорох и его тихий голос заранее предупредил:

— Это я, без глупостей!

Кастор притащил в заплечном рюкзаке с десятков ножей, литровую банку какой-то жирной мази, ворох чистых рубашек безразмерного покроя, а также чистую воду и некоторое количество хлеба.

— Сначала поешьте, а потом займёмся вашим внешним видом.

Земляне умолотили хлеб за каких-то несколько минут — очень соскучились по привычной современному человеку пище. Потом они разбились парами и взялись за стрижку. Вопреки бахвальству, женщинам оказалось труднее расстаться с волосами: чувствительная Ольга Николаевна даже всплакнула, когда ей обрезали её спутавшиеся светлые волосы. Но, в конце концов, земляне окончательно преобразились, сделавшись похожими на группу растерянных яйцеголовых пришельцев.

— Очень хорошо, осталось чуть-чуть, а потом вы сможете отдохнуть в надёжном убежище, — приободрил их Кастор, с насмешливой улыбкой одёргивая непривычно сидящие на землянах рубашки. — Чтобы вас не беспокоили на улицах, ведите себя как туристы, впервые посетившие Белаир-Траур. На вас соответствующая одежда, поэтому проблем возникнуть не должно. Не разговаривайте друг с другом ни при каких обстоятельствах! Слишком многим сонитанам знаком человеческий язык. Идите молча парами по двое,

ведите себя угрюмо, смотрите из подлобья.

— Ты собираешься выдавать нас за дурачков? — вдруг невинно поинтересовался Этрус.

— Нет, уважаемый Константин Геннадьевич, дурачков, как вы их называете, на Соните нет. Наши врачи предупреждают рождение детей с отклонениями. А вот отверженных предостаточно, и я думаю, нет ничего удивительного в том, чтобы некоторые из них вдруг решили перебраться в столицу... за очередной порцией унижения.

— Унижения? — переспросила Ксения. — Это вы что, так преступников называете?

— В каком-то смысле, — туманно ответил Кастор, отводя глаза. — Единственное, что вам пока следует знать, так это то, что вы можете ничего не опасаться: сонитане будут проходить мимо вас с опущенными глазами, дети — показывать пальцами, не более того.

Ксении хотелось расспросить ещё, но Рихард тихонько взял её за локоть и отрицательно качнул головой.

«Что?» — одними губами спросила женщина.

«Ему тяжело говорить об этом, не стоит...»

Пока они обменивались тихими репликами, Кастор достал из рюкзака маленький стержёнок с тушью и принялся чертить на лбу у каждого пигментную звезду. Конечно, эти звёзды отличались от тех, что возникали после укола гормонами, но, зная психологию современных сонитан, Кастор предполагал, что врятли кто-то станет пристально вглядываться в лица отверженных.

— Хорошо, теперь вы готовы. Помните, что я вам сказал, следуйте за мной по пятам, и всё будет в порядке!

Они выбрались из кустов, и попали в небольшой парк с редкими аллеями и пологими холмами, поросшими густой зелёной травой. Отсюда был хорошо виден город, раскинувшийся далеко впереди, и глаза землян невольно приковались к высоким зданиям неожиданной архитектуры.

— Он удивительный, это правда, — мечтательно произнёс Кастор, вместе с пришельцами разглядывая подёрнутый утренней дымкой город. — Но нам нужно поторапливаться, так что пойдёмте!

Они быстро пересекли парк и оказались в жилом квартале, разделённом сразу несколькими водными путями. Отовсюду из уютных домиков к паромам спешили молодые сонитане, уткнувшись в голограммы над левыми запястьями. Кастор также не преминул активировать какое-то устройство, вживлённое его брату под кожу, и сделал вид, что внимательно изучает пробегающий по голограмме текст. Помня о наставлениях сонитанина, земляне молча наблюдали за этим массовым «помешательством», не задавая вопросов, и когда Кастор взбежал по мостку на паром — немедленно последовали за ним, выстроившись вдоль борта.

К удивлению людей, на горстку отверженных никто не обратил внимания, скорее наоборот: сонитане старались не приближаться к ним и смотрели как бы «сквозь». Землянам это было только на руку, и они взялись рассматривать город, завертевшийся у них перед глазами: огромный, свежий, полный зелени и необыкновенной для мегаполиса тишины. Кастор несколько раз пересаживался с одного канала на другой и, судя по количеству сонитан, которые делали точно так же, — земляне сделали вывод, что река являлась основным транспортным средством в Белаир-Трауре. Раза два они, правда, замечали над головами огромные бесшумные кары, но те появлялись нечасто. Наконец, толпа спешащих на работу сонитан поредела, и Кастор смог приблизиться к «своим»

отверженным на достаточное для тихого разговора расстояние. Он сделал вид, что продолжает изучать голограмму, а сам облокотился на борт и едва слышно произнёс:

— Оглянитесь направо.

Земляне посмотрели в ту сторону и увидели огромное круглое здание, мраморной лесницей выходящее прямо к берегу реки.

— Это «Комендаторий Сартус» — здание нашего правительства, — пояснил Кастор. — Запомните его хорошенько и всё, что видите вокруг — скоро вам это понадобится.

Белое здание скрылось в буйной зелени деревьев, и следом вновь потянулись жилые кварталы, пересечённые тонкой сетью прозрачных каналов. Ещё несколько раз они пересаживались на второстепенные ответвления, пока не достигли самой окраины Белаир-Траура. Впереди уже вполне различимо начал мерцать молочно-белый энергетический купол, не подсвеченный имитацией голубого неба, когда Кастор сделал землянам жест спускаться на берег.

Жилые кварталы остались далеко позади; похоже, люди попали в зону административных зданий мелкого назначения. Здесь находилась небольшая обсерватория, закрывшая свою «улитку» на зимнее время; неподалёку от неё широко раскинула крылья четырёхэтажная академия «Звёздного неба». Кастор без опаски провёл отверженных мимо этих зданий, и они смогли внимательно рассмотреть немногочисленные памятники величайшим открытиям сонитан в области освоения космоса. Тут были уменьшенные копии звёздных кораблей самых современных конструкций, а также несколько вариантов спинс-переходов, последним из которых являлся космический портал к Земле. Экспозиция заканчивалась на этом экспонате, и Кастор невольно замер перед памятником:

— Удивительно, не правда ли? Открытие Земли стало последним величайшим открытием, которое удалось совершить Соните. Нет, положительно, мы слишком рьяно взялись за ваше изучение, вместо того, чтобы самим двигаться дальше. Великая цивилизация сонитан всё больше погрязает в человечности, и здесь причина её медленного угасания.

— Да неужели? — скептически поинтересовался Прахов, заметно оживившись при виде спинс-переходов.

— Несомненно, — вполне серьёзно подтвердил сонитанин, задумчиво разглядывая последний экспонат. — С открытием Земли появление на свет отверженных участилось в несколько раз, и, мне кажется, в этом есть какая-то связь.... Может, само ваше мышление заразно и каким-то образом воздействует на наши гены?

Он явно пошутил, и сказал эти слова с улыбкой, но Этруса они задели не на шутку:

— Ах ты слизняк поганый! Да что ты понимаешь в настоящих людях?! — с этими словами Костя легонько тряхнул Кастора за воротник, отчего тот мгновенно распластался в пыли.

Неожиданная ситуация привлекла внимание сотрудников академии «Звёздного неба», которые тут же выскочили на улицу с перекошенными от ужаса и удивления лицами. Они бросились к Кастору, даже не обращая внимания на сгрудившихся позади землян.

— Эй! Вы не пострадали?! Сейчас мы вызовем скорую помощь и сотрудников Озна! А пока, наверное, вам лучше пройти в здание!

Кастор поспешил подняться на ноги и успокаивающе поднял руки.

— Всё в порядке!.. В порядке. Это полуживотное меня не трогало, хотя вам, наверное, так могло показаться! Я просто оступился о камень, это нечто попыталось поймать меня, но не успело. Ничего страшного не произошло, уверяю вас! Не стоит беспокоиться.

Очаровательная улыбка заставила сонитан успокоиться, и они со вздохами облегчения похлопали Кастора по плечам.

— А мы так перепугались! Со стороны это действительно выглядело так, будто оно на вас напало. Виданное ли дело? Уж извините, что мы вас переполошили.

— Что вы! Это мне следует извиняться, я, наверное, отвлёк вас от важных исследований! Вот у вас работа, я понимаю. Не то, что моя: хорошенькое занятие, доставлять эту серость по местам распределения!

— А куда же здесь понадобилась живая сила? — с любопытством поинтересовался один из сонитан к едва заметному неудовольствию Кастора.

— В лепрозорий. Вроде бы там вышла из строя система автоматической уборки помещений, и на время ремонта её заменят эти полуживотные.

Этот ответ удовлетворил сотрудников академии, и они удалились, оставив компанию землян наедине с их рассерженным провожатым. Однако прежде чем наброситься на Этруса с нападками, Кастор отвёл их подальше от места происшествия.

— Вы сдурели?! На Соните нет насилия, тем более со стороны отверженных! Мне едва удалось убедить этих кретинов, что они обознались! Если подобное повторится, я не знаю, что мне придётся предпринять, чтобы замять вашу непроходимую глупость! Тоже мне, нашли время обижаться по пустякам. Уверен, на Земле вам приходилось слышать слова пообиднее!

Этрусу пришлось признать, что он погорячился, и просить извинения у своих товарищей, после чего они продолжили путь по безлюдным улицам странного квартала.

Вскоре перед ними выросло ещё одно здание, сильно напоминавшее обсерваторию, только без раздвижного купола.

— Ну, вот мы и пришли. Внутри никого нет, так что можете заходить без опаски, всё здание на автоматике.

С этими словами Кастор исчез из тела Кайлая, и тот в слабости осел на землю, поддерживая голову руками.

— Пора бы это прекращать, — осторожно заметила Ольга Николаевна, заботливо помогая сонитанину прийти в себя. — Однажды он просто погибнет...

Как только Кайлай смог подняться на ноги, земляне открыли высокие деревянные двери и вошли в прохладный холл лепрозория. Внутри было тихо и светло. Первый этаж, по всей видимости, представлял собой место, где пациентов купали, переодевали и готовили к дальнейшему пребыванию в лежачем положении. Автоматика никак не отреагировала на появление посторонних, да и вообще, судя по слою пыли, осевшему на приёмных механизмах, они давно не приходили в движение.

— Добро пожаловать! — внезапно раздался незнакомый голос, и в дальнем конце коридора, ведущего к лестнице, показался сонитанин средних лет в просторных шёлковых одеждах. — Что же, давайте знакомиться ещё раз, меня зовут Кастор Жонс!

Кайлай вдруг слабо вскрикнул и бросился к своему заметно постаревшему за эти годы брату.

— Кастор, как я рад тебя видеть! Ты повзрослел, возмужал!

— Да уж, — с печально улыбкой согласился тот, поглаживая коричневую пигментную звезду у себя на лбу. — Как и ты, братишка. Только ты всё ещё гражданин, а я — живой труп в автоматическом лепрозории.

— Но как это могло случиться? Я не понимаю...

— Пойдёмте наверх, — со вздохом предложил Кастор, — сначала вам нужно поесть и отдохнуть, а уж потом мы всё обсудим.

Он повёл их винтовой лестницей на третий этаж, залитый горячим солнечным сиянием искусной небесной имитации. При желании любой сонитанин мог связаться с центром и попросить убавить светимость над его домом или местом работы, но все без исключения сонитане любили солнечный свет и очень страдали без него. Наверное, поэтому все жители города Белаир-Траур, которые встречались землянам по пути в лепрозорий, выглядели очень смуглыми, как и Кайлай.

На третьем этаже землян ждал сюрприз: накрытый стол из прижатых друг к другу каталок, заставленный странными кашеобразными блюдами; вокруг него сидело человек двадцать сонитан различного возраста в таких же просторных шёлковых тогах, как и Кастор.

— Покорно просим за наш скромный стол, — на плохом интерязыке землян прошелестел древний старик, сидевший ближе всех к выходу. — Еда не самая изысканная, но мы делимся с вами тем, что находится в нашем распоряжении.

Без дальнейших разговоров оголодавшие земляне расселись на свободные места и принялись насыщаться, зачерпывая кашу прямо пальцами. Когда с пиршеством было покончено, Кастор отвёл гостей в приспособленные под душ комнаты и раздал им шёлковые тоги небесно-голубого цвета.

— Ну что же, теперь, наверное, пришло время удовлетворить ваше любопытство, которое, я вижу, уже льётся через край, особенно у Кайлая, — с усмешкой заметил Кастор. — Прошу наверх! Там вас уже поджидают старейшины. Держать слово будут они, а я — только переводить. Слушайте внимательно, но не перебивайте, потом у вас будет время спросить непонятное.

Четвёртый (последний) этаж был явно переоборудован при помощи гипсо-картоновых стен под множество спален и широкую залу отдыха. Вот в ней-то и собрались загадочные сонитане, расположившись на подушках. Они сидели по-турецки, время от времени склоняя друг к другу головы и улыбаясь, но не говорили ни слова. При появлении землян, все глаза остановились на них, и улыбки исчезли с лиц.

— Садитесь, — приказал старик, давеча говоривший с ними за обедом. — Кастор, переводи мои слова правильно, я хочу, чтобы эти земляне всё поняли именно так, как понимаем мы.

— Хорошо, старейшина Рорель.

— Ну, вот и славно. Начнём. Мы приветствуем вас на Соните от лица всех присутствующих здесь Левигатов, земляне! Это редкий случай, когда люди ходят по земле нашей Родины так свободно, но поступки Озна давно вели к этому, так что пусть они пожинают плоды своих же преступлений! Вы попали на Сониту случайно, однако это событие было предопределено свыше, ибо именно сейчас оба наших мира нуждаются в вашем присутствии здесь. Вам ещё ничего не понятно, но слушайте внимательно, и пелена спадёт с ваших глаз. По причине способностей мы, левигаты, часто видим и слышим больше, чем открыто обычным сонитанам. И людям. Но наших сил не всегда хватает на то, чтобы остановить зло, творящееся руками собратьев; а в последнее время, когда Озн открыл волны, способные преграждать путь Странствующему Спутнику, делать это стало ещё труднее... Вы, наверное, задаётесь вопросом, какое зло я имею в виду, разглагольствуя здесь перед вами. Так вот знайте: планеты сонитанской цивилизации постоянно нуждаются в энергии, добывать которую становится труднее и труднее с каждым годом. Наша численность растёт,

но простой энергии ядра уже не хватает, чтобы поддерживать тот уровень жизни, который сейчас ведут сонитане.... Столичное правительство давно узнало об этом стремительно приближающемся кризисе, однако до сих пор хранит молчание, потому что надеется на успех земных учёных. Да-да! Ваших учёных! Именно они открыли возможность получения энергии из биополя живых существ, изучая фауну Туманики. Правда, земляне нашли более коварное применение этому замечательному открытию: они задумали уменьшить население своих самых бедных колоний, одновременно получая приток свежей энергии за счёт их жизней. Сонитанские же учёные обнаружили другую — безвредную сторону открытия, и намереваются использовать его на Соните, смешивая гены землян с закрытой кастой избранных сонитан, которые будут заниматься производством энергии для планет и колоний. Сейчас на планете тихо, потому что никто, кроме посвящённых, не знает о планах правительства и Озна. Но мы — знаем! И как исконные жители этой планеты, мы против вмешательства в нашу плоть и кровь чужеродных генов людей, которые кроме прочего принесут на Сониту и все пороки человечества! Отнеситесь с пониманием к этим словам, проявите мудрость, свойственную немногим представителям рода человеческого! Наше противостояние — вам только на руку. Мы героически сражались, действуя против своей совести, зачастую принося много страдания ни в чём неповинным существам. Чужими руками мы убивали своих же братьев по духу — Витал, избавляя их от плена в лабораториях и мучений! Но всё напрасно. Пока Озн поддерживает исследования землян сонитанскими технологиями — они никогда не прекратятся, и нашу планету наводнят жуткие гибриды, а вашу настигнет эпидемия геноцида! Удар необходимо нанести по Соните.

На этом месте Кастор запнулся, разволновавшись. Но он быстро поправился и продолжил переводить:

— В этом лепрозории, мы лежим как пленники неизвестной болезни. Врачи считают, что мы не выходим из комы, поэтому изучают нас на расстоянии, поместив в закрытые капсулы. На самом же деле мы вполне способны возвращаться в свои тела после дальних странствий, что делаем довольно часто, когда поблизости никого нет. Автоматика уже много лет работает по строго заданной Левигатами программе, и это место стало нашим убежищем, из которого мы наносим удары по врагу. Однако заложенные в наши души воспитание и моральный стержень, сделали нас слишком нежными и, возвращаясь в тело, мы теряем решительность и не можем взять в свои живые руки оружие.

Это должны сделать вы, и навсегда отсечь голову гадине, свернувшейся в самом сердце нашего общества!

Наступила тишина. Старейшины молча взирали на землян, переводя взгляды с одного на другого, пока Пётр не занервничал и не обратился к Этруссу:

— Костя! Что будем делать? Надо бы это нам всем в сторонке обсудить, чтобы они не слышали...

Этрус кивнул.

— Нам нужно всё хорошенько обдумать. Не обижайтесь, но мы не знаем доподлинно, стоит ли верить вашим словам, или нет: потребуются весомые доказательства намерений наших учёных прежде, чем мы дадим ответ. К тому же, ничто не делается просто так!

Старик согласно кивнул:

— Вероятно, вы пожелаете вернуться на Землю, Кастор уже говорил мне... Что ж, это возможно. В распоряжении Левигатов есть несколько Спинс-Ворот, которые на данный момент не работают, чтобы Озн их не обнаружил. Но если наша задумка удастся, мы вполне сможем запустить одни и совершить прокол пространства. Торопиться ни к чему, у вас есть время всё обдумать до завтра. А пока выслушайте несколько правил: не выходите из здания, чтобы вас не заметили другие сонитане, не подходите близко к окнам до наступления темноты и ведите себя по возможности тихо — лишний шум может вызвать подозрения. Это всё на сегодня. Завтра вы получите необходимые доказательства и дадите свой ответ.

Старейшины, как один, поднялись со своих мест и направились по комнатам. Через несколько минут в зале отдыха воцарилась полнейшая тишина, словно бы в своих закутках старейшины мгновенно обратились в ледяные статуи.

Кастор жестом приказал землянам молчать и повёл их вниз.

— Вам придётся расположиться на втором этаже. Там нет окон, но есть несколько лежанок и кушеток, в туалет будете ходить на третий этаж. Простите за неудобства, но мы сейчас сами не в том положении, чтобы сетовать на отсутствие роскоши. А теперь я оставляю вас одних. Кайлай, пойдём со мной, землянам следует разобраться во всём без присутствия чужаков...

Как только братья выскользнули в коридор, Этрус крепко сжал локоть Прахова и значительно глянул на дверь:

— За ними, Рома...

Дважды объяснять не пришлось. Роман Евгеньевич по-кошачьи подкрался к двери, пока остальные начали шумно говорить о посторонних вещах, чтобы сбить с толку возможных слушателей, и осторожно выглянул: в конце коридора на лестничном пролёте, ведущем выше, мелькнула голубая тога. Тогда Роман прикрыл дверь и, стараясь не шуметь, последовал за Жонсами. Братья поднялись на четвёртый этаж и завернули в одну из «келий» старейшин, оказавшуюся пустой. Похоже, они не опасались шпионажа — говорили довольно громко, но, к сожалению, на родном языке, так что Роман не понял ни слова из их разговора. Единственное, что он уловил — это постоянные возражения со стороны Кайлая. Наконец, Кастор огрызнулся на земном:

— Ты поговоришь с ним, чёрт возьми! Можешь придумывать что угодно, но это твой отец, и ты обязан выслушать его!

— Не обязан, Кастор! Где он был, когда я... когда ты! Почему мы так хорошо знаем этот язык? Не от хорошей жизни, брат! И кто виноват? Почему они решились на это безумство?! Чем думала наша мать, когда связалась с человеком, да ещё и тайком?! Они предопределили наши жизни! Теперь я точно знаю, откуда во мне это... чувство! Виталы не живут дольше тридцати лет, Кастор, и эту способность я унаследовал от отца!

— Бесполезно возражать, — чужим голосом вдруг проговорил Кастор на чистейшем интерязыке. — ты уже говоришь со мной, сын.

Послышался грохот упавшего стула и чей-то изумлённый вздох.

— Меня зовут Кирилл Оптик. Мне приятно, наконец, говорить с тобой лично...

— Ублюдок!

Дверь в келью распахнулась, и Роман еле успел спрятаться на лестничной площадке, продолжая внимательно слушать.

— Не стоит горячиться, сын, ты уподобляешься тому, кого ненавидишь.

— Без тебя знаю! А кто виноват, что я вообще могу тебе уподобиться?! Да любой

отверженный на Соните лучше меня!

— Ты не так плох, как думаешь о себе. Быть Виталой — великий дар, гораздо больший, чем быть Левигатом! Ты ещё многого не знаешь о себе, не знаешь, что можешь становиться Дайкини — несущим смерть, что можешь отнимать жизни так же легко, как восстанавливать свои раны! Из тебя выйдет прекрасный воин, лучший из всех, кого знало человечество и Сонита!

— Воин? — вдруг тихо переспросил Кайлай. — Так значит, ты поэтому наконец объявился? Тебе воины понадобились?!

— И поэтому тоже, — с готовностью согласился Оптик. — Ты ослеплён обидой, сын, право, я сейчас чувствую себя сонитанином перед капризным человеческим ребёнком! Обратись к своему разуму и послушай. Эти земляне, которых мы привели на Сониту, не должны покидать пределы планеты, их судьба, как не жаль мне это говорить, заканчивается здесь. Если вернуть их на Землю, они могут предать нас — связаться с учёными, рассказать им об успехе исследований. Тогда все наши жертвы будут напрасными!

— Наши жертвы? Что же, — полетела вперёд насмешка, — гибель целой колонии ты тоже считаешь «своей» жертвой?

— Конечно. Я испытал глубочайшее потрясение и печаль, наблюдая за смертью такого количества своих братьев. Но это также было необходимо.

— Не сомневаюсь, только... как вы это провернули? Я знаю, на Туманике действовали мощнейшие излучатели, и вы не могли...

— Родственные связи несколько крепче этих волн, Кайлай, — назидательно ответил левигат, очевидно недовольный пустой болтовнёй и торопящийся перейти к делу. — Но поскольку ты был на поверхности, Кастору пришлось воспользоваться телом твоего брата Романа.

— Брата Романа... С ума сойти можно! Куча родственников в один день, да каких! Старик, вообразивший себя вершителем судеб, и краб-отшельник, которого я лично неоднократно пытался убить! В голове не укладывается! И ведь мне это даже почти удалось, тогда на Эпсилоне. Правда, я не предусмотрел, что некоторые жидкости Витал долго сохраняют лечебные свойства...

— Ну что ж, надеюсь, ты не сожалеешь об этом. А теперь давай оставим твои вопросы Кастору, и поговорим, для чего же ты сюда явился с целой командой землян под руководством.

Роман Евгеньевич весь обратился в слух, однако вместо дальнейших пояснений вдруг услышал отчётливые шаги в сторону лестницы, и отшатнулся назад. В последний момент, когда тень Жонса уже заслонила собой арку лестничного пролёта, некто, называвший себя Оптиком, остановил Кайлая.

— Довольно, — тут же прозвучал уже спокойный голос сонитанина. — Никто из них не подчиняется мне. Командир землян — Этрус, вполне достойный твоего доверия человек. Тебе следует говорить с ним.

— О, теперь я вижу, ты призвал свою мудрость. Но людям необязательно знать, что мы собираемся сделать их руками.

— А что вы собираетесь сделать?

Прахов мысленно возблагодарил сонитанина за этот животрепещущий вопрос, и замер у стены, едва дыша.

— Свергнуть правительство Сониты и распустить Озн. В принципе, это не отличается

от того, что мы сказали землянам, однако, зная соплеменников, я могу с уверенностью сказать, что если они пронюхают о перевороте — мы не оберёмся их сомнений, такова уж природа людей. Пусть думают, что уничтожают злодеев, а когда мы придём к власти на Соните, то постараемся сделать всё возможное, чтобы уберечь обе цивилизации друг от друга и использовать результаты эксперимента правильно. Тем более что сейчас они находятся только в наших руках.

Кайлай тихонько рассмеялся, и Прахову почудилась угроза в этом смехе.

— Как левигаты собираются занять место избранного правительства Сониты? Если ты не знал, у нас полная демократия — народ выбирает своих руководителей!

— Но это такая же ложь, как и то, что Озн подчиняется правительству, — невозмутимо ответил Оптик. — Когда мы сделаем доступной информацию о злодеяниях Озна и его намерениях манипулировать генофондом, у сонитан не останется другого выбора, как проголосовать за тех, кто окажется более подготовлен к этой катастрофе. Любым мнением можно руководить, даже мнением целого общества. И у нас всё готово для этого, Кайлай, осталось только убрать с дороги загнившие элементы системы и влить свежую кровь в жилы Сониты.

— Но зачем тогда вообще нужны земляне? — удивлённо спросил Жонс. — Эта чушь о моральном стержне и прочей ерунде... Если уж сумел убить однажды, то потом становится неважно, чьими руками ты это делаешь.

— Ты прав, узнаю пытливый ум твоей матери.

— Эредо тексо анатинак! [Не упоминай мать!]

Несколько мгновений было тихо, но потом снова заговорил Оптик:

— Ты видишь, сколько горя причинила наша с Ауве любовь. Мы долго страдали в разлуке, а теперь страдаете и вы, наши дети. Взаимодействие обеих цивилизаций ведёт только к умножению печалей, хотя бы взять этот эксперимент со скрещиванием фантазёра и человека. Люди и сонитане не готовы общаться на равных, поэтому нужно отдалить их, пока это ещё возможно. А ничто так не разделяет, как вражда. Сонитанам необязательно знать, кто послал землян-убийц в здание их правительства. Достаточно самого факта насилия со стороны людей — это надолго погасит интерес к объединению генов и вмешательству в наши земные дела.

— Так вот что... теперь я вижу, как хорош этот план. Почти не сомневаюсь, что придумал его ты, не так ли? Но я с трудом представляю твою выгоду, ведь тело твоё никогда не сможет управлять моим народом, ты — пленник Земли!

— Меня не интересует власть и земные богатства, которые она даёт, — с усмешкой ответил Оптик. — Я всего лишь хочу сделать жизнь на Земле безопасной для будущих поколений, и может быть, в грядущих веках моё имя будет звенеть на устах с благодарностью.

Кайлай бросил ему «Тщеславец!», однако «сеанс связи» уже закончился, потому что Кастор вдруг закашлялся и со смехом обратился к брату на сонитанском.

Прахов понял, что ничего полезного больше не услышит, и постарался как можно тише спуститься на второй этаж. Там его уже ждали с нетерпением, однако Роману прежде пришлось собраться с мыслями: говорить о страшном предательстве и грядущей беде было не так-то просто...

Глава 11.

Сонита.

Утро в лепрозории началось с ликбеза по обстановке в политических кругах обеих планет: левигаты методично приводили землянам всё новые и новые факты, видеоматериалы, свидетельские показания, которые выглядели очень достоверными. Так что ещё до окончания лекции землянам стало понятно, какое решение им предстоит принять... Наконец, после получасового голосования, Этрус решил высказать общее решение сонитанам:

— Господа старейшины, мы тщательно обдумали ваше предложение, взвесили приведённые доводы и доказательства и приняли решение: земляне согласны помочь вам в этой справедливой борьбе. Кастор уже ознакомил нас с планом по уничтожению зачинщиков эксперимента — мы его одобряем и готовы привести в исполнение, но только при условии, что сразу после операции старейшины обязуются отправить нас всех домой — на Землю.

Этрус коротко кивнул, видимо таким образом изображая поклон, и рухнул всем своим весом на кушетку, отчего сидящие рядом люди подпрыгнули. Старейшина в ответ тяжело поднялся на ноги и дрожащими руками сделал какой-то знак.

— Старейшина Рорель благословил вас знаком Великой Сониты — древней богини покровительницы сонитан, — тихо пояснил Кастор, смиренно складывая руки в ответном знаке почтения от имени землян.

Рорель торжественно кивнул и скороговоркой прошелестел на интерязыке:

— Теперь, если ваша храбрость и благородство приведут нас к успеху — имена землян станут почётными в сердцах и памяти Левигатов.

— Это большая честь, — спохватилась Ксения, видя, что её товарищи молчат в недоумении, не разобрав ни слова. — Мы также будем помнить имена тех, кто жертвует собой ради обоих миров, не проводя различий.

— Мы поняли друг друга, — довольно улыбнулся Рорель. — А теперь передаю вас в руки моих более молодых собратьев, чтобы они снабдили вас всем необходимым и объяснили, что и как нужно делать.

По плану левигатов в операции должны были участвовать все люди, прибывшие на Сониту, кроме разве что матери с ребёнком. Они делали упор на то, что сонитане, не привыкшие к насилию, едва ли окажут достойное сопротивление закалённым в юношеских распри мужчинам и женщинам. Однако чтобы достоверно исключить подобную возможность, земляне должны создать видимость настоящего вторжения: использовать дымовые бомбы, шуметь, кричать и, что самое главное, нападать на здание правительства с нескольких сторон одновременно. Кастор пару дней водил группу «диверсантов» по округе здания правительства, где земляне досконально изучали прилегающую местность. Заодно сонитанин знакомил их с некоторыми обычаями и правилами этикета своих земляков, чтобы

в случае непредвиденной ситуации люди не выдали себя какой-нибудь глупостью. По словам Кастора, старейшины тоже не сидели без дела: они подготавливали пути отхода для своих инопланетных друзей. Это место в плане левигатов, где земляне благополучно спрыгивали в канализационный люк, ведущий к руслу Гаюны, и на лодке отправлялись напрямик к месту захоронения спинс-ворот — было самым ненадёжным. Не зная Этрис заранее, что предложенная стратегия — наглый обман, он ни за что бы не повёлся на плохую приманку. Но задумка людей заключалась именно в том, чтобы левигаты поверили в доверчивость своих «гостей» и дали им возможность проникнуть в здание правительства. За эти несколько дней они подготовились к предстоящей операции гораздо лучше, чем думали старейшины.

Наконец настал день воплощения их плана в реальность.

Земляне с самого утра находились в приятном возбуждении, хотя тонкий зуд страха всё же не раз и не два пробежал по их наголо обритым головам. Сегодня Кастор предложил «диверсантам» роскошный завтрак, состоящий уже не из каш непонятного происхождения, а из свежего хлеба и тонких плоских вялёного мяса, которые пользовались популярностью на Соните. Похоже, людей решили хорошенько накормить перед смертью — эта мысль пришла в голову каждому, кто вонзил зубы в сочные ароматные бутерброды. Но земляне молчали, потому что на этот раз знали много больше пресловутых левигатов...

Кастор выдал им новые комплекты одежды: просторные белоснежные шаровары, доходящие до середины икры, свободные рубашки с рукавом три четверти из белого шёлка и безразмерные кожаные сандалии, которые подгонялись прямо на месте. Облачившись в удобные наряды, люди действительно почувствовали себя сонитанами — так мало они отличались от Кастора в подобном одеянии. Покончив с разбором документов, которые давали землянам право самостоятельно подниматься на паром, Кастор ещё раз повторил им в общих чертах весь план, убедился, что земляне всё хорошо запомнили, и отправил с дружеским напутствием в дорогу. Сам он (подразумевалось) должен был тотчас отправиться к месту входа «диверсантов» в канализацию, чтобы благополучно проводить их потом к руслу Гаюны.

Впервые оставшись наедине с миром Сониты, земляне нисколько не растерялись и посвятили время своего путешествия на пароме изучению окрестностей Белаир-Траура и его жителей. Последние поражали землян всё больше, особенно когда люди собственными глазами видели подтверждение невероятным рассказам Кастора: например, что каждый сонитанин считает своей обязанностью посвятить некоторое количество времени решению общепланетных вопросов. Такой взгляд на демократию тронул землян, и они уже с некоторой завистью следили за тем, как все жители города одновременно поднимают руки с голограммными экранчиками, чтобы высказать своё мнение и сделать жизнь чуть более упорядоченной. Также бросалось в глаза отсутствие влюблённых парочек, прогуливающих под сенью густых парков или на ослепительно белых аллеях. Кастор пытался втолковать землянам, что на Соните понятие «любовь» с некоторыми допущениями может быть применено только к детям, и семьи создаются на основе здоровой симпатии. Но людям было чуждо понятие здравого смысла в отношениях, и они отказывались верить сонитанину, лишь послушно кивая головами в знак согласия.

Мир Сониты в общем и целом произвёл на инопланетян благоприятное впечатление. После кошмара гибели целой станции, безнадежного скитания по космосу, закончившегося

жутким месивом, и выживания в диком лесу чужой планеты — увидеть прекрасный город оказалось чрезвычайно приятно. Зрелище цивилизации, столь сильно походящей на земную, успокаивало, дарило радость и надежду. Не верилось, что через каких-то пятнадцать минут людям придётся взрывать дымовые бомбы и идти на штурм в здание местного управления.

Все девятеро пришельцев уже были готовы занять свои позиции по сторонам от мраморной лестницы «Комендатория», когда из толпы управленцев, спешащих на свои рабочие места, вдруг вынырнула поджарая фигура Кайлая.

Земляне не видели второго брата-близнеца с момента их последнего разговора со старейшинами, и не рассчитывали увидеть когда-либо снова. Тот факт, что сонитанин помогал им, не зная сам, какие цели преследуют его более организованные родственники, ставил его на ступень выше в глазах пришельцев. Но всё же Кайлай был опасен и мог помешать планам людей.

Сонитанин, как ни в чём не бывало, приблизился к группе землян и быстро проговорил:

— Хорошо, что я успел вовремя. Операция отменяется, вам не следует быть здесь.

— Это ещё почему? — грубовато поинтересовался Рихард, но Кайлай ответил ему почтительно, так как с некоторых пор уважал этого человека:

— План Левигатов — ловушка. Они используют вас, чтобы достичь своих целей, а потом убить!

Земляне переглянулись в изумлении, и Кайлай озадаченно нахмурился:

— Только не говорите мне, что не догадывались об этом! Или я зависил ваши умственные способности?..

— погоди называть нас дураками, Кайлай, — поспешно прервал его тираду Этрус, настроенный радушнее, чем когда-либо. — Так ты пришёл нас предостеречь? Мы были о тебе другого мнения, и, как видно, ошибались! Но план Левигатов очень подходит нам, чтобы проверить свою стратегию, так что советую тебе не вмешиваться и скорее садиться на дальний паром — сейчас здесь начнётся свалка.

Этрус хотел уже отдать приказание занимать позиции, но Кайлай вовремя удержал его за локоть.

— Вы что, не понимаете?! Нет никакого хода через канализацию! А стоит вам попасть в руки Озна, и можете считать, что ваши дни сочтены!

— Мы хорошо понимаем это, — с терпеливым вздохом ответил Костя, выдёргивая руку из крепких пальцев.

— Но каков тогда ваш план?..

Теперь уже все земляне посмотрели на Кайлая враждебно, видимо заподозрив его в шпионских поползновениях.

— Хорошо, хорошо, я вижу, вы мне не доверяете, наверное, для этого есть веские причины. Особенно у некоторых, — взгляд Жонса скользнул по мрачной фигуре Прахова. — Но я просто хотел удостовериться, что... Что вы будете в порядке.

Кайлай пристально посмотрел в глаза Эрни, Ольге Николаевне, Рихарду, а потом вдруг быстро отвернулся и пошёл прочь, сунув смуглые руки в карманы. Несколько секунд земляне смотрели ему вслед, а потом занялись делом.

Перед «Комендаторий Сартус» по обыкновению выходило много народа: в основном, служащие различных департаментов, координирующие действия опросной системы и поток внешней информации. Сонитане как раз заканчивали голосование о проблемах города, когда

раздался воинственный клич девяти плоток, и на тротуары из кустов полетели дымовые пашки. Густые волны химического тумана окутали аборигенов, и те бросились врассыпную кто куда. Выскочив из облака, многие из них догадались, что лучше всего отплыть с уходящим паромом, и сотни ног разом вскочили на крепенькое, но всё же не настолько, судёнышко. Паром заскрипел, накренился и под отчаянные вопли перепуганных сонитан черпнул воды правым боком.

Земляне в тот момент уже поднимались по мраморным ступеням к дверям «Комендатория», но странный визг со стороны парома заставил их оглянуться и обомлеть: паром стремительно погружался в воду, утягивая всё вокруг на дно, и толпа сонитан тщетно барахталась вдоль его бортов, как новорождённые щенки, брошенные на произвол судьбы. И если раньше план землян заключался в том, чтобы под шумок проникнуть в здание «Комендатория» и взять правительство планеты в заложники, угрожая распространением нежелательной информации — то теперь «диверсантам» ничего не оставалось, как броситься на помощь утопающим! Женщины остались на возвышении мостовой, помогая выбраться тем, кто сумел добраться до кромки воды; а мужчины поспешили оказаться в самой гуще действия, хватая растерянных сонитан и направляя их в сторону берега. Впрочем, уже через пять минут на место происшествия прибыла группа спасателей, которые занялись отловом продрогших и испуганных соплеменников, так что бескорыстный порыв землян оказался напрасным и скорее даже погубил их: в самый разгар спасательной операции над «Комендаторий Сартус» взмыл яйцевидный летательный аппарат с государственными опознавательными знаками. Видимо, в «Комендаторие» быстро сообразили, к чему был пущен дым на улице, и скорым рейсом отправили традиционно невыездное правительство подальше от опасной зоны. А тем временем благодушные спасатели, только что ратовавшие за жизнь каждого пострадавшего, вдруг превратились в строгую охрану, оцепившую всех участников переносным силовым полем и запретившую любые попытки покинуть набережную.

Землян вычислили быстро: никто из них не владел языком, к тому же на мужчинах уже начала пробиваться едва заметная щетина... Полицейские и спасатели пришли в неопиcуемый ужас, обнаружив в центре сонитанской столицы организованную группу людей. Они тут же закрыли их в непроницаемой для света и звука камере, и первым делом вызвали сотрудников Озна. Прибывшие специалисты прекрасно владели интерязыком, так что землянам не составило труда объяснить агентам, что они всего лишь мирные посланцы с другой планеты, которые просто опасались быть схваченными, поэтому и устроили весь этот балаган, прежде чем войти в здание правительства, и никаких злых умыслов не преследовали. При землянах не нашлось оружия, и поскольку они не сопротивлялись при аресте и вели себя вполне мирно, у сотрудников Озна не было причин держать их и дальше «в строгости». Однако сонитане предвзято относились к полу-животным, и поэтому продержали их в злосчастной камере без воды и пищи около суток, прежде чем позволили любопытным членам правительства взглянуть на так называемых «послов».

Конечно, все члены правительства были в курсе, что заботами Озна жители Земли и не подозревали о существовании Сониты. Только со времён Конрода Мера порядки в Озне чуть смягчились, и заявление Этруса вдруг поколебало их прежнюю уверенность в непроницаемости заслона. Чтобы развеять возникшие сомнения бесстрашные члены правительства вооружились озовскими консультантами и в присутствии самого начальника

Озна изъявили желание лично встретиться с нарушителями спокойствия сонитанской цивилизации.

Землян снова нарядили в подходящие случаю наряды (белые шаровары и кофты после происшествия на паромной пристани на многих превратились в лохмотья), дали им немного питьевой воды, позволили воспользоваться санузлом, а потом под конвоем из тридцати пеших и четырёх «конных» сонитан отправили в «Комендаторий Сартус» под покровом ночи. Обученные полицейские так сильно боялись землян, что вздумай те прорываться на волю силой — пропали бы из поля зрения раньше, чем громадный кулак Этруса опустился на голову одному из них. Но земляне как раз не собирались устраивать марафоны: они хотели попасть в здание правительства — и попали, а каким путём было уже неважно. Костя предупредил друзей, что теперь всё будет зависеть от того, как они поведут себя перед членами правительства, и, как самый опытный игрок в подковёрных играх, взял на себя роль парламентёра.

Землян пустили в «Комендаторий» через боковую дверь и долго вели извилистыми переходами. Попав, наконец, в круглую залу для приёмов, пришельцы с удивлением обнаружили, что их половина зала полностью накрыта силовым полем. Члены правительства сидели с другой стороны прозрачного поля и с настороженностью взирали на непрошенных гостей. Этрус выступил вперёд (не слишком далеко, чтобы не испугнуть почтенных сонитан) и заговорил первым, беря инициативу в свои руки:

— Господа, мы приветствуем вас от лица планеты Земля. Я и мои спутники очень признательны, что вы решились принять нас после учинённого нами разгрома на улицах Белаир-Траура.... Однако мы имеем дерзость просить вас и дальше проявлять к нам подобное уважение, как к послам другой мирной цивилизации.

Когда председателю правительства перевели слова Этруса, тот вдруг расхохотался и, обращаясь к своим коллегам, получил в ответ их улыбки.

— Возможно, я сказал нечто такое, что позабавило вас, но прошу отнестись к нашей просьбе серьёзно! — нахмурился Этрус.

Председатель сделал знак остальным управленцам замолчать, и полепетал несколько слов переводчику:

— Теперь я вижу, что имели в виду наши агенты, когда говорили о развитом чувстве юмора землян, — бесстрастно передал переводчик.

Этрус недоумённо пожал плечами, и председатель разъяснил:

— Мы знаем, что вы беженцы с Туманики, и каким-то неизвестным образом попали на Сониту в обход наших защитных мер — так что можете не мечтать о привилегиях послов! Что же касается нашей аудиенции, то она продиктована сугубо личным интересом правительства к особям человеческого рода...

— Блефует, — тихо прошептал Костя друзьям, — но долго играть на этой струне нам не удастся... так что я перехожу к делу. Никто не против? Все за? Хорошо...

Сонитане с любопытством ждали, пока Этрус посоветуется с соплеменниками, и напряглись в радостном предвкушении, когда Костя снова взял слово:

— Да, мы слышали о трагедии и о вашей роли в этом чудовищном кровопролитии. Но данное недоразумение будет расследоваться на высших уровнях позже. А мы пока лишь уполномочены передать вам информацию от правительства Земли...

Уверенный тон произвёл впечатление, и сонитане притихли, ожидая продолжения, всё

ещё до конца не веря, но уже сомневаясь.

— Наше правительство давно знает о ваших играх, и о том, что вы изучаете землян под прикрытием государственной организации. В ответ мы провели собственное расследование на Соните и обнаружили сведения, которые могут в корне перевернуть ваши представления о происхождении сонитанской цивилизации. Мы предоставим вам на ознакомление подлинную видеозапись, которая, может быть, вызовет у вас интерес.... Копия хранится в надёжном месте, и если через семнадцать часов мы не деактивируем её — специальный механизм передаст информацию в открытую новостную сеть Сониты.

Костя протянул вперёд открытую ладонь, на которой блеснул маленький записывающий чип старинной конструкции, похищенный из Информатория, чтобы всем сонитанам было его хорошо видно. Члены правительства долго молчали, озадаченно глядя на полоску металлопластика. Наконец, один из агентов Озна протянул руку через силовое поле и осторожно принял чип из рук Этруса.

— Мы ознакомимся с данной информацией. Вы пока можете расположиться на диванах позади вас, — повелительно ответил председатель, уже более серьёзно глядя в суровые лица землян.

Положительно, истинные сонитане умели держать себя в руках, когда хотели этого. По крайней мере, как пристально Роман ни вглядывался в лица управленцев, пока те смотрели запись речи Микаэла Кастандера, он не заметил ни единого всплеска чувств — Кайлай вёл себя гораздо эмоциональнее, когда узнал, что является потомком землян.

Наконец, досмотрев запись, сонитане вновь повернули к пришельцам свои бесстрастные равнодушные лысые головы. Они даже не совещались, но, видимо, этого и не требовалось в данных обстоятельствах...

— Чего вы хотите? — резко спросил председатель на интерязыке.

Этрус снова выступил вперёд, чувствуя себя уже более уверенно.

— Для начала, немного уважения. Снимите это силовое поле, оно заставляет нас чувствовать себя пленниками, в то время как мы — послы мирной цивилизации, породившей вас...

Слова человека заставили председателя перекосяться от негодования:

— Мы ни на секунду не поверили в эту гнусную ложь, искусно подстроенную людьми! Конечно, некоторые реконструкции якобы документальных фильмов впечатляют, но Земля полна искусных мастеров, которые, имея нужную информацию, могут создать не менее грандиозные фильмы. А подлинность этой записи проверить невозможно из-за примитивного строения её носителя. Вы тщательно подготовились, поздравляю, — уже более спокойно закончил сонитанин. — Только не пытайтесь уверить нас, будто правительство Земли хоть о чём-нибудь догадывается. Наши агенты внедрены во все уровни управления, и мы узнали бы о таком смелом плане раньше, чем вы покинули бы пределы Солнечной системы. Этот ваш шантаж — сплошная импровизация, устроенная под давлением внешних факторов! Но долг и священная обязанность каждого члена правительства Сониты оберегать граждан от попадания ложной информации в общую сеть. Для этого мы и были выбраны на эти высокие должности, так что... можете диктовать ваши условия.

Этрус не ожидал, что управленцы сдадутся так быстро, но список требований был подготовлен заранее, так что Костя ответил не задумываясь:

— Мы хотим благополучно вернуться домой, на Землю, это наше единственное требование. Нам достоверно известно, что ваша цивилизация располагает аппаратурой, способной перенести нас на родную планету в мгновение ока, так что, для вас это не составит труда. Конечно, вам следует понимать, что мы не станем держать в секрете всё, что узнали за время нашего пребывания на Тетте Софии, но это цена нашего молчания здесь, на Соните.

На этот раз сонитане решили посоветоваться, и их отчаянные дебаты затянулись на целую ночь. Под едва слышный через силовое поле стрекот незнакомого языка земляне уснули один за другим, а когда проснулись, в окна приёмного зала уже проникали нежнейшие утренние лучи искусственного солнца. Сонитане всё ещё совещались, но теперь их стало вдвое больше, и обсуждение велось уже не так жаростно. Внезапно силовое поле упало, и почтенное собрание поднялось со своих мест. Рихард растолкал ещё дремлющих соплеменников, и они тоже встали с уютных диванов, сонно потирая глаза.

— Мы приняли решение. Установка Спинс-Перехода уже разогревается, так что вы можете быть довольны своим шантажом, — равнодушно бросил председатель правительства, проходя мимо землян в открытые двери. — Агенты Озна проводят вас к месту перехода, но прежде вы должны сказать, где находится механизм автоматической загрузки данных в систему.

— Так не пойдёт, — возразил Этрус, как ни в чём не бывало шагая рядом с председателем, — мы скажем, только когда будем стоять одной ногой на Земле, и не раньше! Иначе что вам помешает отказаться от своих слов и пустить нам пулю в спину?

— Хорошо, — без особых претензий согласился сонитанин. — Но в таком случае вам следует поспешить, в начале встречи вы сказали, что до загрузки семнадцать часов? Значит, у нас осталось три, прежде чем всё произойдёт. А нужно будет ещё разыскать указанное вами место, так что...

— Да-да, мы тут все тоже не против поскорее оказаться на Земле, можете не волноваться, — закончил за него Этрус. — Меня только один вопрос тревожит: не попадём ли мы на доисторическую Землю?

Председатель не понял вопроса, и Костя пояснил:

— До Земли очень далеко... Мы не провалимся на тысячи лет назад?

— Только не пытайтесь убедить меня, будто сами верите в эту чушь! — расвирепел сонитанин, что получилось у него весьма забавно. — Не спорю, некоторая рассинхронность времени до сих пор существует при Спинс-Переходе, но ещё тысячи лет назад на заре космической эры Сониты этот дефект был скомпенсирован! И никогда за всю историю сонитанской цивилизации он не достигал масштабов, описанных на вашей фальшивой видеоплёнке!

— Всё понятно, — улыбнулся Этрус, — значит, мы летим на свою Землю. И давайте договоримся — без фокусов! Если что-то пойдёт не так, и не надейтесь выпытать из нас информацию!

Председатель предпочёл не отвечать на столь унижительную провокацию, и продолжил свой путь молча.

Выйдя из здания, члены правительства покинули процессию, и свора агентов посадила землян сразу в несколько летательных аппаратов. Пришельцы ни на секунду не расслаблялись, ожидая подвоха или западни; но к удивлению людей их таки доставили к

настоящим Спинс-Воротам, которые расположились в крытом ангаре научной лаборатории Озна на окраине Белаир-Траура.

Лаборатория была пуста — похоже, работников распустили заранее, чтобы сохранить происшествие в тайне. Но агенты и сами неплохо справлялись с механизмами Спинс-Ворот, так что земляне вскоре воочию стали свидетелями достижений современных технологий в действии: пустота внутри круглых ворот заполнилась молочно-белёсым туманом, и вдруг начала постепенно светлеть, превращаясь в настоящее окно в другой мир! За воротами тоже было утро: солнечные лучи медленно скользили по высокой зелёной траве и пушистым кронам угловатых деревьев, наполнявшихся трепетом под лёгкими порывами ветра.

— Теперь говорите, где находится механизм, — угрожающе приказал один из агентов, преграждая землянам дорогу.

— Я же сказал, только когда мы будем одной ногой на Земле, — прорычал в ответ Этрус, низко наклонившись к агенту, и тот нехотя ступевался.

— А теперь всем сделать несколько шагов назад! — громко крикнул Костя, когда земляне выстроились перед невидимой преградой в свой мир. — Сколько у нас ещё времени?

— Два часа, — откликнулся бледный агент, впечатлённый звериной мощью космонавта, которую тот поразительно умело прятал за любезной улыбкой.

— Отлично. Механизм под панелью пункта голосования в северной части Центрального парка Белаир-Траура!

Как только эти слова прозвучали в воздухе Сониты, земляне бросились на другую сторону Ворот и вдруг оказались прямо посреди зелёного поля родной планеты. Тут же, не давая им прийти в себя от изумления, повсюду раздались выстрелы, оглушительные крики, которые почти сразу же сменились звуками борьбы и стонами раненых. Ничего не понимая, Этрус бросился в сторону, уводя своих подальше от перестрелки. Обернувшись назад, он успел заметить, как к месту прокола пространства, сияющему мыльной плёнкой, подбежал молодой паренёк и, не раздумывая, скакнул прямо на сторону Сониты. В то же мгновение Ворота погасли, и воцарилась тишина.

Глава 12.

Земля.

«Все целы? Все целы?»- Этрус, казалось, заикнулся на этой фразе, и теперь она срывалась с его языка помимо воли. Ошеломлённые земляне молча кивали ему в ответ, и лишь теснее прижимались к земле, затаившись среди сочных ростков молодой пшеницы. Парализующий страх заставлял их дрожать от возбуждения, но любое неосторожное движение сулило верную смерть, поэтому люди обратились в камень. Ветер беспечно перекачивал зелёные волны травы над их головами; всюду сверчала, стрекотала, чирикала буйная жизнь, заглушая осторожные шаги приближающегося к беглецам человека...

Внезапно Этрус вскочил на ноги, резко гаркнул: «Бегите!»- и рычащим медведем пошёл на растерявшегося врага. Агент побледнел, бросил пистолет на землю и комично упал на спину с поднятыми вверх руками:

— Друзья! Друзья!

Костю это заявление несколько не убедило, и он в мгновение ока скрутил «опасный элемент» по рукам и ногам. Через мгновение к Этрусу присоединились его друзья — поняв, что по ним не стреляют, они бросились обратно на помощь командиру. Рихард покрепче заткнул рот поверженного агента тряпкой и настороженно огляделся по сторонам:

— Нужно уходить с открытого пространства, ребята. Здесь мы как мошки на стекле.

Этрус промолчал, находясь в какой-то прострации, поэтому Виталий взял на себя функции командира и спешно поднял остальных землян:

— Давайте, давайте! Нужно бегом добраться до ближайшей рощи!

Роман Евгеньевич подхватил под руку Этруса, Слоан и Пётр взвалили на себя пленника, и вся процессия быстрой рысью помчалась к деревьям, разграничивающим фермерские поля. Они были уже почти у цели, когда из рощи показался отряд землян с автоматами наперевес. Убийцы шагали им навстречу цепью, неспешно, как на прогулке; они не угрожали, но беглецы тут же замерли на месте — все понимали, что убежать от пуль будет невозможно...

Наконец, живая цепь остановилась в десяти шагах от беглецов, и седой землянин, покрытый сеткой глубоких морщин, поднял высоко вверх руку и прокричал:

— Мы вам не враги! Выслушайте нас!

— Что же вы стесняетесь, — язвительно ответил Этрус, всё ещё опираясь на плечо Романа, — у кого оружие, того и слушают!

Парламентёр усмехнулся и опустил руку:

— Сейчас вам всё станет ясно. Всё было подстроено: и ваше попадание на Сониту, и открытые ворота в Белый Город, и даже то, что вы обнаружили секретное хранилище информации в нём!

Заявление человека заставило беглецов вздрогнуть и насторожиться.

— Да-да, я знаю всё про ваше путешествие, — снисходительно ответил на их немой вопрос загадочный землянин, — и что вы солгали правительству Сониты о времени её

запуска в новостную систему; она ведь попала туда, как только вы пересекли границу Спинс-Ворот, не так ли? Этого следовало ожидать, и вы не обманули моих надежд! Ещё раз повторяю, подстроено было абсолютно всё. Трагедия на пароме тоже, чтобы отвлечь вас от намерения силой прорваться в «Комендаторий Сартус» — это могло привести к непредвиденным жертвам...

— А то, что добрая сотня сонитан чуть не утонула вместе с этим паромом, вы не подумали?! — взорвалась Ксения, всегда чутко воспринимавшая чужую смерть.

— Все сонитане отличные пловцы, они с детства живут бок о бок с рекой, — невозмутимо ответил человек, — к тому же, затопления парома можно было избежать, если бы Кайлай раньше рассказал вам о ловушке. Всё же он больший сонитанин, чем думает о себе. Конечно, я не давал ему прямых указаний, но пережив с вами столько опасностей, он просто не мог поступить иначе! И я в нём не ошибся. Однако ничтожное количество времени на раздумья всё же подтолкнуло вас вернуться к прежнему плану и силой ворваться в здание, так что... мы приняли меры.

— Кто это мы?! Что происходит? — недовольно поинтересовался Этрус, понимая, что убивать их, вроде, пока не собираются.

— Мы — Левигаты. Прошу прощения за весь фарс, который вы слышали при первой встрече с нами, но это было необходимо, чтобы вы начали действовать самостоятельно именно так, как было нужно нам. Ведь человека не заставишь поступать по чужой указке, если он не доверяет тебе полностью.... Мы деликатно подвели вас к мысли встретиться с правительством Сониты в мирных переговорах и шантажом заставить их отправить вас домой. Это было и в ваших интересах, и в наших, поскольку Левигаты на данный момент не обладают Спинс-Воротами, а с этой стороны на Сониту должен был проникнуть наш агент. Кроме всего прочего, вы безупречно справились с задачей проникновения в недра Белого Города, и вынесли оттуда просто бесценный клад! Поверьте, на это оказались способны немногие: например наши друзья сонитане дрожали от единого упоминания о том, чтобы наведаться в «святилище». В общем, вы прекрасно справились с возложенной задачей, проявили массу героизма, мужества и отваги, за что и получили требуемый подарок — свободное возвращение на Землю. К слову сказать, здесь вас поджидала целая стая вооружённых озновских стрелков, но мы осадили их раньше, чем они успели сделать хотя бы один выстрел в вашу сторону. Так что, Левигаты сдержали своё слово.

Одураченные земляне стояли, онемев от изумления; просто не верилось, что кто-то мог с такой точностью просчитать их поведение и использовать в своих целях. Впрочем, поразмыслив, каждый из них пришёл к выводу, что, в конце концов, они действительно получили именно то, что хотели — вернулись домой живыми.

— Значит, — первым подал голос Этрус, — мы сейчас можем идти куда угодно, и вы не мешаете нам?

Он многозначительно взглянул на автоматы, и потом снова на седовласого господина.

— Конечно, ради этого мы и пришли сюда. Оружие послужило только для вашей защиты. Но..., если желаете, мы можем подбросить вас до ближайшего города. Боюсь, узнав о гибели своих товарищей и срыве операции, сюда скоро могут подоспеть ещё агенты Озна.

Земляне переглянулись, всё ещё дрожа от бешеного количества адреналина в крови, который заставлял их быть подозрительными, но неохотно согласились на помощь — выбора не было.

На этот раз Левигаты не солгали: в рощице действительно стояло несколько замаскированных каров, которые общими усилиями были быстро освобождены от груды листвы и веток и запущены высоко в синее небо. Там сверкающие машины тут же затерялись в оживлённом воздушном движении и вскоре взяли курс на один из небольших городков, раскинувшихся среди разноцветных заплаток полей.

Покружив над окраинами, кары вдруг, словно хищные птицы, повернули в сторону невысокого коттеджа, уютно пристроившегося на опушке елового леса, и спикировали вниз, аккуратно приземлившись прямо на зелёную лужайку перед домом.

— Выходите, не стесняйтесь! — радушно предложил землянам седовласый человек. — На сегодня это ваше убежище, здесь вполне безопасно. Если вас смущают автоматы, то мы их сейчас же уберём в оружейную комнату. Поверьте, Левигаты презирают оружие ничуть не меньше вашего...

— Да мы уже поняли, что вы предпочитаете убивать чужими руками, — вдруг резко произнёс Роман, потягиваясь после долгого полёта.

— Это заблуждение, которое мы внушили вам сами же, — холодно парировал землянин, провожая гостей в деревянный коттедж. — Для спасённых от неминуемой гибели, вы не слишком-то благодарны!

— А за что я должен благодарить вас, Кирилл? За то, что вы позволили использовать моё тело, чтобы разрушить целую станцию?!

Оптик (а это был именно он) удивлённо посмотрел на Прахова и рассмеялся:

— Положительно, мои сыновья удивляют меня всё больше и больше!

— Сыновья? — переспросил Этрус, уже хозяйничая в холодильнике и доставая оттуда всю запасённую снедь. — О чём это он толкует, Роман Евгеньевич? И откуда ты знаешь этого господина?

Костя, вопрошающий серьёзные вещи с замаринованной селёдкой в одной руке и с пучком зелёного лука — в другой, не мог вызвать ничего кроме улыбки, однако напряжение, сквозившее в голосе капитана, заставило Оптика отодвинуться поближе к двери.

— Я слышал, как некий Кирилл Оптик назвал меня своим сыном в разговоре с Кайлаем: просто я не стал вдаваться в подробности там, на Соните, нам было не до этого. Ну а про то, что это, — он махнул в сторону седого старика, — и есть Оптик, я просто догадался...

Остальные земляне слушали разъяснения Романа в пол уха, потому что оказались слишком заняты поглощением давно забытых земных деликатесов. В конце концов, пока им не грозила прямая опасность, можно было и подкрепиться! Прахов оказался того же мнения, и взялся за селёдку, которую Этрус всё ещё не выпускал из рук.

— Слышал? — изумился Оптик, разводя руки в стороны. — Так вы подслушали тот разговор с Кайлаем?... Ох, как это по-земному, я должен был догадаться! И вы всё равно бросились на штурм — верх глупости! Хорошо, что всё обошлось, господа, но я немного разочаровался в вас.

— Да плевать! — сердито оборвал его гладенькие размышления Костя. — Ты — отец нашего Романа Евгеньевича?!

— Именно так, — согласился Оптик. — И я рад видеть, что в связи с этим известием Роман проявляет больше самообладания, чем Кайлай. Позже, я поговорю с тобой, Рома, и всё объясню.

— Не интересно, — с набитым ртом ответил Прахов. — Позаботься, чтобы в ближайшие пару дней, нас всех не прибили агенты Озна, и можешь считать, что мы не

знакомы.

Оптик предпочёл промолчать и вскоре скрылся за дверью, оставив сплочённую команду ужинать в одиночестве.

Как только шаги Левигата затихли в дальнем конце коридора, все тут же прекратили жевать и уставились на капитана.

— Что такое? — поперхнулся Костя, озадаченный внезапным вниманием.

— Что будем делать дальше, Константин Геннадьевич? — тихо поинтересовался Виталий Снегирёв. — Не сегодня, так завтра эти сонитанские ублюдки разыщут нас, и тогда концы в воду! Если верить этим яйцеголовым, агенты Озна засели в каждом государственном органе нашей планеты!

— Можно попробовать сбежать в колонии, — робко подала голос Ксения, но Рихард тут же сжал её руку и отрицательно покачал головой:

— Хватит уже, набегались, пора и честь знать...

— Рихард прав, — согласился Роман Евгеньевич. — Есть идеи, Костя?

Этрус задумчиво пожевал кусочек хлеба, и вдруг просветлел.

— Есть одна! Только нужно раздобыть телефон...

Невозможно описать словами, как сильно Картранский обрадовался, увидев своего названного сына и старинных друзей живыми здоровыми. После известия о гибели — Геленджика, Олег Павлович смирился с мыслью, что беспокойные души косманавтов наконец обрели покой и присоединились к своим погибшим на астероиде товарищам. Но услышав в телефонной трубке знакомый голос Этруса, Окунь едва не потерял сознание, приняв его за призрак. Ещё бы! Мало того, что в новостях говорили о катастрофических жертвах, так ещё не прождав положенных двенадцати лет на обратный путь, Этрус вдруг говорит с ним по общепланетной связи!

Второй мыслью Олега Павловича был шантаж: какие-то тупоголовые преступники, не разбирающиеся в космических перелётах, решили выжать из зажиточного «Распределяющего» денег, узнав об его горе. Такая догадка немного успокоила Картранского, и он спокойно воспринял тот факт, что «якобы Этрус» просит его прилететь в малоизвестный городок «Синьки» на территории прежней Белоруссии. Чтобы точно убедиться в справедливости своих суждений и разоблачить мошенников, Картранский тайно прибыл в Синьки и несколько дней следил за указанным адресом. А там... там он заметил в окне Этруса, который вглядывался в небо, словно поджидая его, Окуня.... Ошибиться было невозможно, и Картранский, отойдя от первого шока, сломя голову бросился в коттедж, раскидал каких-то непонятных охранников, словно выросших из-под земли, и ворвался внутрь дома.

К рассказу своих бывших подопечных Окунь отнёсся со всей серьёзностью, несмотря на кажущуюся бредовость заявлений. Приняв у Кости одну из многочисленных записей речи Микаэла Кастандера, сделанных в Информатории, Олег Павлович отправился обратно в столицу и занялся осторожным прощупыванием своих влиятельных знакомых и друзей из числа управленцев.... А уже через месяц ему удалось сколотить целую тайную партию облечённых властью землян, которые занялись зачисткой государственных кадров от сотрудников Озна (многие из землян-управленцев совершенно не терпели организованных

конкурентов, и с радостью приняли участие в этой подпольной деятельности). Дела сонитан на Земле определённо клонились закату; им уже было не до поимки горстки сбежавших людишек, которые разнесли заразную информацию по обеим планетам — они пытались сохранить само своё существование в тайне. Однако это было уже невозможно: масштабы охоты приняли воистину угрожающие размеры. Спустя короткое время агенты бежали с планеты, поскольку само правительство Земли оказалось втянуто в травлю. Царствование Озна было закончено.

Глава 13.

Сонита. Белаир-Траур.

Агенты, которые должны были разыгрывать из себя глуповатых трусливых дурачков, провожая землян через Спинс-Ворота, — с жадным интересом уставились в «окно», надеясь увидеть на обратной стороне, как выстрелы земных коллег покончат с «диверсантами». Они отчётливо слышали выстрелы, и даже шарахнулись в стороны, чтобы их не задело, но ни тел землян, ни следов крови на зелёных ростках пшеницы так и не разглядели. Решив, что дальнейшее развитие событий — дело земных агентов, сонитане начали процесс схлопывания ворот. Однако прежде, чем молочная плёнка свернула прокол, во всё ещё открытую нишу неожиданно впрыгнул человек.

Никто этого не ожидал, агенты растерялись, потянулись за оружием, но юноша понял их движение раньше и, распластавшись на животе вдруг закричал на чистейшем сонитанском языке:

— Меня зовут Вольтес Мер! Я Гражданин Сониты!

Нет нужды говорить, что юношу подвергли всевозможным тестам и проверкам, но после того, как он блестяще прошёл все их, и эксперты признали в долговязом парне пропавшего двенадцать лет назад школьника, — началось настоящее светопреставление! Мальчика назвали национальным героем, его фото начали крутить во всех новостях и телепередачах Сониты, журналисты признавали за честь взять у юноши интервью и рассказать сонитанам, каким образом школьнику удалось выжить на чужой враждебной планете! Казалось, весь сонитанский мир начал вдруг плясать вокруг юноши, но ровно до того момента, как он открыл рот....

Парнишка говорил ужасные вещи: рассказывал о беззакониях, творимых агентами Озна на Земле, и положительно отзывался о Левигатах, которые приняли горячее участие в его судьбе. После террористического акта, во время которого в информационное пространство Сониты была заброшена шокирующая видеозапись якобы потомка сонитан, — слова мальчонки звучали не так уж нелепо, как хотелось бы многим... Поэтому Вольтес Мер внезапно исчез из поля зрения сонитан, задвинутый на задний план известием о надвигающейся энергетической катастрофе....

С младшим Мером хотели поступить так же, как с его отцом двенадцать лет назад, и отправить в стан «отверженных». Однако озновцы не успели совершить своё злодеяние: начались проблемы с агентами на Земле, и многое, что не должно было просочиться, стало вдруг известным в широких массах.

В одно мгновение институт Озна оказался разрушен. Всех отверженных признали незаконно осуждёнными, и Вольтес Мер снова оказался в поле зрения граждан. Однако на этот раз юноша заговорил о более важных вещах, чем разоблачение преступников; его благоразумные идеи в отношении дальнейших связей с Землёй и решения энергетического кризиса вдруг вознесли Вольтеса на заоблачные высоты, а именно — сделали членом правительства Сониты. Спустя несколько лет он уже был председателем и непосредственно прикладывал все усилия к тому, чтобы послать первых официальных послов на Землю.

Сбылись страшные сны Микаэла Кастандера, и дети Сониты вновь встретились со своими предками...

Вольтес принимал гостей на прекрасной открытой веранде своего дома, расположенного на берегу полноводной Гаюны. В это время года над Белаир-Трауром уже был снят защитный купол, и весенние лучи Пси-241 жарко согревали землян, расположившихся вокруг накрытого к полднику стола. Роман Евгеньевич протянул руку к увитому цветами столбу и двумя пальцами сорвал белый граммофончик.

— Прелестные цветы... Как вы их называете?

— Это гардении.

— Вот как? Я слышал, на Земле они тоже растут.

— Это лишний раз подтверждает, что все мы выходцы с одной планеты, — усмехнулся Вольтес, нервно поглаживая белый шёлк своей просторной туники, — всё никак не привыкну к нашей моде, джинсы мне пришлось по душе!

— В следующий раз привезём тебе парочку, — сверкнула зубами Ксения, обнимая Рихарда за плечи, — правда дорогой?

— Конечно, — легко согласился тот, — правда, придётся потом лет десять отсидеть в тюрьме за контрабанду, но это ведь ничего, дорогая!

Все четверо весело рассмеялись, и пассажиры-сонитане проплывающего мимо парома вдруг как один удивлённо обернулись на шум.

— Думаю, нам следует вести себя потише, здесь не принято так открыто проявлять свои чувства на улицах...,- смущённо улыбнулся Вольтес, и его гости понимающе закивали. — Итак, вы привезли мне новости о моих друзьях с Земли? — возобновил беседу юноша. — Недавно появлялся Оптик в теле Кастора, но у него было слишком мало времени, чтобы рассыпаться по пустякам...

— Какой занятой, — тут же пробурчал Роман, жестоко сминая белый граммофончик в ладони.

— Он делает очень многое для Земли, — попытался оправдать наставника Вольтес, но его слова не убедили Прахова:

— Он делает это только для себя, чтобы потешить своё тщеславие! А ещё говорил, будто ему власть не нужна — да он без неё высохнет, как фига!

— Ну-ну, спокойнее, Роман, — Ксения осторожно погладила товарища по руке, и Прахов неохотно разжал кулаки. — Ты же говорил, что хочешь навестить мать? Ауве не понравится, если ты снова будешь критиковать отца...

Прахов покорно вздохнул и улыбнулся.

— Твоя правда, Ксю. Да что это всё обо мне?! Вольтес — тебе приветы от Баеса, Ойтеп и Лит! Они говорят, что как только уладят все формальности с таможней, тотчас придут на Родину повидаться с тобой!

— У них всё хорошо? — Вольтес улыбнулся, и в его глазах появилось чувство облегчения. — Я надеялся увидеть их сегодня вместе с вами... Надеюсь, все формальности мира не задержат моих друзей ещё на один сезон! Иначе я сам отправлюсь с визитом на Землю.

— Удивляюсь, как ты ещё этого не сделал? — в тон ему воскликнул Рихард. — твой советник Кастор то и дело мотается на Землю вместе с братцем на пару, и у меня уже такое

чувство, словно Кайлай поселился в моём загородном доме! Они с Ольгой Николаевной собираются пожениться следующей весной, так что продлевай свою визу, так и так придётся ехать на Землю!

— Они сказали, что будут праздновать на Земле?

— Нет ещё, но...

— Тогда можете не раскатывать губы, друзья мои! — хохотнул Волтес. — Оглянитесь вокруг и признайте, лучшего места для бракосочетания двух Витал просто не найти! А кстати, свидетелем, у них, конечно же, будет Керниган?

— А кто же ещё? — вздохнул Рихард. — Этих двоих водой не разольёшь.

— Я думал, Кайлай возьмёт шафером кого-нибудь из своих братьев. Ты как, Роман, разве не хочешь быть шафером на свадьбе?

Прахов поднялся с диванчика и отвернулся от друзей, глядя на синюю гладь речной воды и проплывающие мимо паромы.

— У этого убийцы?.. Хорошо они с братцем устроились — сначала изничтожали землян направо и налево, а теперь мосты между цивилизациями наводят...,- он помолчал немного, успокаиваясь, и как ни в чём не бывало продолжил, — Я планирую некоторое время провести на Соните, может быть, поброжу по древним памятникам, отдохну на природе..., устал уже от всего, надо сделать передышку.

Волтес вопросительно взглянул на Рихарда, и тот наклонился к сонитанину, так чтобы Роман ничего не услышал:

— Роман целый год разыскивал на Земле родственников этого Микаэла Кастандера, и представляешь, нашёл! Это ведь запрещено сонито-земным договором, на Земле сейчас с этим строго..., но он утверждает, что не сказал ничего такого, что бы могло привести к катастрофе. Просто высказал маленькую просьбу. Теперь ждёт ответа на Соните.

— Ответа? Какого ответа? — не понял Волтес, ещё ниже наклонившись к Рихарду.

— Хочет Катю найти, живую...

Переговорщики вдруг замерли и подняли глаза под еле сдерживаемые смешки Ксении: Роман Евгеньевич стоял прямо перед ними с широкой укоризненной улыбкой на лице. Рихард хотел было сделать невинный вид, но Прахов покачал головой:

— Я всё слышал!

— Рихард не умеет держать язык за зубами! — смущенно улыбнулась Ксения, — Ты ведь знал об этом, Рома?

— Конечно знал, — добродушно согласился тот, уперев руки в бока, — поэтому и рассказал ему всё! Волтес, будь другом, выпиши мне пропуск на беспрепятственные перемещения по территории Белого Города... Я собираюсь найти мою Катю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Всем добра! Если вы дочитали до этого места, хочу поблагодарить вас за знакомство с моей книгой. У меня не самый простой стиль письма, так что я рада, что вы справились с этим, и, надеюсь, получили удовольствие! Прошу вас написать в комментариях возникшие по работе замечания, буду рада конструктивной критике или доброму слову!